ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2018 № 9

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2018. No. 9

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2018. № 9

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – № 9. – 438 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Елена Валерьевна Глухова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2018. – No. 9. – 438 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors
Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Elena Glukhova, Mikhail Stroganov (Editors)

Editorial Board
Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, Kosygin Russian State University of Design and Technology (Moscow / Tver', Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council
Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

О.Ю. Воронина. «Но на что эту живую воду употребить?» (зачеркнуто): От черновой редакции окончания «Камеры обскура» к «Лолите» 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

О.О. Служаева. Два взгляда на жизнь Александра Добролюбова: избранное из переписки сектантоведов Е.В. Молоствовой и А.С. Пругавина 57

ИНСТИТУЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА В РУССКОМ МОДЕРНИЗМЕ

От составителя 66

Э.С. Вайсбанд. Путем зерна: Эпизод «реабилитации» В. Ходасевича в Советском Союзе (Л. Чертков и Краткая литературная энциклопедия) 67

Е.А. Глуховская. «Милые вмешательства в распорядок “Мусагета”» Мариэтты Шагинян 79

Л. Ливак. Неудача как идеальная модель творческого успеха в культуре позднего русского модернизма 97

Г.В. Обатнин. Из литературной жизни непрофильных учебных заведений (на примере Психоневрологического института) 124

А.Л. Соболев. Вадим Баян и рекламные технологии 170

Е.А. Тахо-Годи. Леонид Семенов: к истории несостоявшейся литературной репутации 197

Л.П. Семенов. I. Стихотворения 1912–1919 годов. II. Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 годов. *Подготовка текста и публикация Е.А. Тахо-Годи* 228

Р.Д. Тименчик. Успехи Анны Ахматовой 244

Т. Хуттунен. «Господин Гросвальд творит чудеса»: К истории ранних успехов русской литературы в Финляндии 264

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) 282

А.А. Холиков. «Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо 294

И.А. Пильщиков, А.Б. Устинов. Дебют Виктора Шкловского в Московском лингвистическом кружке: От «истории романа» к «развертыванию сюжета» 314

А.А. Бабиков. Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге 335

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

М.А. Фролов. «Накоплен огромный опыт, но не обобщен…»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана 384

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

О.К. Переверзев, С.И. Субботин. Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Е.Е. Яшнов) 437

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

Olga Voronina. “But how can this living water be used?” (crossed out): From the castoff ending of “Camera Obscura” to “Lolita” 8

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Olga Sluzhaeva. Two outlooks on Alexander Dobrolubov’s life: Selections from the correspondence between experts on religious sects Elizaveta Molostvova and Alexander Prugavin 57

INSTITUTIONS OF LITERARY SUCCESS IN RUSSIAN MODERNISM

An editor’s note 66

*Edward Waysban*d. The Grain’s Way: An episode of Vladislav Khodasevich’s “rehabilitation” in the Soviet Union (Leonid Chertkov and the Concise Literary Encyclopedia) 67

Elena Glukhovskaya. Marietta Shaginyan’s “sweet interventions in the ‘Musaget’ schedule 79

Leonid Livak. Failure as the ideal model of artistic success in late Russian Modernist culture 97

Gennadii Obatnin. From the literary life of educational institutions (on the example of the Psycho-Neurological Institute in St. Peterburg, 1908–1917) 124

Alexander Sobolev. Vadim Bayan and advertising technologies 170

Elena Takho-Godi. Leonid Semenov: on the history of a failed literary reputation 197

Leonid Semenov. I. Poems of 1912–1919. II. Poems and humoresque from the family journal “Mayak” of 1947–1948. Editing and notes by Elena Takho-Godi 228

Roman Timenchik. Successes of Anna Akhmatova 244

Tomi Huttunen. “Mr. Grosswald Does Miracles”: On the history of the early success of Russian literature in Finland 264

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Nikolay Vasilyev, Dmitriy Zhatkin. New archival data on the authorship of the anonymous poem “To the Present War” (1854) 282

Alexey Kholikov. “The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo 294

Igor Pilshchikov, Andrei Ustinov. Viktor Shklovsky’s début in the Moscow Linguistic Circle: From “history of the novel” to “unraveling of the literary plot” 314

Andrei Babikov. Capital Restoration. The Russian version of “Lolita”: From the manuscript to the book 335

TEXTUAL CRITICISM ISSUES

Maxim Frolov. “The great experience is accumulated, but not generalized…”: Unpublished reports and notes by J.G. Oksman 384

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Oleg Pereverzev, Sergei Subbotin. From the dictionary “Russian Writers. 1800–1917” (Ye.Ye. Yashnov) 437

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-8-56
УДК 821.161.1

«Но на что эту живую воду употребить?» (зачеркнуто): От черновой редакции окончания «Камеры обскура» к «Лолите»*

© 2018, О.Ю. Воронина

Аннотация: В статье анализируется отвергнутое В.В. Набоковым окончание романа «Камера обскура», приводится текст этого окончания, датированный 21 марта 1931 г., а также исследуются параллели между отвергнутой концовкой и сценой убийства Клэра Куильти в «Лолите».

Ключевые слова: Владимир Набоков, архивные материалы, варианты текста, замысел «Камеры обскура», подтекст «Лолиты».

Информация об авторе: Ольга Юрьевна Воронина, к.ф.н., Ph.D., доцент, заведующая кафедрой Российских и Евразийских исследований, Бард-колледж, Аннандэйл-на-Гудзоне, Нью-Йорк, США.

E-mail: ovoronin@bard.edu

Цитирование: *Воронина О.Ю.* «Но на что эту живую воду употребить?» (зачеркнуто): От черновой редакции окончания «Камеры обскура» к «Лолите» // Литературный факт. 2018. № 9. С. 8–56.

* Благодарю Г.А. Барабтарло, А.А. Бабикова и Б. Бойда за помощь в подготовке этого эссе, а также за совместные усилия по раскрытию некоторых тайн рукописи.

1.

Весной 1931 г. Владимир Набоков торопился закончить «Камеру обскура», свой шестой по счету роман, написанный, согласно биографу писателя Брайану Бойду, в необычно короткие сроки[1]. Основа «Камеры» была заложена еще в январе: в прото-романе «Райская птица», отрывок из которого был недавно опубликован А. Бабиковым, слепой человек страдает от коварства обманывающей его женщины[2]. С течением времени этот сюжет разросся и приобрел авантюрные черты: к одному романтическому треугольнику добавился второй, у героя умер ребенок, а сам он попал в автокатастрофу и понес тяжелые увечья. И хотя в феврале Набоков сообщал матери о почти полной готовности текста к публикации, ему понадобилось около трех месяцев для приведения в порядок арматуры романа[3]. Только в мае автор смог прояснить, чем закончится жизнь искусствоведа Бруно Кречмара, бросившего жену ради шестнадцатилетней Магды Петерс. В окончательной версии «Камеры» Кречмар теряет зрение после аварии, оказываясь в полной зависимости от Магды и ее демонического любовника, карикатуриста Роберта Горна, а потом, при попытке отомстить предательнице, погибает от ее же руки.

Заключительные строки «Камеры» наводят читателя на мысль о пейзаже — полупустынном ландшафте, недавно покинутом всеми его обитателями. Кречмар мертв, а Магдин багаж помечен ярлыком средиземноморской гостиницы, на пляже которой они совсем недавно резвились вдвоем:

> Он сидел на полу, опустив голову, и потом вяло наклонился вперед и криво упал на бок.
>
> Тишина. Дверь широко открыта в прихожую. Стол отодвинут, стул валяется рядом с мертвым телом человека в бледно-лиловом костюме. Браунинга не видно, он под ним. На столике, где некогда, во дни Аннелизы, белела фарфоровая балерина (перешедшая затем в другую комнату), лежит вывернутая дамская перчатка. Около полосатого дивана стоит щегольской сундучок с цветной наклейкой:

[1] *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. Биография. СПб., 2010. С. 422.

[2] *Бабиков А.* Неподошедшие конечности и недоделанные торсы. Рукопись «Райской птицы» и ранняя редакция “Solus Rex” в замысле «Лолиты» // Литературный факт. 2017. № 6. С. 8–29.

[3] *Бойд Б.* Указ. соч. С. 423.

> Сольфи, Отель Адриатик. Дверь из прихожей на лестницу тоже осталась открытой.[4]

Начиная с публикации в «Современных записках», конец «Камеры», каким мы его знали до сих пор, был концом жизни Кречмара[5]. С незначительными вариациями он таков в русскоязычном книжном издании 1933 г.[6], в переводе на английский Уинифред Рой 1936 г.[7], а также в авторском переводе 1938 г., известном как “Laughter in the Dark” («Смех в темноте»)[8]. Вспоминая финальную сцену, читатель вновь и вновь слышит выстрел, видит распростертое тело, забытый багаж, гулкую пустоту. И хотя название романа при его «переаглицевании» изменилось, не совсем ясно, кому принадлежит смех в конце — возможно, издевающемуся над ослепшим героем нагому, обезьяноподобному Горну. Если кто-то и смеется последним во мраке заключительной сцены, то это не Кречмар.

Нарратолог Питер Брукс утверждает, что любая книга стремится к своему окончанию, как к смерти[9], но Набоков не всегда следует этой установке. Его склонность к открытым концовкам хорошо известна. В «Подвиге», хотя Мартын переходит и советскую границу, и границу небытия, Дарвин ощущает его незримое присутствие в швейцарском лесу. Герои «Дара» стоят в замешательстве у порога запертой квартиры, где вот-вот должна была бы начаться их жизнь вдвоем, но Набоков заключает роман онегинской строфой, «продленный призрак бытия синеет за чертой страницы»[10], и читатель понимает, что Федору Годунову-Чердынцеву и Зине Мерц предстоит что-то значительное, радостное, не такое, как у других. Однако «Камера обскура» в ее опубликованном варианте заканчивается иначе: Магда сбегает, Кречмар оседает на пол в тихой агонии, возмездие не свершится никогда. Жизнь героя обрывается в тот момент, когда автор ставит в романе точку.

---

[4] Камера обскура // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. Т. 3. СПб., 2000. С. 393.

[5] Камера обскура // Современные записки. 1932–1933. Кн. XLIX–LII. Одна из глав романа вышла в газете «Последние новости».

[6] *Набоков В.* Камера обскура. Берлин; Париж: Парабола; Современные записки, 1933.

[7] *Nabokov V.* Camera Obscura / Transl. Winifred Roy. London: John Long Ltd., 1936.

[8] *Nabokov V.* Laughter in the Dark. Indianapolis: Bobbs-Merril, 1938. В 1960 г. было опубликовано новое англоязычное издание в авторской переработке: Laughter in the Dark. New York: New Directions, 1960.

[9] *Brooks P.* Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984; Body Work: Objects of Desire in Modern Narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.

[10] Дар // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб., 2000. С. 541

Но обрывается ли? Допустить, что в «Камере обскура» все-таки сохранена свойственная Набокову разомкнутость повествования, а смерть является если не наградой Кречмару, то, по крайней мере, обещанием перехода в лучший мир как расплаты за страдания, позволяет отвергнутая автором редакция окончания романа: она хранится в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США и впервые публикуется в настоящем издании[11]. В ней Набоков пытается развернуть сюжет в сторону иной — абсолютной, неоспоримой и мрачной — развязки, позволяя главному герою убить женщину, растоптавшую его достоинство. Как и в известной нам окончательной версии романа, Кречмар надеется, что со смертью Магды к нему вернется утраченное зрение. Однако чуда не происходит. Убедившись, что Магда мертва, он осознает, что по-прежнему мучительно слеп и неизлечимо, дико несчастен. «Всё было как прежде, темно, бархатно темно, и чьи-то руки, множество рук, хватали его со всех сторон», — таковы последние слова набоковского черновика.

Именно эта концовка должна была стать стереотипным для авантюрного романа замыканием смерти героя на ожидаемый в эпилоге мотив мести. Должна была, но не стала, и потому разбор ее непригодности для Набокова столь заманчив. Почему Набоков в итоге предпочел смерть Кречмара от выстрела Магды заключительному эпизоду, в котором зло, воплощенное в образе полудевочки-полувасилиска, оказывается жестоко наказанным? Что он убрал — и что добавил — в окончании «Камеры» на русском языке, а также в англоязычной версии романа? И была ли отвергнутая концовка полностью забыта автором? Набоков бережно хранил свои рукописи, но не мог с легкостью перевозить из города в город и из страны в страну отклоненные им наброски уже опубликованных произведений. Оставляя часть своего архива у Ильи Фондаминского перед отъездом в США, он взял с собой лишь то, что бесспорно должно было пригодиться в будущем. После ареста и гибели Фондаминского многие из документов, оставленных в Париже, пропали, включая, по-видимому, почти весь рукописный текст «Камеры обскура». Захватив в трансатлантическое путешествие отрывок, не вошедший в окончательную редакцию романа, Набоков отметил его значительность для дальнейшей работы. Теперь пришла пора разобраться, в чем она заключалась.

[11] Library of Congress. Manuscript Division. Vladimir Nabokov Papers. Writings 1918–1964, box 2. Здесь и далее черновая редакция окончания «Камеры обскура» цитируется по этому тексту.

2.

Начнем с «Камеры обскура» и черновой редакции ее окончания, до сих пор только упоминавшейся в набоковедческой литературе[12]. Нынешняя публикация рукописи представляет несомненный текстологический интерес. Глядя на девять страниц полупрозрачной бумаги, исписанной recto verso торопливым набоковским почерком (пятый лист заполнен только с лицевой стороны), мы в первую очередь замечаем вычеркнутые слова и добавленные поверх вымаранных строк фразы. Перед нами повествование, находящееся в процессе создания, остов прозы с неубранными еще лесами. Пробираться через отринутые мысли и забракованные отрывки текста увлекательно, хотя и не всегда просто. Мы видим, как Набоков шлифует эпитеты, колеблется при подборе того или иного глагола, с пристрастием развертывает доминирующие в романе метафоры. Подобную подготовительную работу нам уже показали в «карточном» издании романа «Лаура и ее оригинал», но это последнее набоковское произведение осталось незавершенным[13]. Ранее малоизвестный черновик «Камеры» интересен именно как один из слепков финальной сцены, то есть как замковый камень, поддерживающий структуру всего романа.

Среди открытий, которые можно сделать при чтении черновой редакции «Камеры», — наблюдение над тем, как поначалу автор расширяет повествовательное пространство и словно бы тянет время перед завершением истории жизни Кречмара. Так, сцены с поводящим пистолетом слепцом занимают приблизительно одинаковое место в обоих вариантах, но зато в черновике Набоков предоставляет читателю возможность почувствовать всю глубину отчаяния героя, его отягощение как своей незрячестью, так и заботой бывшей жены и шурина, которые надеются на полное возвращение несчастного в семью[14]. Описание нескольких минут одиночества Кречмара в кондитерской проясняет более подробно разработанный в отринутом варианте мотив мести: Кречмар думает о труднодосягаемом телефоне, с помощью которого он может узнать о месте пребывания

---

[12] *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 93.

[13] *Набоков В.* Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа / Пер. с англ. и послесл. Г. Барабтарло, предисл. Д. Набокова. СПб., 2010.

[14] «…И потом вероятно будет очень бурный период, — утешает Аннелизу Макс. — Всё к лучшему […] надо в жизни во что-нибудь верить» (Черновая редакция романа «Камера обскура»).

Магды, как об «источнике живой воды, ждущей его жаждущих губ». Примечательно, что вопрос «[Н]о на что эту живую воду употребить?» в черновике вычеркнут, подобно тому, как в окончательной версии оказался выброшенным почти весь эпизод с размышлениями Кречмара об убийстве Магды как о возможности прозреть. В опубликованном тексте романа герой узнает о возвращении бывшей любовницы в пустующую квартиру случайно, из звонка швейцара, предназначенного его шурину, и сразу же стремительно бросается в путь[15].

Во всех вариантах концовки «Камеры» вопрос места действия — ключевой не только для героя, но и для его автора. В частности, в окончательной версии Набоков подчеркивает тот факт, что Кречмара застреливают в доме, где он прожил с Аннелизой девять лет и где умерла его дочь[16], в то время как в черновой редакции убийство Магды происходит в единственном жилище, снятом ей самой. Пытаясь вообразить поступки молодой женщины, Кречмар анализирует ее побуждения и слабости и приходит к выводу, что Магда могла вернуться в «безвкусн[ую] квартирк[у], где они прожили вместе до поездки в Сольфи», потому что дорожит подаренной ей мебелью — тем немногим движимым имуществом, которое принадлежит исключительно ей. Тем не менее эта мебель не спасает Магду, а, наоборот, способствует ее гибели: ей не удается «проскочить вбок и спрятаться за кресла», потому что стол, стоящий посреди комнаты, служит Кречмару подмогой:

> […] он тихо двинулся вперед и скоро нащупал левой рукой стол. Тогда[,] ухватясь за край стола[,] он попятился обратно к двери, с целью заставить ее столом и тогда уже свободно шарить по комнате. Он протащил стол и что-то с него упало […]. Заставив столом дверь, с таким расчетом что Магда непременно чем-нибудь загремит[,] если даже и удастся ей беззвучно его миновать и проскользнуть в сторону двери, Кречмар двинулся по правой стороне комнаты, — замирая и прислушиваясь и держа наготове браунинг.

Иными словами, в черновой редакции Набоков намекает на то, что Магда любит вещи, но они не отвечают ей взаимностью. Она погибает, не сумев вспомнить о расположении дверей в квартире, не подумав открыть окно, бросить в убийцу вазой, спрятаться. В окон-

[15] *Набоков В.* Камера обскура. С. 390.

[16] «На столике, где некогда, во дни Аннелизы, белела фарфоровая балерина (перешедшая затем в другую комнату), лежит вывернутая дамская перчатка» (Там же. С. 393).

ную раму попадает пуля, ваза разбита, Магда сама как бы окончательно овеществляется, будучи принесенной в жертву отчаянной надежде Кречмара на прозрение («Истребить ее, эту невыносимую темноту»). В окончательной версии «Камеры» — и тем более в авторском переводе романа на английский — связь героини с вещным миром оказывается более прочной и для нее выгодной. Вновь помещая ее в роскошные апартаменты Кречмаров, где Бруно вот-вот суждено погибнуть, Набоков не только позволяет Магде запустить стулом в целящегося в нее человека и тем самым выбить у него из руки браунинг, но и подчеркивает ее преступную деловую хватку. Согласно швейцару Шиффермюллеру[17], она зашла ненадолго, с целью забрать свои вещи. Но мы можем догадаться, что в аккуратный дорожный сундучок упаковываются не только Магдины платья. Попав в свое бывшее жилище, Кречмар думает, что его коллекция произведений искусства на месте: «Комнату он словно видел воочию: слева — полосатый диванчик, у правой стены — столик, и на нем фарфоровая балерина, в углу у окна — шкапчик с драгоценными миниатюрами […]»[18]. На самом деле Магда либо Горн уже побывали на этой квартире, и ценности пропали, о чем Набоков сообщает читателю в последнем абзаце «Смеха в темноте»: «Шкап, где хранились миниатюры, — пуст»[19].

По-видимому, в начале работы над «Камерой» Набоков с любопытством исследовал образ мыслей и поступки Магды — подобно тому, как в рассказе «Набор» его повествователь изучает потенциальных героев, перемещаясь в неизвестных ему людей и переживая удивительное ощущение, «редчайш[ий] вид сумасшествия», грозящий обернуться «чудовищной радугой во всю душу»[20]. Поэтому, в отличие от более поздних версий романа, в черновой концовке Набоков раскрыл для читателей множество подробностей из жизни Магды после отъезда Кречмара из швейцарского шале. Например, мы видим, что, вернувшись на снятую ей ранее квартиру, Магда чувствует себя там вольготно. Разбуженная звонком из кондитерской бывшая капельдинерша, разбогатевшая на обмане слепого человека, бредет из спальни на кухню полунеглиже, вспоминая проведенную с Горном ночь в дансинге, ревнуя любовника и испытывая досаду от

[17] Его именем Кречмар воспользовался, когда впервые представился Магде (Камера обскура. С. 272).

[18] Камера обскура. С. 391

[19] Смех в Темноте / Пер. А. Люксембурга // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. / Сост. С. Ильина, А. Кононова. Т. 2. СПб., 2008. С. 564.

[20] Набор // Набоков В. Полное собрание рассказов / Сост. А. Бабикова. СПб., 2014. С. 414.

его карточных проигрышей. Она по-прежнему вздорит с прислугой, а ее желания всё так же остры, чего бы они ни касались («Кофе пахло вкусно и ей не терпелось скорее напиться»). Но в чем-то восприятие Магды совсем детское. Например, Кречмар, держащий браунинг в вытянутых руках, не только пугает ее, но и кажется недоразумением — он похож на садовника, поводящего «пистолетом, словно какой-то страшной лейкой».

Переходы от созерцания мира глазами Магды к суженной до одной болезненной точки перспективе Кречмара продолжаются до последнего абзаца чернового наброска. В опубликованной версии концовки рассуждения и страхи Магды несущественны, но зато в отвергнутом варианте Набоков дает нам почувствовать паническую реакцию молодой женщины на вторжение Кречмара, разобраться, почему она не смогла избежать пули, и ощутить ее животное стремление выжить:

> Тысяча смутных мыслей беспорядочно толпились у нее в мозгу — может быть услышали выстрел соседи — бросить в него вазой — подползти и выбить пистолет — открыть окно, и звать жестами — или может быть даже выпрыгнуть — летчики падают с огромной высоты — и остаются живы, живы, живы.

Описания действий Кречмара, наудачу пустившегося на поиски Магды, ощущение им скованности и бессмысленности своих движений тоже чрезвычайно подробны, и эта предметность почти физически отягощает черновую версию концовки, в отличие от той, что вошла в окончательный текст романа. В частности, в опубликованном варианте финала Кречмар выбирается из дома почти мгновенно: «Поспешно поглаживая края ступеней подошвами и скользя ладонью по перилам, неловко подгибая колени на площадках и повторяя “в порядке, в порядке”, — Кречмар спустился и вот оказался на улице»[21]. В черновой редакции Набокову понадобилось полторы рукописных страницы, чтобы описать путь героя от порога спальни к стоянке такси. В ней даже спуск Кречмара по лестнице, чем-то напоминающий автомобильную аварию, которая привела его к инвалидности, длится слишком долго. Неуклюжее, спотыкающееся падение завершается столкновением с дверью:

> Он поспешил, стукнул о косяк плечом и [нрзб.] вышел, задвинул дверь, а не прикрыл из боязни нашуметь и весь дрожа от нетерпения,

[21] Камера обскура. С. 390.

нащупал баллюстраду лестницы. Он спешил, и потому на каждой площадке мучительно спотыкался так как полагал, что следует еще ступень. Дойдя до низу он на мгнов[ение] остановился и прислушался. Все было тихо. Он въехал руками в дверь и вот оказался на улице, — без шапки, без палки, очень запыхавшийся.

Следующая дверь, с которой столкнется Кречмар в черновой редакции, ведет в квартиру Магды. В окончательном варианте отпереть ее не составляет труда, потому что, спеша упаковать свой сундучок, Магда ждет помощи от швейцара и не следит за входом. Поэтому Кречмару очень легко оказаться по ту сторону порога: «Стараясь не слишком царапать и звякать, он нашел скважину, сунул в нее ключ, повернул, знакомая песня отворяющейся двери»[22]. В черновой редакции Магда сама отпирает Кречмару, стараясь попридержать дверь из-за опасений столкнуться с грабителем или попрошайкой — призраками ее нищего детства, с которым она только что распрощалась. Но если в этой сцене склонная к осмотрительности героиня остается верной самой себе, то в рыхлом, нерешительном искусствоведе заметна явная перемена: одновременно просовывая в дверной проем и руку и ногу, он вламывается в прихожую грубо и не без ловкости. По тому, с каким оглушительным грохотом Кречмар захлопывает дверь, читатель понимает, что он более не похож на человека, лишь недавно полностью подчинявшегося шестнадцатилетней девчонке — этой, по словам Макса, «мошеннической кокотке»[23]. Ненависть огрубила и выхолостила главного героя «Камеры», став его пособником и поводырем.

Таким образом, в черновом варианте окончания Набоков не только стремится описать — по возможности динамично — действия героев, связав их с другими событиями из романного прошлого, но и проясняет свое решение позволить Кречмару отомстить Магде. Пристальное внимание автора к побуждениям и предсмертным жестам женщины, а также резкий сдвиг в поведении Кречмара указывают на поиск Набоковым психологического равновесия между двумя героями, отсутствующего в окончательной версии концовки[24]. Жадность,

[22] Там же. С. 391. Открыть следующую дверь — в комнату, где Магда возится с сундучком, — оказывается еще проще: «Кречмар, держа в правой руке браунинг, нащупал левой косяк открытой двери, вошел, захлопнул дверь за собой и спиной прислонился к ней» (Там же).

[23] Черновая редакция романа «Камера обскура».

[24] В «Смехе в темноте» противостояние между героем и героиней смещено из плоскости авантюрного романа в мифопоэтическую реальность. Набоков не просто изображает Кречмара человеком, ощущающим змеиную сущность бывшей любовницы, но и описывает его борьбу с ней как схватку двух исчадий ада: «Альбинус вцепился во что-то

эгоистичность и бессердечность Магды доводят Кречмара до предела отчаяния, как бы обосновывая — в рамках этических норм авантюрного романа — его право на убийство[25]. Однако, погибая от руки бывшего любовника, в черновой редакции Магда обретает статус жертвы и становится на одну планку с тем, кого прежде мучила с такой жестокостью. Не случайно, будучи раненой, она оказывается не баснословной злодейкой, от которой исходит «как бы легчайшее ядовито-душистое тепло»[26], а обыкновенным ребенком, девочкой, ощущающей боль, подобную той, что испытывают, налетев «на угол плиты, с разбегу, как бы[ва]ло в детстве»[27]. Сам же Кречмар погружается в еще более страшные глубины слепоты. Убив Магду, он вместо солнечного света и ярких красок видит одно-единственное радужное пятно — отлетающую душу бывшей возлюбленной, — но не понимает значение поданного ему знака[28].

Александр Долинин утверждает, что наличие второго окончания «Камеры», а также частичное совпадение имени Аннелизы с именем героини Льва Толстого Лизы Анненской отсылает внимательного читателя к толстовскому рассказу «Дьявол», который тоже имел две версии концовки: в одной из них Иртенев застреливает Степаниду, в другой кончает с собой[29]. Это наблюдение имеет под собой твердую почву: Набоков, действительно, был прекрасно осведомлен об интенсивности поиска Толстым моральной основы повествовательной конструкции и не раз обращался к его сюжетам[30]. Очевидно, что безнадежность положения Кречмара в отвергнутом варианте может

живое, и это живое существо ужасающе-истошно закричало, словно рожденное кошмаром чудовище, корчащееся от щекотки по вине другого такого же — своего двойника» (Смех в темноте. С. 563).

[25] Соотнесение Магды со змеей или василиском также могло бы служить подспудным оправданием ее убийства Кречмаром. Архетип женщины-змеи, обладающей губительной привлекательностью, подобной чудовищной власти горгоны Медузы, был распространен в произведениях готической, романтической, викторианской и модернистской литературы, причем их авторы стремились завершить земной путь змееподобной героини смертью. См., например: *Showalter E.* Sexual Anarchy: Gender and Culture at the Fin de Siècle. New York: Viking, 1990.

[26] Камера обскура. С. 391.

[27] Этот эпизод сопоставим с описанием боли, которую испытала Магда в отрочестве, вернувшись домой после поездки на мотоцикле с неизвестным ей ухажером: «Брат, видевший, как она уезжала, треснул ее кулаком по шее, да еще пнул сапогом, так что она упала и больно стукнулась о швейную машину» (Камера обскура. С. 263).

[28] Согласно Бойду (Владимир Набоков. Русские годы. С. 518), одним из черновых названий романа было “Coloured Ghost” («Цветной призрак»). Благодарю А. Бабикова, обратившего мое внимание на эту деталь.

[29] Истинная жизнь писателя Сирина. С. 92–93; *Толстой Л.Н.* Дьявол // Собрание сочинений: В 22 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1982.

[30] *Foster J.B., Jr.* Nabokov and Tolstoy // The Garland Companion to Vladimir Nabokov, ed. Vladimir E. Alexandrov. New York, 1995. P. 518–527.

быть соотнесена с судьбой Иртенева в одной из концовок «Дьявола»: будучи оправдан, Иртенев спивается, а его близкие вынуждены относиться к нему как к безумцу. И всё же если Набоков и ссылается на опыт Толстого при переписывании эпизода с убийством Магды, он делает это не только путем прямой аллюзии, но и указывая на свое фундаментальное сходство с великим предшественником. Отказывая Кречмару в убийстве в окончательной редакции романа, автор «Камеры обскура» исходит из твердой уверенности в том, что у его героя нет права на месть. «Мне отмщение, и аз воздам», — говорит Толстой в эпиграфе к «Анне Карениной»[31]. Никогда еще эти слова не имели такой силы — риторической, но одновременно и эсхатологической — в контексте совершенно иного литературного произведения.

Сопоставление двух окончаний «Камеры» позволяет еще раз удостовериться в том, насколько прочно стратегии сочинительства Набокова соединены с его нравственными убеждениями. В опубликованном варианте автор лишает героя последней, вожделенной свободы — зачеркнув любовь ненавистью, свести счеты с обидчицей, — чтобы самому взять под контроль главный исход романа. Вместо запертой двери, в которую вот-вот прорвутся трясущие ее швейцар и соседи, он показывает нам две двери, обе нараспашку. Вместо шума и грохота у тела героя царит благословенная тишина. К тому же Набоков преображает один из ключевых мотивов финала. В черновой редакции окончания он обращает особое внимание на руки, хватающие Кречмара, дабы удержать и обессилить его, но также на окровавленные пальцы убийцы, которыми Кречмар сначала ощупывает развороченное выстрелами лицо и тело Магды, а потом протирает свои очки. В варианте, ушедшем в печать, Набоков избавляет нас от созерцания пугающих жестов, предлагая взамен поразмышлять над немой сценой, обозначенной выразительным знаком препинания, — вывернутой наизнанку дамской перчаткой[32]. Улика, возможно, приведет к поимке и наказанию ускользнувшей женщины, но при этом призрачная рука, которая демонстрирует читателю предметы в комнате, принадлежит не Магде. Это указующий перст «помощника режиссера», распоряжающегося судьбами тех, кто, возникнув на страницах набоковской прозы, переступает заветную черту текста — и жизни.

[31] В эпиграфе к «Анне Карениной» Толстой цитирует Послание Св. Павла к Римлянам, в котором Апостол ссылается на слова Господа (Рим. 12:19).

[32] Камера обскура. С. 393. Благодарю В. Полищук и А. Долинина за интересную дискуссию об этой перчатке (Набоковские чтения, 5 июля 2018 г., Санкт-Петербургский Музей В.В. Набокова).

3.

«Камера обскура» переписывалась неоднократно: текст журнальных публикаций отличается от отдельных изданий на русском языке, а книжный оригинал 1933 г. значительно расходится с англоязычным вариантом, переведенным самим автором[33]. Тем не менее, изменяя и дополняя роман, Набоков стремился сохранить его главный модус — кинематографичность, построенную на быстро чередующихся, насыщенных действием и диалогами эпизодах, а также на ярких, легко поддающихся режиссерской и актерской драматизации типажах[34]. Как и другие его ранние «кинороманы» — «Король, дама, валет» (1928) и «Отчаяние» (1934), «Камера» была написана отчасти из расчета на сбыт европейским киностудиям, с готовностью обрабатывавшим романные сюжеты в «движущиеся картины» на еженедельную потребу неизбалованному зрителю. Кроме того, Набоков, пристально следивший за развитием киноискусства, не мог не понимать беспрецедентных возможностей для объединения литературной репрезентации реальности с восприятием зрителей и героев, свойственных поэтике кинокадра. Испытывая непреодолимое влечение к тайным знакам присутствия творца в тексте — выпуклым зеркалам, в которых отражается пишущий портрет художник, подозрительно всеведущим повествователям[35], — он увлекся миметическими перспективами кинороманa о слепце, не способном видеть то, что стоглазая аудитория жадно поглощает *вместо* протагониста, а не *вместе* с ним, как это бывает обычно.

Бойд утверждает, что Набоков даже собирался разыграть на экране последнюю сцену в кромешной темноте — «будто подсмотренную невидящими глазами» героя. В результате должна была наступить «бессловесная тишина ненависти, нарушаемая лишь звуками ды-

---

[33] *Яновский А.* Примечания // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т. 3. СПб., 2000. С. 743. О расхождениях в текстах «Камеры обскура» и «Смеха в темноте» см.: *Grayson J.* Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford and New York, 1977.

[34] См.: *Appel A.* Nabokov's Dark Cinema. Oxford and New York, 1974; *Букс Н.* «Волшебный фонарь» или «Камера обскура» — кинороман Владимира Набокова // Cahiers du monde russe et soviétique. 1992. Vol. 33. № 2–3. P. 181–205; *Кузьменко Е.М.* Латерна магика В. Набокова // Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С. 194–202; *Янгиров Р.* «Чувство фильма»: Заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х годов // «Империя N. Набоков и наследники»: Сб. статей / Под ред. Ю. Левинга, Е. Сошкина. М., 2006.

[35] См. об этом: *Джонсон Д.Б.* Миры и антимиры Владимира Набокова. СПб., 2011.

хания, борьбы и двумя выстрелами»[36]. Подобный вариант концовки «Камеры» привел бы к усилению эффекта немого — наиболее выразительного, по мнению режиссеров 1920–1930-х гг., — кино. Устранив изображение и почти убрав звук, Набоков намеревался слить зрителя и героя, наблюдателя и действующее лицо, тем самым предоставив нам исключительную возможность взглянуть на мир Кречмара изнутри. Но и от этой идеи ему пришлось отказаться, ибо герой в черновой редакции «Камеры» действовал исходя из желания не просто отомстить, но и обрести утраченное им зрение в обмен на жизнь Магды, а задача писателя — творить, «отвергая мир очевидности, вставая на сторону иррационального, нелогичного, необъяснимого и фундаментально хорошего»[37].

Иными словами, в этом романе, возможно, более, чем в других произведениях Набокова, существует зазор между двумя авторскими интенциями, который и позволяет обнаружить черновая редакция его концовки. Претендуя на кинематографичность, «Камера обскура» была рассчитана на восприятие некоего предполагаемого массового зрителя-читателя. В черновом варианте Набоков, по-видимому, стремился к усилению динамики фабулы, построенной на единстве поступков персонажей и авторской сверхзадачи — драматизировать нравоучительность, облачить мораль в яркие одежды интриги. Но, редактируя и переписывая свой текст, он насытил «Камеру» приемами кодирования смыслов, свойственными его прозе в целом, а также символической многомерностью тем и мотивов. Подобное несоответствие придало книге двусмысленность, оно оказалось неожиданностью даже для наиболее прозорливых критиков. Возможно, поэтому Владислав Ходасевич, друживший с Набоковым и признавший его талант одним из первых, не пожалел резких слов, формулируя свое отношение к лежащей на поверхности романа сентенции: «Физическая слепота, поражающая героя точно в возмездие за ослепление нравственное, казалось бы, даже слишком аллегорически и слишком грубо наталкивает на избитую сентенцию: любовь слепа»[38].

При написании данной рецензии Ходасевичем владела нелюбовь к «синематографу», которому он предписывал роль разрушителя эстетических ценностей прошлого. Приняв и оценив «Камеру обскура», он предпочел увидеть в ней актуальный комментарий к

[36] *Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. С. 430. Перевод с английского текста Бойда, приведенный выше, выполнен мной. — *О.В.*

[37] *Набоков В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 472.

[38] *Ходасевич В.* О романе «Камера обскура» // Возрождение. 1934. № 3256, 3 мая. С. 3.

одурманиванию толпы дешевыми развлечениями, а не воплощение нравоучительной идеи об ослеплении влюбленного страстью или, что более важно, мысли об особом — пристальном и точном — видении как высшем благе. Поэтому гибель Кречмара не стала для Ходасевича метафизическим ключом к роману, он счел ее оправданием критической сверхзадачи Набокова, его духовной и социальной миссии:

> Если в романе смерть героя кажется несколько поспешным и слишком внешне эффектным завершением фабулы (что, впрочем, отчасти и соответствует «синематографическому» ее развитию), то со стороны затронутых тем эта смерть представляется как нельзя более логичной. Вновь и вновь дело идет о смерти, грозящей всей нашей культуре.[39]

С точки зрения Ходасевича, Кречмар умирает потому, что любит кино, которое вскоре погубит остальных киноманов, а не потому, что автор милосердно дарует ему выход из «камеры» — тесного закоулка бытия, в который его загнала сначала страсть, а потом страдание. Тем не менее путь Кречмара в романе оказывается именно таким. Его смерть никак не связана с гибелью цивилизации; она уникальна и потому нелогична, символизирует спасение, а не крах. При этом, подобно Слепцову из раннего рассказа Набокова «Рождество», Кречмар успевает обнаружить лишь малую толику смысла в выпавшей на его долю трагедии. Слепцов заканчивает свою мысль о том, что будет завтра, словом «смерть», но бабочка, которая вслед за этим вылупляется из бережно хранимого его покойным сыном кокона, взмахивает крыльями «в порыве нежного, восхитительного, почти человеческого счастья»[40]. Кречмар, который надеется на «покой, ясность, освобождение от тьмы» в результате убийства Магды, обретает всё это лишь после собственной гибели. Задача читателя — распознать неосознанное героем и невысказанное повествователем, развернув виток повествования в сторону духовного просветления Кречмара, на которое указывает автор.

В опубликованной версии «Камеры обскура» возможность достижения Кречмаром высшего блага после смерти неочевидна. Поначалу Набоков демонстрирует нам, как сильно этот ценитель искусства привязан к цветам и оттенкам земного мира, его формам, бликам и полутеням — и одновременно как он близоруко проходит

[39] Там же.
[40] Рождество // Набоков В. Полное собрание рассказов. С. 189.

мимо посылаемых ему предупреждений об опасности, «знаков и символов», предзнаменований судьбы. Первая встреча с Магдой становится для Кречмара актом распознавания прекрасного живописного произведения в лице той, кто не имеет понятия ни о живописи, ни о красоте. В кинозале, куда Магда проводит его с фонариком, Бруно замечает «чудесный продолговатый блеск случайно освещенного глаза и очерк щеки, нежный, тающий, как на темных фонах у очень больших мастеров»[41]. Но из-за того, что Кречмар предпочитает угадывать в замеченном им «прелестно[м], мучительно прелестно[м] лице» уже знакомый образ[42], а не принимать увиденное в его многозначности и несовершенстве, он в дальнейшем оказывается неспособным признать Магдины недостатки. Так, вместо порочности он видит в молодой берлинской распутнице раскрепощенность, вместо невежества — невинность. После смерти дочери Кречмару дарован редкий момент прозрения, но он не может воспользоваться даже им. Когда «судьба с ослепительной резкостью как бы заставила влюбленного опомниться»[43], замороченное сознание вновь играет с ним злую шутку. Представив возвращение к жене в виде «тускло освещенного, длинного и пыльного коридора, где стоит заколоченный ящик или детская коляска, а в глубине сгущаются потемки», Кречмар чудесным образом воображает свое горькое будущее с Магдой, по ошибке спроецировав его на экран другой жизни[44] .

Набоков аккуратно и последовательно указывает читателю на неизбежность ошибок в восприятии Кречмара, постепенно обнаруживая, что Магда не столь красива, сколь юна и желанна, а тот, кто сравнил ее с мадонной Луини[45], обознался, ибо уже давно страдал от «сокровенной, бессмысленной жажды обладания какими-то молоденькими красавицами, которых все равно никогда, никогда не коснешься»[46]. Однако, как в остросюжетном кинофильме, предъявляющем зрителю улики до того, как они становятся доступными действующим лицам, правда открывается Кречмару не сразу. Не осудив любовницу за подлые телефонные шутки, не заметив ее

[41] Камера обскура. С. 259.
[42] Там же.
[43] Там же. С. 334.
[44] Там же. С. 335. «Заколоченный ящик» намекает на финальную сцену романа, в которой Магда возится у дорожного сундука, стараясь его закрыть. При этом потемки, которые сгущаются в глубине «пыльн[ого] коридор[а]», скорее напоминают черновое окончание «Камеры» — «Все было как прежде, темно, бархатно темно», — а не опубликованную концовку романа, в которой Кречмар, погибая, видит яркие краски и осознает сущность своей слепоты.
[45] Кречмар называет глаза Магды «луиниевскими» в «Смехе в темноте» (с. 405).
[46] Камера обскура. С. 258

страсть к Горну, не увидев ничего порочного в неспособности Магды к состраданию, герой теряет способность сопоставлять желаемое с запретным и продумывать свои шаги. Тем самым он движется к погибели как бы вслепую, оказываясь профаном даже в сфере искусствоведения, в которой считался экспертом. Набоков лишь намекает на это в «Камере», дав в начале романа характеристику Кречмару как «знатоку живописи […], человеку, очень, кажется, сведущему, но отнюдь не блестящему»[47], но зато в «Смехе в темноте» профессиональная несостоятельность героя становится совершенно очевидной. Так, во время визита Горна в квартиру искусствоведа читатель обнаруживает, что часть купленных Кречмаром живописных шедевров была ловко подделана его соперником[48]. Лишь утратив зрение и осознав безнадежность своего положения, Кречмар неожиданно поймет и то, что его зоркость была иллюзией: «Специальностью Кречмара было в конце концов живописное любострастие. Лучшей его находкой была Магда»[49].

Исходя из того, что незрячесть присуща герою романа изначально и лишь усиливается по ходу совершения им дурных поступков, тематическим фокусом «Камеры» надо признать не столько слепоту, сколько зрение: обостренное желанием, ослабленное одержимостью, поглощенное трагедией. Но если для Кречмара оно является моральным императивом, а его утрата — единственно ощутимой и потому невыносимой расплатой за грехи для Набокова, зрение в самой зоркой, объемной, пристальной его разновидности — основной инструмент построения многомерной повествовательной конструкции, во главе которой находится всевидящий автор-демиург. Играя на противопоставлении «камеры» как запечатлевающего реальность аппарата и темноты как условия его функционирования, Набоков совершенствует в «Камере обскура» прием совмещения слепоты героя и авторской проницательности, который вскоре окажется одним из основных структурных признаков его прозы. Око, глаз, многоочитость[50] являются главным

[47] Там же. С. 254.

[48] Придя в дом Кречмара, Горн изучает коллекцию хозяина, видя «среди явных подделок» и замечательные полотна. Вдруг он «разглядел среди картин, висящих в гостиной, старую подружку» — написанную им самим копию картины XVII в., проданную искусствоведу вместо оригинала (Смех в темноте. С. 478).

[49] Камера обскура. С. 375.

[50] В стихотворении 1939 г. «Око» Набоков создает образ гигантского глаза, к которому человек оказывается «сведен» в ином мире, где «исчезла граница / между вечностью и веществом». Эволюция творческого метода Набокова, в частности, заключается в том, что способности «надмирного наблюдателя» проникать в сущность вещей и свойства потусторонней реальности в его прозе сближаются всё более тесно. См. об этом, в частности: *Barabtarlo G.* Nabokov's trinity (On the movement of Nabokov's themes) //

знаком авторского присутствия в романе, сама «кинематографичность» которого построена на чередовании точек зрения, углов восприятия, ракурсов, кругозоров.

Главный герой «Весны в Фиальте» говорит о себе: «[Р]аскрываюсь, как глаз, посреди города на крутой улице, сразу вбирая всё»[51]. За перемещением Пнина по лесным дорогам следит с обзорной площадки не совсем благодушный «доброжелатель», считывающий с парапета имена уже побывавших на башне персонажей — от Вольфганга фон Гёте до Миранды из шекспировской «Бури», упомянутой далеко не случайно (это ей Просперо велит: «Бахромный полог подыми от глаз. / Скажи, что видишь там»)[52]. В «Камере обскура» кречмаровой близорукости, переходящей в ослепление, Набоков противопоставляет взгляд надмирного наблюдателя, способного не только пережить вместе с героем его трагедию, но и взглянуть на нее с божественных высот. Это не пресловутая «старуха, собирающая на пригорке ароматные травы», не пилот дирижабля, видящий ее с высоты, и даже не Аннелиза, которая испытывает чувство сильнейшего беспокойства в момент автомобильной катастрофы[53], а некто, направляющий их взгляды долу и ввысь. В черновой редакции присутствие соглядатая незаметно, в то время как в окончательной версии романа именно он станет свидетелем выхода слепого Кречмара из темницы и будет сопровождать его в последний путь «по песку к синей, нет, к сине-красной, в золотистых прожилках, волне»[54]. Без него читатель не узнал бы о прозрении героя, не услышал бы его последний вопрос: «[Ч]то такое слепота? отчего я раньше не знал…»[55]

В черновом варианте окончания «Камеры» наблюдающий за действиями героя выступает во вполне привычной нам роли объективного повествователя: подобно зрителю в кинотеатре, которого Набоков однажды намеревался погрузить в полную темноту, он остается вместе с убийцей во мраке, где всё происходит на ощупь, а надежда испаряется вместе с отлетевшей душой Магды: «Радужное пятно исчезло. Он потер глаза под очка[ми], мокрыми пальцами — но пятно не вернулось». В окончательном варианте романа Кречмар, умирая, обретает способность «видеть краски», понимает,

---

Nabokov and His Fiction: New Perspectives, ed. by Julian W. Connolly. Cambridge and London, 1999. P. 114–115.

[51] Весна в Фиальте // Набоков В. Полное собрание рассказов. С. 421.

[52] *Шекспир В.* Буря / Перевод М. Кузмина. Акт 1, Сцена 2, ст. 409–410.

[53] Камера обскура. С. 364.

[54] Там же. С. 392.

[55] Там же.

что он прозрел («я же всё вижу»)[56]. В этот момент, как и в минуту столкновения автомобиля с телеграфным столбом[57], между ним и повествователем возникает ощутимая дистанция, преодолеть которую не сможет ни один из них. Набоков дает нам понять, что путь героя только начинается — закончилась лишь работа автора-режиссера. Кречмар ступает по песку к воде, где, как и Иванова в рассказе «Совершенство», его ожидают ответы на мучительные вопросы, исцеление, обретение своего «я»[58]. В то же время автор отодвигает кинокамеру от лежащего на полу тела, словно напоминая читателю, что даже самому зоркому глазу в этом мире доступно далеко не всё.

4.

В том, что в заключительном эпизоде «Камеры обскура» мы продолжаем следовать не только за главными персонажами романа, но и за созерцающим сцену авторским представителем, велика роль черновой редакции концовки. Создав поначалу сцену, в которой Кречмар приносит Магду в жертву своей незрячести, Набоков был вынужден окончить роман нотой отчаяния: «бессловесная тишина ненависти» полностью поглощала героя. Но этот выбор означал не просто проклятие Кречмару: со смертью Магды весь мир романа погрузился бы во тьму. И хотя совпадение загубленных судеб и черноты погасшего экрана, возможно, оказалось бы эффектной кинонаходкой, такое повествование не смогло бы стать органичным элементом того, что Геннадий Барабтарло назвал «сочинением Набокова», а именно — совершенствования в поиске, формулировании, но также и сокрытии ответов на вопрос лишь о поверхностно видимой конечности жизни, которому писатель посвятил всю свою жизнь[59]. Именно благодаря набоковскому видению смерти как освобождения от тягот земного существования и прозрения души, его несчастным, одержимым, а иногда и преступившим моральную черту героям случается ощутить послесмертие как переход в мир ярких впечатлений, благожелательности, всеведения, отсутствия боли и страданий. Даже обманувший жену Пильграм получает возможность попасть в Конго и Суринам, к страстно любимым им бабочкам[60], а Гумберту Гумберту открывается калитка, ведущая к

[56] Там же.
[57] Там же. С. 365.
[58] Совершенство // Набоков В. Полное собрание рассказов. С. 361
[59] *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб., 2011.
[60] Пильграм // Набоков В. Полное собрание рассказов. С. 286–287.

тенистой аллее в райском саду, по которой он может прогуляться раз в год с милостивого позволения автора[61].

Художественная реальность набоковских произведений состоит из нескольких ярусов, один из которых — мир иной, наделяющий тех, кто попадает в него, всеобъемлющим сознанием и более зорким видением. Читателю совсем не просто разобраться в этой сложной онтологии, и потому знаки авторского присутствия в прозе Набокова нередко служат указанием на возможность вознесения героя на новый уровень бытия. В «Приглашении на казнь» посланниками автора становятся не только бабочка, попадающая в камеру к осужденному, но и те, кого Цинциннат Ц. встречает при переходе из бутафорского мира в подлинный, — «существа, подобные ему»[62]. В романе «Под знаком незаконнорожденных» Адаму Кругу мир его создателя открывается в момент смерти, дабы приютить истерзанную душу философа. Возможно, и Хэйзел Шейд оказывается в надмирной среде, из которой она вместе с автором влияет на создание как отцовской поэмы «Бледный огонь», так и кинботовских комментариев к поэтическому тексту[63].

Набоков искусно скрывает прием перехода из земного мира в реальность послесмертия, заставляя читателей отыскивать связи между сознанием подразумеваемого творца и открывающейся герою потусторонностью, а также между своим мастерством и гениальностью Создателя, который сумел сотворить и изысканные контрапункты в природе и судьбах, и блаженство их постижения, и, вместе с тем, «нечто, не совсем поддающееся определению».[64] Поэтому, редактируя «Камеру обскура», он укрупняет те элементы повествования, которые подчеркивали зависимость будущего Кречмара — его попадания в целительное и благое инобытие — от нашей способности объединить несколько тематических цепочек и, выявив их значение, увидеть в тексте знаки не отчаяния, а надежды. В частности, в окончательных редакциях указания на спасение Кречмара содержатся в частом упоминании синего цвета и его оттенков. Так, в «Камере» умирающий герой мысленно движется «по песку к синей, нет, к сине-красной, в золотистых прожилках,

---

[61] Об этом утверждении, сделанном в авторском предисловии к переводу «Отчаяния» на английский язык (*Nabokov V*. Despair. New York, 1989. P. VIII), речь также пойдет ниже.

[62] Приглашение на казнь // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. Т. 4. СПб., 2000. С. 187.

[63] См.: *Бойд Б.* «Бледный огонь» Владимира Набокова: Волшебство художественного открытия / Пер. с англ. С. Швабрина. СПб., 2015. С. 425–427.

[64] Память, говори // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 5. СПб., 2002. С. 434.

волне»[65], а в «Смехе в темноте» ковер у его ног «выпятился горбом […] как застывшая волна»[66]. Мотив синевы в авторском переводе на английский становится синонимом прозрения («Какое блаженство видеть голубизну. Я никогда не представлял себе, что такое настоящий, истинно голубой цвет», — думает Альбинус перед смертью)[67]. Даже к «ядовито-душистому теплу», исходящему от Магды-Марго, примешивается многообещающий запах духов «Синий час» (“L’heure bleu”), указывающих на час просветления героя[68].

Эти усиливающиеся наплывы голубизны не просто отсылают читателя к образам сине-золотого рая (например, у любимого Набоковым Гумилева: «Только любовь мне осталась, струной / Ангельской арфы взывая рая, / Душу пронзая как тонкой иглой, / синими светами рая»)[69], но и позволяют нам замкнуть представления Кречмара о совершенстве с тем, что уготовано ему после смерти. В живописи Кречмар особенно любил реставрацию — процесс воссоздания светлого образа из мрака забвения: «[…]старый лак обращается в пыль, […] под фланелевой тряпкой, смоченной скипидаром, исчезает грубая, черная тень и вот расцветает баснословная красота — голубые холмы, излучистая восковая тропинка, маленькие пилигримы...»[70]. Вводя в текст окончательной редакции «Камеры» мотивы райской благодати («блаженство видеть голубизну»), Набоков предлагает нам связать возвращение герою зрения после смерти с идеей воскресения как реставрации картины жизни Кречмара, а также начала им нового пути, паломничества к «баснословной красоте», по-видимому, ранее не вполне воспринимаемой им.

Предложения изменить концовку «Камеры» или сетования по поводу того, что история Кречмара могла бы закончиться иначе, раздавались неоднократно. После выхода в свет первого английского перевода романа Набоков встречался в Лондоне с Фрицем Кортнером, австрийским евреем, прежде весьма успешным немецким актером, который эмигрировал в Англию при приходе Гитлера к власти. Кортнер предложил ему экранизировать «Камеру» и даже сам взялся писать сценарий. Условием постановки, тем не менее, было внесение поправок в заключительную сцену. Отчитываясь жене о встрече с актером 27 февраля 1937 г., Набоков цитировал кортнеровскую версию финала:

---

[65] Камера обскура. С. 392.
[66] Смех в темноте. С. 564.
[67] Там же.
[68] Там же.
[69] Канцона первая // Гумилев Н. Костер. Берлин, 1922. С. 39.
[70] Камера обскура. С. 294.

> Прочел мне два version'а «Камеры» — ужасающих, по-моему. Кречмара вылечивает окулист, но он, возвратившись, скрывает от Магды свое прозрение и, притворяясь слепым, накрывает изменницу. Завтра опять встречаюсь, чтобы договориться окончательно об условиях. Он настроен крайне оптимистически, — но нес вообще страшную ахинею.[71]

Благодушно посмеявшись над Кортнером в письме к Вере Евсеевне («Он, по-моему, набитый дурак, но симпатичный»)[72], в 1940–1950-е гг. Набоков, тем не менее, не оставлял попыток продать авторские права на «Камеру» кинопродюсерам. Но хотя несколько студий, действительно, приобрели опцион на эту книгу, ни одна из них не сумела превратить ее сложную повествовательную ткань в игру света и тени, голоса и жеста. Возможно, не раз удивляясь слепоте критиков и режиссеров, в чем-то совпадающей с незрячестью его главного персонажа, Набоков ни разу не согласился изменить основной сюжет, лежащий в окончании романа. Он невзлюбил перевод Уинифред Рой, выполненный для лондонского издательства «Джон Лонг», назвав его «рыхлым, бесформенным, полным ошибок и пропусков, лишенным живости и упругости»[73]. Переводя роман собственноручно, он попутно переделывал целые сцены, сочиняя новые имена для главных героев: почти полностью переписал первую и двадцать восьмую главы и заменил описание писателем Зегелькранцем романа Магды с Горном в густом, нарочито пародийном прустовском пассаже на более короткое сообщение Удо Конрада о вульгарном разговоре двух любовников[74]. Но конец романа в «Смехе в темноте» по сути остался прежним. Добавились лишь многозначительные детали (такие, например, как сравнения Магды с мифическим чудовищем, а комнаты, в которой совершается убийство, с морским побережьем)[75] и прямое указание на режиссера, якобы предлагающего читателю «заметки […] к последней немой сцене»[76]. Эти сдвиги свидетельствуют, что надежда увидеть своих

[71] *Набоков В*. Письма к Вере. СПб., 2017. С. 296.

[72] Там же.

[73] *Nabokov V*. Selected Letters: 1940–1977 / Ed. Dmitri Nabokov and Matthew J. Bruccoli. New York, 1989. C. 13.

[74] *Grayson J*. Nabokov Translated. C. 25–29; *Люксембург А*. Примечания // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 2. СПб., 2008. С. 653–655.

[75] «Альбинус вцепился во что-то живое, и это *живое существо ужасающе-истошно закричало, словно рожденное кошмаром чудовище*, корчащееся от щекотки по вине другого такого же — своего двойника. Рука, в которую он вцепился, всё же вырвала пистолет, и он почувствовал, как ствол вонзился в бок; и одновременно со слабым хлопком, раздавшимся, похоже, где-то в неимоверной дали, в ином мире, что-то укололо под ребро, от чего перед глазами *возникло ослепительное сияние*» (Смех в темноте. С. 563. Курсив мой — *О.В.*).

[76] Там же. С. 564.

героев на экране у Набокова не пропадала, но с каждой новой редакцией он всё крепче брал бразды киновоплощения романа в свои руки, отметая вмешательство в текст не очень вдумчивых доброжелателей.

Последний раз посягательство на концовку «Камеры» состоялось спустя двадцать лет после выхода в свет рецензии Ходасевича. В 1954 г. друг Набокова Эдмунд Вилсон прочитал роман по-русски и нашел его «слишком абсурдным для ужаса или трагизма и при этом […] слишком неприятным, чтобы быть смешным»[77]. Вторя Кортнеру, Вилсон предпочел убийство Магды в финале: «Я думал, что у несчастного героя разовьется цветной слух и он обнаружит местонахождение девчонки, услышав ее красное платье или что-то в этом роде»[78]. И хотя Набоков ценил этого проницательного и в ту пору широко читаемого литературоведа, он предпочел никак не отреагировать на замечание Вилсона о «Камере». Их дружба распалась в прах десятью годами позже и по совсем другому поводу, а именно — из-за «непостижимой непостижимости [Вилсоном] пушкинского и набоковского Онегина»[79].

Заметив в романе «абсурдность», но проглядев его трагизм, Вилсон как будто комментировал не прочитанное им набоковское произведение, а его несостоявшуюся версию, к которой тяготел, не будучи знаком с ней. Как видно из трансформации, проделанной с фабулой самим автором, ужас присущ отвергнутой концовке «Камеры», приводящей Кречмара к окончательной погибели, а не опубликованному варианту, позволяющему герою сделать шаг к исцелению души и обретению новой жизни по ту сторону романного горизонта. Заметить это можно, не только сравнивая две версии окончания, но и сопоставляя редакции «Камеры обскура» с другими произведениями, завершающимися гибелью героя. Например, указывая в черновике «Камеры» на сгустившийся мрак («всё было как прежде, темно, бархатно темно»), Набоков явным образом замыкает круг слепоты и отказывает Кречмару в метафизическом выходе из него. При этом он вычеркивает из заключительного предложения слова «коварно» и «безгранично [темно]», характеризующие сгустившуюся кречмарову темноту, убирая тем самым напоминание о недоброй «вечности», предназначенной другому его персонажу — заигравшемуся в шахматы и потерявшему всякую связь с человеческой жизнью Лужину. Последнее предложение «Защиты Лужина», описывающее самоу-

[77] Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. Berkeley and Los Angeles, 2001. P. 320.
[78] Там же.
[79] Там же. С. 372.

бийство героя, содержит синонимичные понятия и эпитеты: «Там шло какое-то торопливое подготовление: собирались, выравнивались отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и *темные* квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел, какая именно вечность *угодливо* и *неумолимо* раскинулась перед ним»[80]. Александр Иванович не просто кончает с собой: он возвращается в страшную реальность, которая породила и его самого, и его безумие. Так же и Кречмар, убивающий Магду в черновой версии «Камеры», не погибнув в буквальном смысле, оказывается возвращенным в безграничную черноту, коварно подстерегавшую его у последней черты.

5.

Помимо метафизической безысходности, уготованной Кречмару после убийства Магды, отвергнутый вариант окончания романа содержал еще один сюжетный ход, неприемлемый с точки зрения набоковской нарративной этики. Перечитаем еще раз эпизод, в котором герой уничтожает героиню: Кречмар стреляет в Магду четыре раза, потом бьет свою жертву стволом браунинга по лицу и с размаху падает на нее, чтобы ощупью убедиться в ее смерти. Под руками у него — тело некогда любимой женщины, но он не чувствует к ней ни влечения, ни жалости: «Под его ладонями всё было мокрое и теплое, ее гладкий живот, грудь, и особенно лицо, какая-то каша». Сочиняя эту сцену, Набоков добивался интенсивности переживания ужаса не героем, который уже не способен на чувства, а читателем и, возможно, зрителем, воспринимающим реальность за Кречмара. Он вычеркнул фразу «она вдруг дернулась и потом застыла», изображавшую чудовищные прикосновения к ранам еще живого человека, но не побоялся показать нам руки убийцы — карающие, ищущие и при этом такие же незрячие, как и его глаза. Сначала, после выстрела в упор в упавшую на колени Магду, «что-то брызнул[о] ему в руку». Потом мы видим, как ладони Кречмара движутся вдоль еще теплого тела. Наконец герой протирает очки мокрыми от крови пальцами. Когда его начинают хватать ворвавшиеся в комнату люди, читатель воспринимает появление в комнате других с облегчением не потому, что Кречмар опасен и его необходимо задержать, а потому, что «чьи-то руки, множество рук» не оставляют мокрых красных отпечатков.

[80] Защита Лужина // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 465. курсив мой — *О.В.*

Обилие кровавых деталей в черновой концовке позволяет воспринять описанную в ней трагедию не просто как акт расплаты за содеянное, но и как бессмысленное убийство. Указания на допустимость такой интерпретации содержатся в двадцать восьмой главе романа, насыщенной аллюзиями к двум шекспировским пьесам — «Отелло», в которой героиня погибает, будучи оклеветанной перед ревнивым мужем, и «Гамлет», в которой Офелия впадает в умопомешательство, вызванное обращением с ней мужчин, сначала мечтающих, по словам Вирджинии Вулф, отразиться в ее зеркале, а потом это зеркало разбивающих[81]. И хотя в окончательной редакции роль убийцы переходит от Кречмара к Магде, а смерть героя обретает метафизический смысл, роман остается пронизанным темой ревности и связанного с ней кровопролития. Из-за того, что на всем его протяжении главный герой порывается застрелить героиню, его собственная смерть оказывается сюрпризом для читателя или, скорее, загадкой с несколькими вариантами ответа. В дальнейшем фабула с секретом-аллюзией проявится в другом романе Набокова, основанном на тех же тематических опорах, что и «Камера обскура»: страсти, ревности и мести. В «Лолите» автор не просто вернется к уже разработанному в «Камере» приему включения в повествование мотива, вызывающего у читателя ожидания гибели героини, но и завершит роман сценой убийства Гумбертом Куильти, содержащей в себе прямые реминисценции к черновой и окончательной редакциям «Камеры».

В «Камере обскура» Набоков начинает готовить читателя к заключительной сцене заранее. О том, что Кречмар способен уничтожить возлюбленную из ревности, мы узнаем из самых первых его размышлений ней: «Нельзя же в самом деле взять браунинг и застрелить незнакомку только потому, что она приглянулась тебе», — думает искусствовед о своей — пока случайной — знакомой[82]. Эта же мысль посещает его после возвращения Магды со встречи с братом Отто, пригрозившим ей шантажом. Опуская и изменяя подробности свидания, Магда стремится рассказать любовнику о своем несчастном детстве и жизни после бегства из дома; она начинает рассказ с утверждения: «Ты меня теперь бросишь»[83]. Для Бруно ее слова кажутся вступлением к признанию в неверности.

---

[81] Офелия разбилась, как зеркало, пишет Вулф, потому что утратила «волшебную и сладостную власть отражать фигуры мужчины в двойную величину супротив естественной» (*Woolf V.* A Room of One's Own. San Diego, 1989. P. 36).

[82] Камера обскура. С. 256.

[83] Там же. С. 297.

> «Что ж? Застрелю», сказал он про себя и уже совсем спокойно повторил: «Что случилось, Магда?»[84]

В следующий раз Кречмар готов убить свою юную содержанку в Сольфи после того, как Зегелькранц прочитал ему рассказ, содержавший описание ее фривольного разговора с Горном[85]. Наконец, в тот момент, когда Макс приезжает в Швейцарию, чтобы навестить слепого шурина, и обнаруживает рядом с ним голого карикатуриста, Кречмар хватается за пистолет в кармане пальто, чтобы, приблизившись к Магде, застрелить ее. Он умоляет Макса вызвать Магду на встречу с единственной целью: «[…] долго ли нужно, чтобы в привычной темноте нащупать и, крепко схватив одной рукой, сразу ткнуть стволом браунинга в грудь или в бок и выстрелить — раз, еще раз, до семи раз»[86].

Намек на предполагаемое убийство содержится еще в одном предваряющем заключительную сцену эпизоде, а именно, в рассказе ничего не подозревающего Зегелькранца в двадцать восьмой главе. Талантливый писатель, но недалекий и несмелый человек, Зегелькранц жадно впитывает пестроту жизни, перерабатывая в текст всё случайно подсмотренное и подслушанное. Описывая разговор изменницы с Горном, он переносит место действия рассказа из вагона поезда в приемную зубного врача, который вот-вот причинит его повествователю невыносимую боль[87]. Сама фигура дантиста символична: это был «высокий, страшно худой врач с темными кругами у глаз, — сущий мементо мори»[88]. Еще более знаменательны движения и мысли Германа, невольно наблюдающего любовную сцену и при этом предвкушающего удаление больного зуба:

> Герман ринулся к нему, хотя знал, что суется не в очередь, и, несмотря на курики, покрики, мементо, раздавшиеся в приемной, проник в кабинет, где против окна стояло воскреслое, и которого, которые на блеск инструментов, почти на зубовные, любовные постучу-постучу из-за жужжащего, которые перед которыми малиновое нёбо, большое, энное и прежде того то же что и то, и внизу, и на зу, и тараболь, это было ийственно…[89]

---

[84] Там же.
[85] Там же. С. 357–360.
[86] Там же. С. 388.
[87] Десятилетия спустя сюжет с любовниками, встречающимися в приемной у врача, перекочует в седьмую главу «Пнина».
[88] Там же. С. 356.
[89] Там же.

Лечение у зубного врача болезненно («тараболь») и похоже на смерть («ийственно»), но благодаря игре воображения повествователя зубной врач всего лишь заставляет пациентов помнить о смерти («мементо мори»). В его кресле можно избавиться от страданий — не умереть, а возродиться («воскреслое»). Напоминание о смерти и воскресении в рассказе Зегелькранца как нельзя кстати: с этой минуты безусловная любовь Кречмара к Магде обернется яростью и подозрительностью. Несколько часов спустя эти убийственные чувства приведут героя к аварии на краю обрыва, физической слепоте, отчаянию. Он «воскреснет» лишь в момент собственной гибели, испытывая боль, похожую на зубную («[…]как хорошо видеть краски, льются они, льются, *наполняют рот*»)[90].

Уловив лишь одну часть истории Зегелькранца, но упустив предупредительные знаки, разбросанные по полю его цветистого рассказа, Кречмар бросается в отель, чтобы отомстить Магде за неверность. Он жестами вызывает ее из сада к себе в номер. Завершив пантомиму, «Кречмар тотчас отошел от окна и, присев на корточки, отпер чемодан, поднял крышку, но, вспомнив, что искомое не там, пошел к шкапу и сунул руку в карман автомобильного пальто»[91]. Уже в этой предварительной сцене мести Набоков формирует единство антуража, собирая предметы, которые будут окружать героев в конце романа[92]. Даже чемодан или похожий на него предмет вновь появится в заключительном эпизоде — правда, не в черновой его версии. В «Камере обскура» это «щегольской сундучок с цветной наклейкой: Сольфи, Отель Адриатик», в «Смехе в темноте» — «щегольской сундучок с цветной наклейкой: “Ружинар, отель ‘Британия’”»[93]. Он переживет одного из своих владельцев и будет оставлен автором на месте смерти героя как указание на новое путешествие Кречмара, в котором ему уже не понадобится багаж.

Но пока нам явлено не убийство, а его репетиция. Кречмар потрясает пистолетом; Магду спасает ее способность к убедительному вранью и всё еще бесшабашная, дерзкая уверенность в своей неуязвимости:

---

[90] Там же. С. 392. Курсив мой. — *О.В*.

[91] Там же. С. 357.

[92] Совпадение эпизода предотвращенного Магдой убийства из ревности с финальной сценой романа особенно заметно в черновой редакции «Камеры». В ней Кречмар отправляется убивать любовницу в автомобильном пальто, а жесты ревнивца из окна повторены героиней, тянущейся к задвижке оконной рамы, чтобы позвать на помощь.

[93] Камера обскура. С. 392; Смех в темноте. С. 564.

Он тряхнул ее так, что затрещал стул. Она схватилась за решетку кровати и стала смеяться.

«Пожалуйста, пожалуйста, убей, — сказала она. — Но это будет то же самое, как эта пьеса, которую мы видели, с чернокожим, с подушкой…»[94]

Реминисценция из «Отелло» — знак Магдиного невежества, но для читателя указание на мавра, задушившего Дездемону, оказывается не только комической разрядкой, но и прогнозом: убийство должно свершиться, и, скорее всего, будет убит невиноватый. Чуть позже Магда снова сошлется на Шекспира, назвав Зегелькранца Розенкранцем[95]. И хотя она вновь не осознаёт весомости своей случайной отсылки, появление в тексте «Камеры» имени персонажа, который у Шекспира шпионит за Гамлетом и потом несет суровое наказание за свое подсматривание, угодничество, криводушие и неверность, служит еще одной подсказкой читателю. Будучи послан в Англию с письмом короля, тайно повелевающего уничтожить принца, Розенкранц не ведает, что Гамлет подменил послания, и казнят Гильденстерна и его самого. Размышляя о его участи, мы можем догадаться, что и в «Камере обскура» умереть должен не тот, кого собираются убить.

О репетициях убийства и преломлении мотива мести в «Камере обскура» неоднократно писали, прочитывая «обманный ход» в набоковских аллюзиях на такие произведения, как «Кармен», и утверждая, что «суть обмана раскрывается лишь в последней главе»[96]. Но в чем, собственно, заключается эта суть? Черновая концовка окончания романа позволяет найти ответ и на этот вопрос. Если в черновой редакции и присутствовали реминисценции из других литературных произведений о ревности и мести, убийство неверной героини в конце «Камеры» стало бы прямым повторением уже избитого сюжета и, кроме того, не позволило бы Набокову искусно обыграть заглавие романа, содержащее намек на трансформацию образа, смену угла зрения, оптическую иллюзию[97].

Редактируя роман, Набоков заменил прямое цитирование на сложный трюк с обманом читательских ожиданий. Как и в «Гам-

[94] Камера обскура. С. 358.

[95] Там же. С. 360.

[96] *Люксембург А*. Примечания. С. 658. См. также: *Яновский А*. Примечания. С. 749.

[97] В предыдущем «немецком» романе Набокова сладострастная и расчетливая женщина наказана за подобное преступление смертью: Марта Драйер сгорает от пневмонии, не успев погубить мужа и начать новую жизнь с любовником (Король, дама, валет // Набоков В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 298–304).

лете», в окончательной версии «Камеры» совершается подмена предполагаемой жертвы; как и в «Отелло», в результате убийства из ревности погибает тот, кого неудержимо ревновали. Таким образом, в окончательной редакции «Камеры обскура» ссылки и на Шекспира, и на Мериме содержат ключ к финалу романа, играя при этом пародийную роль: подобно образу реальности, проникающему в светонепроницаемый ящик через крохотное отверстие в стенке, заимствованный сюжет переворачивается у Набокова с ног на голову.

6.

Из всех больших прозаических произведений Набокова только два содержат подробные описания охоты вооруженного ревнивца за своей жертвой[98]. При этом «Лолита» — еще один набоковский перевертыш par excellence, где тема убийства из ревности трансформируется в повествование о попытке искупления вины, которая, тем не менее, приводит к гибели всех участников любовно-криминальной драмы. То, что роман, опубликованный на английском в 1955 г. и в авторском переводе на русский в 1967, наследует «Камере обскура» и в разработке фабулы, в основе которой лежит страсть зрелого мужчины к юной девушке, и в некоторых подтекстах (например, аллюзиях к «Кармен»), было отмечено давно[99]. Однако крепкие узы, связывающие оба текста, становятся особенно заметны при сравнении окончательной редакции и чернового окончания «Камеры» со сценой убийства Гумбертом Клэра Куильти. Благодаря этому сопоставлению у нас в руках, возможно, оказывается еще один «ключ», отпирающий тайники «Лолиты», а также разгадка того, почему черновая версия концовки «Камеры» сохранилась среди набоковских рукописей, несмотря на все переезды[100].

На связь романов указывает, во-первых, кинематографичность обоих повествований. Культи — автор пятидесяти двух сценариев, и в сцене своей смерти он словно бы участвует в написанной им самим кинодраме. Так, Гумберт считает, что в своих репликах Куи-

[98] Убийство Шейда в «Бледном огне» если и имеет дело с ревностью, то иного рода. Во «Взгляни на арлекинов!» от руки ревнивца погибает жена героя-повествователя, но сцена убийства не подробна (*Набоков В.* Взгляни на арлекинов! / Пер., примеч. А. Бабикова. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб., 2016).

[99] *Appel A.* The Annotated Lolita. New York, 1970; *Kuzmanovich Z., Diment G.* Approaches to Teaching Nabokov's *Lolita*. Modern Language Association of America, 2008.

[100] Термин «ключа» был введен в набоковедение Карлом Проффером, автором книги "Keys to Lolita" (1968), раскрывающей часть литературных, фольклорных и культурных подтекстов романа (Ключи к «Лолите» / Пер. с англ. и предисл. Н. Махлаюка и С. Слободянюка; Послесл. Д.Б. Джонсона. СПб., 2000).

льти подражает «типу глупого “гангстера” в кино», а после ранения его ноздри начинают испускать «тот судорожный храп, которого не было на звуковой дорожке […] кинодраки»[101]. Во-вторых, налицо схожие подробности обстановки, в которой происходит убийство. В «Лолите» к ним относятся двери, которые либо запирает Гумберт, либо тянут на себя соперники[102]; окно, к которому Куильти безуспешно пытается пробраться[103]; наконец, небольшой сундук, где хранится оружие («он сделал тщетную попытку открыть ногой морского вида сундучок, подле рояля»)[104]. В-третьих, оба произведения содержат эпизоды с посещениями дантиста, которые ассоциируются с насильственной смертью. В «Камере» это встреча двух любовников у зубного врача, описанная Зегелькранцем, и мотив боли, «наполня[ющей] рот» погибающего Кречмара[105]; в «Лолите» — визит к рэмздэльскому дантисту, дяде Куильти, который, сам того не желая, сообщает Гумберту адрес племянника и, тем самым, способствует его «казни»[106].

Основной же нитью, тянущейся от «Камеры» к набоковской «бедной девочке», являются мотивы слепоты и прозрения: как и Кречмар в черновой редакции романа, Гумберт совершает преступление неуклюже, медлительно, порой на ощупь, — словно бы вслепую, — а доведя задуманное до конца, не испытывает облегчения.

Набоков посылает нам сигнал о том, что «Камера обскура» выступает прототекстом «Лолиты», вкладывая в уста Гумберта косвенное упоминание названия романа: в английском тексте он называет своего соперника “Clare Obscure”[107]. Это прозвище-Оксюморон можно расшифровать как Клэр Неясный, Смутный, или Безвестный. Но можно и вспомнить, что “Clare Obscure” прочитывается как переложение на английский итальянского термина “chiaroscuro” («светотень»)[108]. Таким образом, автоцитата является еще и указанием на профессию героя «Камеры». Хотя слово “chiaroscuro” произнесено в адрес Куильти, Набоков приглашает нас не столько задуматься об отношении драматурга к этому термину, сколько сравнить Кречмара

[101] Лолита // Набоков В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 2. СПб., 2008. С. 362, 368.

[102] Там же. С. 359, 368–369.

[103] «Он шагал по галерее, окровавленный и важный, выискивая открытое окно, качал головой и все еще старался уговорить меня не совершать убийства» (Там же. С. 369).

[104] Там же. С. 368.

[105] Камера обскура. С. 356, 392.

[106] Лолита. С. 356.

[107] *Nabokov V*. The Annotated Lolita / Ed. Alfred Appel, Jr. New York, 1991. P. 306.

[108] *Meyer P*. Lolita and the Genre of the Literary Double: Does Quilty Exist? // Wesleyan University, WesScholar, Division III Faculty Publications (January 2009). URL: http://wesscholar.wesleyan.edu/div3facpubs/305 (accessed 01.10.2018).

и Гумберта как героев, напрямую заявляющих о своей причастности к изобразительному искусству. Глаз первого профессионально натренирован на различение градаций светлого и темного, однако страсть лишает его этой способности, а ревность, доведя до полной слепоты, побуждает взяться за браунинг. Гумберт тоже считает себя ценителем красоты, причем красоты особого рода, и полагается в основном на зрение в своем поиске «сказочно-странной грации, […] неуловимой, переменчивой, душеубийственной, вкрадчивой прелести» нимфеток[109]. Но страсть и его наделяет моральной слепотой, подталкивает к убийству и заводит в камеру, на этот раз — тюремную. Кречмар после смерти, возможно, перенесется на голубые просторы одного из любимых им произведений живописи. Гумберт умирает, надеясь на «тайну прочных пигментов» и «спасение в искусстве»[110].

Сопоставление концовок двух романов позволяет заметить множество других параллелей между ними. Сцена убийства Куильти и следующие за ней сцены ареста и эпилог (часть II, главы 35 и 36) начинаются с признания Гумберта, которое вполне можно отнести к действиям Кречмара, целящегося в Магду, но погибающего от ее руки: «Палач я неопытный и могу дать маху»[111]. При этом вся тридцать пятая глава, подобно задуманной Набоковым киноверсии «Камеры», предполагавшей погрузить зрителя в кромешную темноту, насыщена мотивами мрака и беспросветности. Так, еще не проснувшийся дом Куильти похож на темный ящик, в который Гумберт проникает с первым лучом света: «Я последовал за ним в вестибюль. Полуоткрыв и рот и входную дверь, *он посмотрел в солнечную щель*, как человек, которому показалось, что он слышал неуверенного гостя, позвонившего и потом удалившегося»[112]. По мнению Гумбер-

[109] Лолита. С. 26. Подобно Кречмару, Гумберт поначалу гордится своим зрением как способностью улавливать тончайшие нюансы красоты, скрытые от глаз простых смертных. Его страсть к маленьким девочкам и, как он полагает, безмерная любовь к Лолите основаны в первую очередь на зрительных ощущениях: наслаждении рыжеватыми оттенками волос и ресниц, очерком скул, нежными трещинками на губах, пушком на коже. Но Набоков начинает посмеиваться над слепотой своего героя уже в начале романа. Приняв фальшивую ребячливость своей невесты за подлинную, Гумберт оказывается в тисках пошлейшего брака, из которых он также выбирается вслепую — Валентина уходит от Гумберта к Максимовичу, с которым прежде безнаказанно ему изменяла (с. 39-42). Кроме того, герой, который всё время подглядывает за девочками-«нимфетками», нередко оказывается в нелепых ситуациях из-за своего вуайеризма. Так, одним из разочарований его жизни становится постройка в Бердслее забора между школьным двором, где собираются несовершеннолетние красавицы, и дорогой, просматривавшейся из его окна (с. 220). О слепоте Гумберта см.: *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н. А. Анастасьева. СПб., 1999.

[110] Лолита. С. 376.

[111] Там же. С. 358. Курсив мой. — *О.В.*

[112] Там же. С. 359–360.

та, непроницаемый мрак царит как в доме, так и в голове Куильти. В частности, сознание драматурга просветляется не сразу, а лишь после упоминания имени Лолиты: «Какая-то тень настороженного разумения затлелась в его глазах, придав им подобие жизни»[113].

Гумберт считает, что приступает к уничтожению Куильти в здравом уме, трезво просчитав исход совершаемого преступления. Смерть соперника должна не только утолить его боль, но и порадовать глаз: «нестерпимой отрадой» для него станет само созерцание убитого[114]. Пока же ему нравится «скользить всею сотней глаз по его лиловым шелкам и косматой груди, предвкушая пробоины и руду, и музыку мук...»[115]. Тем не менее взгляд Гумберта вскоре утрачивает остроту и пристальность. Подробности бытия постепенно ускользают от него, а сам мир распадается на призрачные пласты. Сравнивая эту деградацию с происходящим в «Камере», мы замечаем знаменательную деталь: тогда как Кречмар отправляется убивать Магду, полностью потеряв зрение и полагаясь на осязание, слух, обоняние и память, Гумберт начинает «слепнуть» в момент убийства, постепенно переходя к общению с миром на слух и на ощупь. Например, уничтожив Куильти, он назовет ощущения от езды на автомобиле по встречной полосе «щекоткой “распространенного осязания”»[116], а воспоминание о пронизанном раскаянием наблюдении за играющими детьми с вершины холма опишет как необыкновенное звуковое впечатление:

> Но даже ярче, чем эти встречные, безмолвно радовавшиеся краски — ибо есть цвета и оттенки, которые с умилением празднуют свои встречи, — *ярче и мечтательнее на слух, чем они для глаза*, было воздушное трепетание сборных звуков, не умолкавших ни на минуту при восхождении своем к гранитной полке, на которой я стоял […][117].

---

[113] Там же. С. 361.
[114] Там же. С. 361.
[115] Там же. С. 360–361.
[116] Там же. С. 372.
[117] Там же. С. 374. Набоков помещает Гумберта на вершину холма, дабы подчеркнуть контраст между низменностью его прежних желаний и новым, благородным и приподнятым, ощущением утраты и сострадания. Возвышаясь над собой и своим прошлым, герой как бы обретает черты надмирного наблюдателя, не участвующего в действии, но глубоко переживающего происходящее. Благодаря избранной повествователем точке обзора этот эпизод похож на описание катастрофы на ружинарском шоссе в «Камере обскура». Не случайно он заканчивается утверждением приоритета слуха над зрением. Автомобильная авария Кречмара тоже обозревается сверху старухой на солнечном склоне и пилотом «желтого почтового дирижабля, плывущего по голубому небу в Тулон» (с. 364). Катастрофа приведет героя к утрате зрения, но, вместе с тем, станет и первым шагом к его внутреннему — а потом и посмертному — прозрению.

Гумберту-убийце также принадлежит сентенция, которую можно отнести к состоянию слепого Кречмара: «Но не странно ли, что чувство осязания, которое бесконечно менее ценится человеком, чем зрение, не только теряется реже всего, но становится в критические минуты нашим главным, если не единственным, критерием действительности»[118].

Следует оговориться, что слепота Гумберта метафорична. Он теряет не зрение, а связь с реальностью, которую ранее воспринимал исключительно визуально, полностью доверяя своим «несметным очам, широко разверстым» у него «в зрячей крови»[119]. Поэтому, несмотря на отсутствие физического недостатка, в сцене убийства его действия чуть ли не более нелепы, чем действия Кречмара. Сначала он словно бы заражается полувменяемым состоянием Куильти, погружается в его наркотический транс: «Оружие в моей руке казалось вялым и неуклюжим»[120]; «Он и я были двумя крупными куклами, набитыми грязной ватой и тряпками»[121]. Затем следуют первые два попадания — в ковер и в кресло-качалку, — повторяющие в своей бессмысленности выстрелы Кречмара, сделанные вслепую[122]. В дальнейшем, стреляя в Куильти в упор, Гумберт видит себя как бы со стороны, при этом незрячесть метонимически переходит с убийцы на оружие: так, у стреляющего создается впечатление, что «неуклюжие, слепые пули» лишь заряжают его жертву энергией[123]. Наконец Гумберт перестает воспринимать свою мишень как материальную часть этого мира. Чем дольше длится экзекуция, тем бесплотнее, с его точки зрения, становится этот крупный, тяжелый, сладострастный человек. Он видит Куильти воспарившим над табуретом и принявшим «образ толстого мужчины в халате»[124] и стреляет по нему как по неживому существу: «[…] он продолжал идти необыкновенно уверенным шагом, несмотря на количество свинца, всаженное в его пухлое тело»[125].

Разрыв в восприятии Гумбертом реальности можно было бы отнести на счет «готического» подтекста «Лолиты» или же объяснить развитием в сцене убийства мотивов призрачности, сновидения, зер-

[118] Там же. С. 372.
[119] Там же. С. 56–57.
[120] Там же. С. 363.
[121] Там же. С. 364.
[122] Там же. С. 363.
[123] Там же. С. 369.
[124] Там же.
[125] Там же. С. 368.

кальности[126]. Тем не менее, благодаря отсылкам к «Камере обскура», в «Лолите» проступает и иной смысловой пласт. При сопоставлении эпизода убийства Куильти с черновой редакцией «Камеры» бросается в глаза жестокость, с которой Гумберт расправляется со своей жертвой: он похож на Кречмара, в упор добивающего Магду. В обоих произведениях присутствует развороченное выстрелом лицо (Куильти отправляется в постель «с пурпурным месивом вместо уха»; чуть позже мы узнаем, что «недоставало доброй четверти его лица»)[127]. Кроме того, и там и там Набоков делает акцент на окровавленных руках убийцы. В частности, Гумберт заряжает свой кольт «черными и обагренными руками», потому что он прежде «тронул что-то, умащенное его [Куильти] густой кровью»[128]. Даже то, что Гумберт, методично уничтожив Куильти, предвкушает «удовольствие отдаться в многочисленные руки и ничем не содействовать им»[129], напоминает нам о последней фразе черновика «Камеры»: «[…] чьи-то руки, множество рук, хватали его со всех сторон».

То, что отвергнутое окончание «Камеры обскура» вновь пригодилось Набокову, неудивительно. Несмотря на свою цельность, «Лолита» скроена как лоскутное одеяло: образ девочки-соблазнительницы из рассказа «Сказка» (1926) и стихотворения «Лилит» (1928), фабула из «Волшебника» (1939), сцена из автобиографии, эпизод с юной проституткой из чернового продолжения «Дара»…[130] Попадание в роман мотивов и сюжетных ходов из другого произведения можно счесть признаком рачительного ведения автором своего «поэтического хозяйства»[131], а также указанием на склонность Набокова объединять все свои произведения в единый, связанный тонкими образно-тематическими, сюжетными и аллюзийными нитями паратекст[132]. Но эти объяснения не исчерпывают всех глубинных

[126] О «Лолите» как о готическом романе см., например: *Winston M*. Lolita and the Dangers of Fiction // Twentieth Century Literature. Vol. 21. No. 4 (Dec. 1975). P. 421–427; *Meyer P*. Lolita and the Genre of the Literary Double. URL: http://wesscholar.wesleyan.edu/div3facpubs/305. Важно оговориться, что в данной статье не рассматриваются занимающие набоковедов вопросы о ненадежности повествования Гумберта, в частности вопрос о том, был ли Куильти фантомом его воображения и не являлось ли убийство соперника выдуманным, возможно, ради вытеснения из сознания нимфомана убийства из ревности самой Лолиты.

[127] Лолита. С. 370.

[128] Там же. С. 369.

[129] Там же. С. 373.

[130] См.: *Connolly J.W*. A Reader's Guide to Nabokov's Lolita. Boston, 2009. P. 9–28.

[131] Этот термин был введен Ходасевичем в книге «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924).

[132] См. об этом: *Барабтарло Г*. Сочинение Набокова; *Alter R*. Partial Magic: The Novel as a Self-Conscious Genre. Berkeley, 1978; *White D*. Nabokov and His Books: Between Literary Modernism and the Literary Marketplace. Oxford and New York, 2017.

смыслов «Камеры», проступающих в «Лолите», в частности идеи смерти героя как метафизического ключа к роману. Как было показано выше, Набоков отказался от убийства Магды Кречмаром, потому что этот исход лишил бы последнего возможности искупления вины страданием, а вместе с ней и обретения зрения, себя и ответов на свои мучительные вопросы после смерти. В «Лолите» умирают и Куильти, и Гумберт, причем последний — за шесть недель до кончины молодой женщины, которой он предрекает вечную жизнь: «Но покуда у меня кровь играет еще в пишущей руке, ты остаешься столь же неотъемлемой, как я, частью благословенной материи мира […]»[133]. Что же на самом деле уготовано героям романа после того, как Гумберт жестоко расправился со своим соперником?

Покинув «зловещий замок», в котором совершилось убийство, Гумберт начинает размышлять о содеянном. Его главная забота — убедиться, что Куильти умер по-настоящему. Это можно было бы сделать на ощупь, подобно тому, как Кречмар ощупывал лицо Магды, но брезгливый нимфоман не способен преодолеть отвращение и страх: «Я не мог заставить себя путем прикосновения убедиться в его смерти»[134]. Однако его отказ ощупать раны убитого может иметь и другую причину. Чуть позже Гумберт сравнит себя со святым, который сказал, что уверует в воскресение Христа, лишь вложив свои персты в его раны («Апостол Фома был не так глуп»)[135]. Его собственная глупость — вернее, его нежелание удостовериться в произошедшем как реальности — заключается в том, что лежащий перед ним Куильти слишком напоминает его самого. Прикоснуться к убитому означало бы для Гумберта разрушение иллюзии своей уникальности и вместе с ней всей теории нимфоманства как особого видения реальности, в своем роде искусства, доступного лишь избранным. Поэтому, сидя в спальне драматурга и наблюдая за его агонией, Гумберт переживает не ликование, а глубокую тоску: «Никакого облегчения я не испытывал; наоборот, меня тяготило еще более томительное бремя, чем то, от которого я надеялся избавиться»[136]. Это ощущение можно сравнить с безнадежностью, которая одолела Кречмара над телом Магды в черновой редакции «Камеры обскура» («Всё было как прежде, темно, бархатно темно […]»), но оно также сопоставимо с чувством растерянности, обремененности ненужной заботой или обреченности, нередко одолевающим дру-

[133] Лолита. С. 375.
[134] Там же. С. 370.
[135] Лолита. С. 372. Иоан. 20:25.
[136] Лолита. С. 370.

гих набоковских героев, которым довелось столкнуться со своими двойниками или убить их, — Смурова из «Соглядатая», Германа из «Отчаяния», Вадима Вадимовича Н. из «Взгляни на арлекинов!».

Кречмар стремится убить Магду, потому что надеется, что ее гибель приведет к его прозрению. Его убежденность в этом граничит с безумием, а решительные действия приводят к обратному результату. Лишь в опубликованной версии окончания романа «живой водой», отверзающей очи слепого, становится его собственная смерть. Гумберту необходимо уничтожить Куильти как человека, который «обманом отнял» у него «возможность искупленья» причиненных Лолите страданий[137]. Это желание, основанное на мысли о раскаянии, не столь безумно, как надежда Кречмара на исцеление, но в нем тоже сквозит нечто несбыточное, иллюзорное. В момент убийства Гумберта тяготит понимание того, что они с Куильти являются воплощением одного и того же чудовищного порока — подмены любви похотью, превращения живого человека в неодушевленный объект. Отправляясь в мрачное логово своего соперника, он готовится не только к акту возмездия, но и к самоубийству.

Убивая своего двойника, Гумберт уничтожает самого себя, каковым он был в прошлом. На это указывает его фраза о «двух покойниках», намекающая на смерть Шарлотты, но одновременно и заставляющая читателя задуматься о том, кто еще мог погибнуть от недавней пальбы[138], а также утверждение о том, что он утратил связь со своим внутренним миром («На том или другом завороте я чувствую, как мое склизкое “я” ускользает от меня, уходя в такие глубокие и темные воды, что не хочется туда соваться»)[139]. Особый вес в этом контексте обретают слова Гумберта, описывающего схватку с Куильти («[…] он перекатывался через меня. Я перекатывался через него. *Мы* перекатывались через меня. Они перекатывались через него. *Мы* перекатывались через *себя*»)[140], а также его размышления над своим состоянием после схватки: «*Я был весь пропитан*

[137] Там же. С. 365.

[138] «Плавным движением я свернул с шоссе и, сильно подскочив два-три раза, взъехал вверх по травянистому склону, среди удивленных коров, и там, тихонько покачиваясь, остановился. Нечто вроде заботливого гегельянского синтеза соединяет тут двух покойников» (с. 373). Ср.: «Я выбежал наружу. Другая сторона крутой нашей улочки являла собой необыкновенное зрелище. На покатый газон мисс Визави взъехал большой, черный, глянцевитый Пакар, круто свернув туда через панель (на которой холмился оброненный клетчатый плед), и стоял там, поблескивая на солнце, с раскрытыми, как крылья, дверцами и с колесами, глубоко ушедшими в букс» (с. 123).

[139] Лолита. С. 374.

[140] Лолита. С. 364. Курсив мой — *О.В.*

несчастным Куильти — весь проникнут ощущением нашей борьбы перед кровопролитием»[141].

Наложение образов убийцы и убитого в конце «Лолиты» не только приводит к слиянию Гумберта и Куильти в одного персонажа, но и еще ярче акцентирует сходство обоих с героем «Камеры обскура». Ни один из них в отдельности не является зеркальным отражением Кречмара, но зато каждый наследует некоторые его черты. Умирающий Куильти, облаченный в фиолетовый халат, пародирует человека в бледно-лиловом костюме, медленно бредущего перед смертью к кромке моря (он «выполз каким-то образом на верхнюю площадку и там тяжело возился, *хлопая плавниками*; но вскоре, *упав фиолетовой кучей, застыл* — теперь уже навсегда»)[142]. Гумберт тоже повторяет некоторые жесты из «Камеры» — например, стреляет в лицо Куильти, старается не подпустить его к окну, не дать прикоснуться к сундучку. После убийства он садится на собственный пистолет[143], уподобляясь тем самым мертвому Кречмару («Браунинга не видно, он под ним»)[144].

Прочтение окончания «Лолиты» с помощью двух редакций «Камеры» помогает прояснить этическую подоплеку более позднего романа. Повествуя о душевном кризисе совратителя, который внезапно осознал преступность своего отношения к девочке-подростку как соблазнительнице, обладающей особыми «демоническими» чертами, Набоков объединяет сюжетные ходы, разработанные им ранее: убийство как окончательное погружение во тьму и смерть как надежда на воскрешение.

Гибель Куильти — это еще и смерть Гумберта в его жертве, уничтожение оригинала в его гротескно искаженной, вульгарной копии. В отличие от Кречмара, Гумберт не теряет зрение и не погибает от пистолетного выстрела: он слепнет духовно, а «прозревает» по мере того, как его жизнь подходит к концу заодно с повестью, над которой он трудится. При этом уничтожение себя в Куильти укрепляет веру Гумберта в то, что единственным способом продлить свое существование для него должно стать произведение литературы. Он уповает на возможность вырваться из камеры слепых страстей и преступных заблуждений посредством сочинения повести-признания и заявляет,

---

[141] Там же. С. 372. Курсив мой — *О.В.* О том, что Гумберт убивает своего двойника, пишет Александр Долинин (Истинная жизнь писателя Сирина. С. 319).

[142] Лолита. С. 371. Курсив мой — *О.В.*

[143] Там же. С. 370.

[144] Камера обскура. С. 392.

что лишь «Исповедь» позволит ему спасти «не голову […], конечно, а душу»[145].

Следуя за Толстым, Набоков считает долгом автора воздать персонажам за содеянное[146]. В черновой редакции «Камеры обскура» он лишает Кречмара последней надежды на прозрение после убийства Магды, но при этом дарует герою «Лолиты» подобие прощения, несовместимое с судьбой других своих персонажей-убийц. Мы узнаем об этом из предисловия к английскому переводу «Отчаяния», в котором говорится, что «[…] в Раю существует зеленая аллея, по которой Гумберту позволено прогуляться в сумерках раз в году»[147]. Эти загадочные слова должны прояснить различие между Гумбертом, убившим Куильти, и Германом, который в романе «Отчаяние» также убивает своего двойника. Цель последнего — обогащение, тогда как Гумберт стремится к уничтожению своего вульгарного и бесчеловечного alter ego и, тем самым, себя. Лишь потому, что его миссия успешна, его посмертное бытие оказывается схожим с тем, что уготовано Кречмару — невезучему ревнивцу, которого после смерти ожидает надежда на существование в ином, более благодатном мире.

Владимир Набоков. «Камера обскура». Отвергнутая версия окончания романа[148]

[217] и потом вероятно будет очень бурный период. Не плачь, моя душа, не плачь. Все к лучшему у [*нрзб.*] тебя и надо в жизни во что-нибудь верить. ~~Но и~~ А насчет этой мошеннической кокотки

[145] Лолита. С. 375.

[146] Вспомним жуткую пытку, уготовленную Благидзе во «Взгляни на арлекинов!»: «Из отверстия в голове Благидзе совершенно улетучились воспоминания последних лет, зато пациент прекрасно помнил (если верить русскому санитару, хорошо понимавшему язык истязаемых), как его, шестилетнего, водили в увеселительный парк в Италии, где игрушечный поезд […] катил по замкнутому маршруту через живописно-кошмарные заросли ежевики, чьи ошарашенные цветы кивали в вечном согласии со всеми ужасами детства и преисподней» (с. 82–83). О Набокове и Толстом см.: *Barabtarlo G.* By Trial and Terror // Nabokov and the Question of Morality: Aesthetics, Metaphysics, and the Ethics of Fiction, ed. M. Rodgers and E. Sweeney. New York: Palgrave McMillan, 2016. P. 87–108.

[147] *Nabokov V.* Despair. P. VIII.

[148] Library of Congress. Manuscript Division. Vladimir Nabokov Papers. Writings 1918–1964, box 2. Нумерация страниц приводится в тексте в квадратных скобках. Публикуется впервые с разрешения The Wylie Agency, представляющее права фонда наследного имущества В.В. Набокова (Vladimir Nabokov Literary Foundation). Благодарю А.А. Бабикова за помощь с расшифровкой текста рукописи.

не стоит пока говорить. Каких мошенничеств? ~~вытер~~ спросила Анна-лиза, вытирая слезы.

Каждое утро ~~день~~ ~~Макс или~~ Анна-лиза водила мужа гулять, они шли молча, ~~не разговар~~ всегда по тем-же улицам и садились на одну и ту-же скамейку в сквере или на веранде угловой ~~кафе~~ кондитерской. Однажды недели две после возвращ[е]н[ия] Кре[ч]мара, они как раз сидели на этой террасе, — и в первый раз Анна-лиза решила с ним заговорить и даже может быть погладить его по руке. Она раздумывала о чем лучше заговорить — о том ли, что погода хорошая, что еще не чувствуется осени — или о том, что ~~на будущей неделе надо будет пойти~~ после-завтра мужа будет осматривать знаменитый окулист — и может-быть, — кто знает… Она уже собралась с духом, чтобы ~~сказ~~ заговорить именно об этом, как вдруг ~~вспомнила~~ заметил[а][149] что забыла с собой взять картонку с новыми башмаками, которые следовало сегодня-же переменить — ~~они жали~~ — так что первые ее слова обращенные к мужу были ты посиди здесь, я должна сбегать домой за пакетом, через десять[?] двад[цать?] минут вернусь. Он безмолвно поклонился. Анна-лизе ушла.

Кречмар сидел неподвижно, ~~но им овладело внут глубокое беспокойство~~ зато мысль у него работала напряженно и скоро. Не [218] воспользоваться ли ~~ему~~ как-нибудь этой минутой беспризорности? Но что предпринять? ~~Попросить~~ Позвать таксомотор, отправиться на почту, попросить чиновника написать в адресный стол? ~~Это было~~ Очень сложно, очень сложно. Ах если бы знать в точности, что она в Берлине. Мгновения проходили, скоро Анна-лизе вернется, это минута свободы[,] надо использовать. В кондитерской есть телефон, — но куда звонить?[150] За эти дни он перебрал немало гипотез — и теперь сидя так близко от телефона — (только пройти с террасы к кондитерской) — ~~от этого~~ — который представлялся ему источником живой воды, — ~~но на что эту живую воду употребить?~~ ждущей его жаждущих губ. Кречмар перебрал все гипотезы вновь. Одна из них была чрезвычайно проста и логична; [~~*нрзб.*~~]

[149] Приводимые далее строки зачеркнуты вертикальными линиями, которые почти не скрывают текст: «— в первый раз за эти две недели Кречмар ~~пов~~ обратился к ней. Она [*нрзб.*] вспомнила что-то еще до прогулки с мужем совершенно постороннее и очень неприятное. Выходя из дома ~~она заказывала~~ ~~утро~~ Они утром заказали [*нрзб.*] капли прописанны[е] ~~ем~~ мужу еще в Цюрихе, при вторичном проезде с Максом, меж тем она обещала Мак[с]у ~~отослать~~ ~~отнести~~ ~~опустить~~ отослать утром до двенадцат[и] очень важн[ый] деловой пакет, — а пакет забыла дома, так что первые ее ~~слова~~ обращенье к мужу было такое: ты посиди здесь, я дома оставила пакет».

[150] Далее зачеркнуто: «На свою квартиру, но она заперта, никто не ответит. Или может быть [*нрзб.*]. Если она все-таки в Берлине…»

перед ~~зорким~~ взором его памяти ~~ясно в ясно пестрела~~ вставала та квартирка которую[151] некогда Магда наняла и обставила, та безвкусная квартирка, где они прожили вместе до поездки в Сольфи. Эту же квартирку — ~~Магда [*прзб.*]~~ — сдали потом ~~кому-то~~ знакомым и Магда волновалась, что жильцы попортят мебель, ее мебель, — этот первый подарок любви. Незадолго до второго [*прзб.*] отъезда ~~в Ружинар~~ из Берлина ~~на автомобиле от которого~~ [Магда ходила туда и все осмотрела, благо жильцы собирались через месяц съезжать. Гипотеза Кречмара заключалась в том, что если Магда в Берлине, то она непременно поселилась на этой квартирке, где мебель, ковры, [~~прзб.~~] вся обстановка принадлежат ей. Вот эту-то гипотезу Кречмар решил теперь проверить.][152]

Он нащупал трость, осторожно встал, ~~подо позвал~~ ~~кельнершу~~ но боялся двинуться [—] кругом было много столиков, сидели люди, громко разговаривали. Фрейлейн, позвал Кречмар, фрейлейн. ~~Вот что.~~ Его провели в кондитерскую к телефону. Вот что, сказал он, можете-ли вы для меня позвонить, мне самому трудно. [~~*прзб.*~~] ~~Охотно~~ [~~*прзб.*~~] Пожалуйста, ласково ответил женский голос. [219] Номер такой: ~~Штейнплац~~ Бавария 16–38, — да 16–38 (это было легко ему вспомнить, это были ~~годы~~ возраст его и Магды, в год их встречи, а в Баварии ~~он женился на Анне-лизе.~~ Затем ~~спросите дома-ли~~ попросите барыню и когда барыня подойдет, спросит[е] у нее дома-ли господин Горн, господин Горн, — запомнили? Если он дома, то ~~скажите ему, да, скажите ему что [*прзб.*] товары~~ передайте трубку мне, а если нет то спросите когда господин Горн возвращается и скажи[те] что позвоню опять. Поняли[?] Хотите я еще раз повторю? ~~Штейнплац~~ Bavaria 16–38. Попросите барыню и когда она подойдет… Кречмар все это пересказал несколько раз, ~~и~~ страшно волнуясь, но стараясь всеми силами сдержать волненье. Женский голос повторил за ним все его указания. ~~Затем раздался звук крученья~~ Теперь звоните, сказал Кречмар.

Если он дома, я просто повешу трубку, подумал он, слушая как щелкает крутясь колесико автомотатши [sic] телефона, просто повешу трубку. ~~Пожалуйста, можно попросите, пожалуйста к телефону барыню, сказал наконец женский голос.~~ Колесико в последний раз протрещало и Кречмар, стоявший совсем близко к а[п]парату, так-что даже ощущал острый запах пота, исходящий от женщины звонившей для него, услышал сперва полный дудящий звук и по-

[151] Далее зачеркнуто: «[~~прзб.~~] Магдой была нанята и обставлена Магдой».

[152] Строки, приведенные в квадратных скобках, зачеркнуты вертикальными линиями. Они оставлены в тексте как обоснование дальнейшего развития сюжета.

том маленький, смутный, голос — не голос, а призрак голоса. ~~Но этот призрак, это~~ тень интонаций, — но эти интонации ~~были~~ принадлежали Магде, ошибиться невозможно. ~~Когда он возвращает~~ На мгновение Кречмар погрузился в какой-то туман и когда он вынырнул, женщина уже говорила: хорошо, я позвоню опять. ~~Мужа дом~~ Господина Горна ~~дома~~ нет дома, обратилась она к Кречмар[у], дама говорит, что он ~~возвращается~~ будет дома не раньше ~~семи часов вечера~~ четырех. ~~Его супруга,~~ [*~~прзб.~~*] Благодарю вас, благодарю ~~суя~~ пробормотал Кречмар ~~суя ей две марки~~ протягивая ~~монету~~ две марки во ~~беспросветную~~ тьму, ~~в которой странно~~ тьма их взяла, ~~влажной и жестк~~ ~~рукой~~ горячей и жесткой рукой.

~~Он [*прзб.*]~~ Его провели обратно на террасу, через несколько минут появилось рядом тихое присутствие Анна-лизе и [220] он попросил чтобы она его тотчас отвезла домой. Голова очень болит, объяснил он, дрожа всем телом.

~~Анна-лиза посадила его в автомобиль.~~ Когда он очутился дома, Кречмар ощупью пошел к себе в комнату и прилег. Он слышал, как удалились шаги Анна-лизе — и потом — тишина. Тогда он достал ключ, отпер шкап, достал из ~~кармана~~ автомобильного пальто браунинг и сунул его в ~~грудной~~ карман пиджака. Теперь следовало незаметно выбраться на улицу. Он двинулся к двери, нащупал ручку, повернул ее, осторожно ступил. В доме было тихо, — может-быть повезет, может-быть Анна-лизе не услышит… Далеко, далеко, на кухне раздавался ее голос и голос кухарки. Кречмар двинулся дальше, слегка приседая и простирая руки, — он еще не совсем освоился с расположением мебели. Через минуту он оказался в прихожей — и отсюда голос Анна-лизе был громче слышен. Теперь следовало совершенно без[з]вучно отворить дверь на лест[ницу]. ~~И это ему~~ Он сделал осторожный шаг, и ткнулся пальцем в ~~зеркало~~ холодное и гладкое зеркало. Дверь была налево, — ~~он~~ ему удалось ее открыть почти без звука ~~— затем он стал ее прикрывать~~. Вдали голос Анна-лизе ~~в~~ остановился. Это его испугало… Он поспешил, стукнул о косяк плечом и [*прзб.*] ~~слегка~~ [*прзб.*] ~~прикрыв~~ вышел, ~~только~~ задвинул дверь, а не прикрыл из боязни нашуметь и ~~на чуть не ползком добравши[сь] сгорбившись нащупал~~ весь дрожа от нетерпения, нащупал баллюстраду лестницы. Он спешил, и потому на каждой площадке мучительно спотыкался ~~д~~ так как полагал, что следует еще ступень. Дойдя до низу он на мгнов[ение] остановился и прислушался. Все было тихо. ~~Анна-лизе ничего~~ Он въехал руками в дверь и вот оказался на улице, — без шапки, без палки, ~~с грузом в кармане~~ очень запыхавшийся. ~~Чуя что прохожий [*прзб.*] остановился возле~~

~~него и~~ Теперь надо было добыть таксомотор, [221] стоянка была за углом и следовало до угла добраться. Детский голосок раздался где-то около его поясницы. Да, доведи меня до угла, до таксомоторов, сказал Кречмар, ~~помечу~~ почему-то шепотом и ~~стал маленькую~~ нащупал где-то внизу худенькое, шерстяное плечико. ~~Прохожие видели~~ Лавочник[и] и швейцар[ы] на этой улице хорошо знали его и ~~многие~~ теперь кое-кто из них ~~смо~~ глядел с удивлением на этого слепого господина в темных очках, которого вела к углу девчонка со школьным ранцем за плечами. Кода она его довела до автомоб[иля], Кречмар нетерпеливо пнул [sic] в нее монетой, — она взяла и сделала книксен, пропавший, конечно, даром. Он ~~шопо~~ тихо, но внятно сказал шоферу адрес и только когда наконец автомобиль двинулся ему задышалось легче.

Мимо пролетал шелестящий шум города, ~~звонки, гудки,~~ а также звонки, гудки, какой-то судорожный стук — вероятно там чинили мостовую. Он себе довольно ясно представлял улицы по которым ехал, — но рас[с]читывая путь и повороты, каким-то образом опередил мысл[ью] автомобиль, так что спутался, — и ~~уже бо~~ уже не знал, где находится. ~~Затем,~~ Наконец автомобиль остановился. ~~Он вылез, но пол и~~ Шофер открыл дверц[у] и помог слепому выйти. Кречмар заплатил, переплатил. Хотите я вам помогу войти [в] дом? спросил шофер. Нет только до двери, я сам поднимусь, ответил Кречмар; старался говорить внятно.

Квартирка была на третьем этаже, он стал подниматься, его тряс сильный озноб. Дойдя до третьей площадки он остановился, — вынул ~~рев~~ браунинг, подумал и сунул его обратно в карман. Затем он нащупал кольцо звонка. Сейчас, если она ~~откро~~ сама откроет, все будет сразу ~~совершено,~~ кончено, он ее истребит сразу, задушит или схватит и ткнет ей в ~~рбер~~ голову ~~или в ребра дуло~~ тупой ~~ствол~~ брани[153], выстрелит, еще раз, еще. Истребить ~~убить~~ ее, эту невыносимую ~~истребить убить~~ темноту ~~невыносимую темноту~~ ~~сум все темноту~~ ~~да темноту~~.

Он потянул, раздался звонок[154].

Магда варила на кухне кофе, ~~прислуги она еще не наняла~~ прислуги не было, недавно нанятая кухарка ~~ве~~ наскандалила и съехала. Кофе пахло вкусно и ей нетерпелось скорее напиться, ~~им~~ — вчера она с Горном ~~всю но~~ до позднего часа танцевала в новом, очень за-

[153] Возможно, «бра[у]ни[нга]».

[154] Далее зачеркнуто вертикальными линиями: «Магда лежала в постели, она ~~только что~~ уже давно проснулась ~~ей~~ ее разбудил давешний телефон, какая-то дама. Теперь уже прислуги не было, ~~надо было экономить,~~ надо было самой шлепать на кухню и варить утрешний кофе. В первые-же дни приезда Горн ухитрился ухлопать в клубе за покером несколько десятков тысяч — и после этого обещал».

нятном заведении и сегодня трещала голова, все было как-то смутно. Она стояла у плиты в шелковом халатике и курила. ~~Только что звонил [*прзб.*] Ее немного сейчас раздражало, что~~ Она была несколько раздражена. Во-первых, потому что Горн ~~пропадал по целым дням в вчера проиграл~~ наднях проиграл в покер ~~двена~~ три тысячи марок, а во-вторых потому, что ему недавно звонила какая-то незнакомая дама и не хотела сказать фамилии. Теперь с жадностью наблюдая за ~~кипящим~~ [*прзб.*] пузырями кофе, она думала о том, что вот оденется и ~~пойдет~~ заедет за Горном в издатель[ство], где он теперь работал, и они ~~оба позав вместе~~ пообедают в ресторане ~~а потом она поедет~~ — ей вдруг с поразительно[й] ясностью представилось, как она войдет в “дом издательства”, поднимется в тихом и быстром лифте. В это мгновение донесся из передней звонок.

[224] Заказное письмо, ~~подум~~ подумала Магда, зная что Горн ждет таковое из Англии — и запахнув халатик, [*прзб.*] прошлепала в прихожую. Кто там, спросила она, подойдя к двери. Она услышала легкое движенье, какой-то хриплый звук. Кто там, повторила она и осторожно приоткрыла дверь, ~~но тотчас заметила, что~~ но ~~тотчас заметила что дверь не на~~ [*прзб.*] готовясь ее тотчас захлопнуть если там стоит ~~грабитель или~~ нищий. Но захлопнуть ее она не успела, прос[у]нулась разом рука и нога. Магда ахнула, попятилась, в прихожую ввалился Кречмар и так захлопнул за собой дверь, что все затряслось. И тут Магда совершила непростительную ошибку, — ~~она~~ ее первая мысль почему-то была, что Кречмар видит, ~~ее мож~~ синие очки были направлены прямо на нее, ~~одну руку он держал у лица подбородка~~ а правая рука была опущена в ~~держал в~~ карман. ~~Так они стояли друг против друга в прихожей~~ Вместо того чтобы бесшумно о[т]ступить по направлению к кухне рядом с которой были и телефон и выход на черн[ую] лестниц[у], — она, ~~почему-то~~ торопясь спрятаться, почему-то открыла дверь ~~в гостиную~~ ~~ря~~ подле которой стояла, — а дверь вела в маленькую гостиную из которой другого уже выхода не было. Кречмар услышав ее резкое движенье выхватил браунинг, ~~и выстрелил~~ и одновременно кинулся вперед. Магда хотела ~~запереть~~ дверь прикрыть, но не успела. Кречмар ~~ткн как-то б~~ боком ударился в косяк и упал через порог. ~~— он~~ Она дико крикнул[а], он выстрелил по направлению крика, но ~~в нее не попал~~ сразу почувств[овал], что в нее не попал. ~~Затем~~ Тогда он встал с полу, нащупал за собой дверь, и ~~затворил~~ ~~запер~~ затворил ее. Ключа в замке не оказалось.

Теперь в комнате было совершенно тихо. Он эту комнату хорошо знал, и знал, что другого ~~двери~~ выхода нет. Стоя спиной к двери он

поводил перед собой пистолетом, стараясь ~~заставить~~ вызвать движенье, шорох, чтобы выяснить, в каком она углу.

[223][155] Магда уже поняла, что он так-же слеп, как и прежде — ~~и это ее подбадривало~~ — ~~и~~ поэтому надо притаиться и спокойно сообразить что делать дальше. Выстрел, однако, так потряс ее нервы и фигура Кречмара водивше[го] перед собой пистолетом, словно какой-то страшной лейкой, была так ужасна, что ничего соображать она не могла, — и едва сдерживала крик и было как-то невозможно душно в груди, оттого что она не смела отдышаться. Она стоял[а] на корточк[ах] ~~у окна у стены где было~~ около отоплен[ия] сразу напротив Кречмара. Посредине комнаты был круглый стол, ~~слева от стола~~ у одной стены ~~у стен~~ кушетка, а ~~справа шкап с толковым~~ у стены у другой шкап[156] [с] энциклопедическим словарем. Тысяча смутных мыслей беспорядочно ~~пробе~~ толпились у нее в мозгу — может быть услышали выстрел соседи — ~~взя~~ бросить в него вазой — подползти и выбить пистолет — открыть окно, и ~~закр~~ звать жестами — или может быть даже выпрыгнуть — летчики падают с огромной высоты — и остаются живы, живы, живы. Кречмар услышал вдруг ее дыханье, но уже боялся выстрелить наобум… ~~Над Он~~ Продолжая ~~целиться~~ водить браунингом он тихо двинулся вперед и скоро нащупал левой рукой стол. Тогда ~~он~~ ухватясь за край стола он попятился обратно к двери, с целью заставить ее столом и тогда уже свободно шарить по комнате. Он протащил стол и что-то с него упало и со звоном разбилось, и стала капать вода на пол. Пользуясь этим звуком, Магда выпрямилась и попыталась открыть окно. Кречмар выстрелил вторично и попал в оконную роману [sic], в двух вершках от ее поднятой руки. Он подождал, прислушиваясь. ~~и под Жива, жива п~~ Но покамест была сплошная темнота перед ним, он знал, что Магда жива. Заставив ~~платяно~~ столом дверь, с таким расчетом что Магда непременно чем-нибудь загремит если даже и удастся ей [225] беззвучно его миновать и проскользнуть в сторону ~~к~~ двери, Кречмар двинулся по правой стороне комнаты, — ~~ост~~ замирая и прислушиваясь и держа наготове браунинг. Магда, ~~уже~~ обезумев от страха ~~и видя что он~~ следила за ним и когда он стал приближаться к ее углу, хотела проскочить вбок и спрятаться за кресла. Увидев что ее движенье прошло незамеченным — она решилась вдруг на ~~дейст ин~~ другие действия. ~~Он~~ Кречмар стоял теперь к не[й] в профиль и метил пистолетом в угол. Она скользнула к нему, хотела выбить пистолет, но в то-же мгновенье он обернулся, выбросил руку, ударил ее ~~выст~~

[155] Авторская ошибка в пагинации.
[156] Вероятно, «а у другой стены шкап».

растопы[ренными] пальц[ами] в лицо, она невольно ~~вскрик~~ ахнула и Кречмар выстрелил. ~~Ей ожгло шею~~ Ее что-то толкнуло сбоку в живот словно она налетела на ~~железный обруч~~ угол плиты, с разбегу, как бывало в детстве, — она ~~опять~~ упала на колени, а потом ничком. Кречмар спотыкнулся о нее и ~~застонав~~ со стоном нагнувшись выстрелил вниз и что-то брызнул[о] ему в руку. Он упал на ее тело, все еще не зная, попал ли он в нее хоть раз, и ~~то ударяя еще два раза подряд выстре~~ ударив ее в щеку стволом, ~~ещ~~ дважды нажал гашетку, — и еще третий раз нажал, но уже пистолет был пуст. Он его отбросил и стал ощупывать ~~тело~~ то во что он стрелял. ~~Вс~~ Под его ладонями ~~ее~~ все было мокрое и теплое, ее гладкий живот, грудь, и особенно лицо, — ~~она вдруг дернулась и потом застыла.~~ ~~Он~~ какая-то каша. ~~Он пощупал ее~~ Убедившись что она ~~совершенно мертва, и мерт~~ убита, Кречмар встал с колен и тут, в темноте перед ним тихо проплыло радужное пятно. Одновременно ~~кто-то~~ со стороны двери послышал[ся] голос, тряск двери, отодвигали стол, что-то кричали.

~~Он продолжал напряг~~ Радужное пятно исчезло. Он потер глаза под очка[ми], мокрыми пальцами — но пятно не вернулось. Все было как прежде, темно, ~~[*прзб.*] безгранично~~ бархатно темно, и ~~какие-то~~ чьи-то ~~его~~ руки, множество рук, хватали его со всех сторон.

В. Сирин. 21-III-31

Литература

Александров В.Е. Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н.А. Анастасьева. СПб: Алетейя, 1999. 312 с.

Бабиков А.А. Неподошедшие конечности и недоделанные торсы. Рукопись «Райской птицы» и ранняя редакция “Solus Rex” в замысле «Лолиты» // Литературный факт. 2017. № 6. С. 8–29.

Барабтарло Г.А. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 457 с.

Бойд Б. «Бледный огонь» Владимира Набокова: Волшебство художественного открытия / Пер. с англ. С. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 571 с.

Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография / Авториз. пер. с англ. Г. Лапиной. СПб.: Симпозиум, 2010. 695 с.

Букс Н. «Волшебный фонарь» или «Камера обскура» — кинороман Владимира Набокова // Cahiers du monde russe et soviétique. 1992. Vol. 33. № 2–3. С. 181–205.

Джонсон Д.Б. Миры и антимиры Владимира Набокова / Пер. с англ. Т. Стрелковой. СПб.: Симпозиум, 2011. 347 с.

Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 402 с.

Кузьменко Е.М. Латерна магика В. Набокова // Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С. 194–202.

Набоков В.В. Взгляни на арлекинов! / Пер., примеч. А. Бабикова. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб.: Азбука, 2016. 352 с.

Набоков В.В. Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа / Пер. с англ. и послесл. Г.А. Барабтарло; предисл. Д.В. Набокова. СПб.: Азбука-классика, 2010. 192 с.

Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. 507 с.

Набоков В.В. Письма к Вере / Коммент. О.Ю. Ворониной и Б. Бойда. М.: КоЛибри, 2017. 700 с.

Набоков В.В. Полное собрание рассказов / Сост. А. Бабикова. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Азбука, 2014. 748 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2008. 669 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2002. 704 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 1999. 780 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. 838 с.

Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2000. 780 с.

Проффер К. Ключи к «Лолите» / Пер. с англ. и предисл. Н. Махлаюка и С. Слободянюка; Послесл. Д.Б. Джонсона. СПб.: Симпозиум, 2000. 301 с.

Янгиров Р.М. «Чувство фильма»: Заметки о кинематографическом контексте в литературе русского зарубежья 1920–1930-х годов // Империя N. Набоков и наследники: сб. статей / Под ред. Ю. Левинга, Е. Сошкина. М.: НЛО, 2006. С. 399–426.

Alter R. Partial Magic: The Novel as a Self-Conscious Genre. Berkeley: The University of California Press, 1978. 248 p.

Appel A. Nabokov's Dark Cinema. Oxford and New York: Oxford University Press, 1974. 324 p.

Barabtarlo G. By Trial and Terror // Nabokov and the Question of Morality: Aesthetics, Metaphysics, and the Ethics of Fiction, ed. M. Rodgers and E. Sweeney. New York: Palgrave McMillan, 2016. P. 87–108.

Barabtarlo G. Nabokov's trinity (On the movement of Nabokov's themes) // Nabokov and His Fiction: New Perspectives / Ed. by Julian W. Connolly. Cambridge and London: Cambridge University Press, 1999. P. 109–138.

Brooks P. Body Work: Objects of Desire in Modern Narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. 325 p.

Brooks P. Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 363 p.

Connolly J.W. A Reader's Guide to Nabokov's Lolita. Boston: Academic Studies Press, 2009. 185 p.

Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2001. 389 p.

Foster J.B., Jr. Nabokov and Tolstoy // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V. Alexandrov. New York: Routledge, 1995. P. 518–527.

Grayson J. Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford and New York: Oxford University Press, 1977. 257 p.

Kuzmanovich Z., Diment G. Approaches to Teaching Nabokov's *Lolita*. Modern Language Association of America, 2008. 190 p.

Meyer P. Lolita and the Genre of the Literary Double: Does Quilty Exist? // Wesleyan University, WesScholar, Division III Faculty Publications (January 2009). Available at: http://wesscholar.wesleyan.edu/div3facpubs/305 (accessed 05.10.2018).

Nabokov V. Selected Letters: 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. New York: Harcourt, 1989. 582 p.

Nabokov V. The Annotated Lolita / Ed. by A. Appel, Jr. New York: Vintage, 1991. 544 p.

Showalter E. Sexual Anarchy: Gender and Culture at the Fin de Siècle. New York: Viking, 1990. 242 p.

White D. Nabokov and His Books: Between Literary Modernism and the Literary Marketplace. Oxford and New York: Oxford University Press, 2017. 256 p.

Winston M. Lolita and the Dangers of Fiction // Twentieth Century Literature. Vol. 21. No. 4 (Dec. 1975). P. 421–427.

References

Aleksandrov V.E. *Nabokov i potustoronnost'. Metafizika, etika, estetika* [Nabokov and otherworld. Metaphysics, ethics, aesthetics], transl. by N.A. Anastasiev. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1999. 312 p. (In Russ.)

Alter R. *Partial Magic: The Novel as a Self-Conscious Genre*. Berkeley, The University of California Press, 1978. 248 p.

Appel A. *Nabokov's Dark Cinema*. Oxford and New York, Oxford University Press, 1974. 324 p.

Babikov A. Nepodoshedshie konechnosti i nedodelannye torsy. Rukopis' "Rayskoy ptitsy" i rannyaya redaktsiya "Solus Rex" v zamysle "Lolity" [Discarded limbs and unfinished torsos. The manuscript of "Rayskaia Ptitsa" and the first version of "Solus Rex" in the conception of "Lolita"]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 6, pp. 8–29. (In Russ.)

Barabtarlo G. By Trial and Terror. *Nabokov and the Question of Morality: Aesthetics, Metaphysics, and the Ethics of Fiction*, ed. M. Rodgers and E. Sweeney. New York, Palgrave McMillan, 2016, pp. 87–108.

Barabtarlo G. Nabokov's trinity (On the movement of Nabokov's themes). *Nabokov and His Fiction: New Perspectives*, ed. by Julian W. Connolly. Cambridge and London, Cambridge University Press, 1999, pp. 109–138.

Barabtarlo G. *Sochinenie Nabokova* [Composition of Nabokov]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2011. 457 p. (In Russ.)

Boid B. *"Blednyi ogon" Vladimira Nabokova: Volshebstvo khudozhestvennogo otkrytiia* [Nabokov's "Pale Fire": The magic of artistic discovery], transl. by S. Shvabrin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2015. 571 p. (In Russ.)

Boid B. *Vladimir Nabokov. Russkie gody. Biographiya* [Vladimir Nabokov. The Russian years. A biography], transl. by G. Lapina. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 695 p. (In Russ.)

Brooks P. *Body Work: Objects of Desire in Modern Narrative*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1993. 325 p.

Brooks P. *Reading for the Plot: Design and Intention in Narrative*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1984. 363 p.

Buks N. "Volshebnyi fonar'" ili "Kamera obscura" — kinoroman Vladimira Nabokova ["A magic lantern" or "Camera obscura" — Vladimir Nabokov's cinematic novel]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1992, vol. 33, no. 2–3, pp. 181–205. (In Russ.)

Connolly J.W. *A Reader's Guide to Nabokov's Lolita*. Boston, Academic Studies Press, 2009. 185 p.

Dear Bunny, Dear Volodya: The Nabokov-Wilson Letters, 1940–1971, ed. by S. Karlinsky. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 2001. 389 p.

Dolinin A.A. *Istinnaia zhizn' pisatelia Sirina. Raboty o Nabokove* [The real life of writer Sirin. Works about Nabokov]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 402 p. (In Russ.)

Dzhonson D.B. *Miry i antimiry Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov's worlds in regression]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2011. 347 p. (In Russ.)

Foster J.B., Jr. Nabokov and Tolstoy. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. by V. Alexandrov. New York, Routledge, 1995, pp. 518–527.

Grayson J. *Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose*. Oxford and New York, Oxford University Press, 1977. 257 p.

Iangirov R. "Chuvstvo filma": zametki o kinematograficheskom kontekste v literature russkogo zarubezhya 1920–1930-kh godov ["The film feeling": Notes on the cinematographic context of Russian émigré literature in the 1920–1930s]. *Imperiya N. Nabokov i nasledniki: sb. statei* [The N. Empire: Nabokov and his heirs: A collection of essays], ed. by Iu. Leving, E. Soshkin. Moscow, NLO Publ., 2006, pp. 399–426. (In Russ.)

Kuzmanovich Z., Diment G. *Approaches to Teaching Nabokov's "Lolita"*. Modern Language Association of America, 2008. 190 p.

Kuzmenko E. Laterna magika V. Nabokova [V. Nabokov's Laterna Magica]. *Kinovedcheskie zapiski*, 1993/1994, no. 20, pp. 194–202. (In Russ.)

Meyer P. Lolita and the Genre of the Literary Double: Does Quilty Exist? *Wesleyan University, WesScholar, Division III Faculty Publications (January 2009)*. Available at: http://wesscholar.wesleyan.edu/div3facpubs/305 (accessed 05.10.2018).

Nabokov V. *Laura i ee original: Fragmenty romana* [The Original of Laura: A Novel in Fragments], transl., with afterword by G. Barabtarlo, intro. by D. Nabokov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 192 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Lektsii po zarubezhnoy literature* [Lectures on foreign literature]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1998. 507 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Pis'ma k Vere* [Letters to Vera], comment. by O. Voronina and B. Boyd. Moscow, KoLibri Publ., 2017. 700 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Polnoe sobranie rasskazov* [Collected short stories], ed. by A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2014. 748 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Selected Letters: 1940–1977*, ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. New York, Harcourt, 1989. 582 p.

Nabokov V. *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 t. T. 2* [Collected American works: in 5 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2008. 669 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 t. T. 5* [Collected American works: in 5 vols. Vol. 5]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2002. 704 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. T. 2* [Collected Russian works: in 5 vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Symposium Publ., 1999. 780 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. T. 3* [Collected Russian works: in 5 vols. Vol. 3]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 838 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. T. 4* [Collected Russian works: in 5 vols. Vol. 4]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 780 p. (In Russ.)

Nabokov V. *The Annotated Lolita*, ed. by A. Appel, Jr. New York, Vintage, 1991. 544 p.

Nabokov V. *Vzgliani na arlekinov!* [Look at the Harlequins!], transl., comment. by A. Babikov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)

Proffer K. *Klyuchi k "Lolite"* [Keys to "Lolita"], transl. and intro. by N. Makhlaiuk and S. Slobodianiuk, afterword by D.B. Johnson. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 301 p. (In Russ.)

Shapiro G. Nabokov and Early Netherlandish Art. *Nabokov at Cornell.* Ithaca, NY, Cornell University Press, 1999, pp. 241–250.

Showalter E. *Sexual Anarchy: Gender and Culture at the Fin de Siècle*. New York, Viking, 1990. 242 p.

White D. *Nabokov and His Books: Between Literary Modernism and the Literary Marketplace*. Oxford and New York, Oxford University Press, 2017. 256 p.

Winston M. Lolita and the Dangers of Fiction. *Twentieth Century Literature*, vol. 21, no. 4 (Dec. 1975), pp. 421–427.

“But how can this living water be used?” (crossed out): From the castoff ending of “Camera Obscura” to “Lolita”

© 2018, Olga Voronina

Abstract: Vladimir Nabokov’s novel “Camera Obscura” famously ends with the death of its blind protagonist, Bruno Kretschmar, from the hand of Kretschmar’s former mistress, Magda Peters. In the little-known version of the novel’s ending, which the author abandoned in 1931, but nevertheless preserved among his papers, now on hold at the Library of Congress (USA), the blind man fiercely shoots Magda in revenge for her unfaithfulness and cruelty as well as in the hope of regaining his vision after the girl’s demise. This first-time publication of the castoff ending of “Camera Obscura” is preceded with an essay that compares the two versions, along with the last pages of “Laughter in the Dark”, the author’s translation of the novel to English. It also investigates the moral choices and narrative devices Nabokov relied on when choosing the more predictable, but also less brutal finale. Furthermore, the analysis draws parallels between the ending Nabokov chose not to publish and the intriguing scene of Quilty’s murder in “Lolita”, with its motifs of blindness and references to camera obscura as an artist’s tool used for creating an optical illusion. The comparison leads to conclusions about such aspects of Nabokov’s art as his visual poetics, strategies of intertextual concealment, and metaphysical imagination.

Keywords: Vladimir Nabokov, archival discoveries, text variants, “Camera Obscura”, “Laughter in the Dark”, “Lolita”'s prototexts, Nabokov’s metaphysics, visual poetics.

Information about the author: Olga Voronina, PhD, Associate Professor of Russian, director of the Russian and Eurasian Studies Program, Bard College, Annandale-on-Hudson, NY, USA.

E-mail: ovoronin@bard.edu.

Citation: Voronina Olga. “But how can this living water be used?” (crossed out): From the castoff ending of “Camera Obscura” to “Lolita”. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 8–56.

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-57-65
УДК 821.161.1

Два взгляда на жизнь Александра Добролюбова: Избранное из переписки сектантоведов Е.В. Молоствовой и А.С. Пругавина

© 2018, О.О. Служаева

Аннотация: В статье впервые публикуются фрагменты переписки исследователей русского раскола, Елизаветы Молоствовой и Александра Пругавина, раскрывающие два различных взгляда на жизнь Александра Добролюбова. Эти свидетельства современников поэта примечательны заявленным в них различием интерпретаций его жизненного выбора в рамках развертывания диалектического конфликта богочеловека-человекобога, одного из ключевых в литературе русского символизма.

Ключевые слова: А.М. Добролюбов, Е.В. Молоствова, А.С. Пругавин, литература и религия

Информация об авторе: Ольга Олеговна Служаева, соискатель ученой степени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: o.sluzhaeva@gmail.com

Цитирование: *Служаева О.О.* Два взгляда на жизнь Александра Добролюбова: Избранное из переписки сектантоведов Е.В. Молоствовой и А.С. Пругавина // Литературный факт. 2018. № 9. С. 57–65.

Елизавета Молоствова, исследовательница русского сектантства и автор статей о расколе[1], была знакома с одним из наиболее крупных исследователей неофициальных религиозных течений конца XIX — начала XX в., А.С. Пругавиным. Александр Степано-

[1] *Молоствова Е.В.* Иеговисты: Жизнь и сочинения кап. Н.С. Ильина: Возникновение секты и ее развитие. СПб., 1914. 298 с.; *Молоствова Е.В.* Ваисов божий полк // Мир ислама. 1912. № 1. С. 143–152; *Молоствова Е.В.* «Иудействующие» в русском сектантстве // Пережитое. СПб., 1911.

вич в своих работах обращал внимание читателей на связь между политической ситуацией в стране и распространением сектантских идей в народной и дворянской среде. Так, в моменты политической реакции, сменяющей период общественного подъема, Пругавин отмечал возрастание интереса к религии, преимущественно к верованиям мистического толка, среди разных слоев населения. Экстатические радения становились способом освобождения личности от государственного гнета, а христианские ценности — этикой, на основе которой предпринимались попытки выстроить новые формы социального взаимодействия[2]. Один из таких периодов в российской истории наступил в преддверии и сразу после несостоявшейся Первой русской революции. Переход Александра Добролюбова от декадентства к религиозному мистицизму интересовал этнографа, прежде всего, как крайняя форма проявления типичного поведения одного из современников. «Вчерашние модернисты и декаденты, только что приглашавшие людей “любить себя, как Бога” <…>, — писал Пругавин, — теперь только и говорят о Боге, о божестве, о религиозном сознании и т. д.»[3].

Кроме того, А.С. Пругавин был хорошо знаком с разнообразием верований Поволжья, где основал свою общину Добролюбов. Он неоднократно бывал в Самаре, подолгу жил в окрестных деревнях, общаясь с представителями различных религиозных групп и фиксируя свои наблюдения, в 1881 г. и в конце 90-х годов XIX в. Эти заметки легли в основу статей, вошедших в сборник «О Льве Толстом и толстовцах», книгу «Бунт против природы. (О хлыстах и хлыстовщине)».

Статьи Пругавина, раскрывающие некоторые детали учения Александра Добролюбова, в частности, исследование вопроса генезиса молчания, были опубликованы в газете «Русские ведомости»[4] в 1912 г. и позже вошли в его книгу очерков «Неприемлющие мира»[5]. В своей книге «Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде» автор сообщал о близости идей Добролюбова к толстовству, но с акцентом на мистическую сторону познания высшего откровения[6]. К Елизавете Молоствовой Пругавин обращал-

[2] *Пругавин А.С.* Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909. С. 24–45.

[3] Указ. соч. С. 10.

[4] *Пругавин А.* Декадент-сектант // Русские ведомости. 1912, 7 дек. С. 2 (ч. 1–2); 13 дек. С. 2 (ч. 3).

[5] *Пругавин А.* Неприемлющие мира: Очерки религиозных исканий. М., 1918. 180 с.

[6] *Пругавин А.С.* Раскол вверху. С. 45–46.

ся за дополнительными сведениями о Добролюбове, зная о прежней дружбе ее брата, Бориса Бера, с поэтом.

Бер Борис Владимирович (1871–1921) — поэт, в студенческие годы общался с А.М. Добролюбовым[7]. Г.М. Добролюбов, старший брат Александра Михайловича, предполагал включить Бера в редакторский состав трехтомного собрания сочинений брата, о чем писал Валерию Брюсову в апреле 1900 г. Также Борис Бер выступил посредником между Добролюбовым и Горьким, проживавшем в то время в Самаре и работавшем журналистом. В ответ на просьбу А.М. Горького прислать ему для изучения новые декадентские сборники, Бер обратился к А.К. Шеллер-Михайлову. 4 ноября 1895 г. А. Шеллер-Михайлов ответил Борису Беру: «Дорогой Борис Владимирович, посылаю, согласно Вашему желанию, безумие Добролюбова. Действительно, смотря на эту книгу, сомневаешься в здравом уме автора. И сколько претензии — я сказал бы: бесстыдная, если б мог представить тут хоть искру скромного. Ну да черт с ним»[8]. В феврале 1896 г. в «Самарской газете» вышла рецензия Горького на книгу А. Добролюбова «Natura naturans» с заглавием «Декадентские стихи или невероятная чепуха»[9].

Публикуемые выдержки из писем относятся к периоду 12 мая — 8 июля 1913 г. А.С. Пругавин после публикаций первых статей продолжает собирать сведения о Добролюбове и его последователях. Главным образом его интересуют духовные практики общины и их источники, а также образ жизни поэта и его единомышленников. Этим вопросам Пругавин посвятит свои более поздние статьи — «Молчальники» и «Подвижники».

В публикуемых нами выдержках из писем (оригинал письма Е.В. Молоствовой и черновик письма А.С. Пругавина) можно заметить различные оценки деятельности Александра Добролюбова. Елизавета Молоствова была близка к семье Чертковых и являлась их постоянной корреспонденткой. Отношение Молоствовой к идеям Добролюбова во многом было схоже с позицией самого Толстого, говорившего: «<…> Его [Добролюбова — *О.С.*] деятельность ведь очень хорошая. Правда, у него есть какая-то искусственность...»[10]

---

[7] См.: *Иванова Е.В*. М. Горький и Б.В. Бер // Горьковские чтения. 1984. Материалы конференции «М. Горький и литература XX столетия». Горький, 1984. С. 168–172; *Иванова Е.В*. Горький и Б.В. Бер // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 109–119.

[8] Письма Б.В. Бера // ОР СЛМ.

[9] *Горький А.М*. Декадентские стихи или невероятная чепуха // Самарская газета. 1896. № 41, 21 февр. С. 3. См.: *Удонова З*. Горький в борьбе с декадентами. М., 1968. С. 15–18.

[10] Лит. наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 2: 1906–1907. М., 1979. С. 372.

Пругавин, также несомненно с уважением относившийся к Льву Толстому и его учению, напротив, рассматривает Добролюбова как человека, равного своему времени. Можно лишь предполагать, что отношение к Добролюбову в окружении Толстого было продиктовано чувством ревности к людям, переходившим к его учению из лагеря толстовцев.

Тем не менее сходство позиций писателей по вопросам религии было значительнее различий. Так, например, книгоиздатель П. Картушин, разделявший взгляды Толстого, увлекся учением Добролюбова и на известие о смерти Льва Николаевича, полученного от А.К. Чертковой, отозвался цитатой из духовной песни Добролюбова «Пред пищей»: «Получил от вас известие, а потом и из газет узнал все о Л. Н–че. Вспомнились мне слова Алекс. Добролюбова:

Весь видимый мир та же книга тебе,

Притча глубокая скрыта везде»[11].

Длительная работа Александра Пругавина над статьями, посвященных поэту, была обусловлена тем, что отношение к деятельности Добролюбова среди интеллигенции не было однозначным, что отражает и публикуемая переписка, а каких-либо точных сведений о его вероучении распространялось не так много. Суждения литературного критика Георгия Чулкова о том, что Добролюбов «юродивый»[12], «сумевший пожертвовать собой»[13], и подобные им, несомненно требовали уточнения и нуждались в пояснении.

Также сохранились черновики работ А.С. Пругавина об Александре Добролюбове. Из них можно заключить, что исследователь довольно внимательно следил за жизнью странника. Он, к примеру, записывает, что Добролюбов до 1914 года редко, но все же навещает свою мать и сестер в Петербурге, но «во время этих посещений он всегда отказывается от всяких удобств столичной жизни: ночует в кухне, обыкновенно на полу, исполняет разную черную работу и т.п.»[14].

---

[11] Письмо А.К. Чертковой // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 3444. Л. 12. Текст песни с небольшими разночтениями присутствует в работе И.П. Яркова (*Ярков И.П.* Какими я их знаю. Рассказы о «брате Александре» Добролюбове, его друзьях и последователях // ОР РГБ. Ф. 218. К. 1394. Ед. хр. 2. Л. 389–390), архиве С.Н. Дурылина (Записная книжка С.Н. Дурылина. Записи П.П. Картушина стихотворений и высказываний А.М. Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 13–13 об. Опубл.: *Минский Н., Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст, сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова и А.А. Кобринского. СПб., 2005. С. 585). Эта песня не вошла в раздел «Псалмы “добролюбовцев”» песенного сборника, составленного А. Чертковой, «Что поют русские сектанты», вышедший двумя годами позже.

[12] *Чулков Г.* Покрывало Изиды: Критические очерки. М., 1909. С. 92.

[13] Указ. соч. С. 68.

[14] *Пругавин А.С.* Добролюбовцы // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 7.

12 мая 1913

Из письма Е.В. Молоствовой А.С. Пругавину:

«<…> Сердечное спасибо за статью о Добролюбове; в одном я не могу согласиться с вами: вы пишете, что не сомневаетесь в его искренности, а я почти не сомневаюсь в обратном, т.е. в его неискренности[15]. Д. представляется мне человеком из категории тех, кому дан талант, а кроме таланта в еще большей степени — ложно развитое самолюбие и жажда известности во что бы то ни стало. Таким людям нужен воздух, чтобы дышать и поклонение людей, чтобы жить. Если они не могут быть оригинальны, то довольствуются тем, что оригинальничают. Д. с этого и начал, но вскоре убедился, что по части прославления зла, черных месс и пр. он лишь в хвосте у Бодлера, Гюисманса и Ко. Тогда он ударился в другую крайность — в святошество. В то время он часто бывал в семье художника Микешина[16]; помню рассказ о том, как он вскакивал от обеда, становился на колени и восклицал: помолимся! (теперешнее “помолчим”) — на что умная и прямая старуха Микешина говорила: — будет! садись, не юродствуй! Встреть он “признание” в Соловках, — он бы вряд ли ушел оттуда никому неведомым послушником[17]; но соловецкие монахи воспитаны слишком практически-трезво terre a terre, чтобы интересоваться какими-либо или чьими-либо духовными запросами и настроениями. Не то в недрах народа: там непрестанно ищут, там легко верят и, когда верят, то поклоняются. Добролюбов нашел то, чего искал. Можете мне возразить, что он получил черезчур доро-

[15] Н. Минский, близко знавший Добролюбова, сохранил обратное впечатление: «Конечно, черные обои на потолке, алтарь и гашиш заключают в себе много ребяческого, смешного ломания, но я и в то время чувствовал, а теперь убежден в том, что основною чертою характера Добролюбова была глубокая искренность» (*Мин Н. <Минский Н.М.>* Обращенный эстет // Рассвет. 1905. № 82, 31 мая). А. Пругавин, очевидно, полемизировал в статье «Подвижники» с Е.В. Молоствовой: «Сидя у меня, он, как и у Мережковского, не раз обращался ко мне с просьбой:

— Помолчим, брат!

Вслед за этим он склонял голову на грудь и погружался в глубокое молчание. Казалось, он совсем забывал, где он и что с ним.

Хотя все это мне казалось очень странным, тем не менее, считаю долгом заявить, что я ни на минуту не усомнился в полной искренности Добролюбова. Даже мысль о возможности рисовки с его стороны ни разу не мелькнула у меня» (*Пругавин А.* Неприемлющие мира: Очерки религиозных исканий. С. 167–168).

[16] М.О. Микешин — художник, скульптор. Стал автором иллюстрации для обложки первого сборника Александра Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata».

[17] А.М. Добролюбов пробыл в Соловецком монастыре меньше года с осени 1898 по июнь 1899 гг.

гой ценой лестное ему положение “учителя” и “пророка”, что он, действительно, отказался от всех преимуществ цивилизации, ведет жизнь простую, строгую, трудовую, — я с этим спорить не буду, но замечу, что для человека, одержимого страстью (в данном случае тщеславием) нет для достижения его цели черезчур дорогой цены. Правда, — трудно допустить лицемерие постоянное, ложь годами, всей своей деятельностью, но, я думаю, что это трудно нелицемеру, а лицемеру легче лгать годами, если ему это выгодно, чем месяц говорить правду. Не могу не вспомнить здесь тягостного впечатления, произведенного Добролюбовым в Ясной Поляне[18]; его тон был до того неискренним, до того резал ухо своей фальшью, что Л.Н. только морщился. В разговоре со мной Д. так ломался, что я не выдержала и несмотря на его просьбу сделать с ним еще круг по саду, отказалась и ушла в дом. Зачем ему понадобилось быть у вас, у Мережковского? Затем, чтобы приобщить вас к найденной им истине? Его поведение во время его визитов не подтверждает такого намерения. Я объясняю это проще. Он надеялся, что вы оба о нем напишете[19]. Современную печать он отрицает, но отзывы о себе, кажется, и читает и ценит. Ваши статьи вряд ли доставят ему удовольствие — они спокойны и серьезны; зато истерические выкрики “богоискателей”, что Д. — святой, что он видел Христа и т.п. могут весьма вознаградить “молчальника” за его “подвиги”. Не верю я ему… Что касается его последователей из народа, то они меня глубоко интересуют и жду с нетерпением ваших статей о них. Пожалуйста, дорогой Александр Степанович, не забывайте обо мне, когда эти статьи будут печататься. М. б., мое впечатление меня обманывает — буду рада его изменить»[20].

8 июля 1913

Из черновика письма А.С. Пругавина Е.В. Молоствовой:

«<….> Вопрос об искренности того или другого человека обыкновенно нелегко поддается правильному разрешению. <…> Эта трудность особенно увеличивается в тех случаях, когда дело касается таких изломанных и в то же время сложных натур, каким

[18] Елизавета Молоствова встретилась с Добролюбовым в Ясной поляне 8 мая 1907 г. Об этом визите Л.Н. Толстой упоминает в записной книжке (*Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 56. М.; Л., 1937. С. 194).

[19] Воспоминания об этом: *Мережковский Д.С.* Революция и религия // Русская мысль. 1907. № 3. Отд. II. С. 26–29; *Пругавин А.С.* А.М. Добролюбов и его последователи // Пругавин А.С. Неприемлющие мира. М., 1918.

[20] Письма, телеграммы, почтовые квитанции Молоствовой Е.В. Пругавину А.С. // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 37–39 об.

без сомнения является Д–ов. Это поистине “сын больного века”[21] в молодости — в пору общественного безвременья — переживший много нездоровых увлечений.

<…> Но я никак не могу согласиться с Вами, что он только лицемер, только ломака. Не могу также согласиться, что вся его деятельность объясняется только его тщеславием, его погоней за поклонением и популярностью. Как всегда, и в этом случае мне хочется быть вполне объективным, хочется выяснить психологию Д–ва и его духовные переживания с полным беспристрастием. Поэтому я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сообщили мне все известные Вам факты из прежней жизни Добролюбова. Ведь Ваш брат[22] принадлежал к его кружку и вообще близко стоял к нему»[23].

Литература

Иванова Е.В. Горький и Б.В. Бер // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 109–119.

Иванова Е.В. М. Горький и Б.В. Бер // Горьковские чтения. 1984. Материалы конференции «М. Горький и литература XX столетия». Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. С. 168–172.

Литературное наследство. Т. 90: У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 2: 1906–1907. М.: Наука, 1979. 687 с.

Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст, сост., подгот. текста и примеч. С.В. Сапожкова и А.А. Кобринского. СПб.: Академический проект, 2005. 696 с.

Пругавин А.С. Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. М.: Задруга, 1918. 180 с.

Пругавин А.С. Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб.: Общественная польза, 1909. 266 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 56. М.; Л.: Худож. лит., 1937. 661 с.

Удонова З. Горький в борьбе с декадентами. М.: Сов. Россия, 1968. 192 с.

Чулков Г. Покрывало Изиды: Критические очерки. М.: Золотое руно, 1909. 217 с.

[21] Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин»: «Какую подать с жизни взял / Ты — сын больной больного века?..» В стихотворении Ф. Сологуба «Я также сын больного века…» встречаем парафраз стиха Некрасова.

[22] В 1895 г. Борис Бер общался в Петербурге с Александром Добролюбовым и сыном М.О. Микешина. Добролюбов, в частности, писал Беру в 1895 г.: «Зовите ко мне во вторник молодого Микешина: я по вторникам всегда дома и боюсь в этот вторник просидеть одиноко» (Письма Б.В. Бера // ОР СЛМ).

[23] Письма (черновики) Пругавина А.С. Молоствовой Елизавете Владимировне — корректору // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 1–2.

References

Ivanova E.V. Gor'kii i B.V. Ber [Gorky and B.V. Ber]. *Gor'kii i ego epokha: Issledovaniia i materialy* [Gorky and his era: Studies and materials]. Moscow, 1989, vol. 1, pp. 109–119. (In Russ.)

Ivanova E.V. M. Gor'kii i B.V. Ber [Gorky and B.V. Ber]. *Gor'kovskie chteniia. 1984. Materialy konferentsii "M. Gor'kii i literatura XX stoletiia"* [Gorky readings. 1984. Proc. Conf. "M. Gorky and literature of the 20th century"]. Gorky, Volga-Viatka Publ., 1984, pp. 168–172. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 90: U Tolstogo. 1904–1910: "Iasnopolyanskie zapiski" D.P. Makovitskogo. Kn. 2: 1906–1907 [Literary heritage. Vol. 90: At Tolstoy's place. 1904–1910: D.P. Makovickii's notes from Yasnaya Polyana. Book 2: 1906–1907]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 687 p. (In Russ.)

Minskii N., Dobroliubov A. *Stikhotvoreniia i poemy* [Verses and poems], intro., comp., ed. and notes by S.V. Sapozhkov and A.A. Kobrinsky. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005, 696 p. (In Russ.)

Prugavin A. *Nepriemlyushchie mira. Ocherki religioznykh iskanii* [Those who do not accept the world: Essays on religious strivings]. Moscow, Zadruga Publ., 1918. 180 p. (In Russ.)

Prugavin A.S. *Raskol vverkhu: Ocherki religioznykh iskanii v privilegirovannoi srede* [The split above: Essays on religious strivings in a privileged society]. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1909. 266 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t. T. 56* [Complete works: in 90 vols. Vol. 56]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1937. 661 p. (In Russ.)

Udonova Z. *Gor'kii v bor'be s dekadentami* [Gorky in the fight against decadents]. Moscow, Sovetskaya Rossiia Publ., 1968. 192 p. (In Russ.)

Chulkov G. *Pokryvalo Izidy: Kriticheskie ocherki* [Isis cover: Critical essays]. Moscow, Zolotoe runo Publ., 1909. 217 p. (In Russ.)

Two outlooks on Alexander Dobrolubov's life: Selections from the correspondence between experts on religious sects Elizaveta Molostvova and Alexander Prugavin

© 2018, Olga Sluzhaeva

Abstract: This article, for the first time ever, features excerpts from the correspondence between experts on the Russian Schism, Elizaveta Molostvova and Alexander Prugavin, that reveal two outlooks on Alexander Dobrolyubov's life. This evidence from the poet's contemporaries is notable for its declared difference in interpretations of Dobrolyubov's life choices in the framework of the development of the God-Man/Man-God dialectic conflict, which is one of the key conflicts in the Russian symbolist literature.

Keywords: A.M. Dobrolubov, E.V. Molostvova, A.S. Prugavin, literature and religion

Information about the author: Olga Sluzhaeva, competitor for a scientific degree, Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: o.sluzhaeva@gmail.com

Citation: Sluzhaeva Olga. Two outlooks on Alexander Dobrolubov's life: Selections from the correspondence between experts on religious sects Elizaveta Molostvova and Alexander Prugavin. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 57–65.

ИНСТИТУЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА В РУССКОМ МОДЕРНИЗМЕ

От составителя

Репутация писателя существует в качестве фонового знания у его читателя и самого пишущего и тем самым является фактором литературного процесса. Перипетии ее эволюции описываются с помощью таких понятий, как известность, популярность, успех, слава, а также их противоположностей. Начиная с известной книги И.Н. Розанова (1929), реконструкция и описание форм репутаций было осознано как одна из задач истории и социологии литературы. Успешность — центральное понятие для такой реконструкции, а достижение ее требует своего рода общественных институций. Понимать успех в традиционном ключе (слава) или как «золотое клеймо неудачи»; рыночные или кружковые способы его достижения, и какова в обоих случаях целевая аудитория; исторически сложившиеся среды для промоции писателя и их трансляция в другие культурные и даже иноязычные ситуации — вот круг тем и вопросов, который встает при решении такой задачи.

Этому был посвящен научный семинар «Институции литературного успеха в русском модернизме», организованный в Хельсинкском университете в сентябре 2017 г. пишущим эти строки совместно с профессором Томи Хуттуненом. Некоторые из его материалов представлены в предлежащей подборке статей.

Г.В. Обатнин

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-67-78
УДК 821.161.1

Путем зерна: Эпизод «реабилитации» В. Ходасевича в Советском Союзе (Л. Чертков и Краткая литературная энциклопедия)

© 2018, Э.С. Вайсбанд

Аннотация: В статье на основе письма Л.Н. Черткова к Н.Н. Берберовой восстанавливается контекст публикации статьи «Ходасевич» за подписью Черткова в «Краткой литературной энциклопедии» (1962–1978). КЛЭ считалась прогрессивным для своего времени изданием, на страницах которого, часто впервые, вводились в научный и общекультурный оборот многие имена неизвестных и полузапрещенных модернистских и эмигрантских авторов. Письмо Черткова и анализ статьи показывают, на какие компромиссы в ее содержании должны были пойти ее авторы и редакторы КЛЭ, чтобы эта статья появилась в печати.

Ключевые слова: В. Ходасевич, Н. Берберова, Л. Чертков, Краткая литературная энциклопедия.

Информация об авторе: Эдуард Семенович Вайсбанд, PhD., научный сотрудник, Центр междисциплинарных фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ewaysband@hse.ru

Цитирование: *Вайсбанд Э.С.* Путем зерна: Эпизод «реабилитации» В. Ходасевича в Советском Союзе (Л. Чертков и Краткая литературная энциклопедия) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 67–78.

Может показаться, что судьба посмертного наследия В. Ходасевича воплотила метафору, положенную в основу его стихотворения «Путем зерна» (1917), «всему живущему идти путем зерна», — долгий период официально насаждаемого забвения поэта сменился его широким признанием как одного из «крупнейших, совершеннейших и своеобразнейших русских поэтов первой половины <XX> века»[1]. Эта метафора «зерна» подходит и для соотношения отсутствия поэзии Ходасевича в подцензурных изданиях и ее широкого «подземного», самиздатского бытования[2]. Однако в период оттепели стала расти надежда на то, что полузапретный статус Ходасевича сменится его «реабилитацией», как определяла появление его публикаций и публикаций о нем в советской печати Н. Берберова. 9 марта 1976 г. она писала Л.З. Копелеву: «Ходасевич, как Вы и И<нна> П<етровна>[3] конечно знаете, был “реабилитирован” в январском номере “Москвы” 1963 г.[4] Надо ли понимать дело так, что реабилитации 1957–1967 г.г. теперь аннулированы?»[5] Берберова внимательно следила за этим процессом, и материалы ее архива, без сомнения,

[1] *Чуковский Н.* О том, что видел. М., 2005. С. 138. 6 апреля 1987 г. В.В. Катанян писал Н.Н. Берберовой, радостно удивляясь наступающей «переоценке ценностей»: «Выступая по радио, Возн<есенский> сказал, что “пора поставить его том на полку классической русской поэзии” — о Ходасевиче. А я начинаю делать фильм... об Ахматовой. Ну и ну» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Yale University. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 9, folder 282).

[2] О поэзии Ходасевича в самиздате характерно писала 14 января 1982 г. Берберовой литературовед Анна Владимировна Тамарченко (1915–2015), которая вместе с мужем, литературоведом Григорием Евсеевичем Тамарченко (1913–2000), эмигрировала из Советского Союза в 1979 г.: «Может быть, Вы сами знаете, но на всякий случай скажу еще, что Ходасевич никогда не был “забытым поэтом”. А в последние два десятилетия он стал положительно популярен, разумеется, в том кругу, который имеет хоть какой-нибудь доступ к литературе, официально не рекомендованной. Но ведь этот круг очень широк теперь. Для многих он любимый поэт, книги которого с большими трудностями собирают, выясняют биографические и литературные связи, изучают. Вы, вероятно, помните, что значит в России — “любимый поэт”? В этом смысле ничего не переменилось. “Европейскую ночь” переписывают на машинке, переплетают и дарят друг другу. Мне мои студенты дважды дарили сборник в таком “самиздате”, а уезжая я тоже подарила оба экземпляра своим младшим друзьям» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 20, folder 553).

[3] И.П. Бабенышева (литературный псевдоним И. Андреева, р. 1932) — журналистка и литературовед; в ее авторстве и под ее редакцией вышли книги: Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому. Ann Arbor, 1983; *Киссин С. (Муни)*. Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем. М., 1999; Неуловимое создание. Встречи. Воспоминания. Письма. М., 2000.

[4] См.: *Ходасевич В.* Европейская ночь // Москва. 1963. № 1. Предваряющая анонимная врезка к публикации стихов была выдержана в нейтрально-сочувствующем тоне: «Публикуем некоторые из стихотворений В. Ходасевича. В них ощущается неудовлетворенность поэта жизнью на чужой ему земле» (С. 131).

[5] Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 12, folder 319.

послужат одним из основных источников для будущего анализа рецепции творчества Ходасевича в СССР и в зарубежье.

Одним из эпизодов «реабилитации» Ходасевича в СССР стало появление заметки о нем за подписью Л. Черткова в Краткой литературной энциклопедии (КЛЭ). 8-томная (с дополнительным 9-м томом) Краткая литературная энциклопедия, выходившая с 1962 по 1978 г., была одним из непосредственных результатов либерализации культурной жизни, связанных с оттепелью. Редакторы КЛЭ стремились привлечь к написанию статей молодых исследователей, которые занимались периферийными для советского литературоведения областями, в частности литературой русского модернизма. Таким образом, КЛЭ централизовала работу круга исследователей, часто впервые на ее страницах вводивших в научный и общекультурный оборот значительное число имен, без которых сейчас невозможно представить историю русского модернизма. Нередко молодым исследователям позволялось дополнять словник КЛЭ именами забытых и/или не всегда идеологически приемлемых литераторов. Бывали и такие случаи, когда именно статья в КЛЭ служила «охранной грамотой» для вхождения ее героя в официальную литературу. Так, например, В. Глоцер вспоминал, что именно его заметка о Г. Оболдуеве, у которого до этого в печати появилось всего одно стихотворение и который, в общем, не обладал правом на включение в энциклопедию, сыграла свою роль в последующих публикациях его стихов в советских изданиях[6]. В последнее время появилось несколько публикаций, посвященных главным образом тем препонам, которые приходилось преодолевать авторам статей в КЛЭ, чья тематика в той или иной мере отходила от официального курса в советском литературоведении. В главе «Битва за литературную энциклопедию» в книге В. Огрызко «Держусь на одной идеологии: Драматическая судьба советского критика Александра Дымшица как отражение литературных борений самого кровавого века» (М., 2017) прослеживается роль официозного литфункционера А. Дымшица по воспрепятствованию проникновения в КЛЭ новых веяний[7]. Так, например, 20 марта 1964 г. он сообщал заведующему отделом культуры ЦК КПСС Дмитрию Поликарпову о том, что в 1-м томе КЛЭ «отчетливо выразился беспринципный, “капитулянтский” подход к

[6] См.: *Паункович З.* Беседа с Владимиром Глоцером // Зеркало: Лит.-худ. журн. Май 2007. URL: http://magazines.russ.ru/zerkalo/2009/34/pa13.html (дата обращения: 20.07.2018).

[7] Первоначально эта глава была опубликована под названием «Битва за объективную литэнциклопедию»: Литературная Россия. 2016. № 19, 13 мая. URL: https://litrossia.ru/item/9014-vyacheslav-ogryzko-bitva-za-ob-ektivnuyu-litentsiklopediyu/ (дата обращения: 20.07.2018).

модернизму, основанный на вредной идее о возможности мирного идеологического существования»[8]. В публикации В. Молодякова «В боях за “Символизм”. Переписка Л.К. Долгополова с редакцией “Краткой литературной энциклопедии”»[9] показано, с каким трудом проходила редактуру передовая для того времени статья Долгополова «Символизм».

Особенность селективного отбора и содержания статей в КЛЭ, как и в других советских изданиях такого типа, заключалась в совмещении и нередко столкновении нескольких ключевых подходов, прежде всего биобиблиографического, предназначенного обеспечить фактический материал для включения данного автора в общелитературный канон, и идеологической оценки его литературной продукции и общественно-политической позиции. Наиболее значимые образчики совмещения этой двойной литературно-идеологической аккредитации комплектовали пантеон «советских классиков» во главе с Максимом Горьким. На противоположном полюсе этой оси находились литераторы, чья общественно-политическая позиция входила в противоречие с советской идеологией, а «символический капитал» их творчества не позволял, как в случае И.А. Бунина, умерить правоверное негодование. В глазах редакторов и кураторов КЛЭ разлад между символическим и идеологическим капиталом Ходасевича ставил под сомнение, как будет далее видно, саму возможность присутствия статьи о нем в КЛЭ. Тем не менее возобладало компромиссное решение о публикации статьи, включающей осуждение «антисоветской» деятельности Ходасевича. Это совмещение двух интенций привело и к частичному искажению фактического материала в угоду идеологической оценке.

В публикациях Огрызко и Молодякова прослеживается долгая редакторская работа над отдельными статьями и томами КЛЭ, сопровождаемая конфликтами и согласованиями на разных уровнях, от авторов статей до партаппаратчиков. Для статьи о Ходасевиче в КЛЭ таким поясняющим материалом может служить письмо ее автора Л.Н. Черткова к Берберовой от 19 августа 1975 г. Чертков стоял у истоков послевоенного возрождения (или зарождения?) науки о русском модернизме[10]. В эту деятельность включалось и

[8] См.: *Огрызко В.* Держусь на одной идеологии: Драматическая судьба советского критика Александра Дымшица как отражение литературных борений самого кровавого века. М., 2017. С. 600.

[9] Новый журнал. 2015. № 280. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2015/280/12s.html (дата обращения: 21.07.2018).

[10] См.: *Тименчик Р.* Леня Чертков // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/tim.html (дата обращения: 29.07.2018).

исследование полузапретных тогда писателей русского зарубежья. Чертков был привлечен к написанию статей в КЛЭ начиная со 2-го тома. Он написал более 100 статей, многие из которых были о русских модернистах, в том числе эмигрантах — В.И. Горянском, И.В. Шкловском-Дионео, Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, И.С. Лукаше, В.В. Набокове (в соавторстве с О. Михайловым), С.Р. Минцлове, Д.П. Святополке-Мирском, П.П. Потемкине, М.А. Осоргине, Б.В. Савинкове, Л.Д. Любимове, И.В. Одоевцевой и др. После эмиграции Черткова в 1974 г. его статьи в 9-м томе КЛЭ были напечатаны под псевдонимом «Л. Москвин»[11]. Судя по письму к Берберовой, большинство его статей в КЛЭ подверглись тем или иным цензурным искажениям. Если цензурное вмешательство в какой-то степени подорвало фактологическую ценность статей, значение их публикации, как свидетельствовала Берберова (см. далее), выходило за чисто биобиблиографические рамки[12]. Речь шла ни много ни мало о «реабилитации» этих писателей на родине, о включении их в актуальный контекст русской литературы и культуры с надеждой на дальнейшее расширение поля дозволенного, чего, однако, в случае Ходасевича не произошло вплоть до перестройки.

> Многоуважаемая Нина Николаевна!
>
> Пишет Вам муж Т.Л. Никольской[13], с которой Вы в свое время переписывались. Я уже год нахожусь на Западе, эмигрировав по израильской линии (Татьяна пока уезжать не захотела). Я давно хотел написать Вам, но меня смущало то, что было сделано редакцией КЛЭ из моей статьи о Ходасевиче. Поэтому я хочу объяснить Вам то, что там произошло. Сначала статья была закреплена за Синявским, но потом по понятным причинам[14] была передана другому лицу, ко-

[11] См.: *Зубарев Д.И.* Леонид Натанович Чертков // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/chert.html (дата обращения: 29.07.2018); *Никольская Т.* Путешественник, ставший затворником // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/nikol.html (дата обращения: 29.07.2018).

[12] См. также реакцию Глоцера, когда редактор КЛЭ, «признавшийся, что не имеет представления о таком поэте (что неудивительно!), стал при мне править мою статью, я, никогда не разрешающий изменить у себя хоть слово по редакторской воле, стоял и молчал: пусть правит, лишь бы имя Георгия Оболдуева вошло в энциклопедию!» (*Паункович З.* Указ. соч.).

[13] Никольская Татьяна Львовна (р. 1945) — литературовед. Была замужем за Чертковым с 1965 по 1974 гг., см.: *Никольская Т.* Указ. соч.

[14] Синявский Андрей Донатович (1925–1997). Осенью 1965 г. был арестован вместе с Ю. Даниэлем по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации.

торым вначале был кажется известный Вам С. Григорянц[15]. Однако его статья как-то никого не удовлетворила в редакции, и вторую написал С. Залин[16]. Эта опять никого не устроила. И потом обе были даны мне, чтобы я их отредактировал и сделал среднее. Я честно попытался это сделать, но ничего не получилось. Поясню, что обе статьи были изложением общеизвестных фактов из Ваших и Г.П. Струве работ + обширная библиография и без каких-либо попыток анализа или осмысления[17]. В конце концов я решил написать

[15] Литературовед, журналист и правозащитник Сергей Иванович Григорянц (р. 1941) был арестован в 1975 г. С 1967 г. вел переписку с Берберовой, в которой, среди прочего, информировал ее о своих планах по изданию Ходасевича в Советском Союзе, например подборки его стихотворений в альманахе «День поэзии» за 1967 г. и в журнале «Москва» за тот же год или тома стихотворений в издательстве «Художественная литература». Эти планы не осуществились. В недатированном письме 1967 г. Григорянц сообщал Берберовой, что будет писать статью о Ходасевиче для КЛЭ (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 9, folder 216). Однако в письме от 14 мая 1972 г. он писал: «У меня сначала отобрали статью о Ходасевиче и отдали ее человеку более “идеологически выдержанному”. Оказалось, однако, что он ее написал так плохо, упустил половину материалов и кое-что перепутал, что статью его теперь опять отдали мне для улучшения и исправления. Я, конечно, сделаю, что могу, хотя вся эта история меня и оскорбила<,> и вызвала раздражение. Единственное, чего я не могу вставить, хоть мне бы этого и хотелось — польские публикации В.Ф. Он напечатал ряд статей, они у меня были выписаны, но когда полтора года назад мне сообщили, что статью у меня забирают, я куда-то затерял эту выписку и не могу найти этих публикаций. Не знаете ли Вы их?» (Там же). О работе Григорянца в КЛЭ см. также в его готовящейся к печати книге «В преддверии судьбы»: «Я пришелся в “Литературной энциклопедии” ко двору: в те годы в Советском Союзе было всего-то пять-шесть человек, пишущих о русской литературе начала века и эмиграции — Харджиев, Синявский, Олег Михайлов, Леня Чертков, Александр Бабореко и я» (URL: http://grigoryants.ru/podvodya-itogi/v-preddverii-sudby-s-i-grigoryants/ (дата обращеня: 29.07.2018)).

[16] Сергей Залин (р. 1937) — поэт и критик. По сведениям, любезно предоставленным Г.Г. Суперфином, Залин в 1966 г. окончил филологический факультет МГУ, выступал как составитель поэтических сборников, переводил европейских и национальных поэтов, писал статьи для «Литературной газеты» и др. изданий. Своих стихов в СССР почти не публиковал. В 1980 г. эмигрировал в США.

[17] К этому времени Берберовой были написаны следующие статьи о Ходасевиче: Памяти Ходасевича // Современные записки. 1939. № 69; Владислав Ходасевич, русский поэт // Грани. 1951. № 12; Предисловие // Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания / Ред. Н. Берберова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954; Предисловие // Собрание стихов / Ред. Н. Берберова. Мюнхен, 1961. Книги Ходасевича под редакцией Берберовой имели широкое хождение в Советском Союзе, свидетельство чему находим прежде всего в переписке Берберовой. В письме от 19 октября 1962 г. к Philippe Radley Берберова писала: «Akhmatova, with whom I am in contact (but please do not tell anyone about it — this is serious) tells me that the most “beloved” poets of the contemporary leningradian angry young men are Mandelshtam and Khodasevich. This is probably true because two persons have seen in June 62 two different copies of “Sobranie Stikhov” (which I edited in 1961) TYPED from beginning to end in the hand of some leningradian beatniks» [«Ахматова, с которой я поддерживаю связь (но прошу никому не сообщать — это серьезно), говорит, что у сердитых молодых людей из Ленинграда самые “любимые” поэты Мандельштам и Ходасевич. Возможно, так и есть, поскольку в июне 1962 г. два человека видели две разные копии “Собрания стихов” (которое я редактировала в 1961 г.), ОТПЕЧАТАННЫЕ НА МАШИНКЕ от начала до конца руками каких-то ленинградских битников»] (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 16, folder 463); см. также письмо к Л. Копелеву от 20 ноября 1975 г.: «Знаете ли Вы сборник, кот. я издала в 1959 <так!> г. (разошел-

свою статью, что и сделал. Но — известно ли Вам — не знаю — большую роль в КЛЭ играет А. Дементьев[18], причем как правило деструктивную, он вечно шарахается справа налево. И в этот раз он почему-то решил, что Ходасевич является главным врагом советской власти, и испещрил статью таким количеством замечаний подобного свойства, что редактор[19] уже приходила к выводу, что лучше статью о Ходасевиче не давать вообще. Я поелику это было возможно собрался что-то сохранить в статье и до предела сокращать эпитет «антисоветский» — но в связи с отъездом (прошедшим почти в полусекрете от КЛЭ, — почему и сохранились мои подписи) за всеми корректурами (а их бывает неограниченное количество) проследить не смог, и в результате статья о Ходасевиче пополнила собой уже значительное число искаженных редакцией моих статей в КЛЭ. Надеюсь, Вы меня поймете и сердиться не будете. <…>

В ответном письме от 24 сентября 1975 г. Берберова стремилась успокоить Черткова:

<…> что до заметок в КЛЭ то, поверьте мне, мне не надо объяснять, что происходит за кулисами. По-моему, тот факт, что вообще разрешили поместить там заметку о ВФХ — чудо. Издание, от которого столько ждали, не оправдало надежд: арабы, африканцы, малайцы, жители Самоа и пр. совершенно (количественно) затмили нас всех, и первые тома уже страшно устарели.[20]

ся весь)? Там очень важные есть примечания самого ВФХ к своим стихам. Ахматова мне говорила в Париже, что у нее он есть, и что многие (?) этот сборник видели. Это было в 1965 году» (Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 12, folder 319. Series I). По свидетельству Л.С. Флейшмана, с середины 1960-х гг. книга Г. Струве «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы» (Нью-Йорк, 1956) стала доступна в СССР для литературоведов в спецхране столичных библиотек (*Флейшман Л.* Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. № 1. С. 39). В КЛЭ эта книга упомянута только в 7-м томе в статье о Струве Н. Щукиной, на что обратил внимание сам Струве в рецензии на 8-й том (*Струве Г.* Еще о 8-м томе «Краткой литературной энциклопедии» // Русская мысль. 1975. № 3068, 10 июля. С.10).

[18] Александр Григорьевич Дементьев (1904–1986) — советский литературовед, член ВКП(б) с 1941 г. В 1948–1953 гг. руководил кафедрой советской литературы ЛГУ. Осенью 1949 г. участвовал в травле Б.М. Эйхенбаума в прессе (*Дементьев А.* Серьезные ошибки «Библиотеки поэта» // Литературная газета. 1949, 24 сент. С. 3). В 1953–1955 и с конца 1959 г. заместитель главного редактора журнала «Новый мир».

[19] Скорее всего, речь идет о Питляр Эсфири Хаскелевне (псевдоним Ирина Александровна Питляр, 1915–2007), литературном критике и литературоведе, привлекавшей к работе над статьями в КЛЭ молодых литературоведов и заказывавшей им статьи об авторах, которые мало соответствовали понятию «советская литература» (см.: *Паункович З.* Указ. соч.).

[20] Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Nina Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 15, folder 422.

При всей неполиткорректности последнего заявления, Берберова указывает здесь на немаловажный аспект КЛЭ, о котором еще не заходила речь в публикациях об этом издании, а именно о попытке преодоления культурного империализма в его селективных принципах. Эта установка была артикулирована уже в вводной статье «От редакции», опубликованной в начале первого тома:

> Опираясь на достижения марксистско-ленинской науки о литературе, редакция считала необходимым познакомить читателей с обширным кругом литературных явлений, дать сведения не только о тех литературах, которые имеют давнюю традицию и хорошо изучены (европейские страны, США), но и о литературах многих других стран мира. Впервые на страницах советского энциклопедического издания довольно широко представлены богатые литературы ряда зарубежных стран, ранее весьма слабо освещавшиеся в нашем литературоведении. Недостаточная изученность этих литератур (особенно стран Африканского континента) не могла не сказаться на общем уровне соответствующих справочных данных, вошедших в настоящее издание. Однако редакция стремилась использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства, привлечь всех, к сожалению, еще немногочисленных специалистов для того, чтобы осветить состояние литературы и в тех странах, которые борются за политическую независимость или завоевали ее лишь недавно, получив тем самым большие возможности для развития национальной культуры, в том числе и литературного творчества.[21]

Таким образом, можно видеть, что КЛЭ задумывалась, среди прочего, как часть государственной кампании по культурной легитимации национально-освободительных движений в странах третьего мира. Вероятно, эта антиимпериалистическая концептуализация КЛЭ сыграла свою роль в лоббировании этого проекта в коридорах власти и затем в благополучном доведении его до конца через все рифы идеологической цензуры. Программные антиимпериалистические селективные принципы КЛЭ вступали в противоречие с надеждами, озвученными Берберовой, которая видела в КЛЭ прежде всего площадку по пересмотру официального канона русской литературы XX в. за счет включения в него эмигрантских литераторов, на что недвусмысленно указывает личное местоимение во множественном числе «нас всех»[22] .

[21] Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. С. 5.

[22] Эти надежды разделяли и другие эмигранты. В рецензии на 8-й том КЛЭ Г.П. Струве предположил, что в 9-й дополнительный том КЛЭ «попадут <…> гильотинированные в предыдущих томах, особенно в более ранних, как, например, о. С. Булгаков, А.Л. Бем, Г.В. Адамович,

В заключение стоит перечитать статью о Ходасевиче в КЛЭ как характерный этап в рецепции его творчества, пытаясь определить узловые пункты текста, подвергшиеся наибольшей идеологической деформации в многоступенчатом процессе редактирования статьи.

> **ХОДАСЕ́ВИЧ**, Владислав Фелицианович [16(28).V.1886, Москва — 14.VI.1939, Париж] — рус. поэт, критик. Род. в семье художника. Печатался с 1905. Первые книги стихов «Молодость» (1908) и «Счастливый домик» (1914) отмечены влиянием символистов. В сб-ках «Путем зерна» (1920) и «Тяжелая лира» (1922) у Х. проявляется своеобразный «неоклассицизм», характерный и для его критич. статей и становящийся выражением резкого неприятия действительности, в т. ч. и советской. Х. отстаивал право «историка и поэта» быть выше современности.[23]
>
> Выехав в 1922 за границу, Х. одно время находился под влиянием М. Горького, ценившего его как поэта[24]; сотрудничал в журн. «Беседа». Однако с 1925 он перешел в лагерь белой эмиграции, эволюционируя все более вправо (от эсеровских «Дней» до монархического «Возрождения»), после чего Горький порвал с ним отношения[25]. Х. все чаще выступал как критик и мемуарист, в т. ч. со статьями антисов. характера. Соответственно убывает его поэтич. продукция[26]. После «Собрания стихов» (1927) он почти не выступал

Н.Н. Берберова и мн. др.» (*Струве Г.* Дневник читателя. О 8-м томе «Краткой литературной энциклопедии» // Русская мысль. 1975. № 3059, 10 июля. С. 10). Действительно, в 9-м томе были опубликованы статьи о С. Булгакове, Беме и Адамовиче (но не о Берберовой).

[23] Отсылка к стихотворению «Сквозь облака фабричной гари…», начатого в 1922 г. и завершенного весной 1923 г. Оно было опубликовано в журнале «Беседа» (1923. № 1), но не вошло в авторские сборники:

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят: историк и поэт.

(*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1997. С. 304). Предположительно об этом стихотворении Ходасевич писал Анне Ходасевич 30 января 1923 г.: «В тех стихах было шестнадцать строк, и не послал я их потому, что они были политические (даже не против Советской Власти), но цензура не разобрала бы по глупости. Впрочем, потом я их выбросил: плохи» (Там же. Т. 4. С. 656).

[24] В статье «Группа “Серапионовы братья”» (1923) Горький определил Ходасевича как «лучшего, на <его> взгляд, поэта современной России» (Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 563).

[25] Ходасевич стал сотрудником правой газеты «Возрождение» только в 1927 г., в то время как отношения с Горьким были прерваны в 1925 г., после того как Ходасевич не ответил на письмо Горького от 13 августа (см.: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 372–373); об отношениях Горького и Ходасевича см.: *Scherr B.P.* A Curtailed Colloquy: Gorky, Khodasevich and *Beseda* // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Part II. Stanford, 2008. P. 129–146.

[26] В этом заявлении характерно проявление «советского патриотизма», устанавливающего прямую корреляцию между «антисоветской» позицией Ходасевича и иссякновением его поэтического творчества.

как поэт. Эмигрантский цикл «Европейская ночь» сконцентрировал в себе осн. черты его поэзии. Вера в незыблемость культурных ценностей сочетается у него с мыслями о безысходности бытия, лирич. обнаженность — с чертами усталости и цинизма, лаконизм поэтич. средств — с суховатостью и дидактизмом. Значение сохраняют литературоведч. работы Х.: книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» (1924), «Державин» (1931), «О Пушкине» (1937). Переводил польских, евр., франц., арм. и латыш. писателей.

Соч. и *переводы*: Из евр. поэтов, П. — Б., 1922; Загадки, П., 1922; Статьи о рус. поэзии, П., 1922; Некрополь. Воспоминания, Брюссель, 1939; Лит. статьи и воспоминания, Нью-Йорк, 1954; Собрание стихов, [Мюнхен], 1961; Европейская ночь. [Стихотворения], «Москва», 1963, № 1.

Лит.: Белый А., Рембрандтова правда в поэзии наших дней, «Записки мечтателей», 1921, № 5; *Шагинян* М., Владислав Ходасевич, в ее кн.: Лит. дневник, М. — П., 1923; *Брюсов* В., Среди стихов, (В. Ходасевич. Тяжелая лира), «Печать и революция», 1923, № 1; *Вейдле* В., Поэзия Ходасевича, Париж, 1928;[27] Горький и сов. писатели. Неизданная переписка, в кн.: Лит. наследство, т. 70, М., 1963 (по указателю); *Орлов* Вл., На рубеже двух эпох, «ВЛ», 1966, № 10; История рус. лит-ры конца XIX — нач. XX в. Библиографич. указатель, под ред. К. Д. Муратовой, М. — Л., 1963.

Л.Н. Чертков

Литература

Зубарев Д.И. Леонид Натанович Чертков // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/chert.html (дата обращения: 29.07.2018).

Молодяков В.Э. В боях за «Символизм». Переписка Л.К. Долгополова с редакцией «Краткой литературной энциклопедии» // Новый журнал. 2015. № 280. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2015/280/12s.html (дата обращения: 21.07.2018).

Никольская Т. Путешественник, ставший затворником // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/nikol.html (дата обращения: 29.07.2018).

Огрызко В. Держусь на одной идеологии: Драматическая судьба советского критика Александра Дымшица как отражение литературных борений самого кровавого века. М.: Литературная Россия, 2017. 715 с.

Паункович З. Беседа с Владимиром Глоцером // Зеркало. 2007. Май. URL: http://magazines.russ.ru/zerkalo/2009/34/pa13.html (дата обращения: 20.07.2018).

Тименчик Р. Леня Чертков // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/tim.html (дата обращения: 29.07.2018).

[27] Это единственная эмигрантская публикация о Ходасевиче, включенная в библиографию. Так, например, не включена вторая ключевая статья Андрея Белого о Ходасевиче: *Андрей Белый*. Тяжелая лира и русская лирика // Современные записки. 1923. № 15.

Флейшман Л. Из архива Гуверовского института. Письма Ю.Г. Оксмана к Г.П. Струве // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 15–70.

Чертков Л. Ходасевич // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. Стб. 300–301.

Чуковский Н. О том, что видел. М.: Молодая гвардия, 2005. 686 с.

References

Chertkov L. Khodasevich. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Concise literary encyclopedia], ed. by A.A. Surkov. Vol. 8. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1975, col. 300–301. (In Russ.)

Chukovskii N. *O tom, chto videl* [What I've seen]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2005. 686 p. (In Russ.)

Fleishman L. Iz arkhiva Guverovskogo instituta. Pis'ma Iu.G. Oksmana k G.P. Sturve [From the Hoover Institution Archives. Yu.G. Oksman's letters to G.P. Struve]. *Stanford Slavic Studies*, 1987, vol. 1, pp. 15–70. (In Russ.)

Molodiakov V. V boiakh za "Simvolizm". Perepiska L.K. Dolgopolova s redaktsiei "Kratkoi literaturnoi entsiklopedii" [Fighting for "Symbolism". Leonid Dolgopolov's correspondence with the Concise Literary Encyclopedia editorial board]. *Novyi zhurnal*, 2015, no. 280. Available at: http://magazines.russ.ru/nj/2015/280/12s.html (accessed 21.07.2018). (In Russ.)

Nikol'skaia T. Puteshestvennik, stavshii zatvornikom [A traveler who became a reclusive]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/nikol.html (accessed 29.07.2018). (In Russ.)

Ogryzko V. *Derzhus' na odnoi ideologii: Dramaticheskaia sud'ba sovetskogo kritika Aleksandra Dymshitsa kak otrazhenie literaturnykh borenii samogo krovavogo veka* [I keep going only by virtue of ideology: The dramatic destiny of the Soviet critic Alexander Dymshits as a reflection of literary struggles of the most bloody century]. Moscow: Literaturnaia Rossiia Publ., 2017. 715 p. (In Russ.)

Paunkovich Z. Beseda s Vladimirom Glotserom [A conversation with Vladimir Glotser]. *Zerkalo*, 2007, May. Available at: http://magazines.russ.ru/zerkalo/2009/34/pa13.html (accessed 20.07.2018). (In Russ.)

Timenchik R. Lenia Chertkov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/tim.html (accessed 29.07.2018). (In Russ.)

Zubarev D.I. Leonid Natanovich Chertkov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/chert.html (accessed 29.07.2018). (In Russ.)

The Grain's Way: An episode of Vladislav Khodasevich's "rehabilitation" in the Soviet Union (Leonid Chertkov and the Concise Literary Encyclopedia)

© 2018, Edward Waysband

Abstract: Conceived in a short-lived post-Stalin period of the Khrushchev Thaw (ottepel'), the Concise Literary Encyclopedia (1962–1978) represented its characteristic ambivalent attempt to combine Soviet class ideology with Western humanistic values. The Encyclopedia was instrumental in bringing back to the Soviet readership many names of Russian Modernist and émigré literati whose works and even names were previously censored. The article deals with circumstances of the publication of Leonid Chertkov's article on Vladislav Khodasevich in the Encyclopedia. Chertkov's 1975 letter to Nina Berberova, which is preserved in her archive in the Beinecke Rare Book and Manuscript Library, provides first-hand evidence of painful compromises that authors and "liberal" editors of the Encyclopedia were obliged to make in order, as it were, to save from oblivion writers whose literary canonization was hindered in the Soviet Union due to ideological reasons.

Keywords: V. Khodasevich, N. Berberova, L. Chertkov, Concise Literary Encyclopedia.

Information about the author: Edward Waysband, PhD., research associate, HSE Interdisciplinary Fundamental Research Center, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ewaysband@hse.ru

Citation: Waysband Edward. The Grain's Way: An episode of Vladislav Khodasevich's "rehabilitation" in the Soviet Union (Leonid Chertkov and the Concise Literary Encyclopedia). *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 67–78.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-79-96
УДК 821.161.1

«Милые вмешательства в распорядок “Мусагета”» Мариэтты Шагинян

© 2018, Е.А. Глуховская

Аннотация: Статья посвящена истории взаимодействия М.С. Шагинян с книгоиздательством «Мусагет». На материале архивных источников выявляется участие Шагинян в распространении книг «Мусагета» и публикации рецензий на них в провинциальных газетах 1914–1915 гг. Прослеживается эволюция взглядов Шагинян на задачи «Мусагета» и его значение для русской культуры начала XX века. Уточняется рекламная стратегия издательства и рецепция выпущенных им книг в среде провинциальных читателей.

Ключевые слова: М.С. Шагинян, Н.П. Киселев, Э.К. Метнер, издательство «Мусагет», провинциальная пресса, реклама.

Информация об авторе: Елена Александровна Глуховская, к.ф.н., зам. декана факультета истории искусств, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия.

E-mail: e.a.glukhovskaya@gmail.com

Цитирование: *Глуховская Е.А.* «Милые вмешательства в распорядок “Мусагета”» Мариэтты Шагинян // Литературный факт. 2018. № 9. С. 79–96.

«Пунцовый московский закат заливал комнату. Кто-то встал из-за стола, кому-то я протянула тезисы, наступило долгое молчание, <…> и, наконец, я очутилась лицом к лицу с человеком оригинальной внешности: <…> необычное, нерусское лицо, и необычный, нерусский голос произнёс как-то уж совсем не по-редакторски: “Такой ребёнок на вид — и столько взрослой самоуверенности в писании”. Мы тут же поспорили о Рахманинове. <…> Я защищала Рахманинова яростно, словно предчувствовала, каким насилием над всеми моими взглядами, какой тиранией будет мнение этого странного бритого аскета с лицом не то Лютера, не то Бисмарка во всех наших будущих спорах. В конце концов, статья была мне заказана <…>»[1].

В этом фрагменте из воспоминаний М.С. Шагинян описывается ее первая встреча с редактором книгоиздательства «Мусагет» Эмилием Метнером, которая состоялась в 1912 г. и стала началом сложных и мучительных отношений, продолжавшихся в течение нескольких лет[2]. Беглое знакомство с Метнером быстро переросло в тесный духовный союз, и вскоре Шагинян стала ближайшим другом не только Эмилия, но и его брата, композитора Николая Метнера, а также его жены Анны: «В 1912 году сближаюсь с семейством философа Э.К. Метнера и в его доме, где жил также брат философа, композитор Н.К. Метнер, провожу недели и месяцы. Культурная немецкая среда, исключительно организованный быт, с обязательными вечерними чтениями вслух, практика двух языков, немецкого и французского, библиотека философов, равной которой я не знала в Москве, и, наконец, музыка, с детства мне близкая и любимая, сделали весь этот период моей жизни “веймерским”, как я его называла про себя»[3], — вспоминает Шагинян.

---

[1] *Шагинян М.С.* Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове // Шагинян М.С. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1975. С. 382–383.

[2] Подробнее об этом см.: *Юнггрен М.* Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001; *Шагинян М.С.* Человек и время. М., 1980.

[3] *Шагинян М.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1971. С. 26–27. Взаимоотношения Шагинян с семьей Метнер были не первым «четырехугольником» в ее жизни, несколько лет она состояла в подобном духовном союзе с З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским и Д.В. Философовым. (Подробнее о ее взаимоотношениях с Гиппиус см.: Письма Зинаиды Николаевны Гиппиус к Мариэтте Сергеевне Шагинян 1908–1910 годов: Из частных собраний Е.В. Шагинян и М.В. Гехтмана / Публ. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 89–140). Шагинян находилась в сильнейшей психологической зависимости от Метнера, носившей деспотический и уничижительный характер (см.: *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. С. 66–67). Для Э. Метнера отношения подобного рода также не были уникальными, им предшествовало близкое общение с М.В. Сабашниковой, как и в случае с Шагинян замешанное на германофильстве и гетеанстве обоих (подробнее об этом см.: *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. С. 46–48; *Азадовский К.* Маргарита Сабашникова и Эмилий Метнер «за» и «против» Рудольфа Штейнера // Литература как миропонимание = Literature as a world view: festschrift in honour of Magnus Ljunggren. Goteborg, 2009. P. 19–36; «Пока вы не решитесь родиться вновь духовно...»:

Помимо статьи о Рахманинове, в «Трудах и Днях» было опубликовано еще три материала Шагинян[4]. Кроме того, на протяжении 1913–1914 гг. она помогала Метнеру в технической работе над книгой «Размышления о Гете»[5]: переписывала отдельные главы, искала подходящую бумагу, участвовала в обсуждении оформления обложки. Но есть еще одна важная роль, в которой Шагинян выступила в первой половине 1914 г., — роль своеобразного рекламного менеджера «Мусагета».

Издательство первоначально задумывалось как принципиально некоммерческое, ориентированное на узкий круг «своих»[6]. Оно существовало преимущественно за счет субсидий меценатов и не стремилось к «захвату» книжного рынка. Смета расходов издательства, конечно, включала затраты на предварительную рекламу, напечатание проспектов, извещений, плакатов и каталогов (например, в 1912 г. на эти нужды предполагалось потратить 400 р.[7]), однако рассчитано всё это было исключительно на столичную (Санкт-Петербург и Москва) публику и существенного влияния на продажи не оказывало[8].

В результате слабой коммерческой политики издательства, неоправданных авансов сотрудникам (в первую очередь Белому и Эллису[9]), а также финансовых махинаций бывшего секретаря А.М. Кожебаткина[10] к середине 1913 г. «Мусагет» оказался в финансовом кризисе:

Переписка Э.К. Метнера и М.В. Сабашниковой / Публ. Е.В. Глуховой // Russian Literature. LXXVII (2015). IV. P. 559–567).

[4] *Шагинян М.* С.В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд) // Труды и дни. 1912. № 4/5. С. 97–114; Роковые странствия // Труды и дни. 1913. № 1/2. С. 54–64; Воля к власти // Труды и дни. 1914. № 7. С. 21–32; О «конце» и «окончании» // Там же. С. 53–57.

[5] *Метнер Э.К.* Размышления о Гете. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., 1914.

[6] Подробнее см.: Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. В 2 т. / Вступ. ст. А.В. Лаврова, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М., 2017; Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. М., 2014; *Безродный М.В.* Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России XIX — начала XX в.: Сб. научн. трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 40–56; *Толстых Г.А.* Издательство «Мусагет» // Книга: Исследования и материалы. Сб. 56. М., 1988. С. 112–130 и др.

[7] Смета расходов книгоиздательства «Мусагет» (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 17. Ед. хр. 20. Л. 3).

[8] Общие принципы распространения печатной продукции «Мусагета» и потенциальный круг читателей представлены в статье: *Соболев А.Л.* К истории журнала «Труды и дни»: Реестр подписчиков // Соболев А.Л. Тургенев и тигры. М., 2017. С. 634–699.

[9] Так, к началу 1914 г. только за Белым значился долг свыше трех с половиной тысяч рублей, что при общем годовом бюджете издательства в десять тысяч являлось более чем существенной суммой.

[10] Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942) — издатель и библиофил, владелец издательства «Альциона». Был близок к «Мусагету» с самого начала его существования, в 1910–1912 гг. занимал должность секретаря, однако за это время сумел запутать финансовые дела «Мусагета», затянув выход некоторых изданий. Подробнее о Кожебаткине см.: Письма А. Белого к А.М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Дж. Малмстада // Лица. Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10. С. 127–176; «Мой вечный

принятые к публикации рукописи оставались не сданными в печать или же их выход задерживался из-за проблем с типографиями. Сотрудники издательства всерьез рассматривали вопрос о прекращении его существования, в итоге решено было ограничиться сокращением некоторых статей расходов и сменой секретаря. Возглавить административную часть издательства было предложено Н.П. Киселеву[11], который с большим энтузиазмом взялся за дело: «С радостью принимаю Ваше предложение <…>. Обещаю развить максимальную энергию, оказать давление на типографию <…> и извещать Вас о ходе дела. По-видимому, можно выпустить к 15 сентября сразу: 1) “Арго”, 2) Сизова, 3) Вагнера, 4) Словацкого, 5) Чемберлена, 6) Орсье,7) “Логос”, если Яковенко доставит библиографические заметки[12]. Хорошо бы было, если бы и Ваша книга[13] была готова к тому же сроку: я думаю в типографии настаивать на ней в первую очередь — только Вы не задержите»[14]. Конечно, ни финансовых, ни технических возможностей для издания такого количества книг сразу не было, и, несмотря на все старания Киселева, выпустить большую их часть удалось лишь в конце 1913 — начале 1914 гг.

Другое важное дело, за которое сразу же взялся новый секретарь, — это подготовка и рассылка нового актуального каталога: «…каталог (новый) готов, но по некоторым техническим затруднениям не может еще быть сдан в набор. <…> Надеюсь, что числа 20-го и все книги и каталог будут готовы и выпущены. И объявления пустим тогда же. Дела с книгами меня не заботят, ибо так

спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: Хроника дружбы / Вступ. ст., сост., коммент. и подгот. текста Дж. Малмстада. М., 2007.

[11] Николай Петрович Киселев (1884–1965) — библиофил, специалист по русскому масонству, близкий друг Эллиса; входил в кружок «аргонавтов» и издательство «Мусагет». Подробнее о нем см.: *Соболев А.Л.* Андрей Белый и Н.П. Киселев // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика. М.; Белград, 2017. С. 13–35; Сотрудники Российской Государственной библиотеки. Библиографический словарь. Московский Публичный и Румянцевский Музей. 1862–1917. М., 2003. С. 99–101; *Серков А.И.* Предисловие // Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005. С. 5–78.

[12] В «Мусагете» вышли: книга стихов Эллиса «Арго» (1914), «Цезарь Ломброзо и спиритизм» М. Сизова (под псевдоним М. Седлов, 1913), «Вибелунги: Всемирная история на основании сказания» Р. Вагнера в переводе С. Шенрока (1913), «Ангелли» Ю. Словацкого в переводе А. Виноградова (1913, обычное и особое издания), «Арийское миросозерцание» Х. Чемберлена в переводе О. Синцовой (1913), «Агриппа Неттесгеймский, знаменитый авантюрист XVI в.» Ж. Орсье в переводе Б. Рунт под редакцией В. Брюсова (1913), «Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Книга III и IV» (1913). Полный каталог издательства «Мусагет» см.: *Толстых Г.А.* Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы: Сб. LVI. М., 1988. С. 130–133; *Гоголин М.Ю.* Об одном хитром издании «Мусагета»: Поправки к каталогу // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. С. 413–420.

[13] Речь идет о книге Метнера «Размышления о Гете» (1914).

[14] Письмо от 14/27 августа 1913 г. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 17).

или иначе книги не держатся значительно, а пока еще не закончен сезон учебников, который даже удобнее переждать. Гораздо хуже дело с рассылкой проспектов о Сведенборге[15] и будущего каталога: адреса, покупаемые нами в адресном бюро, оказываются фантастическими или явно неподходящими. Подумайте, откуда достать солидные адреса?»[16] Метнер откликнулся на эту просьбу весьма прохладно: «Относительно рассылки проспекта и каталогов могу дать один м.<ожет>б.<ыть> наивный совет: купить календари педагогический, юридический, музыкальный и т.д.; там адреса адвокатов, учителей, композиторов и т.п.»[17]

Как кажется, отголоском этого обсуждения и явилась та инициатива, с которой выступила М. Шагинян в начале 1914 г. В фонде Н.П. Киселева в ОР РГБ хранятся ее девять писем 1913–1915 гг.[18] Из них следует, что 15 марта Шагинян советовала Киселеву: «Непременно разошлите каталоги по провинциальным газетам и, если не жалко, прибавьте по 2–3 книги. Подробный список крупных провинц<иальных> газет с адресами я Вам вышлю. Петербургский адрес Измайлова вышлет Вам на днях моя сестра. Если Вы отправите Измайлову каталог и все издания Мусагета, снабдив клеймом “для отзыва”, то он даст о Мусагете статью в Русск<ом> Слове»[19].

Буквально через два дня Шагинян, действительно, прислала письмо с адресами, снабдив его указаниями по выбору книг для отправки: «Спешу выслать Вам адреса периодическ<их> провинциальных изданий (куда советую послать по 2–3 книги с клеймом “для отзыва”, причем лучше посылать “Ангелли”, Эллиса, Труды и дни, Цветник Царевны, Бодлера, Садовского[20]. В Саратов, Харьков, Киев, Варшаву, Ригу можно Вольфинга) и адреса провинц<иальных> кн<ижных> маг<азинов> для рассылки каталогов.<…> Пошлите

[15] Книга Э. Сведенборга вышла в «Мусагете» в 1914 г.: *Сведенборг Э.* Увеселения премудрости о любви супружественной / Перевод автора неизвестного. Издал по рукописи 1850 года В. Пашуканис. М., 1914.

[16] Письмо от 12/25 сентября 1913 г. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 35).

[17] Письмо от 17/30 сентября 1913 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 17. Ед. хр. 24. Л. 4).

[18] ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15.

[19] Письмо от 13 марта 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 3). Статья А.А. Измайлова в «Русском слове» не появилась. Об актуальности инициативы Шагинян свидетельствует тот факт, что еще в 1910 г. редактор «Логоса» С.И. Гессен в письме к Метнеру сетовал: «Только одно неудачно: малое количество проданных экземпляров. Я это приписываю позднему выходу и плохому представительству ”Мусагета” в Петербурге (где продано только 50 экз.!) и провинции» (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 2. Л. 11. Письмо от 6 сентября 1910 г.).

[20] Имеются в виду книги: *Словацкий Ю.* Ангелли / Перевод А. Виноградова. М., 1913; *Эллис.* Арго. Две книги стихов и поэма. М., 1914; *Соловьев С.* Цветник Царевны. Третья книга стихов (1909–1912). М., 1913; *Бодлер Ш.* Стихотворение в прозе / Перевод Эллиса. М., 1910; *Садовской Б.* Русская Камена. Статьи. М., 1910.

еще подробные проспекты “Мусагета” (если остались прежние) и каталог в СПб. 7-ая Рождественская, №4, Редакция “Газетного мира”; а то “Мусагет” до сих пор не включен в этот всероссийский справочник»[21]. Как видно из писем, Шагинян не просто провела весьма серьезную подготовительную работу по отбору газет и издательств, но и осуществила выборку стратегически важных с точки зрения потенциальной рекламы справочных изданий и конкретных критиков.

Отдельного внимания заслуживает принцип, по которому были отобраны периодические издания. Шагинян отмечала: «Все газеты прогрессивного или беспартийного направления, за исключением “Киевлянина”[22], который, однако, очень приличен. Адреса взяты по газетному справочнику за 1912–1913 гг. и могут быть неверными; но в провинции доставят и на новый адр<ес>. Города выбраны, имея ввиду 1) университет, 2) обилие книжных магазинов»[23]. Среди указанных городов и периодических изданий были: Варшава («Варшавская Мысль», “Przebudzenie”, “Biesiada Literacka”), Вильна («Виленский Вестник»), Владивосток и Приморск<ая> обл<асть> («Далекая Окраина», «Приамурский край»), Владикавказ и Терск<ая> обл<асть> («Терек»), Екатеринославль («Вестник юга»), Иркутск («Сибирский край»), Казань («Камско-Волжская Речь»), Киев («Искусство», «Киевлянин», «Киевская Мысль»), Нижний Новгород («Волгарь»), Одесса («Одесские Новости»), Рига («Прибалтийский край», «Baltisce MonatsSchrift»), Ростов-на-Дону («Приазовский Край», «Утро Юга»), Саратов («Саратовский Вестник», «Саратовский Листок»), Тифлис («Голос Кавказа»), Томск («Сибирская Жизнь»), Харьков («Южный Край»).

Такой подход демонстрирует незаурядный прагматизм Шагинян. Впрочем, не все указанные издания были знакомы ей, иначе она бы знала, что, например, газета «Приамурский край» перестала выходить еще в 1913 г., в ряде других изданий (например «Виленский вестник», «Вестник юга») библиографический отдел отсутствовал. В тех газетах, где он присутствовал (с той или иной регулярностью), интерес к символистам был небольшой: редкие упоминания Брю-

[21] Письмо от 17 марта 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 4). Во втором издании «Адресной и справочной книги Газетный мир» (*Вольфсон И.В.* Адресная и справочная книга Газетный мир. 2-е изд. [СПб., 1913]) среди журналов, издающихся в Москве, указаны «Труды и дни», журнал «Мусагета» включен в тематическую группу «Философия и психология».

[22] Литературно-политическая газета консервативного монархического направления, издавалась в Киеве с 1864 по 1919 гг.

[23] Письмо от 17 марта 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 4).

сова, Мережковского, Сологуба и Бальмонта терялись на фоне многочисленных упоминаний футуристов (естественно, в сатирическом ключе).

К сожалению, остался непроясненным вопрос об участии Метнера в этой инициативе. Одно из писем свидетельствует, что Шагинян спрашивала у Метнера про Измайлова[24], следовательно, в суть проблемы редактор «Мусагета» был посвящен. Однако никаких свидетельств того, что это задание, например, было поручено Шагинян Метнером, обнаружить не удалось. Заманчиво было бы предположить, что в данном случае инициатива исходила от самой Шагинян, тем более что она и раньше предпринимала попытки повлиять на организацию работы в издательстве. Так, еще осенью 1913 г. Метнер выражал недовольство ее действиями: «…Ваши все милые вмешательства в распорядок Мусагета <…> обнаруживают полное незнание того, что (и ЧТО <sic!>)… <…> Я очень ценю Ваше рвение, но готов выслушивать упреки лишь фактически обоснованные, а не базирующиеся на толках и пересудах мусагетцев. <…> Как Вы <…> наивны со своим “требованием от постоянных сотрудников по статье к выходу книги”!! Ничего-то Вы не знаете из всего мытарства редакционного. 4 года жду статей от музык<альных> критиков. То же и о собраниях! Как раз то, что Вы рекомендуете столь назидательным тоном, практикуется мною с самого начала издательства… <…> Ни на одном нашем собрании Вы не присутствовали, а потому и не знаете их функционирование»[25].

Причин, побудивших Шагинян в начале 1914 г. на очередное «усовершенствование» работы «Мусагета», могло быть несколько. Во-первых, конфликт, который разгорелся вокруг трактата Эллиса «Vigilemus!»[26] и повлек за собой выход из редакции ряда сотрудников, прежде всего А. Белого. Метнер чувствовал себя крайне подавленным, его письма к Шагинян начала 1914 г. полны отчаяния и даже разговоров о самоубийстве. В этой ситуации очевидно желание Шагинян поддержать главное дело Метнера — «Мусагет», а следо-

[24] См. ответ Метнера: Письмо от 3/16 марта 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 28. Л. 18).

25 Письмо от октября 1913 г. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 25. Ед. хр. 27. Л. 1).

26 *Эллис*. Vigilemus! М., 1914. К началу 1913 г. Эллис из страстного сторонника идей Р. Штейнера превратился в такого же страстного их противника. Отражением пережитой духовной эволюции стал трактат «Vigilemus!», направленный Эллисом в «Мусагет». Однако А. Белый, к тому времени уже верный адепт Штейнера, воспротивился этой публикации. В результате длительной внутрииздательской полемики «Vigilemus!» был опубликован под маркой «Мусагета», а Белый вышел из состава редакции, навсегда разорвав отношения с Эллисом. Подробнее об этом см.: *Лавров А.В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол «Мусагета» // Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 498–515.

вательно, и его самого. Во-вторых, конец 1913 — начало 1914 гг. — время первого турне футуристов[27]. С середины декабря 1913 по конец марта 1914 г. они выступили с докладами и чтением стихов в шестнадцати городах, в том числе 17 марта в Ростове-на-Дону, где в это время находилась М. Шагинян. Естественно, что одно из самых эпатажных и масштабных мероприятий футуристов активно обсуждалось в провинциальной прессе и будоражило умы местного населения. Параллельно по стране ездили с лекциями Ф. Сологуб[28] и вернувшийся недавно из эмиграции К. Бальмонт. Вероятно, такой интерес столичных литераторов к провинциальной публике был по достоинству оценен Шагинян и применен с соответствующими корректировками к «Мусагету».

Сложно сказать, выполнил ли Киселев наставления Шагинян, однако в указанных газетах рецензии на книги «Мусагета» (как и вообще упоминания этого издательства и его авторов) не появились, не было мусагетских изданий и в числе книг, поступивших на отзывы. Исключение составляет «Приазовский край» (Ростов-на-Дону).

Эта ежедневная, универсальная политическая, экономическая и литературная региональная газета по своей распространенности и тиражам входила в первую пятерку самых крупных российских провинциальных газет[29]. К 1914 г. ее тираж составил свыше 30 тысяч экземпляров и охватывал весь южный регион. В 1910-е гг. М. Шагинян вела в «Приазовском крае» еженедельную рубрику «Литературный дневник», где помещались аналитические статьи о культурных событиях современности; часто Шагинян писала и мини-рецензии для библиографического отдела. Внимание изданиям «Мусагета» Шагинян уделяла и до сближения с Метнером. Так, еще в мае 1912 г. в «Приазовском крае» ею была опубликована статья о первом номере «Трудов и дней». Новый журнал (как и издавший его «Мусагет») оценивался Шагинян весьма критически: отдавая должное выдающимся авторам статей, она отмечала тщетность попытки объединить их «для утверждения подлинного символизма в области художественного творчества»[30], подчеркивая широту поставленных

[27] Выступление в провинциальных городах России членов группы «Гилея» — Д.Д. Бурлюка, В.В. Каменского и В.В. Маяковского.

[28] Описания поездок Сологуба представлены в его письмах к А. Чеботаревской: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290–384.

[29] Подробнее см.: *Воронцова Е.Е.* Региональная газета «Приазовский край» 1891–1917 гг. Историко-типологическое исследование. Дисс. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1994.

[30] *Шагинян М.* Литературный дневник. «Труды и дни» // Приазовский край. 1912. № 123, 10 мая. С. 2.

задач и неконкретность целей. Особой критике за небрежность и поверхностность суждений подверглась статья А. Белого «О символизме», при этом похвалы удостоились работы Вяч. Иванова («Мысли о символизме») и особенно Метнера («Лист», опубликована под псевдонимом «Вольфинг»). В последних числах декабря 1913 г. в «Приазовском крае» была помещена рецензия Шагинян на изданную «Мусагетом» книгу Чемберлена «Арийское мировоззрение»[31], а 10 февраля появилась заметка об «Ангелли» Ю. Словацкого[32].

После письма Киселеву Шагинян, вероятно, постаралась сделать всё от нее зависящее в рамках той программы, которую она предлагала. Во-первых, в редакцию газеты были посланы книги для отзыва, о чем сообщалось 5 мая[33]. Во-вторых, уже 24 марта вышла рецензия Шагинян на книгу Эллиса «Арго»[34], и начиналась она с похвалы «Мусагету»: «Вот книга, и данная с предельным совершенством; дальше по издательскому пути идти нельзя: все требования эстетики удовлетворены. При небрежном и неряшливом выпускании книг на рынок, оберточный туалет которых напоминает собою нижнее белье, а сброшюровка годится лишь на один час, после которого “живая нитка” живо лопается, а листы рассыпаются, — при практикующемся у нас на Руси небрежении можно только сзывать издателей и писателей, подводить их к книге Эллиса, изданной “Мусагетом”, и твердить: Смотрите, вот пример для вас[35]…»[36].

Справедливости ради надо сказать, что оформлена книга Эллиса была, действительно, хорошо. Обложка была выполнена Фавор-

---

[31] *Шагинян М.* [Рец. на:] Х.С. Чемберлен. Арийское мировоззрение. Книгоиздательство «Мусагет». Москва. 1913 г. Цена 50 к. // Приазовский край. 1913. № 340, 30 дек. С. 4. Интерес Шагинян к Чемберлену во многом был обусловлен влиянием Метнера и его гетеанскими штудиями. В рецензии находит отражение тот комплекс идей, которые Шагинян выделяла в качестве основных для «Мусагета» и которые актуализировала в Чемберлене: интерес к Вагнеру, Ницше и Гете; осознание себя как части европейской культуры; поворот от внешнего эстетизма к духовному содержанию; установка на саморазвитие и самосовершенствование.

[32] *Шагинян М.* [Рец. на:] Юлий Словацкий. Ангелли. Издательство «Мусагет». 1913. Ц. 50 к. // Приазовский край. 1914. № 38, 10 февр. С. 4.

[33] Приазовский край. 1914. № 117, 5 мая. С. 4. Среди поступивших в редакцию книг были указаны: «Ангелли» Юл. Словацкого, «Труды и дни» (Тетрадь первая, вторая и седьмая), «Вибелунги» Рих. Вагнера, «Арийское мировоззрение» Х.С. Чемберлена.

[34] Об особенностях критических отзывов на поэтические книги Эллиса см.: *Глуховская Е.А.* Поэт или теоретик? Творчество Эллиса в оценке критиков // Русская филология. 24. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 140–148. URL: http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Gluhovskaja.pdf (дата обращения: 05.10.2018).

[35] Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк»: «Смотрите: вот пример для вас! / Он горд был, не ужился с нами…»

[36] *Шагинян М.* [Рец. на:] Эллис. Арго. Стихи и поэма. Книгоизд. «Мусагет». Москва. 1914 г. Ц. 2 р. // Приазовский край. 1914. № 79, 24 марта. С. 4.

ским[37] и вызвала восхищение у всех членов редакции. Та же Шагинян писала Киселеву: «“Арго” издан великолепно. Что, если бы к “Размышлениям” такую же обложку? Можно было бы на месте Арго посадить бюст Триппеля, наверху красным и черным “Размышления о Гете”, а подробное название книги — не на обложке, а на первой белой странице. И тоже непременно обернуть в прозрачную бумажку»[38]. А Киселев, в свою очередь, сообщал Метнеру: «От имени “Мусагета” я пожертвовал два пробных бруска обложки “Арго” в гравюрное отд<еление> Музея; Романов был в восторге и от рисунка и от дара и напишет “Мусагету” официальную благодарность. Первое его слово, когда он ее увидел: “Ах, как это хорошо!”»[39].

Похвалы, пусть и умеренной, в рецензии Шагинян был удостоен и автор книги: «Сам Эллис в “Арго” лучше, чем в прежних своих книгах, искренней, музыкальней. Он, конечно, не поэт: но он несомненно, человек с глубокими переживаниями <…>»[40]. Впрочем, лишь поэма «Мария» из «Арго» была высоко оценена, остальное, резюмировала Шагинян, «носит характер случайного разговора и оставляет читателя неудовлетворенным»[41].

19 мая была опубликована заметка Шагинян о «Логосе». Пути этого философского журнала и «Мусагета» разошлись еще в конце 1913 г.[42], после чего вышло еще несколько номеров, однако Шагинян обращается к последнему «мусагетскому» выпуску, противопоставляя его современным русским философским журналам и выступая в защиту неокантианства[43]. 23 июня в «Приазовском крае» появилась еще одна рецензия на Чемберлена за подписью «Я.Х.»[44]. И хотя она

[37] Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) — русский художник и теоретик искусства, выдающийся мастер гравюры и книжного дизайна; активно сотрудничал с «Мусагетом». Подробнее об этом см.: *Чертков Л.И.* Фаворский. Книжная графика: Каталог. 2-е изд. М., 2008. С. 24, 164.

[38] Письмо от 13 марта 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 3).

[39] Письмо от 3 февраля 1914 г. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 18. Л. 46).

[40] *Шагинян М.* [Рец. на:] Эллис. Арго. Стихи и поэма.

[41] Там же.

[42] Подробнее см., например: *Безродный М.В.* Из истории русского неокантианства. Журнал «Логос» // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 372–397.

[43] *Шагинян М.* [Рец. на:] Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1913. Книга третья и четвертая. Цена 3 р. 50 коп. // Приазовский край. 1914. № 130, 19 мая. С. 4. Возможно, Шагинян таким образом выражала поддержку Метнеру, конфликт которого с Белым, ярым противником «логосовцев» и неокантианства, к этому время достиг апогея.

[44] *Я.Х.* [Рец. на:] Хоустон Стюарт Чемберлен. «Арийское миросозерцание». Перевод с немецкого. Москва. 1913. Изд. «Мусагет». Ц. 50 к. // Приазовский край. 1914. № 163, 23 июня. С. 4. Вероятно, за инициалами «Я. Х.» скрывался Яков Самсонович Хачатрянц (1884–1960) — филолог, переводчик, сотрудник «Приазовского края», будущий муж М.С. Шагинян. Автор рецензии представляет Чемберлена исключительно как исследователя культуры Востока, призывающего обратить внимание на «индо-европейскую мудрость».

была гораздо менее патетическая, чем у Шагинян, сам факт повторного рецензирования примечателен, так как отражал степень важности метнеровских интересов для Шагинян и ее желание (и возможность, если учесть, что двойное рецензирование было не характерно для этой газеты) транслировать их на страницах «Приазовского края».

В июле 1914 г. Шагинян отправилась в Германию, где собиралась заняться философскими штудиями под руководством Эрнста Трельча. Однако и там Шагинян продолжала думать о репутации «Мусагета». Из письма Киселеву от 8 июля 1914 г.: «Кстати: тут [в Гейдельберге — *Е.Г.*] есть русская библиотека имени Пирогова. Если Вы не пожалеете старых и бракованных экземпляров — можно будет пожертвовать их, по использовании, от имени “Мусагета” этой библиотеке»[45].

«Рекламной деятельностью» Шагинян, вероятно, было обусловлено и еще одно интересное явление — упоминание мусагетских изданий в газете «Приднепровский край» (Екатеринослав). В центре внимания вновь оказался Эллис. 18 апреля 1914 г. была опубликована более чем хвалебная рецензия на «Арго»: «Под псевдонимом Эллис скрывается молодой писатель, умный, вдумчивый, оригинальный и глубоко чувствующий. Его мистическое и религиозное настроение увлекает и поднимает душу на ту высоту, на которой должен стоять истинный поэт. <…> У Эллиса есть, конечно, слабые произведения, это признак таланта. Только средний писатель, не слишком даровитый и не совсем бездарный, пишет всегда ровно, одинаково хорошо и одинаково скверно»[46]. Здесь же был помещен анонс (куда менее лестный) нового номера журнала «Труды и дни»: «Под таким заглавием выходят от времени до времени сборники, предназначенные не для той широкой публики, которая интересуется всякими вопросами дня, спортом, новым романом, новой пьесой, сенсационным процессом. В трудах и днях нет никакой злободневности. Они посвящены наследию великих творцов культуры Гете, Вагнера, Данте и статьям по вопросам символизма преимущественно. Но небольшой кружок, интересующийся классической литературой и искусством, найдет в этом издании новое своеобразное толкование вечных мировых вопросов»[47].

Библиографические обзоры «Приднепровского края» до этого практически не уделяли внимание художественно-философским изданиям (предпочтение отдавалось справочной, педагогической и

[45] Письмо от 8 июля 1914 г. // ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 10.
[46] *П. Без-в*. Новые книги // Приднепровский край. 1914. № 5116, 18 апр. (1 мая). С. 7.
[47] Там же.

естественнонаучной литературе), а потому неожиданный интерес к мусагетским книгам позволяет предположить заказной характер этих материалов. Это косвенно подтверждается и следующей заметкой о «Мусагете» (опубликована 30 мая), помещенной в разделе «Новые книги». Обычно о каждой книге здесь рассказывалось отдельно, однако в случае с «Мусагетом» было представлено издательство в целом и его книжная политика: «Московское книгоиздательство Мусагет имеет своеобразную физиономию. Оно не гонится за новинками и предпочитает знакомить публику с хорошими старыми книгами. Любители прочтут с интересом “Ангелли”, символическую поэму известного польского поэта Словацкого, появившуюся впервые в 1838 г. Очень любопытна биография Агриппы Неттесгеймского, жившего в начале 16-го века, <…> Небольшое сочинение знаменитого музыканта Рихарда Вагнера о народных немецких сказаниях дает ключ к пониманию его “Кольца Нибелунгов”, которое в последнее время ставится на всех европейских сценах и усердно посещается публикой»[48].

Все эти тексты подписаны псевдонимом «П. Б-ов», за которым, вероятно, скрывается редактор и издатель «Приднепровского края» Павел Владимирович Безобразов[49]. К сожалению, не удалось найти какую-либо связь Безобразова с «Мусагетом» или Шагинян, хотя и известно, что в начале 1900-х гг. Метнер был дружен с тогдашним редактором «Приднепровского края» Ф.А. Духовецким и часто печатался на страницах этого издания[50]. Однако временные рамки и общий характер публикаций о «Мусагете» не оставляют сомнения, что они явились частью рекламной стратегии, инициированной Шагинян.

Рецензии в «Приазовском» и «Приднепровском крае» явились единственными найденными нами откликами на издания «Мусагета» в провинциальной прессе.

При этом именно 1914 г., несмотря на войну, стал переломным в коммерческом успехе книгоиздательства. Впервые с момента его существования убытки удалось свести к минимуму. Главная

[48] *П. Без-в*. Новые книги // Приднепровский край. 1914. № 5139, 17 (30) мая. С. 4.

[49] Павел Владимирович Безобразов (1959–1918) — историк, литератор, общественный деятель. Был женат на дочери С.М. Соловьева, сестре философа Владимира Соловьева — Марии Сергеевне Соловьевой. См. яркие описания их жизни: *Соловьев С.М.* Воспоминания. М., 2003. С. 70–71, 107, 148–149, 340–342.

[50] «Приднепровский край» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходила в Екатеринославе с 1898 по 1918 гг. Федор Аркадьевич Духовецкий был редактором газеты в 1902–1904 гг. и активно приглашал Э. Метнера к сотрудничеству. Подробнее см.: Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. Т. 1. С. 106–107.

заслуга в этом, несомненно, принадлежала В.В. Пашуканису[51]. Он с августа занял должность «заведующего коммерческой частью» и весьма преуспел на этом поприще[52]. Однако, как кажется, старания Шагинян также не прошли даром и сказались на узнаваемости «Мусагета» среди провинциальных читателей: во второй половине 1914 г. в редакцию стало приходить большое количество писем от читателей из разных городов (Рига, Киев, Тифлис, Нижегородская губерния и др.). Корреспонденты, как правило, просили выслать книги или обратить внимание на их собственное творчество[53]. Особенно любопытным кажется письмо политических ссыльных: «Мы, группа политических ссыльных села Кежемского в Приангарском крае, находясь в одном из наиболее глухих уголков Сибири, где нет никаких библиотек и где хорошая книга представляет большую редкость, за отсутствием сплошь и рядом средств к существованию, не имея возможности приобретать книги, а между тем существование в ссылке без книг совершенно невозможно. Поэтому мы убедительно просим издательство “Мусагет” откликнуться на нашу просьбу и выслать нам бесплатно книги, какие оно найдет возможным <…>»[54]. Вполне вероятно, что это письмо явилось частью общей рассылки в различные издательства, однако то, что «Мусагет» попал в их число, свидетельствует об укреплении его положения в сознании провинциального читателя.

Что касается М. Шагинян, то даже после возвращения в Россию и фактического разрыва отношений с Метнером[55] она осталась верна

[51] Викентий Викентьевич Пашуканис (1879–1920) — издатель, ответственный секретарь «Мусагета». Подробнее о нем см.: *Николаев А.Р.* Викентий Пашуканис — «заведующий коммерческой частью» издательства «Мусагет» // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. М., 2014. С. 178–188.

[52] Киселев в письме к Метнеру от 22 октября 1914 г. так представлял положение дел в издательстве: «Дела “Мусагета” в гораздо лучшем состоянии, чем Вы по-видимому предполагаете. В чисто теоретической плоскости утверждаю, что наше издательство должно продолжаться по старой программе не зависимо от оборота внешних событий <…>. Практически же является решающим факт, что В.В. Пашуканис, который у нас “заведующий коммерческою частью” с августа (жалованье 50 р.), оказался вполне на высоте задачи: продажа поднимается, Беме продается блестяще, несмотря на войну, “Размышления” — тоже хорошо. Кожебаткина мы начали утеснять по собственной инициативе еще в августе и добились того., что его долг с 5200 руб. сократился до 3200; правда, из полученного — только 200 руб. деньги. На 3200 он выдает связывающую его срочную квитанцию на 1 марта; клянется, что заплатит по получении наследства, и я ему верю. По составленной мною для Анны Михайловны сметы, нам нужно 3600р., чтобы просуществовать до 1 мая (приблизительно)» (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 27. Ед. хр. 31. Л. 7).

[53] Несколько таких писем приведено в статье: *Соболев А.Л.* Истории журнала «Труды и дни»: Реестр подписчиков. С. 644–645.

[54] Письмо в книгоиздательство «Мусагет» от группы политических ссыльных (ОР РГБ. Ф. 190. Карт. 71. Ед. хр. 8. Л. 1).

[55] Как указывает М. Юнггрен, к середине 1914 г. Метнер начинает уставать от настойчивых вмешательств Шагинян в его жизнь и вскоре теряет всякий интерес к ней.

делу «Мусагета». 27 марта 1915 г. Шагинян пишет Киселеву: «Из СПб. Р<елигиозно>-Ф<илософского> общества пришло письмо с просьбой узнать у Вас, не дадите ли Вы в их библиотеку бесплатно несколько книг религ<иозного> и филос<офского> содержания. Думаю, что из склада можно бы им послать какие-нибудь загрязненные экземпляры Гераклита, Рейсбрука, Трудов Дней, Vigilemus'а[56] и т.д. Да и Вольфинга, и Метнера[57], ведь это для Мусагета все равно что реклама. Петербург мало читает мусагетские книги»[58]. И позже: «Как дела с каталогами? Нужна ли Вам моя помощь? Напишите! С удовольствием для него поработаю»[59].

Завершением «рекламной кампании» Шагинян можно считать рецензию на «Размышления о Гете» Э. Метнера, опубликованную в газете «Баку» 1 июля 1915 г. Рецензия была заказана самим Метнером, но результат его совершенно не удовлетворил. Как указывает Магнус Юнггрен, Метнер «полагал, что, ослепленная своей влюбленностью, Шагинян зашла слишком далеко в своем панегирике, так что цель осталась недостигнутой. Метнер, в частности, напрочь отвергал патриотический пыл, которым был пропитан текст Шагинян, равно как и ее беззастенчивую критику немцев за их эксплуатацию Гете»[60]. Однако именно в этом и проявилась та главная идея Шагинян, которой она руководствовалась во всех делах с «Мусагетом», в том числе и «рекламных». Уже в первых предложениях четко определяется соотношение книги, читателей и автора рецензии: «В разгар войны книгоиздательство "Мусагет" выпустило книгу, делающую честь нашему вкусу и нашему гению. Книга, конечно, пройдет сейчас незамеченной: это одна из тех книг, <которые> перескакивают сквозь годы безмолвия и невнимания во всеобщее признание и, провозглашаясь классическими, определяют собою будущие пути культуры. Можно с уверенностью сказать, что, после ухода от нас Толстого, эта книга — самое гениальное из нами продуманного и созданного»[61]. Шагинян нарочито подчеркивает единство себя, автора книги, читателей и всего русского народа, с одной сто-

В ноябре М. Шагинян с сестрой уезжают сначала в Италию, а затем в Россию, Метнер же остается в Цюрихе и в России больше уже никогда не бывает (*Юнггрен М.* Русский Мефистофель. С. 110–111, 114).

[56] Имеются в виду издания: *Гераклит Ефесский*. Фрагменты / Перевод В. Нилендера. М., 1910; *Рэйсбрук Удивительный*. Одеяние духовного брака / Перевод М. Сизова. М., 1910; *Эллис*. Vigilemus!: Трактат. М., 1914.

[57] Речь идет о книгах Метнера: Вольфинг. Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические. М., 1912; Размышления о Гете. М., 1914.

[58] Письмо от 26 марта 1915 г. (ОР РГБ. Ф. 128. Оп. III. Карт. 23. Ед. хр. 15. Л. 15).

[59] Письмо от 27 мая 1915 г. (Там же. Л. 16).

[60] *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. С. 129.

[61] *Шагинян М.* Письма с севера. Размышления о Гете // Баку. 1914, 14 авг. С. 4.

роны, и выделяет «Мусагет» как выразителя лучшего и важнейшего, что есть в них, с другой стороны. Демонстрируется та культурная функция, которую выполняет «Мусагет» в современном мире, однако в условиях продолжающейся войны эта идея трансформируется, «Мусагету» отводится еще более важная роль:«Добавлю еще, что с европейской точки зрения мы не нуждаемся в лучшем оправдании, нежели эта книга; если немцы хвалятся признанием и любовью к Шекспиру в минуты ненависти к англичанам, то мы можем отныне хвалиться еще большим: в эпоху, когда немцы использовали светлый образ Гете для современных газетных идеологий и, не стыдясь, урезывали его по всем швам,— мы очистили, вознесли и возвратили этот великий образ не только немцам, но и всей Европе. Нет сомнения, что честь такого сохранения и очищения принадлежит России»[62]. Таким образом, роль издательства преобразуется, происходит отождествление «Мусагета» с Россией, из производителя культурного знания издательство превращается в охранителя мировой культуры. И именно поэтому издания «Мусагета», по мысли Шагинян, нуждались в широкой рекламе, пропаганде и распространении, чему она и старалась поспособствовать.

Литература

Азадовский К. Маргарита Сабашникова и Эмилий Метнер «за» и «против» Рудольфа Штейнера // Литература как миропонимание = Literature as a world view: festschrift in honour of Magnus Ljunggren. Göteborg: University of Gothenburg, 2009. С. 19–36.

Андрей Белый и Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915. В 2 т. / Вступ. ст. А.В. Лаврова, коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М.: НЛО, 2017. 744, 736 с.

Безродный М.В. Из истории русского неокантианства. Журнал «Логос» // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. С. 372–397.

Безродный М.В. Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России XIX — начала XX в.: Сб. научн. трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 40–56.

Воронцова Е.Е. Региональная газета «Приазовский край» 1891–1917 гг. Историко-типологическое исследование. Дисс. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1994. 211 с.

Глуховская Е.А. Поэт или теоретик? Творчество Эллиса в оценке критиков // Русская филология. 24. Сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 140–148. URL: http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Gluhovskaja.pdf (дата обращения: 05.10.2018).

[62] Там же.

Лавров А.В. Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол «Мусагета» // Лавров А.В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 498–515.

«Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: Хроника дружбы / Вступ. статья, сост., коммент. и подгот. текста Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 296 с.

Письма А. Белого к А.М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 10. С. 127–176.

Письма Зинаиды Николаевны Гиппиус к Мариэтте Сергеевне Шагинян 1908–1910 годов: Из частных собраний Е.В. Шагинян и М.В. Гехтмана / Публ. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 89–140.

«Пока вы не решитесь родиться вновь духовно...»: Переписка Э.К. Метнера и М.В. Сабашниковой / Публ. Е.В. Глуховой // Russian Literature. LXXVII (2015). IV. P. 559–567.

Серков А.И. Предисловие // Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2005. С. 5–78.

Соболев А.Л. Андрей Белый и Н.П. Киселев // Арабески Андрея Белого: жизненный путь, духовные искания, поэтика. М.; Белград: Филолошки факултет, 2017. С. 13–35.

Соболев А.Л. К истории журнала «Труды и дни»: Реестр подписчиков // Соболев А.Л. Тургенев и тигры. М.: Трутень, 2017. С. 634–699.

Толстых Г.А. Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы: Сб. LVI. М., 1988. С. 130–133.

Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. Стихи. Документы. Материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 290–384.

Юнггрен М. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001. 288 с.

References

Andrey Belyi i Emilii Metner. Perepiska. 1902–1915. V 2 t. [Andrei Bely and Emily Medtner. Correspondence. 1902–1915. In 2 vols.], intro. by A.V. Lavrov, comment. by A.V. Lavrov, J. Malmstad and T.V. Pavlova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 744, 736 p. (In Russ.)

Azadovskii K. Margarita Sabashnikova i Emilii Metner “za” i “protiv” Rudol’fa Shteinera [Margarita Sabashnikova and Emily Medtner “pro et contra” Rudolf Steiner]. *Literatura kak ponimanie = Literature as a world view: festschrift in honor of Magnus Ljunggren.* Goteborg, University of Gothenburg Publ., 2009, pp. 19–36. (In Russ.)

Bezrodnyi M.V. Iz istorii russkogo neokantianstva. Zhurnal “Logos” [From the history of Russian neo-Kantianism. The journal “Logos”]. *Litsa: Biograficheskii al’manakh. Vyp. 1* [Persons: Biographical almanac. Issue 1]. Moscow, St. Petersburg, Feniks Publ., Atheneum Publ., 1992, pp. 372–397. (In Russ.)

Bezrodnyi M.V. Izdatel’stvo “Musaget” [“Musaget” publishing house]. *Knizhnoe delo v Rossii XIX — nachala XX v.: Sb. nauchn. trudov. Vyp. 12* [Book publishing in Russia from 19th to the beginning of 20th century: A collection of research works. Issue 12]. St. Petersburg, 2004, pp. 40–56. (In Russ.)

Fedor Sologub i Anastasiia Chebotarevskaia [Fedor Sologub and Anastasia Chebotarevskaya], ed., intro. and comment. by A.V. Lavrov. *Neizdannyi Fedor Sologub. Stikhi. Dokumenty. Materialy* [Unpublished Fedor Sologub. Poems. Documents. Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, pp. 290–384. (In Russ.)

Glukhovskaia E.A. Poet ili teoretik? Tvorchestvo Ellisa v otsenke kritikov [A poet or a theorist? Works by Ellis in the critics’ assessment]. *Russkaia filologiia. 24. Sb. nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian philology. 24. A collection of young philologists’ research works]. Tartu, 2013, pp. 140–148. Available at: http://www.ruthenia.ru/rus_fil/xxiv/Gluhovskaja.pdf (accessed 05.09.2018). (In Russ.)

Iunggren M. Russkii Mefistofel’. Zhizn’ i tvorchestvo Emiliia Metnera [Russian Mephistopheles. Life and Works of Emily Medtner]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 288 p. (In Russ.)

Lavrov A.V. Kniga Ellisa “Vigilemus!” i raskol “Musageta” [Ellis’s book “Vigilemus!” and the split of “Musaget”]. Lavrov A.V. *Simvolisty i drugie. Stat’i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and others. Articles. Discoveries. Publications]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 498–515. (In Russ.)

“Moi vechnyi sputnik po zhizni”. Perepiska Andreia Belogo i A.S. Petrovskogo: Khronika druzhby [“My eternal companion in life”. Correspondence between Andrei Bely and A.S. Petrovsky: Chronicle of friendship], ed., intro. and comment. by J. Malmstad. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 296 p. (In Russ.)

Pis’ma A. Belogo k A.M. Kozhebatkinu [A. Bely’s letters to A.M. Kozhebatkin], ed., intro. and comment. by J. Malmstad. *Litsa: Biograficheskii al’manakh. Vyp. 10* [Persons: Biographical almanac. Issue 10]. St. Petersburg, Feniks Publ., Dmitry Bulanin Publ., 2004, pp. 127–176. (In Russ.)

Pis’ma Zinaidy Nikolaevny Gippius k Mariette Sergeevne Shaginian 1908–1910 godov: Iz chastnykh sobranii E.V. Shaginian i M.V. Gekhtmana [Zinaida Nikolaevna Gippius’ letters to Marietta Sergeevna Shaginyan for 1908–1910: From private collection of E.V. Shaginyan and M.V. Hechtman], ed. by N.V. Koroleva. *Zinaida Nikolaevna Gippius: Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Nikolaevna Gippius: New materials. Research works]. Moscow, Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 89–140. (In Russ.)

“Poka vy ne reshites’ rodit’sia vnov’ dukhovno...”: Perepiska E.K. Metnera i M.V. Sabashnikovoi [“Until you decide to reborn spiritually…”: Correspondence between E.K. Medtner and M.V. Sabashnikova], publ. by E.V. Glukhova. *Russian Literature*, LXXVII (2015), no. IV, pp. 559–567. (In Russ.)

Serkov A.I. Predislovie [Introduction]. Kiselev N.P. *Iz istorii russkogo rozenkreytserstva* [From the history of Russian Rosicrucianism]. St. Petersburg, Izdatel’stvo imeni N.I. Novikova Publ., 2005, pp. 5–78. (In Russ.)

Sobolev A.L. Andrei Belyi i N.P. Kiselev [Andrei Bely and N.P. Kiselev]. *Arabeski Andreia Belogo: zhiznennyi put’, dukhovnye iskaniia, poetika* [Andrei Bely’s arabesques: life path, spiritual searchings, poetics]. Moscow, Belgrad, Filoloshki fakultet Publ., 2017, pp. 13–35. (In Russ.)

Sobolev A.L. K istorii zhurnala “Trudy i dni”: Reestr podpischikov [On the history of “Works and days”: register of subscribers]. Sobolev A.L. *Turgenev i tigry* [Turgenev and tigers]. Moscow, Truten’ Publ., 2017, pp. 634–699. (In Russ.)

Tolstykh G.A. Izdatel’stvo “Musaget” [“Musaget” publishing house]. *Kniga. Issledovaniia i materialy. Sb. LVI* [Book. Studies and materials. Vol. LVI]. Moscow, 1988, pp. 130–133. (In Russ.)

Vorontsova E.E. Regional’naia gazeta “Priazovskii krai” 1891–1917 gg. Istoriko-tipologicheskoe issledovaniie. Diss. … kand. filol. nauk [Regional newspaper “Priazovsky Kray” 1891–1917. Historical and typological research. Dr. phil. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 1994. 211 p. (In Russ.)

Marietta Shaginyan’s “sweet interventions in the ‘Musaget’ schedule”

© 2018, Elena Glukhovskaya

Abstract: The article is devoted to the history of interaction of M.S. Shaginyan with the publishing house “Musaget”. The materials of archival sources reveal Shaginyan’s participation in the distribution of books “Musaget” and the publication of their reviews in the provincial newspapers in 1914–1915. There can be seen the evolution of Shaginyan’s attitude to the tasks of “Musaget” and its value for the Russian culture of the beginning of the 20th century. The marketing strategy of the publishing house and the reception of released books is specified among the provincial readers.

Keywords: M.S. Shaginyan, N.P. Kiselev, E.K. Medtner, publishing house “Musaget”, the provincial press, marketing.

Information about the author: Elena Glukhovskaya, Candidate of Philological Sciences, Vice Dean of the Department of Art History, European University at St. Petersburg, Russia.

E-mail: e.a.glukhovskaya@gmail.com

Citation: Glukhovskaya Elena. Marietta Shaginyan’s “sweet interventions in the ‘Musaget’ schedule”. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 79–96.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-97-123
УДК 821.161.1

Неудача как идеальная модель творческого успеха в культуре позднего русского модернизма

© 2018, Л. Ливак

Аннотация: В статье прослеживается эволюция ценностей русского модернизма, на разных исторических стадиях этой культурной формации, на примере понятия творческого успеха. Моделирование творческого успеха через неудачу рассматривается как одна из особенностей позднего периода существования русской модернистской культуры.

Ключевые слова: русский модернизм; творческий успех; культурные модели.

Информация об авторе: Леонид Ливак, профессор кафедры славистики и центра еврейских исследований, Торонтский университет, Торонто, Канада.
E-mail: leo.livak@utoronto.ca

Цитирование: *Ливак Л.* Неудача как идеальная модель творческого успеха в культуре позднего русского модернизма // Литературный факт. 2018. № 9. С. 97–123.

Растолковывая особенности литературного процесса в довоенной эмиграции поэту и американскому профессору Юрию Иваску, ранее жившему в Эстонии и плохо разбиравшемуся в тонкостях канувшего в Лету эмигрантского культурного поля с эпицентром в Париже, критик и историк литературы Владимир Вейдле писал 4 февраля 1977 г.:

> Фельзен был прелестнейший человек и достойнейший, хоть и неудачливый, старатель подлинной литературы. Газданов был в литературочке удачливей (говорю о ранних его книгах), но неспособен *был и захотеть* того, чего Фельзен хотел и не достиг[1].

[1] Amherst Center for Russian Culture. Iurii Ivask Papers, Series 1, Correspondence, Box 6, Folder 65.

Сегодня подобное суждение кажется неожиданным на фоне расхожего мнения о Юрии Фельзене как о скучном писателе для немногих, особенно в сравнении с автором прогремевшего в свое время «Вечера у Клер» (1930). Однако в модернистской среде русского Парижа отношение к Гайто Газданову было изначально прохладным из-за его поверхностного кокетничанья с прустианской тематикой и повествовательной манерой, к которым он вскоре охладел, в отличие от Фельзена, дебютировавшего в том же 1930 г. романом «Обман», положившим начало оригинальному и незаконченному нео-прустианскому проекту[2]. В 1930-е гг. всё более снисходительное отношение к писаниям Газданова среди русских модернистов-парижан шло вразрез с их растущим интересом к упрямому языковому и повествовательному эксперименту Фельзена, чей герой-писатель, разделяя воззрения своего создателя, отрицал ценность литературного успеха, называя свой художественный метод «творчеством через отказ»[3].

Сам Газданов тоже публично умалял успех на культурном рынке как компрометирующий искусство излишней доступностью. В разгар своей славы, превознося авторов «недоступных и непонятных читательской массе», он назвал Владимира Набокова «единственным талантливым писателем “молодого поколения”» эмигрантской литературы, а затем добавил:

> Я написал — «единственный талантливый писатель», это, конечно, ошибка: но не очень большая, как мне кажется. Нельзя же говорить о Фельзене, участь которого как будто предрешена. Это почетная гибель, заранее проигранная борьба одного против всех остальных; и выиграть ее невозможно. Мне хотелось бы напомнить один пример: сколько читателей знают Рильке, одного из самых замечательных поэтов и писателей Германии? Читаешь и изумляешься: как, почему это имя не известно во всем мире? Но не говоря уже о книгопродавцах, даже не все писатели его знают[4].

Итак, снисходительно одобряя провал Фельзена на культурном рынке, Газданов одновременно разделывается с более серьезным конкурентом за внимание эмигрантских читателей, в массе своей не знающих не только Фельзена, но даже и Рильке, зато отлично

---

[2] См. сравнительный анализ прустианской модели в романах Газданова и Фельзена: *Livak L.* How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison, 2003. P. 102–134. Подробнее о нео-прустианском проекте Фельзена см.: *Ливак Л.* «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Ю. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2012. С. 3–44.

[3] *Фельзен Ю.* Обман. Париж, 1930. С. 190.

[4] *Газданов Г.* Литературные признания // Встречи. 1934. № 6. С. 261.

знающих Набокова, в чьей литературной удаче сотрудники модернистского журнала «Числа» усматривали симптомы эстетического и духовного изъяна. Настаивая на ценности провала и замалчивая собственное преуспеяние, Газданов проецирует на Набокова негативные ассоциации, связанные с успехом в культуре позднего русского модернизма и выраженные контрастом «подлинной литературы» и «литературочки» в письме Вейдле к Иваску, где успех имплицитно определяется через неудачу. Та же логика прослеживается и в оценке фельзеновского творчества в предвзятой рецензии Набокова на групповое выступление ветеранов «Чисел». Отдавая должное нео-прустианскому проекту коллеги, Набоков ревниво пародирует повествовательную манеру Фельзена, по сути объясняя творческое достижение русского прустианца его же формальной неудачей:

> Отрывок Фельзена — единственное украшение сборника. Хотя, вообще говоря, этого автора можно кое в чем упрекнуть (в том, например, что он тащит за собой читателя по всем тем осыпям, где авторская мысль сама прошла, то начиная обстраиваться, то бросая недостроенное и, наконец, с последним отчаянным усилием находя себя в метком слове, к которому читателя можно было привести и менее эмпирическим путем), это, конечно, настоящая литература, чистая и честная[5].

Такое моделирование творческого успеха через неудачу было одной из особенностей *позднего* периода существования русской модернистской культуры, чьи мировосприятие и философия искусства претерпели качественные изменения в середине 1920-х гг. из-за разочарования большинства людей этой культурной формации в надеждах на «революцию духа» — одну из ценностных доминант раннего и зрелого модернизма. В советской России данная аксиологическая эволюция не успела полностью оформиться из-за государственного давления, уничтожившего здесь модернизм как культурную общность к началу 1930-х гг. В эмиграции же существенные сдвиги в системе модернистских ценностей четко определились уже к концу 1920-х.

Наиболее обстоятельное выражение позднемодернистского сознания мы находим в круге «Чисел», хотя переход к новой исторической ипостаси русской модернистской культуры очевиден и в литературно-критическом наследии таких оппонентов парижской группы, как Владислав Ходасевич и Владимир Набоков. Формат

[5] *Набоков В.* Литературный смотр. Свободный сборник // Современные записки. 1940. № 70. С. 284.

статьи не позволяет подробно мотивировать принятую здесь периодизацию русского модернизма, чью историю я условно делю на три хронологически перехлестывающихся периода — ранний (с середины 1890-х до второй половины 1900-х), зрелый (с конца 1900-х до второй половины 1920-х) и поздний (с конца 1920-х до падения Парижа)[6]. Мы ограничимся лишь тем, что проследим на примере понятия творческого успеха эволюцию ценностей русского модернизма на разных исторических стадиях этой культурной формации.

* * *

Не имея доступа к широкой аудитории из-за противостояния вскормившей их интеллигентской культуре, пионеры «нового искусства» сочетали стремление к признанию в узких модернистских кругах с порицанием рыночных отношений, что не мешало большинству «новых людей», отнюдь не брезговавших литературными заработками, искать путей к изданию своих произведений[7]. Дмитрий Мережковский усматривал в свободном культурном рынке одну из «главнейших причин упадка» современной литературы, ставшей жертвой товарно-денежных отношений: «Чем ниже потребности, удовлетворяемые книгой, тем обширнее круг читателей, тем быстрее почти волшебное обогащение людей, продавших толпе даже самый крошечный талант»[8].

Не случайно предисловие к первому «Собранию стихов» Зинаиды Гиппиус (1904) указывало на внеположенность поэта рыночной конъюнктуре: «Книга стихов *в данное время* — есть самая бесцельная, ненужная вещь». Гиппиус преподносила свой сборник не как артефакт с рыночной стоимостью, а как безнадежный поиск (на «узкой вершине») читателя, способного откликнуться на мысли автора, в отношении которых «оценка величины и малости того или другого поэта <…> вопрос о силе таланта не имеет значения»[9]. При таком подходе успех представлялся обратно пропорциональным писатель-

[6] См. обоснование этой хронологической модели: *Livak L.* In Search of Russian Modernism. Baltimore, 2018. См. также разработку концепции позднего модернизма на материале западноевропейской литературы: *Davis T.* The Extinct Scene: Late Modernism and Everyday Life. New York, 2016; *Miller T.* Late Modernism: Politics, Fiction, and the Arts between the World Wars. Berkeley, 1999.

[7] *Рейтблат А.* Символисты, их издатели и читатели // На рубеже двух столетий. Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Ред. В. Багно, Д. Малмстад, М. Маликова. М., 2009. С. 597–602.

[8] *Мережковский Д.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы (1892) // Избранные статьи. Мюнхен, 1972. С. 225–226.

[9] *Гиппиус З.* Необходимое о стихах // Лирика. М., 2000. С. 15–20.

ской популярности и доходу. Отсюда взгляд Дмитрия Философова на программу издательства «Скорпион», в котором вышел сборник Гиппиус, как на «культурный подвиг», поскольку «рассчитывать на успех своих изданий “Скорпион” очевидно не может», не печатая «милых нашим “интеллигентам” писателей» и не следуя вкусам «публики, этой верной служительницы пошлости»[10]. Отсюда же готовность Николая Минского сотрудничать в «Северном вестнике» вопреки ничтожным гонорарам, которые мог предложить протомодернистский журнал. Любови Гуревич, издателю-редактору «Северного вестника», Минский писал (15.XII.1894):

> Оказывается, что и у Вас не было денег. Это, конечно, грустно, но было бы сто раз грустнее, если бы Вы, из угождения вкусам публики, хоть на иоту отступили от прежнего направления журнала. Стремиться к успеху вполне естественно, но делать это следует, лишь оставаясь верным самому себе. Приноравливаться к чужим вкусам не только позорно, но и бесполезно... Впрочем, напрасно я все это говорю Вам. Не такая Вы, чтобы идти на компромиссы. И я глубоко верю, что публика скоро поймет Ваш журнал[11].

Публика не поняла, и журнал обанкротился. Однако Гуревич отказалась расплатиться с редакционными долгами путем его продажи, опасаясь скомпрометировать товарно-денежными отношениями «известные идейные ассоциации», связанные с «Северным вестником»[12].

Те люди модернистской культуры, которые остро нуждались в литературном заработке, пускались в сложные теоретические построения, чтобы оправдать свое желание вырваться из узко-кружковой аудитории. Андрей Белый, к примеру, требовал «демократичности» от «нового искусства», определяя его цель как «наглядное уяснение глубин духа» путем посредничества «между глубинным пониманием немногих и плоским пониманием толпы», между «массой и избранными»[13]. До второй половины 1900-х гг. подобное культуртрегерство оставалось чисто теоретическим, так как, по словам Мережковского, «есть два средства овладеть вниманием толпы: во-первых, написать истинно-гениальное произведение. Но на это способны один или

[10] *Философов Д.* Новые издания «Скорпиона» // Мир искусства. 1903. № 14. С. 153.

[11] Цит. по: *Максимов Д.* «Северный вестник» и символисты // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 107.

[12] *Гуревич Л.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века / Ред. С. Венгеров. Мюнхен, 1972. С. 260.

[13] *Белый А.* Символизм как миропонимание // Мир искусства. 1904. № 5. С. 177.

двое в целом поколении, да и те работают почти всегда бескорыстно. Другое, столь же верное и более легкое: угождать низшим потребностям толпы»[14]. Однако контраст кружковой и рыночной форм успеха приобрел острую актуальность после 1905 г., когда «на рынке появился спрос на всё “символическое”» (Эллис), дав недавним париям доступ к широкому читателю, чреватый известностью и серьезными заработками, чем люди модернистской культуры, вопреки декларативной антимеркантильности, не преминули воспользоваться[15].

В контексте входа «нового искусства» в общее русло российской культурной жизни контраст правильной и неправильной форм творческого успеха вышел на первый план критического дискурса переходного периода между ранней и зрелой стадиями модернистской культуры. Уже в 1905 г. Николай Минский указал на опасность, грозящую «служителям слова и мысли, всем нам, рыцарям духа», которых всё громче манят «в рабство к мещанам» сирены товарно-денежных отношений в искусстве, чей «новый стиль <…> торговцы поспешили превратить в моду»[16]. Со стремительным ростом моды на модернистскую теорию и практику чем чаще имена «рыцарей духа» мелькали в массовой и интеллигентской печати и в нарочито коммерческих издательствах, тем настойчивее носители модернистских ценностей компенсировали свой практический меркантилизм теоретической апелляцией к антирыночной модели успеха. «Декаденты кормят всех», — констатировал Сергей Ауслендер в 1908 г.:

> Отдельные имена имеют строго определенную рыночную ценность: лекции Белого столько-то; Чулкова столько-то; стильный вечер новой музыки и поэзии столько-то. Был в прошлом году один момент, когда все, что таилось в далеких пещерах декадентской уединенности вдруг вышло на улицу <…> Священные имена опошлились на концертных программах и стали достоянием улицы <…> Надо сокрыть зажженные светы в катакомбах <…> Нельзя открывать истинного лика, пока не настанет час настоящего признания, настоящей победы, которая будет учитываться не количеством гонораров <…> Этот час придет, хотя, может быть, он еще и не так близок, как это кажется слишком увлекающимся видимыми признаками внешнего успеха.[17]

[14] *Мережковский Д.* О причинах упадка и о новых течениях. С. 225–226.

[15] *Иванов Г.* Стихи в журналах, издательства, альманахи, кружки в 1915 г. // Аполлон. 1916. № 1. С. 60; *Эллис*. Наши эпигоны // Весы. 1908. № 2. С. 65–66. См. также: *Рейтблат А.* Символисты, их издатели и читатели. С. 603–606; *Рейтблат А.* Издательства нового типа // Книга в России, 1895–1917 / Под общ. ред. И. Фроловой. СПб., 2008. С. 230–231; *Шерих Д.* Издательство «Шиповник» // Там же. С. 165–166.

[16] *Минский Н.* Религия будущего (Философские разговоры). СПб., 1905. С. 281, 283–284.

[17] *Ауслендер С.* Из Петербурга // Золотое руно. 1908. № 2. С. 65–67.

Будучи общим местом модернистского критического дискурса конца 1900-х гг., подобные высказывания обычно сводились к постулированию необходимого ухода истинных художников из национального культурного поля, а также их размежевания («дифференциации») с модернистами, достигшими рыночного успеха и тем скомпрометировавшими себя. Данная логика ужесточалась в зависимости от популярности автора, сводясь к противопоставлению свободного культурного рынка — под кодовыми названиями «толпа», «масса» и «мещанство» — «аристократам духа», которым следовало уйти в «катакомбы» или на «эзотерические высоты», чтобы там создавать артефакты для потребления в узком кругу, единственно способном по достоинству оценить «русский “модернизм” как духовную пищу *немногих*»[18].

Следует подчеркнуть, что через эту идеальную модель литературного успеха, характерную как для раннего, так и для зрелого модернизма, — разница здесь лишь в растущей интенсивности антирыночной риторики[19], — красной нитью проходит *желание* успеха, будь он в форме утопической надежды на теургическую силу искусства, способного преобразить мир и сделать из массового читателя избранника духа, или в форме узко-кружкового признания внутри модернистской общности. Причем стремление к успеху через келейное признание, отражающее и рационализирующее малотиражную экономику модернизма, порождает феномен искусственных ограничений на распространение печатной продукции (так, Владимир Гиппиус не продает свой поэтический сборник «Песни» <1897> через книжные магазины и запрещает его рецензировать)[20]. А профанные формы успеха дают пищу для критических размышлений и частных перетолков, превращающих в корыстных графоманов и духовных мещан не только удачливых новичков модернистской культуры типа

[18] *Эллис*. Еще одна корона // Весы. 1908. № 6. С. 62–63; Кризис современного театра // Весы. 1908. № 9. С. 65. См. также: *Рейтблат А*. Взаимоотношения авторов и издателей // Книга в России, 1895–1917. С. 445–446.

[19] Стоит сравнить приведенные высказывания Минского, Ауслендера и Эллиса с характеристикой, данной Осипом Мандельштамом времени его вхождения в модернистскую культурную общность: «Всё волненье века передавалось мне. Кругом перебегали странные токи — от жажды самоубийства до чаяния всемирного конца. Только что мрачным зловонным походом прошла литература проблем и невежественных мировых вопросов, и грязные, волосатые руки торговцев жизнью и смертью делали противным самое имя жизни и смерти. То была воистину невежественная ночь! Литераторы в косоворотках и черных блузах торговали, как лабазники, и богом, и дьяволом, и не было дома, где бы не бренчали одним пальцем тупую польку из “Жизни человека”, сделавшуюся символом мерзкого, уличного символизма» (Шум времени // Мандельштам О. Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 40–41).

[20] *Лавров А*. Брюсов и Иван Коневской // Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 100.

Леонида Андреева, но и ее ветеранов[21]. Федор Сологуб, чей роман «Мелкий бес» получил широкую известность после выхода отдельной книгой (1907), особенно часто служит негативным примером литературного преуспеяния, ставящего «рыцаря духа» в один ряд с вульгаризаторами модернистских ценностей Анастасией Вербицкой и Михаилом Арцыбашевым[22].

Сам по себе «честный заработок “литературный”», как Александр Блок называл свое сотрудничество в массовой печати[23], не порицался в модернистской среде. Порицалось отсутствие «дифференциации» между меркантильной халтурой и истинным творчеством. Черта здесь проводилась крайне субъективно и зачастую полемически. Так, Мережковский не видел противоречия в одновременном сотрудничестве в газете короля фельетонистов Власа Дорошевича «Русское слово» и в малотиражных модернистских журналах, где он исходил желчью по адресу «толпы», «мещан» и «грядущего хама», для которых писал в «Русском слове»[24]. Не видел в подобном прагматизме никакого противоречия и Валерий Брюсов. Газетная деятельность Мережковского была для Брюсова менее значима, чем их философские и эстетические разногласия о «новом искусстве». Впрочем, и они не мешали редактору «Весов» причислять Мережковского к «великому (хотя и малому числом) масонству людей истинной культуры <…> Как член этой общины, Мережковский всегда был и остается, может быть, против своей воли, союзником тех, кто понял и оценил сделанное в конце прошлого века такими знаменоносцами, как Ницше, Ибсен, Мэтерлинк, Уайльд»[25].

Однако выход к широкому читателю мог послужить и поводом к полемическим нападкам в ходе литературной борьбы внутри модернистской культурной формации. Когда сотрудник «Русского слова» и «Весов» Андрей Белый раскритиковал стихи Константина Бальмонта, чья широкая популярность не могла не отразиться отри-

[21] *Чуковский К.* Спасите! (1907) // Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 486–488; Нат Пинкертон и современная литература (1908) // Книга о современных писателях. СПб., 1914. С. 65–66; О Леониде Андрееве // Лица и маски. СПб., 1914. С. 56–62.

[22] *Иванов-Разумник Р.* Русская литература от семидесятых годов до наших дней. Берлин, 1923. С. 371, 378–379, 382; *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой 1938–1941. М., 1997. С. 136–137; *Чуковский К.* Больничные записки (март 1968) // Дневник 1930–1969. М., 1997. С. 427–428.

[23] Из письма Д. Философову от 2.X.1909 (Из эпистолярного наследия Александра Блока // *Лавров А.*, *Гречишкин С.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 283).

[24] *Динерштейн Е.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 148–150. См. также запись от 22.III.1922: *Чуковский К.* Дневник 1901–1929. М., 1997. С. 199.

[25] *Брюсов В.* Д.С. Мережковский (1907) // Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М., 1912. С. 57.

цательно на модернистской рецепции многоречиво перепевавшего себя поэта, последний назвал обидчика «литературным проститутом», «пишущим из-за денег» и одним своим присутствием порочащим «Весы»[26]. Другой сотрудник «Весов», Эллис, имевший больше права, чем Бальмонт, попрекать коллег выходом на свободный рынок, тоже рассматривал эстетические разногласия с Белым, похвалившим пьесу Леонида Андреева «Жизнь человека», через призму его сотрудничества в коммерческой печати (в данном случае в «газетке» «Литературно-художественная неделя»), что обесценивало в глазах Эллиса «все наши беседы о строгом и чистом символизме»[27]. Белый оправдывался тем, что лишь «для тактики <…> писал чаще, чем следует, в газетах», дабы нести модернистские ценности в массы. Он переживал возможное отлучение от «Весов» как угрозу «изгнания из литературы», потому что «я останусь без возможности высказываться, имея лишь теперь “Русское слово”»[28].

Иными словами, подобно Мережковскому, Белый не воспринимал «хлебную» немодернистскую печать как место для полноценного самовыражения и дорожил сотрудничеством в модернистских изданиях, чьи низкие гонорары компенсировались их культурным престижем[29]. Оставаясь в «Весах», Белый удерживал за собой видное место в модернистской общности как единственно способной по праву оценить его талант и увенчать писателя желанным признанием, противоположным успеху Игоря Северянина, сосланного на периферию модернистской формации за принадлежность к «людям газеты», как выразился Николай Гумилев, для которого рыночная удача эгофутуриста ознаменовала «расширение границы искусства» путем «нового вторжения варваров, сильных своей талантливостью и ужасных своей небрезгливостью»[30].

---

[26] Письмо В. Брюсову от 30.VIII/12.IX.1907 (Переписка с К.Д. Бальмонтом. 1894–1918 / Ред. А. Нинов, Р. Щербаков // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. С. 188).

[27] *Лавров А.* Эллис в «Весах» // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 312.

[28] Письмо Эллису от II.1908 (*Лавров А.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 420).

[29] Ту же тактику мы находим у Бориса Садовского, чье самоутверждение в модернистской культуре идет через публикацию в престижном, но убыточном издательстве «Мусагет», куда он предлагает свою монографию о Фете в следующих выражениях (11.X.1913): «Мне важно, чтобы издал ее именно Мусагет и чтобы Вы не сомневались, как мало значит для меня материальная сторона дела в данном случае, я готов удовольствоваться каким угодно гонораром. В крайнем случае, откажусь совершенно от денег, только бы книга была издана прилично, изящно, хорошо» (цит. по: *Рейтблат А.* Издательства нового типа. С. 268).

[30] *Гумилев Н.* Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 123–124.

Контраст узко-кружкового (желанного) и широкого (компрометирующего) творческого успеха удерживается в центре системы модернистских ценностей до второй половины 1920-х гг. Он является, к примеру, логическим стержнем концепции «гамбургского счета» в одноименном сборнике статей Виктора Шкловского (1928): «Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера <...> Здесь <в Гамбурге> устанавливаются истинные классы борцов, — чтобы не исхалтуриться. Гамбургский счет необходим в литературе»[31]. Тот же контраст содержится в характеристике, данной двумя годами ранее Мариной Цветаевой Владимиру Маяковскому. Цветаева противополагает рыночную стоимость искусства, «славу», его истинной цене, известной творцу и от рыночного спроса не зависящей. Она одобряет Маяковского за кажущуюся ей способность не путать литературную продукцию, рассчитанную на широкую публику, с истинным искусством:

> Славу, у поэта, я допускаю как рекламу — в денежных целях. Так, лично рекламой брезгуя, рукоплещу — внемерному и здесь — масштабу Маяковского. Когда у Маяковского нет денег, он устраивает очередную сенсацию <...> Идут на скандал и несут деньги. Маяковскому, как большому поэту, ни до хвалы ни до хулы. Цену себе он знает сам. Но до денег — весьма. И его самореклама, именно грубостью своей, куда чище попугаев, мартышек и гарема Лорда Байрона, как известно — в деньгах не нуждавшегося.[32]

Ко времени написания этих строк проблема успеха приобрела новый, политический оттенок, поскольку в советской России сервилизм превратился в источник преуспеяния на культурном рынке. Если в 1912 г. авторы «Пощечины общественному вкусу» расчищали себе место в модернистской культуре, огульно обвиняя конкурентов в меркантилизме («<Им> нужна лишь дача на речке. Такую награду дает судьба портным»)[33], десять лет спустя подобная «дифференциация» истинной и профанной форм успеха звучала ханжески в устах футуристов, лебезивших перед государством-меценатом. Людей модернистской культуры не могли не покоробить рассуждения Николая Асеева о том, как «наименее связанные преемственностью традиций, а также и наименее заинтересованные в сохранении их, как “свободной торговли” произведениями “духа”, футуристы бли-

[31] *Шкловский В.* Гамбургский счет. СПб., 2000. С. 152.

[32] *Цветаева М.* Поэт о критике // Благонамеренный. 1926. № 2. С. 94–125.

[33] *Бурлюк Д.*, *Крученых А.*, *Маяковский В.*, *Хлебников В.* Пощечина общественному вкусу // Марков В. Манифесты и программы русских футуристов. Мюнхен, 1967. С. 51.

же других подошли к заданиям Октября»[34]. Владислав Ходасевич усматривал в подобной спекуляции антирыночным пафосом ради материальных благ не только постыдный меркантилизм, идущий вразрез с идеальной моделью успеха, но и крах святая святых модернистской культуры — надежды на «революцию духа»: «Надо быть Троцким, надо быть Зиновьевым, надо быть последним мещанином, а не революционером, — писал он из Берлина Максиму Горькому (28.VI.1923) о литераторах, преуспевших при советской власти, — чтобы не брезгать такими людьми, а желать их “использовать”. Впрочем, чего и ждать от людей, желающих сделать политическую и социальную революцию — без революции духа. Я некогда ждал — по глупости»[35].

Однако в модернистской иерархии успеха даже политическая спекуляция культурными ценностями в надежде потрафить государству-меценату стояла выше более традиционной формы литературного преуспеяния через кошелек массового читателя. Дмитрий Святополк-Мирский так охарактеризовал современную литературу в 1926 г.:

> Подлинные, сложившиеся мастера, не застывшие в подражании себе, но продолжающие работать и развиваться: Мандельштам, Цветаева, Пастернак; из младших (по работе), вероятно — Бабель. Подлинные мастера, но застывшие в подражании себе, и к тому же «перед властию покорные рабы» и спецы поэзии: Маяковский, Асеев, может быть Тихонов <...> Подлинно талантливый и умный, но лишенный всякого «внутреннего содержания», журналист, к тому же «раб перед властию», и, что хуже, перед потребителем: Эренбург[36].

Сам Илья Эренбург постоянно жаловался в это время на модернистскую критику, зачислившую его в нижайший ранг писателя, не просто стремящегося к «честному заработку “литературному”» (Блок), что модернисты и раньше не находили зазорным, но выдающего халтуру за настоящее искусство или же не понимающего разницы между ними. Так, Марии Шкапской Эренбург сообщал (3.XI.1924) о критических отзывах на свой последний роман «Любовь Жанны Ней»: «“Жанну” все ругают и крестят меня Вербицкой. Что мне делать? Заказать соответствующую юбку? Отравиться на

[34] *Асеев Н.* Художественная литература // Печать и революция. 1922. № 7. С. 73.
[35] *Ходасевич В.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1997. С. 460–461.
[36] *Святополк-Мирский Д.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 93.

могиле Генриха Гейне?»[37] В письме Эренбурга к Евгению Замятину (18.I.1925) еще четче просматривается традиционный модернистский контраст двух типов творческого успеха — рыночного и узко-кружкового:

> Несмотря на плодовитость, тиражность и прочее, я теперь в достаточной мере растерян. «Жанну» ругают напропалую все. Пока это шло только по линии политической, напостовской, я хранил спокойствие. Но на днях я прочел в вашем журнале отзыв Каверина и усомнился. Действительно ли это *настолько* плохо? Что же я и вправду только «Вербицкая в штанах»? «Русский современник», видимо, думает именно так (Тынянов, некая Рашковская, Шкловский, Каверин) <…> От универсальности нападок, повторяю, растерялся[38].

Политические связи с государством не противоречили бы идеальной модели успеха в зрелой модернистской культуре, выступи государство незаинтересованным меценатом. Именно такую картину рисует в 1922 г. Осип Мандельштам, согласно которому в России «намечается органический тип новых взаимоотношений, связывающий государство с культурой наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для *совета*. Этим всё сказано. Внеположность государства по отношению к культурным ценностям ставит его в полную зависимость от культуры»[39]. Но при явном несоответствии этой фантазии фактическим взаимоотношениям между государством и художником в СССР — и особенно физическому исчезновению здесь, к началу 1930-х гг., модернистской общности, в чьи прерогативы входила оценка писателей на фоне идеальной модели творческого успеха, — некогда компрометирующий рыночный спрос, теперь подконтрольный государственной идеологии, стал приобретать положительное значение для неэмигрировавших ветеранов модернистской культуры.

«О, торопливые, рабские ухватки глупого практицизма! — записывает Лидия Гинзбург в 1932 г. — Уберечься трудно. Нужно слишком много денег. У нас на этот счет развито фатовство. Людей, зарабатывающих 120 рублей в месяц, не уважают. Мы хвастаем гонорарами как последним неверным знаком признания. Все-таки — это рвачество par dépit <как вызов — *Л.Л.*>. Ситуация не позволяет двигаться по той линии, где у человека расположены мысли, цен-

[37] *Эренбург И.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Ред. Б. Фрезинский. М., 2004. С. 366.
[38] *Эренбург И.* Дай оглянуться. С. 392.
[39] *Мандельштам О.* Слово и культура // Цех поэтов. 1922. № 1. С. 83–84.

ности, самолюбие»[40]. Другое подтверждение вынужденной эволюции понятия успеха среди бывших людей модернистской культуры мы находим в мемуарах Эммы Герштейн, повествующей о том, как Мандельштам, сделав запись на полях первого издания блоковской поэмы «Возмездие», «гордым жестом подал мне книгу, говоря: — Вот, можете ее продать. Любой букинист даст... 50 рублей!» Там же мы узнаем, что 500 рублей, которые директор Государственного литературного музея Владимир Бонч-Бруевич предложил поэту за рукописи, оскорбили Мандельштама, усмотревшего в подобной сумме слишком низкую оценку своего творчества в официозной литературной иерархии, которая, казалось бы, его не должна была беспокоить[41].

В основном авторы, сложившиеся на ранней и зрелой стадиях модернистской культуры, продолжали противопоставлять келейный успех широкой известности. Но если для эмигрировавших в зрелом возрасте эта формула осталась непреходящей, то среди живущих в СССР сталинский культурный рынок видоизменил признаки творческого успеха, отныне измерявшегося материальными благами, исходящими от государства. Эмигрант Алексей Ремизов до конца жизни настаивал, что не является профессиональным писателем и не стремится печатать написанное, так как его произведения доступны немногим[42]. Однако он издавался чаще многих других изгнанников-модернистов (по-русски и на иностранных языках), благодаря умению находить издателей и переводчиков, и легко оскорблялся редакторскими отказами, приписывая их невниманию к своему литературному статусу, то есть отрицанию своего творческого успеха, который Ремизов определял как узко-келейный[43]. Сравним это с «неистовой яростью», в которую пришла Анна Ахматова, когда в эвакуации ей «почудилось, привиделось, приснилось, будто один врач намерен отправить ее в обыкновенную больницу, и была очень довольна, когда, усилиями друзей, ее положили в тамошнюю “кремлевку”»[44]. Лидия Чуковская объясняет такое поведение самооценкой Ахматовой как поэта (эпизод начинается с того, что Ахматова

[40] *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 107.

[41] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 27, 44.

[42] *Ремизов А.* Писатель (из книги «Иверень») // Избранное: Повести. Литературные силуэты. Воспоминания. М., 1992. С. 287–289.

[43] *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Беркли, 1980. С. 88, 120–121, 123, 125; *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montreal, 2010. P. 313–317; *Lossky B., Sinany H.* Bibliographie des oeuvres d’Alexis Remizov. Paris, 1978; см. также: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб., 2016.

[44] *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М., 1997. С. 275–277.

порицает усилия друзей устроить Пастернака в больницу ЦК как оскорбительные для высокого звания поэта). Итак, Ремизову важно подчеркнуть свой статус писателя для немногих при постоянной, но умалчиваемой заботе о рыночном преуспеянии. Ахматовой же важно знать, что она признана государством-меценатом как высшей рыночной инстанцией, подтверждающей творческий успех, но при этом она противопоставляет себя властям и порицает проявления государственного признания в отношении к другим поэтам, которых ценит.

Как в эту историю трактовки творческого успеха вписывается поздний модернизм, к которому Ахматову и Ремизова трудно отнести, не столько даже из-за исчезновения модернизма как культурной общности в месте проживания Ахматовой, сколько из-за отсутствия у обоих писателей заметной эволюции в эстетике и мировоззрении, которые у них полностью сложились к началу 1920-х гг.?

* * *

Как уже упоминалось, культура позднего модернизма привнесла качественные изменения в концепцию творческого успеха. Если на предыдущих исторических этапах успех связывался с вниманием узкого круга ценителей, то новая модель, сложившаяся параллельно эстетическому самоутверждению последнего поколения русских модернистов, родившихся в основном в 1894–1905 гг., ставила во главу угла отказ от литературы и белую страницу, объявив неудачу высшим проявлением творческой личности. Хотя предпосылки данной модели существовали и ранее (например, в литературной теории Василия Розанова и в практике Александра Добролюбова), доминантной она стала лишь в последнее десятилетие существования русского модернизма как культурной общности. Отчасти эта модель успеха была обязана своим видным местом в позднемодернистском сознании сближению младших писателей-эмигрантов, впоследствии вошедших в группу «Чисел», с послевоенным поколением французских модернистов[45], создавших миф об Артюре Рембо как о гениальном поэте, намеренно не реализовавшемся в литературе. Однако решающей для смены моделей успеха, безусловно, была эволюция всей системы ценностей русского модернизма из-за фрустрации уто-

[45] *Ливак Л.* «Героические времена молодой зарубежной поэзии». Литературный авангард русского Парижа (1920–1926) // Ливак Л., Устинов А. Литературный авангард русского Парижа, 1920–1926. История. Хроника. Антология. Документы. М., 2014. С. 11–142.

пических ожиданий, связанных с революционным взрывом конца 1910-х и начала 1920-х гг.

Так, в серии статей, берущих отправной точкой крах надежд на эсхатологическую «революцию духа», которая сделала бы «поэтов будущего — естественными и единственными правителями свободных народов», редактор «Чисел» Николай Оцуп определил отказ от литературы как самый честный для творческой личности жест в ответ на давление рыночной экономики в эмигрантской подсистеме и государства в советской подсистеме русского культурного поля. Раз «общество оставляет поэту лишь право быть нищим и изворачиваться по мере сил», отстраняя его «от всего или от очень многого в “нелитературной”, в живой жизни», и надежды на выход из этого положения больше нет, создателю культурных ценностей остается либо унижаться перед меценатом, — которым может выступать как частное лицо, так и государство, — либо последовать примеру Рембо, бросившего литературу, потому что он «просто не хотел побираться»[46]. Оцуп выстраивает свою аргументацию на отрицании художественного творчества как духовного подвига, десакрализуя бывший символ веры модернистской культуры. Вера в теургическую силу искусства пересоздать мир и человека — одна из доминантных ценностей раннего и зрелого модернизма — отошла на культурную периферию вместе с надеждой на «революцию духа», что не замедлило сказаться на самосознании людей позднемодернистской формации. Трудно, например, представить себе следующее утверждение Оцупа в каком бы то ни было модернистском журнале 1900-х или 1910-х гг.:

> Дело не в читателе и не в стихах, дело — в идее. В идее, будто искусство — венец творения. Будто служить ему надо любой ценой. <…> Но знаю, что есть и другой подвиг — отказ от искусства навсегда или на время, если то, во имя чего отказался, — может быть названо «жизнью» или «волей к жизни». Ужасно, что Рембо, поэт почти гениальный, бросил писать стихи. Но — праведно, потому что быт поэта (нищенство, попрошайничество) был невыносим для его гордости. <…> «Пишите прозу, господа». Нет, ничего не пишите, — ни прозы, ни стихов. Или будьте готовы ничего не писать. <…> Современные стихотворцы могут утешиться — нет такой поэзии, за которую стоило бы заплатить жизнью[47].

[46] *Оцуп Н.* О поэзии и поэтах // Числа. 1932. № 6. С. 134–135.
[47] *Оцуп Н.* Из дневника // Числа. 1934. № 10. С. 200–201.

Тот же идеал ухода а ля Рембо — именно идеал, так как практически никто из поздних модернистов литературу не оставлял, лишь декларативно за то ратуя («Ничего не пишите <…> или будьте готовы ничего не писать»), — культивируется в размышлениях Бориса Поплавского, превозносящего отказ от литературы как единственно возможную форму творческого успеха в современном культурном поле, где даже узко-кружковое писание отдает литературной амбицией, а значит литературой как общественным институтом, опошляющим рыночными отношениями духовную жизнь творца. Одно из программных выступлений Поплавского в «Числах» позволяет проследить эволюцию концепции успеха в разных исторических ипостасях русской модернистской культуры. На первый взгляд, статья Поплавского следует логике упоминавшегося выше предисловия к первой книге стихов Зинаиды Гиппиус, играя на руку оппонентам «Чисел», попрекавшим сотрудников журнала регрессией в ранний модернизм. Упрек был несправедлив: выводы Поплавского шли вразрез не только с мировоззрением Гиппиус, мало изменившимся с начала века, но и со взглядами многих литераторов, подобно ей продолжавших писать в 1930-е гг., но эстетически сложившихся уже в культуре зрелого модернизма.

«Искусство, — начинает Поплавский, — это частное письмо, отправленное по неизвестному адресу. Письмо, которому “может повезти”, которое может дойти до человека, которого можно было бы любить, с которым можно было бы дружить, собрав которых сладко было бы умереть вместе»[48]. Дальше, однако, следует подмена былого модернистского стремления к кружковому успеху отрицанием литературы как таковой: «Но между ними не нужно уже искусства, не нужно книг и журналов, не нужно прессы. Ибо в повороте головы, в манере завязывать галстук, в тоне, главное, в тоне — больше человека, чем во всех его стихах». Таким образом, литература уступает место иной творческой практике — эстетически значимому поведению, *жизнетворчеству*, которое Владислав Ходасевич незадолго до того описал на материале раннего модернизма[49]. Для Поплавского и его окружения традиция жизнетворчества в русском модернизме была опосредствована поведенческим кодом французских дадаистов и сюрреалистов, включавшим теорию и практику групповых

[48] *Поплавский Б.* О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. 1930. № 2–3. С. 309.

[49] *Ходасевич В.* О символизме // Собрание сочинений. Т. 2. М., 1996. С. 173–177; Конец Ренаты // Там же. Т. 4. М., 1997. С. 7–18.

самоубийств как формы ухода из литературы[50], на что и намекала фраза «умереть вместе» (трагическая смерть поэта в 1935 г. была вписана знавшими его литераторами в серию таких авангардистских уходов)[51].

Если искать в статье Поплавского не запоздалый всплеск морбидного «декадентства» начала века, а эволюцию ценностей модернистской культуры, нельзя не обратить внимание на мутацию идеальной модели успеха, который теперь определяется через неудачу и белую страницу. На практике эта модель подталкивает Поплавского и его коллег по «Парижской школе» — термин, пущенный в оборот в той же статье, — к нарочито документальной эстетике утрированно дневниковой и автобиографической поэзии и прозы (Ходасевич, разделявший позднемодернистское мироощущение своих оппонентов, был более последователен в переходе от художественной литературы к документально мотивированным творческим жанрам критики и литературной истории). Итак, Поплавский, один из самых известных поэтов-эмигрантов своего поколения, пишет, что «удаваться и быть благополучным — греховно и мистически неприлично». Более того, «мысль о зрителе порождает литературное кокетство. Хочется быть красивым и замечательным. Конец. Эстетика. Пошлость. Литературщина». Из чего следует, что «самое прекрасное на свете “Быть гением и умереть в неизвестности”»[52]. Последняя фраза привязывает позднемодернистскую модель успеха к мифу Рембо, чье эхо мы узнаем и в ответе Поплавского на анкету «Что вы думаете о своем творчестве?»:

> Литературная халтура всех аспектов, всякая уступка публике есть измена духовной муке <…> Так между страхом духовной смерти и страхом публики, сознание доходит до глубочайшего отвращения от литературы <...> Но только бы выразиться, выразиться. Написать одну «голую» мистическую книгу <…> и уехать, поступить в солдаты или в рабочие <…> Защититься презрением и молчанием[53].

Главный теоретик «Чисел» Георгий Адамович, для которого ценность творческой неудачи была аксиоматичной («Литература не творится в торжестве и успехах»[54]), осуждал чрезмерную литературную амбицию Поплавского, который не только не бросал писать сти-

[50] *Livak L.* The Place of Suicide in the French Avant-Garde of the Interwar Period // The Romanic Review. 2000. Vol. 91. № 3. P. 245–259.

[51] *Livak L.* How It Was Done in Paris. P. 80–89.

[52] *Поплавский Б.* О мистической атмосфере. С. 309, 311.

[53] *Поплавский Б.* Литературная анкета // Числа. 1931. № 5. С. 287.

[54] *Адамович Г.* Мысли и сомнения: о литературе в эмиграции (1932) // Литературные заметки. Т. 2. СПб., 2002. С. 12.

хи (как, впрочем, и сам Адамович), но открыто заявлял о желании, подобно Рембо, «выразиться» в «гениальной» книге и лишь затем отвернуться от литературы, таким образом оставляя за собой шанс на удачу в более традиционном смысле, — ведь венок «гениальности» плетет читательская аудитория, вопреки декларативному отказу Поплавского от профанной «мысли о зрителе». Отсюда замечание Адамовича: «Упрек самый существенный, который Поплавскому надо сделать, это что он своей истерической, чисто женской болтливостью и предает и выдает те “высокие тайны”, которым хочет служить. Ему надо бы помолчать, посомневаться, подумать»[55].

Не находя практического применения, идеал белого листа, тем не менее, становится важным оценочным критерием в критическом дискурсе позднего модернизма. Возьмем, к примеру, неприязнь Адамовича к целому ряду писателей, эстетически сложившихся на ранней и зрелой стадиях модернистской культуры, от Розанова до Цветаевой. О Розанове, пошедшем дальше других как в критике литературных институций, так и в «документальной» эстетике, дорогой позднему модернизму, Адамович писал:

> Розанова многие в наши дни разлюбили. Признаюсь, что я — один из этих «многих» <...> Розанов, в конце концов, все-таки писатель без тайны, без божественного дара умолчания <...> Есть ведь на высотах мысли нечто подлинно «несказанное». Об этом между писателем и читателем существует круговая порука: «помолчим». Розанов не выдержал. Нарушил молчание, попытался всё уложить в слова[56].

Цветаева же грешила тем, что не смогла преодолеть тягу к вызывающему экспериментаторству и металитературности, типичным для зрелого модернизма, но порицаемым в позднемодернистской культуре, которая видела в них признаки литературного тщеславия. «Это архивчерашняя поэзия», — подвел итог Адамович в своей рецензии на поэтический сборник Цветаевой:

---

[55] *Адамович Г.* «Числа». Книга четвертая (1931) // Литературные заметки. Т. 1. СПб., 2002. С. 464.

[56] *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1927. № 207, 16 янв. С. 1–2. Здесь уместно указать на эстетическую отсталость «провинциала» Юрия Иваска от модернистов-«парижан», которые уже отошли от Розанова, когда тот достиг пика популярности среди молодых русских литераторов в Эстонии, где, по воспоминаниям Иваска, считалось хорошим тоном «писать только так, как он <Розанов> писал» (*Иваск Ю.* Повесть о стихах. Нью-Йорк, 1987. С. 93; сообщено Г. Обатниным). Не удивительно, что спустя много лет Владимир Вейдле должен был втолковывать Иваску иерархию ценностей поздней модернистской культуры.

> Эти истерически-экстатические вскрики, эта судорожная речь, напоминающая отчетливей всего предрассветные, слегка хмельные, городские, богемно-литературные разговоры и признания, эта прихотливейшая постановка тем <…> Покончим с иллюзией будто бы «трудность» цветаевского искусства является доказательством его значительности и глубины <…> Цветаева не так глубока и сложна, чтобы за ней трудно было следовать, — если бы только она своим пифийством не кокетничала[57].

Понося языковой и просодический иконоклазм как форму литературного кокетства, Адамович не договаривает того, что и без слов ясно в его окружении: только отказ от литературной амбиции и от вытекающего из нее стремления к успеху, будь он келейным или рыночным, является наивысшей эстетической ценностью. Той же логике следует описание позднемодернистской культурной общности в эмиграции, данное в «Числах» Юрием Терапиано. Причем и здесь особое внимание уделяется определению творческой удачи через провал («Не знаю», «не умею», «не могу об этом говорить»), поднимающий престиж писателя-модерниста при помощи заранее уготовленного фиаско, какой бы ни была его читающая аудитория:

> В Париж, волей судьбы, переместился центр — не русской жизни и не русской литературы, конечно, но некоторый очень важный центр — «человека своего столетия» <…> Нестерпимо то, что прежде принималось иногда как духовное обогащенье — риторика, схоластика, безответственная игра с несказанным. «Не знаю», «не умею», «не могу об этом говорить» воспринимаются сейчас с бóльшим вниманием <...> Былое имущество роздано, богатый евангельский юноша стал нищ и наг. <...> Он мог бы задрапироваться в любые ткани, он мог бы, не хуже прежнего, выбирать материи, цвета и оттенки, но не хочет. <...> Мне кажется, эта воля, — отказ, обеднение, решимость выдерживать одиночество, выносить пустоту, — самое значительное, что приобрело новое поколение, и дай Бог, чтобы лучшая часть наших молодых поэтов и писателей устояла и не соблазнилась легкой дешевой удачей — литературной — толпы ради[58].

Логическим последствием возведения модели успеха через неудачу на доминантную позицию в системе ценностей позднего модернизма явилось изменение тактики самоутверждения литераторов в культурном поле. Ярким примером здесь является отказ

[57] *Адамович Г.* После России (Новые стихи Марины Цветаевой) // Литературные заметки. Т. 1. С. 45–46.

[58] *Терапиано Ю.* Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–212.

от манифестов и «измов», наметившийся уже в середине 1920-х гг. как в России, так и в эмиграции. В 1924 г. Юрий Тынянов отмечал, что «поэтический паспорт, приписка к школе поэта сейчас не спасут. Школы исчезли, течения прекратились»[59]. Год спустя Адамович так комментировал расцвет французской группы сюрреалистов: «За последние десятилетия все теории и манифесты были так безнадежно скомпрометированы быстрой сменой, быстрым забвением и осмеянием <…> Придумывание новшеств, манифесты и теории — детская игра»[60]. Еще годом позже первый номер брюссельского журнала «Благонамеренный» ратовал за отказ от традиционных средств литературной борьбы и саморекламы, увязывая его с отказом от не менее традиционного для модернистской культуры взгляда на искусство как орудия радикального преображения мира и человека:

> Пусть проследит желающий историю поэтических школ, начинавшихся гордыми манифестами: интенсивность заряда их злобы ко всем «отсталым» будет, в свете истории, обратно пропорциональна их поэтической значимости <…> Можно проделать на всем земном шаре социальную революцию, — от этого не прибавится ни одного вершка росту ни одному поэтическому дарованию. <…> В злом манифесте какой-нибудь литературной школы мы отвергаем не только злобу, но мы отвергаем и манифест. Мы считаем, что манифест, даже хороший, есть ввод в литературу чего-то, ничего общего с литературой не имеющего. Литература не нуждается в манифестном повышении голоса ни при каких обстоятельствах. В нем нуждается только человек еще не почувствовавший себя поэтом[61].

В СССР модернизм как культурная формация был уничтожен к началу 1930-х гг., и практика самоопределения через «минус-прием» — до нас писали манифесты и назывались разными неологизмами, а мы не станем — не успела утвердиться. Обериуты, последнее значительное событие модернистской культуры в России, намного больше зависели от эстетики и философии зрелого модернизма, чем представители их литературного поколения в эмиграции, где самоопределение через «минус-прием» было доминантным среди литераторов «Парижской школы». Отрицание «измов», программ и манифестов становится таким же общим местом модернистского

[59] *Тынянов Ю.* Промежуток // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 169.

[60] *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1925. № 109, 2 марта. С. 2. См. также его статьи: Поэты в Петербурге // Звено. 1923. № 32, 10 сент. С. 2; На полустанках. (Заметки поэта) // Звено. 1923. № 36, 8 окт. С. 2.

[61] Философическое обоснование благонамеренности // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 7–10.

дискурса в эмиграции, как и определение творческого успеха через его отрицание. Подобный принцип самоопределения от противного был отличительным признаком «Чисел» как журнала, отражающего позднемодернистское сознание с его декларативным отталкиванием от литературной амбиции.

В 1932 г. Адамович так описал позицию сотрудников «Чисел»: «Можно было бы выдумать новое направление, разжечь страсти вокруг какого-нибудь нового “изма”. Но мир очень поумнел за эти годы. “Измы” сильно скомпрометированы»[62]. Через год он уточнил:

> Значение «Чисел» — иное. Им пытались навязать претензию создать новое направление в литературе. Направления до сих пор нет. Отсюда — ирония некоторых критиков <...> Естественно, в «Числах» создалась разноголосица. Но именно она-то и составляет их «знамя», поскольку в разноголосице этой есть подлинное движение. <...> Предпосылкой их служит стремление понять, уразуметь, почувствовать наше время, признание «сдвига», происшедшего в мире, и утверждение того, что у эмигрантского «человека тридцатых годов» <...> есть что остальным людям сказать[63].

Не называя имен, Адамович здесь полемизирует с Ходасевичем, издевавшимся над кажущейся неспособностью группы «Чисел» четко сформулировать свою программу. Оставляя в стороне литературные свары, следует отметить, что Ходасевич разделял общую эволюцию русского модернизма в поздней стадии его развития, включая и отрицание моды на «измы» и манифесты[64]. Неслучайно в разгар полемики вокруг «Чисел» Поплавский всячески подчеркивал «минус-прием» как принцип самоопределения его литературного поколения и логический компонент модели творческого успеха как заранее уготовленной и желаемой неудачи. «Символисты и сюрреалисты, — отмечал Поплавский, — бесконечно много написали о себе. Новая эмигрантская литература — почти ничего <…> Эмигрантской критике это кажется наивностью, она еще зачастую загипнотизирована старой Атлантидой — Россией символизма. <…> “Числа” журнал авангардистов новой послевоенной формации»[65].

В заключение отметим, что позднемодернистский критический дискурс не следует смешивать с выражениями отвращения к литературному профессионализму — будь то в отношении к свободному

---

[62] *Адамович Г.* Стихи (1932) // Литературные заметки. Т. 2. С. 108.
[63] *Адамович Г.* «Числа». Книга 7–8 (1933) // Литературные заметки. Т. 2. С. 177.
[64] *Ходасевич В.* «Числа» // Возрождение. 1930. № 1759, 27 марта. С. 3.
[65] *Поплавский Б.* Вокруг «Чисел» // Числа. 1934. № 10. С. 204–209.

рынку или к тоталитарному государству — среди носителей ценностей предыдущих исторических ипостасей русского модернизма. Эмма Герштейн вспоминала, что Мандельштам периода «Четвертой прозы» (1929) «жил под знаком “выхода из литературы”. Он не хотел быть писателем»[66]. Следуя той же логике, Ахматова в таких выражениях противопоставила себя Борису Пастернаку, с энтузиазмом окунувшемуся в сталинский литературный процесс: «Профессиональных болезней во мне нет, уверяю вас. И знаете почему? Я не литератор»[67]. Впрочем, разочаровавшись в сталинском культурном проекте, Пастернак вернулся к хорошо знакомой ему модернистской модели узко-кружкового успеха, как следует из его стихотворения «Быть знаменитым некрасиво…» и из контраста творческой позиции героя «Доктора Живаго» литературному профессионализму[68]. Но, насколько нам известно, ни один из перечисленных поэтов, сложившихся на зрелой стадии модернистской культурной формации, не утверждал ценности белой страницы. Этим их понимание достойного литературного пути отличалось от позднемодернистской идеальной модели успеха через неудачу.

Для позднего модернистского сознания эмиграция стала признаком свободы не только от внешнего давления на творческий процесс, но и от литературной амбиции вообще. «Были ли когда-нибудь для литературы условия такой чистоты, такой ответственности, как наши теперешние, — и неужели же мы их пропустим, ничего в них не поняв и не заметив?» — восклицает Адамович в 1932 г.[69] По ходу рефлексии над смыслом творчества в эмиграции позднемодернистская культура осмысливает изгнание как определяющий и мотивирующий фактор идеальной модели успеха через неудачу. Ограниченность русскоязычной аудитории за рубежом и соответствующая скромность гонораров — вспомним, что Газданов с Набоковым не в состоянии были жить литературными заработками, несмотря на свою известность у эмигрантского читателя, — становятся положительными фактами литературного быта в изгнании, приближающими поздних русских модернистов к мифу Артюра Рембо, чья неудачная литературная карьера казалась им залогом истинной славы и признания. «Литературной “лавочки” здесь мало, —

[66] *Герштейн Э.* Мемуары. С. 16.

[67] *Чуковская Л.* Запись 6 мая 1940 г. // Записки об Анне Ахматовой 1938–1941. М., 1997. С. 105.

[68] *Маслов Б.* Традиции литературного дилетантизма и эстетическая идеология романа «Дар» // Империя N. Набоков и наследники / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М., 2006. С. 48.

[69] *Адамович Г.* Мысли и сомнения. С. 12.

гордо отметил Поплавский, — “товарец” здесь не идет, как бы того ни хотели иные писатели с тиражами»[70]. Сорок с лишним лет спустя такое использование уменьшительных форм, выражающих пренебрежение к профанному виду творческого успеха, повторится в письме Владимира Вейдле к Юрию Иваску («литературочка»), которым открывается настоящая статья.

Литература

Адамович Г. Собрание сочинений. Литературные заметки: В 4 кн. / Под ред. О. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. 782, 507 с.

Брюсов В. Переписка с К.Д. Бальмонтом. 1894–1918 / Под ред. А. Нинова, Р. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1991. С. 30–239.

Герштейн Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. 518 с.

Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-Спб., 2002. 766 с.

Динерштейн Е. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М.: Московские учебники, 2003. 366 с.

Империя N. Набоков и наследники / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М.: НЛО, 2006. 538 с.

Книга в России, 1895–1917 / Под общ. ред. И. Фроловой. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. 720 с.

Лавров А. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М.: НЛО, 2007. 513 с.

Лавров А. Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 629 с.

Лавров А. Эллис в «Весах» // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 287–327.

Лавров А., *Гречишкин С.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб.: Скифия, 2004. 398 с.

Ливак Л., *Устинов А.* Литературный авангард русского Парижа, 1920–1926. История. Хроника. Антология. Документы. М.: ОГИ, 2014. 990 с.

Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Под ред. П. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. 637, 463 с.

Рейтблат А. Символисты, их издатели и читатели // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Под ред. В. Багно, Д. Малмстада, М. Маликовой. М.: НЛО, 2009. С. 594–606.

Ремизов А. Избранное. Повести. Литературные силуэты. Воспоминания / Под ред. В. Чалмаева. М.: Просвещение, 1992. 414 с.

[70] *Поплавский Б.* О мистической атмосфере. С. 309.

Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Под ред. Е. Тоддеса, А. Чудакова, М. Чудаковой. М.: Наука, 1977. 574 с.

Фельзен Ю. Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. Л. Ливака. М.: Водолей, 2012. 452, 428 с.

Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. И. Андреевой, С. Бочарова, Н. Богомолова. М.: Согласие, 1996–1997. 590, 572, 589, 740 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. М.: Согласие, 1997. 541 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. М.: Согласие, 1997. 829 с.

Чуковский К. Дневник 1901–1929 / Под ред. Е. Чуковской. М.: Современный писатель, 1997. 541 с.

Чуковский К. Дневник 1930–1969 / Под ред. Е. Чуковской. М.: Современный писатель, 1997. 558 с.

Чуковский К. Собрание сочинений: В 15 т. / Под ред. Е. Чуковской. Т. 6. М.: Терра-Книжный клуб, 2002. 624 с.

Шкловский В. Гамбургский счет. СПб.: Лимбус пресс, 2000. 461 с.

Эренбург И. Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Ред. Б. Фрезинский. М.: Аграф, 2004. 621 с.

Davis T. The Extinct Scene: Late Modernism and Everyday Life. New York: Columbia University Press, 2016. 328 p.

Livak L. How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison: University of Wisconsin Press, 2003. 316 p.

Livak L. In Search of Russian Modernism. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018. 392 p.

Livak L. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2010. 584 p.

Livak L. The Place of Suicide in the French Avant-Garde of the Interwar Period // The Romanic Review. 2000. Vol. 91. № 3. P. 245–262.

Lossky B., Sinany H. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 255 p.

Miller T. Late Modernism: Politics, Fiction, and the Arts between the World Wars. Berkeley: University of California Press, 1999. 280 p.

References

Adamovich G. *Literaturnye zametki: v 4 kn.* [Literary notes: in 4 vols.], ed. by O. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2002. 782, 507 p. (In Russ.)

Briusov V. Perepiska s K.D. Bal'montom. 1894–1918 [Correspondence with K.D. Balmont], ed. by A. Ninov, R. Shcherbakov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98. Kn. 1: Valerii Briusov i ego korrespondenty* [Literary heritage. Vol. 98, book 1: Valery Bryusov and his correspondents]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 30–239. (In Russ.)

Chukovskaia L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. 1938–1941* [Notes on Anna Akhmatova. 1938–1941]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 541 p. (In Russ.)

Chukovskaia L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi. 1952–1962* [Notes on Anna Akhmatova. 1952–1962]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 829 p. (In Russ.)

Chukovskii K. *Dnevnik 1901–1929* [Diary 1901–1929], ed. by E. Chukovskaia. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1997. 541 p. (In Russ.)

Chukovskii K. *Dnevnik 1930–1969* [Diary 1930–1969], ed. by E. Chukovskaia. Moscow, Sovremennyi pisatel' Publ., 1997. 558 p. (In Russ.)

Chukovskii K. *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 6* [Collected works: In 15 vols. Vol. 6], ed. by E. Chukovskaya. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 2002. 624 p. (In Russ.)

Davis T. *The Extinct Scene: Late Modernism and Everyday Life*. New York, Columbia University Press, 2016. 328 p.

Dinershtein E. *Ivan Dmitrievich Sytin i ego delo* [Ivan Dmitrievich Sytin and his business]. Moscow, Moskovskie uchebniki Publ., 2003. 366 p. (In Russ.)

Erenburg, I. *Dai oglianut'sia… Pis'ma 1908–1930* [Let me look back... Letters 1908–1930], ed. by B. Frezinsky. Moscow, Agraf Publ., 2004. 621 p. (In Russ.)

Fel'zen Iu. *Sobranie sochinenii: V 2 t.* [Collected works: In 2 vols.], ed. by L. Livak. Moscow, Vodolei Publ., 2012. 452, 428 p. (In Russ.)

Gershtein E. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1998. 518 p. (In Russ.)

Ginzburg L. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* [Notebooks. Memoirs. Essays]. St.Petersburg, Iskusstvo-Spb. Publ., 2002. 766 p. (In Russ.)

Imperiia N: Nabokov i nasledniki [The N. Empire: Nabokov and his heirs], ed. by Yu. Leving, E. Soshkin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 538 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [Collected works: In 4 vols.], ed. by I. Andreeva, S. Bocharov, N. Bogomolov. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997. 590, 572, 589, 740 p. (In Russ.)

Kniga v Rossii, 1895–1917 [Book in Russia, 1895–1917], ed. by I. Frolova. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2008. 720 p. (In Russ.)

Lavrov A. *Andrei Belyi. Razyskaniia i etiudy* [Andrei Bely. Discoveries and studies]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 513 p. (In Russ.)

Lavrov A. Ellis v ”Vesakh” [Ellis in “Vesy”]. *Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy* [Symbolist circle writers. New materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 287–327. (In Russ.)

Lavrov A. *Russkie simvolisty. Etiudy i razyskaniia* [Russian Symbolists. Studies and discoveries]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2007. 629 p. (In Russ.)

Lavrov A., Grechishkin S. *Simvolisty vblizi. Stat’i i publikatsii* [Symbolists close by. Articles and publications]. St. Petersburg, Skifiia Publ., 2004. 398 p. (In Russ.)

Livak L. *How It Was Done in Paris: Russian Émigré Literature and French Modernism*. Madison, University of Wisconsin Press, 2003. 316 p.

Livak L. *In Search of Russian Modernism*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2018. 392 p.

Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montreal, McGill-Queen’s University Press, 2010. 584 p.

Livak L. The Place of Suicide in the French Avant-Garde of the Interwar Period. *The Romanic Review*, 2000, vol. 91, no. 3, pp. 245–262.

Livak L., Ustinov A. *Literaturnyi avangard russkogo Parizha, 1920–1926. Istoriia. Khronika. Antologiia. Dokumenty* [Literary avant-garde of Russian Paris, 1920–1926. History. Chronicle. Anthology. Documents]. Moscow, OGI Publ., 2014. 990 p. (In Russ.)

Lossky B., Sinany H. *Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov*. Paris, Institut d’études slaves, 1978. 255 p.

Mandel’shtam O. *Sochineniia: V 2 t.* [Works: In 2 vols.], ed. by P. Nerler. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 637, 463 p. (In Russ.)

Miller T. *Late Modernism: Politics, Fiction, and the Arts between the World Wars*. Berkeley, University of California Press, 1999. 280 p.

Reitblat A. Simvolisty, ikh izdateli i chitateli [Symbolists, their publishers and readers]. *Na rubezhe dvukh stoletii. Sbornik v chest’ 60-letiia Aleksandra Vasil’evicha Lavrova* [At the turn of two centuries: A collection in honor of the 60th anniversary of Alexander Vasilyevich Lavrov], ed. by V. Bagno, J. Malmstad, M. Malikova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 594–606. (In Russ.)

Remizov A. *Izbrannoe. Povesti. Literaturnye siluety. Vospominaniia* [Selected works. Tales. Literary silhouettes. Memoirs], ed. by V. Chalmaev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992. 414 p. (In Russ.)

Shklovskii V. *Gamburgskii shchet* [Hamburg reckoning]. St. Petersburg, Limbus press Publ., 2000. 461 p. (In Russ.)

Tynianov Iu. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema], ed. by E. Toddes, A. Chudakov, M. Chudakova. Moscow, Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russ.)

Failure as the ideal model of artistic success in late Russian Modernist culture

© 2018, Leonid Livak

Abstract: The article traces the evolution of Russian modernism's value system at different historical stages of that cultural formation, taking as an example the notion of artistic success. The modeling of artistic success through failure is considered here as a peculiar trait of late Russian modernist culture.

Keywords: Russian modernism; artistic success; cultural modeling

Information about the author: Leonid Livak, Professor in the Slavic Department and the Centre for Jewish Studies, University of Toronto, Canada.

E-mail: leo.livak@utoronto.ca

Citation: Livak Leonid. Failure as the ideal model of artistic success in late Russian Modernist culture. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 97–123.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-124-169
УДК 821.161.1

Из литературной жизни непрофильных учебных заведений (на примере Психоневрологического института)*

© 2018, Г.В. Обатнин

Аннотация: В статье рассматривается деятельность Психоневрологического института в дореволюционный период его существования как условие для выявления культурных и литературных интересов его студенчества. В этой связи рассматриваются особенности преподавательского процесса: состав профессоров, поощрявших занятия литературой и организацию студенческих кружков, отсутствие процентной нормы для евреев при поступлении и прием студентов женского пола. Особое внимание уделено студенческой прессе, живо реагировавшей на события институтской, столичной и российской жизни.

Ключевые слова: студенческая жизнь, история высшего образования, Психоневрологический институт.

Информация об авторе: Геннадий Владимирович Обатнин, PhD, доцент, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия.

E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi.

Цитирование: *Обатнин Г.В*. Из литературной жизни непрофильных учебных заведений (на примере Психоневрологического института) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 124–169.

* Пользуюсь случаем выразить мою признательность А.Л. Соболеву и Р.Д. Тименчику за ряд ценных подсказок. Фотографии из личных дел публикуются с любезного разрешения Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Писатель учится быть писателем у других писателей и в их среде обретает первый успех или терпит первый крах. К традиционным формам писательской самоорганизации — кружкам и салонам, литературным студиям, конкурсам и т.п. — после революции добавилось профильное учебное заведение, Литературный институт. Однако даже после этого непрофильные заведения не потеряли своей роли, достаточно вспомнить о поэтическом кружке ленинградского Горного института. В литературной жизни прошлого рубежа веков с ее быстрым ростом количества писателей учебные заведения сыграли определяющую роль. На слуху находятся воспитавшие будущих писателей Тенишевское училище, Шестая петербургская гимназия, Выборгское коммерческое училище, школы и гимназии в Царском селе[1], московские гимназии Брюхоненко, Ржевской или Хвостовой, известны также усилия различных общественных деятельниц (вроде В. Гриневич) по организации школ с помощью знакомых литераторов, философов и ученых. Высшие учебные заведения в еще большей степени становились литературными институтами, и проект «Поэзия Московского университета», включающий и одноименную антологию (начало XX в. представлено в кн. 4 и 5, 2009–2010), и сайт (http://www.poesis.ru/), при всей размытости критериев отбора видится интересным начинанием. Литературная жизнь Петербургского университета в эпоху модернизма была не менее интенсивной, и она не менее изучена. Однако помимо государственной высшей школы в России того времени всё большее место занимала школа частная, и преподавательская карьера видных ученых нередко была больше связана с Народными университетами или разного рода курсами, из которых высшие женские традиционно более находились на виду. В число высших частных учебных заведений, где создалась насыщенная литературная и культурная среда, можно отнести и основанный В.М. Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологический институт в Петербурге (далее ПСНИ), открывший двери для студентов в 1908 г. и существующий до сих пор, хотя с 1921 г. не как учебное заведение.

Природа популярности психологии и психиатрии в начале XX в., помимо историко-культурных причин, была обусловлена своего рода государственной поддержкой. Уже Г. Челпанов писал о необходимости создания экспериментальных лабораторий

[1] О царскосельской школе Е.С. Левицкой сохранила память ее «бывшая ученица» Вера Аренс, которая на юбилейном вечере 14 сентября 1910 г. прочитала стихотворение, посвященное ее символу, подснежнику, т.к. он был на формах учениц (см.: Статьи и заметки о школе Левицкой. СПб., 1912. С. 94).

в школах. В мемуарах журналиста консервативного «Нового времени» А. Ренникова (Селитренникова) находим эпизод о том, как он по заданию своего университетского профессора преподавал психологию в гимназии. Профессор (между прочим, Н.Н. Ланге, ученик самого Вундта) сообщил ему, что в гимназическую программу только что введен курс философской пропедевтики, состоящий из краткого курса психологии в седьмом классе и логики в восьмом. В самом деле, в программе на седьмой класс для мужских гимназий и прогимназий, вышедшей в 1908 г., предмет «Философская пропедевтика. Часть А. Психология» занимает 2 урока в неделю, а в восьмом классе есть и «Часть Б. Логика»[2]. Предмет преподавался и в женских гимназиях с правами мужских, например в вышеупомянутой школе Левицкой. Однако отношение Ренникова-мемуариста к этому интеллигентскому по сути начинанию носит ироничный характер. Логику, передает он слова Ланге, и раньше в школах преподавали, а вот психологов нет, и их стали набирать из студентов историко-филологического факультета, где обучали и философии, сам Ренников закончил его после математического. Из учебников был только Челпанова, и Ренников стал преподавателем психологии, где попытался ввести университетскую систему чтения лекций вместо обычных уроков, что он, плодовитый автор юмористических романов и рассказов, красочно описал в своих мемуарах[3].

Тот факт, что через Психоневрологический институт прошло много видных деятелей литературы и культуры, давно известен исследователям[4], однако систематически это еще не рассматривалось.

---

[2] См.: Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения с дополнениями и разъяснениями, вышедшими по 1 апреля 1908 года. Составил Орлов. СПб., 1908. С. 135–136, 149–150. Возможно, это тот же Вл. Орлов, заведующий учебной частью в царскосельской школе Левицкой, который в описании ее программы отметил курс философской пропедевтики «по министерской программе» (см.: Школа Левицкой с правами мужских гимназий для учащихся. Царское Село. Учебный план и программа предметов курса. СПб., 1909. С. X).

[3] *Ренников А.* Минувшие дни. New York, 1954. С. 112–115.

[4] Интерес к нему в этом отношении надо отсчитывать, по крайней мере, от заметки с рассказом о личных делах троих из его студентов-литераторов, Л. Рейснер, М. Кольцова и В. Финка (последний в это время еще здравствовал): *Ешушина З., Никулина Л.* В студенческие годы… // Нева. 1964. № 7. С. 219. Существовало еще одно учреждение близкого профиля, но иного типа — Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при кафедре философии Императорского Московского Университета. Он был назван так в память о внезапно почившей в 1907 г. супруги основного спонсора, коммерсанта и коллекционера Сергея Щукина, и открылся в 1912 г. (см.: *Семенова Н.* Жизнь и коллекция Сергея Щукина. М., 2002. С. 88). Кроме института, этой московской красавице и светской женщине было посвящено стихотворение Ю. Балтрушайтиса «Колыбельная песня», опубликованное в «Весах» в 1906 г. Институт был давним проектом философа Г. Челпанова: Психологическая семинария учреждена им еще в бытность его в Киевском университете,

Перечислим их имена, расположив по мере поступления в Институт, и тогда этот список откроют близкий к эсдекам литературный критик Вячеслав Полонский (Гусин)[5], а также литературовед, будущий специалист по Льву Толстому и Белинскому Василий Спиридонов[6]. Оба они упоминаются в качестве соучеников по институту в автобиографии П.А. Сорокина «A long journey» (1963, в русском переводе выходила под названием «Долгий путь»). Будущий видный социолог недолго проучился в ПСНИ[7] и не сделал литературной карьеры, однако первая из его опубликованных статей была посвящена именно литературе («Гамсун и Верхарн как выразители современных душ и настроений», 1911). Далее он опубликовал статью о У. Уитмене («Бард жизни», 1912) и работу «Л. Толстой как философ» (1912, 1914), написал некролог Э. Верхарна (1916) и рецензировал произведения В. Винни-

и в ней учился, в частности, Г. Шпет. Письмо Челпанова к нему от 30 ноября 1912 г. показывает, с каким энтузиазмом он относился к организованному им московскому Психологическому институту (Логос. 1992. № 3. С. 247). В предисловии к обзору деятельности Института Челпанов писал, что продолжает работу Психологического семинария при Московском университете, который философ основал при переезде из Киева в Москву в 1907 г. (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском Университете. М., 1914. С. 273; отчет Челпанова был напечатан в «Психологических исследованиях», выходивших под его редакцией и занимавших весь первый том «Трудов Психологического института», 1914. Т. 1. Вып. 1–2). Прототипом для московского учреждения послужили немецкие психологические институты, осматривать которые летом 1910 г. Челпанов поехал вместе со свежеизбранным приват-доцентом Шпетом. Связи Щукинского института с литературой гораздо слабее, число его семинаристов составляло обычно 50–54 человека (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной. С. 314–317). Тем не менее о своем пребывании в «Институте экспериментальной психологии» вспоминал К. Локс в «Повести об одном десятилетии» (Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1993. С. 67–69), а 1 декабря 1913 г. там выступал С.В. Шенрок (Психологический Институт им. Л.Г. Щукиной. С. 312, 320, 324).

[5] В.П. Гусин стал студентом ПСНИ уже в 1908 г., но летом 1911-го был выслан вместе с другим студентом в Олонецкую губернию за агитацию среди учащихся. Судя по его делу, после амнистии в связи с 300-летием дома Романовых он не раз потом делал попытки восстановиться в Институте, но, как он изложил в письме к Сергею Константиновичу (очевидно, Буличу) от 11 января 1916 г., смог это сделать лишь в 1915 г., как раз накануне его призыва в армию (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2722. Л. 7, 14, 27).

[6] Прошение Спиридонова о приеме датировано 8 июля 1908 г. К этому моменту он уже 11 лет проработал преподавателем русского языка в Кукарской учительской семинарии в Вятской губернии, поскольку закончил Казанский учительский институт. Уволенный за неуплату осенью 1913 г., Спиридонов делал попытки восстановиться, в 1915 г. просил отсрочить выплату половины задолженности, последние его документы датируются 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8922. Л. 1–2, 14–15). В статье И.А. Щурова о нем в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1972. Т. 7. Стб. 123) ошибочно приводится иной год рождения (1878 вместо 1877), а также указано, что он закончил ПСНИ в 1914 г. Добавим, что, судя по информации в студенческой прессе, в 1912–1913 гг. в кружке им. Михайловского Спиридонов прочел доклады «Пути Л.Н. Толстого к правде» и «Жизнь и творчество С.Я. Надсона» (Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14. С. 4).

[7] Прошение о зачислении датировано 20 июля 1909 г., а в заявлении от 29 апреля 1911 г. Сорокин уже просил о выдаче документов (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8799. Л. 1, 5), см. также: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2008. Т. 1: 1889–1922. С. 33 (текст книги доступен в интернете).

ченко[8]. Сорокин и сам был не чужд литературному творчеству: писал стихи, сохранившиеся в его архиве[9], восемь из которых, частью под псевдонимом В. Вьюгов, были опубликованы в вологодской газете «Эхо» в 1913 г.[10] В 1917 г. в «Ежемесячном журнале» В. Миролюбова, где Сорокин был секретарем редакции[11], под псевдонимом Н. Чаадаев публиковался его автобиографический и прототипический роман «Предтеча» (в котором, однако, нет ни слова об Институте).

В ПСНИ Сорокин поступил после курсов А.С. Черняева по рекомендации преподававшего там его земляка, «коми-профессора» К.Ф. Жакова. В качестве причины ухода Сорокин указал в автобиографии «глубокое нежелание быть призванным в царскую армию»[12], но в студенческом деле причиной названа неуплата[13]. Вопрос о призыве в армию, которому подлежали студенты негосударственных учреждений, остро стоял перед Институтом и не раз обсуждался на страницах студенческой печати. В этом смысле показательно дело студента Е.Д. Брука, за отсрочку которого в сентябре-ноябре 1913 г. развернулась целая кампания. Отсрочку Брук в конце концов получил «для окончания образования» до конца 1914 г., но отбывал воинскую повинность начиная с октября

[8] См.: Питирим Александрович Сорокин (1889–1968): Биобиблиографический указатель. Сыктывкар, 2001. С. 33, 35, 38; исправленный и дополненный вариант: Библиографии трудов П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М., 2013. С. 480–481.

[9] Самые ранние (из известных нам) три стихотворения включены в его дневник и датированы августом 1906 г. (ИРЛИ Ф. 863. № 8. Л. 48–49). Стихи, составившие две тетради под названием «Рифмованная ерунда», написаны между осенью 1912 и осенью 1915 гг. (ИРЛИ Ф. 863. № 5), подробнее см. в обзоре: *Дойков Ю.В.* Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 63–65 (здесь опубликовано еще одно стихотворение); ср.: «Не так давно открылась еще одна сфера деятельности Питирима Александровича этих лет — литературное творчество» (*Василенко В.В.* Некоторые штрихи к историческому портрету П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин. С. 379).

[10] Перепечатаны в работе: Дойков *Ю.* Питирим Сорокин. С. 87–90.

[11] Видимо, не без его участия появилась публикация: *Люблинский П.И., проф.* Война и общественная эволюция // Ежемесячный журнал. 1917. № 1. Стб. 161–178, которая снабжена примечанием: «Речь, произнесенная на годовом акте психоневрологического института».

[12] *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 58.

[13] См., например, прошение (правда, совершенно другим почерком) от 5 апреля 1911 г. не высылать ему документы, так как к 1 мая он, возможно, будет располагать необходимой суммой для продолжения обучения; 29 апреля 1911 просит выдать его документы из-за невзноса, он «принужден выбыть из института» (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8799. Л. 4, 5). В комментарии к русскому переводу его автобиографии указана официальная причина отчисления, но ее годом назван 1910, см.: *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 278; основанием служит тот факт, что уже в августе этого года Сорокин был принят в число студентов Юридического факультета Петербургского университета (см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. С. 34–35). Сорокин не порывал связей с ПСНИ и далее, например, в 29 номере (19 февраля 1912) «Листка студентов психоневрологов» находим сообщение, что среди прочих он выступал в студенческом кружке им. Михайловского на тему «Михайловский и современная философия» (С. 3).

1914 г.[14] В его деле хранится интересный документ: копия телеграммы от 2 апреля 1913 г. от Военного министра о предоставлении отсрочки призыва мобилизации ратникам слушателям Психоневрологического института на тех же основаниях, на коих подобные отсрочки уж предоставлены студентам прочих учебных заведений[15].

Двигаясь дальше хронологически, упомянем Э.Ф. Голлербаха, чей аттестат Царскосельской Николаевской гимназии пестрит тройками, только фехтование, рисование, черчение, немецкий и закон Божий были сданы им на «отлично». Голлербах поступил в 1911 г. и пробыл студентом всего год[16]. Несмотря на столь недолгое пребывание в институте, это ему помогло при знакомстве с В.В. Розановым[17]. Голлербах учился на Основном или, как его стали называть позднее, Общеобразовательном факультете, в который в 1910 г. были преобразованы все пропедевтические курсы для остальных факультетов; обучение длилось два года[18]. Поэтесса М.М. Шкапская сообщала в автобиографии, что «проучилась два года на

[14] ЦГИА СПб. Ф. 115. № 2. Д. 1218. Л. 13, 45, 46–46 об., 55, 70.

[15] Там же. Л. 56. С начала 1916 г. Брук устроился на службу в Харьковский комитет Всероссийского Союза городов и известил ПСНИ, что это надо считать равным отбыванию воинской повинности (Там же. Л. 63).

[16] Прошение о зачислении имеет штамп о получении 29 июля 1911 г., а прошение о возврате документов помечено октябрем 1912 г., здесь же удостоверение, что Голлербах состоял студентом в 1911–1912 гг. и ни в чем предосудительном замечен не был (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2436. Л. 2, 11, 12).

[17] См.: «Расспрашивал о Е.В. де-Роберти и С.А. Венгерове, узнав, что я был их слушателем в Психоневрологическом институте» (*Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов: жизнь и творчество // Голлербах Э.Ф. Встречи и впечатления / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. Голлербаха. СПб., 1998. С. 86).

[18] См.: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. СПб., 2002. Ч. 1. С. 96, 100.

медфаке в Психо-Неврологичеком институте»[19], хотя, судя по ее студенческому делу, она лишь хотела туда поступить[20]. Шкапская продолжила обучение за границей, для чего и испросила в канцелярии справку об обучении, зато студент Меер-Исер Мейлахович (Дмитрий Михайлович) Пинес того же 1911 года поступления вел активную студенческую жизнь[21]. Например, в студенческой газете в объявлении о начале работы семинара по эстетике, который вел проф. Е.В. Аничков, указывалось, что обращаться нужно к студенту Пинесу[22]. В той же газете Пинес под псевдонимами М. М-т-н и М. Мит-н[23] поместил перевод из Люциана Риделя под названием «Проклятие слезам», а также перевод «Из Яна Каспровича» — недаром он окончил шесть классов частного реального

[19] *Шкапская М.М.* Вторая автобиография (1952) // Шкапская М.М. Час вечерний: Стихи. СПб., 2000. С. 172. Ее первая автобиография опубликована лишь в выдержках, но и там есть указание на «два года медицинского факультета» (Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее. 1993. Вып. 13. С. 323).

[20] См. справку в том, что она в 1911/12 и 1912/13 учебные года состояла слушательницей Основного факультета, ее студенческую книжку, а также заявление 1913 г. о том, что она остается на Основном факультете, хотя хотела на медицинский (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Ед. хр. 10765. Л. 7, 11, 24). Не исключено, что Шкапская, в девичестве Андреевская, поступала, чтобы не разлучаться со своим мужем, студентом Петербургского университета.

[21] Среди личных дел студентов ПСНИ числится пятнадцать Пинесов обоего пола. Прошение о зачислении искомого датировано 23 августа 1911 г. Он исправно вносил плату до осени 1916 г., когда был уволен за неуплату, однако 1-м января 1917 г. помечено его прошение в канцелярию об удостоверении, что он состоит студентом, для предоставления в Институт истории искусств (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7312. Л. 3, 16, 13). В статье В.Г. Белоуса отчасти на основании анкеты арестованного ОГПУ Пинеса сообщается, что он закончил юридический факультет ПСНИ в 1917 г. и после женился на студентке медицинского отделения того же института Р.Я. Мительман, позднее расстрелянной в один день с мужем (*Белоус В.Г.* «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрии Михайловиче Пинесе (1891–1937) // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Публ. и исслед. / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1998. Вып. II. С. 219, 226). К этому стоит добавить несколько фактов из ее личного дела: Рахиль Янкелевна родилась 22 марта 1892 г., закончила саратовскую женскую гимназию М.И. Островской-Горенбург, поступила в Институт в 1912 и уже в 1913 подала прошение о зачислении на Медицинский факультет, сделала перерыв в обучении на 1917 г., в январе 1918 вышла замуж за Пинеса (в деле лежит прошение раввину о выдаче для этого метрического свидетельства и расписка в получении) и с осени того же года вернулась к учебе. В 1922 г. она уже из Института Медицинских знаний (как стал называться ПСНИ) получила удостоверение о звании врача за подписью Бехтерева и размером с добрую афишу (ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 6413. Л. 2, 16, 21, 28, 41).

[22] Хроника // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 2, 9 окт. С. 2.

[23] Псевдонимы учтены в словаре И.Ф. Масанова, причем второй в варианте «М. Митин». Не исключено, что псевдонимы были сообщены составителю самим Пинесом, см. его дарственную надпись Масанову, сделанную в сентябре 1931 г. на «Словарном указателе по книговедению» А.В. Мезьер: «…с сердечной жаждой / скорее получить от него / том его любимых / псевдонимов (без них же нам нельзя жить и работать!)» (см.: *Эльзон М.Д.* I. Об авторстве «Русской поэзии в русской музыке» Игоря Глебова. II.Об одном инскрипте на «Словарном указателе…» А.В. Мезьер // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. СПб., 1994. Вып. 4. С. 179); об участии Пинеса в составлении словаря Масанова говорится и во вступительной статье к другой публикации М.Д. Эльзона: De profundis (Письма Д.М. Пинеса к А.Н. Римскому-Корсакову) // Там же. С. 129.

училища в Варшаве[24]. Кроме того, там же под первым из псевдонимов он поместил стихотворение «Но всё же жизнь всегда прекрасна…»[25] и под ним же отдельно издал рассказ «Исход» (1911).

Точный год поступления Анны (Аси) Лиепа (в замужестве Лацис), будущей актрисы, театрального режиссера, спутницы немецкого теоретика театра Б. Райха и собеседницы В. Беньямина, неизвестен, так как ее студенческое дело в архиве института не сохранилось. Но по ее мемуарам можно предположить, что это было между 1912 и 1914 гг. Несмотря на то, что, подобно Голлербаху и Шкапской, Лацис училась только на Основном факультете, свои воспоминания о 1918 г. она начала с упоминания ПСНИ: «<…> деятельность театрального режиссера не удовлетворяла меня. Самым важным для себя в эти суровые, полные лишений годы я считала работу с детьми, оставшимися без родителей. Помочь в этой работе мне должны были и знания, полученные в Бехтеревском психоневрологическом институте»[26]. Во время обучения в институте Лацис жила интенсивной культурной жизнью и, очевидно, питала революционные симпатии, но о контактах между нею и учившейся в те же годы Ларисой Рейснер нам ничего не известно. Отец Рейснер, будучи оппозиционным профессором-правоведом, состоял на службе в ПСНИ, и в ее студенческом деле сохранился трогательный документ: недатированное машинописное письмо к нему от заведующего учебной частью профессора А.В. Гервера, где сообщалось, что вакансия для его дочери будет оставлена. Впрочем, Рейснер в протекции совершенно не нуждалась, поскольку закончила гимназию с золотой медалью (о чем свидетельствует и аттестат), и легко поступила в институт в 1912 г., где продолжила обучение в 1915 на юридическом факультете, начав проходить его программу сразу с пятого семестра[27]. Литературная и общественная деятельность семьи Рейснер достаточно известна, обратим лишь внимание, что в незаконченном прототипическом романе писательницы «Рудин» (такое же название носил и издаваемый в 1915–1916 гг. ее отцом журнал) появляются персонажи из институтского быта, его профессора, а также некоторые студенты и сотрудники[28].

---

[24] Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 11, 9 нояб. С. 1; 1914. № 29, 12 марта. С. 1. Оба перевода доступны в интернете: http://www.vekperevoda.com/1887/pines.htm

[25] Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 28, 8 марта. С. 1. Стихотворение републиковано в составе работы: Стихи филологов. I. Дмитрий Пинес (http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html, http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1; здесь же обнародованы еще четыре стихотворения Пинеса 1920-х гг. из его фонда в РГАЛИ).

[26] *Лацис А.* Красная гвоздика: Воспоминания. Рига, 1984. С. 7.

[27] ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 7917. Л. 2, 5, 6.

[28] См. об этом подробнее: *Рейснер Л.* Автобиографический роман / Вступ. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской. Характеристика источников Т.Г. Динесман. При-

Один из некрологов Л. Рейснер в 1926 г. был подписан именем И. Ильинского. Из него недвусмысленно явствует, что автор имел отношение к Институту и присутствовал на выступлении не названного в тексте по имени П. Сорокина:

> Я помню тогдашнюю Ларису, окруженную архивными юношами. Их утомленные научными трудами глаза тускло поблескивали под стеклами очков, а лысины просвечивали под искусными начесами проборов. Молодые ученые наперебой старались блеснуть перед Ларисой своими знаниями, достижениями, похвальными отзывами знаменитостей и всем, чем полагается блистать человеку, стоящему на прямой дороге к магистратуре, доцентуре и профессуре. Лариса Рейснер слушала их вежливо и почтительно, с беглыми искорками смеха в серых глазах. На одном заседании семинара по социологии при Психо-Неврологическом Институте читал доклад некоторый молодой ученый, впоследствии профессор Петербургского университета, автор многотомной «Системы социологии» (вышло из печати всего два тома). Теперь он читает в Миннесотском университете в Америке и печатается на английском языке. Докладчик был бесспорно талантлив, но сверх всякой меры накопленная эрудиция подавляла не только слушателей, но и его самого. Английские, французские, итальянские авторы строились шпалерами, вступали в бой за свои точки зрения, бомбардировали друг друга тяжеловеснейшими цитатами и терминами, из которых «кумулятивный коллективный агрегат» был еще относительно невинным. Затем они в порядке маршировали прочь и очищали место для теории докладчика, которая заполняла все пробелы и устраняла все противоречия. Получалось очень внушительно. После доклада и прений состоялся просто дружеский обмен мнений, и докладчик поинтересовался «мнением Ларисы Михайловны». Она, не поднимая длинных ресниц, скромно сказала, что доклад блещет редкой ученостью, но референт упустил из виду работу Штолля и Шмидта о демографических комплексах или о чем-то в этом роде. Воспламененное самолюбие докладчика вынудило его ответить, что он, правда, не упоминал работы Штолля и Шмидта, но знаком с нею и не думает, чтобы она давала что-нибудь особенное по сравнению с трудами Тенниеса и новой американской школы. Секрет лежал в том, что Штолль и Шмидт были владельцами производства и оптовой торговли аптекарскими товарами и ничего

меч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М., 1983. С. 195–196, 253–254. Ученик М.А. Рейснера, попавший в роман его дочери под именем Ursin, был студентом с литературной фамилией Тоцкий (Николай Максимович, см. расшифровку прозвища: Там же. С. 251). Личное дело Тоцкого в архиве ПСНИ не сохранилось, однако известно, что он делал доклад с интригующим названием «Роль внушения в политической демагогии» в 1911–1912 учебном году в просеминарии Рейснера по философии права, см.: Справочная книжка о Психо-неврологическом институте за 1912–1913 уч. год. СПб., 1912. С. 198.

> более; эти честные люди никогда ничего не издавали, кроме разве прейс-курантов санитарно-гигиенических принадлежностей и патентованных медикаментов. Не знаю, открыл ли когда-нибудь эту тайну ученый докладчик; может, и по сие время отыскивает выдающийся труд Штолля и Шмидта в каталогах антиквариатов и карточных языках университетских библиотек[29].

Настоящее имя автора уже нам знакомо — это тот самый Елья (Илья) Давидович Брук (1892–1938), видный эсер, автор работ по советскому праву (статей «Категория законности и справедливости в советском праве», 1926; «Язык закона», 1927; книги «Право и быт», 1925, и др.), который попутно интересовался и литературой[30]. Брук-Ильинский поступил в Институт в 1910 г. на юридический факультет и проучился всего год, но осенью 1912 г. уже был арестован за организацию рабочей группы эсеров[31]. Таким образом, событие, описанное в приведенных выше мемуарах, скорей всего,

[29] *Ильинский И.* Памяти Ларисы Рейснер // Печать и революция. 1926. Кн. 3, апр.-май. С. 68–69; фрагмент перепечатан под названием «Граненый талант» в кн.: Лариса Рейснер в воспоминаниях современников / Сост., примеч. и вступ. ст. А. Наумовой. М., 1969. С. 119–120. Надо полагать, что название аптекарской фирмы Рейснер запомнила со времени ее проживания с родителями в Германии, а по поводу злоупотребления Сорокиным терминологией можно вспомнить ехидную шутку о стиле преподавания К. Жакова, напечатанную в «бальном» номере «Листка студентов психоневрологов»: «Предлагается запомнить с одного разу: Эволюция есть интегрирование дифференциальных тенденций вследствие воле-энергетического потенциала и координация и согармонирование этих интегралов (по Жакову)» (Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 10). В 1912 г. Жаков выпустил книгу «Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)».

[30] См., например, его статью «Правовые мотивы в творчестве Бабеля», посвященную творчеству бывшего студента-юриста того же Психоневрологического института (Красная новь. 1927. № 7. С. 231–240). Его именем подписана также статья о М.А. Рейснере в «Энциклопедическом словаре Гранат» (Т. 36. Ч. 1. Стб. 338–343). Отметим, что в ряде справочников Ильинский в указателях смешивается со знаменитым актером или же с писателем. Даже в «Энциклопедии репрессированных авторов» его имя обозначено как Игорь, хотя здесь это, видимо, ошибка набора (*Матышев А.А.* Энциклопедия репрессированных авторов. СПб., 2016. Т. IV. Ч. 2. С. 565–566). Судя по материалам дела, по специальности при советской власти устроился и еще один писатель-выпускник ПСНИ Моисей Янкелевич Скороход (Скороходов; 1892–?), поступивший на Юридический в 1914 и получивший выпускное свидетельство в 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8632. Л. 7, 32). Указанием на него мы обязаны А.Л. Соболеву.

[31] Несмотря на свою революционную деятельность, Брук был старательным студентом-юристом. Поступив в ПСНИ в 1910 г. и уйдя ненадолго осенью 1912 г. (в прошении от 7 октября в качестве причины указан запрет на проживание в столице), Брук уже с зимы 1913 г. продолжил аккуратно проходить курс наук (он и гимназию с серебряной медалью закончил), хотя заканчивал институт — судя по его прошению о документах в 1926 г. (с целью представления в Казанский университет) — в 1918 г. экстерном, выбыв осенью 1917. Кроме того, весной 1914 г. он сдавал экзамены на степень кандидата прав в Варшавском университете, причем в прошении в Институт о зачете от 25 августа 1914 г. пояснял: «Сдав 13 экзаменов (почти все на пять), я вынужден был, по причине крайнего переутомления, отказаться от сдачи остальных» (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1218. Л. 9, 20, 22, 35, 49, 52, 58).

могло состояться той же осенью, так как Рейснер поступила в ПСНИ в конце сентября[32]. Именно начало учебного года, судя по всему, стало пиком активности не только Ильинского-революционера, но и Ильинского-студента. Не исключено, что он был тем студентом И. Ильинским, что выступал 23 сентября 1912 г. со словом памяти почившего летом Н.Ф. Анненского в кружке им. Михайловского[33] и принял участие в качестве студенческого представителя в заседании Совета института 25 сентября 1912 г. (в списке студенческих представителей в протоколе заседания, отчет о котором появился 26 сентября, он фигурирует как Брук[34]). Однако автором помещенного под этим именем в 1914 г. в «Жизни студентов-психоневрологов» стихотворения, видимо, является другой человек[35].

Из знакомых студентов Рейснер по институту надо также упомянуть поэта, будущего конструктивиста и теоретика стиха А.П. Квятковского. Личное дело его не сохранилось, однако он упоминается в студенческой прессе, увы, только среди лиц, не вернувших ссуды[36]. В связи с Рейснер должен быть упомянут

[32] На прошении о зачислении стоит штамп канцелярии о получении 29 сентября (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7917. Л. 2). О своем общении с Сорокиным Рейснер писала родственникам приблизительно в то же время, см. фрагмент письма: *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 97. Логичным будет предположить, что роман Рейснер создавался не без оглядки на уже опубликованный к началу ее работы роман Сорокина «Предтеча»: оба автобиографических и прототипических текста используют в качестве материала одну и ту же профессорско-студенческую среду.

[33] Листок студентов психоневрологов. 1912. № 3–4. С. 8. Впрочем, в кружке принимал участие и И.А. Ильинский (Справочная книжка. С. 213), но, возможно, здесь опечатка, нередкая в этом издании.

[34] Имена остальных представителей также (частично) совпадают: это Соколовский, Гребенщиков, Малицкий, Лурье, Стариков, см.: Листок студентов психоневрологов. 1912. № 5–6. С. 4; № 8–9. С. 7.

[35] *Брук В.* «Шум и лязг, и звон железный…» // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 25, 26 февр. С. 3. Среди сохранившихся студенческих дел на шестнадцать Бруков нет ни одного с тем же инициалом. Предположим, однако, что Бениомин-Шлиома Симонов Брук мог транскрибировать свое имя как Вениамин. Тогда этот студент-юрист, закончивший петербургскую гимназию и поступивший в институт летом 1913 г., через месяц после опубликования стихотворения подал прошение об отсрочке оплаты за обучение (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1225. Л. 19).

[36] Например, в списке за 1911 г.: Листок студентов психоневрологов. 1912. № 36, 12 марта. В биографической справке в новейшем переиздании его трудов на основании, видимо, семейных данных говорится: «Осенью 1911 г. Квятковский поступил на словесно-исторический факультет Петербургского психоневрологического института. Курс лекций по литературе там вел знаменитый в те годы профессор Каллистрат Фалалеевич Жаков, зырянин (коми) по происхождению, русский писатель и филолог, давший Квятковскому импульс к занятиям поэзией и литературной теорией <…> В 1914–1915 гг. при Институте возник литературный кружок “Академия поэзии”, в который входили поэты — Г.В. Маслов, Вс.А. Рождественский, Д. Майзель <так!>, Ю.Н. Верховский, в их числе студенты института — Н.А. Адуев, Л.М. Рейснер, А.П. Квятковский. Кружок посещали мэтры Федор Сологуб и Сергей Городецкий. В “Академию” Квятковского, вероятно, вовлек Адуев, с которым у него была впоследствии долгая, несколько десятилетий, дружба; оба они в 20-е гг. стали членами группы конструктивистов» (*Квятковский Я.* Краткая биография

и другой студент Основного факультета, Вивиан Азарьевич Итин, прозаик и поэт из Сибири, который ныне считается основателем сибирской литературы (поступил летом 1912 г. и уже в прошении указал, что позже намерен выбрать юридический факультет)[37].

Самым известным прозаическим произведением Итина считается утопия «Страна Гонгури», в то время как литературный путь другого студента, Абрама Рувимовича Палея, который выступил сначала как поэт, перепевавший символистские мотивы (сб. «Бубен дня», 1922), привел его к фантастике. В его воспоминаниях о Венгерове есть большой фрагмент о Психоневрологическом институте, который начинается фразой: «В 1916 году я приехал в Петроград в качестве студента психоневрологического института»[38]. Меж тем его студенческое дело начато годом раньше, причем, судя по студенческой книжке, он пробыл в институте до осени 1917 г. Не находит основания и его утверждение, что после Основного факультета он поступил на юридический: напротив, прослушав в течение двух семестров лекции по медицине в Женевском университете (прилагается и сертификат из лаборатории аналитической химии), он и пытался

автора // Квятковский А.П. Ритмология. СПб., 2008. С. 701). Сразу скажем, что личное дело Николая Альфредовича Рабиновича, писавшего под псевдонимом Адуев, в архиве Института не сохранилось; неизвестны нам и другие источники, подтверждающие существование такого кружка, перечисленные члены которого входили в действительно собиравшийся в 1915–1916 гг. при Петроградском университете Кружок поэтов (см. справку: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 83; подробнее о творчестве некоторых из участников: *Тименчик Р.Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим, 2017. С. 115–125, 465, а также упоминание имени Квятковского в списке участников Кружка в мемуарах В. Рождественского: *Богомолов Н.А.* «Проект “Акмеизм”» // НЛО. 2002. № 58. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz.html).

[37] ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 3875. Л. 21. Его учеба в институте, в том числе и на основании студенческого дела, подробно освещена в журналистской биографии: *Яранцев В.* Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури // Мосты. 2015. № 45. С. 248–259. См. также предисловие его дочери Л.В. Итиной к изданиям: *Итин В.* Стихи. 1912–1937. Минск, 2007. С. 5–10; *Мостков Ю.* Путь Вивиана Итина // Итин В. Страна Гонгури: Сб. повестей. Новосибирск, 1983. С. 3–15; *Итина Л.В., Ямайкин В.Е.* Вивиан Итин. Проза поэта // Итин В.А. Сибирские повести. Минск, 2012. С. 3–15. В последней работе сообщается, что повесть Итина «Открытие Риэля» читалась на заседаниях студенческого литературного кружка в 1915–1916 гг. (С. 4). Как название его первого стихотворного сборника, «Солнце сердца» (Новониколаевск, 1923), так и особенности поэтики свидетельствуют о его ученичестве у символистов. В фантастическую повесть «Страна Гонгури» вставлено стихотворение, очевидно, автобиографического главного героя Гелия, написанное, по его словам, когда он был студентом в Петербурге. Оно заканчивается знакомой всякому специалисту по Вяч. Иванову цитатой из Данте: «Любовь бессмертная мира иного, / Что движет солнце и все светила» (*Итин В.А.* Сибирские повести. С. 34). Отношения с Рейснер отразились в посвящении ей стихотворения «Солнце сердца» (*Итин В.* Стихи. 1912–1937. С. 57; см. также в этом издании четыре ранних стихотворения из ее архива, с. 11–14).

[38] *Палей А.Р.* Встречи на длинном пути: Воспоминания. М., 1990. С. 6.

поступить на медицинский, однако получил отказ[39]. В том же 1915 г. в институт поступил Моисей Хаимович Фридлянд, в дальнейшем взявший себе в качестве литературного псевдонима имя Михаил Кольцов. Будущий классик ранней советской поэзии и редактор возрожденного «Огонька» после окончания Основного факультета в 1916 г. поступил на медицинский, откуда уволился весной того же года, испросив отпуск с 1 мая по 1 сентября, но продолжая осенью вносить плату. Правда, в деле осталось датированное сентябрем 1917 г. прошение о выдаче документов и вида на жительство, но последнее документальное свидетельство его пребывания — записка с сообщением о призыве в армию в 1919 г.[40] Своего институтского преподавателя П. Сорокина Кольцов позже встретил в довольно экстравагантных обстоятельствах — в московской ЧК, куда тот пришел сдаваться после длительной облавы на него:

> В этот момент в приемную вошел человек и поздоровался со мной. Это был один из моих студентов из Психоневрологического института.
>
> — Что вы делаете здесь? — спросил я.
>
> — О, я заведующий отделом информации и связей с общественностью Министерства иностранных дел, — ответил он гордо. — Вы читали в газетах статьи Кольцова? Это мой псевдоним.
>
> Я сказала, что читал, и он поинтересовался, что я о них думаю.
>
> — То же, что и о вашем правительстве, — ответил я[41].

Однако Сорокин мог обратить внимание на своего студента и ранее, поскольку сам печатался в двухнедельнике «Путь студенчества», где Фридлянд помещал обзоры студенческой прессы и статьи о студенческой жизни[42]. В одной из них остро критиковался устав учрежденного Психоневрологическим институтом частного Петроградского университета, принятый в 1916 г.: «Произошло то, чему всеми силами противились остатки организованного студенчества и к чему стремилось подавляющее большинство профессуры в контакте с нахлынувшей в последние годы волной “обновленной” учащейся молодежи. Из Царского Городка изгнана

[39] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 7118. Л. 5–5 об., 19, 37, 40. В Петроград Палей приехал из своего родного Екатеринослава, причем, судя по свидетельству о благонадежности, которое было адресовано для предоставления в Новороссийский университет, он колебался в выборе высшего учебного заведения.

[40] ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 3875. Л. 6, 10 об., 13, 31, 32.

[41] *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 158–159.

[42] См., например: *Фридлянд М.* Студенческая пресса в 1915 г. // Путь студенчества. 1916. № 1, февр. Стб. 22–30; *Фридлянд М.* «Блажен, кто верует» // Путь студенчества. 1916. № 4, 20 окт. С. 6–7.

не успевшая расцвести Свободная русская Школа, дорогое наследие Лесгафта, Ковалевского и де-Роберти[43], а на место ее водворена фабрика дипломов, учебное заведение, по своей конструкции гораздо более уродливое, чем самые казенные образцы, по которым оно было сотворено». Сетуя на «разрушение стройного здания студенческой автономии», Фридлянд обращал внимание на приметы этого: «Как некий феникс из пепла восстает процентная норма для евреев, упраздняется и закрывается совет студенческих представителей, большинство научных кружков; выбрасываются за стены alma mater на улицу даже такие, безобидные в смысле “потрясения основ” организации, как кооператив и землячества, запрещаются собрания студентов, вводится принудительная сдача дополнительных экзаменов для студентов, не имевших счастья получить классического образования…»[44]. К 1916 г. Институт состоял из научной и учебной частей. Научную часть составлял ряд входивших в Институт научно-исследовательских учреждений. Учебная часть представляла собой высшее учебное заведение под наименованием «Частный Петроградский университет», реорганизованный в мае 1918 г. во 2-й государственный Университет[45].

Летом 1915 г. прошение о зачислении сразу на четвертый курс Юридического факультета подал Исаак Манеевич Бобель, более известный по своему близко звучащему псевдониму[46]. Бабель поступил в ПСНИ после двух учебных заведений в Одессе и Киеве и сразу подал прошение о зачете сданных (в основном на «хорошо» и «отлично») там предметов. Курса обучения Бабель, однако, не окончил, и в его студенческом деле сохранилась датированная 21 февраля 1917 г. справка от врача Охтенской пригородной

[43] Все трое были к этому времени покойными.

[44] *Мих. Ф.* Психо-неврологический институт // Путь студенчества. 1916. № 4, 20 окт. С. 18, 19. Рядом была помещена заметка, подписанная криптонимом Ро, «К истории процентной нормы в психо-неврологическом институте», где вина за введение ее в устав нового Петроградского университета возлагалась на совет ПСНИ, поскольку именно ему было отдано решение этого вопроса министром просвещения Игнатьевым, заявившим однажды, что процентная норма в частном учебном заведении может не соблюдаться (Там же. С. 19).

[45] Видимо, это позволило авторитетному историку психологии и его соавтору называть ПСНИ Психоневрологическим университетом, см.: *Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А.* Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 82–88. Разумеется, профессорский состав при этом оставался прежним, см., например, о преподавании одного из историков и теоретиков государственного права: *Андреев И.В.* Жизненный финал М.Я. Острогорского // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М., 2008. Т. 2. С. 10–12.

[46] Студенческое дело Бабеля уже попадало в поле зрения его биографов (см.: *Крумм Р.* Исаак Бабель: Биография. М., 2008. С. 29–30).

управы, что он «нуждается в специальном и длительном лечении в санатории»[47]. Не закончил институт и другой писатель, Виктор Гершович (Григорьевич) Финк, который поступил туда после обучения в Сорбонне (окончил в 1912 г.). и службы в Иностранном легионе (август 1914 — июль 1915), и, как и Бабель, сразу на четвертый курс Юридического факультета. Здесь он обучался «в течение осеннего и весеннего полугодий 1916–17 уч. г. и осеннего полугодия 1917–18 уч. года», уволившись, по стандартной формулировке, «по собственному прошению и за невзнос платы» в июле 1918 г.[48] Несмотря на то, что его дело одним из первых привлекло внимание исследователей, сам Финк в мемуарных текстах обходил вниманием свою учебу в Психоневрологическом институте[49]. А меж тем Институт вступился за него, когда на очередном переосвидетельствовании в августе 1917 г. его, имевшего два ранения и контузию на французском фронте (за что он получил чин фельдфебеля), признали годным к строевой службе[50].

Лекции в институте посещала «бестужевка» и позднее студентка женского медицинского института Маруся Заболоцкая, будущая вторая жена М. Волошина, которая вспоминала: «Ходили мы также и в Психо-Неврологический институт, там я слушала психологию. Профессора тогда были особенные: Павлов, Бехтерев, Ковалевский, Златогоров — имена-то какие! Корифеи!» В конце концов она в 1910 г. (по данным В.П. Купченко, составившего летопись ее жизни) перешла в институт, но не смогла продолжить обучение, так как оказалась в долгах за квартиру[51]. Поэт и прозаик Михаил Александрович Фроман, по сведениям Т.Л. Никольской, после гимназии в Ташкенте и учебы в Германии учился в Петроградском психоневрологическом институте, но его студенческое дело также

[47] ЦГИА СПб. Ф. 115 Оп. 2. Д. 432. Л. 3, 12–12 об., 16. См. датированное тем же числом прошение Бабеля об отпуске без зачета текущего семестра ввиду болезни, плата внесена (Там же. Л. 30).

[48] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9696. Л. 3–3 об., 6, 8, 21.

[49] Например, в мемуарах о Бабеле Финк указал, что познакомился с ним в Петрограде в 1917 г. (см.: *Финк Л.* Я многим ему обязан // И. Бабель: Воспоминания современников. М., 1972. С. 143). Оба они в то время были студентами ПСНИ, и трудно представить, чтобы этот факт не всплыл при знакомстве или при дальнейшем общении, особенно если принять во внимание, что до того оба закончили Одесское коммерческом училище.

[50] См. машинописную копию письма в Министерство Народного Просвещения от 18 августа 1917 г. с ходатайством об отсрочке, а также копию письма от 15 октября в воинское присутствие с сообщением, что Институтом возбуждено дело об отсрочке, копии нескольких французских документов в заверенном переводе на русский и копию письма в институт из министерства о предоставлении отсрочки Финку до окончания обучения 1 июня 1918 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 9696. Л. 16, 32).

[51] Мария Степановна Волошина о Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия; М., 2004. С. 74, 75, 313.

пока не обнаружено[52]. Думается, в дальнейшем найдутся и другие литераторы, чья биография была связана с ПСНИ.

Очевидно, что пребывание в Институте имело в судьбах этих людей разное значение и литературное самоопределение порой шло рука об руку с политическим. В Институте получили образование многие из будущих политиков и деятелей революции. В автобиографии Сорокин указывает на И.Т. Смилгу и комиссара Ш.З. Элиаву, исследователи добавляют к этому С.Г. Рошаля. В свете нашей темы стоит упомянуть Марию Михайловну Иоффе[53], сотрудницу издательства Вольфа, а позже секретаря Бюро печати Совнаркома[54] и жену председателя Брестской мирной делегации. Еще ближе к литературе стоял Александр Яковлевич Аросев, деятель РСДРП, комиссар и советский чиновник от культуры, дебютировавший как писатель накануне революции. Его настойчивому желанию поступить в ПСНИ всё время что-то мешало. Впервые он подал прошение о зачислении в 1911 г., потом возобновил в 1914, не дождался ответа и вновь попросился в 1915; наконец, в августе 1916 г. поступил, но в декабре того же года был взят в армию, точнее в 4-ю Московскую школу подготовки прапорщиков пехоты (и, кстати, потерял взнос за обучение)[55]. Выбыл он из числа студентов 30 августа 1918 г., а 10-м октября того же года датирован его запрос на бланке Н.К. по В.Д. и Главного управления Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота. Комиссар Аросев был недоволен количеством ошибок в его свидетельстве об учебе и возмущенно заявлял: «я не иудейского вероисповедания, а православного»[56].

---

[52] См.: *Фроман М.* Избранное. СПб., 1997. С. 3.

[53] Информация о ней (с фото включительно) в том или ином виде восходит к биографической справке, помещенной на задней странице обложки ее ярких мемуаров о пребывании в ГУЛАГ'е «Одна ночь» (в ссылках, тюрьмах и лагерях Иоффе провела с 1929 по 1957 г.), где указано, что она училась в Психоневрологическом. Если предположить, что девическая фамилия Иоффе была Вольф, то ее студенческое дело сохранилось. Дочь петербургского присяжного поверенного, 1896 года рождения, поступила на Общеобразовательный факультет через два года после окончания гимназии Л.С. Таганцевой в 1913 г. и уволилась по собственному прошению 1 декабря 1917 г., перестав вносить плату уже с весны 1916 г. (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 1787. Л. 5, 6–6 об., 9, 12, 14, 15; ее документы по доверенности должен был получить студент Ю.М. Брамсон — наверняка Юрий Моисеевич, дело которого также сохранилось в архиве института).

[54] Об этом есть мимолетное упоминание в ее воспоминаниях: *Иоффе М.* Одна ночь: Повесть о правде. Нью Йорк, 1978. С. 37.

[55] Ему (75 рублей) тоже не повезло, так как он пришел с пометой, что он от «Арона», и Аросеву пришлось писать объяснительную. Уже из армии Аросев делал попытки вернуть эти деньги (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 283. Л. 3, 13, 14–14 об., 16).

[56] Там же. Л. 5.

В работах, посвященных вышеперечисленным деятелям, не раз попутно даются характеристики Института, их легко найти и в интернете[57]. Но основную идею можно резюмировать с помощью удачной фразы из неопубликованной автобиографии Голлербаха (1938), которую цитирует комментатор собрания его творений: институт был «самым свободным (и самым бесправным) учебным заведением»[58]. Организации Института посвящено отдельное исследование М.А. Акименко (ученый секретарь психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, хранитель его мемориального музея) и А.М. Шерешевского в трех небольших томах[59]. Однако уже в работах более общего плана были обозначены две важнейшие стороны популярности ПСНИ: действительными слушателями могли быть люди обоего пола[60], и процентная норма для лиц еврейской национальности для частных учебных заведений не действовала[61]. По форме труд Акименко и Шерешевского представляет собой сборник документов, сопровожденных богатым иллюстративным материалом и подстрочными комментариями, а также повествовательными фрагментами. Идея институтов для изучения морфологии нервной системы и патологий мозга была выношена международной ассоциацией академий наук, но конкретно русский институт Бехтерев предложил основать в 1904 г. Прошло целых три года разных согласований, 9 июня 1906 г. институт был учрежден как высшее научное и учебное заведение, указ об открытии был подписан Николаем II в июне 1907 г., а реально институт открыл двери для студентов в феврале 1908 г., отчего первый набор в дальнейшем получил наименование «февралистов». Был разработан учебный план, дотоле нигде не существовавший, в основу которого было положено изучение психологии и неврологии на основе гуманитарных наук как имеющих дело с психологией, в этом состояла основная идея Бехтерева[62]. Это хорошо описано в мемуарах А.Р. Палея:

---

[57] См., например: *Асса Новикова*. «Психология революции»: «самый вольный институт» в эпоху мятежей. URL: https://newtonew.com/higher/most-free-institute.

[58] *Голлербах Э.Ф.* Встречи и впечатления. С. 451.

[59] *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. СПб., 2000–2002. Первая, наиболее нас интересующая часть была издана уже в 1999 г., но в 2002 г. вышло ее второе, дополненное и переработанное издание. Вторая часть охватывает раннее советское время, третья посвящена послевоенным годам, они были опубликованы в 2000 и 2001 гг. соответственно.

[60] Ср. в мемуарах А. Лацис: «Девушкам разрешалось учиться еще в одном институте — Бехтеревском психоневрологическом, на общеобразовательном факультете, который я и предпочла <…>» (*Лацис А.* Красная гвоздика. С. 28).

[61] См., например, в монографии: *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 112–113.

[62] См. также: *Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А.* Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 84–86.

> Это было весьма оригинальное высшее учебное заведение, и название отнюдь не дает полного представления о его подлинном характере. То был настоящий университет с различными факультетами — как естествоведческими, так и гуманитарными. Только университет не государственный, а основанный общественными организациями. Программы и порядок обучения в нем были направлены на то, чтобы воспитывать не узких, а всесторонне образованных специалистов. Поэтому курс обучения продолжался на год более, чем в государственных университетах, и был составлен следующим образом.
>
> Чтобы закончить медицинский факультет, требовалось не пять, а шесть лет. Первый курс был общеобразовательным — будущие врачи проходили гуманитарные предметы.
>
> Программа юридического факультета укладывалась не в четыре, а в три года — за счет интенсивности занятий. Но перед этим надо было пройти два годовых курса общеобразовательных предметов. Будущие юристы знакомились также с анатомией, физиологией, только в объеме не медицинских факультетов, а фельдшерских школ[63].

В самом деле, например, Шкапская сдала на Основном факультете экзамены по биологии, неорганической химии, социологии и психологии[64]. В литературе уже обращалось внимание на то, что стихотворение Ларисы Рейснер «Песня красных кровяных шариков», опубликованное в пятом номере журнала «Рудин», — след ее ученичества у Бехтерева[65]; добавим к этому, что и стихотворение «(Отрывок из лекции по биологии)»[66], очевидно, написано под впечатлением обучения на Юридическом факультете, где читался этот предмет[67].

Справедливости ради заметим, что такой подход одобрялся не всеми профессорами, в том числе из преподавателей института. Например, Бодуэн де Куртене опубликовал в журнале «Путь студенчества» статью под названием «Фармацевты-философы», где критиковал именно широту программы ПСНИ на основном факультете и особенно на фармацевтическом отделении. Зачем будущим фармацевтам терять столько времени на историю философии, социологию и высшую математику? — задавался он вопросом. «Всего понемножку. Дать слегка понюхать верхушки самых разнообразных наук, для того, чтобы развести

---

[63] *Палей А.Р.* Встречи на длинном пути. С. 6.

[64] См. список предметов Основного факультета: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 101.

[65] *Пржиборовская Г.* Лариса Рейснер. М., 2008. С. 96.

[66] Богема. 1915. № 1. С. 4.

[67] Справочная книжка. С. 207.

в головах невообразимую кашу, — и это для глупого стремления к принудительному, так называемому общему образованию. Если и войдут в голову какие-либо знания, то они вскоре испарятся, и, после громадной массы убитого времени и потраченной умственной энергии, останется в голове лишь туманное общее представление, останется не только никому не нужное, но даже просто вредное всезнайство и верхоглядство»[68]. Общее образование, по мнению де Куртене, надо получать добровольно, на летних курсах и в народных университетах, а обществу нужны специалисты.

Находясь в ведомстве Министерства Просвещения, Институт был частным, содержался на деньги от имущества, на деньги пациентов и на плату, взимаемую с учеников. Как и в других учебных заведениях, часть средств поступала от сборов и пожертвований от мероприятий, устраиваемых в том числе в провинции. Например, в деле студента Г.В. Крылова сохранилась машинописная копия извещения о том, что супругой Егермейстера двора Его Величества А.К. Наумовой 7 января 1913 г. в Самаре был устроен вечер в пользу студентов-специалистов, выручку от которого предлагалось распределить между студентами ПСНИ — выходцами из Самары (Крылову причиталось 50 рублей)[69].

Здание, в котором проходила основная деятельность Института, находилось на углу улицы 1-го Луча и Казачьего переулка (когда-то здесь квартировал Лейб-гвардии Казачий полк), т.е. в одном из труднодоступных районов города. В стихотворении Сусанны Укше под названием «Из окна Психоневрологического института» окружающий его индустриальный пейзаж превращается в воображаемый:

Я так люблю, когда над полем снежным
Вдали зажгутся огоньки,
И поле кажется тогда безбрежным,
Как воды вешние реки.

Какою призрачной, ажурной рамой
Вдруг станут трубные леса,
А их дымок — старинной знатной дамы
Напудренные волоса <…>[70]

[68] *Куртене Б. де*. Фармацевты-философы // Путь студенчества. 1916. № 2–3, май. С. 3.

[69] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4933. Л. 11. Такой способ поддержки земляков был достаточно распространен, например, на Бестужевских курсах. Впрочем, в их архиве, в отличие от ПСНИ, хорошо сохранилась деловая и бухгалтерская корреспонденция.

[70] *Укше С.* «Стихов серебряные звенья…»: Избранное. М., 2007. С. 46. Сусанна Альфонсовна Укше (1885–1945), секретарь проф. В.В. Святловского, близко стояла к семейству Рейснер, где давала уроки иностранных языков, выведена под именем Козлик в незаконченном автобиографическом романе Л. Рейснер «Рудин» (см. коммент.: Лите-

Шуточное стихотворение под названием «Наша alma mater», помещенное за подписью Первокурсник в студенческой газете «Листок студентов психоневрологов», было снабжено иллюстрацией, на которой несколько закутанных женских фигур бредут одна за другой по тропинке в заснеженном поле в сторону чернеющего на горизонте неприветливого здания:

Есть в столице уголок,
Забытый шумным светом.
Это — «Царский Городок»,
Воскресший прошлым летом.

*

Вон тянется забор,
За ним — громады-зданья,
Вокруг обширный двор,
Где юные снуют созданья. <…>[71]

Приведем еще одно живописное стихотворное описание, автор которого скрылся под псевдонимом Amen:

Там, где с улицы Казачьей
Пересекся первый луч;
Там, где небо вечно плачет
Из-за низких серых туч;
Там, где конка паровая
Черепаший держит путь;
Где страшна пора ночная
И вселяет в сердце жуть;
Где полей и огородов
Протянулась полоса;

ратурное наследство. Т. 93. С. 259). С 1922 г. жила в Москве, где была близка к группе «Литературный особняк» (так называемым «московским акмеистам»), входила также в кружок «Зеленая лампа». На допросе ОГПУ по делу этого кружка 25 июня 1927 г. сообщила о себе, что закончила курсы Раева, а также экономическое отделение Петербургского коммерческого института в 1910 г. и в 1913 — юридический факультет университета. «До войны 1914 года работала в Петербурге помощником заведующего экономическим кабинетом при Психо-неврологическом институте» (см.: *Виноградов В.* Глазами ОГПУ // Независимая газета. 1994, 20 апр. С. 5; наше внимание к этой публикации было привлечено кн.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 74, 453–454). В автобиографии начала 1921 г., сохранившейся в архиве Рейснер, она сообщала, что работала также при кафедрах уголовного права, уголовной социологии и уголовной антропологии при профессорах Гернете, Гогеле и Щапове, а с 1916 г. состояла библиотекарем института, прослужив в нем в общей сложности пять лет (см.: *Алехина Е.В.* «Мой путь был труден и жесток…» // Укше С. «Стихов серебряные звенья…». С. 7, 192).

[71] Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 2.

Где лишь фабрик и заводов
Выдаются корпуса;
Где с панелей слишком узких
Никогда не сходит грязь;
Где печать порядков русских
В чистоте отозвалась;
Там, где царственные лужи
Красят «Царский городок», —
Там случайно обнаружил
Я опасный уголок[72].

Отметим, однако, что упоминаемый в стихотворении Царский городок представлял собой задуманный на рубеже веков амбициозный правительственный план по облагораживанию этой части города за Невской заставой, именно от него остались названия улиц Первого и Второго Луча[73]. Таким образом, ПСНИ должен был оказаться в энергично развивающейся городской среде. О строительстве новых зданий Института сообщалось в прессе:

> Психо-Неврологический институт, являющийся одним из самых молодых ученых и высших учебных заведений Петербурга, за короткое время своего существования приобрел широкую популярность не только среди учащейся молодежи, массами заполняющей аудитории института, но и среди различных слоев общества. Президент института академик В.А. Бехтерев не только поставил новое учебное заведение на должную научную высоту, но и привлек многих жертвователей, на деньги которых психоневрологический институт обзаводится ныне собственными зданиями. В этих зданиях будут помещаться, кроме института, педологический институт и клиники для алкоголиков и эпилептиков. Они сооружаются за Невской заставой, в местности, известной под названием «Царский Городок», на участке земли, дарованном институту кабинетом Его Величества. Вся площадь земли занимает свыше 30 тыс. квадратных сажень. На этом участке под главным руководством архитектора Р.Ф. Мельцера строятся четыре больших корпуса. <…> Средства на сооружение зданий образовались из субсидий Министерства финансов и внутренних дел, а также из частных пожертвований: Л.А, И.И. и Л.И. Алафузовых, В.Д. Зимина,

[72] Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14, 20 нояб. С. 8.

[73] См. в мемуарах А. Палея: «Помещался институт на далекой окраине Петрограда, именовавшейся Царским Городком. Доехать туда можно было либо дачным (понынешнему — пригородным) поездом, либо паровичком. Паровичок, связывавший Царский Городок с центром Петрограда, был прямым потомком конки, которую я уже не застал» (*Палей А.Р.* Встречи на длинном пути. С. 7).

> М.П. и П. Скоропадских, К.Ф. Головина и др. Торжественная закладка состоялась 1 октября, в 1 ч. дня. <…> Часть строящихся зданий уже доведена до крыши[74].

Кроме новаторской программы занятий еще одним секретом успеха был преподавательский состав[75]. «В Бехтеревском, — вспоминала А. Лацис, — было немало талантливых преподавателей. Профессор Аничков вел семинар по философии, читал лекции о Вагнере, Шопенгауэре, Ницше. Захватывающе интересно рассказывал о “Веселой науке” и “Рождении трагедии” Ницше. Профессор Лазурский вел общую и экспериментальную психологию. Время от времени он давал одному из нас “психологическую характеристику”, советовал, от каких черт характера избавиться, какие развивать. Введение в философию читал профессор Сперанский, на мой взгляд, манерно и, пожалуй, излишне красноречиво. Профессор Рейснер вел курс медицинской психологии. Психиатр-криминалист, он часто прибегал к театральным приемам. Избрав для анализа “Братьев Карамазовых”, Рейснер назначил студентов на роли Черта и Ивана Карамазова, Защитника и Прокурора, устроил “театрализованный суд”. На такого рода лекциях-семинарах развивалась наблюдательность, умение логически мыслить»[76]. Преподавательский состав Института, зачастую состоявший из оппозиционных профессоров (М.А. Рейснер, М.М. Ковалевский), поощрял интерес к современной литературе. Уже на заседании Совета ПСНИ от 16 октября 1908 г. решили устраивать публичные лекции, для чего была создана комиссия из проф. А.В. Гервера, М.М. Ковалевского, В.Н. Сперанского, Е.В. Тарле, а также из преподавателей К.Ф. Жакова, Л.М. Пуссепа и Д.В. Фельдберга[77]. Именно в рамках этого проекта в ноябре 1908 г. там выступал А. Блок с лекцией об Ибсене, оставшись, правда, весьма недовольным приемом[78].

---

[74] Торжество психо-неврологического института // Исторический вестник. 1910, нояб. С. 797–799. О других зданиях ПСНИ, где начиналась его работа и преподавание, см.: *Незнанов Н.Г., Акименко М.А, Коцюбинский А.П.* Школа В.М. Бехтерева: От психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб., 2007. С. 38–40.

[75] Списки профессорского состава на разных этапах существования Института с биографическими характеристиками см.: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 28–29, 36, 63, 107, 125.

[76] *Лацис А.* Красная гвоздика. С. 28–29.

[77] Протокол опубликован: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 84.

[78] В письме к матери поэт назвал слушателей «фармацевтами», а сам институт «поддельным высшим учебным заведением», см. подробнее нашу заметку: *Обатнин Г.* Блок в «Бродячей собаке» // Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 499–501.

Литературу, а также логику и многие другие предметы уже с осени 1907 г. преподавал К.Ф. Жаков, тогда же был избран и С. Булич, профессор Петербургского университета, ученик Бодуэна-де-Куртене (преподававшего в ПСНИ церковно-славянский и польский языки) и отец будущей поэтессы Веры Булич. Еще один университетский профессор, С.А. Венгеров, вел в Институте «Семинар по изучению Пушкина». Открытое в 1910 г., т.е. через два года после одноименных университетского семинара и семинара на Бестужевских курсах, венгеровское детище широко рекламировалось среди студентов. Несмотря на то, что формально он работал на Словесно-Историческом отделении Педагогического факультета, его могли посещать студенты всех факультетов. Перед началом занятий Венгеров прочел три двухчасовые лекции «Введение в пушкиноведение», заседания семинара тщательно протоколировались для последующих поколений, а двадцать шесть тем, подготовленных Венгеровым в 1911 г. для занятий, снабженные краткими пояснениями и списком литературы, занимали весь номер студенческой газеты[79]. В «бальном» номере «Листка студентов психоневрологов» было помещено анонимное стихотворение и карикатура на профессора:

Ищут сути в умных книжках,
Глупых книжек не читая,
Разбираются в интрижках,
Род поэта изучая;

Под научным будто светом
В тайны «текста» проникают
И по средам над поэтом
Мессы черные свершают[80].

Об этом семинаре и его основателе вспоминал А. Палей:

> Я поступил на юридический факультет. Русскую литературу читал С.А. Венгеров. Аудитория на его лекциях была переполнена:

[79] Справочная книжка. С. 202–203; Листок студентов психоневрологов. 1911. № 12, 20 нояб. Возможно, статья под названием «Н.И. Гнедич и театр (1833 г. — 3 февраля — 1913 г.)», подписанная «Александр И.» (Отклики нашей жизни. 1913. № 17, 6 февр. С. 2), также родилась в кругу этого семинара.

[80] Листок студентов психоневрологов. 1912. № бальный, 2 февр. С. 7. В самом деле, «Род Пушкина» был первой темой, которую Венгеров предложил для семинаристов, доклад по ней делал студент Яковлев (Справочная книжка. С. 202; заметим, что в университетском семинарии был свой Н.В. Яковлев, будущий известный пушкинист). Возможно, это был один из шести Яковлевых, дела которых сохранились в архиве института.

он пользовался большой популярностью и как выдающийся исследователь литературы, и как увлеченный лектор — это увлечение передавалось слушателям. Приходили студенты со всех факультетов, с разных курсов.

Обрамленное черной бородой лицо профессора напоминало портреты Фета. Мимика его была очень выразительна, черные глаза сияли, когда он, внимательно глядя на свою аудиторию, словно бы обращался к каждому слушателю в отдельности.

Читал нам Венгеров вовсе не то, что было в учебнике. Конечно, мы должны были сдать определенный курс. Но профессор считал, что мы и сами можем читать по книгам историю литературы, нам же на лекциях рассказывал о своих текущих работах в области пушкиноведения. Это необычайно углубляло наш интерес к литературе. Даже студенты младших курсов начинали постигать, что история литературы, как и всякая история, — предмет непрерывно развивающийся.

Столь же интересен был и пушкинский семинарий, который Семен Афанасьевич вел у нас, как и в университете, где он также был профессором.

Далее, перечисляя заслуги Венгерова, Палей добавлял: «Был инициатором издания “Словаря языка Пушкина” и начал эту работу еще в бытность мою студентом психоневрологического института. Мы, группа его учеников, приняли в ней участие на подготовительной стадии: по его указаниям заполняли карточки, я присылал их ему из Екатеринослава»[81].

Философию в институте преподавал Валентин Сперанский, поощрявший женское творчество: еще в 1913 г. он прочел в Москве в Политехническом лекцию «Женская судьба». Подобно преподавателям Царскосельского лицея профессора принимали участие в текущем журнальном процессе (назовем имена С.Л. Франка, Е.В. Аничкова, Л.П. Карсавина, А.С. Ященко). М.А. Рейснер печатался в «семейном» литературном журнале «Рудин», но стоит указать также на близко стоявшего к его семье

[81] *Палей А.Р.* Встречи на длинном пути. С. 7–9 (первая публикация: *Палей А.Р.* Выдающийся деятель книги // Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. С. 58–60). Ср. об участии в этой работе студентов других Пушкинских семинариев Венгерова в 1910 г.: «Предложение Семена Афанасьевича нашло живой отклик в студенческой среде. Немедленно же была образована редакционная комиссия, выработавшая под общим руководством Семена Афанасьевича “Программу составления словаря поэтического языка Пушкина”, и университетский семинарий деятельно приступил к разнесению на карточки словарного материала. В следующем академическом году к работе присоединился и Пушкинский семинарий Бестужевских курсов. Составление словаря продолжалось с перерывами до 1916 г. <…>» (*С. Б<онди>*. О Пушкинском словаре (Справка) // Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. С. XXXVI).

профессора В.В. Святловского, экономиста, социалиста и поэта (два сборника стихов «Седые города» и «Янтари», вышедшие в 1916 и 1917 гг.), прототипа профессора Веселовского из автобиографического романа Л. Рейснер. Профессором ПСНИ стал и другой поэт, Вячеслав Иванов, получивший из канцелярии Института следующее письмо:

25 апреля 1912 г.
Милостивый Государь

Советом Психо-Неврологического Института в заседании 19 Апреля с.г. Вы избраны преподавателем Института по кафедре классической филологии, и о чем имею честь Вас известить.

Президент Института
Академик Бехтерев
Ученый секретарь
Профессор Гервер[82].

Кафедры классической филологии в Институте до того не было, однако нужда в знании древних языков студентами ощущалась. Несмотря на то, что латинский язык преподавался уже на Основном факультете проф. И.Н. Холодняком (он же вел «римскую литературу» на четвертом курсе Педагогического факультета), место преподавателя греческого языка было вакантным[83]. Кроме того, студенческие дела пестрят справками о сдаче латыни в различных учебных учреждениях: Голлербах, будучи выпускником училища, сдавал ее в Царскосельской гимназии, А.М. Аронович для этого ездил с братом в Москву, Фридлянд-Кольцов — во второй Петербургской гимназии[84]. Приглашение Иванова, видимо, должно было улучшить преподавание латыни, необходимой для медиков и юристов, но и отвечало потребности в древних языках для продолжения учебы в других заведениях (например, на Историко-филологическом факультете университета требовалось также знание древнегреческого[85]). Однако этому проекту не суждено было осуществиться — в мае 1912 г. писатель уехал с семьей за границу.

[82] НИОР РГБ Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 46. Л. 1, на бланке; машинопись, подписи — автографы.
[83] Справочная книжка. С. 187.
[84] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2436. Л. 3; Д. 330. Л. 31–31 об.; Д. 9788. Л. 14.
[85] См. уведомление министра народного просвещения П.М. Кауфмана от 30 июня 1906 г. (Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века. Сборник документов. СПб., 2000. С. 311).

Чрезвычайно информативная книга Акименко и Шерешевского посвящена истории института на административно-профессорском уровне, авторы не ставили целью спуститься на уровень студенческой жизни, а меж тем ее характер также был одной из важных причин появления такого букета имен. Студенческое мнение сыграло значительную роль даже в организации Института, в котором сначала были не факультеты, а секции, и это не давало возможности приравнять его программу к университетской. Именно по просьбе студентов секции преобразовали в факультеты (с 1908–1909 учебного года), причем на Педагогическом факультете открыли словесно-историческое отделение. П.А. Сорокин, оставленный в 1914 г. в качестве ассистента при кафедре социологии и успевший начать преподавание в ПСНИ в 1915–1916 гг.[86], в автобиографии указал на то, что студенты института, в отличие от университетских, были более активными и революционно настроенными[87]. Система обучения, принятая в ПСНИ, по его мнению, способствовала развитию самостоятельности: не требовалось обязательного посещения курсов, семинаров и зачетов, зато в конце каждого семестра устраивался экзамен, а май и июнь были отведены на экзамены по курсам всего года. Таким образом, можно было быстро освоить материал по трудам профессоров в подходящем темпе, составив более гибкую программу занятий, и стимулом служил собственный интерес, а не контрольные работы[88]. Он же упоминает о насыщенной культурной жизни, которую вели студенты, посещая музеи, картинные галереи, выставки (объявления об этом в самом деле можно найти в институтской студенческой прессе), а также принимая участие в литературных и музыкальных кружках. Судя по «Справочной книжке о Психо-Неврологическом институте на 1912–1913 уч. год», последние создавались по инициативе студентов, но должны были пройти легализацию Советом института и получить руководителя из числа преподавателей, которые нередко потом сами в нем выступали. В 1912–1913 уч. году функционировало

[86] *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. С. 95, 128. Биограф уверенно пишет, что не только Кольцов, но и Бабель прослушал курс Сорокина «Механика человеческого поведения».

[87] Ср. также в мемуарах Б.Е. Райкова рассказ о том, как студенты предупреждали проректора о сходках: *Ярошевский М.Г., Даниличева Н.А.* Первый в мире научно-учебный центр человековедения. С. 87.

[88] *Сорокин П.А.* Долгий путь. С. 54–55. Сорокин, по его словам, самостоятельно прошел годовой курс Л. Петражицкого за две недели. Трудно отделаться от мысли, что изобретение Никуличевым, главным и, очевидно, автобиографическим героем романа Сорокина, пилюль под названием «умород», которые восстанавливали нервную энергию, потерянную при интенсивном обучении, несет привкус личной мечты писателя. Многие из студентов проходили курс Основного факультета за год вместо двух (как Р.Я. Мительман).

восемнадцать студенческих кружков: Педагогический (руководители А.Ф. Лазурский и К.И. Поварнин), Литературный кружок им. Н.К. Михайловского (С.А. Венгеров), Историко-Философский (К.Ф. Жаков), Философско-Экономический (И.В. Чернышев), Философско-Социологический (Е.В. де-Роберти), Кружок по теории познания (К.Ф. Жаков), Научно-Литературный (Н.И. Коробка), Психологический (А.А. Крогиус), Кружок по изучению религии и нравственности (К.М. Аггеев), Кружок всемирной сказки (К.Ф. Жаков), Кружок «Грузинской филологии» (Л.В. Щерба), Кружок по изучению «монизма» (С.О. Грузенберг), Кружок по изучению философии Шопенгауэра (он же), Кружок любителей литературы (С.А. Венгеров), Кружок Esperanto (И.А. Бодуэн-де-Куртенэ), Художественно-музыкальный (Д.В. Фельдберг), Кружок физического образования (Д.М. Цвет) и Кружок шахматистов под руководством всё того же трудолюбивого Жакова[89]. Добавим упоминавшийся выше кружок по изучению современной художественной литературы, руководителем которого был Е.В. Аничков[90]. Правда, судя по списку прочитанных докладов, не все они были деятельны в равной степени.

Отдельно нужно сказать о студенческой прессе. Институт издавал свой взрослый «Вестник», однако и «Листок студентов психоневрологов» пользовался некоторой известностью. Например, Лев Никулин вспоминал, что первое письмо, которое он получил от Ларисы Рейснер в 1913 г., «касалось редакционных дел одного журнала, издававшегося студенческим кружком психо-неврологического института»[91], и только второе — дел журнала «Рудин», который плохо распространялся Контрагентством Суворина. На самом деле выходило последовательно три печатных органа, но имя Рейснер под известными псевдонимами нам на страницах всех трех изданий не встретилось ни разу.

---

[89] Справочная книжка. С. 212–222. На начальном этапе деятельности ПСНИ функционировало всего четыре кружка: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 78.

[90] См. статью, где его организация обосновывалась потребностью изучать современную жизнь: Никулин. Жизнь и творчество // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 4, 16 окт. С. 2; см. также хроникальную заметку: Кружки // Там же. С. 4. В статье, появившейся через номер и явно принадлежавшей тому же автору, предлагался круг тем и вопросов для обсуждения в будущем кружке, из них восемь тем по символизму (в т.ч. «Форма и язык символизма»), а также «темы сравнительного изучения» (вроде «Андреев и Э. По») и, разумеется, «половой вопрос» и «классовое самосознание» у современных писателей (*И. Н-н*. Кружок по изучению современной литературы и эстетических течений в ней // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 6, 23 окт. С. 4). На 5 марта 1914 г. в кружке был анонсирован доклад Аничкова «Пророк, делец и рабочий» (см. объявление: Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 26, 1 марта. С. 4).

[91] *Никулин Л.* Записки спутника. Л., 1931. С. 8.

Первым был «Листок студентов-психоневрологов», имевший подзаголовок «Газетка студентов и слушательниц Психоневрологического института» (октябрь 1911 — октябрь 1912). Его редактор-издатель Михаил Кузьмич Костин (род. 1886) был из числа «февралистов», поступив в ПСНИ после окончания Пензенского реального училища; уволенный за неуплату с осени 1909 г., он вернулся в 1910 г., избрал естественно-историческое отделение педагогического факультета и, судя по сохранившемуся в его деле сопроводительному письму при высылке его документов, окончательно ушел из института в 1913 г.[92] Основной целью «Листка» было помочь студенту, особенно приезжему, разобраться в студенческой жизни, в нем большей частью печатались сведения о лекциях, программах на семестр и прочая необходимая информация. Издание весьма полезной и не раз упоминавшейся на этих страницах «Справочной книжки» было осуществлено именно силами редакции «Листка», и, помимо информации об устройстве Института, она содержала также описание трамвайных маршрутов Петербурга с ценами за проезд.

Второй студенческий орган, газета «Отклики нашей жизни», выходила с сентября 1912 по октябрь 1913 (23 номера), и пухлое дело ее ответственного редактора Рафаила Александровича Иваницкого свидетельствует, что он жил насыщенной студенческой жизнью. Одногодок Костина, Иваницкий (см. фото ИЛЛ. 2) также был из раннего набора, поступил в 1909 г., но, будучи поповичем, сделал это после общеобразовательного курса Тифлисской духовной семинарии и других учебных заведений. Сначала он учился на медицинском факультете, но потом сменил дисциплину, пошел в семинар проф. Рейснера, где среди прочего делал доклад об австрийском императоре как примере просвещенного абсолютизма. Судя по документам, в 1914 г. он одновременно поступал и в СПб. Университет на юридический, и в Николаевское кавалерийское училище. Любопытно, что в деле сохранилась копия удостоверения о том, что он был делегирован на похороны Льва Толстого[93]. Один из номеров газеты 1912 г. открывался помещенным в траурную рамку стихотворением, посвященным, очевидно, двухлетней годовщине со дня смерти писателя:

---

[92] См. копии свидетельства и аттестата об окончании училища, заявление Костина, а также постановление об увольнении (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4750. Л. 3–4 об., 8, 9, 11).

[93] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 3704. Л. 57. Первая годовщина смерти Толстого была отмечена 6 ноября 1911 г. вечерним собранием в Институте под председательством Венгерова (см.: *Акименко М.А., Шерешевский А.М.* История института имени В.М. Бехтерева. С. 210–211).

Л.Н. Толстой
7-го Ноября 1910 года

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! пред именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени[94].

Идея почтить Толстого знаменитой цитатой из поэмы Н.А. Некрасова «Медвежья охота», обращенной к Белинскому, могла принадлежать как раз Иваницкому. Отметим, что в качестве автора Иваницкий появился уже в «Листке студентов психоневрологов», написав по меркам этого органа огромную, на пять страниц, статью-отповедь без заглавия (т.е. как редакционную) некоему Г. Лосиантхевели, поместившему в газете «Мнотоби» в Кутаиси отрицательную статью о ПСНИ[95]. Автор утверждал, что теперь мало принимают вольнослушателей, так как, по мнению старост, это ведет к «профанации науки». Сам Иваницкий приводит пример того, как группа вольнослушателей обратилась к одному профессору-философу с просьбой, чтобы он читал популярно. Иваницкий рассуждает о том, что не всякая дисциплина поддается популяризации (как, например, философия Канта), но социология тоже требует подготовки. В качестве отрицательного примера упрощения Иваницкий упоминал лекции проф. Шершеневича в Унте Шанявского в Москве в 1909 г.[96] Сам Иваницкий был родом из Кутаиси и учился в народном ун-те им. Шанявского, что объясняет как попадание в его руки грузинской газеты, так и аргументацию. На

[94] Отклики нашей жизни. 1912. № 12, 6 нояб. С. 1.

[95] Листок студентов психоневрологов. 1911. № 11, 16 нояб. С. 1–5.

[96] Наблюдения Иваницкого прозвучали незадолго до смерти известного профессора-юриста, общественного деятеля и отца поэта-футуриста, этого будущего имажиниста, см.: «Университет в феврале и августе 1912 года понес утрату в лице двух скончавшихся выдающихся по научным и общественным заслугам профессоров П.Н. Лебедева и Г.Ф. Шершеневича» (Московский городской народный Университет имени А.Л. Шанявского. М., 1912. С. 95; в 1911–1912 учебном году Шершеневич вел семинарий по гражданскому праву, специализируясь на наследственном праве, см.: Отчет Московского Городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского за 1911–1912 академический год. М., 1912. С. 40–42). Отметим, что давно задуманный Народный университет открылся в тот же год, что и ПСНИ, 1 октября 1908 г., причем некоторые из лекций читались даже в помещении Литературно-Художественного Кружка (С. 30). Сближает эти два учреждения и то, что в их организации самое непосредственное участие принял М.М. Ковалевский. По наблюдениям историка, за «урожайные» 1908–1909 гг. открылось 13 негосударственных учебных высших заведений (*Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. С. 100).

статью Иваницкого бурно возражали, и это составило содержание нескольких номеров «Листка»[97].

Второй студенческий печатный орган возник как оппозиция первому[98]. Отчасти поэтому осенью 1912 г. разгорелся конфликт между «Листком» и «Откликами», который занимал умы студентов и страницы этих изданий, поскольку за ними стояли две студенческие идеологии, «автономистов» (под которой понималась независимость от текущей политической жизни) и студентов-активистов. В 47 номере была помещена статья-ответ на статью Иваницкого в 46 номере «Листка», посвященную автономизму[99]. Автором был И-ль, который незадолго до того опубликовал статью «Мысли и дела», где сетовал

[97] Дело дошло до того, что Совет студенческих представителей на заседании 2 октября, оскорбленный заявлением Иваницкого, даже постановил привлечь его к студенческому суду (Листок студентов психоневрологов. 1912. № 10. С. 5).

[98] Статья Р.А. Иваницкого «Несколько слов по поводу издания “Откликов”» прямо начиналась с вопроса: «Зачем вторая студенческая газета?», и ответ состоял в том, что в первой фальсифицируется мнение студентов, которое играет большую роль ввиду «исключительной позиции» ПСНИ (Отклики нашей жизни. 1912. № 2, 3 окт. Стб. 4–6).

[99] *И-ль*. Маска сорвана! // Листок студентов психоневрологов. 1912. № 47, 8 мая. С. 1–4. Борьба с автономистами обострилась еще раз, весной 1914 г., в связи с противостоянием правым и антисемитским настроениям институтского студенчества, подогретыми «делом Бейлиса». В марте студент медицинского факультета Ильинский с группой товарищей напал на студентов-евреев, и событие попало в столичную прессу, см. отклик: *М.С. Б–м*. «Семейное дело» (Открытое письмо) // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 32, 22 марта. С. 1–2. На следующей странице этого выпуска была помещена статья, посвященная решению студентов Саратовского землячества ограничить членство в нем студентам правых организаций, в том числе и «автономистам». Иваницкому, который ассоциировал позицию «автономистов» с кадетами или в крайнем случае с «октябристами», а также прочим пришлось отстаивать свою точку зрения, причем Аронович в процессе даже вышел из состава редакции «Листка», а из числа членов группы был изгнан некий сотрудник «Нового времени». Попутно выяснилось, что «Листок» печатался в типографии по рекомендации некоего видного члена кадетской партии. Заканчивалась статья знакомым призывом: «Господа, сорвите маски! Ведь всем видно, что вы штрейкбрехеры» (см.: *Н.Е.* По поводу выступления Иваницкого // Там же. С. 2). Отметим, что газета с тревогой следила за появлением в большой печати информации об антисемитизме в студенческой среде, см. неподписанную заметку по поводу статьи в «Современном слове» («Ложа антисемитов» в Психо-Неврологическом институте // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 29, 12 марта. С. 1). См. также протест против поведения группы студенток ПСНИ, пославшей письмо в поддержку гражданским истцам по «делу Бейлиса» Замысловскому и Шмакову, а также прокурору Випперу (*В*. Студентки новой формации // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 17, 30 нояб. С. 3).

на индифферентизм студентов и постепенную потерю «Листком» своего значения[100].

Однако нас все-таки больше интересует литература в этих издания, т.е. в первую очередь отклики на текущий процесс, а также, хоть и в меньшей степени, произведения самих студентов. Упомянем несколько случаев того и другого. В «Листке», первом студенческом издании, которое явно было задумано с практической целью, литературы не было вовсе, кроме шуточных стихов из «бального» номера 1912 г., но в «Откликах» она постепенно заняла существенное место. Появился отдел библиографии, где сначала рецензировалась только студенческая пресса, вроде сборника «Голос политехника». Его вел студент-юрист родом из Двинска, семинарист М.А. Рейснера и секретарь семинария К.Ф. Жакова по теории познания, Александр Моисеевич Аронович (1892 г.р.), поступил в 1910 г. после окончания Двинского реального училища и получил выпускное свидетельство

в июне, а окончательно уволился 1 сентября 1917 г.[101] Он же, судя по отчетам в газете, ведал внеучебной культурной программой,

[100] *И-ль*. Мысли и дела // Листок студентов психоневрологов. 1912. № 33, 4 марта. С. 1–4. Статья была снабжена редакционным примечанием, что она присоединяется к упреку автора студенчеству, но признает в этом и свою вину.

[101] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 330. Л. 1, 40, 43.

в его студенческом деле сохранился любопытный документ: удостоверение, что он руководит группой слушательниц на выставке в Пассаже, датированный 29 января 1911 г.[102] Несмотря на то, что в 1913 г. Аронович сообщил, что вышел из редакции газеты[103], и отдел потерял именную подпись, сам он никуда не исчез. Появился отдел фельетонов (в том числе в стихах) под псевдонимами Нина Бори, Мимоход-Задирай и др., а также театральный репертуар. Порой печатались стихи и проза, сначала сатирическая, а потом импрессионистская. Приведем выдержки из фельетона под названием «Из синей тетрадки», который был помещен за подписью «Неточка» (Не-званова?), поскольку в нем нашли отражение некоторые из затронутых нами тем. Фельетон представляет собой выписки из якобы найденного недалеко от главного здания Института дневника в тетрадке, перевязанной голубой ленточкой и принадлежавшей, очевидно, приезжей наивной студентке:

> 1 сент. Вчера приехала в Питер. Кой-как устроилась на Стеклянной[104]. Утром была в Институте. Какая масса зданий!! И Алкогольный, и Педологический, и Анатомический, и…каких только нет? Сразу и названия-то не запомнишь. Товарищ Степан говорит, что к будущему году еще 40 зданий построят. Вот это я понимаю! 2 сент. Говорят, что зданий будет не сорок, а сто сорок. <…> 20 сент. Сегодня встретила в Ин-те Балалайкина. Он сказал, что все мы должны быть счастливы, что поступили в Пс.-Н. Инст., так как один из наших профессоров не сегодня-завтра произведет целый переворот в науках своей теорией экстраординарно-импотенциального интегрирования воле-энергетических дифференциалов. <…> 24 сент. Совет профессоров вошел с ходатайством в мини-во о предоставлении нам прав. <очевидно, на государственные экзамены. — *Г.О.*> <…> 15 окт. Сходкин заявил, что каждый марксист должен быть против прав. Только мещане да буржуи могут быть с автономистами. Оказывается, в «Капитале» есть глава, где предсказывается появление нашего Инст-та. Там всё сказано. <…> 29 окт. Решено ввести новый минимум на общеобразовательном факультете. Кроме астрономии, формакогнозии <так!> и алхимии, туда войдут ритмическая гимнастика и огородничество. Какие мы счастливые: теперь мы будем самые образованные! <…> 3 нояб. Скоро по Первому Лучу будет проведен трамвай. Сходкин говорит, на нем позволят ездить только принципиально. <…> 11 дек. Оказывается, между на-

[102] Там же. Л. 21.

[103] *Аронович А.* Письмо в редакцию // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 13, 16 нояб. С. 3.

[104] Улица в Невском районе, недалеко от здания Института.

шим Институтом и эпохой Возрождения существует самая тесная зависимость. Тогда было возрождение человека, гуманность… а у нас тоже изучение человека… Вот у проф. Пышнословцева складно об этом выходило, а я никак не могу передать. Но все-таки мы, значит, гуманисты[105].

Основным поэтом «Откликов нашей жизни» был студент Медицинского факультета (поступил в 1909, уволен за невзнос платы в 1914), сын лишенного сана самарского священника и недоучившийся семинарист Георгий Вениаминович Крылов (1887 г.р., который потом печатался и в «Жизни студентов-психоневрологов». Его стихо-творная продукция не выходила за рамки популяризации достижений модернизма: «Где-то плакали свирели / Вдалеке; /Тени нежные бледнели / На реке…» и т.д. Вот пример его работы с популярным топосом: «В моем сердце печаль и веселье, / Трепет жгучих, полдневных лучей. / И из них я совью ожерелье / Для тебя, для царицы моей…»[106]; вот упражнение на модные дактилические рифмы: «Увядали розы алые, / Умирали сказки нежные. / Тучки темные, усталые, / Уплывали в даль безбрежную…»[107] и т.п. Кроме того, в газете регулярно появлялись стихи под псевдонимами Гео, Степная, Кара-Георгий, но в нашем распоряжении находятся сведения только о студентах, подписывавшихся собственными именами. Например, Вера Лейбовна Слонимская (1886 г.р.), поместившая в «Откликах» стихотворение «Ива» («Ива печальная, ива плакучая / В парке заброшенном тихо растет…»[108]), судя по всему, отношения к столичным Слонимским не имела, будучи дочерью фотографа из Шавли. До поступления в ПСНИ в 1909 г., где она с перерывами проучилась по крайней мере до 1913 г. и выбыла ввиду усиленных занятий в консерватории, она посещала одесские Высшие женские курсы, а в Новороссийском университете даже получила специальность аптекарского помощника[109]. Изредка в газете помещал

[105] Отклики нашей жизни. 1913. № 16, 29 янв. С. 2–3.
[106] Оба текста см.: Отклики нашей жизни. 1913. № 16, 29 янв. С. 2.
[107] Отклики нашей жизни. 1913. № 17, 6 февр. С. 2.
[108] Отклики нашей жизни. 1913. № 20, 12 марта. С. 2.
[109] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 8704. Л. 1, 4, 10, 14, 16.

свои стихотворения Лев Моисеевич Штейнцайг (1893 г.р.)[110], родом из Шлиссельбурга, поступивший в 1913 г. и проучившийся до сентября 1914 г., после чего служил в пехоте и, после демобилизации по указу Совнаркома, восстановился в ПСНИ в октябре 1918 г.[111]

Третий орган институтского студенчества, «Жизнь студентов психоневрологов: Газетка студентов и слушательниц Психоневрологического института», выходил сразу после закрытия «Откликов», с ноября 1913 по март 1914 г. Издателем был Николай Михайлович Щелкунов (1891 г.р.), который дважды подавал прошение о приеме, в первый раз в 1910, но, судя по зачетной книжке, студентом стал лишь осенью 1913 г. и пробыл в таковом качестве до января 1915 г. (очевидно, оставшись на Основном факультете)[112]. Ответственным редактором первых тринадцати номеров газеты был уже известный нам Иван Никанорович Никулин (1886 г.р.), из казаков, работал учителем в Терской области, закончив до того Александровский Учительский институт. Он поступил в 1910 г., но учился вяло, по крайней мере до осени 1915 г., документы

[110] См., например: *Штейнцайг Л.* Ноктюрн («Когда на землю вечер спускается…»); Песни города («Песни города — песни тяжелые…») // Отклики нашей жизни. 1913. № 22, 25 сент. С. 2; Nocturno («Бледно-знойная, нежно душистая…» // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 7, 26 окт. С. 4.

[111] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 10932. Л. 4, 9, 10. В деле сохранилась справка от 21 июня 1918 г. из шлиссельбуржского Совета депутатов о том, что демобилизованный солдат Штейнцайг следует для кумысолечения в пределы Казанской губернии (Л. 5).

[112] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11050. Л. 3, 4, 23. Судя по студенческому делу, дворянин Щелкунов испытывал немалые сложности с оплатой за обучение, а кроме того, был не чужд симпатий к революционерам — при обыске у него изъяли револьвер и десять брошюр тенденциозного содержания (Там же. Л. 12, 13).

И. Н. Никулин

заканчиваются в 1916 г.[113] Никулин живо интересовался не только современной литературой и организовал посвященный ей кружок (см. выше), но и призывал собирать современную народную поэзию[114]. По составу своих материалов «Жизнь» мало отличалась от «Откликов», где был найден удачный формат студенческого журнала, в котором сочетались проблемные статьи, информация о текущем учебном процессе и событиях студенческой жизни, приводились сведения о культурной жизни столицы и новых книгах, а также немного поэзии (среди поэтов были знакомые нам имена: Amen, Пинес, Штайнцайг, Крылов[115]) и порой фельетон[116].

С четырнадцатого номера (20 ноября 1913 г.) ответственным редактором стал Николай Петрович Башенин (1881 г.р.[117]), и в газете сразу стали заметны тексты общественной ориентации, в том числе

[113] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 6790. Л. 3–4 об., 6, 9–9 об. В деле находятся два запроса от атамана Николаевской станицы с просьбой сообщить, состоит ли казак Никулин студентом (Л. 25 и 35).

[114] См его статью «Об изучении современной народной поэзии» (Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 4, 16 окт. С. 3). Он и сам писал стихи — опубликованное непосредственно сразу за ней стихотворение «Глаза» («Лишь откроет ресницы, / На меня из-под них / Смотрит небо Денницы…» и т.д.) подписано И.Н.

[115] Иногда на страницах газеты возникал даже стихотворный диалог, см.: *Николай Назанский*. Утром (Георгию Крылову) // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 19, 5 февр. С. 5.

[116] Несмотря на отсутствие регулярного отдела библиографии, в газете появлялись единичные обзоры новинок. См., например, статью, где вдумчиво реферировалось содержание журналов «София», «Русская икона», выходившего в Париже «Гелиоса», а также «Искусство в Южной России» (*А. Арц.* Новые художественные журналы // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 30, 15 марта. С. 2; № 31, 19 марта. С. 2). Судя по объявлениям, книги для отзывов всё же поступали. Например, в номере от 1 марта 1914 г. сообщалось о присылке книги Антона Сибиряка «Стихи» (изд. литературного общества «Ars», 32 стр., 25 коп., указатель Тарасенкова-Турчинского добавляет к этому информацию о тираже в 1000 экз.).

[117] Как и Сорокин, Башенин посещал Черняевские Общеобразовательные курсы; по косвенным данным можно заключить, что в ПСНИ поступил в 1912 г., а в феврале 1915 подал прошение о зачислении на Юридический факультет. Правда, в 1915 г. он уже заведовал складом подвижного госпиталя Всероссийского Городского Союза в Сибирском врачебно-питательном отряде (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 505. Л. 5–5 об., 6, 22).

и в стихах[118]. Это хорошо иллюстрирует эпизод с реакцией на выступление в ПСНИ футуристов. А. Лацис вспоминала, что в первый же год пребывания в ПСНИ ей «посчастливилось видеть Всеволода Мейерхольда, Федора Шаляпина и Владимира Маяковского»: «Поэт был частым гостем в нашем институте. Он приходил в своей знаменитой желтой кофте без пояса; один угол воротничка был острый, другой закругленный. Я была горячей поклонницей поэта. Его умение меткой фразой сразить филистеров наповал покоряло — ведь я с детства ненавидела обывателей»[119]. По составленной В.А. Катаняном «Хронике жизни и деятельности» Маяковского», поэт трижды выступал в ПСНИ[120], но откликов в студенческой газете удостоилось последнее его выступление 24 ноября 1913 г.[121], причем слово было предоставлено студентам совершенно иных, нежели у Лацис, настроений. Первая **с**татья, «Футуризм и студенчество», была написана Пантелеймоном Ивановичем Гребенщиковым (1887 г.р.[122]), который, сознаваясь, что сам он «принципиальный противник футуризма», всё же осуждал поведение своих товарищей на вечере футуристов:

> Можно по-различному относиться к футуризму: то видеть в нем беспочвенные, безыдейные мечтания <…> то принимать его как болезненное порождение современного строя <…>. Но, как бы то ни было, справедливость прежде всего. Футуристов позвали к нам, и с того момента, как они вступили в стены нашего института, они наши гости и, как таковые, вправе ожидать от студенчества надлежащего отношения. К сожалению, они ошиблись. Аудитории, встречающие громом аплодисментов «народолюбивые» речи наших ораторов, всегда ратующие за независимость человеческой личности, любовно настроенные к ее переживаниям, превратили футуристские выступления в балаган, а самих участников в клоунов, забыв совсем о человеческим достоинстве, о справедливости и беспристрастии.

---

[118] *А.К.* Не могу молчать (Великой памяти Великого Учителя) // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 14, 20 нояб. С. 1; Юноше (П.Ф. Якубовича) // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 3.

[119] *Лацис А.* Красная гвоздика. С. 32.

[120] *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. М., 1985. С. 76.

[121] В откликах в столичных газетах указывалось, что выступление было организовано тверским землячеством, см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Кн. 2. М., 2010. С. 245.

[122] Гребенщиков поучился в Петербургском Университете и в 1911 г. сразу подал прошение на словесно-исторический факультет, однако уже в апреле 1914 г. после обыска был в составе большой группы студентов арестован, выслан в Тобольск под надзор полиции и, соответственно, уволен из числа студентов 1 сентября того же года. Это была не первая высылка Гребенщикова, он уже побывал в Тобольске в 1911 г., и в этом, очевидно, кроется причина его поступления в ПСНИ (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 2605. Л. 1, 3, 4, 13).

> Шум, крики, оскорбительные замечания, аплодисменты и вновь оскорбления — вот картина, развернувшаяся взору в памятный для института футуристский день[123].

В самом деле, отношение этой части студенчества к выступлению и к футуризму в целом хорошо видно и в помещенном в том же номере сатирическом стихотворении, подписанном буквой К.:

Словно свет перевернулся,
Всё пошло вверх дном:
Обнаглены, оголены
Всюду и кругом.
То появится в витрине
«Дохлая луна»[124],
То ломается на сцене
Голая «она».
Там, где прежде появлялся
Лишь ученых светлый ряд,
Там теперь мы можем видеть
Целый пестрый маскарад.
Без отчета поддаваясь
Грому слова «бис»,
Поднимают футуристы
Гордый свой девиз:
«Слову пленному свобода!
Для искусства мысли нет!»
Вот и слово оголили…
Аплодируйте в ответ!
Обнаглены, оголены…
Может, доживем,
Что прикажет нам «искусство»
Закопать живьем
Правду, совесть, справедливость.
Что же, не беда…
Аплодируйте! Ведь легче
Будет жить тогда![125]

В следующем номере газеты появилась еще одна возмущенная заметка, подписанная криптонимом:

---

[123] Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 3–4. Текст целиком приводится в кн.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. С. 245–246.

[124] Название футуристического сборника, вышедшего в издательстве «Гилея» осенью 1913 г.

[125] Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 15–16, 27 нояб. С. 8 (печатается с исправлением опечаток).

Аудитория переполнена. Бритый человек в желтой кофте спокойно-торжественным голосом вещает: из искусства нужно выбросить мысли и оставить одни слова; слова нужно признать самоцелью; художник не должен вкладывать идеи в свое произведение, он может только жонглировать звуками, словами и понятиями. Вот — символ веры футуризма.

Пушкин и Некрасов высказывали великие мысли, они «глаголом жгли сердца» — поэтому они не нужны нам, служителям искусства XX в. — глаголят футуристы.

Пушкин и Некрасов — маленькие дети, а они, Маяковский и Крученых, истинные поэты, пророки будущего — гордо заявляет желтая кофта.

Смешно и грустно и мерзко было на душе после этой лекции.

Смешно было смотреть, как взрослый человек наряжался в какой-то особый костюм и был доволен тем, что на него обратили внимание; смешно было слушать, как субъект в образе человека начинал лаять, предполагая, что он читает стихи истинного поэта.

Грустно было потому, что время уходило попусту и у тебя, и у этих нескольких сот товарищей; грустно было и потому, что студенчество из-за простого любопытства просиживает в аудитории по целому дню и смотрит, как человек в желтой кофте исполняет роль рыжего в литературе (этим званием г. Маяковский гордится!); грустно и потому, что ради материальных выгод студенчество устраивает подобные зрелища.

На этом информативная часть статьи заканчивается, далее следует ряд эмоциональных рассуждений, знакомых по другим реакциям на выступления футуристов («истинные служители реакции», «явление, с которым приходится считаться врачам-психиатрам»), и лишь в конце автор косвенным образом дал понять, что на этом вечере Маяковский читал стихотворение «Несколько слов о себе самом»:

Не страшно ли слышать от г.г. поэтов, изгоняющих мысль из поэзии, такие стихи:

Я люблю смотреть,
Как умирают дети…

Это что — бессмыслица или просто садизм?[126]

[126] *Фе–дэ*. Впечатление от лекции о футуризме // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 17, 30 нояб. С. 2–3. Текст статьи целиком приводится в работе: *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932. Т. 1. Кн. 2. С. 246. Заметим, что 7 марта 1914 г. лекцию «Мнимый футуризм» прочел и профессор ПСНИ В.Н. Сперанский (см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. СПб., 1996. С. 186).

Второе литературное событие, состоявшееся в Институте, диспут 8 февраля 1914 г. после доклада В.Л. Львова-Рогачесвского «Символизм и реализм», известен в научной литературе по акмеизму. О лекции студенты были оповещены заранее через ту же газету[127], так что вечер удался, о чем свидетельствует появление в студенческой газете сразу двух отчетов, оба под скромным названием «Литературный диспут». Первый был подписан псевдонимом Рем, для разгадки которого пока слишком мало данных[128]. Этот обзор диспута, где выступали Львов-Рогачевский, «который доказывал полный кризис русской литературы и возвещал рассвет “здорового реализма”», Аничков, Чулков, философ Б.Г. Столпнер, а также Городецкий, чьи стихи неожиданно были признаны Аничковым за символизм, а Розачевским за реализм, — довольно сжатый. По его прочтении создается впечатление, что Рему проблематика диспута вообще показалась надуманной: «После всего этого невольно хочется воскликнуть: — Да нет же никакого кризиса русской литературы!»[129] Гораздо более обстоятельной была вторая статья о том же диспуте с подробным изложением происходившего, подписанная Г. Болтянским. Из его обзора следует, что после Городецкого говорил Гумилев, который назвал символизм «боваризмом»[130], стремлением к недоступному, чему противостоит акмеизм, который стремится к действию. Подробнее освещена полемика между Чулковым и Л.И. Ортодоксом (псевдоним известной меньшевистской публицистки Л.И. Аксельрод), выступление которой вообще не было упомянуто Ремом, по поводу импрессионизма. Среди прочего Болтянский назвал имена студентов Малкина и Гребенщикова, которые выступали в прениях. С последним мы уже знакомы, а из шести студентов Малкиных, на

[127] См.: Хроника. Литературный диспут // Жизнь студентов психоневрологов. 1913. № 19, 5 февр. С. 6. Сообщение полностью приводится в кн.: Акмеизм в критике. 1913–1917 /Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб., 2014. С. 344.

[128] При недавней перепечатке этой заметки составители приписали ее московскому поэту, члену «молодого Мусагета» Димитрию Рему (А.А. Баранову), что вызывает сомнения (см.: Акмеизм в критике. С. 349). Единственное, что можно пока сказать с уверенностью, — автор был студентом ПСНИ: тем же псевдонимом подписана статья «После вакаций», где автор об институте говорится как о своей alma mater и со знанием дела рассуждается о студенческих делах (Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 18, 1 февр. С. 2).

[129] Рем. Литературный диспут // Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 21, 12 февр. С. 1.

[130] О «боваризме» акмеизма как о «мечте о преображенной жизни» (от имени заглавного персонажа романа Флобера) Гумилев говорил и в своем выступлении на вечере акмеистов 25 апреля 1914 г. во Всероссийском Литературном обществе, см.: *Мец А.Г.* Эпизод из истории акмеизма // Пятые Тыняновские Чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 114–115; здесь же в качестве комментария приводится соответствующий фрагмент из рецензии Болтянского, но без указания имени автора.

которых в институтском архиве сохранились дела, по датам подходят только Берк Хаймович, поступивший в 1912 г., и ставший студентом годом позже Бар (Борис) Липович[131]. Отметим, что незадолго до этого в той же газете Г. Болтянский опубликовал стихотворение «Памяти Комиссаржевской» («Ты нежной лилией, белой, прекрасной / Недавно цвела среди нас…») и рядом поместил заметку под тем же заглавием, в которой рассказал, как в 1910 г. послал артистке, совершавшей турне, письмо с просьбой посетить Павлоград, где он тогда находился, и что Комиссаржевская ему ответила[132]. Несмотря на то, что студенческое дело на эту фамилию в архиве не сохранилось, с уверенностью можно предположить, что все эти материалы принадлежат будущему кинорежиссеру Григорию Моисеевичу Болтянскому (1885–1953), создателю советской кинодокументалистики[133]. Болтянский оставил мемуары о своей деятельности под названием «Великая Октябрьская социалистическая революция и рождение советского киноискусства», где Психоневрологический институт не упоминается. Этого можно было бы ожидать от очерка деятельности Болтянского, написанного другим классиком советского кино, Дзигой Вертовым, поскольку Давид Абелевич Кауфман (настоящее имя Вертова) также, хотя и позднее, учился в Психоневрологическом институте[134], но и он никак не обратил на этот факт внимания. Заметим всё же, что, по сведениям Вертова, Болтянский печатался в петроградской рабочей прессе уже с 1913 г.[135]

Последние два имени приводят нас к обзору иных, не связанных с литературой деятелей культуры, в становлении которых можно выявить роль Психоневрологического института, но это может стать предметом отдельного внимания.

---

[131] ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 6138 и 6155.

[132] Жизнь студентов психоневрологов. 1914. № 20, 8 февр. С. 1–2.

[133] В частности, как пишет исследователь его деятельности, Болтянский снял первую хронику революции, фильм «Октябрьский переворот», кадры из которого разошлись по многочисленным лентам. С 1925 г. режиссер написал ряд книг, одна из которых, «Ленин и кино», стала известной в широких кругах благодаря фразе из опубликованного там письма Ленина к Луначарскому, что «из всех искусств важнейшим для нас является кино» (см. подробнее: *Листов В.* И дольше века длится синема. М., 2007. С. 214–218). Именно любезному сообщению Виктора Семеновича Листова, переписывавшегося со вдовой режиссера, мы обязаны информацией о том, что в молодости Болтянский учился в ПСНИ.

[134] *Дзига Вертов.* Творческая деятельность Г.М. Болтянского // Из истории кино: Материалы и документы. М., 1959. Т. 2. С. 63–67; здесь же опубликованы мемуары Болтянского (С. 68–116). Кауфман-Вертов поступил в ПСНИ в 1915 г. и по крайней мере до лета 1917 г. числился студентом (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4048. Л. 3, 18, 18 об.).

[135] *Дзига Вертов.* Творческая деятельность Г.М. Болтянского. С. 64.

Литература

Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева на документальных материалах. СПб.: Санкт-Петербургский научно-иссл. психоневрологический ин-т им. В.М. Бехтерева, 2002. Ч. 1. 267 с.

Акмеизм в критике. 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.

Андреев И.В. Жизненный финал М.Я. Острогорского // Общество — Язык — Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке. М.: Петроруш, 2008. Т. 2.

Асса Новикова. «Психология революции»: «самый вольный институт» в эпоху мятежей. URL: https://newtonew.com/higher/most-free-institute (дата обращения: 05.10.2018).

Белоус В.Г. «Ближайший и многолетний сотрудник мой по историко-литературным работам». О Дмитрии Михайловиче Пинесе (1891–1937) // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. II / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1998. С. 217–227.

Богомолов Н.А. «Проект “Акмеизм”» // НЛО. 2002. № 58. С. 140–180.

Василенко В.В. Некоторые штрихи к историческому портрету П.А. Сорокина // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 373–387.

Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1: 1889–1922. Архангельск, 2008. 432 с.

Дойков Ю.В. Материалы Питирима Сорокина в Пушкинском Доме // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 60–68.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. 392 с.

Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности / Отв. ред. А.Е. Парнис. М.: Советский писатель, 1985. 645 с.

Крумм Р. Исаак Бабель: Биография. М.: Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина; Российская политическая энциклопедия, 2008. 208 с.

Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. СПб.: Новое литературное обозрение, 1996. 320 с.

Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Кн. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 с.

Лариса Рейснер в воспоминаниях современников / Сост., примеч. и вступ. ст. А. Наумовой. М.: Советский писатель, 1969. 199 с.

Лацис А. Красная гвоздика: Воспоминания. Рига: Лиесма, 1984. 183 с.

Локс К. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / Публ. Е.В. Пастернак и К.М Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 7–162.

Мария Степановна Волошина о Максе, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма. Феодосия; М.: Коктебель, 2004. 400 с.

Матышев А.А. Энциклопедия репрессированных авторов. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Автор, 2016. 668 с.

Мец А.Г. Эпизод из истории акмеизма // Пятые Тыняновские Чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 111–130.

Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге: XIX — начало XX века. Сборник документов. СПб.: Лики России, 2000. 359 с.

Незнанов Н.Г., Акименко М.А, Коцюбинский А.П. Школа В.М. Бехтерева: От психоневрологии к биопсихосоциальной парадигме. СПб.: Изд-во ВВМ, 2007. 248 с.

Обатнин Г. Блок в «Бродячей собаке» // Пермяковский сборник. Ч. 2. М., 2010. С. 499–502.

Палей А.Р. Встречи на длинном пути: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. 256 с.

Письма А.Е. Адалис к М.М. Шкапской / Публ. А.Л. Евстигнеевой и Н.К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 316–351.

Письма к Густаву Шпету Г.И. Челпанова, Л.И. Шестова, Б.В. Яковенко, Р.О. Якобсона и др. / Публ., предисл. и коммент. И. Чубарова // Логос. 1992. № 3. С. 243–263.

Пржиборовская Г. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008. 512 с.

Рейснер Л. Автобиографический роман / Вступ. ст. и публ. А.И. Наумовой и Г.А. Пржиборовской; Характеристика источников Т.Г. Динесман; Примеч. Н.А. Такташевой // Литературное наследство. Т. 93: Из истории советской литературы 1920–1930-х годов: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 190–259.

Семенова Н. Жизнь и коллекция Сергея Щукина. М.: Трилистник, 2002. 176 с.

Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 944 с.

Тименчик Р.Д. Подземные классики: Иннокетний Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2017. 776 с.

Шкапская М.М. Вторая автобиография (1952) // Шкапская М.М. Час вечерний: Стихи. СПб.: Лимбус пресс, 2000. 191 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Эльзон М.Д. I. Об авторстве «Русской поэзии в русской музыке» Игоря Глебова. II. Об одном инскрипте на «Словарном указателе…» А.В. Мезьер // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб.: РНБ, 1994. С. 177–179.

Яранцев В. Вивиан Итин. Гражданин страны Гонгури // Мосты. 2015. № 45. С. 240–340.

Ярошевский М.Г., Даниличева *Н.А.* Первый в мире научно-учебный центр человековедения (К истории Петербургского психоневрологического университета) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 82–88.

De profundis (Письма Д.М. Пинеса к А.Н. Римскому-Корсакову) / Публ. М.Д. Эльзона // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. Вып. 4. СПб.: РНБ, 1994. С. 129–157.

Lucas v. Leiden. Стихи филологов. I. Дмитрий Пинес. URL: http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html; http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1 (дата обращения: 05.10.2018).

References

Akimenko M.A., Shereshevskii A.M. *Istoriia instituta imeni V.M. Bekhtereva na dokumental'nykh materialakh* [History of the Bekhterev Institute based on documentary materials]. St. Petersburg, Bekhterev Psychoneurological Institute Publ., 2002. Part 1. 267 p. (In Russ.)

Akmeizm v kritike. 1913–1917 [Acmeism in criticism. 1913–1917], comp. by O.A. Lekmanov and A.A. Chaban, intro. and comment. by O.A. Lekmanov. St. Petersburg, Academy for the Humanities Publ., Timofey Markov Publ., 2014. 544 p. (In Russ.)

Andreev I.V. Zhiznennyi final M.Ia. Ostrogorskogo [The end of M.Ya. Ostrogorsky's life]. *Obshchestvo — Iazyk — Kul'tura: Aktual'nye problemy vzaimodeistviia v XXI veke* [Society — Language — Culture: Actual problems of interaction in the 21st century]. Moscow, Petrorush Publ., 2008. Vol. 2. (In Russ.)

Assa Novikova. *"Psikhologiia revoliutsii": "samyi vol'nyi institut" v epokhu miatezhei* ["The psychology of revolution": "the most liberal institute" in the insurrection era]. Available at: https://newtonew.com/higher/most-free-institute (accessed 05.10.2018). (In Russ.)

Belous V.G. "Blizhaishii i mnogoletnii sotrudnik moi po istoriko-literaturnym rabotam". O Dmitrii Mikhailoviche Pinese (1891–1937) ["The closest and long-term colleague of my historical and literary works". About Dmitry Mikhailovich Pines (1891–1937)]. *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture. Publikatsii i issledovaniia. Vyp. II* [Ivanov-Razumnik: Personality. Works. Role in culture. Issue. II], comp. by V.G. Belous. St. Petersburg, 1998, pp. 217–227. (In Russ.)

Bogomolov N.A. "Proekt 'Akmeizm'" [The "Acmeism" project]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 58, pp. 140–180. (In Russ.)

De profundis (Pis'ma D.M. Pinesa k A.N. Rimskomu-Korsakovu) [De profundis (D.M. Pines' letters to A.N. Rimsky-Korsakov], publ. by M.D. Elzon. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 4* [Historical-bibliographical studies: A collection of research papers. Issue. 4]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 1994, pp. 129–157. (In Russ.)

Doikov Iu. *Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografiia* [Pitirim Sorokin. A man out of season. Biography]. Vol. 1: 1889–1922. Arkhangelsk, 2008. 432 p. (In Russ.)

Doikov Iu.V. Materialy Pitirima Sorokina v Pushkinskom Dome [Pitirim Sorokin materials in the Pushkin House]. *Otechestvennye arkhivy*, 1995, no. 6, pp. 60–68. (In Russ.)

El'zon M.D. I. Ob avtorstve "Russkoi poezii v russkoi muzyke" Igoria Glebova. II. Ob odnom inskripte na "Slovarnom ukazatele…" A.V. Mez'er [I. On the authorship

of “Russian poetry in Russian music” by Igor Glebov. II. About the inscription on the “Dictionary Index ...” by A.V. Mezier]. *Istoriko-bibliograficheskie issledovaniia: Sb. nauchnykh trudov. Vyp. 4* [Historical and bibliographic studies: A collection of scientific papers. Issue 4]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 1994, pp. 177–179. (In Russ.)

Iarantsev V. Vivian Itin. Grazhdanin strany Gonguri [Vivian Itin. A citizen of Gonguri]. *Mosty*, 2015, no. 45, pp. 240–340. (In Russ.)

Iaroshevskii M.G., Danilicheva N.A. Pervyi v mire nauchno-uchebnyi tsentr chelovekovedeniia (K istorii Peterburgskogo psikhonevrologicheskogo universiteta) [The world's first scientific and educational center for human studies (On the history of St. Petersburg Psychoneurological University)]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 1995, no 4, pp. 82–88. (In Russ.)

Ivanov A.E. *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka* [Higher School of Russia in the late 19th — early 20th century]. Moscow, 1991. 392 p. (In Russ.)

Katanian V.A. *Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel'nosti* [Mayakovsky: Chronicle of life and works], ed. by A.E. Parnis. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1985. 645 p. (In Russ.)

Krumm R. *Isaak Babel': Biografiia* [Isaac Babel: Biography]. Moscow, Boris Yeltsin Foundation Publ., Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard: 1907–1932 (Istoricheskii obzor). T. 1: Boevoe desiatiletie* [Russian avant-garde: 1907–1932 (Historical review). Vol. 1: Fighting decade]. St. Petersburg, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996. 320 p. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard: 1907–1932. Istoricheskii obzor. T. 1. Kn. 2* [Russian avant-garde: 1907–1932. Historical review. Vol. 1. Book 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Larisa Reisner v vospominaniiakh sovremennikov [Larisa Reisner in the memoirs of contemporaries], comp., notes and intro. by A. Naumova. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1969. 199 p. (In Russ.)

Latsis A. *Krasnaia gvozdika: Vospominaniia* [Red carnation: Memoirs]. Riga, Liesma Publ., 1984. 183 p. (In Russ.)

Loks K. Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917) [A tale of one decade (1907–1917)], publ. by E.V. Pasternak and K.M Polivanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. Vyp. 15* [The Past: Historical almanac. Issue 15]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 7–162. (In Russ.)

Lucas v. Leiden. *Stikhi filologov. I. Dmitrii Pines* [Poems by philologists. I. Dmitry Pines]. Available at: http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149906.html; http://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html#cutid1 (accessed 05.10.2018). (In Russ.)

Mariia Stepanovna Voloshina o Makse, o Koktebele, o sebe: Vospominaniia. Pis'ma [Maria Stepanovna Voloshina about Max, about Koktebel, about herself: Memoirs. Letters]. Feodosia, Moscow, Koktebel' Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)

Matyshev A.A. *Entsiklopediia repressirovannykh avtorov. T. IV. Ch. 2* [Encyclopedia of purged writers. Vol. IV. Part 2]. St. Petersburg, Avtor Publ., 2016. 668 p. (In Russ.)

Mets A.G. Epizod iz istorii akmeizma [An episode from the history of Acmeism]. *Piatye Tynianovskie Chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [Fifth Tynyanov Proceedings: Abstracts and materials for discussion]. Riga, 1990, pp. 111–130. (In Russ.)

Nachal'noe i srednee obrazovanie v Sankt-Peterburge: XIX — nachalo XX veka. Sbornik dokumentov [Primary and secondary education in St. Petersburg: 19th — early 20th century. A collection of documents]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2000. 359 p. (In Russ.)

Neznanov N.G., Akimenko M.A, Kotsiubinskii A.P. *Shkola V.M. Bekhtereva: Ot psikhonevrologii k biopsikhosotsial'noi paradigme* [V.M. Bekhterev's school: From psychoneurology to the biopsychosocial paradigm]. St. Petersburg, VVM Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

Obatnin G. Blok v "Brodiachei sobake" [Blok in "Stray Dog"]. *Permiakovskii sbornik. Ch. 2* [Permyakov collection. Part 2]. Moscow, 2010, pp. 499–502. (In Russ.)

Palei A.R. *Vstrechi na dlinnom puti: Vospominaniia* [Encounters on a long way: Memoirs]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 256 p. (In Russ.)

Pis'ma A.E. Adalis k M.M. Shkapskoi [A.E. Adalis' letters to M.M. Shkapskaya], publ. by A.L. Evstigneeva and N.K. Pushkareva. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. Vyp. 13* [The past: Historical almanac. Issue 13]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1993, pp. 316–351. (In Russ.)

Pis'ma k Gustavu Shpetu G.I. Chelpanova, L.I. Shestova, B.V. Iakovenko, R.O. Iakobsona i dr. [Letters to Gustav Shpet by G.I. Chelpanov, L.I. Shestov, B.V. Yakovenko, R.O. Jakobson and others], publ., intro.. and comment. by I. Chubarov. *Logos*, 1992, no. 3, pp. 243–263. (In Russ.)

Przhiborovskaia G. *Larisa Reisner*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 512 p. (In Russ.)

Reisner L. Avtobiograficheskii roman [Autobiographical novel], intro. and publ. by A.I. Naumova and G.A. Przhiborovskaya; Source characteristic by T.G. Dinesman; notes by N.A. Taktasheva. *Literaturnoe nasledstvo. T. 93: Iz istorii sovetskoi literatury 1920–1930-kh godov: Novye materialy i issledovaniia* [Literary heritage. Vol. 93: From the history of Soviet literature of the 1920–1930s: New materials and studies]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 190–259. (In Russ.)

Semenova N. *Zhizn' i kollektsiia Sergeia Shchukina* [Life and collection of Sergei Shchukin]. Moscow, Trilistnik Publ., 2002. 176 p. (In Russ.)

Shkapskaia M.M. Vtoraia avtobiografiia (1952) [Second autobiography (1952)]. Shkapskaia M.M. *Chas vechernii: Stikhi* [Evening hour: Poems]. St. Petersburg, Limbus press Publ., 2000. 191 p. (In Russ.)

Shruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg, 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. Leteiskaia biblioteka: Biograficheskie ocherki [Lethe library: Biographical essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 944 p. (In Russ.)

Timenchik R.D. Podzemnye klassiki: Innoketnii Annenskii. Nikolai Gumilev [Underground classics: Innokenty Annensky, Nikolai Gumilev]. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

Vasilenko V.V. Nekotorye shtrikhi k istoricheskomu portretu P.A. Sorokina [Some touches to the historical portrait of P.A. Sorokin]. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin*, ed. by V.V. Sapov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 373–387. (In Russ.)

From the literary life of educational institutions (on the example of the Psycho-Neurological Institute in St. Peterburg, 1908–1917)

© 2018, Gennadii Obatnin

Abstract: The article discusses the activities of the Psycho-Neurological Institute in the pre-revolutionary period of its existence as a condition for promoting of the cultural and literary interests of its students. In this regard, the features of the teaching process, such as the inviting of opposition professors who encouraged the organization of student circles, the absence of a percentage rate for Jews in admission and the admission of female students, are considered. Particular attention is paid to the student press, vividly responding to the events of the academic, metropolitan, and Russian life.

Keywords: student life, the history of high education in Russia, Psycho-Neurological Institute.

Information about the author: Gennadii Obatnin, PhD, university lecturer, University of Helsinki, Finland.

E-mail: gennadi.obatnin@helsinki.fi.

Citation: Obatnin Gennadii. From the literary life of educational institutions (on the example of the Psycho-Neurological Institute in St. Petersburg, 1908–1917). *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 124–169.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-170-196
УДК. 821.161.1

Вадим Баян и рекламные технологии

© 2018, А.Л. Соболев

Аннотация: В статье описаны механизмы литературной рекламы, изобретенные и применявшиеся поэтом Вадимом Баяном (Владимиром Ивановичем Сидоровым). Подробно рассматриваются несколько эпизодов его творческого пути — от издания книги стихов с напутственными предисловиями Ф. Сологуба и Игоря Северянина до обмена открытыми письмами с В. Маяковским.

Ключевые слова: В. Баян, Ф. Сологуб, А. Чеботаревская, И. Ясинский, Игорь Северянин, В. Маяковский, литературные турне, футуризм.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com.

Цитирование: *Соболев А.Л.* Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 170–196.

По странной избирательности гуманитарного взгляда история поэта Вадима Баяна (Владимира Ивановича Сидорова) как прототипа главного героя пьесы «Клоп» Маяковского пользовалась исключительной популярностью среди пишущих о литературе журналистов[1]. Собственно, подавляющее большинство упоминаний его имени между 1920-ми гг. (когда он сошел с литературной сцены) и 1980-ми (когда изменившаяся оптика историко-литературных наблюдений позволила замечать его и за пределами магистральной линии[2]) связано именно с этим эпизодом. Причудливость путей, которыми иные лица попадают в большую историю литературы, заслуживала бы, может быть, и самостоятельной рефлексии, но в данном случае интерес усугубляется самой личностью героя. С первых шагов в литературе Баян был деятельным искателем поэтической славы; значительные финансовые возможности и практический склад ума позволили ему опробовать целый ряд нестандартных методов к ее обретению. Часть из них была изобретена им самостоятельно и дальнейшего развития не имела; иные, напротив, получили в будущем широкое распространение, хотя и вне связи с именем первооткрывателя. Феноменальное чутье на веяния литературной моды, даже и не принесшее Баяну-поэту прижизненного признания, делает его почти идеальным объектом для ретроспективного расследования, позволяя выявить и опознать новаторские методы поэтического маркетинга непосредственно в момент их зарождения.

Несмотря на сравнительное изобилие сохранившихся автобиографий, его происхождение и долитературные годы остаются для нас загадкой: настолько радикально он менял собственное жизнеописание в соответствии со структурой момента. В 1914 г. в письме С.А. Венгерову, кратко сообщив «Родился в 1888 году, в Крыму, в крупной помещичьей семье. Образование получил реальное»[3], Баян стремительно переходил к эволюции души: «Будучи необыкновенно мечтательным мальчиком, детство провел в степях юга, где беззаветно отдавался поэзии и чтению книг. Любил бродячих цыган и слышал их сказки. В 15 лет прочел всех классиков и выдающихся писателей мира. Будучи глубоким лириком и эстетом, в своем твор-

[1] См., например: *Белоусов Р*. Оскорбленные прототипы // Литературная Россия. 1968. № 42, 18 окт. С. 24; *Б.п*. Маяковский разъясняет // Комсомольская правда. 1968. № 34, 10 февр. С. 4; *Дурман Г*. «На зердутовых крылах» // Неделя. 1965. № 10, 28 февр. — 6 марта. С. 8–9 и мн. др.

[2] Одно из первых его появлений в печати в новейшее время вне сюжета о «Клопе» см.: *Баян В*. Счастливые дни юности. Публ. И. Аброскиной // Советская Россия. 1983. № 122, 27 мая. С. 4.

[3] ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 3. Баян здесь и далее убавляет себе восемь лет.

честве проводит яркую полосу изящной эротики, при чем движется самобытным и непохожим на других <путем>. Воспитанный ароматом степей, он не признает себе равных по силе духа поэтов»[4]. В другом варианте, отправленном тому же адресату, он уточнял: «Образование получил реальное, но неофициальное»[5]. В позднем curriculum vitae он не останавливался на происхождении вовсе: «Родился в 1888 году в Симферополе. Образование получил реальное. Слушал в Петербурге Высшие естественно-исторические курсы Лесгафта и Курсы философии, а также спорадические лекции Николая Морозова по астрономии»[6]. В советское время представлялся сыном агронома, окончившим реальное училище в Мелитопольском уезде[7], впоследствии работавшим конторским служащим и корректором в типографии[8]. Э. Миндлин, посвятивший Баяну несколько строк в воспоминаниях, называет его «крупным домовладельцем» города Александровска[9]. При этом, судя по переписке 1910-х гг., финансовые ресурсы, которыми он располагал, были весьма значительными: «Вот подходит 16 августа, а у меня душа болит. Я действительно получаю при соверш<ении> купчей крепости 15 000 р., но я должен снять запрещение с земли по закладной в 21 400 р. для того чтобы утвердилась купчая, иначе я должен по условию (нотариальному) возвратить полученные 20 000 руб. и такую же сумму неустойки покупщику»[10].

Путь к славе он начал в 1908 г., издав в Мелитополе еще под собственным именем (и, вероятно, за свой счет) роман в стихах «Сжатая лента». В художественном смысле он примечателен прежде всего глубиной неосведомленности в современном состоянии русской поэзии: снабженный эпиграфами из Пушкина и Лермонтова,

---

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 4.

[6] РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 1–1 об. (текст написан не ранее 1936 г.).

[7] Можно аккуратно предположить, что он учился в Симферопольском реальном училище и Симферопольском коммерческом училище: по крайней мере, он упоминает директоров этих заведений (В.Д. Георгиева и Е.М. Гаршина) в письме к Ф.Ф. Фидлеру от 27 января 1914 г.: РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1.

[8] Этот вариант трудового пути зафиксирован, в частности, в: *Аброскина И.И.* Баян Вадим // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 192. Ср., кстати, позднее сетование: «Мое несчастие заключается еще и в том, что, благодаря некоторым неразжеванным обстоятельствам и предположениям Бурлюка и Маяковского, в литературном мире (а может быть и в официальных органах) утвердилось мнение, будто я принадлежал к буржуазному обществу» (письмо В. Баяна к В. Катаняну от 14 мая 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 40).

[9] *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 300.

[10] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 16 июля 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 об.

написанный демонстративно архаическим языком, он полностью ориентирован на поэтику первой половины XIX в.:

Кто любит труд и просвещенье,
Да внемлет с чувством доброты.
Быть может, дикой лиры пенье
Вдруг сменит прежние мечты.
Пусть примет бред души туманной,
Фантазий легких легкий плод,
Свободный труд (быть может странный)
И дум тоскующих оплот.
А если музы провиденье
Сию тетрадь на брань влечет,
То пусть она, для развлеченья
Лишь в руки добрых попадет[11].

Роман прошел совершенно незамеченным, после чего следы автора затерялись на несколько лет: вероятно, часть из них он провел в Петербурге. По крайней мере, одно из главных его литературных знакомств, очевидно, состоялось именно там: около 1912 г. он встретился с начинающим поэтом, бухгалтером Государственного банка, обладателем глубоких познаний в разнообразных практических областях Борисом Дмитриевичем Богомоловым (1886–1920)[12]. Обстоятельства их встречи нам неизвестны: сохранившаяся переписка начинается с лета 1912 г. и явно подразумевает уже налаженные к этому времени отношения. Первым их практическим следствием было появление в газете «Тавричанин» гигантской апологетической статьи Богомолова о Баяне[13]. Необычность этой ситуации заключалась прежде всего в том, что Сидоров-Баян (едва успевший обновить свой псевдоним) был к этому времени автором лишь нескольких стихотворений, глубоко укрытых на страницах провинциальной периодики, так что основная часть масштабных комплиментов, содержащихся в статье, расточалась авансом. Структура и тезисы ее выпукло иллюстрируют представление Богомолова и Баяна (вряд ли можно сомневаться в том, что она являет собой до известной степени плод совместного творчества) о месте, причитающемся последнему в современной литературе:

[11] *Сидоров В.И.* Сжатая лента: Роман (в стихах). (1905–1908). Мелитополь, 1908. С. III.
[12] О нем см.: *Поливанов К.М.* Богомолов Борис Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 302.
[13] *Богомолов Б.* Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. № 702, 28 июля. С. 2.

> Разбираясь в психологии творчества этого оригинального и талантливого поэта, раскидавшего свои песни в громадном количестве по всему югу и северу Руси, я наталкиваюсь постоянно на ту особенность его лиры, которой удалось подметить и запечатлеть некоторые едва уловимые движения души тонкой чуткой женщины и девушки, чего, к сожалению, не встретить в наше время в произведениях большинства наших поэтов за-Бальмонтовской эпохи…

За этим вступлением, украшенным лаконичной цитатой («В расцветающей сирени / В полусне весенних чар / Тает в розовые тени / Твой лиловый пеньюар») следует пышный, но логически обустроенный рекламный текст, сводимый к четырем тезисам:

А) Формальное новаторство Баяна и неподверженность его сторонним воздействиям: «[Б]ез влияния Бальмонта или его славного современника Валерия Брюсова не обходится и не обходился еще ни один из новейших стихотворцев, но этого, к нашему удовольствию как читателей, так и критиков, нельзя сказать про поэта Вадима Баяна (Влад. Ив. Сидорова), который остался верен себе, самобытен и этим ценен и дорог, как самородный алмаз, найденный несколько лет тому назад»;

Б) Удручающий литературный контекст: «Мы бродим по бездорожьям русской литературы в тумане бредового декаданса, перебегаем на тропинки бытовых художников, нападаем на их убогие согбенные фигурки, грабим от них последнее достояние, душу и бежим дальше, в тот же туман поэтического бездорожья, где и теряемся, поглощенные гортанью молчаливой ночи…»;

В) Немногие современники, имеющие возможность встать в один ряд с героем: «Дмитрий Цензор, Яков Годин, Александр Рославлев, Андрей Белый — вот имена наших лириков, с которыми на одну высоту ставят ныне и поэта-южанина Вадима Баяна»;

Г) Ближайшие творческие и биографические планы: «Придет время, когда поэт Вадим Баян, том лирики которого издает Товарищество Вольф в Санкт-Петербурге, займет место редактора и те же “бродячие волки”, со скрежетом зубов от голода и душевного холода, будут умолять “покормиться” у журнала, который предпринимает с будущей осени наш талантливый южный поэт Вл. Ив. Сидоров (Вадим Баян)»[14].

[14] Изложенный здесь план с журналом не воплотился. О книге, издающейся у Вольфа, см. далее. Вероятно, протекцию в крупнейшем издательстве М.О. Вольфа составил тот же Богомолов; во время одной из ссор Баян писал ему, отметая возможные упреки: «Действительно, своим маленьким успехом в литературе я обязан Вам, так как все

Нетрудно увидеть, что статья Богомолова очевидным образом следует канону предисловия к сборнику писателя-классика, объединяя в себе приметы жанров агиографии и литературной критики: необычность ее лишь в выборе героя. Впрочем, один из почти непременных компонентов любой писательской биографии Богомолов опускает, и это кажется весьма существенным.

Речь идет об условном «благословении учителя», эпизоде покровительства старшего известного писателя младшему неизвестному. Мифология этого события чрезвычайно глубоко укоренена в литературном сознании и обиходе 1900–1910-х гг.: практически в любой (особенно провинциальной) поэтической биографии этого времени есть соответствующий эпизод — письмо знаменитому столичному писателю с подборкой собственных стихов и прямой или подразумеваемой просьбой о протекции. Между тем в видимой части биографии Баяна ничего похожего нет вплоть до 1913 г., когда потенциальные покровители сами являются к его порогу: в конце марта этого года во время триумфальных гастролей Ф. Сологуба, Ан. Чеботаревской и И. Северянина они, среди прочего, посещают Симферополь[15]. Возможно, Баян к этому времени уже был знаком с Северяниным: в поздние годы он упоминает, что именно Северянин привел Сологуба к нему в гости[16]. Впрочем, в другой версии автобиографии он выражается еще энергичнее: «Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья писатели Федор Сологуб, Виктор Муйжель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий Цензор и мн. др.»[17].

мои литер<атурные> дела устраивались через Вас и издание книги у Вольфа и предисловия и знакомство и пр. но ведь надо помнить, что всё это было тесно связано с тяжелыми лишениями, непосильными затратами и горькими переживаниями, следовательно, не одна только Ваша сила была причиной моего маленького успеха» (недатированное письмо // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 39).

[15] Об этих гастролях см.: *Северянин И.* Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской. Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 704–710. В Симферополе Сологуб, Чеботаревская и Северянин были 25–28 марта; ср. в письмах Чеботаревской к сестре: 19 марта (дата по почтовому штемпелю): «Сейчас ждем в Севастополе лошадей в Ялту — Ф.К. поехал в Полтаву один — там только лекция (4-ая нед.), а мы на 5 дней в Ялту — устали немножко от разъездов. 25-го будем в Симферополе — пиши туда»; 29 марта: «Из Симферополя уехали, утопая в цветах, сегодня в Ростове — потом Екатеринодар, Тифлис, Баку — и домой!» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 17, 20).

[16] «Известно, что Игорь Северянин был моим ближайшим другом в литературном мире: он написал предисловие к моей книге и сотню теплых писем в мой адрес; посвятил мне три стихотворения; привез ко мне в дом Сологуба, Маяковского <…>» (*Баян Вадим*. Мое литературное лицо. — Письма Вадима Баяна Б.В. Смиренскому / Публ. А.Л. Дмитренко и А.В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. Т. 23. СПб., 1998. С. 377).

[17] Из автобиографии, присланной С.А. Венгерову // // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 3.

Важно здесь, что с момента отъезда гастролеров из Крыма Баян начинает регулярно и решительно бомбардировать их письмами, заверяющими его совершенную готовность к услугам: «Всё время со дня Вашего отъезда у нас светло и радостно, чувствуется, что пробежало что-то светлое, величавое, осветившее наш духовный мир»[18]; «Ваше письмо очень меня порадовало в нашем страшном Симферополе»[19] etc.

И момент и объект для этого были выбраны удачно: Сологуб и Чеботаревская охотно покровительствовали молодым талантам и вообще с большим интересом относились к обращавшимся к ним за протекцией — вскоре это вылилось в издание журнала «Дневники писателей», основной целью которого был объявлен сбор свежих литературных сил. Но в этом конкретном случае всё пошло не так: или Баян переборщил с елеем, или взяла свое его болезненная чувствительность, но в середине лета ему стало известно через третьи руки, что Чеботаревская отозвалась о нем иронически:

> Меня взвинтило то, что Чеботаревская посмеивается надо мной, а потому я прошу Вас немедленно отправиться к <И.В.> Игнатьеву, найдя для этого предлог, и разузнать дипломатично «что де она — мол — сказала о нем, над чем собственно посмеялась? Над его творчеством или просто над личностью, может быть — мол — над маниловской простотой?» — Так спросите и напишите мне. Мне, сами знаете, очень интересно знать дословно. Уж конечно из тактичности и деликатности, а прежде всего из самолюбия я ни ей, ни Северянину и никому не скажу. Это Вы сделайте для меня пожалуйста поскорее и пришлите справку ибо 3–4-го покидаю Евпаторию, а почта от Петерб<урга> идет сюда 3 дня.
>
> Вот, друг мой, какие нынче друзья! да! их мало, очень мало. Если еще она смеется над моим простодушием, то ничего, это поправимо, я могу впредь не быть таким щедрым, но если над творчеством, то, право, обидно и боюсь, что Сологуб не даст предисловия, скажет, плохо пишешь. Но почему она прислала книгу с надписью «Милому, нежн<ому> поэту В.Б.» и он Сологуб написал «Милому В.Б. с дружеским приветом» <…>[20].

[18] Письмо В. Баяна к Ф. Сологубу от 25 мая 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 1.

[19] Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 14 мая 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 1.

[20] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 19 июля 1913 г. // // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6–6 об.

Конвертировать это знакомство в будущую известность он начал почти мгновенно, организовав небольшое интервью с собой в местной газете. Днем позже он рассказывал об этом в письме Богомолову:

> Ред<акция> «Евпатор<ийских> Нов<остей>» меня приняла как Л. Толстого. Являлись интервьюеры; беседовали о новых течениях в литер<атуре>, политике и обществ<енной> ж<изни>; просили высказать взгляд на стар<ую> школу, на декадентов, и футуристов, на литерат<уру> в... будущем, на местн<ый> курорт, на город и наконец на... пыль. Всё было для меня <так> смешно, что я едва удержался. Просили сотрудничество. На следующий день появилась статья «У поэта Вадима Баяна» и в хронике днем раньше упоминалось о моем прибытии. Пишу, дал стихи, дал статью о кн<иге> Чеботар<евской>, буду писать о Вас[21].

Интервью это (на самом деле не столь уж масштабное) заканчивается довольно самонадеянным анонсом: «В скором времени поэт обещал напечатать в нашей газете обзор сочинений его друзей — Федора Сологуба, Игоря Северянина и Анастасии Чеботаревской»[22]. Там же, отвечая на вопрос о творческих планах, он, среди прочего, говорит: «Осенью в издании товарищества Вольф выходит сборник стихов Вадима Баяна под названием “Лирический поток” с предисловием крупных писателей».

Последняя деталь представляется чрезвычайно важной. Феномен напутственного предисловия появляется в практике модернистского книгоиздания довольно поздно: собственно, старшим символистам не от кого было ждать благословения. По-настоящему оно входит в обиход на рубеже 1900-х и 1910-х гг., но зато сразу массово: Вяч. Иванов пишет предисловие к книге Б. Дикса (Лемана), Кузмин — к «Вечеру» Ахматовой, Брюсов — к дебютному сборнику Клюева и т.д. Ближайший пример для Баяна — конечно, Северянин, чей «Громокипящий кубок» был предварен комплиментарным текстом Сологуба, и именно к последнему он обращается за протекцией:

> Умоляю Вас, уделите мне 3 минутки, чтобы написать о моем творчестве хоть несколько слов, которые, каковы бы они ни были, безгранично меня обрадуют и разобьют препятствия к выходу моей книги под фирмой изд. Т-ва Вольф. Иначе выхода нет. Умоляю и

[21] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 16 июля 1913 г. // Там же. Л. 5. Книга Чеботаревской — «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века. Сост. Анастасией Чеботаревской» (М., [1913]).

[22] *Д. Г-лин*. У поэта Вадима Баяна // Евпаторийские новости. 1913. № 579, 14 июля. С. 3.

жду; напишите хоть несколько слов, если Вы и теперь не отрицаете моего дарования[23].

Когда Сологуб (в несохранившемся письме) отказался от этого предложения, Баян смиренно писал Чеботаревской:

> Отказ Федора Кузьмича от написания предисловия к моей книге меня только опечалил, но нисколько не обидел. Я отлично понимаю, что писать и говорить против убеждения нельзя и что непризнание друг друга отнюдь не уничтожает отношения, — у Федора Кузьмича своя полоса творчества, а у меня своя, я самостоятелен и независим и подделываться под чужой вкус положительно не желаю, у меня есть свое лицо[24].

Впрочем, недвусмысленная неготовность Сологуба напутствовать «Лирический поток» не остановила автора: в книгу, которая продолжала набираться в издательстве М.О. Вольфа осенью 1913 г.[25], перед текстом было заверстано целых пять предисловий и квазипредисловий — вероятно, впервые в истории отечественного книгоиздания (и за некоторое время до отвердевания западной практики выносить на клапаны суперобложки рекламные отзывы критиков). Первым под заглавием «Вместо предисловия» шло частное письмо от Иеронима Ясинского (о нем с автором договаривался Богомолов), потом — короткое предуведомление Северянина[26], а следом — три стихотворения, некогда записанные авторами в баяновский альбом: Чеботаревской, Сологуба и Богомолова. Таким образом, Баян добил-

---

[23] Письмо В. Баяна к Ф. Сологубу от 30 сентября 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 13. Равнодушный к мольбам Сологуб сделал на письме глумливую помету: «хотя карандашиком».

[24] Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 3 декабря 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 5.

[25] Датировать работу над книгой позволяет письмо Баяна к жене Богомолова от 19 сентября 1913 г.: «при всем том должен выразить Вам свою нужду: мне необходимо сотрудничество Бориса Дмитриевича для скорейшего окончания редактирования моих стихов, ибо я и без того опоздал с изданием книги, а потому покорнейше прошу разрешить Борису Дмитриевичу эту миссию и я Вам буду очень благодарен. Это будет продолжаться дней шесть, а может быть и меньше. Будьте снисходительны к нему, если он когда-нибудь и заночует у меня — верьте, что мы друзья и любим друг друга и нам необходимо беседовать о наших литературн<ых> делах» (РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.; документ выявлен Л.И. Соболевым).

[26] Ср. в поздних воспоминаниях Северянина: «Он <Баян> выпустил книгу “Лирионетты и баркароллы” (?!) в издательстве Вольф, уплатив за “марку” основательно. Предложил мне написать предисловие. Я написал ровно пять издевательских строк. Гонорар — 125 рублей! Человек добрый, мягкий, глупый, смешливый, мнящий» (*Северянин И.* Уснувшие весны. Критика. Мемуары. Скитания. М., 2014. С. 184).

ся своего, поскольку вполне комплиментарный текст Сологуба в его книге все-таки оказался.

Эту тонкость сразу отметил рецензент, не понаслышке знакомый с литературной рекламой, — Николай Георгиевич Шебуев:

> Некоторые из наших современных молодых поэтов додумались до приема, о котором их предшественники, поэты старших поколений, не имели и представления. Решаясь впервые выступить перед судом общества со своими произведениями, они стараются заранее подготовить мнение читателей в выгодную для себя сторону. Они предпосылают своим стихотворениям, так сказать, рекомендации своих старших собратий, общепризнанных поэтов. Вадим Баян, насколько мне помнится и насколько видно из «предисловий», поэт, только еще дебютирующий первой книжкой своих стихов, снабжает их рекомендациями такого поэта как Ф. Сологуб, старого литератора — И. И. Ясинского, молодого, также достаточно прославившегося Игоря Северянина и других, меньших богов русского поэтического Олимпа[27].

Критики, особенно знакомые с Сологубом и представлявшие себе детали этой истории, отозвались об этой проделке весьма неодобрительно:

> Доверчивый И. Ясинский ответил Вадиму Баяну письмом, не менее доверчивые Ф. Сологуб и Анастасия Чеботаревская в минуту доброго расположения духа вписали ему в альбом по стиху. А он возьми да всё и напечатай предисловием к своей книге, прибавив специальное предисловие Игоря Северянина в шесть строк, где говорится, что поэзия Баяна напоминает прыжок, сделанный на луне: подпрыгнешь на вершок, а прыжок аршинный[28].
>
> ---
>
> Предисловие к книжке Баяна написал и Иер. Ясинский, и еще некоторые авторы подарили свои обращения в стихах г-ну Баяну, и он вставил их перед своими поэзами[29].

---

[27] *Н. Ш<ебуев>*. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Московские ведомости. 1914. № 22, 28 янв. С. 5.

[28] *Д. Ц<ензор>*. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Златоцвет. № 7. С. 18; ср. реплику Баяна: «Вчера получил “Пустоцвет” Цензора и прочел отзыв обо мне. Видно зависть выела душу Цензору, а он и обругал. Ведь о нем ни слова не пишут. Выпустил свою будничную легенду <Легенда будней. СПб., 1913>, да так видно она легендой останется. Меня хоть ругают, да расписывают, дают некоторую известность, а о нем ни слова нигде. Так ему дьяволу и надо, чтобы не ремесленничал по-еврейски и святую душу поэта не продавал Ваалу за деньги» (Недатированное письмо Б. Богомолову // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 27–27 об.).

[29] *Пяст В.* [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Отклики. 1914. № 6. С.11 (лит. прилож. к газ. «День». 1914. № 43, 13 февр.).

Мне было очень прискорбно думать, что люди со вкусом так охотно и убежденно прикрывают щитами своих имен полное убожество. Но мне довелось случайно узнать историю появления в книге Баяна имен Ф. Сологуба и Чеботаревской.

Сологуб с Чеботаревской и Северянином совершали литературное турне по провинции. Где-то в Симферополе явился почтительно знакомиться с ними поклонник из местных стихокропателей. Ходил неотступно по пятам, кланялся, чествовал, благодарил. В нужную минуту появился альбомчик. Не откажите, напишите на память! В альбомчике появилось достаточно слабое, «домашнее», явно не рассчитанное на печать стихотворение Ф. Сологуба и несколько строк А. Чеботаревской. Потом, смотришь, выплыл на сцену и кодак. Щелк! — и молодой человек увековечен с известными писателями на одной скамеечке[30].

А после в свет выходит книга Вадима Баяна и там на почетном месте как бы в виде рекомендации посвященные автору альбомные заметки. Надо ли пояснять, что это сделано, конечно, без спроса и согласия писавших в альбом[31].

Эти упреки вызвали чрезвычайное возмущение Баяна. Не имея в своем распоряжении печатного органа, готового разместить его ответ критикам, он решается на весьма оригинальную эскападу: объединив свои претензии к рецензентам в один текст, он издает его в симферопольской типографии М. Эйдлина в виде отдельной листовки и, вероятно, рассылает по литературным адресам:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИРКУЛЯР

Как ни позорно для меня обращать свое слово к злобствующей литературной черни, но аристократ духа ОБЯЗАН протестовать против эксплуатации его имени столь возмутительным способом, каким воспользовались некоторые хитроумные неудачники. Городецкий в «Речи», Пяст в «Дне», Кречетов в «Утре России», Белый Волк в «Голосе Москвы» со своими присными плещут на меня такою «критикой», какой не раздавалось еще в русской литературе. Между прочим утверждают, что я «хамски» проталкиваюсь в знаменитости, хитро скрываясь за спиной у Сологуба. Уверяют, что я каким-то образом обманул Ясинского, Северянина и Вольфа, рекомендующих и издающих мои стихи, и что, наконец, подкупаю расхваливающих

[30] Эта фотография (многократно с тех пор растиражированная) еще всплывет в нашей истории.

[31] *Кречетов С.* Среди книг // Утро России. 1914. № 44, 22 февр. С. 2.

меня лекторов, «надуваю» провинциальную прессу и «околпачиваю» простодушную публику.

Скажу одно: погреться у моего костра не запрещено, но таким способом — по меньшей мере нагло, господа Городецкие!

Вадим Баян
1914[32]

Отдельно Баян счел необходимым извиниться перед Чеботаревской:

Никогда не думал я обидеть Вас помещением Ваших стихов в книге, тем более, что Вы сами разрешили мне это сделать. Что же касается триолета Федора Кузьмича, то он был помещен на основании меньшей претенциозности характера на рекомендацию, чем Ваше, уже разрешенное для помещения, стихотв<орение>. При том сказано, что эти стихи взяты из альбома. Кроме всего этого не думаю, чтобы мои стихи навлекли на Вас брань критиков. При этом я всегда исключал кретинов в роде Городецкого, который чахнет от тоски и желчи, наполняющей его завистливую душу. Он завидует Северянину, злится на Вольфа, за то, что он только в прошлом году согласился издать его, и потому облаял. Попутно обрушился на детского футуриста Богомолова за то, что тот блестяще (как видно из анкеты Вольфа) побил рекорд детских поэтов, оставив за бортом и Чарскую и Пожарову и самого Городецкого. <…> Вот показатель безобидности моего, может быть, наивного поступка, а уж Городецкий нашел бы случай оскорбить Вас, потому, — у человека такие запросы — не может иначе, — если не полаять так кошку задушить[33].

Вероятно, такой способ коммуникации показался ему перспективным: печатание подобного рода эфемерид требовало несравнимо меньших затрат по сравнению с изданием журнала. Более того, еще с осени 1913 г. Баян с Богомоловым начинают подготовку рекламных

[32] Цит. по экземпляру из собрания Р.Д. Тименчика. Рецензия С. Городецкого — Речь. 1914. № 33, 3 февр. С. 3 («Январские сборники»); здесь объединены отрицательные реплики о книгах Баяна («Читая ее, жалеешь и Егора Нарбута, нарисовавшего ей красивую обложку, и фирму Вольфа, по отсутствию понимания издавшую ее, и прекрасную, тяжелую бумагу, обремененную глупостью и пошлостью») и Богомолова («Крайне незадачливую стопку январских сборников заключает лживая, надуманная и слащавая книжка Бориса Богомолова “Царевна-Зоренька, стихи детские”»). Отзыв «Белого Волка» мы не смогли найти, несмотря на недвусмысленное указание самого Баяна: «Читали ли в “Голосе Москвы” от 27 Апр<еля> статью Белого Волка (кто он?), который смазал нас с Вами с грязью — сволочь паршивая!» (недатированное письмо к Б. Богомолову // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 30).

[33] Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 21 февраля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 12–13, 14.

материалов, нацеленных на стимулирование сбыта их книг. Письма Богомолова, по всей вероятности, утрачены, так что о том, как происходило обсуждение будущего буклета (за которым с самого начала утвердилось название «Критик»), можно судить лишь по репликам Баяна. Впервые тема будущего издания появляется еще до того, как «Лирический поток» вышел в свет:

> В 1-м выпуске «Кр<итика>» поместите только одно клише с Сологубом, а другое оставьте для след<ующего> вып<уска>. Это будет солиднее, иначе будет слишком заметна наша проделка. О Сологубе не пишите ни плохого, ни хорошего, правда хвалить его не за что, но и бранить пока не стоит. Может быть, скажет что-нибудь о моей книжке это во-первых, во-вторых я когда-нибудь все же буду у него в Салоне и буду говорить Мережковскому, Чирикову и другим о таланте Богомолова, во всяком случае не стоит портить отнош<ений>[34].

Два месяца спустя Баян подчеркивал, что речь идет не о периодическом издании, а о сугубо рекламном мероприятии:

> Повторю: «Критик» выпускаем для рекламы, для газетной ругани, а не для торговли. Числа на обложке не ставьте. <...> Рассылайте по всем ред<акциям> мира. Это единственный выход из неизвестности[35].

В одном из следующих писем Баян настаивал:

> А теперь мы — товарищи и вместе выпускаем книги. «Критик» пошлите Сергею Яблоновскому, через «Русск<ое> Сл<ово>» Вл. Дорошевичу, Панкратову, Тэффи — Бучинской Над<ежде> Александр<овне> по ее петерб<ургскому> адресу, Л. Андрееву, Чирикову и всем всем всем писателям, вот мы с Вами в один день и станем известными, уж тогда никто не имеет права сказать, что он нас не знает. Горькому на Капри через Неаполь[36].

Согласно его замыслу принципиально было синхронизировать выпуск буклета с выходом из печати «Лирического потока»:

---

[34] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 9 октября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8.

[35] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 17 ноября 1913 г. // Там же. Л. 13 об.

[36] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 30 ноября 1913 г. // Там же. Л. 15. Баян подразумевает здесь книгу Богомолова «Стихи», вышедшую за маркой издательства «Ars» поздней осенью 1913 г. Впрочем, не исключено, что речь идет о поэме Богомолова «Царевна-зоренька», вышедшей в том же году с предисловием И. Северянина.

> Пожалуйста попросите контору немедленно разослать во все крупные издания России и Европы 100 экземпл<яров> для отзыва и когда уже убедитесь, что Вольф выпустил в свет книгу под своей фирмой, тогда двиньте «Критик» и пусть горит пожар московский[37].

По неизвестным причинам издание книги затянулось, и вышла в свет она только в первых числах 1914 г.[38] Похоже, что экземпляры поступили автору 20 или 21 января — по крайней мере, 21-м датировано сразу несколько инскриптов, например Блоку («Светлому Александру Александровичу Блоку Вадим Баян. Симферополь. Долгоруковская 17. 21.1.1914»[39]) и Т.Л. Щепкиной-Куперник («Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник с глубоким уважением Вадим Баян. Симферополь Долгоруковская 17. 21/ I 1914»[40]).

Вероятно, Богомолов еще раз обратился к Баяну за разъяснениями относительно адресов будущей рассылки — тот отвечал:

> Во все китайские, японские, индийские и прочие заграничные изд<ания>. Отыщите газеты в Австралии, Зеландии, Гвинее, Южн<ой> Америке. Всё это Вы можете узнать в «Биржевке», ибо надо сделаться «мировыми» т.е. — всемирными знаменитостями, чтобы отовсюду полетели ответы в русск<ую> прессу на наш привет, а такие отголоски могут увековечить наши имена, и уже тогда нам любой Либрович позавидует и молча будет издавать наши творения, а теперь пока мы должны молчать и гнуться[41].

Сам этот буклет, щедро оплаченный деньгами Баяна[42], сохранился, кажется, в единственном экземпляре в РНБ (шифр 37.54.1.124):

[37] Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 33 об. «Шумел, горел пожар московский» (в оригинале «Кипел, горел пожар московский…») — песня на стихи Н.С. Соколова, растворившаяся в фольклоре с соответствующими деформациями оригинального текста.

[38] Книжная летопись Главного Управления по делам печати. 1914. № 2,11 янв. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 1-го по 8-е января 1914 г. С. 2.

[39] Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3 / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Вовиной. Под ред. К.П. Лукирской. Л., 1986. С. 256.

[40] Собрание Л.М. Турчинского. Предполагаем, что в опубликованном инскрипте «Светлой С. Аничковой. С глубоким уважением Вадим Баян Симферополь Долгоруково <sic!> 21 1.17» (*Гамалий А.Б.* Даниил Соложев как библиофил. Несколько слов о его собрании автографов // Библиофильство и личные собрания. М., 2013. С. 96) год прочитан неверно. Ошибочно, конечно, прочитана и Долгоруковская улица.

[41] Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 48 об. Сигизмунд Феликсович Либрович (1855–1918) — критик и книговед, сотрудник фирмы М.О. Вольфа.

[42] Письма Баяна к соратнику полны жалоб на неудачные инвестиции в литературу, ср.: «Вы обвиняете меня в том, что я не могу сделать себе славы, имея “такой” капитал и только сижу и кисну. Друг мой, Вы не знаете моих расходов и приходов иначе бы Вы меня

имея жанровый статус между периодикой и альманахом, он в результате не попал ни в одну из обстоятельных библиографий.

> Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. 1. Русская новейшая поэзия и ее титаны… 2. Об учреждении кафедры детской литературы в университетах России и Западной Европы. Памфлеты Юрия Северова. <СПб>. Издательство «Творчество». <1913>. — 4 с.

Состоит он из рекламной передовицы «Русская поэзия и ее титаны», подписанной «Юрий Северов»; обращения к Академии Наук с предложением основать в европейских и русских университетах кафедры детской литературы; стихотворения Баяна «Мой триумф» («Зажгите в сосудах алмазы Киянти!..»); маленькой хроники, где сообщается об издании книг Баяна и Богомолова, участии Сологуба в книгоиздательстве «Петербургский глашатай» и учреждении общества «ARS»; анонса вечера эгофутуристов и рекламы журнала «Жаворонок». Проиллюстрирован «Критик» групповой фотографией Баяна, Богомолова, Северянина, Чеботаревской и Сологуба.

В соответствии с правилами жанра основной рекламный заряд содержится в первом же абзаце первой статьи:

> Имена титанов русской поэзии, Конст. Бальмонта, Валерия Брюсова, К. Фофанова, Мирры Лохвицкой, Игоря Северянина, Петра Муринского, Вадима Баяна и оригинальнейшего детского поэта Бориса Богомолова говорят о победоносном шествии творческого гения каждого из них по своему особому пути. В наше время воскресения слова, на заре футуристической эры, К. Бальмонт и Валерий Брюсов уже устарели. На их место жизнь выдвинула выдающихся новых поэтов: универсального Игоря Северянина, поэта женщины, глубокого лирика, талантливого Вадима Баяна и изумительно-одаренного детского поэта Бориса Богомолова — восходящую славу и гордость Русской детской литературы. Библиотеки Руси и Запада уже перегружены томами творчества прославленных К. Бальмонта и Валерия Брюсова, и лишь в недавнем времени самый жгучий интерес снискали в русском

не упрекали. 1000 рублей...» (письмо от 16 июля 1913 г.); «Нет прямо денег да и чересчур уж много я истратил денег с этой литературой около 2000 р. а толку пока еще нет, это безобразие» (письмо от 17 ноября 1913 г.); «Литература меня сильно разочаровала, а особенно друзья. Мне кажется, что все друзья льнут ко мне за деньги, а денег не дай, и смотреть не будут» (письмо от 8 апреля 1914 г.); ««Что же Вы думаете, деньги-то я делаю, что ли, или я ведаю Министерством финансов?» (11 апреля 1914 г.) и др. (Там же. Л. 5 об., 12, 18 об., 21).

мыслящем обществе вдохновенный Игорь Северянин и выдающийся женственный лирик Вадим Баян[43].

Очевидно, что этот текст, принадлежащий перу укрывшейся за псевдонимом «Ю. Северов» Марии Илларионовны Богомоловой (жены Б.Д. Богомолова)[44], структурно столь же логичен, как прошлогодняя заметка ее мужа в «Тавричанине», хотя и построен по другим канонам. Практическая его цель — инкорпорация героев в функциональный контекст текущего литературного момента; с этим связан и подбор имен. Сперва называются предтечи — Фофанов и Лохвицкая, затем устаревающие, но еще живые титаны — Бальмонт и Брюсов, далее — актуальные титаны (Баян и Богомолов) и равновеликий современник (Северянин). Законное недоумение вызывает лишь имя Петра Муринского, никаким образом по степени известности и творческой манере не сопоставимого с остальными. Это — псевдоним поэта Петра Михайловича Евстафьева, поместившего несколько стихотворений в малоизвестных журналах и сборниках 1900-х гг.[45] и умершего в 1909-м. Богомолов был с ним хорошо знаком и еще в 1912 г. написал ему запоздалый некролог, особенно подробно описывая его мученическую жизнь, увенчанную безвременной кончиной: «Тяжело вспоминать мне кошмарную жизнь этого талантливейшего из русских поэтов, сгоревшего за красоту в огненных поисках ее. Это было поистине что-то ужасное: сын богатой матери, владеющей поместьями под Петербургом (в селении Мурино), он, не ужившийся с гнетом обыденщины, вынужден был бежать от матери, снискав себе приют в дворницкой — у своей старой няни,

[43] *Северов Ю*. Русская поэзия и ее титаны // Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. <СПб., 1913>. С. 1.

[44] Об этом сам Баян сообщал жене Ф. Сологуба, кажется, не слишком довольного помещением на обложку буклета своей фотографии: «Несколько дней тому назад получил ответ на запрос по поводу Юрия Северова, но Вам не сообщал об этом потому, что до сих пор ждал книжки названного автора. Юрий Северов — это псевдоним жены Богомолова, придуманный ею специально для памфлетов, выпущенных в ноябре в количестве 200 экз. и потому я не мог сразу догадаться чья это работа, несмотря на то, что я даже субсидировал это издание! <…> Все это Богомоловы сделали от избытка энергии и симпатии ко мне, а для вящей солидности издания сами же решили поместить маленькое клише нашей группы. Отрицательно ни о ком не отзывались и вообще, по словам Богомолова, журнал носит характер солидного издания под названием “Пантеон мировой литературы”» (письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 21 декабря 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 9, 10).

[45] См. о нем: *Островская А.В*. Муринский Петр // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 180.

взрастившей поэта и доживавшей свою старость в квартире ее родственника — дворника <…>»[46].

Для того чтобы понять его функциональную роль в этом перечне, нужно припомнить известное проницательное письмо Г. Шенгели к М. Шкапской 1924 г., где он говорит о фигуре безвременно погибшего юного сочинителя в самоопределении литературных течений: «О смерти Лунца слышал: “жертва утренняя”: у каждой литературной группы есть рано умерший сочлен: Веневитинов у пушкинцев, Надсон у восьмидесятников, Коневской у символистов, Игнатьев у северянинцев, <Лозина->Лозинский у акмеистов, Божидар у футуристов, Фиолетов у южнорусской школы; теперь пришел черед серапионовцев»[47]. Удивительно здесь, насколько необходимость в этой ролевой функции устойчива даже для такой аморфной группы, как «круг Вадима Баяна», и какой степенью чуткости обладал тот (или та), кто ощутил необходимость включения его в этот пантеон.

Одновременно с буклетом Баян и Богомолов выпускают еще более эфемерную рекламную продукцию: открытки со своими портретами, стихами и анонсами свежевышедших книг, но ни одного экземпляра их разыскать нам не удалось. Единственный след их существования — подробный критический отзыв Баяна о пробном тираже:

> Мне очень не нравится, что на обороте моих открыток напечатано «поэт Вадим Баян», — это уже сразу дает понять, что я издал сам и усиливаюсь выставить себя поэтом. За Ваши открытки мне так же грустно. Надеюсь, что мои карточки еще не отданы для продажи, так как я просил до выхода книги их не распространять, а потому убедительно прошу Вас сделать продолговатую палочку из дерева такого формата: <нарисован прямоугольник> и, окунув в тушь, зачеркнуть ею эти слова. Пятно это нисколько не испортит карточки, а слова безусловно обесценивают, в этом Вы должны со мной согласиться. <...> И прошу их ни в каком случае не выпускать в таком виде, это не серьезно. О том, что мы поэты, нас отлично рекомендуют наши двустишия, а имена написаны очень разборчиво, оборотный же титул уничтожает наше величие и ставит различие между А. Блоком, Бальм<онтом>, Андреевым, т.е. что им не требу-

[46] *Богомолов Б.* Поэт Петр Муринский, его жизнь и скитания // Тавричанин. 1912. № 722, 24 авг. С. 2.

[47] Письмо Г. Шенгели к М. Шкапской от 19 июня 1924 г. (Рудин из Брюсовского института: (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923–1932) / Публ. С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 15. С. 260). Существует также летучее издание, объединяющее некролог Муринскому, написанный Богомоловым (вероятно — этот же), и некрологическое стихотворение Константина Смирнова. Единственный известный экземпляр (РНБ, шифр 18.294.5.215) остался нам недоступным.

ется такая реклама, потому что их знают, а нам требуется, потому что нас не знают, вообще без вычур лучше, как будто мы уже давно известные знаменитости[48].

На последней странице «Критика» была помещена реклама предстоящего культурного события:

Симферополь (Крым)
Театр Таврического дворянства
В понедельник 30-го Декабря 1913 г. состоится литературный вечер
Эго-Футуристов и ПОЭЗОКОНЦЕРТ
При участии главных представителей и основателей Академии Эго-Поэзии;
1) Директор Футуроргана «Петербургский глашатай» Ив. Вас. Игнатьев прочтет памфлет о зарождении и расцвете в России Эго-Футуризма и разъяснит основы мысли и стремления новейшего его течения;
2) Знаменитый поэт Игорь-Северянин прочтет свои поэзы;
3) Борис Богомолов продекламирует свои поэметты и мандолинатты;
4) Вадим-Баян <sic> исполнит оригинальные лирионетты;
5) Артистка Бабочкина исполнит новые романсы: 1) «Сиреневые хмели» 2) «Nocturne bleu». Слова Вадима Баяна. Музыка Вл. Шкунова[49].

Примечателен здесь не только очевидный дрейф Баяна в сторону эгофутуризма и явная готовность к стратегическому союзу с группой «Петербургского глашатая», но и предстоящая смена рекламной стратегии. Вообще сам жанр писательских турне, расцветших в начале 1910-х гг., был не нов, но из поэтов-модернистов, по сути, только Сологуб и Бальмонт научились масштабно конвертировать

[48] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 29 октября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 10–11.

[49] Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. <СПб., 1913>. С. 4. О композиторе Владимире Шкунове мы не знаем практически ничего за исключением его (предположительно установленного) отчества «Александрович» (см.: Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941) / Сост. Д.С. Прокофьев. Т. 2. Псков, 2007. С. 131) и единственной позиции в печатной нотографии — вальса «Вечерний луч», изданного им на собственные средства в Петербурге в неизвестном году (экз. РГБ хранится в музыкальном отделе под шифром 188 / 1324). Ноты обоих романсов, которые предполагалось исполнять на вечере, приложены были к сборнику Баяна «Лирический поток». В одной из рецензий на последний Шкунов титулуется «молодым композитором», но с ошибочными инициалами «Ф.Л.» (см.: *Б.п.* [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Голос Руси. 1914. № 18, 18 янв. С. 4).

таким образом писательскую славу. Непосредственным источником подражания для Баяна послужили совместные турне Сологуба, Чеботаревской и Северянина, но в их отработанную технологию он внес ряд изменений. Во-первых, Баян поставил первым номером в программе (хедлайнером, говоря современным языком) Северянина, который еще недавно сам был протежируемым. Во-вторых, он не обращался к профессиональному импресарио, а брал подготовку на себя. Любопытно, что сначала он объявил о начале турне, а только потом стал списываться с Игнатьевым. В результате планы менялись практически на ходу: выяснилось, что театр в Симферополе на нужный день уже абонирован, так что начало пришлось переносить[50]. У Богомолова возникли трудности с отпуском, но Баян завлекал его обещаниями:

> Сейчас получил от Северянина ответную телеграмму. На мое приглашение отправиться в турнэ он согласен. Игнатьев и Маяковский безусловно согласятся, теперь Вы, мой друг, ради Бога и общей нашей с Вами радости проситесь на 1 ½ месяца в отпуск, иначе Вы упустите золотой момент, а мне было бы больно лучшего друга оставить за бортом, ведь что стоит реклама, которая по 2 недели будет красоваться по городам, у каждого поневоле в память врежется В<аше> имя, а с эстрады Вы очаруете публику чтением, ведь подумайте какие силы футуризма едут с нами! Северянин, Маяковский, Игнатьев! Это ведь светила / пионеры вольного духа, а не сосульки какие-нибудь[51].

На последнем этапе подготовки Баян все-таки привлек к делу профессионального устроителя А.Л. Шнейдерова и, возможно, под влиянием разговоров с ним значительно увеличил масштаб предстоящего события, составив заодно схему разделения будущих доходов:

> Завтра посылаю Шнейдерова устраивать в след<ующие> города: Севастополь, Екатеринославль, Харьков, Одесса, Херсон, Николаев, Киев, а затем в Киев, Варшаву, Вильно, Рига, Двинск, Москва, Нижний Н<овгород>, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Астрахань и Царицын, Баку, Тифлис, Екатеринодар и Ростов. Начнем 7-го в Симферополе. Условия я выработал такие: начало субсидирую, заработком прежде всего оплачиваем расходы по турнэ всем, а если останется чистая прибыль, то делить так: Северянину 40 %, Маяковск<ому> 25, Игн<атьеву> 25 и Вам 10, а я не беру ничего, им

[50] Ср. в недатированном письме к Богомолову: «Имейте в виду, что вечер в Симферополе переносится на 7-е янв. 1914 г. 30-го театр уже занят, мы прозевали со своей медлительностью» (РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 32).

[51] Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 31–32.

> больше за марку, ведь футуристы, что поделаешь, и мы явимся под ихним флагом[52].

Дальнейшая история благодаря участию Маяковского и Северянина многократно описана и хорошо известна[53]: общая неудача двух турне (январь и февраль 1914) имела среди частных последствий значительный финансовый урон, нанесенный Баяну. В письмах он подробно жаловался Б. Богомолову, который (как и Игнатьев) участия в гастролях не принимал:

> <...> утопаю в долгах и не знаю, что с ними придется делать, не разориться бы, но главное, всё это делалось для общего с Вами блага, мне хотелось с Вами вместе выступить в Симф<ерополе> и отправиться в турнэ. Всё, что от меня зависело я сделал: устроил начало в Симф<ерополе> и Севаст<ополе>, выслал авансы Вам, Север<янину>, Маяковск<ому> и Игнатьеву, влезал в долги, вытягивал все жилы для нашего с Вами блага. О других я меньше всего заботился, потому что Сев<ерянин> не нуждается в славе, а с другими — черт! Всё делалось только для нас с Вами. Маяковск<ий> и Сев<ерянин> приехали за 10 дней до выступл<ения,> растосковались, и Маяк<овский> стал поговаривать о возвращении в Москву, указывая на то, что здесь скучно и авансов мало даю, что я должен был сделать, по вашему? Конечно выдавать авансы в счет турнэ будущего. Позорно было бы посрамиться перед Симферополем и печатью, упустив выступающих. В том, что Вы не приехали, я не виноват, я только глубоко сожалел о моем близком и лучшем друге, Вы видели, что я и теперь и раньше всё делал, что было возможно для Вас и для других, но что же делать? Мог ли я убедить Ваших начальников отпустить Вас? Потеряв деньги, я не хотел терять и Северянина, ибо с Маяковским и др. мне не вынырнуть[54].

---

[52] Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 33.

[53] См. прежде всего: *Поливанов К.М.* Два турне Игоря Северянина // Поливанов К.М. Пастернак и современники. М., 2006. С. 119–121; *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Ч. 2. М., 2010. С. 380–390, 437–450; Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б.м., 2011. С. 16–18.

[54] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 31 января 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 17. Богомолов, двумя неделями позже навестивший Северянина, рассказывал: «Когда я пришел к Северянину (числа 17-го февр.) после его приезда из “турнэ” — и он, и мать, и жена в один голос накричали столько, сколько никогда не кричали. Говорили, перебивая друг друга, что “турнэ” убыточно, что Северянин отдал несколько сот рублей Баяну, чтобы только Баян добрался до дому, говорили, что больше в приятельском турнэ ни в каком “мэтр” участия принимать не будет, говорили, что в Елисаветграде у Баяна было 3 коп. в кармане, а он “нас” зазвал в гостиницу, где грозил скандал, говорили, говорили, одним словом столько наговорили нелестного для Вас, что мне было жаль… не Вас, а их — барабошек, лгунишек. Я до встречи с Северяниным еще узнал от Дм. Крючкова, что турнэ вовсе не так убыточно было, как о том “говорили”» (недатированное письмо Б. Богомолова к В. Баяну // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2).

И далее:

> Ввиду того, что в 1-м турнэ Маяковский и К° пропили моих денег 1300 рублей, я не мог много затратить на второе турнэ и затратил 1200 р. Северянин и лично и письменно обещал мне шаляпинские сборы и тем понудил к скорейшей организации вечеров. Я, как мальчик (действительно, как мальчик) верил и тратил деньги, надеясь получить возмещение за свои траты. Сборы были такие: в Екатеринославе 32 р., в Елисаветграде 290, в Одессе на первом вечере 310, а на втором 109. Мог ли я предполагать, что имя Северянина с маркой «футуризм» в Одессе при хороших газетных отзывах даст сбор в 109 р.? Что это за имя, если такие сборы, и имеет ли право он порицать меня если всецело жил и кутил на мои деньги? Невзирая на ничтожные сборы, он пожелал остановиться в лучшей гостинице — «Лондонской» над морем и раскатывался на автомобилях, причем пил только ликеры, стоящие по 8 р. бутылочка[55].

Болезненных впечатлений хватило на несколько лет, в течение которых он держался в тени — и воспрял только в 1920 г., составив и издав в Крыму серию альманахов под маркой издательства «Таран». История их также неплохо известна[56], хотя, конечно, отдельной рефлексии заслуживает то, как человек с такими специфическими чертами мог обладать удивительным литературным чутьем: среди их авторов — Мандельштам, Борис Поплавский (единственные его стихи, напечатанные до эмиграции) и, например, Николай Еленев, поэт более чем незаурядный. С точки зрения рекламных технологий здесь (собственно, в сборнике «Обвалы сердца») использован старый прием прямого восхваления («Этот потрясающий космический поэт бьет тараном, хлещет молниями и кидает не слова, а какие-то снаряды»[57]), но есть и кое-что новое: здесь Баян совершенно явным образом собирает венок посвященных себе стихотворений.

---

[55] Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 8 апреля 1914 г. // Там же. Л. 19. Ср. в письме Баяна к Ф. Сологубу от 21 апреля 1914 г.: «Между прочим, имел неосторожность выступить в нескольких городах с бесцеремонными кубо-футуристами, из-за которых много перестрадал нравственно и попусту потратил 3000 р.» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 16).

[56] О крымском периоде Баяна см., в частности: *Купченко В.П.* Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // De Visu. 1994. № 3/4. С. 82–89; *Гардзонио С.* Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (В. Баяну). Еще о литературной Феодосии // Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 167–171; *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов // Обвалы сердца. Авангард в Крыму. С. 26–32.

[57] *Калмыкова В.* Первый итог футуризма // Обвалы сердца. Авангард в Крыму. С. 68.

Начало этому было положено еще в 1910-е гг., когда накануне выхода «Лирического потока» малоизвестный кронштадтский поэт Сергей Забинков написал Баяну рифмованное восхваление:

Служить стихом мятущемуся миру
зову тебя, сновидца лунных снов!
Храни, поэт, ты чаровницу-лиру
от опьянения и плена жалких слов![58]

В «Обвалах сердца» и «Пьяных вишнях» эти поэтические зеркала собраны вместе — Щепкина-Куперник («Ваш сборник на грубой бумаге / Бросает в грядущее зов»), Борис Бобович («Ты Гималайскою громадой / Шагаешь к миру с палашом»)[59], Анна Грианова («Вы пришли с голубыми глазами / “От любви голубеют глаза”! / Надушенный, кудрявый, в панаме, / Легендарней принцессы Заза»[60]) и другие.

В 1920-е гг. он сильно стушевывается, и запоздалая слава приходит к нему с неожиданной стороны — благодаря «Клопу» Маяковского, где он выведен безжалостно и пародийно. Следующие его шаги общеизвестны, прежде всего это обмен открытыми письмами с Маяковским[61] и дальнейшие попытки отгородиться от этого преследующего его образа (ср., впрочем, эпизод в мемуарах Миндлина: «Через несколько дней встречаю Вадима Баяна — гордого с высоко поднятой головой и сияющими глазами. Обрадовался, увидев меня, подбежал: “Ну что я вам говорил? Говорил, что обо мне еще вспомнят? И вспомнили же!”»[62]).

В отношении его к Маяковскому оставалась, насколько можно судить, сальерианская двойственность. С одной стороны, он явно связывал с бывшим знакомством свои надежды на литературную известность: писал воспоминания, проча их сперва в коллективный сборник мемуаров[63], а позже — в соответствующий том «Литератур-

[58] *Забинков С.* Заветное. Стихи. Кронштадт, 1915. С. 32.

[59] Обвалы сердца. Авангард в Крыму. С. 70, 88. Ср., кстати, в поздней автобиографии: «50 стихотворений мне посвятили разные поэты — Сологуб, Северянин, Щепкина-Куперник, Шенгели, Шебуев, Агнивцев, Богомолов, Шпажинский, Чеботаревская, Хаит, Бобович и многие другие» (*Баян Вадим*. Мое литературное лицо. С. 372). Значительная часть упомянутых дедикаций нам неизвестна.

[60] *Грианова А.* Вадиму Баяну // Пьяные вишни. 2-е изд. Севастополь, 1920. С. 14.

[61] Письма Баяна и Маяковского напечатаны в одном номере: Литературная газета. 1929. № 14, 22 июля. С. 4.

[62] *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. С. 301.

[63] Ср. в письме Баяна к О. Брику от 20 февраля 1932 г.: «Надеюсь, что мои воспоминания о Маяковском Вами включены в сборник, выпускаемый “Федерацией”, а потому посылаю Вам ряд поправок к ним, сделанных в связи с замечаниями Лили Юрьевны и Вашими.

ного наследства»[64], распространял копии с сохранявшихся у него рукописей[65], несанкционированно выступал у московского памятника («Я был ободрен уже тем, что меня не убили и даже не побили, а, наоборот, проявили ко мне чудовищный интерес, как к заморскому страшилищу»[66]) и при каждом удобном случае припоминал былую их близость; с другой — регулярно и ревниво сопоставлял славу своих бывших соратников со своей безвестностью: «мои товарищи по олимпиаде футуристов — Северянин, Маяковский и Бурлюк — приковали меня, как Прометея, к скале за похищение у богов огня (а они почуяли, что огонь у меня не слабее, чем у них)»[67]; «Маяковский хотел меня захлестать до смерти, а вышло наоборот, сделал мне известность во всем мире, хотя и плохую, позорную»[68]; «Жизнь моя подходит к концу. Но мне обидно уходить в могилу с клеймом вора, наложенным на меня зашифрованной характеристикой Маяковского. Я всю жизнь работал для культуры своего народа, соблюдая чистоту служения любимой Родине»[69].

Ближе к закату амбиции его сильно поумерились. В письме к Н.Ф. Рябовой, которая составляла именной указатель для тринадцатитомного собрания сочинений Маяковского, он сформулировал две настоятельные просьбы — не писать его года рождения и поберечь его псевдоним:

> Многоуважаемая Наталья Федоровна!
>
> Поскольку Вы почти официальное лицо, я считаю себя почти обязанным сообщить Вам ТОЧНУЮ дату моего рождения, а не

Если у Вас нет времени вносить эти поправки, сообщите открыткой — и я немедленно пришлю Вам усовершенствованный экземпляр» (РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1).

[64] Об этом Баян упоминает в письме к Л. Брик от 7 сентября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13 об.). Когда в угоду цензуре редакция предложила купировать финал, автор возражал: «<…> это будет равносильно тому, что корове оторвать голову и “рулевое управление”, без которых она потеряет свою красоту и обаяние» (письмо к тому же адресату от 23 сентября 1958 г. // Там же. Л. 24). Сопоставление вариантов воспоминаний Баяна, рассеянных по государственным (как минимум в РГАЛИ, ИРЛИ и ГММ) и частным архивам, может, вероятно, принести незаурядные плоды (NB. Один из вариантов, ныне, вероятно, утраченный, цитирует со ссылкой на частное собрание Р. Круус в примечаниях к заметкам Северянина о Маяковском: Таллин. 1988. № 5. С. 114).

[65] Отправляя Л.Ю. Брик одну из ранних версий мемуаров, Баян присовокуплял: «К материалу приложены снимки с имеющихся у меня рукописей Владимира Владимировича, относящихся к Первой Олимпиаде футуристов» (письмо от 1 марта 1931 г. // РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 1 об.).

[66] Из письма к Л.Ю. Брик от 7 сентября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

[67] Там же. Л. 5.

[68] Там же. Л. 13.

[69] Письмо к Л. Ю. Брик, помеченное «Преддверие 41 Октября», т.е. первые числа ноября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 3 об.

«дипломатическую», как это позволительно среди знакомых. Я рожден 5/17 янв. 1880 года. Но как не хочется слыть в обществе старым, когда кругом цветет молодость! Убедительнейше прошу Вас обойти молчанием эту дату. Никто от этого не пострадает. Кому будет интересно знать, что на свете одним стариком больше? Я всеми доступными средствами стараюсь омолаживаться, а Вы собираетесь мою старость положить на щит и показать всему миру. Как это горько! Как известно, Маяковскому тоже хотелось хоть на годок быть моложе, он утверждал, что рожден в 1894-м году, а Горький дал в Энциклопедический словарь Павленкова сведения, будто он рожден в 1869-м году. «Старость — это прежде всего неприятность», — сказал Серафимович, когда ему насильственно устроили юбилей по случаю его 75-летия. Ведь старость это не слава, а бесславие, молодежь не любит стариков, внешне она воздает им «почет» (как говорится в песне), а внутренне презирает эту «труху». Если моя просьба не будет уважена, то прошу ничего обо мне не писать в Именном указателе.

Еще просьба. Если в дополнение к этому огорчению, в случае неуважения моих просьб, Вы будете также объявлять и мою (простую, как квас) фамилию кроме псевдонима, то уж будьте добры раскрыть фамилии и других литераторов, имевших отношение к Маяковскому. Укажите, что Багрицкий — Дзюбин, Адуев — Рабинович, Чуковский — Корнейчук, Барто — Волова, Гайдар — Голиков, Демьян Бедный — Придворов и т.д. Уж если срывать одежду — так со всех. Иначе будет обидно. Собственно говоря, мы не для того рядились в псевдонимы, чтобы нас насильственно раздевали. Автор «Словаря псевдонимов» и Книжная палата поступили нетактично, выпустив этот словарь. Какое им дело до чужих желаний подкрашивать свои имена?[70]

Просьба эта была проигнорирована.

[70] Письмо от 3 мая 1959 г. // РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 9. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об.

Литература

Аброскина И.И. Баян Вадим / /Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 192.

Баян Вадим <Сидоров В.И.>. Мое литературное лицо. — Письма Вадима Баяна Б.В. Смиренскому. Публ. А.Л. Дмитренко и А.В. Крусанова) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 23. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 371–377.

Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3 / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Вовиной. Под ред. К.П. Лукирской. Л.: БАН, 1986. 330 с.

Гамалий А.Б. Даниил Соложев как библиофил. Несколько слов о его собрании автографов // Библиофильство и личные собрания. М.: Пашков дом, 2013. С. 87–98.

Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М.: Водолей, 2006. 367 с.

Калмыкова В. Первый итог футуризма // Обвалы сердца: Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 67–69.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1. Ч. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 с.

Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // De Visu. 1994. № 3/4. С. 82–89.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1979. 559 с.

Островская А.В. Муринский Петр // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1999. С. 180.

Поливанов К.М. Богомолов Борис Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 302.

Поливанов К.М. Пастернак и современники. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 272 с.

Рудин из Брюсовского института: Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923–1932. Публ. С. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 248–282.

Северянин И. Переписка с Федором Сологубом и Ан.Н. Чеботаревской. Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 693–755.

Северянин И. Уснувшие весны: Критика. Мемуары. Скитания. М.: Ломоносовъ, 2014. 204 с.

Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941) / Сост. Д.С. Прокофьева. Т. 2. Псков: Гименей, 2007. 178 с.

Шаргородский С. Собачество вселенских катаклизмов // Обвалы сердца: Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 8–51.

References

Abroskina I.I. Baian Vadim. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1: A–G* [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 192. (In Russ.)

Bayan Vadim <Sidorov V.I.>. Moe literaturnoe litso. — Pis'ma Vadima Baiana B.V. Smirenskomu [My literary face; Vadim Bayan's letters to B.V. Smirensky], publ. by A.L. Dmitrenko and A.V. Krusanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 23* [The past: Historical almanac. Vol. 23]. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998, pp. 371–377. (In Russ.)

Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie. Kn. 3 [A.A. Blok's library. Description. Book 3], comp. by O.V. Miller, N.A. Kolobova, S.Ia. Vovina, ed. by K.P. Lukirskaya. Leningrad, Academy of Sciences Library Publ., 1986. 330 p. (In Russ.)

Gamalii A.B. Daniil Solozhev kak bibliofil. Neskol'ko slov o ego sobranii avtografov [Daniel Solozhev as a bibliophile. A few words on his autograph collection]. *Bibliofil'stvo i lichnye sobraniia* [Bibliophilism and private collections]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2013, pp. 87–98. (In Russ.)

Gardzonio S. *Stat'i po russkoi poezii i kul'ture XX veka* [Articles on Russian poetry and culture of the 20th century]. Moscow, Vodolei Publ., 2006. 367 p. (In Russ.)

Kalmykova V. Pervyi itog futurizma [The first result of Futurism]. *Obvaly serdtsa: Avangard v Krymu* [Heartbreaks: Avant-garde in the Crimea], comp., intro. and comment. by S. Shargorodsky. Salamandra P.V.V. Publ., 2011, pp. 67–69. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard. 1907–1932: Istoricheskii obzor. T. 1. Ch. 2* [Russian avant-garde. 1907–1932: Historical overview. Vol. 1. Part 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Kupchenko V.P. Literaturnaia Feodosiia v 1920 godu. Po materialam gazety "Krymskaia mysl'" [Literary Feodosia in 1920. Based on materials of the "Krymskaya Mysl'" newspaper]. *De Visu*, 1994, no. 3/4, pp. 82–89. (In Russ.)

Mindlin E. *Neobyknovennye sobesedniki* [Extraordinary interlocutors], 2nd ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 559 p. (In Russ.)

Ostrovskaia A.V. Murinskii Petr. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 4* [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 4]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1999, p. 180. (In Russ.)

Polivanov K.M. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1: A–G* [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 302. (In Russ.)

Polivanov K.M. *Pasternak i sovremenniki* [Pasternak and his contemporaries]. Moscow, Higher School of Economy Publ., 2006. 272 p. (In Russ.)

Rudin iz Briusovskogo instituta: Pis'ma G.A. Shengeli M.M. Shkapskoi. 1923–1932 [Rudin from Bryusov Institute. G.A. Shengeli's letters to M.M. Shkapskaya. 1923–1932], publ. by S. Shumikhin. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 15* [The past: Historical almanac. Vol. 15]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 248–282. (In Russ.)

Severianin I. Perepiska s Fedorom Sologubom i An.N. Chebotarevskoi [Correspondence with Fedor Sologum and An.N. Chebotarevskaya], publ. by L.N.

Ivanova and T.V. Misnikevich. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 693–755. (In Russ.)

Severianin I. *Usnuvshie vesny: Kritika. Memuary. Skitaniia* [Sleeping springs: Critics. Memoirs. Wanderings]. Moscow, Lomonosov Publ., 2014. 204 p. (In Russ.)

Slovar' literaturnogo okruzheniia Igoria-Severianina (1905–1941) [Dictionary of Igor-Severyanin's literary surroundings (1905–1941)], comp. by D.S. Prokofiev. Vol. 2. Pskov, Gimenei Publ., 2007. 178 p. (In Russ.)

Shargorodskii S. Sobachestvo vselenskikh kataklizmov [The dogness of universal disasters]. *Obvaly serdtsa: Avangard v Krymu* [Heartbreaks: Avant-garde in the Crimea], comp., intro. and comment. by S. Shargorodsky. Salamandra P.V.V. Publ., 2011, pp. 8–51. (In Russ.)

Vadim Bayan and advertising technologies

© 2018, Alexander Sobolev

Abstract: The article describes technologies of literary advertising, created and applied by the poet Vadim Bayan (Vladimir Ivanovich Sidorov). A few episodes of his creative path are shown in details: for example the publication of the book of poetry with the forward by F. Sologub and Igor Severyanin, or the letter exchange with V. Mayakovsky.

Keywords: V. Bayan, F. Sologub, A. Chebotarevskaya, I. Yasinsky, Igor Severyanin, V. Mayakovsky, literary tours, Futurism.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander. Vadim Bayan and advertising technologies. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 170–196.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-197-227
УДК 821.161.1

Леонид Семенов: к истории несостоявшейся литературной репутации

© 2018, Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: Статья посвящена жизни и творчеству известного лермонтоведа, археолога и фольклориста Леонида Петровича Семенова (1886–1959). В работе прослеживаются основные вехи научной биографии, но в центре внимания не достижения ученого, а история его литературного, в первую очередь поэтического, творчества. Выявляются семейные истоки литературных склонностей. Не изменяя филологическому пути, автор реализовывал себя как литератора в узком кругу родных и друзей (в том числе во владикавказском кружке В. Меркурьевой, куда входил под псевдонимом «Сергей Аргашев» и его брат Сергей Семенов). Домашний круг стал той «институцией», которая обеспечила ему, хотя и в ограниченных пределах, эффект участия в литературной жизни (издание семейного альманаха «Маяк») и литературного успеха, пусть и иллюзорного. Если литературоведение было «официальной», внешней «институциональной» формой проявления личности, то поэзия — внутренней, единственным способом самореализации в условиях десятилетий духовной несвободы.

Ключевые слова: Л.П. Семенов, лермонтоведение, казачий фольклор, филологическая поэзия, литературная репутация, альманах «Маяк», С. Аргашев, В. Меркурьева.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького; заведующая научным отделом, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Цитирование: *Тахо-Годи Е.А.* Леонид Семенов: к истории несостоявшейся литературной репутации // Литературный факт. 2018. № 9. С. 197–227.

«<…> знания историка и филолога не засчитываются поэту. От поэта требуют иного», — писал С.С. Аверинцев о Вяч. Иванове, явно проецируя на него и собственный поэтический опыт, сознавая, что поэту, помимо филологической культуры, необходима особая личная сопричастность, то, «насколько он понимал и чувствовал

то, что знал»[1]. В сущности, о том же пишут современные критики и теоретики, выделяя и тем самым отделяя филологическую поэзию от поэзии как таковой, подчеркивая, что «филология — дело сверхличное», где «главное — уважение к преданию, точность факта, корректность аргументации», а «поэзия всем этим может пренебречь во имя своих неконтролируемых целей»[2]. Но помимо «филологической поэзии», с присущими ей «самоцельной языковой игрой», «повышенной затемненностью смысла и демонстративным аутизмом»[3], существует и иной феномен — стихи филологов. Это явление, еще реже заслуживающее специального внимания[4], напрасно недооценивается. Подобный «биографический факт» помогает вскрыть личное самоощущение автора внутри культуры и, безусловно, связан с проблемой авторской репутации — ведь от исходной установки зависит, станет ли литературоведение своего рода «институцией», содействующей закреплению имени автора в истории литературы или нет. Во-первых, автор может использовать свое литературоведческое реноме для продвижения литературной продукции, вне зависимости от ее художественного качества. Во-вторых, он может, наоборот, отказаться от филологической карьеры и начать путь заново, уже как литератор. В-третьих, не отказываясь от литературоведения, но и не превращая свою филологическую репутацию в «трамплин» для поэта, он выступает под псевдонимом, чтобы филологическая известность не мешала испробовать силы завоевать литературный Олимп «с чистого листа». В-четвертых, автор официально не изменяет своему филологическому пути, не завоевывает литературных Олимпов, реализуя себя как литератор в узком, интимном кругу родных и друзей. Этот круг становится той «институцией», которая обеспечивает ему эффект литературного успеха, хотя и в очень ограниченных пределах — в пределах «дома». Именно в последний вариант наиболее точно вписывается судьба литературных опытов известного лермонтоведа Леонида Петровича Семенова. При этом его случай интересен тем, что на авторские личные интенции накладывает свою печать внеличное — исторические катаклизмы, когда литературоведческая репутация фактически ни-

[1] *Аверинцев С.С.* Вячеслав Иванов // Иванов В.И. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 20. (Б-ка поэта. Малая серия).

[2] *Новиков В.И.* Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии // Новый мир. 2001. № 6. С. 176.

[3] *Чупринин С.И.* Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. М., 2007. С. 605.

[4] См.: Стихи филологов. URL: https://lucas-v-leyden.livejournal.com/149510.html; https://lucas-v-leyden.livejournal.com/150981.html; https://lucas-v-leyden.livejournal.com/162174.html; https://lucas-v-leyden.livejournal.com/170737.html (дата обращения: 05.10.2018).

как не может помочь «поэтической», потому что литературоведение оказывается внешней, «официальной», «институциональной» формой проявления личности, а поэзия — внутренней, единственным, хотя и прикровенным, способом самореализации — и личностной, и филологической — в условиях десятилетий духовной несвободы. Но прежде чем говорить о литературных опытах Л.П. Семенова, напомним основные вехи его научного пути[5].

Основные вехи биографии ученого

Леонид Петрович Семенов родился 30 мая 1886 г. в станице Слепцовская Терской области. В 1891 г. семья переехала во Владикавказ и в 1896 г. поселилась в приобретенном доме на Осетинской улице, в котором Леонид Петрович прожил всю жизнь и где скончался в 1959 г. Путь в науку он начал в стенах Харьковского университета, куда поступил в 1908 г. после владикавказского реального училища. В 1912 г. в трудах Харьковского историко-филологического общества появилась его первая статья — о лермонтовском стихотворении «Ангел»[6]. За ней последовали статьи о влиянии Марлинского на Лермонтова в журнале «Филологические записки»[7] (в этом же журнале будет в 1917 г. напечатана библиографическая заметка об издании сочинений поэта А.А. Голенищева-Кутузова[8]) и об изданном в 1912 г. толстовском «Хаджи-Мурате»[9]. Первая монография — «Лермонтов и Лев Толстой. К столетию со дня рождения Лермонтова» датирована 1914 г., но вышла в Москве фактически в конце 1913 г. В 1915 г. в Москве издана вторая — «Лермонтов. Статьи и заметки».

---

[5] О. Л.П. Семенове см.: *Мануйлов В.А.* Семенов Л.П. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 743; Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988; *Виноградов В.Б.* Леонид Петрович Семенов (1886–1959) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский ГПИ, 2003. С. 265–268; *Нарожный Е.И.* Библиография Л.П. Семенова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский ГПИ, 2003. С. 269–270.

[6] *Семенов Л.П.* «Ангел»: Очерк поэзии Лермонтова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XIX. Памяти проф. Е.К. Редина. Харьков, 1913. С. 263–298. Но отдельный оттиск датирован именно 1912 г.

[7] *Семенов Л.П.* К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. 1914. Вып. 5–6. С. 614–639.

[8] *Семенов Л.П.* А.А. Голенищев-Кутузов. Посмертное издание сочинений. Библиография // Филологические записки. 1917. Вып. 1. С. 106–114.

[9] *Семенов Л.П.* О «Хаджи-Мурате» Л. Толстого // Вестник Харьковского историко-филологического общества. 1914. Вып. 5. С. 6–13.

Семеновские книги не остались без внимания[10]. По оценке С.Н. Дурылина, пристально следившего за научной литературой в связи с собственными замыслами работы о Лермонтове, книга Семенова «Лермонтов и Лев Толстой» «свидетельствует о прекрасном знакомстве с мельчайшими особенностями лермонтовского текста, и многое, подмеченное им, до сих пор ускользало от работающих над Лермонтовым»[11], — влияние на поэта творчества И. Козлова, воздействие на стихотворение «Сон» песен гребенских казаков, мотив оживающего портрета в повести «Штосс». И через два десятилетия, на излете 1930-х гг., семеновскую книгу «Лермонтов и Лев Толстой» будут оценивать как важную и интересную и Л. Пумпянский[12], и Б. Эйхенбаум[13]. Лермонтовские штудии Семенова вполне отвечали исканиям эпохи, для которой фигура поэта была знаковой. Отсюда литературно-критические статьи о Лермонтове ярчайших представителей Серебряного века — Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Вяч. Иванова и др. Однако от замысла написать обобщающий труд о Лермонтове[14] Семенову пришлось отказаться из-за революционных событий 1917 г.

После революции Семенов преподает во Владикавказском учительском институте (1918–1919), работает в Северо-Кавказском институте краеведения и его Научном музее (1921–1926)[15], является внештатным сотрудником Северо-Осетинского Научно-исследовательского института со времени его основания в 1925 г. на базе возникшего в 1919 г. Осетинского историко-филологического общества (здесь в 1923 г. он выступил с докладом «Вс.Ф. Миллер как исследователь археологии Кавказа»[16]). Но основное место его преподавательской и научной деятельности — Северо-Осетинский педа-

[10] Ежемесячный журнал. 1914. № 7 [Б.В. Нейман]; Русские ведомости. 1915. № 202, 2 сент. [Н.Л. Бродский]; Известия ОРЯС РАН. 1917. Т. 22. Кн. 2 [Н.К. Гудзий] и др.

[11] *Дурылин С.Н.* Л. Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. М., 1914 // Путь. 1914. № 3. С. 70.

[12] *Пумпянский Л.В.* Стиховая речь Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. СПб., 2002. С. 581–606.

[13] *Эйхенбаум Б.М.* Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе // Звезда. 1940. № 12. С. 180–181.

[14] Письмо Л.П. Семенова к М.О. Гершензону от 11 апреля 1916 г. // ОР РГБ. Ф. 746 (М.О. Гершензон). Карт. 41. Ед. хр. 19. Л. 3об. Опубл.: *Тахо-Годи Е.А.* Три письма Л.П. Семенова к М.О. Гершензону (материалы к биографии ученого) // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции / Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб., 2012. С. 67–73.

[15] См.: *Семенов Л.П.* Государственный Научный музей города Владикавказа при Северо-Кавказском Институте краеведения: Краткий очерк истории и деятельности. Владикавказ, 1925. 24 с.

[16] См.: Отчеты о деятельности Осетинского Историко-Филологического общества за всё время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 189–190.

гогический институт (1923–1951), где он в 1934 г. стал профессором и где 20 лет заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы. Спектр его научных интересов в эти годы очень широк: археология (с 1924 г. участвует в 44 археологических экспедициях по Северной Осетии, Ингушетии и Чечне, в том числе организованных Эрмитажем и Историческим музеем), этнография, горский фольклор, краеведение, нартский эпос, осетинская литература и, конечно, русская классика. На первом месте по-прежнему творчество Лермонтова и собирание лермонтовской коллекции. К моменту передачи коллекции в 1951 г. в дар музею «Домик Лермонтова» в Пятигорске она достигла 5 000 единиц, вобрав в себя, по оценке специалистов, «почти всю историю лермонтоведения и кавказоведения за 150 лет»[17]. В изучении Лермонтова Семеновым очевидны два главных вектора: 1) анализ «кавказских» произведений, их связь с казачьим и горским фольклором и 2) введение в научный оборот прежде неизвестных документальных источников. Книги «Лермонтов на Кавказе»[18], «Лермонтов и фольклор Кавказа» (1941)[19], по мнению В.Э. Вацуро, сформировали «особую область — изучение иноязычных, прежде всего кавказских, фольклорных источников лермонтовских стихотворений и поэм» [20].

В историю лермонтоведения Семенов вошел и как инициатор создания «Лермонтовской энциклопедии». Нет ничего неожиданного в том, что именно ему пришла идея такого издания. Он изначально был склонен не к теоретизированию, но к кодификации фактического материала, будь то литературные или фольклорные мотивы, литературные или биографические взаимосвязи, библиография или собирание книжной коллекции. Это очевидно уже в книге «Лермонтов и Лев Толстой», где дается своего рода энциклопедия основных мотивов: «Война», «Смерть», «Суд», «Карты», «Музыка», «Пляска» и т.д. Лермонтовская энциклопедия виделась Семенову «сводом всесторонних сведений об эпохе, жизни и творчестве поэта, о его современниках, об источниках всех его произведений, о связи его литературного наследия» с русской и зарубежной литературой, «о научных изданиях его сочинений, об отражении

[17] *Тер-Габриэлянц И.Г.* Лермонтовед Л.П. Семенов и его коллекция в фондах Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова // Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 44–51.

[18] *Семенов Л.П.* Лермонтов на Кавказе. Пятигорск — Орджоникидзе: Крайиздат, 1939. 218 с.

[19] *Семенов Л.П.* Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск: Крайиздат, 1941. 97 с.

[20] *Вацуро В.Э.* М.Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л., 1976. С. 211.

его сюжетов и образов во всех областях искусства»[21]. Именно так формулировал он ее задачу близкому человеку и лермонтоведу В.А. Мануйлову в письме от 30 июня 1958 г. Лишь в 1981 г. В.А. Мануйлов смог констатировать, что созданный им коллектив сумел «воплотить в жизнь замысел незабвенного моего друга и учителя Леонида Петровича Семенова»[22]. Однако статья о самом Семенове в «Лермонтовской энциклопедии» не появилась — по устному свидетельству Виктора Андрониковича, из-за нежелания члена редколлегии И.Л. Андроникова. Максимум, что мог сделать Мануйлов как главный редактор, — это упомянуть о Семенове как инициаторе энциклопедии в открывавшем том разделе «К читателю».

Отсутствие Семенова в словнике при обилии ссылок на его работы почти неявно в «Лермонтовской энциклопедии», где очень мало отдельных статей, посвященных лермонтоведам (среди них — статья об И.Л. Андроникове). Однако изъятие семеновского имени в 1981 г. рикошетом сработало в 2014 г. при формировании словника издания «М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь»[23] — статьи о Семенове снова нет. Еще один парадокс литературоведческой репутации: в ряде отзывов на это издание в качестве инициатора «Лермонтовской энциклопедии» фигурирует не Семенов и даже не В.А. Мануйлов[24], отдавший два десятилетия жизни реализации этой идеи, а не кто иной, как И.Л. Андроников[25].

В течение жизни Семенов поддерживал переписку с теми, кто определял пути науки в первой половине XX в. Среди его адресатов М.П. Алексеев, М.К. Азадовский[26], А.И. Белецкий, Л.П. Гроссман, Н.К. Гудзий, Н.О. Лернер, В.А. Мануйлов, Б.Л. Модзалевский, Н.К. Пиксанов, Б.Б. Пиотровский[27], И.Н. Розанов, Ю.М. Соколов, Б.М. Эйхенбаум. Однако большинство его собственных писем к

[21] Цит. по: *Мануйлов В.А.* Персональная энциклопедия как тип издания (по материалам подготовки Лермонтовской энциклопедии) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1964. С. 264.

[22] Цит. по: Л.П. Семенов — историк и критик русской литературы. Учебное пособие / Науч. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. С. 20.

[23] См.: М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева. М., 2014. 940 с.

[24] О В.А. Мануйлове как инициаторе издания говорится и на сайте «Пушкинского Дома», и в «Большом энциклопедическом словаре», изданном в 2000 г.

[25] См.: http://esaulov.net/uncategorized/lermontov-mgu-konf/, http://www.encyclopedia.ru/news/enc/detail/55614/.

[26] См.: *Тахо-Годи Е.А.* «Шлю Вам дружеский привет»: О письмах Л.П. Семенова к М.К. Азадовскому // Россия и Запад: Сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М., 2011. С. 464–475.

[27] Об отношении к Семенову академиков Б.Б. Пиотровского и Б.А. Рыбакова см.: *Тахо-Годи А.А.* А.Ф. Лосев и Т.Б. Князевская // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 9. М., 2009. С. 67.

этим ученым утрачено, а письма его корреспондентов, сохранившиеся в личном фонде в Северо-Осетинском государственном архиве, лежат мертвым грузом более полувека. Причем на сайте архива Семенов фигурирует как известный лингвист (?!), а не как один из создателей первой истории столицы Северной Осетии — города Владикавказа, первой академической «Истории Осетии», первого издания Нартского эпоса на русском языке, первого академического собрания сочинений основоположника осетинской литературы, поэта и живописца Коста Хетагурова (1859–1906). Семеновский владикавказский дом, где бывали многие выдающиеся деятели науки и культуры — от Фритьофа Нансена до А.Ф. Лосева[28], в настоящее время полностью разрушен, несмотря на установленную в свое время мемориальную доску, увековечивающую имя ученого, которого современники рассматривали как одного из крупнейших лермонтоведов первой половины XX в.[29] Пока еще цела его могила во владикавказском «пантеоне» — усыпальнице выдающихся граждан Северной Осетии у стен Церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Осетинской горке. Но то, что переиздаются лермонтоведческие работы Семенова — пусть не отдельными изданиями, но на сайтах или в антологиях[30], — для памяти ученого важнее всего.

Из предыстории литературных исканий

Кто-то из маститых филологов — то ли А.Н. Веселовский, то ли В.М. Жирмунский — сетовал, что, в отличие от литераторов, имя ученого и его труды живут не более четверти века. То, что имя Семенова — лермонтоведа и кавказоведа — в течение полувека привлекает внимание, говорит само за себя. Но о поэтическом творчестве Леонида Петровича никто не слышал, кроме людей из самого близкого круга, на который он ориентировался и который выполнял роль «институции», гарантировавшей ему возможность самореализации, свободного самовыражения и ощущение литературного успеха.

[28] О приезде Лосева в Семеновский дом в 1954 г. см.: *Тахо-Годи А.А*. Жизнь и судьба: Воспоминания. М., 2009. С. 524–526.

[29] См.: Л.П. Семенов. От музея «Домик Лермонтова» (Некролог) // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1960. С. 5–28; *Тахо-Годи Е.А*. Творчество Лермонтова в исследованиях профессора Л.П. Семенова // Мир Лермонтова / Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб., 2015. С. 924–932.

[30] Лермонтовский текст: ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: исследования 1900–2007 годов: антология: В 2 т. / Сост. К.Э. Штайн. Изд. 2-е, испр., доп. Т. 1. Ставрополь, 2007. 776 с.; книга Л.П. Семенова 1915 г. «М.Ю. Лермонтов. Статьи и заметки» размещена на сайте: http://lermontov.rhga.ru/.

Как считал сам Семенов, его любовь к литературе и литературному творчеству зародилась под влиянием родителей — Вассы Захаровны (1863–1913) и Петра Хрисанфовича (1856–1936). В 1947 г. Леонид Петрович напишет два очерка, посвященные родителям. Оба предназначались лишь для домашнего круга. Читая их, понимаешь, что именно к детским воспоминаниям восходят корни двух важнейших для него и теснейше взаимосвязанных личных мифов — лермонтовского и казачьего.

В очерке «Памяти мамы»[31] автор пытается воскресить родные черты властной и вместе с тем глубоко любящей матери: «По внешнему облику, по осанке она была сильно похожа на Ермолову в пору расцвета ее творческих сил. В дни, когда она переживала горе, она очень напоминала мне скорбный образ матери в знаменитой картине Крамского “Неутешное горе”». Рассказ о семье Вассы Захаровны, дочери станционного смотрителя на Военно-Грузинской дороге Захария Александровича Лермана, о ее замужестве, первых годах совместной жизни с Петром Хрисанфовичем, о помощи мужу в его литературных и преподавательских трудах, заботах о детях, отходит на второй план перед желанием воссоздать духовный облик матери, который выявляется через ее отношение к одежде, к природе, к детям, к театру, к пению старинных романсов и народных украинских песен, которым она научилась от матери-украинки, а главное — к литературе. Вынужденная бросить гимназию и всю жизнь стремившаяся через чтение продолжать самообразование, мать видится Семенову человеком, так и не сумевшим полностью реализовать свои возможности (ощутимая тут автопроекция даст о себе знать и в рассказе о литературных трудах отца). Недаром он вспомнит, как они вместе с матерью мечтали совершить путешествие в Южную Америку: «Она любила наш маленький семейный мир, но ее душе хотелось больше простора, для ее запросов нужны были иные, более широкие возможности». Для Леонида Петровича принципиально важно подчеркнуть и ее причастность к литературным затеям собственных детей: к тому, что к начатому детьми семейному литературному журналу «она относилась очень тепло», что «с большим интересом слушала чтение наших рассказов, коллективных романов», что «для одного из № журнала она бисерным почерком написала две странички из детских воспоминаний».

Отношение к Лермонтову близких — матери, ее рано умершего брата Георгия или отца — также становится предметом рефлексии и

[31] Помещен в семейном альманахе «Маяк», № 1 (29) (личный архив Семеновых — Тахо-Годи). Далее тексты из «Маяка» цитируются без специальных отсылок.

обоснования собственного интереса к поэту. В еще одном «домашнем» очерке — «Лермонтов в нашей семье» (7.II.1947 г.) — Семенов расскажет как о самом важном событии о пении матерью «Казачьей колыбельной песни»: «Воспоминания переносят меня в станицу Слепцовскую. Стоял прекрасный, теплый летний день. Занятая какой-то работой, мама вполголоса напевала чудесную колыбельную песню. Я сидел напротив и не отрывал глаз от любимого лица, в котором светилась и тихая радость, и какая-то затаенная грусть. Я слушал, не шевелясь, плененный задушевной мелодией. Кончив песню, мама ласково взглянула на меня и сказала: "Это стихотворение сочинил Лермонтов". Мне не было тогда и 5-ти лет. Прекрасная песня и необычно звучавшее имя поэта, создавшего ее, произвели на меня неотразимое впечатление. Это было первое литературное имя, услышанное мною, и оно навсегда стало для меня памятным и священным».

Вероятно, имя Лермонтова в его детском сознании ассоциировалось с девичьей фамилией матери — Лерман. Племянница Семенова, А.А. Тахо-Годи вспоминала: «По рассказам моей мамы, Нины Петровны (брат и сестра любили друг друга вопреки всем тяжелым обстоятельствам), Леонид Петрович в ранней молодости намекал на то, что фамилия деда была не Лерман, а Лермант, и узрел в этом необъяснимую связь с Лермонтовым. Отсюда будто бы и судьба его, посвященная Лермонтову и Кавказу. Но, как известно, Леонид Петрович был в жизни неисправимым романтиком»[32]. Конечно, сам Леонид Петрович как филолог и знаток Лермонтова прекрасно сознавал, что это только дань «романтизму», но этот «романтизм» становился опорой и собственных научных штудий, и литературных опытов. Вот почему знаток и любитель символистской поэзии, он мог, не кривя душой, сказать: «На нашем "Пароходе" [так в домашнем обиходе назывался родной дом] Лермонтов очень чтился и чтится. Канули в вечность многие имена декадентов, символистов, футуристов и прочих "истов". А классики не меркнут. Вспоминаются меткие слова И. Северянина:

…Не Лермонтова — "с парохода",
А бурлюков — на Сахалин!»

Отец Семенова, Петр Хрисанфович[33], совсем иного склада и происхождения, чем мать, — потомственный казак, в лице «что-то

[32] *Тахо-Годи А.А.* Жизнь и судьба. С. 13–14. О семье Семеновых также см.: С. 11–14, 174–189, 193–202, 218–221, 307–310, 524–525 и др.

[33] См.: *Тахо-Годи Е.А.* Семенов П.Х. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 560–561 (здесь есть несколько строк петитом о литературных увлечениях его детей, в том числе Л.П. Семенова).

неуловимо восточное, в разрезе глаз, в скулах», «добрый, ласковый, с маленькой бородкой, среднего роста и не похож на своих с военной выправкой братьев»[34]. В очерке «Памяти отца»[35] Леонид Петрович специально останавливается на отношении отца к литературе, на его знакомстве с Н.А. Благовещенским[36], стимулировавшим его творчество: «Отец после знакомства с другом и биографом Н.Г. Помяловского Николаем Александровичем Благовещенским, жившим с 1873 г. во Владикавказе и с 1880 г. редактировавшего неофициальную часть газеты “Терские ведомости”, еще будучи смотрителем слепцовского училища, начал собирать и печатать в сборниках “Сведения о кавказских горцах” казачий и горский фольклор, сочинять и публиковать в “Терских ведомостях” свои оригинальные рассказы». Леонид Петрович горячо сожалеет, что через 15 лет отцу пришлось отказаться от литературного творчества и собирания фольклора: «Материальная необеспеченность, забота о большой семье заставили отца бросить литературную работу — как раз в ту пору, когда он достиг опыта и мастерства и находился в расцвете духовных и физических сил. Но любовь к книге, к науке, к поэзии, а также к краеведению он передал своим детям, влагая вместе с мамой все силы в дело их воспитания». О влиянии отца на собственную личность он говорит достаточно подробно: «В моей личной литературной работе влияние папы было очень велико. Он научил меня грамоте, он носил мне в детские годы книги для чтения — интересные и полезные. <...> Он очень большое внимание уделял языку, стилю; пройдя за лето хорошую школу, я впоследствии шел дальше совершенно самостоятельно, а главное — вошел всей душой в работу над материалом (источники, составление плана, отделка письменной речи и т.п.). От него же воспринял я и интерес к краеведческим темам, к народной поэзии. Помню, с какой гордостью и восхищением я посмотрел на папу, когда в начале 90-х годов (вероятно в 1894 г.) из Тифлиса пришла большая посылка с оттисками его работ — сказок, песен, очерков. Я зачитывался ими, заучивал наизусть понравившиеся мне песни. В 1896–97 гг. у папы был большой подъем творческой работы; он написал много рассказов и очерков. Писал он их начерно, а набело переписывала

[34] *Тахо-Годи А.А.* Жизнь и судьба. С. 9.

[35] Помещен в семейном альманахе «Маяк», № 1 (29).

[36] Отсюда особый интерес к нему Л.П. Семенова, см.: *Семенов Л.П.* Н.А. Благовещенский на Кавказе. К 40-летию со дня смерти // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Вып. 1. Владикавказ, 1929. С. 34–41.

их своим четким почерком Лена[37]. Так мы приобщались к литературе». К своему очерку Леонид Петрович приложил любовно собранную библиографию публикаций отца и о нем, а также сделанную младшим братом Сергеем Семеновым выборку нескольких образцов из собранных отцом «Песен, поющихся в станице Слепцовской». Интерес к казачьему фольклору подогревали рассказы и песни сводной сестры отца, Анастасии Хрисанфовны Жадёновой (1845 — после 1914)[38].

В написанных в связи с 90-летием Петра Хрисанфовича воспоминаниях литературоведа и психиатра А.М. Евлахова, жившего в семеновском доме учеником 7–8 класса Владикавказской классической гимназии, не только рисуется «картина идеальной семьи», подобной которой он «уже после не встречал в жизни», но и описываются устроенные в доме при поддержке Петра Хрисанфовича и Вассы Захаровны литературные вечера: «Не без активного участия Петра Хрисанфовича удалось мне осуществить пришедшую в голову мысль — устраивать по воскресеньям в их большом зале литературные вечера, где я декламировал “Размышления у парадного подъезда” Некрасова и другие произведения, читал собственные стихи и первые прозаические опыты»[39]. Особо помогала ему в проведении вечеров Васса Захаровна: «Она с замечательным мастерством читала вслух стихи и прозу — рассказы, повести, романы, поэмы Некрасова. Однажды мы прослушали (в 1902 г.) в ее чтении “Евгения Онегина”. У нее был прекрасный слух и обаятельный по тембру голос; она чудесно пела старинные романсы: большею частью, это были стихи Лермонтова (“Выхожу один я на дорогу”), Некрасова (“Еду ли ночью”, “Маша”), Беранже (“Нищая” в переводе Курочкина) и другие в том же роде» [40]. Юный Евлахов оказался «первым “настоящим” поэтом в нашей среде», — вспоминал Леонид Петрович: «Я был в восхищении, когда одно его стихотворение (“Жизнь”[41]) появилось в местной газете. Покинув “Пароход”, он впоследствии присылал нам свои статьи, затем — монографии»[42]. Так что отцовский пример и пример, поданный другом отроческих лет, оказались не просто заразительными, но были вписаны и в собственную поэтическую «родословную», помогали выстроить внутреннюю «творческую перспективу», проследить ее генезис.

---

[37] Елена Петровна Семенова, в замужестве Жданова — старшая дочь П.Х. Семенова.
[38] Муж — Павел Иванович Жадёнов.
[39] Цит. по: Л.П. Семенов — историк и критик русской литературы. С. 5–6.
[40] Там же. С. 6.
[41] Стихотворение Евлахова было опубликовано в газете «Казбек» (1897. № 43).
[42] *Глыбов Л.* (*Семенов Л.П.*). Краткая история «Маяка» // Маяк. № 2 (30).

«Двойное привидение»

«Все мы с малых лет грешили — кто стихами, кто прозой»[43], — вспоминал Леонид Петрович. Все — это не только отец и сам Леонид, но и двое братьев Леонида — Всеволод (1891—1980; псевдоним «В. Злобин») и Сергей (1902—1985; псевдонимы «Сэр Гей», «Сергей Аргашев»), три сестры — Елена (1881—1954; псевдоним «Лена»), Нина (1894—1982; псевдоним «З. Адамова»), Христина (1896—1981; псевдоним «Е. Зарницына»).

Учеником реального училища Л.П. Семенов участвовал в школьном журнале «Наброски». Около 1902 г. он и Всеволод дебютировали в провинциальных и столичных изданиях шарадами, но и сами к концу жизни позабыли, где именно — в журнале «Вокруг света» или «Природа и люди» — были напечатаны их шарадные опыты. С лирическими стихами Леонид тоже поначалу попытался пробиться в печать, но безрезультатно. В 1916 г. он признается в письмах к М.О. Гершензону, что писал стихи «с детства», что «много лет назад, будучи наивным юношей, <…> пытался поместить свои стихи в больших журналах», но «без успеха»[44], что хотя «теперь … стихи зрелее», но он всё же и с ними не отважится стучаться в те же двери, поэтому, «как только закончится война», он издаст «в Москве сборник своих стихов»[45]. Но из-за революции и гражданской войны книга стихов так и не появилась. Хотя Семенов писал стихи всю жизнь, но лишь одно его стихотворение «Пленник», навеянное казачьими песнями, которые он еще в 1914 г. записывал у собственной тетушки, Анастасии Хрисанфовны Жадёновой[46], оказалось в 1917 г. напечатано во владикавказской газете «Вперед». Оно было републиковано мною в 1994 г. наряду со стихотворениями «Сон» (1917), «Коршун» (1917), «Лермонтов у гадалки» (1922)[47] в нью-йоркском «Новом журнале». Но поэту Семенову и тут не повезло: взявшийся напечатать стихи и мою преамбулу к ним главный редактор журнала Ю.Д. Кашкаров скончался. Редакция поместила семеновские стихи, но без всяких пояснений, вероятно, не обратив внимания на указанные годы жизни и спутав автора с известным поэтом Серебряного века.

---

[43] *Семенов Л.П.* Краткая история «Маяка».

[44] Письмо от 1 мая 1916 г. // ОР РГБ. Ф. 746 (М.О. Гершензон). Карт. 41. Ед. хр. 19. Л. 5об.

[45] Письмо от 11 апреля 1916 г. // Там же. Л. 3–3об.

[46] См.: *Габисова С.З.* Л.П. Семенов и фольклор // Л.П. Семенов — историк и критик русской литературы. С. 63.

[47] *Семенов Л.* Из цикла казачьих песен // Новый журнал. 1994. № 195. С. 127–131.

Действительно, уже само имя делало выступление в столичной печати начала XX столетия невозможным: поэт с таким именем уже существовал — внук Семенова-Тян-Шанского, сотоварищ Александра Блока, собеседник Льва Толстого, трагически погибший в 1917 г. Леонид Дмитриевич Семенов. В начале 2000-х гг., когда начнут формировать электронные каталоги РГБ, Леониду Дмитриевичу будут приписаны все научные дореволюционные работы Леонида Петровича. Потребуется мое личное вмешательство, чтобы восстановить истину.

Возможно, именно юношеская неудача со стихами натолкнула Семенова на идею стать главным редактором собственного семейного литературного альманаха «Маяк» и взять себе псевдоним. Так в семеновском домашнем кругу появился поэт и писатель «Л. Глыбов».

«Маяк» был задуман Леонидом Петровичем вместе с братом Всеволодом. Из очерка «Краткая история “Маяка”», написанного Семеновым, мы знаем, что первый номер вышел в июле 1908 г.: «Он занимал всего одну тетрадку (в 12 страниц…). Иллюстрациями были переводные картинки — с изображением маяка на первой странице». Журнал включал шутливые произведения в стихах и прозе. Затем, наряду с шутливыми (например, семеновской пародией «Блеют белые бараны / Бальмонт, Белый, Брюсов, Блок» на стихотворение К. Бальмонта «Вечер. Взморье. Вздохи ветра…»), стали появляться и серьезные тексты: новеллы, лирические стихотворения, переводы, статьи по археологии и о русской литературе. Журнал постепенно разрастался — юбилейный номер, приуроченный к 10-летию «Маяка», занимал уже две общие тетради. Весь поступавший материал Семенов как редактор переписывал от руки. Так было издано 28 номеров, а на номере, приуроченном к 1938 г., к тридцатилетию журнала, всё остановилось — на семью накатила волна репрессий: летом 1937 г. арестовали мужа Нины Петровны, Алибека Тахо-Годи (в октябре он был расстрелян), в канун 1938 г. арестовали саму Нину Петровну и отправили на 5 лет в лагеря, в начале Великой Отечественной расстрелян как бывший участник белого движении Иван Еланский, муж Христины Петровны. В холодный военный 1942 год погибли и все экземпляры «Маяка» — пошли на растопку в буржуйке.

Лишь благодаря двум послевоенным выпускам (№ 29 и № 30) мы знаем об истории альманаха и его содержании. В открывающей № 1 (29) «Маяка» рубрике «От редакции» говорилось: «Мы являемся свидетелями важного семейного события. Наш любимый, издававшийся с 1908 года, журнал “Маяк” снова выходит в свет. Преодолевая

тысячекилометровые пространства, луч "Маяка" с берегов Балтики[48] проникает в Москву[49], Пятигорск[50], Дзауджикау[51]. Он освещает путь на бурных волнах моря житейского и не только освещает, но и согревает сердца близких. Много бурь пронеслось над башней верного стража. В тяжелую годину испытаний (в 1942 г.) "Маяк" понес большие утраты, но, хотя погибли в огне войны почти все листы памятных его выпусков, уцелел сам "Маяк"». Из Владикавказа редакция альманаха официально переместилась в Ленинград. Здесь им занялся младший брат Семенова — Сергей Петрович вместе со своим сыном Леонидом Сергеевичем (1930–1985), в дальнейшем профессором исторического факультета Ленинградского университета[52], специалистом по русской истории — от хожения Афанасия Никитина[53], декабристского движения[54] до вопросов международной политики России на Ближнем Востоке в первой половине XIX в.[55] В 1947–1948 гг. Леонид Сергеевич входит в редакцию «Маяка», наряду с отцом и Леонидом Петровичем, и фигурирует на его страницах под своим домашним, романтично звучащим именем Наль (Налик) в память об одноименном ориенталистском романе писателя и художника Н.Н. Каразина[56]. Трудами Леонида Сергеевича рукописный журнал превратился в машинописный. Сами редакторы определяли жанр «Маяка» по-разному — чаще всего как журнал, но на обложке обоих выпусков значится: «семейный альманах». Действительно, в издании принимали участие практически все члены семьи разных поколений: тут и Наль со стихами о Кавказе, Ленинграде и из римской истории и поэмой об Александре Македонском; тут и переводы из Леконта де Лиля жены С.П.Семенова Аси; стихи Е.А.Зарницыной (Х.П.Семеновой-Еланской) и ее рассказ «Стена» (1947); под псевдонимом «Р. Рэтленд» (исторический двойник Шекспира) писала для «Маяка» стихи ее дочь, Алла Ивановна Еланская (1926–2005), в дальнейшем

[48] Имеется в виду Ленинград, где жил С.П. Семенов.

[49] Здесь жил В.П. Семенов.

[50] Здесь жила Х.П. Еланская.

[51] Название Владикавказа в 1940-е гг.

[52] О нем см.: *Фроянов И.Я., Марголис Ю.Д.* Памяти Л.С. Семенова // Вестник ЛГУ. 1986. Сер 2. Вып. 2. С. 127; Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 44–45, 53.

[53] *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина / Отв. ред. Р.Г. Скрынников. М., 1980; Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подготов. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л., 1986.

[54] Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Л.Б. Добринская, Л.С. Семенов. Л., 1982.

[55] *Семенов Л.С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л., 1963; *Семенов Л.С.* Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. / Под ред. А.Г. Скрынникова. Л., 1975.

[56] *Тахо-Годи А.А.* Жизнь и судьба. С. 526.

известный питерский коптолог[57]; Елена Петровна (в замужестве Жданова) представлена перепечаткой рассказ «Мираж», опубликованного в «Терских ведомостях» еще в 1912 г. (№ 17, 21 янв.).

Но журнал рассматривался не только как территория для самовыражения — он имел свою «литературную политику», что всего очевидней в текстах редакторов и в их решении отмечать в журнале важнейшие семейные юбилеи: в № 1 (29) отмечались 90-летие Петра Хрисанфовича (очерк «Памяти отца»), 60-летие Леонида Петровича (отсюда — перепечатка газетных материалов 1946–1947 гг. о Л.П. Семенове и его научно-педагогической деятельности), 45-летие Сергея Петровича, а в № 2 (30) — 85-летие Вассы Захаровны (очерк «Памяти мамы»), литературные юбилеи Елены Петровны и Всеволода Петровича и 40-летие самого «Маяка».

Выпуск № 1 (29) открывался полушутливой статьей «Наша семья в науке и литературе», где род Семеновых сополагался с историями известных семейств из ученого и литературного мира: тут фигурировали семьи Майковых, Веселовских, Брюсовых, Семеновых-Тян-Шанских (примечательно, что поэт Леонид Семенов среди видных представителей этого семейства не упоминался). Той же цели — встраивания в культурный контекст — служили очерк Леонида Петровича «Лермонтов в нашей семье» и заметка Сергея Петровича «Семейный журнал в русской литературе», рассказывающая о предшественниках «Маяка» — семейном журнале Майковых «Подснежник», а также блоковском журнале «Вестник». «Приведенные нами примеры можно умножить: семейный российский альманах еще ждет своего исследователя», — заключал свои размышления автор. Хотя «Опыт семейной фразеологии», подписанный псевдонимом С. Аргашев, был помещен в юмористическом отделе, но его цель, как и эпиграф из Л.Н.Толстого — «Между людьми одного семейства устанавливается свой язык, свои обороты речи, даже слова, которые для других не существуют», — вполне серьезна: домашний быт приобретает характер литературного факта. В «словаре» есть и слово «Пароход», которое определяется как «историческое здание, где с 1908 г. по 1938[58] г. помещалась редакция “Маяка”; одновременно — резиденция Л. Глыбова»[59].

---

[57] Памяти Аллы Ивановны Еланской (1926–2005) // Вестник древней истории. 2006. № 2 (257). С. 232–233; *Хосроев А.Л.* А.И. Еланская // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 257–258.

[58] В тексте ошибочно указан 1933 г.

[59] Среди подобных домашних выражений, к примеру, «рукастая кошка» (иносказательно «домашний вор»): «Если затерялась, пропала в доме вещь и неудобно назвать виновного, говорят: “виновата рукастая кошка”»; «Совы падают редко — Глыбов

№ 2 (30) за 1948 г. открывался написанной Леонидом Петровичем «Краткой историей “Маяка”», где «Маяк» вновь возводится к традициям рукописных журналов и семейных альманахов XIX в. Ему вторил Наль заметкой «Из истории семейных журналов и альманахов. Журнал И.П. Павлова “Попался”», соотнося журнал И.П. Павлова с «Маяком». Леонид Петрович сопоставлял «Маяк» и с юмористической газетой «Фрамсия», выходившей на корабле «Фрам» Фритьофа Нансена. Такая параллель восходила к организованному летом 1925 г. Алибеком Тахо-Годи посещении Ф. Нансеном семеновского дома по дороге в Дагестан. Великий норвежец прожил у Семеновых два дня и получил в дар поэтический сборник «Парида» Сергея Аргашева с посвящением от автора: «Упоминание о знаменитом путешественнике тем более необходимо, что он, в сопровождении личного секретаря, посетил около 20 лет назад “Пароход”, на котором был встречен делегацией редакции и получил на память “Париду” с авторским посвящением. По нашему мнению, посещение Нансеном наших мест мотивировалось двумя причинами — желанием встретиться с редакцией содружественного журнала и ознакомиться с устройством “Парохода”, имеющего много общего со славным “Фрамом”»[60]. В этом же выпуске Леонид Петрович помещает уже сугубо шутливый текст о «Маяке» — «Чудеса света», где «Маяк» объявляется новоявленным девятым чудом света. Пародируют научный стиль такие тексты, как «Пушкин и карты» (Глыбов и Аргашев), «Образ Нэры в мировой литературе» (Глыбов). Заметка «Экспромты Злобина» (Глыбов) приурочена к 45-летию литературной деятельности Всеволода Петровича, математика по профессии, ограничившегося в своем творчестве исключительно домашним кругом. Правда, в посвященном ему юбилейном очерке (С. Аргашев) рассказывается исторический (?) анекдот о якобы имевшем место литературном поединке с А. Аверченко: «Некогда (около 1912) в Кисловодске состоялась историческая встреча двух выдающихся юмористов: В. Злобина и А. Аверченко. Последний был побежден Злобиным в литературном состязании, в смущении закрылся от

в шутку переставил части слова “сов/падение” в “падение сов”. Совпадения — редки. Отсюда фраза: “совы падают редко”»; «Довольно о Костомарове» (означает: «прекратите надоевший разговор»): «По свидетельству В.Ф. Раздорского, некий преусердный ученик городского владикавказского училища всякий раз, как речь в классе заходила о Димитрии Самозванце, прибавлял: “А по Костомарову Гришку сожгли, пеплом пушку зарядили и выстрелили”. Когда ученик выступил в пятый или шестой раз, педагог, вне себя, ударил кулаком по столу и рявкнул: “Довольно о Костомарове”».

[60] *Семенов Л.П.* Краткая история «Маяка».

окружающих газетой, да так и снялся на заглавной странице одной из своих книг: дескать, куда уж мне, бедному Аркадию, до Злобина!»

Взяв на себя редакцию «Маяка», Сергей Петрович еще более полномасштабно отметил 30-летие собственной литературной деятельности. Из всех членов семеновского семейства он активнее других пытался утвердиться в «большой» литературе. В 1917 г., в 15 лет, опубликовал стихи во владикавказском журнале-однодневке «Голос юности», а в 1924 г., двадцатидвухлетним, выпустил в Москве поэтический сборник «Парида», хотя и под псевдонимом «С. Аргашев», но с предисловием В. Брюсова. Теперь в «Маяке» появились очерк «Сергей Аргашев (Жизнь и творчество)», перечень печатных литературных трудов и библиографических сведений об авторе, стихи 1943–1944 гг., рассказы «Учитель романтики» и «Дом с Тамаринами», поздравительный адрес от Е. Зарницыной и Р. Рэтленд (от Х.П. и А.И. Еланских), выражавших уверенность, что «под его руководством “Маяк” завоюет себе видное место в истории семейных журналов», а также «Curriculum vitae Сергея Петровича Семенова, доцента, кандидата технических наук» со списком трудов ученого, готовящегося к защите докторской диссертации. Здесь же помещено и адресованное ему стихотворение «Легкою предстанет переправа…» В.А. Меркурьевой[61].

Связь с владикавказским поэтическим кружком «Вертеп» (1922–1925), возникшим вокруг вернувшейся из Москвы поэтессы В.А. Меркурьевой, в революционное лихолетье близко сошедшейся с Вяч. Ивановым, — важный сюжет в литературных биографиях братьев Семеновых[62]. Степень близости Леонида Петровича к кружку на сегодняшний день не вполне ясна. Известно, что в 1926 г. он содействовал выходу в свет сборника «Золотая Зурна» — единственного печатного издания «Вертепа». Недаром на подаренном ему 3 ноября 1926 г. экземпляре авторы написали: «Нашему сотруднику и со-мученику — уважаемому Леониду Петровичу Семенову»[63]. Судя по обращенному к Михаилу Слободскому стихотворению Меркурьевой «Онегинская строфа» (4/17 июля 1926 г.), Семенов

[61] *Меркурьева В.А.* Тщета. Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. В.А. Резвого; статья М.Л. Гаспарова. М., 2007. С. 459. Авторская датировка стихотворения — 7/20 сентября 1927 г.

[62] *Тахо-Годи Е.А.* «Поэт под инженерным кэпи…» (О Сергее Аргашеве, Валерии Брюсове, Вере Меркурьевой и некоторых других, а также о пользе семейных преданий и архивов) // Тахо-Годи Е.А. Великие и безвестные: Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв. СПб., 2008. С. 625–652.

[63] Там же. С. 648.

привлек к изданию сочинений «вертеповцев» своего шурина — Алибека Тахо-Годи[64].

Как, когда и благодаря кому пересеклись пути Меркурьевой и братьев Семеновых? Письмо от 21 мая 1927 г. Сергея Семенова, посланное Вяч. Иванову в Рим, на этот вопрос ответа не дает. «Если Вы помните, — писал Сергей Семенов Вяч. Иванову, — мы встречались с Вами в мае 1924 года, когда я доставил Вам вести от В.А. Меркурьевой о работе ее поэтической группы. Тогда же я услышал от Вас отзыв и о прочитанных мною стихах — объективный, меткий и во многом верный. Следуя Вашему совету, я познакомился с Верой Александровной и в 1925 г. вошел в ее литературное объединение». К письму он приложил сборник «Золотая зурна» и свою «Париду»[65], снабдив ее дарственной надписью: «Многоуважаемому Вячеславу Ивановичу — в память бакинских бесед. Сергей Аргашев. Баку 21.V.27»[66].

В кругу Меркурьевой на удивление серьезно относились к вопросу о месте и значении поэтического творчества Сергея Семенова-Аргашева. Поэт и библиограф Е.Я. Архиппов, ближайший к Меркурьевой человек, рассказывая поэту и переводчику Д.С. Усову о своих беседах и спорах с Верой Александровной, писал 5 сентября 1931 г.: «О чем споры? Всё о том же: отношение к людям, к миру, к современности, оценка отдельных людей, оценка поэтов: Пастернак, Маяковский, Корнилов, Аргашев, Кочетков и другие»[67]. Такое неожиданное сопряжение имен говорит само за себя.

Не исключено, что посредником между Меркурьевой и Семеновыми был зоолог Давид Абрамович Тарноградский. Выпускник Сорбонны, друживший с художником Ю. Анненковым, скульптором О. Цадкиным и писателем И. Эренбургом, Тарноградский учился в одном классе реального училища вместе с двоюродным братом Семеновых, Владимиром Федоровичем Раздорским (1883–1955). Став ботаником, Раздорский основал в 1918 г. во Владикавказе Горский сельскохозяйственный институт (ГСХИ), где затем они работали вместе. В начале 1920-х гг. живший в Баку брат Тарноградского, будучи врачом, лечил осенью 1921 г. заболевшую тифом

---

[64] Там же. С. 650.

[65] *Аргашев С.* I. Парида (повесть IX в). II. Цветы на льду (Дагестанская лирика). III. Песни о вождях. Предисловие В.Я. Брюсова. М., 1924. 80 с.

[66] См.: *Тахо-Годи Е.А.* Вяч. Иванов и его бакинские корреспонденты — А.М. Евлахов и С.П. Семенов (Аргашев) // Donum homini universali: Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М., 2011. С. 359–372.

[67] *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус. Сочинения и письма: В 2-х т. / Сост., подгот. текста, статья и коммент. Т.Ф. Нешумовой. Т. 2: Письма. М., 2016. С. 357.

дочь Вяч. Иванова, Лидию[68], а в 1923 г. — дочь Нины Петровны Тахо-Годи[69]. Имя Давида Абрамовича фигурирует в письме от 17 июля 1921 г. Вяч. Иванова к Меркурьевой[70]. С 1909 г. Давид Абрамович поддерживал дружеские отношения и с Архипповым. Изготовленные Архипповым рукописные книжечки-тетрадки он в 1960-е гг. давал читать племяннице братьев Семеновых, профессору Муминат Алибековне Тахо-Годи (а автор этих строк получал для своей детской библиотеки книги с забавной подписью «От дяди О-ля-ля»).

Судя по письму Леонида Семенова к М.О. Гершензону, до революции он с Архипповым знаком не был. Но есть свидетельства более позднего времени, подтверждающие их встречи. 6 августа 1931 г. Архиппов, рассказывая Д.С. Усову о житье-бытье Меркурьевой во Владикавказе, упоминает его имя среди имен общих знакомых: «Дом (комната) Верочки — тоже Дом Поэта. Он — на каком-то скрещенье дорог, и здесь постоянно появляются: Катя, Михаил Иванович, Давид [Тарноградский] (его институт Г. С. Х. И. — против Линейной церкви), Л. Семенов, Аргашев (!)»[71]. О связях с семьей Архиппова свидетельствует и учебник русского языка для осетинской начальной школы для 4 класса 1938 г., переиздававшийся трижды — в 1941, 1944 и 1947 гг.[72] К поэзии он не имеет отношения, но к личным отношениям — самое прямое: из троих соавторов одна — жена Архиппова Клавдия Лукьяновна, а другая — сестра братьев Семеновых Елена Петровна Жданова.

Но если мы не знаем даты знакомства, то точно известно, что 24 сентября 1932 г. состоялся вечер-прощание с уезжающей из Владикавказа Меркурьевой. На этом вечере присутствовал и Леонид Семенов, причем, судя по записям Архиппова, не просто присутствовал, но и произносил речь в честь Веры Александровны и 45-летия ее творческой деятельности[73]. К сожалению, ничего о содержании этой речи нам неизвестно.

Материалы «Маяка» позволяют узнать и о других неожиданных контактах, в том числе научных. Перепечатанные в «Маяке» официальные материалы к 60-летию Л.П. Семенова свидетельствуют о его обмене письмами с профессором Кембриджского университета

---

[68] *Иванова Л.В.* Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 99.

[69] *Тахо-Годи Е.А.* «Поэт под инженерным кэпи…». С. 643.

[70] См.: *Петросов К.Г.* Письма Вяч. Иванова В.А. Меркурьевой // Русская литература. 1991. № 1. С. 178.

[71] *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус. С. 355.

[72] *Жданова Е., Архипова К., Кокоева Р.* Учебник русского языка для осетинской начальной школы. [Орджоникидзе], 1938. 200 с.

[73] *Архиппов Е.Я.* Рассыпанный стеклярус. Т. 1: Стихотворения и проза. С. 217.

сэром Эллисом Ховеллом Миннзом (Ellis Hovell Minns, 1874–1953), который консультировался с Семеновым как археологом. Благодаря «Маяку» можно узнать, что своим домашним литературным псевдонимом «Л. Глыбов» он пользовался и в газетных публикациях — так подписана статья «И свет во тьме светит. (Памяти Л. Толстого)», напечатанная к 90-летию со дня рождения писателя во владикавказской газете «Революционный Горец» (№ 7 за 20 ноября 1918 г.) и зафиксированная в «Библиографии произведений Л. Толстого и литературы о нем: 1917–1927»[74]. Под псевдонимом «Л. Глыбов» была издана и статья к 100-летию Тургенева (она пока не выявлена). Возможно, были и другие публикации, но они нигде не фигурируют — время приучало к скрытности.

Недаром в воспоминаниях А.А. Тахо-Годи Семенов 1940-х — 1950-х гг. запечатлен как замкнутый, осторожный, погруженный в науку «тихий ироник», но одновременно и как «праведный человек», обладавший «каким-то неведомым тайным мужеством»[75], «как человек благороднейший, настоящий рыцарь без страха и упрека, каких он сам любил в юности»[76]. Особо это ощутимо в описании его самого и его комнаты 1940-х гг.: «Дядюшка-то бессребреник, гонорары за свои статьи в местных газетах не берет — ему стыдно. Библиотеку института пополняет на свои личные средства <…>, детей Нины приютил, не побоялся, а придет время, и самою Нину примет в дом, и деньги сохранит, посылая, как просила сестра, студентке Азочке, и младшую горячо полюбит и научит искусству научной работы. <…> Сидит дядя Леня за шкафами с книгами, в шатком креслице, а то и просто на стуле — это его кабинет. На письменном столе, что характерно, ничего, кроме чернильницы простой, стаканчика для ручки и карандашей. И это не случайно — скрытность, выработанная тяжелыми временами, никаких рукописей на виду, никаких книг на виду — все спрятано в стол или шкафчик, на котором только трехтомный энциклопедический словарь и казенного типа лампа, да и над письменным столом лампочка висит сиротливая с какой-то приколотой картонкой, — абажурчик якобы. И все шкафы под замком, и стекла в них занавешены изнутри, не дознавайся, что за книги»[77].

---

[74] *Покровская (Хаймович) Н.Д.* Л.Н. Толстой: Библиография произведений Л. Толстого и литературы о нем. 1917–1927 / Под ред. Н.К. Пиксанова // Толстой и о Толстом: Новые материалы. Сб. 4. М., 1928. С. 127. Об этом см.: *Тахо-Годи Е.А.* Литературная предыстория псевдонима ученого: Л.П. Семенъов — Глыбов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 6. С. 127–133.

[75] *Тахо-Годи А.А.* Жизнь и судьба. С. 174.

[76] Там же.

[77] Там же. С. 183–184.

И тут уместнее всего вспомнить про семеновский псевдоним, тем более что благодаря «Маяку» известен его источник. Фамилия «Глыбов» была взята из раннего рассказа Всеволода Соловьева «Двойное привидение» (1879). Сюжет причудлив: два студента — рассказчик и его приятель Глыбов — случайно попадают в дом, где, как выясняется, давно живет страшное привидение. Разогретое воображение требует новой пищи, и студенты решают провести ночь в странном доме. Рассказчик приезжает к Глыбову, они вместе отправляются в дом, но во время ночного бдения Глыбов вдруг оказывается не кем иным, как тем самым привидением, о котором повествовал студентам старик-сторож. Едва не обезумев от пережитого ужаса, герой находит в себе силы на следующий день поехать в дом Глыбова — узнать, что же случилось с его другом. И вот тут читательские ожидания полностью оказываются обмануты — Глыбов не погиб, не умер и даже не разыгрывал из себя привидение: по свидетельству домочадцев, он вообще никуда не уходил и, не дождавшись вечером прихода приятеля, мирно проспал всю ночь у себя в постели. Вопрос: кто же был с героем в старом доме ночью — Глыбов или настоящее привидение, принявшее его облик, — так и остается без ответа.

Леонида Семенова, очевидно, привлекло в рассказе причудливое совмещение страшного и смешного, мемуарного и приключенческого, романтического и реалистического. Это вполне отвечало его натуре, склонной одновременно к иронии, шутке и глубоко затаенной печали. Печаль находила выход в лирике, а ирония — в шутливых стихах и различных домашних словечках, употребление которых культивировалось в семеновском кругу. Вместе с тем, хотя образ соловьевского Глыбова и двоился, по сути он оставался самим собой — верным другом, а вовсе не пустым шутником или жутким видением. Остаться самим собой мечтал и сам Семенов — и как человек, и как литературовед, и как поэт — и в юности, и в те годы, когда история принялась испытывать людей на прочность.

Стихи Леонид Семенов писал всю жизнь, но если шуточные были достоянием всего семейного круга, то лирика — интимным и сокровенным, как и причины душевного кризиса 1912 г., заставившего его бросить учебу в Харьковском университете (диплом о высшем образовании он получит лишь в 40-летнем возрасте). Тайная любовная драма — это только предположение, основанное на отказе от какой-либо личной жизни. Вычислить личную биографию по семеновским стихам невозможно: «я» в его стихах — это скорее «призрак», «двойное привидение», в котором нельзя уловить

конкретные приметы. Показательно, что и в письмах к Гершензону 1916 г. тридцатилетний корреспондент вполне осознанно скажет, что даже в письмах писать о себе самом неинтересно. Интересна наука, сама жизнь, но «я» — абсолютно закрытая тема. Отсюда важная черта его лирики — преобладание внешнего мира, вытесняющее всё личное на второй план или вообще за пределы текста.

Так как рассматриваемый на нашем семинаре «Институции литературного успеха в русском модернизме» период ограничивается эпохой Серебряного века, то остановлюсь только на лирике этого времени. О чем стихи этих лет? Перед нами прежде всего пейзажные зарисовки, часто элегического характера («В лес войди осеннею порою…»). Эти зарисовки имеют зачастую аллегорический характер — возникает параллелизм увядания или умирания в природе с умиранием души поэта или его надежд на счастье («Поет весна, цветет весна….», «Осыпана снегом, нежна и бела…»). Такой параллелизм сопряжен не только с природными явлениями, но и с предметами вещного мира («Монета»). Еще до всех исторических катаклизмов 1917 г. Леонид Семенов размышлял о своей будущей судьбе в достаточно минорных тонах. Далее, очевидно влияние казачьего быта и фольклора, хорошо знакомого Семенову с детства («Пленник»). Стихотворения-рассказы, чем-то напоминающие повествовательную поэзию А. Апухтина, например стихотворение о детской комнате, опустевшей после смерти маленькой хозяйки («Умерла резвушка…»). Есть среди стихов и отклики на исторические события — на Первую мировую войну, но изображение современности далеко от публицистики — оно дано с иной, интимной перспективы («Возвращение с войны», «А.В. Соболевскому»). А о филологии напоминают стихи о любимых поэтах, среди которых не только Лермонтов, но и К. Бальмонт, что кажется неожиданным на фоне пародирования бальмонтовских строк в журнале «Маяк».

Возможно, не случись революции, Леонид Семенов и нашел бы себя как поэта или, во всяком случае, приложил бы к этому больше усилий. Может быть, он издал бы поэтический сборник и на этом остановился, как его давний знакомый профессор Варшавского университета Александр Евлахов. Не думаю, чтобы поэзия вытеснила из его жизни литературоведение. Она была для него отдушиной, такой необходимой в самые трудные советские годы, когда уничтожалось всё самое дорогое — культура, религия, казачий быт. Недаром именно в 1920-е гг. он вдруг решает заняться археологией. Это тоже был поиск духовной свободы, которой литературоведение в советские годы уже обеспечить не могло. Впрочем, в 1940-е гг. и археоло-

гия стала опасна: после высылки чеченцев и ингушей семеновские работы на эти темы надо было предать забвению. Приходилось становиться библиофилом, «хранителем древностей» — не только собирать лермонтовскую коллекцию, но и возвращать прошлое, свою юность через собирание любимых поэтов Серебряного века. К сожалению, это небольшое, но замечательное собрание поэтических книг конца XIX — начала XX столетия ныне утрачено, включая 6-томное собрание сочинений Случевского, с которого начиналось мое собственное «случевсковедение». Сохранилось ничтожно мало, например «Камень» О. Мандельштама. Записные блокноты со стихами Семенова еще целы, но если и они пропадут, то о Семенове как поэте так никто никогда и не узнает или узнает только по прилагаемой к нашей статье небольшой публикации. Да и полностью ли сохранилось к нашему времени поэтическое наследие Семенова? В этом начинаешь сомневаться, когда читаешь: «Было нечто глубоко романтическое в личности этого скромнейшего и добрейшего человека, таинственные глубины души которого никто так и не осознал. Но я еще юной девицей прочитала непонятным образом попавшие ко мне стихи Леонида Петровича (они бесследно исчезли вместе со всеми моими бумагами при аресте отца), почувствовала дыхание каких-то странных миров, тоски нездешней»[78].

Всеволод Семенов, любитель эпиграмм и острослов, неслучайно скрывавшийся в «Маяке» под псевдонимом Злобин, в первом номере возобновленного журнала написал 27 апреля 1947 г. в адрес брата эпиграмму гораздо более горькую, нежели веселую:

Глыбову

Любитель книг и старины,
Ты не поэт своей эпохи.
Кому стихи твои нужны,
Хотя они не очень плохи?
Судьбой безжалостно гоним,
Вкусил ты больше зла, чем блага,
И что наследникам твоим
Потом достанется? … Бумага.

[78] Там же. С. 13–14.

Литература

Аверинцев С.С. Вячеслав Иванов // Иванов В.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. С. 5–62. (Б-ка поэта. Малая серия).

Аргашев С. Парида (повесть IX в.). II. Цветы на льду (Дагестанская лирика). III. Песни о вождях / Предисл. В. Брюсова. М.: Всесоюзная научная ассоциация востоковедения, 1924. 80 с.

Архиппов Е.Я. Рассыпанный стеклярус. Сочинения и письма: В 2 т. / Сост., подгот. текста, статья и коммент. Т.Ф. Нешумовой. М.: Водолей, 2016. 656, 832 с.

Вацуро В.Э. М.Ю. Лермонтов // Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л.: Наука, 1976. С. 210–248.

Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Л.Б. Добринская, Л.С. Семенов. Л.: Лениздат, 1982. 400 с.

Виноградов В.Б. Леонид Петрович Семенов (1886–1959) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский ГПИ, 2003. С. 265–268.

Дурылин С.Н. Л. Семенов. Лермонтов и Лев Толстой. Москва, 1914 // Путь. 1914. № 3. С. 70.

Иванова Л.В. Воспоминания: Книга об отце. М.: РИК «Культура», 1992. 428 с.

Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 387 с.

Л.П. Семенов — историк и критик русской литературы. Учебное пособие / Науч. ред. М.А. Тахо-Годи. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. 100 с.

Л.П. Семенов. От музея «Домик Лермонтова» (Некролог) // Михаил Юрьевич Лермонтов. Сб. статей и материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1960. С. 5–28.

Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Исследования 1900–2007 годов: Антология: В 2 т. / Сост. К.Э. Штайн. Изд. 2-е, испр., доп. Т. 1. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. 776 с. (Филологическая книга СГУ).

М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и сост. И.А. Киселева М.: Индрик, 2014. 940 с.

Мануйлов В.А. Персональная энциклопедия как тип издания (по материалам подготовки Лермонтовской энциклопедии) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М.: Книга, 1964. С. 263–269.

Мануйлов В.А. Семенов Л.П. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 743.

Меркурьева В.А. Тщета: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. В.А. Резвого; статья М.Л. Гаспарова. М.: Водолей Publishers, 2007. 608 с.

Нарожный Е.И. Библиография Л.П. Семенова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский ГПИ, 2003. С. 269–270.

Научное наследие Л.П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1988. 152 с.

Новиков В.И. Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии // Новый мир. 2001. № 6. С. 167–178.

Отчеты о деятельности Осетинского Историко-Филологического общества за всё время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 146–192.

Памяти Аллы Ивановны Еланской (1926–2005) // Вестник древней истории. 2006. № 2 (257). С. 232–233.

Петросов К.Г. Письма Вяч. Иванова В.А. Меркурьевой // Русская литература. 1991. № 1. С. 176–180.

Покровская (Хаймович) Н.Д. Л.Н. Толстой: Библиография произведений Л. Толстого и литературы о нем. 1917–1927 / Под ред. Н.К. Пиксанова // Толстой и о Толстом: Новые материалы. Сб. 4. М.: Изд. Толстовского Музея, 1928. С. 19–198.

Пумпянский Л.В. Стиховая речь Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. СПб.: РХГИ, 2002. С. 581–606.

Семенов Л. Из цикла казачьих песен // Новый журнал. 1994. № 195. С. 127–131.

Семенов Л.П. А.А. Голенищев-Кутузов. Посмертное издание сочинений. Библиография // Филологические записки. 1917. Вып. 1. С. 106–114.

Семенов Л.П. «Ангел»: Очерк поэзии Лермонтова // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. XIX. Памяти проф. Е.К. Редина. Харьков, 1913. С. 263–298.

Семенов Л.П. Государственный Научный музей города Владикавказа при Северо-Кавказском Институте краеведения: Краткий очерк истории и деятельности. Владикавказ, 1925. 24 с.

Семенов Л.П. К вопросу о влиянии Марлинского на Лермонтова // Филологические записки. 1914. Вып. 5–6. С. 614–639.

Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск: Крайиздат, 1941. 97 с.

Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск — Орджоникидзе: Крайиздат, 1939. 218 с.

Семенов Л.П. Н.А. Благовещенский на Кавказе. К 40-летию со дня смерти // Сборник научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Вып. 1. Владикавказ, 1929. С. 34–41.

Семенов Л.П. О «Хаджи-Мурате» Л. Толстого // Вестник Харьковского историко-филологического общества. 1914. Вып. 5. С. 6–13.

Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина / Отв. ред. Р.Г. Скрынников. М.: Наука, 1980. 144 с. (История науки и техники).

Семенов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в. / Под ред. Р.Г. Скрынникова. Л.: Издательство ЛГУ, 1975. 166 с.

Семенов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 142 с.

Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев и Т.Б. Князевская // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 9. М.: Водолей, 2009. С. 66–72.

Тахо-Годи А.А. Жизнь и судьба. Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. 692 с.

Тахо-Годи Е.А. Великие и безвестные: Очерки по русской литературе и культуре XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 700 с.

Тахо-Годи Е.А. Вяч. Иванов и его бакинские корреспонденты — А.М. Евлахов и С.П. Семенов (Аргашев) // Donum homini universali: Сборник статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 359–372.

Тахо-Годи Е.А. Литературная предыстория псевдонима ученого: Л.П. Семенов — Глыбов // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 6. С. 127–133.

Тахо-Годи Е.А. Семенов П.Х. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 560–561.

Тахо-Годи Е.А. Творчество Лермонтова в исследованиях профессора Л.П. Семенова // Мир Лермонтова / Под ред. М.Н. Виролайнен и А.А. Карпова. СПб.: Скрипториум, 2015. С. 924–932.

Тахо-Годи Е.А. Три письма Л.П. Семенова к М.О. Гершензону (материалы к биографии ученого) // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции / Под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 67–73.

Тахо-Годи Е.А. «Шлю Вам дружеский привет»: О письмах Л.П. Семенова к М.К. Азадовскому // Россия и Запад: Сборник статей в честь 70-летия К.М. Азадовского. М.: НЛО, 2011. С. 464–475.

Фроянов И.Я., Марголис Ю.Д. Памяти Л.С. Семенова // Вестник ЛГУ. 1986. Сер 2. Вып. 2. С. 127.

Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Отв. ред. Я. С. Лурье. Л.: Наука, 1986. 214 с. (Литературные памятники).

Хосроев А.Л. А.И. Еланская // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 257–258.

Чупринин С.И. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. М.: Время, 2007. 766 с.

Эйхенбаум Б.М. Л.П. Семенов. Лермонтов на Кавказе // Звезда. 1940. № 12. С. 180–181.

References

Argashev S. *Parida (povest' IX v.). II. Tzvety na l'du (Dagesyanskaja lirika). III. Pesni o vozhdiah* [I. Parida (a story from the 9th century). II. Flowers on ice (Dagestan lyrics). III. Songs about leaders], intro. by V. Bryusov. Moscow, All-Union Scientific Association of Oriental Studies Publ., 1924. 80 p. (In Russ.)

Arkhippov E.Ia. *Rassypannyi stekliarus. Sochineniia i pis'ma: V 2 t.* [Scattered glass beads. Works and letters: in 2 vols.], comp. and comment by T.F. Neshumova. Moscow, Vodolei Publ., 2016. 656, 832 p. (In Russ.)

Averintsev S.S. Viacheslav Ivanov. Ivanov V.I. *Stihotvorenia i poemy* [Lyrics and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1976, pp. 5–62. (In Russ.)

Chuprinin S.I. *Zhizn' po poniatiiam: russkaia literatura segodnia* [Life by the rules: Russian literature today]. Moscow, Vremya Publ., 2007. 766 p. (In Russ.)

Durylin S.N. L. Semenov. Lermontov i Lev Tolstoy. Moskva, 1914 [L. Semenov. Lermontov and Leo Tolstoy. Moscow, 1914]. *Put'*, 1914, no. 3, pp. 70. (In Russ.)

Eichenbaum B.M. L.P. Semenov. Lermontov na Kavkaze [L.P. Semenov. Lermontov in the Caucasus]. *Zvezda*, 1940, no. 12, pp. 180–181. (In Russ.)

Froyanov I.Ya., Margolis Yu.D. In memory of L.S. Semenov. *Vestnik LGU*, 1986, Series. 2, Issue. 2, pp. 127. (In Russ.)

Istoricheskii fakul'tet Sankt-Pereburgskogo universiteta. 1934–2004: Ocherk istorii [Faculty of History, St. Petersburg University. 1934–2004: Historical outline], ed. by A.Yu. Dvornichenko. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004. 387 p. (In Russ.)

Ivanova L.V. *Vospominaniia: Kniga ob otse* [Memoirs: A book about my father]. Moscow, Kultura Publ., 1992. 428 p. (In Russ.)

Khosroev A.L. A.I. Elanskaia. *Pravoslavnaia entsiklopedia. T. 18* [Orthodox encyclopedia. Vol. 18]. Moscow, "Pravoslavnaia entsiklopedia" Center Publ., 2008, pp. 257–258. (In Russ.)

Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina [Athanasius Nikitin's journey beyond three seas], ed. by Ya.S. Lurie and L.S. Semenov. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 214 p. (In Russ.)

L.P. Semenov — istorik i kritik russkoi literatury: Uchebnoe posobie [L.P. Semenov — historian and critic of Russian literature: Tutorial], ed. by M.A. Takho-Godi. Ordzhonikidze, North Ossetia State University Publ., 1986. 100 p. (In Russ.)

L.P. Semenov. Ot muzeia "Domik Lermontova" (Nekrolog) [L.P. Semenov. From the "Lermontov's House" museum (Obituary)]. *Mikhail Iur'evich Lermontov. Sb. statei i materialov* [Mikhail Yurievich Lermontov. Collection of articles and materials]. Stavropol, Book Publ., 1960, pp. 5–28. (In Russ.)

Lermontovskii tekst: Stavropol'skie issledovateli o zhizni i tvorchestve M.Iu. Lermontova: Issledovaniia 1900–2007 godov: Antologiia: V 2 t. T. 1 [Lermontov text: Stavropol researchers on M.Yu. Lermontov's life and oeuvre: Studies 1900–2007: An anthology: In 2 vols. Vol. 1], comp. by K.E. Stein. 2nd ed. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2007. 776 p. (In Russ.)

M.Iu. Lermontov. Entsiklopedicheskii slovar' [M.Yu. Lermontov. Encyclopedic dictionary], comp. and ed. by I.A. Kiseleva. Moscow, Indrik Publ., 2014. 940 p. (In Russ.)

Manuilov V.A. Personal'naia entsiklopediia kak tip izdaniia (po materialam podgotovki Lermontovskoi entsiklopedii) [Personal encyclopedia as a type of publication (based on preparatory materials for the Lermontov encyclopedia)]. *Kniga: Issledovaniia i materialy. Sb. 11* [Book: Studies and materials. Issue. 11]. Moscow, Kniga Publ., 1964, pp. 263–269. (In Russ.)

Manuilov V.A. Semenov L.P. *Kratkaia literaturnaia entsiklopedia. T. 6* [Concise literary encyclopedia. Vol. 6]. Moscow, Sovetskaia entsyklopedia Publ., 1971, pp. 743. (In Russ.)

Merkurieva V.A. *Tshcheta: Sobranie stihotvorenii* [Vanity. A collection of poems], comp., ed. and notes by V.A. Rezvy, article by M.L. Gasparov. Moscow, Vodolei Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)

Narozhnyi E. I. Bibliografiia L.P. Semenova [L.P. Semenov's bibliography]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 2* [Materials and studies on archeology of the North Caucasus. Issue. 2]. Armavir, Armavir State Pedagogical University Publ., 2003, pp. 269–270. (In Russ.)

Nauchnoe nasledie L.P Semenova i problemy kompleksnogo izucheniia literatury i kultury Severnogo Kavkaza [L.P. Semenov's scientific heritage and problems of comprehensive study of literature and culture of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, North Ossetia State University Publ., 1988. 152 p. (In Russ.)

Novikov V. I. Nos habebit humus. Rekviem po filologicheskoi poezii [Nos habebit humus. Requiem for philological poetry]. *Novyi mir*, 2001, no. 6, pp. 167–178. (In Russ.)

Otchety o deiatel'nosti Osetinskogo Istoriko-Filologicheskogo obshchestva za vse vremia ego sushchestvovaniia (28 apr. 1919 — 1 mar. 1925 g.) [Reports on the activities of the Ossetian Historical and Philological Society for the entire period of its existence (April 28, 1919 — March 1, 1925)]. *Izvestiia SOIGSI*, 2007, Iss. 1 (40), pp. 146–192. (In Russ.)

Pamiati Ally Ivanovny Elanskoi (1926–2005) [In memory of Alla Ivanovna Yelanskaya (1926–2005)]. *Vestnik drevnei istorii*, 2006, no. 2 (257), pp. 232–233. (In Russ.)

Petrosov K.G. Pis'ma Viach. Ivanova V.A. Merkur'evoi [Vyach. Ivanov's letters to V.A. Merkuryeva]. *Russkaia literatura*, 1991, no. 1, pp. 176–180. (In Russ.)

Pokrovskaia (Khaimovich) N.D. L.N. Tolstoi: Bibliografiia proizvedenii L. Tolstogo i literatury o nem. 1917–1927 [L.N. Tolstoy: Bibliography of Tolstoy's works and literature about him. 1917–1927], ed. by N.K. Piksanov. *Tolstoi i o Tolstom: Novye materialy. Sb. 4* [Tolstoy and about Tolstoy: New materials. Coll. 4]. Moscow, Tolstoy Museum Publ., 1928, pp. 19–198. (In Russ.)

Pumpianskii L.V. Stikhovaia rech' Lermontova [Lermontov's poetic speech]. *M.Iu. Lermontov: pro et contra*, comp. by V.M. Markovich, G.E. Potapova. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanities Publ., 2002, pp. 581–606. (In Russ.)

Semenov L. Iz tsikla kazach'ikh pesen [From the cycle of Cossack songs]. *The New Review,* 1994, no. 195, pp. 127–131. (In Russ.)

Semenov L.P. A.A. Golenishchev-Kutuzov. Posmertnoe izdanie sochinenii. Bibliografiia [A.A. Golenishchev-Kutuzov. Posthumous works. Bibliography]. *Filologicheskie zapiski*, 1917, Issue. 1, pp. 106–114. (In Russ.)

Semenov L.P. "Angel": Ocherk poezii Lermontova ["Angel": Essay on Lermontov's poetry]. *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva. T. XIX. Pamiati prof. E.K. Redina* [Collection of Kharkov historical and philological society. Vol. XIX. In memory of prof. Ye.K. Redin]. Kharkov, 1913, pp. 263–298. (In Russ.)

Semenov L.P. *Gosudarstvennyi Nauchnyi muzei goroda Vladikavkaza pri Severo-Kavkazskom Institute kraevedeniia: Kratkii ocherk istorii i deiatel'nosti* [Vladikavkaz State Scientific Museum at the North Caucasus Institute of local history: A brief sketch of history and activities]. Vladikavkaz, 1925. 24 p. (In Russ.)

Semenov L.P. K voprosu o vliianii Marlinskogo na Lermontova [Revisiting the influence of Marlinski on Lermontov]. *Filologicheskie zapiski*, 1914, Issue. 5–6, pp. 614–639. (In Russ.)

Semenov L.P. *Lermontov i folklor Kavkaza* [Lermontov and Caucasian folklore]. Pyatigorsk, Kraiizdat Publ., 1941. 97 p. (In Russ.)

Semenov L.P. *Lermontov na Kavkaze* [Lermontov in the Caucasus]. Pyatigorsk — Ordzhonikidze, Kraiizdat Publ., 1939. 218 p. (In Russ.)

Semenov L.P. N.A. Blagoveshchenskii na Kavkaze. K 40-letiiu so dnia smerti [N.A. Blagoveshchensky in the Caucasus. On the 40th anniversary of his death]. *Sbornik nauchnogo obshchestva etnografii, iazyka i literatury pri Gorskom pedagogicheskom institute. Vyp. 1* [Collection of the scientific society of ethnography, language and literature at the Gorsky pedagogical institute. Issue. 1]. Vladikavkaz, 1929, pp. 34–41. (In Russ.)

Semenov L.P. O "Hadzhi-Murate" L. Tolstogo [About "Hadji-Murat" by L. Tolstoy], *Vestnik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, 1914, Iss. 5. pp. 6–13. (In Russ.)

Semenov L.S. *Puteshestvie Afanasia Nikitina* [The Journey of Afanasy Nikitin], ed. by A.G. Skrynnikov. Moscow, Nauka Publ., 1980. 144 p. (In Russ.)

Semenov L.S. *Rossiia i Angliia. Ekonomicheskie otnosheniia v seredine XIX veka* [Russia and England. Economic relations in the mid-19th century], ed. by R.G. Skrynnikov. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1975. 166 p. (In Russ.)

Semenov L.S. *Rossiia i mezhdunarodnye otnosheniia na Srednem Vostoke v 20-kh gg. XIX v.* [Russia and international relations in the Middle East in the 1920s]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1963. 142 p. (In Russ.)

Takho-Godi A.A. A.F. Losev i T.B. Kniazevskaia. *Biulleten' Biblioteki «Dom A.F. Loseva». Vyp. 9* [Bulletin of the Losev House library. Issue. 9]. Moscow, Vodolei Publ., 2009, pp. 66–72. (In Russ.)

Takho-Godi A.A. *Zhizn' i sud'ba. Vospominaniia* [Life and fate. Memoirs]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 692 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Literaturnaia predystoriia psevdonima uchenogo: L.P. Semenov — Glybov [Literary background of the scientist's pseudonym: L.P. Semenov — Glybov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 9, Filologiia*, 2012, no. 6, pp. 127–133. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Semenov P.Kh. *Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskii slovar. T. 5* [Russian writers 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 5]. Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 560–561. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. "Shlu Vam druzheskii privet" : O pis'mah L.P. Semenova k M.K. Azadovskomu ["I send you my regards": On L.P. Semenov's letters to M.K. Azadovsky]. *Rossiia i Zapad: Sbornik statei v chest' 70-letiia K.M. Azadovskogo* [Russia and West: Collection of articles in honor of K.M. Azadovsky's 70th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 464–475. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Tri pis'ma L.P. Semenova k M.O. Gershenzonu (materialy k biografii uchenogo) [L.P. Semenov's three letters to M.O. Gershenzon (materials for the biography of the scientist)]. *Russkoe literaturovedenie XX veka: imena, shkoly, kontseptsii* [Russian literature of the 20th century: names, schools, concepts], ed. by O.A. Kling, A.A. Kholikov. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2012, pp. 67–73. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Tvorchestvo Lermontova v issledovaniiakh professora L.P. Semenova [Lermontov's oeuvre in professor L.P. Semenov's studies]. *Mir Lermontova* [The World of Lermontov], ed. by M.N. Virolainen and A.A. Karpov. St. Petersburg, Scriptorium Publ., 2015, pp. 924–932. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. *Velikie i bezvestnye: Ocherki po russkoi literature i kulture XIX–XX vv.* [The great and the unknown: Essays on Russian literature and culture of the 19–20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2008. 700 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. Viach. Ivanov i ego bakinskie korrespondenty — A.M. Evlakhov i S.P. Semenov (Argashev) [Vyach. Ivanov and his Baku correspondents — A.M. Yevlakhov and S.P. Semenov (Argashev)]. *Donum homini universali: Sbornik statei v chest' 70-letiia N.V. Kotreleva* [Donum homini universali: Collection of articles in honor of N.V. Kotrelev's 70th anniversary]. Moscow, OGI Publ., 2011, pp. 359–372. (In Russ.)

Vatsuro V.E. M.Yu. Lermontov. *Russkaia literatura i folklor. Pervaja polovina XIX veka* [Russian literature and folklore. The first half of the 19th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 210–248. (In Russ.)

Vernye syny Otechestva: Vospominaniia uchastnikov dekabristskogo dvizheniia v Peterburge [Faithful sons of their Fatherland: Memoirs of the Petersburg Decembrist movement participants], comp., intro. and comment. by L.B. Dobrinskaya, L.S. Semenov. Leningrad, Lenizdat Publ., 1982. 400 p. (In Russ.)

Vinogradov V.B. Leonid Petrovich Semenov (1886–1959). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 2* [Materials and studies on archeology of the North Caucasus. Issue. 2]. Armavir, Armavir State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 265–268. (In Russ.)

Leonid Semenov: on the history of a failed literary reputation

© 2018, Elena Takho-Godi

Abstract: The article is devoted to the life and work of a well-known Lermontov scholar, archaeologist and folklorist Leonid Petrovich Semenov (1886–1959). The paper traces the main events of his scientific biography, but the focus is not on his achievements as a scientist but on the history of his literary, primarily poetic, works. Family sources of his literary predilections are brought to light. Without betraying the philological call, the author realized himself as a writer in a narrow circle of his relatives and friends (including the Vladikavkaz circle of V. Merkurieva, involved under the pseudonym "Sergey Argashev" his brother Sergey Semenov). The home circle has become that particular 'institution' which provided him with, even if to a limited extent, the effect of participation in literary life (producing a family journal "Mayak" ("The Lighthouse") and literary success, albeit illusory. While literary criticism was an 'official', external, 'institutional' form of personality manifestation, poetry, on the contrary, was an internal one, the only way of self-realization in conditions of decades of spiritual restraint.

Keywords: L.P. Semenov, Lermontov studies, Cossack folklore, philological poetry, literary reputation, journal "Mayak", S. Argashev, V. Merkurieva.

Information about the author: Elena Takho-Godi, Dr. of Philol. Sci., Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; leading research associate, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences; Head of the Research Department, Library of history of Russian philosophy and culture "A.F. Losev House", Moscow, Russia.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Citation: Takho-Godi Elena. Leonid Semenov: on the history of a failed literary reputation. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 197–227.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-228-243
УДК. 821.161.1

Л.П. Семенов

I. Стихотворения 1912–1919 гг.
II. Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг.

Подготовка текста и примечания Е.А. Тахо-Годи

Аннотация: В первой части публикации представлена выборка из лирических стихотворений известного лермонтоведа и кавказоведа Л.П. Семенова (1886–1959), создававшихся в начале XX столетия, на излете Серебряного века, в 1912–1919 гг. и хранящихся в личном архивном собрании Семеновых-Тахо-Годи. Во второй части публикации воспроизводится юмореска из семейного альманаха «Маяк», а также два стихотворения 1947–1948 гг., связанных с историей возникновения этого домашнего издания. Все тексты 1947–1948 гг. написаны Л.П. Семеновым под псевдонимом Л. Глыбов.

Ключевые слова: Л.П. Семенов, архивное собрание, стихотворения, семейный альманах.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Тахо-Годи, д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН им. А.М. Горького; заведующая научным отделом, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Москва, Россия.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Цитирование: *Семенов Л.П.* I. Стихотворения 1912–1919 гг. II. Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг. Подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи // Литературный факт. 2018. № 9. С. 228–243.

I

Стихотворения 1912–1919 годов

Монета

Смотря на медную монету,
Я думаю порой:
— «Истерта человеческой рукой,
Блуждала ты по белу свету.
Ты жалкий грош; но через ряд веков
В музее ляжешь ты под крышкою стеклянной,
Свидетель старины туманной,
И привлечешь вниманье знатоков…
А я, со всею жизнью сложной,
Запасом чувств и пламенных идей, —
Я пропаду в толпе людей
Песчинкою ничтожной!»

1912

***

В лес войди осеннею порою,
В ясный, теплый день;
Под листвой редеющей, сквозною
Сядь на мшистый пень.
Меж камней бежит ручей кристальный
И журчит в тиши;
Звон его — немолчный и хрустальный —
Сладок для души.
Брызги волн сверкают под лучами
Радужным огнем
И дрожат, подхвачены листами,
Белым серебром.
Тишина стоит кругом глухая.
Стар и величав,
Дремлет лес, шатром не колыхая,
Никнут стебли трав.
На кустах орешника, малины, —
И куда ни глянь, —
Видишь ты прозрачной паутины
Трепетную ткань.
Обвились вкруг прутьев ежевики, —
Как скелеты змей, —
Без цветов, без листьев — павилики

Сети из плетей.
Отцвела, завяла незабудка;
Пожелтел лопух…
Оглядись внимательно — и чутко
Напряги свой слух.
Слышишь ты чуть внятный, слабый шорох, —
Словно грустный вздох?
Там и сям — опавших листьев ворох
Кроет камни, мох.
Это грусть по улетевшим птицам,
По весенним дням;
Это грусть по грозам, по зарницам,
По былым мечтам.
Лист кружит, кружась между ветвями,
Вслед летит другой,
И они воздушными роями
Реют над землей…
До весны точить их будет тленье,
Утучняя прах.
Строг закон: и смерть, и возрожденье
Вечно на часах…
Так и мы исчезнем чередою,
Не закончив труд,
А вослед мятежною толпою
Внуки набегут.
Наши все исканья и мученья
Утучняют край,
И сберут другие поколенья
Пышный урожай.

23 сент<ября> 1912

Бальмонту

Твои стихи звончее водомета
И майских соловьев.
Твои стихи воздушнее полета
Курчавых облаков.
Их аромат нежнее аромата
Сладчайших, пряных роз.
Они пышной огнистого заката,
Прелестнее стрекоз.
Твои стихи грустней ветлы плакучей,
Причудливей волны.
Они быстрей луча звезды падучей,
Мечтательней луны.

Не умолкай! Пленяющее пенье
Твоих послушных струн
Нам говорит про счастье и мученье.
Чаруй сердца, колдун!

31 окт<ября> 1912 г.

***

Поет весна, цветет весна…
В избытке жизни молодой
Трава ползет — свежа, нежна —
Из-под каменьев мостовой.
Но камни давят, как тиски;
Неотразим удар копыт, —
И гибнут юные ростки…
А пир весны кругом кипит.
Так жизни тяжкая плита
Нависла глухо надо мной,
И гибнет за мечтой мечта,
Как зелень шумной мостовой.

1 янв<аря> 1913 г.
Владикавказ

Бальмонту

По морям и океанам, по дорогам бирюзовым
Ты блуждаешь одиноко, ты спешишь к пределам новым…
Ты в Австралию ушел
Из пустынного Египта[1].
Пред тобой вознесся ствол
Голубого эвкалипта.
Изгибаясь, черный лебедь странным, резким силуэтом
Проплывал перед безмолвным, зачарованным поэтом.
Ты искал других чудес
И стезей мятежно-пенной
Перенесся в Бенарес,
К берегам реки священной[2].
Дремлют лотосы над влагой… Красота и ликованье…
А в душе поэта нежной — затаенное страданье.
Верен грезам прежних дней,
Ты грустишь в стране далекой
По снегам родных полей,
По сирени звездоокой.

[1] В Египте К. Бальмонт побывал в 1909 г., а путешествие поэта в Австралию состоялось как раз в 1912 г.

[2] Город в Индии, место паломничества к реке Ганг. Бальмонт посетил Индию в 1912 г.

Ты слагаешь, умиленный, песни, полные печали…
О, когда бы вздох мой грустный до тебя стихи домчали!

27 января 1913 г.
Владикавказ.

***

Осыпана снегом, нежна и бела,
Змеистая ветка прекрасна была,
И я любовался из окон вчера
Лучистым сверканьем ее серебра.

Сегодня сурово дохнула зима,
И с ветки слетела, как пух, бахрома,
И ветка нагая, хрупка и грустна,
Колеблется тихо, обиды полна…

Я грёзы в душевных взрастил тайниках,
Но рок беспощадный развеял их в прах.
Глубокой тоскою душа стеснена
И тихо под бурей трепещет она.

9 февр<аля> 1913 г.
Владикавказ.

***

Умерла резвушка.
В детской полумгла.
Смятая подушка
Смотрит из угла.
Щечки восковые
Скрыты простыней.
Слышатся глухие
Стоны за стеной.
О тоске и горе
Все твердит кругом,
И надолго вскоре
Опустеет дом.
В детской ни единый
Не раздастся звук.
Полог паутинный
Будет ткать паук.
Выйдет мышь из норки,
Словно гном ночной;
Крошку хлебной корки
Подберет порой.

Позабытой кукле
Не вернуть затей.
Спутанные букли
Кто расчешет ей?
Кто споет над нею
Нежным голоском?
Кто обвяжет шею
Пестрым лоскутком?
Бедная игрушка!
Ты теперь одна…
Умерла резвушка.
В детской тишина.

23 мая 1913 г.

Возвращение с войны

Вернулся… Все тот же приветливый взгляд.
И голос певучий спокоен, как прежде.
По комнатам шпоры тихонько звенят.
Как раньше он строен в военной одежде.
Но стали немного седыми виски;
Но больше не слышишь ни смеха, ни гнева;
А вместо послушной и сильной руки
Рукав опустелый качается слева.

23 нояб<ря> 1915 г.
Владикавказ.

А.В. Соболевскому († 1914 г.)[3]

Лишь останусь один, лишь отхлынут далеко
Волны шумного дня, —
Ты встаешь перед взором духовного ока,
Ты живешь — для меня.
Смерть над нами бессильна… Всплывают виденья…
Мир воскреснул былой.
Плачет сердце в тоске, но не хочет забвенья.
Ты глядишь, как живой.
Я с отрадой ловлю отголоски глухие
Задушевных речей.
Так паломник, попавший в пустыни сухие,
Слышит в грезах ручей.
Мы на время расстались, не зная, что вскоре
Злой, загадочный рок

[3] Установить адресата стихотворения не удалось. Не исключено, судя по дате смерти, что речь идет о друге, погибшем в первый же год Первой мировой войны.

От надежной земли в необъятное море
Унесет твой челнок.
Кто смотрел в потухавшие очи с любовью,
Боль в груди затая?
Кто, рыдая, припал к твоем изголовью?
Где могила твоя?
В мире нет испытанья, сильнее разлуки:
Скорбь на каждом шагу.
Друг мой! Тщетно к тебе простираю я руки:
Ты — на том берегу.

14 февраля 1916 г.
Владикавказ.

***

Ребенку все в мире загадочно, ново;
Он жадно лепечет: «Зачем? Почему?»
С улыбкой привета на каждое слово
Отец или мать отвечает ему.

Проносятся годы… Исчерпаны силы.
Дорога идет в запредельную тьму.
-«Зачем?» говорит человек у могилы.
Напрасно: никто не ответит ему.

19 мая 1919 г.
Владикавказ

II
Стихотворения и юмореска из семейного альманаха «Маяк» 1947–1948 гг.

Нашему дому
(1896–1946)

Привет тебе, любимый дом!
Уже полвека миновало,
Как ты нам стал родным гнездом.
Таких друзей на свете мало.
Когда бывало тяжело,
Ты охранял нас от напасти;
Ты нам дарил свое тепло,
Смягчая горести и страсти.

Когда порою кто-нибудь
Блуждал, подобно Одиссею,
Лишь ты давал ему вздохнуть
Под ветхой кровлею своею.
Здесь жили и отец, и мать,
И кажется, что светлой тенью
Они вступают, чтоб послать
Привет иному поколенью.
Ты беден с виду, но для нас
Ты сберегал каким-то чудом
Неисчерпаемый запас
Богатств, накопленных под спудом.
Ты был прибежищем для всех
В дни испытаний и печали.
Здесь раздавался детский смех.
Здесь музы тайно обитали.
Когда бывал я одинок,
И труд казался тяжек, долог,
Поэты в мирный уголок
Привет бросали с книжных полок.
Прекрасный тополь у ворот
Стоял могучим, верным стражем.
Его срубили… В свой черед
О нем подробней мы расскажем.
А палисадник? Он милей
Роскошного, большого сада.
В нем нет простора, нет аллей,
Но нам чужих красот не надо.
Здесь каждый кустик нам знаком,
Здесь наше детство протекало…
Привет тебе, любимый дом!
Ты дал нам радостей немало.
Сирень поникшая… Жасмин…
Скамья под старою черешней…
Здесь я любил сидеть один,
Уйдя мечтою в мир нездешний,
Туда, где грозный океан
На скалы волны плещет яро;
Где гуща спутанных лиан
Таит берлогу ягуара;
Где ловкий скваттер на скаку
Стреляет в тучного бизона;
Где разметала по песку
Сухие степи Аризона;
Где притаились близ дубрав

Вигвамы племени гуронов;
Где кондор, падая стремглав,
Уносит дичь, земли не тронув…
Раскрыв пленительный роман,
Я предавался чтенью с жаром,
Блуждая в дебрях дальних стран
Вслед за Майн-Ридом и Эмаром.
Но я любил и шум забав.
Во мне кипела жизнь в избытке.
Глаза от книги оторвав,
Играли мы то в мяч, то в плитки.
Взбирались на высокий сук —
Подобие опасной реи.
По счастью, нам сходили с рук
Такие детские затеи.
А на крыльце по вечерам
Подолгу мы сидеть любили.
Отрадно слушать было нам
Воспоминания и были.
Сверкал, как жемчуг, млечный путь.
Дышало ароматом лето,
И тополь шелестел чуть-чуть,
И птицы щебетали где-то.
Вдали Столовая гора,
Как витязь, вечным сном объятый,
Виднелась; льдистая кора
Ее покрыла, будто латы.
И Терек в тишине ночной
Шумел, не умеряя бега,
И над заснувшею землей
Струилась благостная нега…
Невольно в памяти моей
Встают иные впечатленья,
Как отголосок давних дней;
Им нет конца, им нет забвенья.
Нам дорога была пора,
Когда устраивались елки;
Резвилась бойко детвора;
Остроты были метки, колки.
В сочельник дед-мороз тайком
Дарил нам щедро книжки, сласти.
Любили мы сойтись кружком
На тихий голос тети Насти[4].
Под вечер мы в свободный час

[4] Тетушка Л.П. Семенова — Анастасия Хрисанфовна Жадёнова (1845 — после 1914).

Читали вслух напропалую,
Дюма, Мордовцев, Салиас[5]
Нам открывали жизнь былую.
Атос, Портос и Д'Артаньян,
Все козни гордо презирая,
Рубились до смертельных ран
За счастие земного рая.
Российский дерзкий дворянин,
Единомышленник Вольтера,
Шел без боязни в равелин;
Он знал, — придет иная эра.
Народ навек сковать нельзя.
Как ни был гнет жесток, неистов,
А благородная стезя
Влекла на подвиг декабристов!
У нас захватывало дух,
В нас чувства лучшие горели.
Огонь священный не потух;
Он согревает нас доселе…
Тогда затеян был журнал.
Он отвечал на всё, как эхо.
В нем каждый, торопясь давал
Стихи, рисунки, блестки смеха…
Привет тебе, родимый дом!
Как прежде, ты уютен, скромен.
Ты нажит был с большим трудом,
Но до сих пор ценней хоромин…
Наш круг семейный поредел,
И мне уйти придется скоро.
Ну, что ж! Таков земной удел.
Другим нужна твоя опора.
Пусть всем, кому ты дашь приют,
Заветы наши будут милы,
И пусть для родины цветут
Грядущих поколений силы.

16.IV. <19>47

[5] Автор многочисленных исторических романов Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир (1840–1908).

Посвящение
К поэме «Маякиада»[6]

С. Гею[7].

…И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.
Пушкин, «Евгений Онегин», гл. VIII, строфа L

Когда-то я и Владя[8],
Тепло на младших глядя,
Затеяли журнал.
Ты был тогда так мал!..
Но все ж от нетерпенья
Писал стихотворенья
И вскоре, смел и рьян,
Принялся за роман.
Ты был приготовишка,
Затейливый мальчишка
И очень быстро рос.
В наплыве дум и грез
Творил, как маг, новеллы,
Октавы и газеллы;
Писал не кое-как
И нес в родной «Маяк».
Над нашим «Пароходом»[9]
Неслись года за годом.
Немало было бед
У нас за сорок лет.
Глядишь, — пройдет ненастье,
И улыбнется счастье,
И «Пароход» плывет
По лону грозных вод.
В положенные сроки
Он был недавно в доке.
Искусная рука
Исправила бока.

[6] Название «поэмы» явно указывает на ее «эпический размах» (ср. «Илиада»).
[7] С. Гей — один из псевдонимов Сергея Петровича Семенова (1902–1985), младшего брата Л.П. Семенова.
[8] Брат Л.П. Семенова, Всеволод Петрович Семенов (1891–1980).
[9] Семейное название дома семьи Семеновых на Осетинской улице.

В нем нет теперь пробоин.
Он чист, красив, спокоен;
Плывет не на авось!
Пускай три брата врозь, —
Но мысленно мы вместе
И шлем друг другу вести,
Мы смотрим не назад, —
Нам светит Ленинград!
Мы стары — я и Владя,
Ты сам — солидный дядя —
Известный инженер,
Прозаик и трувер.
С тобою вместе Налик[10].
Вы смотрите в кристаллик,
О коем впопыхах
Поэт сказал в стихах[11].
Все видно Вам оттуда.
Дела идут не худо.
«Маяк» наш заблистал,
Как феникс, выше скал!
Прошел провинциальный
Период изначальный.
Когда-то от руки
Писали старики.
Теперь везде новинки:
Печатают машинки
Все, что мы шлем в «Маяк»!
Ты не попал впросак.
Рулем ты правишь смело —
Вот это, братец, дело!
У Налика — усы,
У Налика — часы!
А я пишу поэму
На близкую нам тему;
Забушевал поток
Неисчислимых строк.
Не вспыхнул ли Везувий?
Не ринулся ль делювий[12]?
В мой маленький приют
Стихи текут, текут.

[10] Домашнее прозвище сына С.П. Семенова, Леонида Сергеевича.

[11] Отсылка к строкам из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, взятых эпиграфом к стихотворению.

[12] Дождевые потоки, несущие смытые частицы горных пород.

Капризная стихия.
Увы, стихи — плохие,
Но каплю чувства все ж
Ты между строк найдешь.
От скуки повседневной
Ушел я в мир душевный.
Печаль и шутка здесь,
Наш круг семейный весь.
Тебе «Маякиада» —
Посильная награда.
Увы! Тускнеет жар…
Прими мой скромный дар.

16. VII. <19>47

Чудеса света

Человечество в древности создало много замечательных сооружений, поражавших своей грандиозностью и великолепием. Из всех этих памятников народная молва издавна выделила группу особенно выдающихся образцов монументального искусства. Вот эти знаменитые «семь чудес света»:

1) Египетские пирамиды, 2) висячие сады Семирамиды в Вавилоне, 3) храм Дианы в Эфессе, 4) статуя Юпитера, работы Фидия, 5) мавзолей-гробница царя Мавзола, воздвигнутая его женою Артемизией в Галикарнассе, 6) колосс Родосский, 7) маяк на островке Фарос близ Александрии. Об этих памятниках существует специальная литература. Затрагивая вопрос о них, мы хотим вкратце остановиться на некоторых подробностях, которым не уделяли внимание прежние исследователи.

Для нас важно то, что два из 7-ми «чудес света» были маяками. Эти памятники — высшие достижения маячного искусства. Упомянем кратко о них.

Колосс Родосский был вылит из бронзы Харесом, учеником Лизиппа; его сооружение длилось 12 лет и было закончено в 280 г. до н.э. Он имел в вышину 32 метра[13]. Еще более грандиозен был александрийский маяк, сложенный из мрамора. Его построил Сострат (около 283 г. н.э.). Памятник имел в высоту 300 локтей (170 м.). В разрушенном виде он существовал еще в начале XIV в. Из всех «семи чудес света» до нашего времени сохранились лишь египетские пирамиды.

[13] Не исключено, что сведения взяты из статьи «Колосс» из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (т. 15).

В последующие эпохи были попытки присоединить к 7-ми «чудесам» и восьмое. «Восьмым» чудом в конце XVIII в. считали памятник, поставленный Петру I-му. Поэт Рубан писал:

Колосс Родосский, днесь смири свой гордый вид,
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами;
Вы смертных бренными содеяны руками[14].

В повседневной жизни «восьмым» чудом считалось всё незаурядное. Писемский писал в романе «Мещане»: «Схвативши верхушки кой-каких знаний, мы считаем унижением для собственного достоинства делать какие-нибудь обыкновенные вещи, которые делают люди заурядные, и хотим создать восьмое чудо света»[15].

В комедии Н.И. Хмельницкого «Говорун» встречаем фразу: «Когда б я был актер, я б был осьмое чудо!»[16]

Рекорд смелости побила одна из фирм, которая так рекламировала косметическое средство в объявлениях журнала «Нива»:

Всякий русский верно знает,
Что на свете семь чудес,
А «Юм-юм», восьмое чудо,
Возбуждает интерес.

Не претендуя на то, чтобы оспаривать восьмое место, которое очень прочно занял «Юм-юм»[17], мы объявляем наш «Маяк» —

[14] Из стихотворения Василия Григорьевича Рубана (1742–1795) «Надпись к камню назначенному для подножия статуи императора Петра Великого». С небольшими разночтениями:

Колосс Родосский! свой смири прегордый вид,
И Нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами:
Вы смертных бренными содеяны руками!

[15] В романе А.Ф. Писемского «Мещане» (1877, отд. изд. 1877 г.) это говорит Бегушев: «Прежде всего — наше бестолковое образование: мы все знаем и ничего не знаем; потом непривычка к правильному, постоянному труду, отсутствие собственной изобретательности, вследствие того — всюду и во всем слепое подражание; а главное — сытый желудок и громаднейшее самолюбие: схвативши верхушки кой-каких знаний, мы считаем унижением для собственного достоинства делать какие-нибудь обыкновенные вещи, которые делают люди заурядные, а хотим создать восьмое чудо, но в результате явим, — как я, например, — пятидесятилетнюю жизнь тунеядца» (часть вторая, глава вторая).

[16] В пьесе «Говорун» (1817) Николая Ивановича Хмельницкого (1789-1845) это реплика графа Звонова.

[17] Возможно, название упоминаемого средства было связано с именем главной героини популярной комической оперы А. Салливана и У. Гилберта «Микадо, или город Титипу» (1885), которую зовут Юм-Юм. В такой транскрипции Юм-Юм (а не Ям-Ям,

«девятым» чудом света. Девятое место в ряду «чудес света» еще никем не оспаривалось. Объявляя об этом в печати и по радио, отмечаем появление нового «чуда» в наших семейных анналах. В числе маяков мирового значения наш должен занять третье место, сейчас же после Колосса Родосского и Фаросского. 3 и 9 — хорошие цифры, с которыми связано много различных поэтических и прочих примеров («Есть три чуда, три юда у нас», «девять сестер — муз» и т.д.).

Сколько имеет локтей в вышину наш «Маяк», точно еще не установлено, но размеры его, несомненно, должны быть грандиозными, т.к. свет, излучаемый им с севера от Ленинграда доходит до Северного Кавказа и помогает «Пароходу» и прочим судам семейной флотилии, блуждающим в море житейском, не сбиваться с пути, не попадать на подводные камни…

Когда-то было семь чудес на свете.
«Юм-юм» восьмым добавился кой-как.
Что спорить нам об этаком предмете?
Девятым чудом будет наш «Маяк».
Издревле вас, о музы, девять было.
Чудес на свете девять, как и муз.
Все это, право, вышло очень мило.
Да здравствует навеки наш союз!
Двадцатый век лишил вас Геликона,
О, сестры-музы, где ж найти приют?
Пускай «Маяк» тепло вас примет в лоно,
И ваши дни спокойно потекут.
Своих даров, о музы, не жалейте.
Запойте гимн, легко пуститесь в пляс;
Плените нас игрой на звонкой флейте,
На «Маяке» забудьте про Парнас.

как иногда встречается) она фигурирует в записях смотревшего парижскую постановку К.С. Станиславский, см.: Станиславский К.С. Заметки к постановке «Микадо». 1886 год // Станиславский К.С. Собраний сочинений: В 9 т. Т. 5. Кн. 2: Дневники. Записные книжки. Заметки / Сост., вст. ст., подгот. текста, комм. И.Н. Соловьевой. М., 1993. С. 88–89. И ныне существуют бренды Yum Yum, в том числе косметика Mac Candy Yum Yum.

Leonid Semenov

I. Poems of 1912–1919. II. Poems and humoresque from the family journal “Mayak” of 1947–1948

Editing and notes by Elena Takho-Godi

Abstract: The first part of the publication presents a sample of lyrical poems of a well-known Lermontov scholar and expert on Caucasian history L.P. Semenov (1886–1959), created in the early twentieth century, with the Silver age on the wane, in 1912–1919 and stored in the Semenov — Takho-Godi personal archive. The second part of the publication reproduces two poems and humoresque from the family journal ‘Mayak’, as well as two poems of 1947–1948 related to the appearance of this home edition. All the texts of 1947–1948 were written by L.P. Semenov under the pseudonym of L. Glybov.

Keywords: L. P. Semenov, archival collection, poems, family journal.

Information about the author: Elena Takho-Godi, Dr. of Philol. Sci., Professor, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; leading research associate, Gorky Institute of World Literature (IMLI), Russian Academy of Sciences; Head of the Research Department, Library of history of Russian philosophy and culture “A.F. Losev House”, Moscow, Russia.

E-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Citation: Semenov Leonid. I. Poems of 1912–1919. II. Poems and humoresque from the family journal “Mayak” of 1947–1948, ed. and notes by Elena Takho-Godi. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 228–243.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-244-263
УДК. 821.161.1

Успехи Анны Ахматовой

© 2018, Р.Д. Тименчик

Аннотация: В сообщении рассматриваются некоторые особенности функционирования «школы читателей» Ахматовой: тенденция к пересечению социальных и эстетических демаркационных линий, устойчивое представление об обязательности подражания поэтессе, бытование цитат из ее стихов как мемов и тенденция последних развертываться в новое стиховое повествование.

Ключевые слова: А. Ахматова, школа читателей, культ поэта, подражания, крылатые слова.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль.

E-mail: suzirom@gmail.com

Цитирование: *Тименчик Р.Д.* Успехи Анны Ахматовой // Литературный факт. 2018. № 9. С. 244–263.

Какой вы стыд со мной делили
И немоты моей года…
Вы будете, вы есть, вы — были,
А я — падучая звезда.
Ахматова

Главная институция прижизненных успехов Ахматовой — школа ее читателей[1]. Это может показаться трюизмом, но в 1910–1920-е гг. подобное обстоятельство относилось именно к индивидуальной судьбе автора «Четок» — Ахматова вспоминала слова Федора Сологуба: «Критика вовсе не собиралась признавать Ахматову, ее к этому принудили читатели»[2]. На протяжении ее литературного пути можно было выделить четыре «класса» упомянутой школы, что и было сделано в стихотворении Нонны Слепаковой «Памяти Анны Ахматовой»[3]. Современники, наблюдая за стремительным пополнением этой школы, с удивлением, а то и с неодобрением отмечали, что разрастание ее нарушало ожидаемые социальные, политические и эстетические перегородки. Позволю себе привести пространную цитату из подзабытой статьи Евгения Аничкова, защитника «новых веяний», где он подводил итоги на исходе расцвета модернистской поэзии:

> Наша эстетика была какой-то не-эстетикой, схимой, отрицанием всякой радости глаза. Михайловский боялся, как бы это «Каин-эстетика не убила этику у политики», и робко, с оговорками, едва-едва осмеливаясь, возникал даже русский пейзаж. Какая уж тут красочность? Но вот настал 1905 год и немедленно и непосредственно, после дней свободы и 9-го января, будто плотину прорвало; пошли «вечера нового искусства», эстетизм, поэтов не оберешься, убрались книги в яркие и затейливые обложки, Бенуа, «Мир Искусства», Мейерхольд, раскатился смех малявинских баб в красных сарафанах; наконец-то настало их время.
>
> Ну, конечно, вожди неудавшейся тогда революции всю вину свалили, именно, на «вечера нового искусства», и опять захотелось

[1] О рабочей метафоре Б.В. Томашевского «школа читателей» применительно к аудитории И. Анненского и Н. Гумилева см.: *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017.

[2] Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.–Torino, 1996. С. 93, 453.

[3] Слепакова Н.М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Л.В. Мочалова. СПб., 2012. С. 183–184 (Новая библиотека поэта. Малая серия); см. также на эту тему: *Тименчик Р.* Анна Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

Каином обозвать эстетику. Особенно подвизался на этом поприще Луначарский, бичевавший тогда всё те же самые новые побеги искусства, которым, в изуродованном футуристами виде, он теперь покровительствует. Теперь это зовется пролетарским гением, а тогда то же самое, но несравненно более доброкачественное, было признано буржуазной декадентской дребеденью.

Но ведь вот что интересно. Ораторский успех этих суесловий Луначарского происходил-то, ведь, на тех же самых «вечерах нового искусства».

Как же так? Да очень просто, и к этому-то я и веду речь. Среда, посещавшая «вечера нового искусства», была та же самая, до смешного та же самая, что делавшая революцию. Оттого она аплодировала одинаково и Блоку, читавшему «Незнакомку», и декорациям Судейкина в «Бродячей собаке» (простите, что на два-три года забежал вперед), и обложкам Билибина, и статьям Бенуа, и уничтожающе порицавшему всё это Луначарскому. Одна и та же среда, одни и те же живые люди. На этом я настаиваю. Дух, страсть, стремления, помыслы были одни и те же. И только на поверхности, среди одних только литераторов в стертых редакциях журналов, среди споров между собою казалось, что тут два враждебных друг другу течения: одно реалистическое и в политическом смысле революционное, а другое декадентское и ретроградно-буржуйское.

Ведь только на несколько лет, а я уже это сделал, податься вперед в то, что было после 1905 года, и сколько самых что ни-на-есть эсеров и эсдеков можно было видеть с томиком Анны Ахматовой под мышкой, потому что уж Бальмонт и тот стал казаться недостаточно изощренным. И могу не одну назвать библиотеку членов разных ц.к., где, если были деньги, выстраивались на полках в дорогих переплетах художественные издания. Не сходили с очереди обсуждения Добужинского, Рериха, Билибина. Даже «Старые годы» найдешь, бывало, там, где по-прежнему судить, так разве что Толстого, Репина или «Арест» Ярошенко мог бы быть допущен.

Та же самая среда, те же сердца и мозги, ни от чего прежнего, ни в чем, ни от Белинского, ни от Карла Маркса не отказавшиеся.

А что и говорить о Художественном Театре! Там Гордон Крэг и Горький, Достоевский, Чехов и «Царь Федор Иоаннович», в котором видели сатиру на Николая II, всё это, не спорясь, — в одном — хороводном действе.[4]

Ахматова в те годы оказывалась на книжных полках вовсе не «эстетных» читателей, как, например, у пролетарского поэта Василия Александровского:

[4] *Аничков Е.* Акмея русского художества // Новости литературы (Берлин). 1922. № 1. С. 9.

В угол уставились косо
Ницше, Ахматова, Гастев... [5],

где это пребывание не оставалось бесследным:

Особенно безнадежно проступает зависимость эта в такой, например, строке:

Жизнь! Как вспомнишь тебя с усмешкой,
Искривится мучительно рот.

Если припомнить аналогичное строение строки у Анны Ахматовой:

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот… [6]

Впоследствии советский поэт и критик скорее охранительного толка попрекал покойного пролеткультовца его книжной полкой:

А что читал этот влюбленный в смоленские березняки и ржаные взгорья поэт, где и у кого учился? Ну-ка, подумаем, что украшает книжные полки молодых начинающих поэтов — учащихся сельскохозяйственных или педагогических техникумов. Можно с уверенностью сказать, что имена Ницше, Ахматовой, Гастева в нашей памяти не возникнут. А в своих ранних стихах поэт упоминает об этих учителях и наставниках. Они сбивали с толку способного деревенского паренька. Да и не только они. Жил в избе, а писал «о гнойных язвах столетий, о ветре, врывающемся в дверь одинокой хижины», пел частушки, а сочинял терцины, взывая к «властной царевне, под прикрытием снежной парчи...». Об этом не стоило бы говорить, ибо сколько талантливых русских парней учились не тому, что помогло бы им в становлении собственного характера, но здесь случай особый. Слабый, полуграмотный поэт стал сопротивляться узаконенным, модным тогда литературным влияниям. Позвал на помощь русских классиков. И, может быть, впервые в стихах советского поэта о советской деревне прозвучал отголосок некрасовского революционного демократизма.[7]

[5] *Александровский В.* Север: Стихотворения. М.: Моск. Пролеткульт, 1919. С. 16.
[6] *Зенкевич М.* Рец. на кн.: Александровский В. Подкованные годы: Стихи. М.: Современная Россия, 1926 // Печать и революция. 1927. № 1. С. 196.
[7] *Коваленков А.А.* Хорошие, разные...: Литературные портреты. М.: Московский рабочий, 1966. С. 117.

Выразительным документом, рассказывающим о таком, вероятно, неожиданном для адресанта и адресата визите в соседнюю читательскую школу, является письмо одного анархиста другому, из ссылки в ссылку, из Павлодара в Вятку в 1931 г. (указано Н.А. Богомоловым):

> Огни романтики зажжены навеки… И я думаю, что в Ваш репертуар любовных писем, романтических встреч, карточек «на память» необходимо присоединить стихотворение Ахматовой, не попавшее лишь потому, что Ваши влюбленные, по-видимому, не очень ценят ее талант. Отбросьте специфическую терпкую печаль музы «Четок» — и в ее строках Вы почувствуете голос Ваших близких и далеких.
>
> Веет ветер лебединый,
> Небо синее в крови.
> Наступают годовщины
> Первых дней твоей любви.
>
> Ты разрушил мои чары, <sic!>
> Годы плыли, как вода.
> Отчего же ты не старый,
> А такой, как был тогда?
>
> Даже звонче голос нежный,
> Только времени крыло
> Осенило славой снежной
> Безмятежное чело.[8]

Персональный состав этой школы вряд ли когда-нибудь будет суммирован в полном объеме. Некоторая часть практически необозримого множества обладателей ахматовских книжек восстанавливается по сохранившимся авторским инскриптам. Следует заметить, однако, что иные из проходящих по книжным аукционам надписей являются подделками, а некоторые неверно атрибутированы как авторские, например украшающая титул тифлисского издания «Белая стая. Избранные стихотворения Анны Ахматовой» («Кавказский посредник», 1919) — Кириллу Зданевичу: «помни Собаку 12 XI 1919». Источником для обнаружения неко-

[8] Булычев Н.Г. (Н. Отверженный) А.А. Боровому // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 47–47 об.; «терпкая печаль» — из ст-ния «Сжала руки под темной вуалью…». Николай Гордеевич Булычев (1895 — после 1937) — автор книги: *Отверженный Н.* Штирнер и Достоевский / Предисл. А. Борового. М.: Голос труда, 1925. Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935) — публицист, идеолог индивидуалистического анархизма.

торых владельцев ахматовских текстов являются письма-просьбы об автографах, сохранившиеся в ее архиве. Назовем, скажем, А.А. Склярова (1907–1997), собирателя пушкинианы из Ростова н/Д, приобретшего сборник в букинистическом магазине[9], или С.Е. Шапиро (1909–1986), коллекционера из Хабаровска.[10]

Первые ученицы школы — подражательницы Ахматовой[11]. Почти каждый из российских городов и городов российского рассеяния мог декларировать наличие таковых. «[У]спела народиться целая школа “ахматовская”, погубившая немало провинциальных барышень»[12]; «Ну, как писать теперь женщине лирические стихи, когда Ахматова завоевала все перепутья и обвинением в ахматовщине неукоснительно встречают появление новой поэтессы?»[13]

В публичных констатациях и порицаниях (реже — извинениях) подражания выявлялись имена читателей, дополняющие искомый необмерный список. Например, в Тифлисе:

> Нина Васильева — ученица Анны Ахматовой. Настолько прилежная, настолько влюбленная в автора «Белой стаи», что читая ее стихи, не знаешь, где начинаются настоящие стихи, где пародии на Ахматову. Это обстоятельство рабского подражания настолько обесценивает сами по себе недурные стихи, что теряешь охоту писать о них.
>
> Вот примеры:
>
> Но сердце полно боли острой
> И я не вижу ее границ. (5 стр.)
>
> Далее:

[9] ОР РНБ. Ф. 1073. № 1352. См. также наши заметки об И.К. Воложенинове (Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 217) или Г.Г. Мегаеве (Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 538).

[10] См. письмо с просьбой об автографе от 10 сентября 1964 г.: ОР РНБ. Ф. 1073. № 1411. Ср.: «Марки собирают многие. А вот коллекция автографов, которая скопилась у профессора Шапиро, пожалуй, единственная в своем роде. <…> Чего стоит нынче один только автограф Анны Ахматовой со строками из трагедии “Сон во сне”!» (*Семченко Н.* Бродил по залам англичанин // Тихоокеанская звезда. 2001, 6 апр.).

[11] В. Рындзюн (прославившийся позднее как «А. Ветлугин») в 1916 г. причислял к этой школе Лидию Лесную, Софию Парнок, Марину Цветаеву, Нину Серпинскую (*Рындзюн В.* Русская поэзия в 1916 г. // Приазовский край. 1917, 1 янв.). Нина Яковлевна Серпинская (1893–1955), возможно, делала доклад «“Белая стая” Анны Ахматовой» 5 февраля 1918 г. в кружке молодых поэтов «Зеленое яблоко», как обещал газетный анонс: Мысль. 1918, 29 янв.

[12] *Эренбург И.* На тонущем корабле // Ипокрена (Пг.; Харьков). 1919. № 4. С. 28.

[13] *Лунц Л.* Литературное наследие. М., 2007. С. 332.

Ползут тяжелые тучи,
Прорезанные молнии огнем.
Глупое сердце, себя не мучай
Воспоминаньями о нем (14 стр.)

И т.д. до бесконечности.

Как ни банально заканчивать критическую заметку пожеланием, но мы не можем удержаться от пожелания избавиться поскорее от гипнотического влияния Ахматовой и вступить на собственную поэтическую тропинку![14]

В Тифлисе же печаталась поэтесса Майя (Гершзон?), о которой К.Г. Паустовский вспоминал как о «поэтессе Флоре» в Батуме: «читала стихи, отдаленно напоминавшие нечто от Анны Ахматовой»[15]. Приведем образцы ее сочинений:

Ногой коснулась пены талой —
И в сердца отдает прибой.
Свой шелк искристо-голубой
Волна пред небом разостлала.

Трепещет рододендра лист,
Упруго разрезая дали.
К сиянью солнечной скрижали
Воздушно горы вознеслись,

И облаков жемчужных клубы
В пустынях тают золотых.
О как напоминают их
Твои целующие губы!

***

Безбольно, всегда одинаково
Шарманка «Разлуку» поет,
А сегодня я тихо заплакала
При визге охрипших нот.

[14] *А.С.* Рец. на кн.: Васильева Н. Золотые ресницы: Стихи. Тифлис, 1919 // Искусство (Тифлис). 1919, 22–24 нояб. О Нине Николаевне Васильевой (1889–1979) см.: *Никольская Т.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М., 2000. С. 155; автор рецензии — вероятно, профессор Закавказского университета Александр Брониславович Селиханович (1880–1968), педагог, об уроках которого вспоминал К. Паустовский в автобиографии «Далекие годы».

[15] *Паустовский К.* Повесть о жизни. М., 1962. Кн. 2. С. 541.

Кого за ресницами мокрыми
Видала — его или мать?
Вечерело за пыльными окнами—
Ничего не могла понять;

И бросить мне было нечего
В ладонь замелькавшей руки,
Но улыбкой мне было отвечено
На горечь такой тоски.[16]

Через Тифлис прошла и Ашхен Меликова, приятельница Саломеи Андрониковой:

> Неприятнее всего, однако, смешение дурной цыганщины вроде «моя любовь — пылающий костер» с потугами на подражание Ахматовой, как например, в стихотворении «Пришла ко мне усталая». Это сто первый случай, доказывающий невозможность вульгаризации ахматовского языка и жанра: незаметно для себя ее подражательницы впадают в стиль пародии на «Четки» и «Белую стаю». Не таковы ли и некоторые стихи кн. Меликовой?

Да мне любить наскучило.
Душа давно — не та:
И в ней теперь, в измученной
Такая пустота[17].

В Одессе в то же время главной подражательницей была Зинаида Шишова (впоследствии открещивавшаяся от учительницы[18]): «<…> простая, мечтательная душа бедной пушкинской Тани, прочитавшей, правда, Анну Ахматову: старый дом вдали от проезжей дороги, мышиный скребет в темной зале, зашитые на добрый сон в подушку пахучие травы, сладкая дрема “над простым Евангельем Матфея”…»[19]

---

[16] Орион: Литературно-политический ежемесячник (Тифлис). 1919. № 9. С. 4.

[17] *Е.М. [Винавер Е.М.]* Рец. на кн.: Замтари А. (кн. А. Меликова). Стихотворения. Берлин: Тип. «Прессе», 1922 // Звено. 1923. № 2. С. 4; кн. Александра (Ашхен, Ашени) Николаевна Меликова, ур. герцогиня Лейхтенбергская.

[18] «Поэзия Анны Ахматовой в Одессе выродилась в “ахматовщину”» (*Шишова З.* О нашей молодости // Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973. С. 59).

[19] *Др<обинский> Ал.* Рец. на кн.: Шишова З. Пенаты: Стихи. Одесса: Омфалос, 1919 // Одесские новости. 1919, 2 апр; Александр Иосифович Дробинский (1886–?) — историк и поэт.

Минуя петербургскую женскую поэзию, где по определению все соискательницы находились под подозрением[20], из москвичек, которых винили в подражательности, назовем Варвару Бутягину: «От ахматовского очень многозначительного и лирически ценного “белого дома” у Бутягиной только “белые двери”, — почти незначительный штрих, — и “белая калитка”. Наконец — бессознательный курьез: образ, синтезирующий названия двух книг Ахматовой — “белые четки”.<…> Луначарский в предисловии к “Лютикам” предупреждает читателя о “необходимости четкости”. Этой как раз — акмеистической — отличной черты отживающих приемов творчества Ахматовой — Бутягина не восприняла»[21], и Веру Звягинцеву — см., например, отзыв Н.К. Гудзия (1926) о ее стихотворении:

В каких стихах не заставал меня,
В какой тоске, то яростной, то скорбной?!
Твою прохладу скользкую кляня,
Я вынесла такой подъем упорный,
Такой крутой… Не отдышаться мне,
Не задышать мне заново свободно,
Так не дивись же темной тишине
В моих словах и язвинке холодной,
Что ни зажить не может, не убить,
Но грудь сверлит непреходящей болью.
Я буду до конца тебя любить,
Но тесною, неверящей любовью.

---

[20] См. характерный пример: «Ведь стоило только Ахматовой произнести незабываемые слова:

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела.
И сестры не предала, —

как появляется Минеева-Татищева, которая тоже не каким-нибудь лыком шита, и вполне серьезно заявляет:

Я довольных очень много видела,
Недовольным зла не причиню,
Ваш платок разорванным увидела,
Дайте вам его я зачиню» (*Давыдов З.* Рец. на кн.: Минеева-Татищева Е. Голубая спаленка: Стихотворения. Пг.: Искусство, 1922 // Новости. 1922, 12 июня).

[21] *Монина В.* Рец. на кн.: Бутягина В. Лютики. Предисл. А. Луначарского. Пг.: Гиз, 1921 // Балтийский альманах (Рига). 1924. № 2. С. 73; ср.: «Как часто пользуется молодая поэтесса характерной бутафорией: скит, четки, свечка, киот и т.п.! И тогда кажется, что она, пожалуй, слишком часто читала Ахматову» (*Садко [Блюм В.И.]* Рец. на кн.: Бутягина В. Лютики. Предисл. А. Луначарского. Пг.: Гиз, 1921 // Новый путь (Рига). 1921, 22 окт.; ср. в рецензии на ту же книгу: «горький любовный хмель Ахматовой» (*Давыдов З.* Сквозь раскрытые окна // Новая книга. 1922. №1. С. 10).

> …совсем мало нравится. В нем почти все — литература, а при том очень знакомая — Ахматова. «Не заставал меня» — нехорошо. «Прохладу скользкую кляня», «темной тишине», особенно «тесная любовь» — всё это как будто надуманно и, м.б., вычурно. Современная поэзия и проза болеют страстью к эпитету вообще и эпитету необычному во что бы то ни стало. Пушкин и поэты его поры не лезли так из кожи в поисках за эпитетом. И эпитетов-то вообще у них меньше, чем у современных поэтов. Я думаю, на это следует обратить внимание[22].

В эмиграции имя заподозренных в подражательстве приближается к легиону, и примеры поневоле выборочны: Зинаида Шаховская («Встречаются подражания Ахматовой, довольно прямолинейные: “В рюмке Росси, тонкой, длинной, ваше имя навсегда” или “ведь есть же где-то крыльев трепетанье”»[23]), Н. Снесарева-Казакова (см. о «стиле, который пытается соединить в себе песенки Вертинского и, конечно, Анну Ахматову: тут и “глаз не подымет, меня встречая”, и пальто, от вида которого “нечем дышать”, и весь арсенал ахматовских подробностей, повторяемый в тысячный раз…»[24]), Раиса Блох («…тотчас же вызывают в памяти соответствующие строки Ахматовой:

---

[22] «Любовь моя сильнее моего дарования» (О наследии Веры Звягинцевой): Переписка В.К. Звягинцевой с Н.К. Гудзием (1926–1943) / Ст., публ. и науч. комм. И.В. Овчинкиной // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2004. С. 136; ср.: «…звучит в стихах <…> нередко <…> Ахматова (“Вот лечу полузамерзшей птицей, очень ломит левое крыло”…)» (*Свентицкий А*. Рец. на кн.: Звягинцева В. На мосту: Стихотворения. М., 1922 // Утренники. Альманах / под ред. Д.А. Лутохина. Пб., 1922. Кн. 1. С. 147).

[23] *Н.Ф. [Фрейденштейн Н.Б.]*. Рец. на кн.: Сарана З. [Шаховская З.А.]. Двадцать одно. Брюссель: Тип. Л. Квашина, 1927 // Звено. 1928. № 4. С. 226; ссылка на стихотворения «Сердце бьется ровно, мерно…» и «Ведь где-то есть простая жизнь и свет…» и на строки «не слышно трепетания стрекоз» из стихотворения «После ветра и мороза было». Автор рецензии — прозаик, писавший под псевдонимом Юрий Фельзен. Ср. в его романе: «Вкусы у нас обоих, пожалуй, старомодные, я “остановился” на Ахматой и Блоке <…> я только ощущал всю унизительность своего положения и уже без малейшей надежды к вам обратился со словами, подсказанными предельным отчаянием:

Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому.

Я не умею читать стихи, но уверен, что тогда выразил в благородном ахматовском призыве всю огромную свою напряженность, всю страстную просьбу любить и щадить — если не меня отдельно, то меня среди остальных, вам чуждых и скучных людей» (*Фельзен Ю*. Счастье: Роман. Берлин, 1932. С. 62, 64). Ср. также: «Можно, конечно, проследить целый ряд влияний — Анна Ахматова, которая отравила почти каждую поэтессу (может быть, только потому, что вечно-женственное в ее стихах так сильно и во всех женщинах звучит одинаково), Марина Цветаева, Георгий Иванов, который тоже очень влияет сейчас на начинающих поэтов…» (*Р<езникова> Н*. Рец. на кн.: Шаховская З. Уход. Брюссель: Изд. «Polyglotte», 1934 // Рубеж (Харбин). 1934. № 48. С. 24).

[24] *Слоним М*. Литературный дневник // Воля России. 1928. № 7. С. 6.

Все мы птицы, все певуньи,
Только разные песни у нас,
И одна поет в новолунье,
А другая в рассветный час.

Или:

Никуда не надо ходить,
Никого не надо искать,
Заслони рукою глаза,
В самый темный угол садись <…>

а потом снова “птица радости”, “белый камень”, “глубина колодца” — ахматовские ритмы, рифмы и образы»[25]).

Ахматовскую стилистику можно было разглядеть и у мужчин — «... стихи “под Ахматову”»:

Когда остались вдвоем,
Глаза взглянули строже.
Я знаю — тебе дороже
Спокойствие твое.
Мы в сердцах одно слово носим,
Как легкое пламя, как бремя.
Я в апреле предчувствую осень
И хочу оттянуть время.[26]

Едва ли не чаще других из обитателей андронитида русской поэзии так говорили о Г. Адамовиче: «Не раз было говорено, что у Ахматовой много подражательниц среди поэтесс, гораздо тоньше, но и сильней подражает Ахматовой Адамович. Строение стихотворений, темы и особенно интонации, которыми Ахматова так богата, выразительно точно переняты им, но часто звучат искусственно».[27]

Так, Лев Горнунг находил влияние Ахматовой[28] в таких двух стихотворениях:

---

[25] *Бем А.* Рец. на кн.: Блох Р. Тишина: Стихи 1928–1934. Берлин: Петрополис, 1935 // Меч. 1935. № 7.

[26] *Арданов А. [Койранский А.А.]* Рец.на кн.: Евангулов Г. Белый духан. Париж: Палата Поэтов, 1921 // Последние новости (Париж). 1921, 22 нояб.

[27] *Ивелич [Берберова Н.Н.]*. Рец. на кн.: Цех поэтов. 4. Берлин. 1923 // Современные записки. 1924. № 19. С. 432.

[28] *Горнунг Л.* Рец. на кн.: Адамович Г. Чистилище: Стихи. Кн. 2. Пг.: Петрополис, 1922 // Гермес. 1922. № 1. С. 107.

Качается фонарь. Белеет книга.
По вышитым подушкам бледный свет,
И томный вздох: «Ах, как люблю я Грига,
Ах, как приятен этот менуэт».
Но белым клавишам роняя думы,
Любовь свою и домыслы свои,
Ты слышишь ли, каким унылым шумом
Они, желанные, заглушены?
1918

Едва расслышу я два-три последних слова,
Едва взгляну на бледный лоб,
И всё, и навсегда, недвижно и сурово
Под пеленою скроет гроб.

И страшен оттого мне каждый час разлуки,
И грустно день за днем встречать,
И руки тянутся, беспомощные руки,
Блаженство наше удержать.
1921

Один из самых внимательных читателей Ахматовой Георгий Адамович всегда фиксировал ретрансляцию фрагментов ее текстов, как у Георгия Иванова:

«Над закатами и розами —
Остальное всё равно —
Над торжественными звездами
Наше счастье зажжено…

— любопытный случай реминисценции из Ахматовой, — бессознательной, вероятно:

Только бы с тобою не расстаться, —
Остальное всё равно»[29].

В последнем случае можно говорить о своего рода меме, которых первые пять ахматовских сборников породили изрядное количество. Они появлялись в дневниках и письмах современников, неизбежно проникали в их стихи и прозу:

[29] *Адамович Г.* Рец.на кн.: Современные записки. Кн. 45 // Последние новости. 1930, 27 нояб.

Я говорила ему стихи Ахматовой. И мне хотелось, чтобы он думал, как я в ту минуту, что это обо мне, о нас:

И крикнул: Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой? —

И потом:

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня,
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня[30].

———

Чары ночи путей не сокроют,
Я очнусь и пойду наугад:
«Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад»*

* Стихи Анны Ахматовой < «Кое-как удалось разлучиться», 1921>[31].

———

Чтоб были стихи, как отреявший ладан —
«Я очень спокойна, но только не надо»[32].

Симптомом превращения отдельных строк в мемы (и одним из стимуляторов такого превращения) являются эпиграфы. Взять немногие:

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем. И она тиха[33].

Много счастья уготовано.
Тем, кто волен на пути[34].

---

[30] *Кунина И.* Только факты, сэр! Роман. Берлин, 1933. С. 83.

[31] *Дешевой Н.* Листопад: Воспоминания. Цикл стихов. Париж; Берлин, 1934. С. 7. Отдельный вопрос — предпосылки превращения в мем. Здесь играют роль разнообразные факторы (например, положение в тексте — зачин, кульминанта или финал), но в случае стиха «Веселит золотой листопад» следует отметить в первую очередь «противучувствие» — оксюморон на тему «люблю я пышное природы увяданье», симметрию трех равноударных трехсложных анапестических слов, аллитерацию *с-л-т з-л-т л-с-т*.

[32] *Крузенштерн-Петерец Ю.* Стихи. Кн. первая. Шанхай, 1946. С. 2.

[33] *Зайцев П.* Ночное солнце: Стихи. М., 1923. С. 40; ср. надпись на «Поэме событий»: «Анне Ивановне [Чулковой-Ходасевич] — настоящую нежность не спутаешь ни с чем. И она тиха… Конст. Большаков. 18 февраля 916 года. В Москве»; ср. также: «Настоящую нежность (“которой не спутаешь ни с чем”) дает Фиолетов» (*Петроний [П.Б. Краснов]*. Рец. на кн.: Чудо в пустыне. Одесса, 1917 // Ипокрена (Харьков).1917. № 1. С. 32).

[34] *Лезин Н.* Радость весенняя. Харьков, 1917. С. 16; ср. эпиграф к повести С. Ауслендера «Жестокая нежность»: «Знаю: гадая, и мне обрывать / Нежный цветок

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться…[35]

Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста[36].

Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь[37].

Ушла к другим бессонница-сиделка[38].

Или эпиграф ко всей книге, мотивирующий ее заглавие:

И оттого мне каждое слово,
Как Божий подарок, было мило[39].

Мемы содержат в себе возможность стать сеянцами новых стихотворений. Приведем два примера.

Обращение к тени мальчика-самоубийцы «совенок замученный» в стихотворении «Высокие своды костела…» сразу же зацепило и раздражило читательское внимание:

И вот, замучивши бедную жертву своей «томной порочности», героиня смиренно молит:

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок, замученный мной!..[40]

маргаритку. / Должен на этой земле испытать / Каждый любовную пытку» (Аргус. 1916. № 8).

[35] *Биленкин А.* Роза во льду: Стихи. Пг., 1916. С. 57.

[36] *Левин Г.* Я затерянный в снежной пурге // Культура (Саратов). 1922. № 1. С. 7. Из этого же стихотворения — «Меня покинул в полнолунье…» — эпиграф к рассказу Г. Иванова «Акробаты»: «Как мой китайский зонтик красен, / Натерты мелом башмачки!» (Аргус. 1917. № 9-10).

[37] *Манухина Н.* Не то...: Лирика. Кашин, 1920. С. 15; ср.: «Какую власть имеет человек, / Который даже нежности не просит» (Там же. С. 12); ср. в стихотворении «Призраки зимы»: «День весь серебряный, чуть матовый. / Усталые застыли облака. / Как грустные стихи Ахматовой / Тоска тревожна и горька, / День весь серебряный, чуть матовый...» (Там же. С. 24).

[38] *Кальма Э.* Спелый колос. Берлин, 1923. С. 62; о влиянии Ахматовой см. в рецензии Эрг (Романа Гуля): Накануне. 1923, 1 нояб.

[39] *Спендиарова Т.* Подарок: Стихи (1919–1922). Феодосия, 1922. Ср. также эпиграф ко всей книге: «…Невозможно жить / Без солнца телу и душе без песни. Анна Ахматова» (*Визи М.* Стихотворения. Харбин, 1929).

[40] У Ахматовой, разумеется, «совенок замученный мой», но до читателей журнала «Современный мир», где напечатана рецензия Д. Тальникова, до т.н. «демократической» аудитории, мем дошел в более брутальной версии.

Почему «совенок», а не «утенок», как у чеховской барыни? Впрочем, на 61 стр. «веселый мальчик» называется «лебеденком»(!)[41].

«Совенок» запомнился читателям,[42] и не исключено, что из стихотворения о «студенте-католике» он попал в клюевский «Плач о Сергее Есенине»:

Намел из подлавочья ярого слова я
Тебе, мой совенок, птаха моя любимая![43]

И спустя 17 лет после выхода «Четок» этот мем развертывает в стихотворение «Анне Ахматовой» эмигрантский поэт:

Быть тобой замученным совенком,
Изойти, вдыхая аромат
Имени в предначертаньи звонком
У тебя похищенных цитат.

Помнить очерк в медальоне темном
Петербурга шелковых портьер,
Поэтесс, поэтов, жадным сонмом
Унесенный в сладость лучших сфер.

Ты молитвы дай нам за любивших,
За отвергнувших несытый взгляд,
И за всех невольно изменивших
Глупых неприрученных совят[44].

О другом меме, преследовавшем Маяковского, вспоминала Лиля Брик:

Он, конечно, бывал влюблен, когда <…> умолял:

Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты.
(Ахматова, «Гость»)[45].

---

[41] *Тальников (Шпитальников) Д.* Анна Ахматова. Четки // Анна Ахматова: Pro et contra. Антология / Сост. Св. Коваленко. СПб., 2001. Т. 1. С. 109; критик поминает рассказ «Володя» о гимназисте-самоубийце и сцену после сближения: «— Однако мне нужно уходить, — сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. — Какой некрасивый, жалкий… фи, гадкий утенок!»

[42] Ср.: «С.А. Кузьмин-Караваев... <…> сплетник (говорил, что замученный совенок — это он!)» (*Лукницкий П.Н.* Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II: 1926–1927. С. 191).

[43] Это два единственных примера метафоры «совенка»: *Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М., 2012. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. С. 80.

[44] *Иртель П.* Стихи 1929–1935 и поздние стихи 1979. Paris, [1981] С. 1; Иртель Павел Михайлович (настоящая фамилия Иртель фон Брендорф; 1896–1979).

[45] *Брик Л.* Чужие стихи (глава из «Воспоминаний») // В. Маяковский в воспоминаниях современников. М., 1963. С. 331.

Строки были на слуху: «Прикрыв глаза, подставляла Мария откинутую голову под поцелуи Максимова и стиснув рот, шептала: Расскажи, как тебя целуют, расскажи, как целуешь ты…»[46] На тему этих строк молодой ставропольский поэт Леонид Пивоваров написал стихотворение «Случайной»:

Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты.
А. Ахматова

В нашей комнате было тесно для двух.
Узкая полочка с безделушками.
Зеркало. Пудра. «Лебяжий пух».
Кровать с четырьмя подушками.

Вы сидели на ней, глаза опустив,
Я смотрел на ваш профиль матовый,
А в душе звенел несложный мотив,
Две строки из Анны Ахматовой.

Я видел, что скоро ваше тело сомнут
За рубли свои ночные кавалеры.
Вам станет привычен нерадостный труд:
Поцелуи и ласки гетеры …

Путались пальцы в девичьей косе,
На щеках пламенели пятна.
Я был в этот раз таким, как все:
Порочным, настойчивым, жадным.

Мне вас не было жаль. Я душу убил.
Хорошо унижать без цели.
Сказал равнодушно, когда уходил:
«Ты скоро пойдешь по панели …»[47]

[46] *Королевич В.* Студенты столицы. М., 1916. С. 10. Королевич (Королев) Владимир Владимирович (1894–1969) — поэт, прозаик, автор статьи «Женские силуэты. Анна Ахматова» (Пчелка. 1917. № 18. С. 12–15); см. о нем статью А.А. Кеды: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 77–78.

[47] Из сборника «Поцелуй через вуаль: Лирика» (Ставрополь, 1918); о Леониде Александровиче Пивоварове (1896–?) см., например: *Тименчик Р.* История культа Гумилева. М.; Иерусалим, 2018. С. 81–82; был арестован красными в 1920 г. как вкладчик добровольческих изданий, выпущен, продолжал писать интересные стихи (см., напр.: РГАЛИ. Ф. 1737 (К.А. Липскеров). Оп.1. Ед. хр. 318), в конце 1920-х его стихи печатались в казахской газете «Советская степь». Стихотворение 1919 г. «Памяти ген. М. Алексеева» перепечатывалось в ди-пийских изданиях (напр.: На рубеже (Келлерберг).1947. № 52. С. 4).

«Кто знает, что такое слава!» — спрашивала Ахматова в позднем стихотворении. Мы можем ответить, что, в числе прочего, это инобытие стихов поэта в читательской среде, которая трансформирует их иногда до полной неузнаваемости. Вот как описывал эффект превращения бессмертных стихов в сегодняшний мем один из современников Ахматовой (она его числила в списке почетных хулителей):

> Нынче ночью явилась изумительная мысль. Прочел на столбе афишном название пьесы новой для кинематографа: «В буйной слепоте страстей». И подумал, — что за корявая публика, нелепое до чего словосочетание. И вот на углу за делом останавливаюсь — шерсть встает дыбом: — отцы милостивые, это же цитата из Тютчева! Дальше стишок идет: «мы то всего вернее губим, что сердцу нашему… и т. д.» Отчего же я так сперва на эту строку окрысился, ведь сам же ее не раз грудным голосом читал, указуя, что вот где истина-то. Лицо такое делал для мрачности, — а вот нате. Существо я не слишком суеверное и не так уже перетончен, чтобы дойти до мысли глупейшей: — интимизм и придушевная глубина сего творения поблекли, завяли, вынесенные на площадь, на публичный срам; отпечатанное четырехвершковыми литерами, ad literam оно исчезло. (Да ведь тут элегия! и опять по Тютчеву: «судьба людскому суесловью…»). Итак, это отбрасывается, а, следовательно… — следовательно, была поза старательная (знаю: сам же грудным голосом…) поза, значит, была, — а на кой нам черт поза?[48]

Литература

Анна Ахматова: Pro et contra. Антология. Т. 1 / Сост. С. Коваленко. СПб.: РХГА, 2001. 964 с.

Ахматова А. Записные книжки (1958́–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. 850 с.

Кеда А.А. Королевич (Королев) Владимир Владимирович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 77–78.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М.: Языки славянской культуры, 2012. 512 с.

Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж: YMCA-PRESS; М.: Русский путь, 1997. 374 с.

[48] Неизвестная книга Сергея Боброва (К<от> Бубера. Критика житейской философии. М., Центрифуга, 1918). Из собрания б-ки Стэндфордского ун-та / Под ред. М.Л. Гаспарова. Oakland, 1993. С. 64–65. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Неизвестная книга Сергея Боброва (К. Бубера. Критика житейской философии. М., Центрифуга, 1918). Из собрания б-ки Стэндфордского ун-та / Под ред. М.Л. Гаспарова. Oakland: Berkeley Slavic specialties, 1993. XII, 95 с. (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

Никольская Т. «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 193 с.

Слепакова Н.М. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. Л.В. Мочалова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Гуманитарная академия, 2012. 384 с. (Новая б-ка поэта. Малая серия).

Тименчик Р. Анна Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

Тименчик Р. Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб.: Ин-т рус.литературы (Пушкинский Дом), 2009. С. 529–548.

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2018. Vol. 6. S. 207–235.

Тименчик Р. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2018. 640 с.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 776 с.

References

Akhmatova A. *Zapisnye knizhki (1958́–1966)* [Notebooks (1958–1966)], comp. and ed. by K.N. Suvorova, intro. by E.G. Gershtein, consult., notes and indexes by V.A. Chernykh. Moscow, Torino, Einaudi Publ., 1996. 850 p. (In Russ.)

Anna Akhmatova: Pro et contra. Antologiia. T. 1 [Anna Akhmatova: Pro et contra, An anthology. Vol. 1], comp. by S. Kovalenko. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2001. 964 p. (In Russ.)

Keda A.A. Korolevich (Korolev) Vladimir Vladimirovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 3* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 3]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1994, pp. 77–78. (In Russ.)

Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Iu. *Materialy k slovariu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX–XX vv. Vyp. 2: Zveri, nasekomye, ryby, zmei* [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons in Russian literature of the 19–20th centuries. Issue 2: Beasts, insects, fish, snakes]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012. 512 p. (In Russ.)

Luknitskii P.N. *Acumiana. Vstrechi s Annoi Akhmatovoi. T. II: 1926–1927* [Acumania. Encounters with Anna Akhmatova. Vol. II: 1926–1927]. Paris, YMCA-PRESS, Moscow, Russkii put' Publ., 1997. 374 p. (In Russ.)

Neizvestnaia kniga Sergeia Bobrova (K. Bubera. Kritika zhiteiskoi filosofii. M., Tsentrifuga, 1918). Iz sobraniia b-ki Stendfordskogo un-ta [Unlnown book by Sergei Bobrov (K. Bubera. Criticism of everyday philosophy (Moscow, Tsentrifuga, 1918). From the collection of Stanford University Library], ed. by M.L. Gasparov. Oakland, Berkeley Slavic specialties, 1993. XII, 95 p. (In Russ.)

Nikol'skaia T. *"Fantasticheskii gorod": Russkaia kul'turnaia zhizn' v Tbilisi (1917–1921)* ["Fantastic city": Russian cultural life in Tbilisi (1917–1921)]. Moscow, Piataia strana Publ., 2000. 193 p. (In Russ.)

Slepakova N.M. *Stikhotvoreniia i poemy* [Lyrics and poems], intro., comp., notes by L.V. Mochalov. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Gumanitarnaia akademiia Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)

Timenchik R. Anna Akhmatova i sovetskii chitatel' [Anna Akhmatova and the Soviet reader]. *Russkaia literatura*, 2014, no. 2, pp. 190–206. (In Russ.)

Timenchik R. *Istoriia kul'ta Gumileva* [History of the Gumilev cult]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2018. 640 p. (In Russ.)

Timenchik R. Iz «Imennogo ukazatelia» *k «*Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi [From the Index to Akhmatova's "Notebooks"]. *Memento vivere: Sb. pamiati L.N. Ivanovoi* [Memento vivere: A collection in memory of L.N. Ivanova]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2009, pp. 529–548. (In Russ.)

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelia k «Zapisnym knizhkam» Akhmatovoi [From the Index to Akhmatova's "Notebooks"]. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 2018, vol. 6, pp. 207–235. (In Russ.)

Timenchik R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev* [Undeerground classics: Innokenty Annensky. Nikolai Gumilev]. Moscow, Mosty kul'tury Publ., Jerusalem, Gesharim Publ., 2017. 776 p. (In Russ.)

Successes of Anna Akhmatova

© 2018, Roman Timenchik

Abstract: The report examines some features of the functioning of the «school of readers» of Anna Akhmatova's poetry: the tendency to intersect social and aesthetic demarcation lines, a constant idea of obligation to imitate Akhmatova's poetry, the functioning of quotations from her poems as memes and the tendency to evolve them into a new narration in verses.

Keywords: «school of readers», the cult of the poet, imitation in literature, popular expressions.

Information about the author: Roman Timenchik, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel.

E-mail: suzirom@gmail.com

Citation: Timenchik Roman. Successes of Anna Akhmatova. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 244–263.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-264-281
УДК. 821.161.1

«Господин Гросвальд творит чудеса»: К истории ранних успехов русской литературы в Финляндии

© 2018, Т. Хуттунен

Аннотация: В статье обсуждается ранний период в истории переводов русской литературы на финский язык и в особенности загадочный «персонаж» петербургской прессы господин Гросвальд, который, согласно мелким газетным новостям (1875–1892 гг.), активно занимался переводом русской литературы на финский и к тому же был якобы участником многих событий, актуальных для жизни петербургских финнов. Иллюстрируются контексты «появлений» г-на Гросвальда, человека-мистификации, с помощью реальной истории русской литературы в Финляндии.

Ключевые слова: Гросвальд, русская литература в Финляндии, петербургская пресса, перевод, мистификация, Э. Паландер, Ю. Крун, К. Суомалайнен, И.А. Крылов, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь

Информация об авторе: Томи Хуттунен, доктор философии, профессор, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия.

E-mail: tomi.huttunen@helsinki.fi

Цитирование: *Хуттунен Т.* «Господин Гросвальд творит чудеса». К истории ранних успехов русской литературы в Финляндии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 264–281.

История ранних переводов русской прозы на финский язык в 1870-е — 1880-е гг. богата неточностями, недоразумениями и ошибками[1]. Историю перевода в отдельных изданиях принято традиционно начинать с публикации повести “Kapteenin tytär” («Капитанская дочка») Пушкина, вышедшего в декабре 1876 г. в переводе Карла Густава Самули Суомалайнена (Samuli S., 1850–1907)[2]. На самом деле, как нам удалось выяснить, перевод повести Тургенева “Ravintola tien syrjässä” («Постоялый двор»), успел выйти отдельным томиком до издания Пушкина, еще весной 1876 г.[3] Переводчик тургеневской повести до сих пор неизвестен, и Суомалайнен также не упоминает переводчика в своей рецензии на книжку[4]. В те годы разные повести Тургенева нередко публиковались в финских газетах, по-фински или по-шведски, и он был первым известным русским писателем в Финляндии[5]. В 1872 г. был опубликован финский перевод рассказа Тургенева «Певцы» (“Laulajat”) на страницах ежемесячного литературного журнала “Kirjallinen kuukauslehti”, и это считается первым переводом Тургенева на финский язык. Отметим, что фенноман Ю. Крун (Julius Krohn, 1835–1888), тогда доцент финского языка и литературы Хельсинкского университета, собирался выпустить перевод «Несчастной» Тургенева как часть серии “Novellikirjasto” («Библиотека новелл») Финского литературного общества в 1870 г.[6] Серия Круна знаменита в первую очередь тем, что в ней

[1] Не стоит забывать о том, что в Финляндии переводили русскую литературу на шведский намного раньше, чем на финский. Например, Пушкина перевели еще при жизни поэта. Фредрик Август фон Платен (1790–1868) перевел его «Кавказского пленника» уже в 1825 г., и его перевод драгоценен еще и тем, что это первый шведский перевод русской литературы, сделанный прямо с русского, т.е. без посредника немецкого или французского языка.

[2] Согласно издательской рекламе компании Waldemar Churberg, перевод «Капитанской дочки» выходил 6 декабря 1876 г.

[3] Повесть вышла сначала в газете “Keski-Suomi” (№№ 1–10) в городе Ювяскюля, где работало и издательство Weilin & Göös, опубликовавшее книгу в марте 1876 г. Один из основателей издательства, А.Г. Вейлин (1823–1889), был учителем русского языка из Выборга и в 1847–1849 гг. стипендиатом в Казанском университете. Не исключено, что Вейлин сам был переводчиком повести Тургенева. В оригинале повесть вышла впервые в «Современнике» 1855 г., № 11.

[4] *K.G.S.* [Arvostelu] // Kirjallinen kuukauslehti. 1876. № 9. S. 218–219. В рецензии Суомалайнен критикует выбор текста Тургенева, считая его далеко не лучшим произведением автора. Зато перевод он считает вполне качественным, критикуя лишь некоторые отдельные решения переводчика.

[5] См.: *Карху Э.* Финляндская литература и Россия: 1850–1900. М.; Л., 1964. С. 47–48; *Hellman B.* A Visitor and a Letter: Ivan Turgenev’s Finnish Contacts // С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008. P. 59–67. URL: http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/5.pdf (просм. 11.7.2018). Самым ранним переводом Тургенева на шведский считается «Фауст» (*Turgenev I.* Faust. Berättelse i nio brev // Helsingfors Tidningar. 1863. №№ 79–88).

[6] Этот план зафиксирован на задних обложках серии “Novellikirjasto” 1870 г. Тем не менее в протоколах заседаний ФЛО о переводе Тургенева не говорится, и повесть

впервые в том же 1870 г. появилось самое известное классическое произведение финской реалистической прозы — роман «Семеро братьев» Алексиса Киви, публикация которого стала скандальной из-за резкой критики проф. А. Альквиста, ненавидевшего реализм. А когда Крун в 1873 г. основал свой еженедельный журнал “Suomen Kuvalehti”, он первым делом опубликовал на его страницах переводы рассказов Тургенева «Петр Петрович Каратаев» и «Лигов»[7].

Что касается ранних переводов Тургенева, здесь нам представляется необходимым исправить стойкие ошибочные представления о письме, присланном Тургеневым Э.В. Паландеру 20 марта 1882 г., в котором автор дает разрешение на публикацию своих произведений на финском языке. Во-первых, Эдуард Вильгельм Паландер (Edward Wilhelm Palander, 1845–1914, в 1907 г. переделал свою фамилию на Suolahti) был не шведским журналистом[8], а финским учителем лицея города Хямеенлинна, экстраординарным лектором русского языка Хельсинкского университета, переводчиком и автором хрестоматий по русской и немецкой литературам, а также редактором газеты “Hämeen Sanomat”.[9] Во-вторых, переводчиком Тургенева, которому сам писатель дает разрешение в письме, является не известный финский писатель Юхани Ахо[10], а ученик (еще в лицее) вышеупомянутого лектора Паландера, студент Карл Северин Ахониус (1860–1937), в дальнейшем ректор шведского лицея города Хельсинки. В-третьих, речь в самом письме идет о публикации романа «Ася» не в финском журнале “Valvoja”[11], но

не попала также в опубликованный в 1870 г. список плана переводной литературы, составленный Й.В. Снеллманом (см.: *Sulkunen I.* Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 1831–1892. Helsinki, 2004. S. 160–161). Повесть Тургенева была впервые опубликована в первом номере «Русского вестника» 1869 г. Таким образом, план публикации его перевода был неожиданно быстрым, учитывая, что секретарь серии Ю. Крун был в Швейцарии до июня 1869 г. Родившийся в Выборге Крун владел русским, так что он мог познакомиться с повестью в оригинале за рубежом.

[7] *Turgenev I.* Pjotr Petrovitsh Karatajev // Suomen Kuvalehti. 1873. No. 2–3. S. 2–3, 26–29; *Turgenev I.* Ligov // Suomen Kuvalehti / Suom. A[rvid]G[enetz?]. 1873. No. 6–7. S. 63–65, 75–76.

[8] Ср.: *Мостовская Н.Н.* Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883). СПб., 2003. С. 441; *Варенцова Е.М.* Новый комментарий к письму И.С. Тургенева к Э.В. Паландеру (о первых переводах произведений писателя на финский язык) // Спасский вестник. 2016. № 13. С. 182. См. также: *Hellman B.* A Visitor and a Letter: Ivan Turgenev’s Finnish Contacts. P. 64–67.

[9] Отец Паландера, К.Э. Паландер (1811–1900), был лютеранским пастором, который работал настоятелем в ингерманландских приходах Молосковицы и Кубаницы, где его сын и родился.

[10] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Т. 13. Кн. 1: Письма 1880–1882. Л., 1968. С. 215.

[11] Там же. В журнале вышла лишь рецензия на роман.

отдельным изданием, что становится ясно из письма К.С. Ахониуса к Б.М. Соколову от 1 сентября 1928 г.[12]

Примечательно, что лектор Э.В. Паландер написал русскоязычный «Путеводитель по Гельсингфорсу» (1873)[13], а также перевел с шведского на русский первую биографию выдающегося ученого, путешественника и натуралиста Э.Г. Лаксмана (1737–1796)[14]. Автором биографии Лаксмана был Вильгельм Лагус (1821–1909), бывший ректор Хельсинкского университета. В работе над биографией Паландеру помогали бывшие профессора русского языка и литературы Императорского Александровского университета Я.К. Грот и С.И. Барановский. К тому же, Паландер перевел с финского на русский любопытный дебютный сборник новелл вышеупомянутого Ю. Круна (псевдоним Суонио) в 1879 г.[15]

Роль К. Суомалайнена чрезвычайно важна в истории русской литературы в Финляндии[16]. Кроме Пушкина он переводил Гоголя, Тургенева, Толстого, Короленко и Горького. Конец своей жизни он посвятил исключительно художественной литературе и весной 1907 г., после своих переводов «Отцов и детей» Тургенева и «Божеского и человеческого» Толстого, хотел переводить новую русскую литературу[17]. В письме 1907 г. его приятель, художник С.В. Животовский (1869–1936), рекомендует Суомалайнену переводить Л. Андреева, А. Куприна, В. Немировича-Данченко и А. Писемского. К сожалению, переводчик скончался в мае того же года, и эти планы не осуществились[18].

---

[12] См.: *Варенцова Е.М.* Новый комментарий к письму И.С. Тургенева к Э.В. Паландеру. С. 182. Ахониус перевел четыре романа Тургенева: “Asja”. Tampere, 1882; “Kolme kohtausta” («Три встречи»). Pori, 1882; “Aattona” («Накануне»). Helsinki, 1883; “Ensi lempi” («Первая любовь»). Hämeenlinna, 1883.

[13] *Паландер Э.В.* Путеводитель по Гельсингфорсу (с планом города). Гельсингфорс, 1873. URL: http://urn.fi/URN:NBN:fi-fd2010-00002320 (просм. 11.7.2018).

[14] *Лагус В.* Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка / Пер. Э.В. Паландер. СПб., 1890.

[15] *Суонио*. Рассказы луны / Пер. Э.В. Паландер. Гельсингфорс, 1879. Сборник вышел по-фински в 1869 г.

[16] К. Суомалайнен родился в Петербурге в семье ювелира, и его покровителем стал К. Слэр (Kaarlo Slöör, 1833–1905), один из центральных деятелей Финского литературного общества. Суомалайнен учился в г. Ювяскюля, где была первая финская гимназия, и окончил Хельсинкский университет. Работал учителем математики в Хельсинкской гимназии, а также учителем финского в русской гимназий Хельсинки. Основал свою газету “Laatokka” («Ладога») в Сортавале и редактировал ее в 1882–1884 гг.

[17] См. письмо К. Суомалайнена В. Сёдерстрёму от 23 июня 1906 г. (Kansallisarkisto. Ф. 108. WSOY:n arkisto. Kirjailijakirjeenvaihto: Kaarlo Suomalainen Werner Söderströmille. 23.6.1906).

[18] С.В. Животовский — К. Суомалайнену от 14 февраля 1907 г. (Helsingin yliopiston kirjearkisto. Ф. 394. K.G.S. Suomalaisen arkisto. Kirjeet: S.V. Životovski K.G.S. Suomalaiselle. 14.2.1907).

Симптоматично, что первые переводные издания русской литературы в Финляндии совпадают с периодом интенсивного роста газетной прессы. Если в 1870 г. общий тираж финляндских газет был 27 тысяч, то в 1900 г. он вырос в десять раз. Этот рост газетной прессы отражается и в деятельности литераторов, переводчиков и издателей, так как они чаще всего были активны и в этой области. Характерно, что Суомалайнен, Паландер и Крун — все были редакторами газет или журналов.

История ранних финских переводов русской литературы предстает еще более сложной, когда именно в газетном мире сталкиваемся с загадочным деятелем-переводчиком, господином Гросвальдом, достоверных свидетельств о реальном существовании которого в историческом мире до сих пор не обнаружилось. Наоборот, разные обстоятельства свидетельствуют о том, что он был чьей-то выдумкой, и, как нам кажется, из петербургского газетного мира 1870-х гг. Этот человек возникает исключительно в мелких новостях, в коротких текстах «на забивку», в каких газеты постоянно нуждались. Значение этого феномена скрывается, как нам кажется, в контекстах его появлений, поэтому мы предлагаем некое историко-литературное контекстуальное прочтение тех сюжетов, которые возникают при новостях о господине Гросвальде.

Загадочный Гросвальд (в сокращенном виде «Гр–») появляется впервые 31 мая 1875 г. на странице петербургской газеты «Новости», которая выпустила небольшое сообщение о том, что басни И.А. Крылова переводятся на финский язык:

> **Перевод басен Крылова**. Нам передают, что г. Гр–ом, наставником одной из сельских школ нашего уезда, окончен и готовится к выпуску в свет перевод собранных басен И.А. Крылова на финский язык. К переводу этому приложена и краткая биография И.А. Крылова. В то же время нам сообщают, что тем же г. Гр–ом собрано значительное число финских легенд и песен, которые и будут им изданы в переводе на русский язык. По отзыву людей, хорошо знакомых с финским языком, перевод басен Крылова сделан очень хорошо и отличается чрезвычайно изящными стихами[19].

[19] Новости. 1875. 31 мая. С. 1. Издателем и редактором «Новостей» был с их основания в 1871 г. Ю.О. Шрейер (1835–1887), «король петербургского репортажа», личность которого отразилась на характере газеты: «“Новости” не брезговали непечатными выражениями, анонимными обличительными статьями, скабрезными намеками на понятные современникам обстоятельства. Газету в цензурном ведомстве характеризовали не иначе, как “бьющее на скандал издание”» (*Сонина Е.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2004. С. 88). Так продолжалось до ноября 1876 г., когда владельцем «Новостей» стал О.К. Нотович (1849–1914): «Молодому издателю удалось сделать почти невозможное: из уличного листка, имеющего подмоченную репутацию, “Новости”

В языке этой новости типичными являются формулировки «нам передают» или «нам сообщают», которые служат постоянными аргументами появления подобных сведений в «Новостях». Эту новость немедленно отметили на страницах нескольких газет Финляндии. 23 июня 1875 г. некоторые шведскоязычные газеты (“Morgonbladet” и “Finlands Allmänna Tidning”) перепечатали ее, называя господина Гр–а «учителем ингерманландской народной школы» (“lärare vid en folkskola i Ingermanland”). В течение следующих дней ее перепечатали в остальных хельсинкских шведскоязычных газетах, в главной газете “Hufvudstadsbladet” даже два раза (24 и 27 июня). Энтузиазм финляндских газет можно понять, учитывая, что, если бы такой перевод в действительности вышел в свет в 1875 г., он стал бы не только первым томом басен Крылова на финском языке, но и первым отдельным изданием русской литературы на финском вообще. Следует, однако, отметить, что отдельные басни Крылова были до этого переведены на финский, и о них тоже иногда писали в прессе. Например, в газете Финского литературного общества “Päivätär” в 1865 г. одна крыловская басня о свинье (“Pikku satu”) послужила иллюстрацией в споре между редакциями двух видных хельсинкских газет — “Päivätär” и “Suometar”. Однако вышеупомянутый финский том Крылова в переводе господина Гр–а не обнаружен. Впервые том басен Крылова вышел по-фински только в 1913 г. в переводе Сакари Путро (1856–1931), который в самом деле был ингерманландским учителем сельской школы и журналистом, а также членом достаточно известной просвещенной семьи из Туутари (Дудерово)[20].

Другой важный момент в приведенной выше новости — якобы предпринятое г. Гр–ом собрание финских легенд и песен. Как нам кажется, здесь учитываются ожидания потенциального читателя и контекст возникновения сюжета мелких новостей о г. Гр–е. Одной из главных задач финской лингвистики, работ фенноманов, в дальнейшем литераторов и переводчиков XIX в., был поиск финно-угорских языков, в духе национального романтизма и сравнительно-исторического языковедения. Кроме собирателя «Калевалы», Э. Лённрота (1802–1884), всем известны имена А. Шегрена (1794–1855), М. Кастрена (1813–1852), А. Альквиста (1826–1889). Из них в особенности последний, профессор финского языка и

превратились в большую политическую и литературную газету» (*Сонина Е.* Взлеты и падения петербургского издателя: О.К. Нотович и газета «Новости» // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4 (68). С. 87).

[20] *Krylov I.* Tarinoita / Suom. Sakari Putro. Helsinki, 1913.

литературы, собирал материалы «финского племени» в Карелии и Ингерманландии. Важнейшими организациями, способствующими этой деятельности, стали Общество финно-угорских языков и Финское литературное общество.

Другими словами, непосредственным контекстом для «деятельности» г. Гр–а с первого его появления становится среда фенноманов и актуальные их занятия, связанные с русской культурой. Это медленно и с некоторым трудом возникающая переводческая активность русской литературы на финский и, с другой стороны, этнолингвистическая активность в финских деревнях окрестностей Петербурга. Общим мотивом этих контекстов является поддержка финского языка и финноязычной культуры Финляндии.

Второй раз загадочный переводчик русской литературы на финский появляется осенью 1877 г. Газета “Uusi Suometar”, ссылаясь на “St. Petersburgische Zeitung”, рассказывает о группе из 17 петербургских финских солдат-волонтеров, желающих поступить на русско-турецкий фронт. Согласно газете, среди них «некий господин Гроссвальдт (Grosswaldt)[21], который стал известным в литературном мире, благодаря своим переводам пьес и других произведений на финский»[22]. Новость эта была дополнена вопросительным знаком в конце.

Сюжет турецкой войны был чрезвычайно актуален в 1877 г., финских солдат в войне участвовало около 900 — т.н. «Лейб-гвардии Финский полк», и из этого полка снайперов состояла так называемая «Финская гвардия» (“Suomen kaarti”). В начале войны, в мае 1877 г., пятеро финских офицеров было избрано в «Русскую гвардию» («Лейб-гвардию»)[23], а остальная «Финская гвардия» участвовала в войне с сентября 1877 г. Финские солдаты, которые участвовали в войне, опубликовали потом воспоминания и песни, которые стали известной частью финской популярной культуры. В таких песнях, как “Oi kallis kotimaa”, подчеркивается «финскость», верность Российской Империи и официальная поли-

[21] Фамилия «Гроссвальдт», «Гроссвальд», «Гросвальдс» или «Гросвальд» отсылает скорее к балтийским немцам, чем к финнам. Отметим, что основатель «Новостей» Шрейер работал начальником Виленской телеграфной станции в 1860-е гг. В каталогах ингерманландских лютеранских приходов или адресных книгах Петербурга этого времени фамилия не встречается. Известный Фридрих Петрович Гросвальд (Frīdrihs Grosvalds, 1850–1924) — латвийский политик, студент Тартуского и выпускник Петербургского университета, в дальнейшем посол Латвийской республики в Швеции — мог служить здесь некоторым прототипом для фамилии персонажа. Его сын, Ольгерд Гросвальд (Oļģerds Grosvalds, 1884–1962), был послом Латвийской республики в Финляндии в 1925–1930 гг.

[22] Uusi Suometar. 1877. 27. elokuuta (август).

[23] *Suistola J. & Tiilikainen H.* Sodassa vieraalla maalla. Suomalaiset Turkin sodassa 1877–1878. Helsinki, 2014. S. 39.

тическая история. В сохранившихся списках, воспоминаниях или изданиях, посвященных турецкой кампании, фамилия Гросвальда не встречается. Зато в этой новости подчеркивается контекст лояльности финнов Российской Империи и царю Александру II, Великому Князю Финляндии.

В сентябре 1879 г. "Uusi Suometar", ссылаясь в этот раз на «Новое время», рассказывает о планах новой финской театральной деятельности в Петербурге. Планируется финская театральная труппа, которая будет играть в т. ч. пьесы Островского в переводе Гросвальда. «Насколько это достоверно, — пишет газета, — пусть выясняют нам петербургские финские газеты»[24]. Финские газеты были, действительно, связаны с финской театральной жизнью в Петербурге. Национальный Финский театр (основанный в 1872 г.) совершил три гастрольные поездки в Петербург в 1870-е гг.[25] Еще в 1871 г. глава Финского театра К. Бергбум (1843–1906) изучал возможности Петербурга с точки зрения своей деятельности и констатировал, что Петербург — «самый большой финский город», так как там живет 20 000 финнов. Он останавливался в Петербурге у своего приятеля А. Хагмана, который был редактором первой финской газеты города. В результате в конце 1873 г. часть Финского театра приезжала в Петербург и выступала, по словам очевидца, успешно:

> Из Петербурга нам пишут: 23-го ноября (старого числа) выступала Финская театральная труппа здесь в немецком клубе «Пальма». Это была первая финская пьеса здесь в Петербурге, и от нее слушатели, по крайней мере финские, были в восторге. Но жалко, что почти половина аудитории не смогла спектакль видеть, потому что мест не было. Видите, народу было много, не только финнов, но и шведов, немцев и т.д. Желательно, чтобы труппа внимательнее заботилась о билетах; ни у кого не спросили, есть ли билет или нет. Возможно, народ входил без входного билета. — Первая пьеса была "Työväen elämästä" («Из жизни рабочих»). Г-н Химберг говорил в ней так быстро, что непонятно было, это по-шведски или на каком-то еще. Вторая комедия "Suorin tie paras" («Прямой путь лучше всех») рассмешила аудиторию, актеры Каллио и Корхонен и актриса Саволайнен играли очень хорошо. Третья пьеса была "Laululintunen" («Птичка певчая»), где мы впервые услышали к своему восторгу здоровое пение финляндской барышни, никак не ожидали. Апло-

[24] Uusi Suometar. 1879. 5. syyskuuta (сентябрь). S. 3. Об истории петербургских финских газет см. ниже.

[25] Подробнее о гастролях Финского театра см.: *Aspelin-Haapkylä E.* Suomalaisen teatterin historia. Helsinki, 1906; см. также: *Бюклинг Л.* Отражение русской души в зеркале севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв. СПб., 2015. С. 190–217.

> дисменты и выкрики продолжались несколько минут. — Немножко странно звучит и то, что в начале сеанса практически ни слова не слышали финской речи в первых рядах, а после спектакля как будто все были здесь финнами(!)[26]

Первые гастроли Финского театра в Петербурге были аншлагом. После этого Финский театр приезжал в город еще в 1876 и 1877 гг., но русских произведений в их репертуаре не было. «Женитьбу» Гоголя в Финском театре поставили впервые в 1882 г., в том же году был опубликован «Ревизор» в переводе А. Ельта[27]. Для гастролей существенную поддержку Финский театр получал от финской церкви Св. Марии на Большой Конюшенной улице, и в особенности от пробста Й. Эквиста.

В октябре 1879 г. финская пресса писала о запланированном на весну 1880 г. открытии памятника Пушкину. Господин Гросвальд упоминался в новостях как один из приглашенных финских участников будущего мероприятия. Изначально мероприятие должно было иметь место в день рождения поэта, 26 мая 1880 г., но его переносили несколько раз, и окончательное открытие осуществилось 18 июня 1880 г. В осенних новостях финские газеты писали также, что «согласно русскоязычной петербургской прессе», для данного мероприятия господин Э. Гросвальд планирует издавать биографию Пушкина на финском языке, а также «переводы некоторых избранных стихов, и портрет, и некоторые рукописи»[28].

В декабре 1879 г. господин Гросвальд снова появляется в новостях, согласно которым он теперь планирует издавать новую финскую газету в Петербурге. Источником этой информации является петербургская газета «Молва», которая опубликовала следующую новость 29 ноября 1879 г.:

> Нам сообщают, что Э. Гросвальд предпринимает ходатайство о разрешении ему с будущего года издания в Петербурге еженедельной народной газеты «Финн» на финском языке. Газета эта будет посвящена главным образом распространению между финнами полезных сельскохозяйственных сведений. Цена ее не будет превышать 1 р. 50 к. в год.[29]

---

[26] Uusi Suometar. 1873. 8. joulukuuta (декабрь). S. 2 (перевод наш. — *Т.Х.*).

[27] *Gogol N.* Reviisori / Suom. A. Hjelt. Helsinki, 1882. В том же году вышел и перевод братьев Калима.

[28] Uusi Suometar. 1879. 20. lokakuuta (октябрь). S. 3; Päijänne. 1879. 30. lokakuuta (октябрь). S. 4; Karjala 1879. 31. lokakuuta (октябрь). S. 3.

[29] Молва. 1879. 29. marraskuuta (ноябрь). S. 2.

Газета «Финн» или “Suomalainen” так и не появилась, но это сообщение о будущей новой газете печатается на страницах многих реально существующих газет, выходящих на финском и шведском языках[30]. Газеты “Morgonbladet” и “Pohjois-Suomi” высказывают, однако, сомнения по поводу достоверности сведений «Молвы»[31]. Очевидно, что данная новость отражает еще раз актуальную жизнь петербургских финнов — в этот раз контекстом служит реальная история финских газет. Еще в 1840-е гг. были планы издавать финскую газету в Петербурге, но они не осуществились[32]. В промежутке с 1870 по 1883 г. в Петербурге успело выйти четыре финских газеты. К тому же следует иметь в виду, что в 1870-е гг. в Петербурге жило около 20 000 финнов и около 90 000 ингерманландских финнов. Таким образом, понятно, что в Петербург заказывали немало финляндских газет — лишь в 1893 г. заказывали 49 разных финских газет общим тиражом 1161 экз.[33] Первой финской газетой за границами Финляндии являлась “Pietarin Sanomat” («Вести Петербурга»), выходившая с 1870 по 1873 г. Ее основал и редактировал учитель финского языка и инспектор ингерманландских школ при финской церкви Святой Марии, фенноман Аугуст Хагман (1841–1885). В первом номере новой газеты объявлялось, что газета будет посвящена главным образом распространению между ингерманландцами полезных, в том числе сельскохозяйственных, сведений — принцип, который явно отражается и в «программе» фиктивной газеты господина Гросвальда. Даже цена годового заказа была та же: 1 р. 50 к. Газета Хагмана отличалась, помимо скрытых идей фенноманского «национального просвещения», отделом художественной литературы. В первых номерах опубликовали повесть учителя петербургской приходской школы Туомаса Фримана (1821–1886) “Tyhménit”. В 1872 г. на страницах газеты вышел первый финский перевод Н.В. Гоголя, повесть «Невский проспект», и до сих пор это не отражалось в работах по истории перевода[34]. Из-за личного продолжающегося спора между главным редактором, господином

[30] Uusi Suometar. 1879. 12. joulukuuta (декабрь). S. 5; Wiborgs Tidning. 1879. 13. joulukuuta (декабрь). S. 1; Helsingfors Dagblad. 1879. 13. joulukuuta (декабрь). S. 3.

[31] Morgonbladet. 1879. 15. joulukuuta (декабрь). S. 2; Pohjois-Suomi. 1879. 20. joulukuuta (декабрь). S. 2.

[32] *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. Helsinki, 1965. S. 59.

[33] *Flink T.* Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. Turku, 2000. S. 191.

[34] *Gogol N.* Nevskin prospekti. Jutelma // Pietarin Sanomat. 1872. №№ 22–30. Ср.: *Kauppinen E.* Kirjallinen kuukauslehti. Helsinki, 1952. S. 181; *Haltsonen S.* Nikolai Gogol ja Suomi // Uusi Suomi. 1952. 4. maaliskuuta (март). И Кауппинен, и Халтсонен полагают первым финским переводом Гоголя повесть “Kaleskat” («Коляска») 1877 г.

Хагманом, и настоятелем финской церкви Святой Марии, пробстом Йоханнесом Эквистом[35] (Öhquist, 1831–1883), соперником “Pietarin Sanomat” стала “Pietarin Sunnuntailehti” («Воскресенская газета Петербурга»), которую основал Эквист и которая выходила в 1871–1872 гг. В 1874 г. начала выходить наиболее долговечная “Pietarin Lehti” («Газета Петербурга») под руководством учителя Фримана. Его газета продолжала выходить до 1879 г., когда появилась еще одна газета, “Pietarin Viikko-Sanomat” («Еженедельник Петербурга»), выходившая до 1883 г. Она была опять соперником предыдущей газете Фримана, предприятием ингерманландских пасторов, настоятеля Эквиста и Й.В. Мурмана[36]. В самом начале 1882 г. “Pietarin Viikko-Sanomat” опубликовала перевод повести Гоголя «Портрет»[37].

Эта последняя газета стала площадкой первого, по всей видимости, оригинально финского сочинения касательно господина Гросвальда. Перед Рождеством 1879 г. отмечается широкое разочарование его загадочной персоной, и 6-го декабря “Pietarin Viikko-Sanomat” собирает в целое его достижения:

> **Господин Гросвальд творит чудеса.** В русских газетах зачастую публикуют новости о деятельности финнов в Петербурге. Три года назад сообщили: «Сказки Крылова по-фински», переводит г-н Гросвальд. В прошлом году: «Шведская газета в Петербурге», редактирует г-н Гросвальд. В этом году: «Финская труппа в Петербург», организатор г-н Гросвальд. Только что: «Биография Пушкина по-фински» и переводы его лучших произведений, редактирует г-н Гросвальд. Последняя новость, видимо: «Ежедневная финская газета в Петербурге», редактором будет г-н Гросвальд. — Та часть его работ, которая уже появилась на свете, кажется такого качества, что грешные люди ее видеть не могут. А те, что еще не выходили, вероятно, такого же качества, что и предыдущие. Что г-н Гросвальд принесет в этот мир, никто ведь не может понять.[38]

---

[35] Эквист был одним из основоположников т.н. «Колпанского семинара», первого ингерманландского учительского семинара в селе Малый Колпан. Эквист был, по всей видимости, человек непростой и заботился о том, чтобы Хагмана выгнали с работы школьного ревизора. (См.: *Huttunen K.* Pietarin suomenkielisen lehdistön alkuvaiheet vuosina 1870–1883. Helsinki, 1981. S. 133; *Flink T.* Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. S. 196–199.) Большой любитель сценического искусства, он был также активным помощником Финского театра во время его гастролей в Петербурге, и в газете Эквиста была и реклама театра.

[36] Этим, разумеется, не кончается история финских газет в Петербурге: в 1884 г. основали газету “Inkeri” («Ингрия»), в 1906 г. “Uusi Inkeri” («Новая Ингрия»), в 1907 г. “Neva” и в 1908 г. снова “Inkeri”. См.: *Haltsonen S.* Entistä Inkeriä. S. 60.

[37] *Gogol N.* Muotokuva // Pietarin Viikko-Sanomat. 1882. №№ 1–15.

[38] Pietarin Viikko-Sanomat. 1879. 6. joulukuuta (декабрь). S. 2.

В конце 1879 г. данное разочарование печатается на страницах многих финских газет[39]. Таким образом, финская пресса как бы коллективно объявляет господина Гросвальда фальсификацией/мистификацией, и уже никто не ожидает, чтобы он реально появился на предстоящем Пушкинском юбилее 1880 г. В течение весны 1880 г. новостей о Гросвальде мы не обнаруживаем, несмотря на то, что о Пушкинском юбилее пишется достаточно широко по всей Финляндии. В реальности участвует в юбилее только бывший неординарный профессор русского языка и литературы С.И. Барановский в качестве представителя Императорского Александровского университета. Университет отправил Московскому университету телеграмму:

> Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе, как высший представитель умственной жизни Великого Княжества Финляндского, относясь с живейшим участием к торжеству представителей духовной жизни всей России, чествующих ныне в Москве светлую память великого русского поэта, Александра Сергеевича Пушкина, поручил одному из своих заслуженных профессоров, Степану Ивановичу Барановскому, быть, при открытии памятника Пушкину, изъявителем любви и уважения, питаемых к этому гениальному писателю финляндцами, по его произведениям, изучающим русский язык.[40]

Широко в финской прессе распространяется также информация о том, что на юбилей был приглашен лектор Э.В. Паландер, о котором мы уже писали выше и который весной 1880 г. опубликовал первую финскую историю русской литературы. Книжечка (100 стр.) вышла на немецком языке как приложение к ежегоднику лицея города Хямеенлинна[41]. Приглашение Паландер, по всей видимости, получил по рекомендации академика Я.К. Грота, бывшего ординарного профессора русского языка и литературы Императорского Александровского университета, который был членом комитета по сооружению памятника Пушкину и центральной фигурой самого торжества.

---

[39] Uusi Suometar. 1879. 22. joulukuuta (декабрь). S. 2; Morgonbladet. 1879. 23. joulukuuta (декабрь). S. 3; Savonlinna. 1879. 27. joulukuuta (декабрь). S. 3, Päijänne. 1879. 31. joulukuuta (декабрь). S. 3, Kaiku. 1880. 3. tammikuuta (январь). S. 4.

[40] Венок на памятник Пушкину. Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции. СПб., 1880. С. 178.

[41] *Palander E.W.* Uebersicht der neueren russischen Literatur von der Zeit Peters des Grossen bis auf unsere Tage. Hämeenlinna, 1880.

Затем, в 1882 г., Паландер был одним из т. н. «московских магистров» или «московских стипендиатов», которые получали государственную стипендию на дополнительное образование и на пребывание в Москве, а также университетскую стипендию на дорогу. Целью стипендий было укрепить позицию русского языка в Финляндии — после стажировки стипендиаты обязаны были (с 1843 г.) преподавать русский язык как минимум пять лет в одной из школ Финляндии. Согласно правилам стипендий, с 1868 г. все стипендиаты учились в Москве, занимаясь русским языком под руководством назначенного профессора. Стипендиальный фонд просуществовал с некоторыми изменениями с 1812 по 1917 г.[42], и в его рамках в России училось почти 400 финнов-стипендиатов. С одной стороны, стипендиатской системе не удалось существенно улучшить владение русским языком среди студентов, преподавателей или чиновников Финляндии. С другой стороны, в целом или в отдельности стипендиаты очень разными способами повлияли на финское общество и культуру, например, переводами русской литературы, своей работой учителями в финских школах, научной работой, словарями и т. д. Наглядный пример — работа Э.В. Паландера, из учеников которого получились новые стипендиаты и переводчики русской литературы, как, например, К.С. Ахониус. Из других переводчиков русской или финской литературы среди стипендиатов были С. Хельгрен и Г. Лундаль (переводчики «Калевалы» на русский под руководством профессора Ф.И. Буслаева), А. Райло (переводчик Тургенева), Р. Сеппянен (первый переводчик «Войны и мира» Толстого), В.К. Траст (переводчик Андреева, Толстого, Достоевского и т.д.).

Господин Гросвальд возвращается на страницы прессы в апреле 1881 г., когда шведоязычные газеты “Hufvudstadsbladet” и “Finlands allmänna tidning” реагируют на следующую новость в петербургской немецкой газете “St. Petersburger Herold”:

> **(Сборник финских народных песен.)** Ученый Э. Гроссвальд, известный своими переводами на финский язык, намерен совершить поезд-

[42] Двоих студентов направили в Петербург «для изучения официального языка империи» впервые в 1812 г., и эта практика продолжалась до 1841 г., когда был учрежден специальный постоянный фонд стипендий для поездок с целью изучения русского языка. Подробнее см.: *Кетола К.* Финские московские стипендиаты 1812–1917 // Два лика России. СПб., 2007. С. 46–66. См. также его докторскую диссертацию: *Ketola K.* Ryssän koulussa. Helsinki, 2007, где, в частности, даны краткие биографии всех стипендиатов.

> ку в Финляндию в ближайшее лето, чтобы собрать там народные песни и легенды.[43]

Это еще одна сомнительная новость, учитывая, что в 1875 г. тем же господином Гросвальдом уже было «собрано значительное число финских легенд и песен, которые и будут им изданы в переводе на русский язык». Через год, в апреле 1882 г., газеты сообщают, что в связи с будущей в Москве XV Всероссийской художественно-промышленной выставкой господин Гросвальд собирается выпустить еще одну новую финскую газету. Опять финские газеты Финляндии повторяют новость, пока петербургская газета “Pietarin Viikko-Sanomat” не задается естественным вопросом:

> Господин Гросвальд собирается опять редактировать финский еженедельник, но в этот раз исключительно во время московской выставки. В газете будут обсуждать дела, связанные с торговлей, рукоделием и сельским хозяйством. Было бы интересно знать, кому этот господин Гросвальд «известен», как говорят «Новости»; потому что никто еще не сказал, что видел ежедневник сельскохозяйственной газеты или рассказы Крылова по-фински, или другую литературную продукцию Гросвальда. Ни оригиналов, ни переводов, о которых газеты всё время говорят, что он собирается производить.[44]

Дальнейшую биобиблиографию господина Гросвальда мы передаем как перечень событий, так как он продолжает появляться на страницах финских газет до 1892 г. достаточно регулярно, почти ежегодно, но сам процесс уже существенно не меняется. В августе 1882 г. он — этот «известный своими невидимыми переводами Гросвальд»[45] — выступает якобы основателем новой финской школы в Петербурге. В 1883 г. он появляется, как участник петербургских торжеств в честь коронации Александра III и Марии Федоровны, подчеркивая своим участием лояльность петербургских финнов новому царю. В этот раз фамилия Гросвальда сопровождается и восклицательным, и вопросительным знаками: «“Новости” рассказывают, что во время коронации на Неве плавали украшенные финские лодки. На месте Зимнего Дворца запели Гимн России в переводе на финский. Потом лодки продолжали двигаться до Крестовского острова, где состоялся небольшой пир, предложили

[43] St. Petersburger Herold. 1881. 8. April. S. 4 (перевод наш. — *Т.Х.*).
[44] Pietarin Viikko-Sanomat. 1882. 16. huhtikuuta (апрель). S. 1.
[45] Päijänne. 1882. 6. syyskuuta (сентябрь). S. 3.

тост за здоровье Его Величества, и г-н Гросвальд (!?) читал свое стихотворение, сочиненное для этой церемонии <…>»[46].

В том же месяце, согласно «Новостям», Гросвальд готовит избранные произведения Тургенева для финских школ[47]. «Библиограф» также пишет о его переводах Тургенева: «Избранные сочинения И.С. Тургенева переводятся А. <так!> Гросвальдом на финский язык и в скором времени появятся в печати»[48]. В том же сентябре 1885 г. сообщается, что Гросвальд опять переводит драмы Островского на финский, и в этот раз информация попадает даже в библиографию Островского[49]. Сюжет с Островским продолжается в 1889 г., когда пишется «о предполагаемой постановке “Грозы” (в переводе Гросвальда) финской драматической труппой в Петербурге»[50]. На самом деле Островский был переведен на финский еще одним учителем ингерманландской сельской школы И. Латту (1857–1932), который перевел комедию «Не в свои сани не садись», и ее поставили в 1890 г. в Национальном театре Финляндии[51]. В мае 1889 г. газеты говорят, будто Гросвальд переводит теперь Салтыкова-Щедрина. Газета “Uusi Suometar” пишет, что, «вероятно, мы должны ждать этого перевода так же долго, как и остальных переводов Гросвальда — до конца света»[52]. Первый известный нам перевод Салтыкова-Щедрина на финский вышел в журнале “Valvoja” в 1899 г., отдельным изданием его опубликовали в городе Котка лишь в 1907 г.[53] В августе 1889 г. Гросвальд выступает составителем антологии русской поэзии на финском. В октябре 1889 г. упоминается постановка «Грозы» Островского в переводе Гросвальда. Пьесу в переводе Э. Калимы (1882–1972) поставили в Национальном театре лишь в 1892 году.

Насколько нам известно, в последний раз господин Гросвальд появляется на страницах финских газет в феврале 1892 г.:

> Призрак Гросвальда опять в русских газетах. В газете «Сын отечества» читаем следующее: «Э. Гросвальд, который известен

[46] Hämäläinen. 1883. 6. kesäkuuta (июнь). S. 2.
[47] Uusi Suometar. 1885. 15. syyskuuta (сентябрь). S. 2.
[48] Библиограф. 1885. № 10. С. 67.
[49] «Перевод драм О. на финский язык Гросвальдом» (Театр и жизнь. 1885. № 163, 25 сент. С. 2). См.: *Муратова К.* Библиография литературы об А.Н. Островском 1847–1917. Л., 1974. С. 110.
[50] Всем. 1889. Т. XLII. № 16, 14 окт. С. 251.
[51] См.: *Бюклинг Л.* Отражение русской души в зеркале севера. С. 77–78.
[52] Uusi Suometar. 1889. 1. kesäkuuta (июнь). S. 3.
[53] *Saltykov-Sčedrin M.* Kertomus siitä, kuinka yksi talonpoika ruokki kahta kenraalia / Suom. Y[rjö] W[ichmann] // Valvoja. 1899. №№ V–VI; *Saltykov-Sčedrin M.* Valittuja satiireja / Suom. Robert Arnold Seppänen. Kotka, 1907.

> тем, что переводил произведения русских писателей на финский язык, перевел роман “Обломов” И.А. Гончарова. Перевод будет выходить в Хельсинки с иллюстрациями и с биографией писателя». Удивительный этот господин Гроссвальд! Время от времени русские газеты рассказывают о его литературной деятельности, но до сих пор ничего больше мы о нем не слышим.[54]

«Сон Обломова» (“Oblomovin unelmia”) вышел по-фински впервые отдельным томом в 1894 г. в переводе А.Ф. Хасселя (1855–1911), которому также принадлежит перевод «Записок из мертвого дома» Достоевского в 1888 г. Целиком роман «Обломов» вышел по-фински впервые в 1908 г. в переводе И. Каламниуса (Кианто, 1874–1970), который был одним из «московских стипендиатов» на рубеже веков, а также стал одной из самых значительных фигур финской литературы начала XX в.

Литература

Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале севера. Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2015. 512 с.

Варенцова Е.М. Новый комментарий к письму И.С. Тургенева к Э.В. Паландеру (о первых переводах писателя на финский язык) // Спасский вестник. 2016. № 13. С. 130–132.

Карху Э. Финляндская литература и Россия: 1850–1900. М.; Л.: Наука, 1964. 281 с.

Кетола К. Финны — московские стипендиаты. 1812–1917 гг. // Два лика России / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 46–66.

Мостовская Н.Н. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева (1876–1883). СПб.: Наука, 2003. 653 с.

Муратова К. Библиография литературы об А.Н. Островском, 1847–1917. Л.: Наука, 1974. 286 с.

Сонина Е. Взлеты и падения петербургского издателя: О.К. Нотович и газета «Новости» // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4 (68). С. 85–94.

Сонина Е. Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 360 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 13. Кн. 1: Письма 1880–1882. Л.: Наука, 1968. 622 с.

Flink T. Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa. Turku, 2000. 456 p.

[54] Uusi Suometar. 1892. 5. helmikuuta (февраль). S. 3; Viipurin Sanomat. 1892. 6. helmikuuta (февраль). S. 3; Nya Pressen. 1892. 6. helmikuuta (февраль). S. 3.

Haltsonen S. Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä. Helsinki, 1965. 118 p.

Hellman B. A Visitor and a Letter: Ivan Turgenev's Finnish Contacts // С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008. P. 59–67. URL: http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/5.pdf (дата обращения: 11.07.2018).

Huttunen K. Pietarin suomenkielisen sanomalehdistön alkuvaiheet vuosina 1870–1883. Helsinki, 1981. 122 p.

Kauppinen E. Kirjallinen kuukauslehti. Helsinki, 1952. 290 p.

Ketola K. Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Vammala, 2005. 267 p.

Suistola J. & Tiilikainen H. Sodassa vieraalla maalla. Suomalaiset Turkin sodassa 1877–1878. Helsinki, 2014. 200 p.

Sulkunen I. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 1831–1892. Helsinki, 2004. 310 p.

References

Biukling L. *Otrazhenie russkoi dushi v zerkale severa. Finsko-russkie teatral'nye sviazi* [The reflection of Russian soul in Northern mirror. Finnish-Russian theatre contacts in the 19–20th century]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

Flink T. *Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa*. Turku, 2000. 456 p.

Haltsonen S. *Entistä Inkeriä. Inkerin suomalaisasutuksen vaiheita ja kulttuurihistorian piirteitä*. Helsinki, 1965. 118 p.

Hellman B. A Visitor and a Letter: Ivan Turgenev's Finnish Contacts. *S liuboviu k slovu. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday*. Helsinki, 2008, pp. 59–67. Available at: http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh35/pdf/5.pdf (accessed: 11.07.2018).

Huttunen K. *Pietarin suomenkielisen sanomalehdistön alkuvaiheet vuosina 1870–1883*. Helsinki, 1981. 122 p.

Karkhu E. *Finliandskaia literatura i Rossiia: 1850–1900* [Finnish literature and Russia: 1850–1900]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 281 p. (In Russ.)

Kauppinen E. *Kirjallinen kuukauslehti*. Helsinki, 1952. 290 p.

Ketola K. Finny — moskovskie stipendiaty. 1812–1917 gg. [Finns — Moscow stipendiates. 1812–1917]. *Dva lika Rossii* [Two faces of Russia], ed. by T. Vihavainen. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2007, pp. 46–66 (In Russ.)

Ketola K. *Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917*. Vammala, 2005. 267 p.

Mostovskaia N.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.S. Turgeneva* (1876–1883) [Chronicle of I.S. Turgenev's life and works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 653 p. (In Russ.)

Muratova K. *Bibliografiia literatury ob A.N. Ostrovskom, 1847–1917* [Bibliography of literature on A.N. Ostrovsky, 1847–1917]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 286 p. (In Russ.)

Sonina E. *Peterburgskaia universal'naia gazeta kontsa XIX veka* [St. Petersburg universal newspaper at the end of the 19th century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 360 p. (In Russ.)

Sonina E. Vzlety i padeniia peterburgskogo izdatelia: O.K. Notovich i gazeta "Novosti" [Ups and downs of a St. Petersburg publisher: O.K. Notovich and the newspaper "Novosti"]. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Review], series 1, Problems of education, science and culture, 2009, no. 4 (68), pp. 85–94. (In Russ.)

Suistola J. & Tiilikainen H. *Sodassa vieraalla maalla. Suomalaiset Turkin sodassa 1877–1878*. Helsinki, 2014. 200 p.

Sulkunen I. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 1831–1892*. Helsinki, 2004. 310 p.

Varentsova E.M. Novyi kommentarii k pis'mu I.S. Turgeneva k E.W. Palanderu [New commentary to I.S. Turgenev's letter to E.W. Palander]. *Spasskii vestnik*, 2016, no. 13, pp. 130–132. (In Russ.)

"Mr. Grosswald Does Miracles": On the history of the early success of Russian literature in Finland

© 2018, Tomi Huttunen

Abstract: The article discusses the early history of Finnish translations of Russian literature in general and, in particular, a mysterious literary figure of the St. Petersburg newspaper journalism, Mr. Grosswald, who was, according to the newspapers' small news (1875–1892), highly active in translating Russian literature to Finnish. Apart from this, the mysterious man was claimed to participate in many events, which were actual for the St. Petersburg Finnish life. The article illustrates the contexts of Mr. Grosswald's "appearances" with the help of the real history of Russian literature in Finland. Mr. Grosswald is considered a mystification.

Keywords: Grosswald, Russian literature in Finland, St. Petersburg newspapers, translation, mystification, E.W. Palander, Julius Krohn, Samuli Suomalainen, Ivan Krylov, Ivan Turgenev, Nikolai Gogol.

Information about the author: Tomi Huttunen, PhD, Professor, University of Helsinki.

E-mail: tomi.huttunen@helsinki.fi

Citation: Huttunen Tomi. "Mr. Grosswald Does Miracles": On the history of the early success of Russian literature in Finland. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 264–281.

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-282-293
УДК. 821.161.1

Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854)*

© 2018, Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация: В статье вводятся в научный оборот все списки анонимно опубликованного в 1854 г. в разных изданиях стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте…»), находящиеся в архиве П.А. Вяземского. Анализируются их разночтения с печатным текстом и интригующее позднейшее указание в одном из списков на принадлежность произведения перу великого князя адмирала К.Н. Романова.

Ключевые слова: Крымская война, патриотическая поэзия, П.А. Вяземский, списки стихотворения, автографы.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д. филол. н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Дмитрий Николаевич Жаткин, д. филол. н., профессор, Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия.

E-mail: ivb40@yandex.ru

Цитирование: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00069а «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П.А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)».

Опубликованное 15 февраля 1854 г. в «Северной пчеле» и неоднократно перепечатывавшееся в годы Крымской войны анонимное патриотическое стихотворение «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон…»), положенное на музыку в качестве агитационной песни, приписывалось Н.В. Кукольнику[1], И.С. Тургеневу[2], А.П. Опочинину[3], Е.П. Ростопчиной[4], В.П. Алферьеву[5], П.А. Каратыгину[6], П.И. Григорьеву[7]…

Однако, как нам удалось установить, наиболее вероятным автором этого произведения был П.А. Вяземский[8], что основывалось на анализе его дневников, писем, лирики, публицистики, поэтики стихотворения, архива писателя и указании на авторство поэта в одном из «внешних» списков[9].

В настоящей статье ставится задача подтвердить сделанный вывод дополнительными архивными данными, привести текстологические разночтения в выявленных среди бумаг Вяземского всех списках стихотворения и дополнить общий контекст «рецепции» популярного произведения новыми любопытными деталями.

В процессе системного обследования лирической части архива Вяземского нами были обнаружены несколько списков указанного

---

[1] См.: *Добролюбов Н.А*. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9 / Подгот. текста К.Н. Григорьяна; прим. Н.И. Тотубалина. М.; Л., 1964. С. 96–99, 529 (прим.).

[2] См.: Петербургские новости // Современник. 1854. № 6. Отд. V. С. 146.

[3] На нынешнюю войну // Санкт-Петерб. вед. 1854. № 146. С. 730. Среди Опочининых известны служивший на Кавказе участник Восточной войны генерал Алексей Петрович Опочинин (1807–1885) и начальник архива Инженерного департамента певец-дилетант Александр Петрович Опочинин (1805–1887), брат старшего адъютанта при дежурном генерале Главного морского штаба, впоследствии адмирала В.П. Опочинина (1810–1889).

[4] *Жиркевич А.В*. Воспоминания о Л.Н. Толстом // Ист. вестник. 1908. Т. CXI. № 1. С. 174.

[5] См.: Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках / Редакция С.А. Венгерова. Т. 1. СПб., 1897. С. 186; Источники словаря русских писателей / Собрал С.А. Венгеров. Т. I. СПб., 1900. С. 47. См. также: *Шешунова С.В., Левина М.С.* Алферьев Василий Петрович // Русские писатели.1800–1917: Биогр. слов. Т. 1. М., 1989. С. 51.

[6] См.: *Займовский С.Г.* Крылатое слово: справочник цитаты и афоризма. М.; Л., 1930. С. 79.

[7] *Сергеев-Ценский С.Н*. Севастопольская страда [1939] // Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М., 1967. С. 314–315; Штык и лира: Антология патриотической поэзии эпохи Крымской войны (1853–1856) / Сост., вступ. ст., прим., краткие справки об авторах К.В. Ратникова. Челябинск, 2005. С. 13, 334 (прим.).

[8] См.: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон…») // Рус. литература. 2017. № 1. С. 133–145.

[9] См.: Рукописи, пополнившие в 1983 г. Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743) // Записки отдела рукописей / Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Вып. 47 / Отв. ред. В.И. Лосев. М., 1988. С. 112; НИОР РГБ. Ф. 743. Карт. 48. Ед. хр. 4. Л. 1–2.

стихотворения с лексическими и строфическими вариациями, свидетельствующими о едином источнике их происхождения[10]. Они дополняют друг друга, образуя «конвойное» сопровождение итогового текста, предназначавшегося для печати в анонимном виде…

Рассмотрим последовательно все списки, прихотливо объединенные Вяземским или его литературными помощниками, а может быть и последующими архивистами, в составе указанной «единицы хранения»; сразу же отметим, что черновиков среди них нет.

1. Первый список является, с большой вероятностью[11], авторской копией стихотворения с указанием имени Вяземского (см. ниже)[12]. Стихотворение записано без разбивки на строфы и содержит интересные разночтения с печатной версией произведения, свидетельствующие, на наш взгляд, о естественных стилистических колебаниях поэта в выборе отдельных слов[13]. Самые примечательные из них – «Вот в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон / **Побеждает** (здесь и далее полужирное выделение наше. – *Н.В.*, *Д.Ж.*) Русь на карте / Указательным перстом. / **Вдохновен** его отвагой / И француз **спешит** туда ж…», «Если дядюшка бесславно / Из Руси вернулся вспять, / То **племянничку** подавно / И вдали несдобровать!», «Что за ма́шина такая / Наша Русь, **во** сколько сил**!**», «Ею двигают три слова: / **Русь, отечество** да царь…»[14].

[10] РГАЛИ. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11, 11а, 11а об., 11б, 11б об., 11в, 11в об., 11г, 11д, 11д об., 12а, 12а об.

[11] Приходится учитывать эволюцию почерка писателя, степень аккуратности при записи конкретного текста, а также функциональную сторону списков (черновик, чистовик, дневник, дружеское письмо, отправка для публикации и т. д.).

[12] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11.

[13] При этом нельзя исключать цензурно-редакторское вмешательство в окончательный текст стихотворения как в рамках обычного издательского процесса, так и на «высочайшем уровне», поскольку Вяземский контактировал с ближайшим окружением Николая I и в исключительных случаях переписывался с императором. См.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1285 (Письма П.А. Вяземского Николаю I, императору. Черновики. 1830–1855. 15 л.).

[14] Ср. печатную концовку: «Бог, да родина, да Царь» – педалирующую три составные части официальной уваровской доктрины: «Православие, самодержавие, народность».

Список № 1

2. Второй список стихотворения противоречиво датирован в заголовочной части переписчиком[15] «1853й год» (менее это можно считать условным названием произведения), а под текстом – «Генварь 1854» (см. ниже)[16]. Он заметно отличается от предыдущего четкой архитектоникой (четверостишия, разделенные фигурными символами). Этот список ближе к печатному варианту, особенно в «Московских ведомостях» (1854. № 21), где было указание «(Из Сев. Пчелы)», но стихи подавались в виде акцентированных четверостиший с отступами в первых строках. Здесь же имеется чрезвычайно существенное расхождение с предшествующим списком, направленное на эвфемизацию имени Наполеона III: «**Вдохновясь** его отвагой, / И **другой за ним** туда ж, / Машет дядюшкиной шпагой / И кричит: allons**!** courage![17]». Кроме того, присутствуют иные разночтения, например: «Если дядюшка бесславно / Из Руси вернулся вспять, / **То** племяннику подавно / **Вдалеке** несдобровать», «То-то будет удивленье / Для практических **умов**, / Как высокое давленье / Им покажут без паров», «**Эта** ма́шина готова… / Будет действовать, как встарь. / Ею двигают три слова: / Бог, Отечество **и** Царь!..».

[15] Им могла быть В.Ф. Вяземская, помогавшая мужу в литературной деятельности.
[16] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11а, 11а об., 12а, 12а об.
[17] «Вперед, смелее!» (фр.).

Список № 2

Данный список содержит в конце полудневниковые, полупублицистические и отчасти мифологизированные пояснения к произведению, сделанные неизвестной рукой спустя год-два со времени его создания: «2-е сентября 1854ro. Соединенные флоты Англо-франц.<узские> высадились в Евпатории и осадили Севастополь»; «До сих пор осада продолжается. 4-е декабря 1854ro»; «20 августа 1855ro года осада Севастополя продолжается. Керчь, Евпатория, Еникале[18] и Балаклава уже не принадлежат нам. <…>. Балтийский порт в блокаде. Что-то будет дальше?.. **Виден *воинственный* азарт**. <…> **Строфы эти приписывают Константину Николаевичу**»[19].

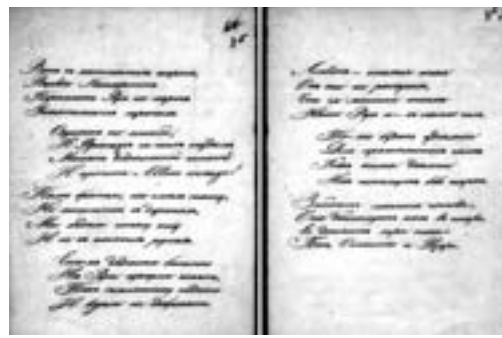
Под последним подразумевается великий князь К.Н. Романов (1827–1892), с 21 января 1853 г. управляющий морским министерством, с 19 апреля 1853 г. вице-адмирал, с 9 сентября 1855 г. адмирал, в годы Крымской войны занимавшийся обороной северной базы российского флота, Кронштадта, от возможных посягательств англо-французских эскадр и привлекший талантливого инженера и промышленника Н.И. Путилова (1820–1880) для скорейшей разработки отечественных винтовых, т. е. паровых, боевых кораблей. И, хотя Константин Николаевич был в некотором роде воспитанником В.А. Жуковского, а тем более – отцом небезызвестного поэта К.К. Романова (1858–1915), писавшего под псевдонимом К. Р., нет никаких свидетельств о его поэтических наклонностях…

Указание Вяземского, если это записано с его слов, на Романова и Ко в лице Путилова типологически напоминает остроумную реплику князя в письме от 1 февраля 1854 г. к А.Д. Блудовой по поводу, судя по

[18] Бывшая турецкая крепость (Ени-Кале) в пригороде Керчи.
[19] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 12а, 12а об.

всему, им же сочиненного произведения[20]: «Я с большим удовольствием читал **Петербургские стихи о русской машине**. Не Мальцова[21] ли?»[22]. 13 февраля 1854 г. Вяземский записывает в дневнике: «Вчера отправил в *Indépendance* перевод в прозе **Петербургских стихов: “Вот в воинственном азарте”.** Разумеется перевода не напечатают, а все-таки лучше подразнить этих негодяев»[23]. 15 февраля писатель отметил: «Получил ответ от Дмитрия Бибикова[24]. Он, между прочим, говорит, что оба мои стихотворения напечатаны **по повелению Государя**»; «В *Indépendance Belge,* 2 марта, **напечатан мой перевод песни *Вот в воинственном азарте***[25]. Удивляюсь храбрости редакции. Песня подымает на смех Лже-Наполеона; а во Франции смех сильнее и опаснее рассуждения. Но, право, и я заслуживаю георгиевский бумажный крест за мои **партизанские наезды в журналы**»[26].

3. Третий список каллиграфически безупречный, избыточно подчеркивает строфику небольшими отступами между четверостишиями и одновременно смещением четных строф вправо (см. ниже)[27]. От печатного текста он отличается следующими лексическими особенностями: «**Одушевясь** (здесь и неоправданный метрический сбой в четырехстопном хорее) его отвагой», «Если **ж** дядюшка **бессильно**», «Бог, **Отечество и** Царь».

Список № 3

[20] Возможно, один из анализируемых нами списков стихотворения содержался именно в письме последней и сохранился в архиве писателя как память о его «партизанской» литературной войне с неприятелем (см. далее).

[21] Известный заводчик С.И. Мальцов (1810–1893), наследник семейной индустриальной империи, выпускавшей машины всех видов.

[22] См.: *Вяземский П.А*. Полн. собр. соч. Т. 10. СПб., 1886. С. 104.

[23] Там же. С. 114.

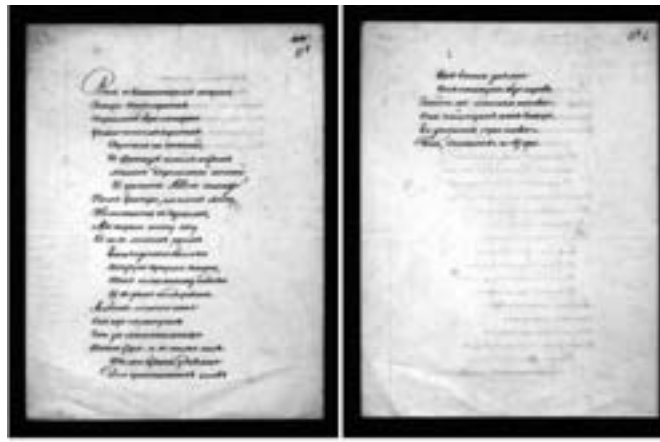
[24] Д.Г. Бибиков (1792–1870), министр внутренних дел Российской империи в 1852–1855 гг.

[25] Найти эту заметку или стихи Вяземского на страницах указанной газеты, имеющейся в фонде РГБ, нам не удалось.

[26] *Вяземский П.А*. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 114.

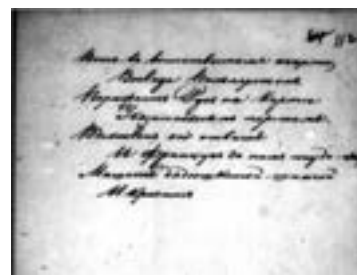
[27] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11б, 11б об.

4. Четвертый список (см. ниже) архитектонически оригинален: четные внутренние строфы смещены вправо, экономично подчеркивая их структурную самостоятельность (распространенный в прошлом рукописный прием)[28]. Он отличается от печатной версии стихотворения тремя деталями: «**Одушевясь** его отвагой», «Если **ж** дядюшка бесславно», «Бог, **Отечество** и Царь».

Список № 4

5. Пятый список, каллиграфически и архитектонически изящный (без использования строфики, но с отступами в четных строках), явно предназначавшийся для посторонних глаз, обрывается на восьмой строке стихотворения (см. ниже)[29]. Текстологически он соответствует печатному варианту текста. Напрашивается вывод, что он оказался лишним или технически неприемлемым при домашнем «тиражировании» произведения для его пересылки.

Список № 5

[28] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11в, 11в об.
[29] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11г.

6. Шестой список, близкий по почерку к руке Вяземского, воспроизводит стихотворение в нестрофичном виде, без архитектонических изысков, т. е. выглядит как «рабочий» беловик произведения (см. ниже)[30]. От печатного аналога список отличается почти полным отсутствием знаков препинания и лексически: «Если дядюшка **без славы**», «То племяннику подавно / И **в дому** несдобровать», «То-то будет удивленье для практических **умов**», «**Русь** покажет без паров». При этом заключительная строка произведения – «**Бог, да родина, да Царь!**» – совпадает с опубликованным текстом.

Список № 6

Итак, перед нами вариативные проявления общего *прототекста*, формировавшегося, если не под пером, то «под крылом» Вяземского за границей, в итоге опубликованного сначала в Петербурге, потом в Москве, а позже и в Бельгии – в неизвестном нам авторском переводе на французский язык[31].

В 1855 г. писатель вернулся к этой теме в книге «Lettres d'un veteran russe de l'annee 1812 sur la question d'orient [Письма русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе]»[32]. Публикатор этого обширного сочинения, П.И. Бартенев, сообщал читателям: «Вынужденный обстоятельствами провести в чужих краях 1853–1855 годы, князь

[30] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 11д, 11д об.

[31] См., однако: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Франкоязычный перевод стихотворения П.А. Вяземского «Святая Русь» (1848) // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 201–216; *Они же*. Франкоязычное сатирическое стихотворение П.А. Вяземского о Крымской войне // Там же. С. 217–223.

[32] См. франкоязычный оригинал и русский перевод в изд.: *Вяземский П.А*. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 6. СПб., 1881.

<…> не мог оставаться равнодушен к озлоблению Европейского общества против России <…>»; «Он начал писать опровержения на газетные статьи <…>»; «…но известно, что участие Русского человека в Европейской повременной печати допускается лишь под условием полного подчинения господствующему мнению <…>. Тогда он собрал свои статьи в одну книгу и напечатал ее <…> в Лозанне <…>»[33]. Этим, вероятно, и объясняется рефлексия писателя относительно начала союзнических морских операций против России; но в самой книге упоминаний о нашумевшем пропагандистском стихотворении нет.

Списки интересующего нас стихотворения находятся в окружении черновиков не публиковавшихся стихотворений Вяземского: «А вот и гость иной, которого ты знаешь…», «Богатая душа, богатая природа!..», «Алыми браздами…», «Бывало мало ли что было…», «Из Западно-Восточного Дивана (Подражание Гёте)[34], «В круг ярких тех светил, которых блеск всегдашний…», «Усталый от забот и городского зноя…» и др. Отрывок «Наш юный трубадур стал, нам подобно, стар…»[35] — набросок к известному стихотворению автора «Как ни придешь к нему, хоть вечером, хоть рано…» (1857?). Отрывок, начинающийся со слов «Версальского двора и рыцарство, и барство…»[36], является, как нам удалось установить, заключительным фрагментом третьей части лирического цикла поэта «Поминки. Памяти Жуковского и гр. Вьельгорского» (1877), опубликованного В.С. Нечаевой[37]. Стихотворение «Ты слышишь ли, с тобою в разговорах…» (копия рукой переписчика)[38] известно по письму поэта к А.И. Тургеневу от 6 июня 1819 г.: «У меня просили здесь (в Варшаве. – *Н.В., Д.Ж.*) песню для музыки. Вот что написалось: дай ее Плещееву или Вьельгорскому. Надобно кое-что исправить, а, кажется, есть движение. Скажи мне по совести, нравится ли она тебе?»[39]. Это тоже говорит о какой-то корреляции творчества писателя и анонимного произведения[40].

---

[33] Там же. С. VI–VII.

[34] См., в частности: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь поэтического языка П. А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015. С. 390–391.

[35] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 1 об.

[36] Там же. Л. 17.

[37] *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения / Ред., ст. и коммент. В.С. Нечаевой. М.; Л.: Academia, 1935. С. 378–383, 524–525 (прим.).

[38] РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 5 – 5 об.

[39] См.: Остафьевский архив князей Вяземских: Т. 1. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / Изд. С.Д. Шереметева; под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. С. 247–248.

[40] См. также: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это…») (в печати).

Сделаем выводы. Наличие в архиве П.А. Вяземского шести (sic!) отличающихся друг от друга и от печатного текста списков стихотворения, опубликованного под редакционным названием «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте…»), один из которых подписан его именем, а другой датирован январем 1854 г. и содержит позднейшее, спустя полтора года, комичное указание, с чужих слов, на авторство великого князя Константина Николаевича, является, на наш взгляд, дополнительным, если не решающим аргументом в пользу причастности поэта к написанию памфлетного патриотического произведения, по каким-то причинам не авторизованного в печати.

Литература

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это…») (в печати)

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон…») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Франкоязычное сатирическое стихотворение П.А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 217–223.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Франкоязычный перевод стихотворения П.А. Вяземского «Святая Русь» (1848) // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. VIII. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 201–216.

Вяземский П.А. Избранные стихотворения / Ред., ст. и коммент. В.С. Нечаевой. М.; Л.: Academia, 1935. 658 с.

Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9: Письма / Подгот. текста К.Н. Григорьяна; примеч. Н.И. Тотубалина. М.; Л.: Худ. лит., 1964. 700 с.

Рукописи, пополнившие в 1983 г. Коллекцию единичных поступлений архивных материалов (ф. 743) // Записки отдела рукописей / Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В.И. Ленина. Вып. 47 / Отв. ред. В.И. Лосев. М.: Кн. палата, 1988. 289 с.

Шешунова С.В., Левина М.С. Алферьев Василий Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 51–52.

Штык и лира: Антология патриотической поэзии эпохи Крымской войны (1853–1856) / Сост., вступ. ст., примеч., краткие справки об авторах К.В. Ратникова. Челябинск: Околица, 2005. 340 с.

References

Dobroliubov N.A. *Sobr. soch.: V 9 t. T. 9: Pis'ma* [Collected works in 9 vols. Vol. 9: Letters], ed. by K.N. Grigorian, notes by N.I. Totubalin. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 700 p. (In Russ.)

Rukopisi, popolnivshie v 1983 g. Kollektsiiu edinichnykh postuplenii arkhivnykh materialov (f. 743) [Manuscripts supplemented the Collection of single entries of archival materials (f. 743) in 1983]. *Zapiski otdela rukopisei, Gos. ordena Lenina biblioteka SSSR im. V.I. Lenina. Vyp. 47* [Manuscript Department proceedings, USSR Lenin State Library. Issue 47], ed. by V.I. Losev. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1988. 289 p. (In Russ.)

Sheshunova S.V., Levina M.S. Alfer'ev Vasilii Petrovich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 1* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, pp. 51–52. (In Russ.)

Shtyk i lira: Antologiia patrioticheskoi poezii epokhi Krymskoi voiny (1853–1856) [Bayonet and lyre: An anthology of patriotic poetry of the Crimean War era (1853–1856)], ed., intro., notes by K.V. Ratnikov. Chelyabinsk, Okolitsa Publ., 2005. 340 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Frankoiazychnoe satiricheskoe stikhotvorenie P.A. Viazemskogo o Krymskoi voine [P.A. Vyazemsky's French-language satirical poem about the Crimean War]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII* [Literary translation and comparative literary studies. VIII]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 217–223. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Frankoiazychnyi perevod stikhotvoreniia P.A. Viazemskogo "Sviataia Rus'" (1848) [French translation of P.A. Vyazemsky's poem "Holy Russia" (1848)]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe literaturovedenie. VIII* [Literary translation and comparative literary studies. VIII]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017, pp. 201–216. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniia "Na nyneshniuiu voinu" ("Vot, v voinstvennom azarte, voevoda Pal'merston…") [Revisiting the authorship of the anonymous poem "To the current war" ("Here, in a militant passion, voivode Palmerston ...")]. *Russkaia literatura*, 2017, no. 1, pp. 133–145. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniia "Kto komu nuzhnee?" ("Itak, ne skazka uzhe eto…") [Revisiting the authorship of the anonymous poem "Who is more necessary to whom?" ("So, this is not a fairy tale anymore...")]. (In Russ., in print.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka P.A. Viazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhsia iego stikhotvorenii)* [Dictionary of P.A. Vyazemsky's poetic language (with the application of his little-known and unpublished poems)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 424 p. (In Russ.)

Viazemskii P.A. *Izbrannye stikhotvoreniia* [Selected poems], ed., article and comment. by V.S. Nechaeva. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1935. 658 p. (In Russ.)

New archival data on the authorship of the anonymous poem “To the Present War” (1854)

© 2018, Nikolay Vasilyev, Dmitriy Zhatkin

Abstract: The paper introduces into scientific circulation all the lists of the poem “To the Present War” (“Vot, v voinstvennom azarte...”) anonymously published in different editions in 1854 and kept in P.A. Vyazemsky’s archive. It analyzes their variant readings in comparison with the printed text and the intriguing late indication of Grand Prince Admiral K.N. Romanov as the author of this poem in one of the lists.

Keywords: the Crimean War, patriotic poetry, P.A. Vyazemsky, lists of poems, autographs.

Information about the authors: Nikolay Vasilyev, Doctor of Philology, Professor, National research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Dmitriy Zhatkin, Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia.

E-mail: ivb40@yandex.ru

Citation: Vasilyev Nikolay, Zhatkin Dmitriy. New archival data on the authorship of the anonymous poem “To the Present War” (1854). *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 282–293.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-294-313
УДК. 821.161.1

«Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо*

© 2018, А.А. Холиков

Аннотация: В числе публикаций Д.С. Мережковского, которые не входили в прижизненные авторские сборники и собрания сочинений, — малоизвестный очерк «Селение Винчи», написанный во время совместного путешествия автора с З.Н. Гиппиус и А.Л. Волынским «по следам Леонардо да Винчи» весной 1896 г. Он занимает промежуточное положение между художественными текстами писателя (автобиографический потенциал которых действительно велик, но его извлечение в каждом случае требует осторожности) и его документальным наследием (по большей части эпистолярным). Но главное — этот текст никогда не перепечатывался и не снабжался научно-справочным аппаратом. Он представляет ценность не только с биографической точки зрения (сопоставление с ним других сохранившихся эго-документов, среди которых — воспоминания о поездке, оставленные спутниками Мережковского, значимо выявляемыми умолчаниями, неточностями, разной степенью детализации), но и в текстологическом отношении, для изучения творческой истории второй части трилогии «Христос и Антихрист». Очерк «Селение Винчи» печатается нами по первому и единственному изданию: Cosmopolis. 1897. № 2. С. 94–106. С подзаголовком «Из путевого дневника» и примечанием редакции: «Этот отрывок из дневника относится к подготовительным работам автора для будущего его романа, из жизни Леонардо да Винчи. Он дает тон картины, на которой должна быть изображена юность этого героя Возрождения». Публикуемый очерк и примечания к нему войдут в состав малого научного «Собрания сочинений» Д.С. Мережковского в 20 томах.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.Л. Волынский, «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», автобиографическая проза, творческая история текста.

Информация об авторе: Алексей Александрович Холиков, доктор филологических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: aakholikov@gmail.com.

Цитирование: *Холиков А.А.* «Селение Винчи» Д.С. Мережковского: из творческой истории романа о Леонардо // Литературный факт. 2018. № 9. С. 294–313.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-04-00553 «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865—1941 гг.)”».

Д.С. Мережковский никогда не питал страсть к созданию дневниковой или мемуарной прозы (в отличие от своей жены, З.Н. Гиппиус). Лучшей автобиографией, о чем нам уже приходилось говорить, он считал собственные произведения[1]. Из числа эго-документов исследователям, как правило, остается довольствоваться его «Автобиографической заметкой»[2] и немногочисленными записными книжками[3]. Промежуточное положение между художественными текстами (автобиографический потенциал которых действительно велик, но его извлечение в каждом случае требует осторожности) и документальным наследием писателя (по большей части эпистолярным[4]) занимают путевые очерки[5]. Помня о том, что путешествия были неотъемлемой частью жизни Мережковского («Не знаю, как другие, — писал он еще в гимназическом сочинении за пятый класс, — но я нахожу в путешествии какую-то оригинальную, совершенно-своеобразную прелесть и поэзию. Когда я смотрю на паровоз, который с головокружительной быстротой исчезает в далеком, таинственном тумане, когда я слежу взором за кораблем, который торжественно и величаво удаляется в лазурную даль вод, — я невольно забываюсь и мчусь за ними прилежной думой»)[6], удивляешься, почему путевые очерки как жанр не получили широкого распространения в творчестве писателя, который стремился непременно побывать в местах, где разворачивалось действие его произведений, «видеть и ощущать тот воздух и ту природу»[7]. Наиболее известный из них — «Флоренция и Афины (Путевые воспоминания)» (Наше время. 1893. № 32, 21 нояб. С. 518–519; № 33, 28 нояб. С. 539–540; № 34, 5 дек.

[1] *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014. С. 110.

[2] Она предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. № 65, 19 марта). Вошла также в состав «Полного собрания сочинений» Д.С. Мережковского в 24 т. (М., 1914. Т. 24. С. 107–116). См. подробно: *Холиков А.А.* «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. P. 11–25.

[3] См.: Записные книжки и письма Д.С. Мережковского / Публ. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана // Русская речь. 1993. № 4. С. 30–35; № 5. С. 25–40; *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб., 2001. С. 53–81.

[4] *Холиков А.А.* Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М., 2018. С. 565–571.

[5] Особую сферу представляют многочисленные автобиографические вкрапления в литературно-критические и публицистические тексты Мережковского, но это — тема отдельного исследования.

[6] РО ИРЛИ. № 24. 360 (б). Л. 11–11 об.

[7] *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 61.

С. 552–553); с изменениями вошел в сборник «Вечные спутники» под заглавием «Акрополь». В том же ряду — очерк о поездке в Константинополь «Св. София» (Русское слово. 1905. № 217, 12 авг.), включенный в сборник статей «Грядущий Хам» (1906), и менее востребованный (если не сказать — «забытый») текст — «Селение Винчи (Из путевого дневника)» (Cosmopolis. 1897. № 2. С. 94–106). Он не включался автором в прижизненные книги статей, «полные» собрания сочинений и никогда не републиковался после его смерти. Между тем «Селение Винчи» представляет ценность не только с биографической, но и текстологической точки зрения, как подготовительная работа для второй части трилогии «Христос и Антихрист», посвященной Леонардо да Винчи.

Известно, что 2 февраля 1895 г. историк А.В. Половцов полюбопытствовал у Мережковского, как идет сбор материалов для романа о Леонардо. «Я постепенно собираю, — ответил писатель, — но совсем не спеша. <…> Для собирания материалов я побываю во Флоренции, Милане, потом в <пропуск в рукописи. — А.С.> [примеч. А.Л. Соболева, опубликовавшего этот дневниковый фрагмент. — А.Х.], где Леонардо умер и наконец в Париже, в Лувре, где масса его произведений, особенно рисунков. Но писать в Италии я не буду ни одной строчки: это совершенно невозможно»[8]. Мережковский считал, что обстановка должна противодействовать творчеству, не иметь с ним ничего общего: «Это довольно трудно объяснить, но это так. Вы можете воскресить в вас самих древний мир, быт, вообще исторический момент, настроение только — если снаружи не получаете никаких в чем-нибудь совпадающих с этими настроениями впечатлений. Так в Италии новейшие наслоения, смешивающиеся с остатком прежнего, были бы постоянною помехою»[9]. Однако же, судя по авторскому указанию в конце «Селения Винчи» («Флоренция 1896»), этот очерк был написан именно в Италии.

В путешествие «по следам Леонардо да Винчи» Мережковские отправились весной 1896 г. Впоследствии Гиппиус вспоминала: «Флексер (наст. фам. А.Л. Волынского. — А.Х.), с которым в это время мы были в дружеских отношениях, поехал с нами. Не помню, как это устроилось, но знаю, что раньше он никогда не был в Италии, ни вообще за границей. О задуманном романе Д<митрия> С<ергееви>ча он, конечно, знал. В его журнале, однако, мы не были постоянными сотрудниками, я там печатала лишь изредка стихи, да,

[8] Цит. по: *Соболев А.Л.* Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 45.

[9] Там же.

кажется, один или два рассказа. Но Д<митрий> С<ергеевич>, конечно, надеялся там напечатать будущего “Леонардо”»[10]. Незадолго до того, в 1895 г., при поддержке Волынского на страницах «Северного вестника» появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») — первая часть будущей трилогии «Христос и Антихрист». Однако во время совместного итальянского путешествия Волынский сам заинтересовался Леонардо да Винчи и вскоре опубликовал в журнале собственную серию статей о нем (см.: Северный вестник. 1897. № 9–12; 1898. № 1–5; отд. изд.: *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1899]), а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»[11], — возмущался таким поступком Мережковский, будучи убежден, что Волынский воспользовался его материалами для своего исследования. В итоге первые главы романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» вышли в журнале «Начало» (1899. № 1–4), а полностью произведение увидело свет в «Мире Божьем» за 1900 г. (№ 1–12).

Волынский, как следует из мемуаров Гиппиус, оставался с Мережковскими «только в главных городах, во Флоренции, в Риме и в Неаполе»[12]. «Из Флоренции, — как утверждается, — он тогда вернулся в Россию, а мы отправились по всяким маленьким городкам, как ехал Франциск I с Леонардо…»[13]. В письме к П.П. Перцову Мережковский сообщал: «Во Флоренции мы остаемся до 18 или 20 [апреля. — А.Х.] (по русскому стилю). <…> Из Флоренции мы выедем около 20 числа и отправимся в путешествие по берегу Адриатического моря — по Романьи. Потом около 1 мая будем в Милане»[14]. Побывав в Фаэнци, Форли, Римини, Пезаро, Урбино, Равенне, Мантуе, Павии, Симплоне, Мережковские заехали во французский Амбуаз, где Леонардо да Винчи умер.

В селение Винчи, посещение которого описано в одноименном очерке, Мережковский приехал 5 апреля 1896 г., о чем восторженно, но без подробностей сообщал в письме Перцову на следующий же день: «Вчера я был в селеньи Винчи, где родился и провел детство Леонардо да Винчи. Я посетил его домик, который принадлежит теперь бедным поселянам. Я ходил по окрестным горам, где

[10] *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 70.

[11] Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 172.

[12] *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 70.

[13] Там же. С. 71.

[14] Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову. С. 161.

в первый раз <он> увидел Божий мир. Если бы Вы знали, как все это прекрасно, близко нам русским, просто и нужно»[15].

Чуть более развернуто спустя почти полвека посещение Винчи воссоздает по памяти Гиппиус: «Остановились в маленьком городке около Флоренции, откуда путь, уже не железнодорожный, в местечко около Монте-Альбано, где находится деревушка Винчи. Этот путь мы совершили дважды; второй раз с профессором Уциелли, тогдашним знатоком Леонардо. В этой деревушке сохранился домик, где жили (в то время) потомки семьи Леонардо, рыжебородые крестьяне, и даже чудом сохранился старинный камин, на который нам с торжеством указывал Уциелли. Мы с ним пешком перешли через гору Альбано — в другую долину, где находится другой городок, откуда уж и вернулись во Флоренцию. Гора Альбано — лесистая; молодые дубки (это было в мае) еще не потеряли прошлогодних листьев, из-под них пробивались новые. На этой горе (Белой — Albano), названной так неспроста, мы видели то, чего, кажется, нигде больше видеть нельзя, — белую землянику. Рассказы о ней мы считали выдумкой, пока не собрали ее собственными руками (и во Флоренцию даже привезли). Спелые ягоды, не бледные, не зеленоватые, а снежно-белые, с розоватыми крапинками-семечками, как на землянике. Кроме цвета, — от земляники самой обычной, лесной, она и не отличается. Нас уверяли, что на Monte Albano водятся и белые дрозды… но их мы не видали. Странная, однако, гора!»[16]

Третий участник этого путешествия тоже оставил мемуарное свидетельство, с которого начинается его исследование о Леонардо да Винчи. «4-го апреля 1896 г., — пишет Волынский, — в светлый солнечный день, я подъезжал к Анкиано, месту рождения Леонардо да Винчи. Анкиано — это небольшое селение, вблизи от городка Винчи, у подножия Альбанских гор. Сев в вагон железной дороги во Флоренции, я вышел в Эмполи, а оттуда до Винчи приходилось ехать на лошадях, в оригинальной повозке под балдахином. Передохнув в Винчи, я направился в Анкиано, нетерпеливо ожидая впечатлений от этого малопосещаемого, но многозначительного для искусства угла Италии. Со мною ехал один из видных обывателей Винчи, интеллигентный итальянец средних лет, Роберто Мартелли, который неумолчно говорил мне о Леонардо да Винчи. Под его наблюдением находятся разные бумаги, манускрипты и редкостные сочинения, относящиеся к великому художнику. Он знаком с Уциелли и является живым посредником между Анкиано и его немногочисленными

[15] Там же.
[16] *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 71.

посетителями. Наша повозка неторопливо поднималась в гору. Горы теснились по сторонам, суживая горизонт. Иногда Мартелли, как бы проверяя знания иностранца, заговаривал о какой-нибудь подробности из жизни Леонардо да Винчи и, получив реплику, оживлялся, делал летучие обобщения, пояснял давно прошедшую эпоху примерами из современного быта. Дорога, обсаженная деревьями, проходила полями, и мой спутник рассыпал местные словца и наименования окружающих растений, описывал их цвет и плоды...

В Анкиано я пробыл почти целый день, остановившись в том самом старинном домике, где, по преданию, родился великий маг XV–XVI вв. Я поднимался на горы, дышал холодным ветряным воздухом Монте-Альбано и с головокружительным упоением смотрел на расстилающийся оттуда горизонт Тосканы, с сверкающим во мгле шпилем винчианской башни. По мере подъема долина точно убегала вдаль, сначала медленно, неуловимо, — потом, на каком-то повороте, внезапно развернулась во всю ширь и слилась с смутной, чуть заметной синевою далекого моря. Маленькое, чуть белеющее гнездо — Винчи — расплылось в дымном отдалении, а Анкиано, с его несколькими убогими постройками, совсем скрылось из глаз. На вершине горы холодный ветер свистал в ушах и рвал платье. Я думал о том, что такой же грандиозный, суровый горизонт, с темнеющими горами и бледными, мглистыми далями, расстилался и перед молодым Леонардо, которому суждено было в этих местах впервые увидеть великолепие и безбрежность божьего мира. Здесь, в Анкиано, он воспринял те первые впечатления, которые возбудили его широкую любознательность, его неугомонную потребность носиться холодным и подвижным, как ветер, умом над тайнами безграничной природы. Чем больше я вникаю в произведения Леонардо да Винчи, тем больше улавливаю внутреннее родство его души и этих подавляющих пространств, в которых почти пропадает крошечное Анкиано»[17].

Между тем наиболее объемно и подробно поездка на родину художника воссоздана в очерке Мережковского «Селение Винчи». Сопоставление с ним процитированных текстов (письма самого автора и мемуарных фрагментов двух его спутников), разумеется, любопытно выявляемыми умолчаниями, неточностями, разной степенью детализации. Но при этом не утрачивается и его самостоятельная ценность как одного из претекстов того художественного произведения, над которым писатель трудился.

[17] *Волынский А.Л.* Леонардо да Винчи. [СПб.]: Изд. А.Ф. Маркса, [1899]. С. 3–4.

Очерк «Селение Винчи» печатается нами по первому и единственному изданию: Cosmopolis. 1897. № 2. С. 94–106. С подзаголовком «Из путевого дневника» и примечанием редакции: «Этот отрывок из дневника относится к подготовительным работам автора для будущего его романа, из жизни Леонардо да Винчи. Он дает тон картины, на которой должна быть изображена юность этого героя Возрождения».

Д.С. Мережковский

СЕЛЕНИЕ ВИНЧИ

Подготовка текста и примечания А.А. Холикова

Во Флоренции я познакомился с профессором Густаво Уциелли (Gustavo Uzielli), автором знаменитых “Ricerche intorno a Leonardo da Vinci”. Я интересовался всем, что касается Леонардо да Винчи и собирался посетить его родное селение.

Судя по строгой серьезности сочинений Уциелли, я ожидал найти в нем некоторую неизбежную сухость, схоластичность, сумрачность ученого. Я даже не был уверен, откликнется ли он на письмо неведомого человека полуневедомой страны, хотя в этом письме говорилось с большой любовью о том, что он любил.

Сомнения мои быстро рассеялись. На другой же день **ко мне в** комнату стремительно вошел сам профессор. Невысокий, плотный, даже полный, с коротко подстриженными седыми волосами и бородкой, — он чисто итальянской живостью, быстротой движений и говорливостью напоминает скорее юношу, чем шестидесятилетнего ученого. Он прекрасно, хотя не без акцента, говорит по-французски. Через минуту мне казалось, что мы уже давно знакомы. Уциелли был неистощим. Он повествовал сразу и о Леонардо, и о Тосканелли, которым отдал жизнь, рассказывал и о своих собственных «философских» взглядах на жизнь, и о политике, которою очень интересовался, к моему крайнему удивлению.

Через три дня, накануне отъезда в Винчи, я был у профессора. Вилла, где он живет, — за городскими воротами, на дороге к piazza Michel Angelo. Эта дорога похожа на длинную, тенистую аллею великолепного сада. От ворот к вилле, стоящей в глубине, надо

еще подниматься. Дом очень прост. Большие, высокие комнаты, немного пустые, смотрящие холодновато и строго. Кабинет Уциелли замечателен по своему особому, высшему изяществу: громадная угловая комната, много окон без занавесей, никакой мебели, кроме нескольких длинных некрашеных столов с книгами. Книги всюду, книги закрывают стены до потолка. Это, как сказал Уциелли, только то, что касается его главных работ — о Тосканелли и Винчи. У профессора есть другой кабинет, меньше, где библиотека не так однообразна, но, быть может, не так драгоценна.

Профессор дома был еще живее и моложавее. Он говорил без умолку и курил черные итальянские сигары, недоступные человеку к ним непривыкшему. Узнав, что я еду в Винчи, — Уциелли немедленно принес мне толстую тетрадь в переплете и альбом с рисунками карандашом.

— А! Вы едете в Винчи! Я там прожил несколько месяцев. Это было очень давно... Мы жили там с товарищем, художником... Он делал эскизы, мы писали дневник. Глупости разные, знаете... Мы были молоды, веселы.

Рисунки мне не очень понравились. Они показались мне сделанными небрежно и лениво, и, сколько я ни смотрел, — Винчи оставалось для меня, по-прежнему, далеким и непонятным.

— Я думаю, много перемен теперь в Винчи... Хотел бы я опять там побывать...

— Ведь это так близко, отчего вы не съездите? Пойдемте завтра вместе...

— Нет, что ж... Занятия... Да и разве близко? Полдня езды.

Уциелли дал мне карточку к своему «другу», синьору Мартелли, синдику в Винчи. Я расспросил о практических подробностях путешествия и собирался уходить, когда Уциелли воскликнул.

— А вы на моем балконе еще не были! Посмотрите, какой у нас вид!

Мы вышли на балкон. Апрельский день был свеж и солнечен, хотя большие, белые облака порою наплывали на солнце, и тени от них, как от крыльев громадной пролетающей птицы, бежали по долине. И только это придавало иногда мгновенную тревожность величию и спокойствию долины. Флоренция, маленькая, вся одноцветная, черно-серая, под аметистовым туманом солнца, казалась не городом, — собранием отдельных домов, а цельным, живым существом. Остро и легко поднималась едва различимая, такая же темная, башня Палаццо Веккио. Ни одного яркого пятна, нигде не горело золото креста. Только по долине, скрываясь в тихой Флоренции,

и опять выходя из-за черных древесных сеней Кащины, вился Арно, неподвижный, ослепительный, как жидкий свинец. Сизая мгла сгущалась над ним и прятала его отдаленнейшие извивы, которые уходили к лиловым, чуть видным, очертаниям холмов и гор. И указывая на этот единственный в мире горизонт, профессор сказал:

— Вон там... Там Винчи...

Я смотрел, силясь что-то увидеть, и видел все то же небо с фиолетовыми краями, мглу и солнечный дым. Но я был рад, что там Винчи и завтра я его увижу. А в голосе профессора мне в эту минуту почудилась неожиданная, неуловимая печаль.

На другой день, часов около двенадцати, я и двое моих спутников подъехали в медленном поезде-омнибусе к небольшому городку. Отсюда уже надо было взять экипаж, чтобы попасть в Винчи. Кондуктор бежал вдоль вагонов, срыву отворяя дверцы купе, и кричал с обычным понижением голоса на кварту и переходом в полтона: “Empoli — Empoli! Empoli — Empoli!”

Я знал, что Эмполи, благодаря отсутствию достопримечательностей, свободен от англичан, и с особой радостью вышел из вагона.

На площадке перед вокзалом нас окружили изумленные извозчики, очень немногочисленные. Вид прибывших иностранцев поразил их так сильно, что в первое мгновение они даже не приставали к нам. Когда они узнали, что мы едем в Винчи, изумление их возросло, но через минуту они ко всему привыкли и неистово галдели и спорили, стараясь содрать с нас как можно больше.

Мы наняли колымагу у старика-извозчика, который поехал переменить лошадь — она у него едва держалась на ногах и не годилась для долгого пути — а мы отправились пешком в единственную гостиницу Эмполи — гостиницу Солнца (Albergo del Sole) — чтобы позавтракать.

Эмполи — городок чистенький и очень обычный. Белые, довольно высокие, дома, узкие улицы, вымощенные плоскими четвероугольными камнями, площадь перед красивым, но ничем не замечательным Duomo — собором, цирюльники без дверей, за полосатыми занавесками, горы зелени на лотках продавщиц-старух с укрепленными гигантскими зонтиками, сухой и ясный стук деревянных башмаков по камням — а за городом, вдали, белые-белые, как мел, дороги, освещенные белым, жидким светом солнца в нежаркий, ветреный день...

В столовой, под высокими сводами, в нижнем этаже гостиницы, мы позавтракали какой-то рыбой на оливке, неизбежными макаронами “con burro”, причем это знаменитое «burro» тоже имело

запах оливки. Хлеб был безвкусен, как солома. Вся Италия ест хлеб без соли и маленькие булочки на французский манер, которые подаются в отелях больших городов, здесь невиданны. В столовой гостиницы Солнца пахло сыростью, и не было ни малейшего солнца, так что мы были очень рады, когда хозяин объявил о прибыли нашего извозчика.

У крыльца уже собралась равнодушно-любопытная толпа. Слышалось усиленное цоканье деревянных башмаков и переливчатый, однообразный гомон несдержанных речей — “rumore”, неизбежная принадлежность всех итальянских городков, совершенно свободных, большею частью, от стука колес. Этот гомон — “rumore”, слияние шелеста шагов и гула грубоватой итальянской речи, несколько раз в течение суток то поднимается и разрастается, как морское волнение, то успокаивается и отчасти замирает. Наибольшей силы он достигает часам к трем, четырем ночи в базарные дни. В минуту нашего отправления в Винчи я этого не знал и еще надеялся на спокойный ночлег в гостинице Солнца.

Мы уселись. Лошадь была получше, но над экипажем висел низкий балдахин на четырех железных столбах с болтающейся кругом бахромой, которая весьма мало позволяла видеть.

— Нельзя ли снять зонтик? — робко попросил я извозчика.

Начался невообразимый галдеж. Подошел хозяин, потрогал столбы, понюхал их для чего-то и, обратившись ко мне, строго и серьезно объявил, что снять нельзя, что нужно для этого разбирать весь экипаж, а для того чтобы собрать его вновь, нужно только три часа. Через минуту мы уже выехали из города. Холмистые горизонты открылись по обеим сторонам дороги. Мы ехали дальше, холмы незаметно поднимались, за ними, очень далеко, чувствовались горы. Иногда мы слезали и шли пешком. По краям желтой дороги росла негустая и неяркая трава. И все кругом было неяркое, очень тихое, зеленовато-серое. Поля с бледными колосьями, бесконечные виноградники с еще плохо распустившимися листьями и среди этих полей и виноградников, повсюду, в равном расстоянии одна от другой, такие же бледные, узколистые оливы, с их коленчатыми крепкими стволами. Они не колебались от ветра и бросали на поля тонкие, сплетенные, паукообразные тени. Кое-где, на фоне уже показавшихся, тоже сероватых, гор резко выделялись черные, узкие кипарисы. Я вспомнил, что видел точно такие кипарисы, черные, как уголь, в флорентийском музее, на картине «Благовещенья», которая приписывается Леонардо.

Серые горы все вырастали. Мы поднимались, дышалось вольнее и легче. Опять оливы и бледные поля, перерезанные черными линиями кипарисов, кое-где белые домики — поселки, дороги, идущие вправо и влево, образок Мадонны в белом камне с выдолбленной скамьей и зажженной лампадой...

За последним крутым поворотом перед нами сразу открылось Винчи. Тут уже почти не было ровного места. Холмы перешли в горы, равнина в холмы. И на одном из холмов, небольшом и остром, уместилось Винчи. Тонко и легко поднималась узкая башня старинной крепости. Ветер свежел, это было начало холодного и звонко-ясного трамонтано.

— Куда я должен везти синьоров? — обратился к нам извозчик.

В Винчи не было ничего даже напоминающего гостиницу, и мы решили отправиться к синдику, синьору Мартелли, к которому профессор дал нам карточку.

Все обошлось прекрасно. Синдик, еще молодой, полный, слегка страдающий одышкой, принял нас весело и радушно. Впрочем, в красивом домике своем не оставил, а повел в Муниципалитет, тяжелое каменное здание на главной и единственной улице Винчи. Он принес нам из архива все сочинения, брошюры, издания, касающиеся Винчи как родины Леонардо. Через час, когда синдик должен был окончить свои служебные дела, мы собирались все вместе поехать в Анкиано.

Винчи — небольшая деревушка, с простыми белыми домами в два этажа. Полуразрушенная крепость — на холме. Нижняя часть крепости превращена в жилище. Анкиано, истинное месторождение Леонардо, отстоит от Винчи на два или полтора километра, дорога тяжелая, почти все время в гору. Во времена Леонардо Анкиано было небольшим поселком. У въезда тогда существовал кабачок, где служила мать Леонардо, Катарина Катабрига. Теперь этого поселка больше нет. Остался один дом при дороге, не очень старый, похожий на все деревенские дома той местности, в два этажа, беловато-серый, окруженный виноградниками. Можно предположить, впрочем, что тут сохранилось кое-что из старого: украшение камина в средней комнате, закоптелого, черного, — поражает изящной и тонкой отделкой. У профессора Уциелли я видел рисунок этого угла.

Одного из хозяев знаменитого дома мы застали в винограднике. Синьор Мартелли, наш любезный синдик, знал их всех отлично, и мы немедля вступили в разговор с анкианцем. Он копал землю, был одет очень бедно, хотя не неряшливо, с чистыми и аккуратными заплатами на холщовой рубахе, в высокой поярковой шляпе. Лицо у

него было простое, слегка **на**смешливое, похожее на лицо русского человека, с длинной рыжеватой бородой. Он почти не удивился нам, принял нас с радушной снисходительностью и пригласил в дом. В средней комнате, общей для трех живущих в доме семей, было просторно, хотя темновато. Несколько женщин с детьми поклонились нам. Девочки-подростки у окна, ловко и быстро перебирая руками, плели из соломы длинные ленты, из которых делают шляпы. Я не мог понять, как они умещаются все, чужие и свои. Пожилой крестьянин, встретивший нас в винограднике, с доброй улыбкой объяснял мне это, женщины показывали комнаты. Комнаты все очень просторны, хотя низковаты. Стоят две большие, почти квадратные постели, с чистыми, очень аккуратными одеялами. Одна постель — супружеская, другая — для детей семьи. Наверху — целая комната отведена старику, главному в семье, которого все очень почитают. Я потом рассуждал с ним долго и был удивлен: он говорил о Леонардо и Микеланджело с истинным знанием дела. У старика была такая же аккуратная и широкая постель, у изголовья на стене висело маленькое распятие, образок Мадонны и какой-то листик с латинской молитвой. В низких окнах этой почти пустой комнаты не было стекол, только ставни. Несмотря на не мягкий климат, здесь далеко не во все окна вставляют рамы.

Мы вернулись в среднюю комнату. Там, на большом деревянном столе, окруженном лавками, уже стояло вино, фиги и хлеб. Хозяева пили с нами и много говорили. Над столом, на трех веревочках, висела лампада, длинная, с одним узким концом. На очаге что-то грелось, и угли красным светом обливали снизу мраморный, нежный завиток камина и эту странную лампаду, напоминающую прежние времена.

Мы решили на другой день, переночевав в Эмполи, опять приехать сюда и сделать рекомендованное нам Уциелли путешествие на гору Альбано.

— О, это нелегко, взойти на Альбано, но какой вид! По ту сторону видна вся долина Омброне, Арно. Как жаль, что я не могу подниматься на горы, я нездоров... Я бы тоже пошел с вами. Но вы сделайте это непременно, — уговаривал нас синьор Мартелли.

Пока же мы отправились к дороге на Альбано. Дорога была точно крута и камениста. На первом повороте мы сели. Нас окружали малорослые корявые дубы с сухими прошлогодними листьями. Мелкие пахучие цветы растения «scopra», бледные дикие фиалки, анютины глазки, неуловимый запах не то полыни, не то весны, не то каких-то неведомых горных трав... Внизу, под

нашими ногами, белел домик Анкианы. Волнистые горизонты уходили, понижаясь к стороне Эмполи. А направо, дальше, голые каменистые горы поднимались в небо, с извилистыми тенями и серыми пропастями.

— Посмотрите на Винчи, — сказал Мартелли. — Не правда ли, отсюда оно похоже на осиное гнездо?

Винчи было все перед нами, на противоположном холме. День уже склонялся к закату, на солнце набежали тучи. Винчи было совсем черное, такое же черное, как два жестких кипариса на анкианской дороге. Остро подымалась узкая башня крепости.

Вероятно, все было так же во времена, когда босоногий Леонардо сопровождал свою мать в какой-нибудь поселок на дороге Альбано. Так же, во дни весны, здесь росла обильная scopra и беловатые фиалки, так же сухо шелестели дубы сморщенными листьями, так же сумрачно серело Монте-Альбано и над черным Винчи остро подымалась башня крепости...

Всю обратную дорогу из Винчи в Эмполи мы молчали. Ветер становился злее. Смеркалось. Я едва взглянул на подозрительного хозяина в гостинице Солнца, согласился на первую предложенную комнату и, усталый, наскоро принялся за холодный и скверный обед.

Однако меня охватила невольная дрожь, когда я вошел в *эту* приготовленную мне комнату. Она была громадна, темна, сыра, холодна, с ободранными обоями. Посредине стояла кровать под желтым балдахином, такая широкая, что на ней, вероятно, удобнее было поместиться поперек. Толстые, грубые простыни чуть не дымились от сырости. В головах лежало что-то небольшое, длинное, очень твердое вместо подушки.

Нечего делать, надо было как-нибудь устраиваться. Хозяин каждую минуту приотворял дверь и глядел на меня недоброжелательными, черными глазами. Мне и лицо его казалось разбойничьим.

Я подошел к двери, хотел закрыть ее на ключ, и увидел, что замка нет.

Я кое-как заставил дверь стульями и бросился в постель, как бросаются, купаясь, в холодную воду, и тотчас же заснул.

Меня долго тревожило что-то во сне и даже, открыв глаза, всматриваясь в темноту, я не понимал, что со мною, где я. Раскаты приближающегося грома, землетрясение, грохот колесниц, буря на далеком море, гул тысячи голосов — что это такое? Я вскочил и зажег свечу. Должно быть, на улице несчастие, пожар, или, в самом деле, землетрясение… Я хотел кричать, несмотря на холод, распахнул окно… Ничего. Огня не видно. Люди шелестят, цокают

и галдят, но в гаме нет никакой тревожности, он тягучий, упорный, однообразный. Уже брезжило утро. Окно мое выходило на площадь. Я подумал, подумал — и понял. Это просто «rumore». Обычное «rumore», быть может, еще завтра базарный день. Они всегда так. Надо покориться.

Я опять лег и, после мучительных усилий, заснул.

— Синьор желает кофе с молоком и хлебом?

Я открыл окно. Светило солнце, опять белое, небеса были ясными и холодными, с фиолетовыми краями даже в это раннее утро. Я понял, что, вероятно, трамонтано усилился.

Действительно, ветер оказался очень неприятным. Кучер, когда мы сказали, что хотим идти на Монте-Альбано, неодобрительно покачал головой. Ехали мы до Винчи очень медленно. Ветер не рвал и не метал, он дул с ровной силой и, однообразно свистя, леденил члены. Но мы надеялись, что идти, особенно в гору, будет теплее.

Опять поля, редкие колосья, облетающие маки, оливы, — крепкие, черные сучья которых сегодня коротко вздрагивали от ветра. Мы проехали Винчи, не останавливаясь. Мелькнули большие окна Муниципалитета, белый, мраморный бюст Леонардо около дверей школы. Очень скверный бюст, кстати сказать. Синьор Мартелли показывал его нам накануне с большим смущением, повторяя, что он знает, какой стыд иметь в Винчи подобное изображение Леонардо. Почтенный синдик даже рассказал нам историю этого бюста, очень длинную, с любопытной враждой между устроителями школы и синдикатом. Подробности совершенно ускользнули из моей памяти.

На половине дороги между Винчи и Анкиано есть небольшое поместье какого-то графа. Красивый дом смотрит весело из-за высокой изгороди, сплошь покрытой розами. Кипарисы и черные, неопадающие дубы бросают тени на крыльцо, выходящее к самой дороге. Накануне, проезжая в Анкиано, я видел на этом крыльце девушку, очень миловидную. Она была одета просто, как крестьянка, с платком, перекрещенным на груди, в синем переднике, и вязала чулок. Она подняла глаза. Я заметил узкое, совершенно бледное лицо, свежее без румянца, ровно-матовые, как уголь, волосы и такие же черные, без блеска, глаза, точно затененные слишком длинными ресницами. Может быть, служанка в анкианском кабачке, мать Леонардо, была похожа на эту бледную и тонкую девушку? И молодой флорентийский нотариус, домовладелец из Винчи, обратил на нее внимание...

Сегодня крыльцо было пусто, и я не видел больше моей красавицы. Ветер дул беспощадно и обрывал розы с изгороди.

Наше восхождение на Альбано действительно оказалось нелегким. Дорога, каменистая и крутая, шла без извилин наверх, между сухим кустарником, скоппой, корявыми дубами, печальными от неопавших листьев. Пустынные, близкие горы налево, отдаленные, казалось, от дороги только узкими пропастями, серые вчера — сегодня, под дыханьем ветра, были совсем лиловые, холодные. Ветер бил в лицо и слепил глаза. Камни обрывались из-под ног и катились вниз. Нам встретилось несколько крестьянских домиков с жидкими виноградниками кругом. Мы отдыхали на низком и широком каменном заборе — и шли дальше. Белое здание школы наверху, похожее не то на маяк, не то на обсерваторию, с башенкой, виднелось еще высоко над нами. Оттуда, говорили нам, можно взглянуть на долину по ту сторону Альбано, на далекие пизанские горы. Оттуда есть спуск прямо во Флоренцию, очень трудный.

Ветер был так силен, что невозможно было надеяться на прозрачность воздуха, и мы шли не для вида, а просто потому, что странная отрада была в этом восхождении. Как будто человек с трудом побеждал лиловые, нахмуренные горы, облитые ветром, и взор становился все длиннее и острее, потому что почти с каждым шагом раздвигался горизонт.

Не доходя немного до белого здания, мы присели отдохнуть у дороги, под защитой высокого камня, почти скалы. Противоположную долину еще нельзя было видеть, но все широкое пространство по направлению к Винчи и Эмполи лежало перед глазами, и там, куда уже взгляд не хватал, затуманивалось лиловатой, седеющей мглой. Сначала — горы, холодные, с широкими тенями, уступами и провалами, потом, дальше, волны тающих холмов. И везде — пространство, пустота, воздушность. Узкая горная дорожка не чувствуется, все время кажется, что медленно, с неощутимой плавностью, летишь над этими падающими горизонтами на гигантских крыльях. Крылья здесь кажутся необходимыми, родными и естественными. И то, что их нет, — вызывает в душе удивление и страх, как у человека, сразу лишившегося ног. Леонардо родился здесь, провел детство на этих дорогах. И всю жизнь ему казалось обидой и невозможностью, что у птиц есть крылья, и нет их *у* людей.

На высоте весны почти не чувствовалось. На деревьях не было ни одной почки, даже трава не зеленела. Пахло пронзительно влажным мохом и какими-то сухими, горными былинками. Мы решили сделать последнее усилие, встали и пошли к белому зданию на самой горе, в нескольких шагах от нашего привала. На открытом месте ветер удвоил свою злость, и эти последние шаги показались

нам самыми мучительными, тем более, что на вершине было гораздо менее красиво, чем на нашем привале под скалой. Ветер превратился в вихрь и едва позволял открыть глаза. Обрывистая долина по ту сторону едва синела где-то далеко под нашими ногами. Все сливалось и стиралось во мгле. Опять на мгновение чувство необходимости и естественности полета, вольного движения над землею, охватило меня. Ветер усиливал это чувство. Точно рои невидимых, быстрых и злых птиц пролетали мимо, трепеща и свистя сильными, громадными крыльями...

Мы остались в темноватой комнате школы недолго. Толпа детей смотрела на нежданных гостей с нелюбезным любопытством, болтливая учительница говорила не в меру. Нам дали кислого вина. Мы не допили его, поспешили проститься и быстро пустились в обратный путь.

Наш извозчик ждал в Анкиано. Внизу нам показалось теплее и приветливее. Вчерашний крестьянин с рыжей бородой ласково поклонился. Лошадь побежала бодро. В Винчи мы заехали проститься с синьором Мартелли, но его не было дома. Мы должны были торопиться, чтобы попасть в Эмполи к вечернему флорентийскому поезду.

Становилось все холоднее, хотя ветер, видимо, падал. Солнце, близкое к закату, желтело, почти краснело. Кипарисы под его густыми лучами казались совсем темными, угольными. Я смотрел назад, где еще виднелось Винчи, порою скрытое за холмами. Удаляющиеся горы казались теперь яркими и прозрачными, похожими на аметистовые. И когда в последний раз мелькнула перед поворотом черная, скромная деревушка, прекрасная и странная на бледно-фиолетовом поле гор со своей острой и тонкой башней, у меня сжалось сердце. Так бывает больно при разлуке с любимым человеком.

Флоренция
1896

Примечания

...Густаво Уцелли (Gustavo Uzielli)... — известный итальянский историк, гарибальдиец. Годы жизни: 1839—1911.

..."Ricerche intorno a Leonardo da Vinci". — В пер. на рус. яз. — «Исследования вокруг Леонардо да Винчи» (см. ниже).

Он повествовал сразу и о Леонардо, и о Тосканелли, которым отдал жизнь… — См., в частности: *Uzielli G.* Ricerche intorno a Leonardo da Vinci. Firenze; Roma: Tip. Salviucci, 1872–1884; *Uzielli G. Leonardo* da Vinci e tre gentildonne milanesi del secolo 15. Pinerolo: Tip. sociale, 1890; *Uzielli G. La* vita e i tempi di Paolo Dal Pozzo: ricerche e studi, con un capitolo sui lavori astronomici del Toscanelli di Giovanni Celoria. Roma: Tip. di Forzani e C., 1894; *Uzielli G.* Colloquio avvenuto in Firenze nel luglio 1459 fra gli ambasciatori del Portogallo e Paolo dal Pozzo Toscanelli. Roma: Società geografica italiana, 1898.

...piazza Michel Angelo. — Площадь Микеланджело во Флоренции.

...башня Палаццо Веккио. (Палаццо Веккьо) — Одна из главных достопримечательностей Флоренции, Palazzo Vecchio (в пер. с ит. — Старый дворец), построенная в 1299–1314 гг. на площади Синьории.

...выходя из-за черных древесных сеней Кащины, вился Арно… — Имеется в виду итальянская коммуна Кашина (Cascina), расположенная вдоль реки Арно.

...поезде-омнибусе… — пассажирский поезд, идущий со всеми остановками, в отличие от скорых поездов и экспрессов.

“Empoli” — название итальянской коммуны (в рус. произношении — Эмполи), которая располагается в регионе Тоскана, недалеко от Флоренции.

...“con burro”... — с маслом (*ит.*)

...“rumore”... — шум (*ит.*)

Я вспомнил, что видел точно такие кипарисы, черные, как уголь, в флорентийском музее, на картине «Благовещенья», которая приписывается Леонардо. — Картина Леонардо да Винчи «Благовещение» (Annunciazione), созданная в 1472–1475 гг., с 1867 г. хранится в музее Уффици (Флоренция).

...трамонтано. — принятое в Италии (от “tramontana” — «из-за гор») название холодного северного и северо-восточного ветра.

...Анкиано. — селение, где, согласно одной из версий, 15 апреля 1452 г. родился Леонардо; расположено недалеко от Винчи.

Полуразрушенная крепость — на холме. — Вероятно, речь идет о замке графов Гуиди (Castello dei Conti Guidi), в котором уже в XX в. был открыт музей Леонардо да Винчи.

...Катарина Катабрига. — По мнению современных исследователей, М. Кемпа и Дж. Палланти, мать Леонардо да Винчи звали Катерина ди Мео Липпи. Она была крестьянкой и сиротой, соблазненной молодым нотариусом Пьеро да Винчи. Спустя восемь месяцев после рождения сына была выдана замуж за Антонио ди Пьеро Бути дель Вакка, известного под солдатским прозвищем

Аккатабрига (в пер. с ит. — «спорщик»). Подробно см.: *Kemp M., Pallanti* G. Mona Lisa: The People and The Painting. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Литература

Записные книжки и письма Д.С. Мережковского / Публ. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана // Русская речь. 1993. № 4. С. 30–35; № 5. С. 25–40.

Мережковский Д.С. Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 53–81.

Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореневой // Русская литература. 1991. № 2. С. 156–181.

Соболев А.Л. Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 31–50.

Холиков А.А. «Автобиографическая заметка» и стратегия самосотворения во втором прижизненном «Полном собрании сочинений» Д.С. Мережковского // Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57. P. 11–25.

Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 344 с.

Холиков А.А. Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии) // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М.: Дмитрий Сечин; Литфакт, 2018. С. 565–571.

References

Kholikov A.A. “Avtobiograficheskaya zametka” i strategiia samosotvoreniya vo vtorom prizhiznennom “Polnom sobranii sochinenii” D.S. Merezhkovskogo [“Autobiographical note” and the strategy of self-creation in D.S. Merezhkovsky’s second lifetime “Complete Works”]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2016, no. 57, pp. 11–25. (In Russ.)

Kholikov A.A. Epistoliarnoe i sviazannoe s nim nasledie D.S. Merezhkovskogo (materialy k bibliografii) [D.S. Merezhkovsky’s epistolary and related legacy (materials for bibliography)]. *D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': Sbornik statei* [D.S. Merezhkovsky: writer — critic — thinker: A collection of essays], comp. by O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., Litfakt Publ., 2018, pp. 565—571. (In Russ.)

Kholikov A.A. *Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenii Dmitriia Merezhkovskogo: Tekstologiia. Istoriia literatury. Poetika* [Dmitrii Merezhkovsky’s lifetime Complete Works: Textual Criticism. Literary History. Poetics]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2014. 344 p. (In Russ.)

Merezhkovskii D.S. Zapisnaia knizhka. 1919–1920 [Notebook. 1919–1920]. Merezhkovskii D.S. *Tsarstvo Antihrista: Stat'i perioda emigratsii* [The kingdom of Antichrist: Articles of the émigré period], comp., comment. by O.A. Korostelev and A.N. Nikolyukin. St. Petersburg, Russian Christian Institute for Humanitites Publ., 2001, pp. 384–403. (In Russ.)

Pis'ma D.S. Merezhkovskogo k P.P. Pertsovu [D.S. Merezhkovsky's letters to P.P. Pertsov], intro., publ. and notes by M.Yu. Koreneva. *Russkaia literatura*, 1991, no. 2, pp. 156–181. (In Russ.)

Sobolev A.L. D.S. Merezhkovskii v rabote nad romanom "Smert' Bogov. Yulian Otstupnik" [D.S. Merezhkovsky working on the novel "Death of Gods. Julian the Apostate"]. *D.S. Merezhkovskii: Mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: Thought and word]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 5–18. (In Russ.)

Zapisnye knizhki i pis'ma D.S. Merezhkovskogo [D.S. Merezhkovsky's notebooks and letters], publ. by E.A. Andrushchenko, L.G. Frizman. *Russkaia rech'*, 1993, no. 4, pp. 30–35, no. 5, pp. 25–40. (In Russ.)

“The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo

© 2018, Alexey Kholikov

Abstract: Among the publications of D.S. Merezhkovsky, which the author did not include in his books and collected works, is a little-known essay «The Village of Vinci», written during the author's joint travel with Z.N. Gippius and A.L. Volynsky “in the footsteps of Leonardo da Vinci” in 1896. It occupies an intermediate position between the writer's artistic texts (whose autobiographical potential is really great, but its extraction in each case requires caution) and its documentary heritage (mostly epistolary). But the main thing is that this text was never reprinted or supplied with a scientific reference apparatus. It is valuable not only from the biographical point of view (if it is compared with other ego documents, among which are memories of the trip of Merezhkovsky's satellites, significant discrepancies, inaccuracies, varying degrees of detail are detected), but also in the textual aspect, to study the creative history of the second part of the trilogy “Christ and Antichrist”. “The Village of Vinci” is printed in the first and only edition: Cosmopolis, 1897, no. 2, pp. 94–106. With the subtitle “From the travel diary” and the editorial note: “This excerpt from the diary refers to the author’s preparatory work for the future of his novel, from the life of Leonardo da Vinci. He gives the tone of the picture, which should depict the youth of this hero of the Renaissance”. The published essay and notes to it will be included in the small academic “Collected Works” by D.S. Merezhkovsky in 20 volumes.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Z.N. Gippius, A.L. Volynsky, “The Resurrected Gods (Leonardo da Vinci)”, autobiographical prose, the creative history of the text.

Information about the author: Alexey Kholikov, Doctor of Philology, assistant professor, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russia.

E-mail: aakholikov@gmail.com.

Citation: Khlokov Alexey. “The Village of Vinci” by D.S. Merezhkovsky: from the creative history of the novel about Leonardo. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 294–313.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-314-334
УДК. 821.161.1

Дебют Виктора Шкловского в Московском Лингвистическом Кружке: От «истории романа» к «развертыванию сюжета»

И.А. Пильщиков, А.Б. Устинов

Аннотация: Статья реконструирует обстоятельства первого выступления Виктора Шкловского в Московском Лингвистическом Кружке (МЛК) и восстанавливает историю его отношений с московскими формалистами (1919–1921). Авторы представляют эволюцию научных взглядов Шкловского и приходят к выводу, что доминирующей темой его работы в этот период следует считать теорию сюжетосложения, в которой сюжет рассматривается как художественный прием. Привлечение Шкловского к работе Кружка имело двойную цель: установление отношений с содружеством филологов Петрограда, а также организацию совместных издательских проектов. Эти намерения не осуществились, однако план совместной работы московских и петроградских ученых-гуманитариев послужил решающим стимулом для оформления ОПОЯЗа (Общества изучения поэтического языка) осенью 1919 г. Научные интересы Шкловского в это время были сосредоточены на изучении и системном описании приемов художественного сюжетосложения и построении общей теории сюжета. Его доклады в МЛК 1920–1921 гг. были посвящены анализу сюжетосложения в «Дон-Кихоте», «Тристраме Шенди» и в произведениях Василия Розанова. Эти доклады перекликались с его публикациями в «Жизни Искусства», история недолговременного сотрудничества Шкловского в которой также воссоздана в статье. Построение теории сюжета вскоре становится одним из мотивов и, в то же время, одним из конструктивных принципов организации его собственной мемуарной прозы 1920-х гг. Первый доклад Шкловского в МЛК под названием «История романа» был сделан 10 июня 1919 г. и вызвал в кружке бурную дискуссию о литературном сюжете. Основным оппонентом докладчика выступал его многолетний друг и соперник Р. Якобсон. Завершает статью комментированная публикация протокола заседания Московского Лингвистического Кружка от 10 июня 1919 г. и записей Якобсона, сделанных во время обсуждения дебютного доклада Шкловского.

Ключевые слова: В.Б. Шкловский, Р.О. Якобсон, О.М. Брик, теория прозы, теория сюжетосложения, художественный прием, русский формализм, ОПОЯЗ, Московский Лингвистический Кружок, история русской науки о литературе

Информация об авторах: Игорь Алексеевич Пильщиков, д. ф. н., ведущий научный сотрудник, Институт мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: pilshch@mail.ru

Андрей Борисович Устинов, д. ф. н., филолог, директор книгоиздательства «Аквилон», Сан-Франциско, США.

E-mail: abooks@gmail.com

Цитирование: *Пильщиков И.А., Устинов А.Б.* Дебют Виктора Шкловского в Московском Лингвистическом Кружке: От «истории романа» к «развертыванию сюжета» // Литературный факт. 2018. № 9. С. 314–334.

Я сказала Брику:
— В. Б. <Шкловский> говорит точно так же, как пишет.
— Да, совершенно так же. Но разница огромная. Он говорит всерьёз, а пишет в шутку.

Лидия Гинзбург

1 сентября 1919 г. на заседании, открывшем новую после летнего перерыва сессию Московского лингвистического кружка (МЛК), Виктор Шкловский прочитал доклад «Сюжетосложение в кинематографическом искусстве». Этот доклад повторял положения его большой статьи «Кинематограф как искусство», тремя месяцами ранее напечатанной в петроградской «Жизни Искусства»[1]. Как вспоминал Шкловский, в газету его «пригласила Мария Федоровна Андреева. Жалованье было маленькое, но иногда выдавали чулки»[2].

Из протокола этого заседания следует, что привлечение Шкловского к работе МЛК имело двоякую цель. Прежде всего, он представлял перед москвичами не одного себя, но и малочисленное содружество неакадемических филологов Петрограда, осуществивших в мае 1919 г. выпуск сборника «Поэтика». «“Поэтика” имеет сто шестьдесят пять страниц необыкновенно плотного набора, с широкими строчками, — вспоминал об этой книге Шкловский. — Здесь напечатаны мои работы, Брика, Якубинского»[3]. И хотя это издание состояло преимущественно из статей, перепечатанных из дореволюционных «Сборников по теории поэтического языка», Шкловский

[1] Жизнь Искусства. 1919. 17–18 мая. № 139–140; 20 мая. № 141; 21 мая. № 142 (в новейшие издания и переиздания Шкловского статья не включалась).

[2] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...» / Предисл. А. Галушкина. Коммент. А. Галушкина, В. Нехотина. М., 2002. С. 188.

[3] *Шкловский В.* Жили-были. М., 1964. С. 289.

добрал объем путем включения новых работ, написанных в совершенно ином критическом регистре.

Особенный интерес представляла статья Бориса Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя», оказавшаяся этапной для дальнейшей научной эволюции этого филологического сообщества. Участие Эйхенбаума в «Поэтике» было неожиданным, поскольку, несмотря на свое знакомство с Бриком с 1916 г. (тогда же с ними обоими познакомился и Шкловский), он никакого отношения к деятельности филологического кружка, собиравшегося в квартире Бриков, до этой публикации не имел, совмещая академические изыскания с работой газетного обозревателя[4].

Кроме того, в сборнике были напечатаны работа Л. Якубинского «О поэтическом глоссемосочетании» и несколько хаотическая экспликация концепции «приема» в контексте литературной стилистики самого Шкловского под заглавием «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля»[5]. Обстоятельства создания этой статьи он припоминал в «Сентиментальном путешествии»:

> Трудно неподкованными ногами, ногами без шипов, скользить по проклятой укатанной земле.
>
> В ушах шумит, глохнешь от напряжения и падаешь на колени. А голова думает сама по себе «о связи приемов сюжетосложения с общими приемами стиля». «Не забудьте, пожалуйста, подтяжки». В это время я кончал свою работу. Борис <Эйхенбаум. — *И.П., А.У.*> свою. Осип Брик кончил работу о повторах, и в 1919 году мы издали в издательстве «ИМО» книгу «Поэтика» в 15 печатных листов по 40 000 знаков.
>
> Мы собирались. Раз собрались в комнате, которую залило. Сидели на спинках стульев. Собирались во тьме. И в темную прихожую со стуком входил Сергей Бонди с двумя липовыми картонками, связанными вместе веревкой. Веревка врезалась в плечо.
>
> Зажгли спичку. У него было лицо (бородатое и молодое) Христа, снятого с креста.
>
> Мы работали с 1917 года по 1922-й, создали научную школу и вкатили камень в гору.[6]

---

[4] Вместе с тем, «на первый из “Сборников по теории поэтического языка” он откликнулся сочувственной рецензией (“Биржевые ведомости”, 7 октября 1916 года) <...>. Хотя в статье Шкловского “О заумном языке” Эйхенбаума многое вызывает на спор — этот человек уже попал в орбиту его серьезного изучающего внимания» (*Чудакова М., Тоддес Е.* Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 139).

[5] См. подробнее в главке «ОПОЯЗ» в кн.: *Крусанов А.В.* Русский авангард, 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. М., 2003. С. 294–295.

[6] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 180.

Вторая причина приглашения Шкловского в Москву была названа в самом начале заседания МЛК 1 сентября: «Председатель Р.О. Якобсон оглашает план совместного издательства Кружка и петроградской группы филологов, работающих в “Сборниках по теории поэтического языка”. План не встречает возражений»[7]. К сожалению, этот «план» так и не осуществился, в первую очередь, из-за того, что после скорого отъезда Якобсона[8] МЛК распался на противостоящие фракции и «фактически <...> перестал быть организацией, <...> какою он был в 1918–1920 гг., когда Кружком руководил Р.О. Якобсон и, наряду с ним, руководящую роль играли О.М. Брик, Б.О. Кушнер, В.В. Маяковский и В.Б. Шкловский, которые в настоящее время почти не участвуют в работе <...> и взгляды которых в области поэтики сейчас не разделяются подавляющим большинством членов Кружка нынешнего состава»[9]. Якобсон позднее вспоминал, как это «партийное» размежевание привело в конечном счете к полному распаду МЛК:

> В бурных дебатах о лингвистических основах (linguistic essentials) — о феноменологии языка и строго эмпирическом подходе; о месте фонетики и семантики в науке о языке; о проблеме гумбольдтовской внутренней формы; о критериях разграничения поэтического и обыденного языка; или, наконец, об отношениях между языком и культурой — московская группа утратила былое единство целей и принципов <...> и летом 1924 года, на десятом году своего су-

[7] Отдел источниковедения Института русского языка Российской Академии наук. Ф. 20 (Московский лингвистический кружок), л. 63; далее — *ИРЯ*, с указанием листа. Протокол этого заседания опубликован Г.С. Баранковой (Литературное обозрение. 1997. № 3. С. 82–83).

[8] Вскоре после заседания 15 февраля 1920 года Якобсон отбыл в Ревель. С начала апреля до конца мая Якобсон вновь находился в Москве. 25 апреля 1920 г. он в последний раз председательствовал на заседании МЛК (*ИРЯ*, л. 94–97об.). Последним научным выступлением Якобсона в Советской России был доклад «Самоопределение народностей» на 117-м заседании Московской Диалектологической Комиссии 30 апреля 1920 г. В конце мая он уехал окончательно: сначала в Ревель, а оттуда 3 июля – в Прагу. 10 июля 1920 г. Якобсон вместе с другими членами Миссии советского Красного Креста прибыл на Пражский вокзал имени Вудро Вильсона (см. прим. 10 в публ. М.И. Шапира: *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок // Philologica. 1996. Т. 3, № 5/7. С. 370; и статьи: *Сорокина М.Ю.* Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2016. М., 2017. С. 86–91; *Стайнер П.* «Which side are you on, boy?» Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 1. С. 14).

[9] Совместное заявление А.А. Буслаева, Н.Н. Волкова, Б.В. Горнунга, Н.И. Жинкина и М.М. Кенигсберга на пленарном заседании МЛК 21 марта 1922 года (*ИРЯ*, л. 177об.; *Шапир М.И.* М.М. Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18. № 1. P. 75).

ществования, Московский <лингвистический> кружок формально распался.[10]

Вместе с тем, «не встретивший возражений» план Якобсона оказался едва ли не решающим стимулом в прояснении направления научной деятельности самого Шкловского, по возвращении в Петроград реорганизовавшего аморфный коллектив участников «Поэтики» в регламентированное и официально зарегистрированное «общество»: «“Свободное содружество ученых-филологов”, носившее до этого времени название “Сборники по теории поэтического языка”, было преобразовано 2 октября 1919 года в Общество изучения теории поэтического языка (ОПОЯЗ)»[11]. Вскоре он напечатал в «Жизни Искусства» информационную статью «Изучение теории поэтического языка»[12], которую можно считать первой публикацией участников Общества, написанной в жанре «ОПОЯЗ об ОПОЯЗе»:[13]

> Революция в русской литературе происходит уже скоро 25 лет. Уже десять или одиннадцать лет существует футуризм, самая страстность которого не обещала ему долгих годов.
>
> Все каноны были свергнуты, все законы искусства разрушились и восстановились снова.
>
> Революция в искусстве обновила умы и освободила науку об искусстве от гнета традиции.
>
> Новое общество изучения теории поэтического языка родилось под знаком революции. Филологи, его составляющие, сознают себя родившимися из пестрых книг футуристов. Теорию Потебни постигла великая неудача. Все признали ее, но она не развилась. В пренебрежении Потебни к литературной форме крылась первичная ложь его теории.
>
> Система А.Н. Веселовского была счастливее. Великий ученый, как не многие, сумел оформить тот материал, который он нашел в поэзии чуть ли не всего мира.

---

[10] *Jakobson R.* An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle) // Jakobson R. Selected Writings. Vol. II: Word and Language. The Hague, 1971. P. 532 (перевод наш).

[11] *Крусанов А.В*. Русский авангард. С. 296–297.

[12] Жизнь Искусства. 1919. 21 октября. № 273. С. 2. Несмотря на то, что статья не подписана, у нас нет оснований сомневаться в авторстве Шкловского (ср. А.В. Крусанов. *Русский авангард*. С. 710).

[13] В первую очередь, к этому жанру относятся выступления Б.М. Эйхенбаума «5=100» (Книжный Угол. 1922. № 8. С. 38–41) и «Общество изучения поэтического языка» (1922, заметка была написана для газеты «Ирида»; см.: *Лавров А.В*. Б.М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида» // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. А. Устинова. М., 2010. С. 203–204).

От робких слов своих первоначальных лекций о том, что «история литературы — это история человеческой мысли, поскольку и т. д.», он дошел до сознания автономности искусства. И в истории эпитета показал, как можно объяснять эволюцию литературных форм, не прибегая к заглядыванию во внелитературный материал.

Александр Веселовский не имел учеников, он имел только почитателей.

Его идеи не развивались, их канонизировали.

Символисты сумели обратить внимание на форму в искусстве, но они видели в искусстве высказывание. В искусстве они увидали «что» и «как», и Андрей Белый в своих статьях, утончено ритмизированных, бьется в треугольниках теософии.

Развитие науки лингвистики не отразилось в поэтике символистов, их система — эта английская блоха, подкованная тульскими оружейниками — эта блоха не могла прыгать. Символисты и тульские оружейники не знают арифметики.

Отдельные страницы Белого-теоретика войдут в учебники, как доказательство невозможности работать, не имея подготовки. Поэтика символистов только матерьял для построений.

Еще глубже было падение знаний среди критиков не стихотворцев. Записано для будущего историка русской литературы, что некий критик в городе Петербурге, в библиотеке на углу Садовой и Невского, гласно и не стыдясь присутствующих, просил дать ему перевод «Жития протопопа Аввакума» на русский язык. Не будет ничего удивительного в том, что этот же человек напишет исследование по русской поэзии.

Общество изучения теории поэтического языка, организованное 2-го октября с. г. участниками «Сборников по теории поэтического языка», поставило себе целью разработку вопросов теории литературы и обще-лингвистических дисциплин, поскольку они необходимы для создания научной поэтики.

Членами общества состоят: Сергей Бернштейн, Александра Векслер, Б.А. Ларин. В.А. Пяст, Е.Г. Полонская, <А.> Пиотровский, М. Слонимский, Борис Эйхенбаум, Виктор Шкловский, В<ладимир> Б. Шкловский, Лев Якубинский и друг<ие>.

Однотипное общество существует уже довольно давно при Московском Лингвистическом Кружке, в настоящее время кружок тоже во главу угла поставил вопросы формальной поэтики.

Общество изучения теории поэтического языка имело уже два заседания: одно было посвящено докладу А. Векслер о «Котике Летаеве» А. Белого, на втором Б.М. Эйхенбаум прочел доклад о построении Шиллеровской трилогии.

Готовятся доклады: «“Петербург” Андрея Белого» — Е. Полонской; «Индусские поэтики» — Б. Ларина; «Повести Белкина» — Б. Эйхенбаума; «А.Н. Веселовский» — Виктора

> Шкловского; «Ритм русского стиха» — С. Бонди; «Очерки истории литературного языка» — Сергея Бернштейна. Общество приступило к разработке плана учебника теории литературы и предполагает организовать коллективную работу над созданием ряда книжек, популяризирующих вопросы научной поэтики. Со справками по делам общества просят обращаться по адресу: Надеждинская, 33, кв. 7, телеф<он> 156–20.

Нельзя не обратить внимание на то, что МЛК обозначен в заметке как «однотипное общество», а его деятельность — «в настоящее время кружок тоже во главу угла поставил вопросы формальной поэтики» — представлена как конгруэнтная общим направлениям работы ОПОЯЗа, но, в первую очередь, самого Шкловского.

С оформлением «Общества изучения теории поэтического языка» его собственные изыскания — по крайней мере, до его бегства из Петрограда в марте 1922 г. — также приобрели направление, которое Шкловский обозначил в названии одной из своих книжек, изданных под грифом ОПОЯЗа как *развертывание сюжета*, или точнее — методичный разбор приемов литературного сюжета, и шире — построение теории художественного сюжетосложения. Сделав предварительные обобщения на материале кино в статье «Кинематограф как искусство»[14], Шкловский обратился к литературе, в первую очередь, к масштабной классической прозе — «Тристраму Шенди» и «Дон Кихоту».

Именно эта тематика оказалась магистральной в его дальнейших выступлениях в МЛК. Следующее из них состоялось на заседании 15 февраля 1920 г. После завершения прений по представленному накануне 13 февраля сообщению Томашевского «О ритме пушкинской прозы», Шкловский прочитал доклад «Речи Дон-Кихота»[15], как можно предположить, основанный на второй части его статьи «Развертывание сюжета», напечатанной двумя неделями раньше в «Жизни Искусства»[16]. Впоследствии и эта, и предшествовавшая ей часть первая[17] были вклю-

---

[14] См. подробный разбор этой статьи в нашей работе: Виктор Шкловский в ОПОЯЗе и Московском Лингвистическом Кружке (1919–1921 гг.) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge 6 (2018) (в печати).

[15] Томашевский и Московский лингвистический кружок. <Публ. Л.С. Флейшмана> // Труды по знаковым системам. IX. (Уч. зап. Тартуского гос. университета. Вып. 422). Тарту, 1977. С. 131–132. К сожалению, опубликованная часть протокола здесь и заканчивается, а его оригинал, хранившийся у Б.В. Горнунга и предоставленный в свое время И.Н. Медведевой-Томашевской для публикации Л.С. Флейшману, пока не обнаружен.

[16] *Шкловский В.* Развертывание сюжета. II // Жизнь Искусства. 1920. 27 января. № 355. С. 1.

[17] *Шкловский В.* Развертывание сюжета. (Роман-драма) // Жизнь Искусства. 1920. 21 января. № 348. С. 1.

чены им в книгу, также озаглавленную «Развертывание сюжета» (Пг., 1921).

К этому времени Шкловский вошел в редакционную коллегию «Жизни Искусства» — наряду с И. Глебовым (Б.В. Асафьевым), М.А. Кузминым и Г.М. Роммом[18], — тем самым разрешив вопрос с печатной составляющей деятельности ОПОЯЗа и опередив МЛК, участники которого так и не обрели издательской площадки для своих публикаций: ни один из выпусков «Трудов М.Л.К.», обсуждавшихся из заседания в заседание, не был даже составлен. Исключением, хотя и достаточно условным, можно считать машинописный журнал «Гермес», три номера которого были изданы в 1922–1923 гг. «на правах рукописи» установленным тиражом 12 экземпляров (4-й номер журнала за 1924 г. издан не был, но сохранился в рукописи)[19]. «В условиях полного упадка книгоиздательского дела опоязовцам сравнительно повезло, — замечает А.В. Крусанов. — Всего с июля 1919 по май 1920-го на страницах “Жизни искусства” появилось около 40 научных статей, написанных членами ОПОЯЗа»[20].

Меньше, чем через неделю, 21 февраля, Шкловский сделал encore-выступление в МЛК, на этот раз с размышлениями о сюжетной схеме в другом романе: «*Тристрам Шенди* Стерна». Впрочем, первоначальное обсуждение вопросов сюжетосложения выявило необходимость постановки проблемы литературной традиции сентиментализма. Г.О. Винокур задавал вопросы, а Шкловский отвечал, что основной характеристикой «стерновской традиции» можно считать игру с сюжетом романа или (воспользуемся его афоризмом) «обнажение сюжетосложения».

Далее дискуссия переключилась на предшествующее заседание и, как мы можем судить по протоколу, в прениях по предыдущему его выступлению на тему «Речи Дон-Кихота» обсуждался роман Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» (1815)[21]. Судя по замечаниям Винокура и «молодого центрифугиста» поэта Теодора Левита[22], Шкловский пред-

[18] Состав редакционной коллегии приводится в объявлениях на подписку газеты в ноябрьских выпусках 1919 года.

[19] См.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал “Гермес”. I. Мемуарные заметки Б.В. Горнунга. II. Указатель содержания журнала “Гермес”. III. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. М.О. Чудаковой, Г.А. Левинтона, А.Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Ред. Е.А. Тоддес. Рига, 1990. С. 167–210.

[20] Крусанов А.В. Русский авангард. С. 298.

[21] Тогда роман был известен в переводе В.Л. Ранцова под заглавием *Эликсир Сатаны* (СПб., 1897).

[22] Теодор Маркович Левит (1904–1942) — переводчик и поэт, писавший стихи также на немецком и французском, известный сборником: М. Тэ, Теодор Левит. *Содружество «Флейты Ваграма»* (М., <1921>), — который за исключением страницы с одним словом «BAUTA...», снабженного подписью «М. ТЭ», целиком состоял из его стихотворного цикла

ставил роман Сервантеса, как роман-путешествие, где «бесконечное количество эпизодов» связаны «общей осью» повествования и «где путешествие героя служит такой связывающей осью».

Впоследствии Шкловский дважды (в апреле 1920 г. и весной 1921 г.) делал доклады о Стерне на заседаниях ОПОЯЗа в Доме Искусств. Книга «“Тристрам Шенди” Стерна и теория романа» вышла в 1921 г. в опоязовской серии «Сборники по теории поэтического языка»; на обложке значилось «Издание “ОПОЯЗ”». Под этой же маркой вышла и упоминавшаяся выше книжка «Развертывание сюжета», в которую под общим заглавием «Как сделан Дон-Кихот» были включены его работы о романе Сервантеса.

Последним известным выступлением Шкловского в МЛК стал его доклад «Тема, образ и сюжет Розанова», прочитанный им на заседании 3 апреля 1921 г. и снова построенный на материалах одноименной статьи, напечатанной в «Жизни Искусства»[23]: «Я дал в газету большую статью в лист о Розанове, — пояснял он в “Сентиментальном путешествии”. — Это доклад, который я только что читал в ОПОЯЗе. Смысл его — понимание Розанова не как философа, а как художника»[24]. Впрочем, окончание статьи в газете не появилось, по причине ссоры Шкловского с одним из членов редакции театральным критиком Е.М. Кузнецовым, вызванного этой пикировкой «суда чести»[25] и решительного выхода Шкловского из числа сотрудников «Жизни Искусства». В «Сентиментальном путешествии» Шкловский вспоминал:

> С газетой я делал странные вещи. Конечно, я не печатал в ней контрреволюционных статей (и не хотел их ни писать, ни печатать), но печатал академические статьи. Статьи были сами по себе хороши, но не в театральной газете. Место им было в специальном журнале, но журналы не выходили. Отдельные номера «Жизни Искусства» получались очень ценные. Помню очень хорошие статьи Бориса

«Сюземы Дней» (о возможных авторах, скрывшихся за литерами «М. Тэ»: М.И. Ильин, М. Гиркельтуб, М. Туркельтауб, — см.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 1: Биографические очерки. М., 2013. С. 410). Левит был преданным учеником С.П. Боброва, который связывал с ним создание «Молодой Центрифуги». В ГПИБ сохранился экземпляр *Содружества «Флейты Ваграма»* с нежной надписью Боброву: «Сергей Павлович! Если найдете здесь обложки и осколки “Лиры Лир”, Бога ради, не бейте меня. О присутствии сего музыкального инструмента в моих немузыкальных стихах сам знаю. 13/5 21 Т. Левит». *Лира Лир* (М., 1917) — третья книга стихов Боброва, Левит посвятил ему стихотворения «Осенний вечер», и обещал издать его сборник рассказов «Логофаг» в издательстве «Содружества “Флейты Ваграма”», наряду с собственной книжкой «Желе из касторки». Вероятно, именно Бобров способствовал появлению Левита в МЛК. Он также числится под № 4 в списке членов-соревнователей Кружка, избранных начиная с марта 1921 г., с инициалами «Ф.М. Левит» (Ф. — Федор?).

[23] Жизнь Искусства. 1921. 19, 20, 22 марта. № 697–698–699. С. 1–2; 6–8 апреля. № 712–713–714. С. 2–3; 9, 10, 12 апреля. № 715–716–717. С. 1.

[24] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 237.

[25] Жизнь Искусства. 1921. 16, 17, 19 апреля. № 718–719–720. С. 3.

Эйхенбаума «О трагическом»[26], статьи Романа Якобсона, статьи Юрия Анненкова и ряд своих статей о «Дон Кихоте»; газета давала мне возможность работать[27].

После этого конфликта «публикация опоязовских работ в газете прекратилась»[28]. Книжка Шкловского о Розанове в том же году была издана под грифом «Издание “ОПОЯЗ”»[29].

Теория художественного сюжетосложения, занимавшая Шкловского в это время больше, чем другие темы, становится не только повторяющимся мотивом, но и конструктивным принципом в написанной им в Берлине мемуарной книге «Сентиментальное путешествие». Даже описывая свое бегство из Аткарска в Москву, он вспоминал, что в теме прочитанного в МЛК доклада фигурировал «сюжет»:

> ...я собрал свои книги, по которым писал статью «О связи приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» (эта статья как у киплинговской сказки о ките: «Подтяжки не забудьте, пожалуйста, подтяжки!»), и отправил их почтой в Петербург.
>
> А сам уехал в Москву.
>
> Одет я был нелепо. В непромокаемый плащ, в матросскую рубашку и красноармейскую шапку.
>
> Мои товарищи говорили, что я прямо просился на арест.<...>
>
> В Москве у меня украли деньги и документы в то время, как я покупал краску для волос.
>
> Попал к одному товарищу (который политикой не занимался <имеется в виду Роман Якобсон. — *И.П., А.У.*>), красился у него, вышел лиловым. Очень смеялись. Пришлось бриться. Ночевать у него было нельзя.
>
> Я пошел к другому,[30] тот отвел меня в архив, запер и сказал:
>
> «Если ночью будет обыск, то шурши и говори, что ты бумага».

---

[26] См.: *Эйхенбаум Б.* О трагедии и трагическом // Жизнь Искусства. 1919. 1–2 ноября. № 282–283. С. 2; 4–5 ноября. № 284–285. С. 2.

[27] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 237.

[28] *Крусанов А.В.* Русский авангард. С. 299.

[29] В описаниях серии все перечисленные книжки Шкловского обозначены как разделы четвертого выпуска «Сборников по теории поэтического языка» с пояснением: «по техническим обстоятельствам сборник выходит отдельными статьями». Другими статьями этого сборника были «Композиция лирических стихотворений» В.М. Жирмунского и «Гоголь и Достоевский: К теории пародии» Ю.Н. Тынянова.

[30] Комментаторы «Сентиментального путешествия» обращают внимание на то, что в обоих случаях этот товарищ — Якобсон, который «позднее вспоминал, что Шкловский пришел к нему с документами на имя некоего Головкова, “гримировал голову, сбривал волосы, совершенно менялся”». Якобсон прятал «Шкловского в комнате Московского лингвистического кружка. По его воспоминаниям, <...> “Я его положил на диван и сказал: ‘Если сюда придут, делай вид, что ты бумага, и шурши!’”» (*Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 422–423).

Прочел в Москве небольшой доклад на тему «Сюжет в стихе»[31].

Протокол собрания МЛК, на котором Шкловский выступал с этим докладом, если и был, то не сохранился. Доклад с таким названием не обнаружен, и в творческом наследии Шкловского 1910-х и 1920-х гг. нет ни одной статьи на похожую тему[32]. Как замечают комментаторы, «известно лишь о докладе Шкловского “История романа”, прочитанном в Московском лингвистическом кружке»[33] до его отъезда на Украину, где он возобновил свою активную партийную деятельность. Упомянутый доклад был прочитан в МЛК 10 июня 1919 г.[34]. С учетом того, что в «Сентиментальном путешествии» Шкловский слегка сдвигал временные рамки и переиначивал последовательность событий (с целью *развертывания сюжета*), именно этот доклад можно считать дебютом Шкловского в МЛК.

Как показывает публикуемый ниже черновик протокола указанного заседания, выступление Шкловского вызвало основательную критику Якобсона, которая вскоре легла в основу его статьи «О художественном реализме» (1921)[35]. Видимо, уже тогда были заложены основы соперничества Шкловского и Якобсона, продолжавшегося многие годы, — и не только в научных и литературных штудиях. В конце концов оно привело к открытой ссоре и окончательному разрыву отношений между этими двумя ярчайшими теоретиками русской науки о литературе.

Протокол заседания Московского Лингвистического Кружка 10 июля 1919 г. публикуется по черновику, составленному секретарем МЛК Г.О. Винокуром и сохранившемуся в папке неразобранных и официальных бумаг Кружка (*ИРЯ*, л. 233–234об.). В приложении публикуется отдельный лист с записями Р.О. Якобсона, сделанными им по ходу заседания (*ИРЯ*, л. 235).

---

[31] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 158.

[32] В 1934 году Шкловский напечатал статью под заглавием «Сюжет в стихах» (Поэтический сборник. М., 1934. С. 173–194).

[33] *Шкловский В.* «Еще ничего не кончилось...». С. 423.

[34] О докладах Шкловского в МЛК, озаглавленных «История романа» и «Сюжетосложение в кинематографическом искусстве», сообщил Г.О. Винокур (*Винокур Г.* Московский Лингвистический Кружок // Академический центр Наркомпроса. Научные известия. Т. 2: Философия. Литература. Искусство. М., 1922. С. 290).

[35] Статья, написанная на русском языке, была напечатана в 1921 г. в переводе на чешский, в 1927 г. — в переводе на украинский и только в 1981 г. по-русски (см.: *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York, 1981. P. 723–731).

Протокол заседания 10 июля.

Присутствуют: Шкловский, Винокур, Буслаев, Томашевский, Вермель, Блох, Уманский, Брик, Ромм, Якобсон

Доклад В. Шкловского: «История романа». (Положения прилагаются)[1]<.>

Обсуждение.

Брик. Основные положения доклада сводятся к следующему: 1) вместо понятий формы и содержания устанавливаются понятия формы и материала.[2] Это [, конечно, можно] положение доклада — несомненно.

2) Что касается [положения] различения оконченности и неоконченности, то и оно чрезвычайно существенно. Ср. анекдот и роман;[3] ср. также откровенно неоконченные романы: <«>Евг<ений> Онегин<»>; но нужно обратить внимание и на начало романов. [Есть романы] Можно говорить о безначальном произведении.

3) Что касается типа, то докладчик верно определяет тип через нанизывание.[4] Но нельзя говорить, что в типе нет ничего, кроме нанизывания. Из простого влияния сюжета не может получиться тип. В истории форм мы наблюдаем не просто эволюцию, но и определенные прикладные требования, ср. реалистическую живопись. Мы имеем здесь определенное влияние бытовых условий. Если

[1] Не сохранились. Содержание доклада частично реконструируется по репликам участников дискуссии и опубликованным статьям (см. ниже).

[2] Ср., в частности, в связи с теорией романа: «В романе мысль противопоставляется мысли, или одна группа действующих лиц другой и образует смысловую форму произведения. <...> Следовательно, мысли в литературном произведении не представляют из себя его содержания, а представляют из себя его материал, а в своем сцеплении и взаимоотношении к другим сторонам произведения, создают его форму» (*Шкловский В.* Обновление формы // Шкловский В. Литература и кинематограф. Берлин, 1923. С. 15–16).

[3] Согласно Шкловскому, ощущение «оконченности» и «не(д)оконченности» создается особыми приемами сюжетосложения; небольшая «новелла-анекдот» чаще отличается законченностью, чем длинный роман (см.: *Шкловский В.* Строение рассказа и романа // Шкловский В. Развертывание сюжета. Пг., 1921. С. 7–9, 19).

[4] Речь идет о «многосложной сказке» типа сказок о Синдбаде-Мореходе. Ср.: «<...> широко распространен <...> прием сюжетной композиции — прием нанизывания. При таком способе компоновки одна законченная новелла-мотив ставится после другой и связывается тем, что все они связаны единством действующего лица. Многосложная сказка обычного типа с задачами, задаваемыми героем, уже представляет из себя компоновку путем нанизывания» (Там же. С. 19. Этот фрагмент впервые: Жизнь Искусства. 1920. 27 января. № 355. С. 1).

[рома<ны>] сюжетные построения есть шахматная игра,[5] то почему меняется самый характер комбинаций?

Якобсон. Прежде всего следует указать, что история романа не может быть темой для доклада. Поэтому доклад и явился упаковкой отдельных мыслей, незаконченным целым. Это обычный недостаток и статей докладчика. Следовало бы заменить термин <«>обрамление<»>[6] каким-нибудь другим, хотя бы старым русским «междувброшенное действо»,[7] ибо термин этот вызывает впечатление бóльшей ценности обрамленного по сравнению с самой рамой. Нельзя также противо<по>ставлять обрамления нанизыванию, нанизывание есть частный случай новеллистич<еского> сюжетосложения. Здесь имеем пример слишком поспешного обобщения. То же имеем в положении о начале и конце. Действительно, есть целый ряд школ, которые строят романы без конца и начала. Но это не есть черта<,> характерная для романа вообще. Ср. [«Прест<упление> и нак<азание>», Тургенева] «Подросток», «Дориана Грея» и пр. Любопытно окаменение одного из 2<-х> вышеуказанных приемов. Реализм есть сумма художественных приемов, новый способ обрамления,[8] *своего рода обнаж<ение> обрам<ления>*. [Первый реалист — Гоголь.] *Это ясно на прим<ере> Гоголя-реалиста*<.> Последующее развенчание Гоголя, как реалиста, объясняется вульгаризацией понятия реализм, *этимологич<еским> пониманием тер<мина>*. Реализм определяется: 1) абсолютным падением новеллист<ического> сюжета; *2) обессмысливанием действия в момент возникновения; 3)* укомплектованием сюжетной схемы. Что есть обрамление? Введение материала наперекор сюжетной схеме. В то время, как раньше *комплектующий* материал [механически оправдывался] *вводился*

[5] Ср.: «Я решаюсь привести сравнение. Действие литературного произведения совершается на определенном поле; шахматным фигурам будут соответствовать типы-маски, амплуа современного театра. Сюжеты соответствуют гамбитам, т. е. классическим розыгрышам этой игры, которыми в вариантах пользуются игроки. Задачи и перипетии соответствуют роли ходов противника» (*Шкловский В.* Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Поэтика. Пг., 1919. С. 143).

[6] Ср.: «Предшественником современного романа был сборник новелл <...> Сборники новелл обыкновенно делали так, чтобы отдельные части, в них входящие, были связаны, хотя бы формально. Это достигалось тем, что отдельные новеллы вставлялись в одну обрамляющую, как ее части. <...> В европейских литературах довольно рано появились сборники новелл, оформленных в одно целое какой-нибудь одной новеллой, играющей роль о б р а м л е н и я» (*Шкловский В.* Строение рассказа и романа // Шкловский В. Развертывание сюжета. Пг., 1921. С. 14–16; разрядка в источнике. Этот фрагмент впервые: Жизнь Искусства. 1920. 21 января. № 348. С. 1).

[7] «Междувброшенные забавные игралища» — старинное русское название интермедий и интерлюдий (конец XVII — начало XVIII в.). См.: *Тихонравов Н.С.* Русские интерлюдии первой половины XVIII века // Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. II. Отд. II. С. 37.

[8] Отмеченные далее курсивом места в выступлении Якобсона вписаны поверх конспекта Г.О. Винокура им самим.

механически, у Гоголя он строится по ассоциации по смежности.[9] Фривольный французский роман не менее правдоподобен, чем роман Гоголя. Гоголь и сам понимал свой литературный подвиг, как введение вторичных, несущественных признаков.[10]

В докладе нет исторической перспективы, не разграничена смена школ. Нужно заметить, что [первоначальный] роман Петрония или Апулея — не есть просто складочное место.[11] Ср. <«>Декамерон<»>.[12] Здесь имеем сходство построений в отдельных частях. Мы имеем здесь [известные константы] *конструктивные лейтмотивы, семантические константы*, построения на сходстве и контрастах. Что касается типа, то это, конечно, не есть нехудожественное привлечение извне, как полагает О. Брик<.> Тип есть способ объединения *[семанти]* материала. Мы имеем здесь *своего рода* циклизацию [вокруг одного героя], ср. парал<лели> в фольклоре: рассказчик [готов о себе] все рассказываемые анекдоты объединяет вокруг себя.

Что касается обнажения приема, то оно часто следует за канонизацией его.[13] Но это не значит, что в начале истории форм [его] не было *наготы приема*. [О начале и к<онце>] Можно установить следующие типы [начала и конца] *заключения*: 1) тип Эдипа-царя, где развязка предугадывается заранее — здесь мы имеем ступенчатое построение.[14] В романе [мы имеем] еще дальше: развязка *м<ожет> б<ыть>* искусственно дана до начала — ср. <«>Смерть Ивана Ильи-

[9] Эти рассуждения Якобсон развернул в статье «О художественном реализме» (1921), ср.: «Мы уже говорили о прогрессивном реализме как о характеристике по несущественным признакам <см. следующее примечание. — *И.П, А.У.*>. Один из приемов такой характеристики, культивированный, между прочим, <...> так называемой гоголевской школой <...> — это уплотнение повествования *образами, привлеченными по смежности, т. е. путь от собственного термина к метонимии и синекдохе*. Это “уплотнение” осуществляется наперекор интриге либо вовсе отменяет интригу» (*Jakobson R.* О художественном реализме. P. 729; курсив в источнике).

[10] Ср.: «Таков <...> революционный реализм в литературе. Слова вчерашнего повествования больше ничего не говорят. И вот предмет характеризуется по признакам, которые вчера признавались наименее характерными, наименее достойными передачи и которых не замечали. “Он любит останавливаться на несущественном”, — таково классическое суждение консервативной критики всех времен о современном новаторе. <...> Такая характеристика по несущественным признакам представляется адептам нового течения более реальной, нежели окаменелая традиция, им предшествующая» (Ibid. P. 726).

[11] Ср.: «“Золотой Осел” представляет из себя комбинацию обоих приемов, обрамления и нанизывания» (*Шкловский В.* Строение рассказа и романа // Шкловский В. Развертывание сюжета. Пг., 1921. С. 20).

[12] По Шкловскому, «“Декамерон” со своими потомками еще очень сильно отличается от европейского романа XVIII–XIX вв. тем, что отдельные эпизоды сборника н е с в я з а н ы друг с другом единством действующих лиц» (Там же. С. 16, разрядка в источнике; Жизнь Искусства. № 348. С. 1).

[13] В работах по теории прозы Шкловский писал об «обнажении приема» у Сервантеса, Стерна, А.П. Чехова, В.В. Розанова и др. авторов.

[14] Термин, введенный Шкловским в статье «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» и используемый во всех его последующих работах по теории прозы. Позднее Шкловский даст его определение: «<...> простейшая форма сюжетного построения есть ступенчатое развертывание. При ступенчатом развертывании каждая

ча<»>. *Апологетами подобной структуры являются читатели, заглядывающие в конец до чтения*.

2) тип Лопе де Вега. Развязка не должна быть *пред*угадана зрителями. Ср. с этим авантюрный роман.

3) Драматич<еская> хроника. Здесь — нанизыв<ание> без конца. Здесь действие может остановиться когда угодно. Такой же тип мы имеем в «Что делать<?>» Чернышевского. *Апологеты подобного построения — читатели, которым безразлично, где начать и где кончить*<.> О начале верно говорил О. Брик. Нужно различать типы экспозиции.

Буслаев. В понятиях обрамления и нанизывания есть противоречие. [Обрамление связано] Новеллы связаны с обрамлением, но [с ними же] они связаны и с нанизыванием. При этом нанизывание протекает также наперекор сюжетной схеме. Таким образом, одни и те <же> факты называются то обрамл<ением>, то нанизыв<анием>.

Далее, почему роман не может иметь конца? Сам докладчик указывал, что роман может иметь конец, пример <–> «Несчастные» Гюго, где содержится несколько романов.[15]

Ромм. Можно полагать, что тип есть такой же прием, как и сюжет. Ср. «Пан» Гамсуна, где вс‘ё’ <–> в типе, а не в сюжете. Тип нужно понимать, как самостоятельный прием. Далее, если роман есть собрание новелл, то чем отличается <«>Дон-Кихот<»> от сборн<ика> расск<азов> Аверченко<?>

Якобсон. Дело в том, что связь новелл в романе — есть связь формальная, художественная.

Шкловский. Что такое реализм? Как может худ<ожественное> произвед<ение> соответствовать быту? Сравни клятву у Гауптмана: «клянусь я лебедем и конской головой»[16], кот<орая> мотив<ирована> тем, что лебедь <–> на небе, а кон<ская> голова — на земле. Эта клятва — есть художественный прием. Что касается обрамл<ения> и нанизыв<ания> — то [докладчик] не приходится настаивать на этих терминах пока. <«>Пан<»> — не тип. Это есть роман без конца. Задача автора: как не свести двух любящих? Здесь [задержание] сюжетное построение с задержанием. А лирич<еские> включения

следующая ступень отличается от предыдущей качественно или количественно» (*Шкловский В.* Техника романа тайн // Леф. 1923. № 4. С. 128).

[15] Собственно, несколько сюжетов, ср.: «В романе с параллельными интригами типа “Несчастных” Виктора Гюго или романов Достоевского в качестве материала для отступления использовано перебивание одного действия другим» (*Шкловский В.* Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля». Пг., 1921. С. 14–15).

[16] Из сказочной драмы Герхарта Гауптмана «Потонувший колокол» («Die versunkene Glocke», 1896).

(«железн<ые> ночи»)[17] — есть обрамление. Что же касается возражения О. Брика — то здесь коренное расхождение. Никакие бытовые условия не могут заставить художника отказаться от приема. Ср. «Перенос<ится> д<ействие> в Исп<анию> и сп<асен роман>».[18] Если бы искусство зависело от быта, то зависело бы всегда. Кирпичников, не находя оправдания приемам греческ<ого> романа, в тогд<ашних> бытовых условиях, пришел к заключению, что самое отсутствие влияния быта на роман и есть бытовое влияние[19]. Как изменяется [новелла?] форма? Она стареет, заменяется новой. Бытовые же факты могут быть особо использ<ованы>, как у Гауптмана.

О. Брик. Никто не утверждает, что быт влияет на искусство. Всё, что говорилось по этому поводу относится к определенному моменту — созданию типа. Есть ли тип — новый прием, или построение влияния. Как худ<ожественная> форма — <«>Рудин<»> ничем от <«>Д<он>-К<ихота><»> не отличается. Ошибка бывает след<ующая>: исходят из того, что всяк<ий> герой есть бытов<ое> явление. Но та же ошибка получится, если считать всякий тип худ<ожественной> формой.

По поводу реализма, Брик замечает, что понимал он реализм, как изобразительность, опред<еленную> тенд<енцию> к правдоподоб<ию>. Футуристы первые отказались от правдоподобия. В одну эпоху оно треб<уется>, в друг<ую> нет. Сейчас, напр<имер>, невозможно читать бытовые романы. Худож<ественная> же форма типа — есть постоянный тип — com<media> del<l>'arte. Говорилось, что быт не мож<ет> [заст<авить> отказ<аться> от приема] остановить разв<итие> форм, но помешать этому разв<итию> он мож<ет>, и это след<ует> учесть.

---

[17] См. «Пан», гл. XXVI.

[18] Парафраза знаменитых строк об эзоповом языке из стихотворения Некрасова «Газетная» (1865):

Если скажешь: "В дворянских именьях
Нищета ежегодно растет", –
"Речь идет о сардинских владеньях", –
Поясню, — и статейка пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу –
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берёг!

[19] А.И. Кирпичников отметил, что «на греческих романах чрезвычайно слабо отражается среда, из которой они вышли» (*Кирпичников А.* Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876. С. 23).

Буслаев. Нельзя пользов<аться> старыми терминами. <«>Реализм<»> и т. п. [Ср.] Ст<атья> Розанова: «П<ушкин> и Г<оголь>», где он устан<авливает> поляр<ность> характера и типа.[20] Мы имеем особый прием — прием типизации, как сращения действия с действоват<елем>. Изобраз<ительность> есть такой же прием.

Мы имеем два типа концовки:

1) развязка — ребус и разр<ешение>.

2) ребус — без разрешения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ист<ория> ром<ана> — тема не доклада, а целого курса. В виду этого в докладе мы имеем отдельные мысли по поводу, блестящ<ие> замечания с трудом упакованные. (Ср. тот же недостаток в статьях докладчика). Бросается в глаза отс<утствие> ист<орической> персп<ективы>; факты, характеризующие отд<ельные> лит<ературные> школы, относятся докладчиком к роману вообще. Терм<ин> «обрамление» неудобен, ибо вызывает представление о бóльшей важности обрамляемого по ср<авнению> с рамой, это скорее «междувброшенные действа».

Нельзя противопоставлять обрамление нанизыванию, нанизывание есть частн<ый> случ<ай> новеллистич<еского> сюжетослож<ения>.

В общем прения велись в 3<-х> плоскостях.

1) О типе. Но не ясно ли, что тип — отстоявшееся сюжетное построение? (ср. Весел<овского>)[21]<.>

2) О заключении[22]. Что называть романом, что новеллой, в конце концов<,> безразлично. Важно лишь избежать эквивокации.

Старое разделение на ром<ан> и нов<еллу> имело основание.

Роман определялся признаком обрамления.

---

[20] Статья В.В. Розанова «Пушкин и Гоголь», впервые напечатанная под названием «Несколько слов о Гоголе» (Московские Ведомости. 1891. 15 февраля. № 46. С. 3–4).

[21] Веселовский не выводит типы из сюжетов, а говорит о постепенной схематизации сюжетов *и* типов: «Въ памяти народа отложились образы, сюжеты и типы, когда-то живые, вызванные дѣятельностью извѣстнаго лица, какимъ-нибудь событіемъ <...> Эти сюжеты и типы обобщались, представленіе о лицахъ и фактахъ могло заглохнуть, остались общія схемы и очертанія» (*Веселовский А.Н.* Из введения в историческую поэтику // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Май. Отдел наук. С. 40).

[22] То есть о концовке, развязке сюжета.

3) По вопр<осу> о вл<иянии> быта на поэзию отчетливо сказались в прениях 2 точки зрения. Мне кажется, что то, что определяется как стремл<ение> к правдоподобию — есть своего рода худож<ественный> прием[23]. Брик, утверждая, что бытовизм не имеет отн<ошения> к иск<усству>, обнаруживает субъективность, эстетич<ескую> партийность. Он сам говорит, что не может читать бытовых романов. Подобно этому враги нов<ой> поэзии говорят, что Маяк<овский> не имеет отн<ошения> к поэзии. Объяснять технику бытовых романов условиями печатания <–> всё равно, что ритм Маяк<овского> объяснять условиями оплаты.

Шкловск<ий>. Т. к. приближение к быту <–> параллель приближения поэзии к разгов<орному> яз<ыку> <–> это прием.

Литература

Крусанов А.В. Русский авангард, 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2: Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 808 с.

Лавров А.В. Б.М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида» // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. А. Устинова. М.: Водолей, 2010. С. 201–213.

Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал “Гермес”. I. Мемуарные заметки Б.В. Горнунга. II. Указатель содержания журнала “Гермес”. III. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. М.О. Чудаковой, Г.А. Левинтона, А.Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Ред. Е.А. Тоддес. Рига, 1990. С. 167–210.

Пильщиков И., Устинов А. Виктор Шкловский в ОПОЯЗе и Московском Лингвистическом Кружке (1919–1921 гг.) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge 6 (2018) (в печати).

Соболев А.Л. Летейская библиотека. Т. 1: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 488 с.

Сорокина М.Ю. Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 86–91.

Стайнер П. “Which side are you on, boy?” Роман Якобсон в Праге межвоенного периода // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 1. С. 13–28.

Сюжет в кинематографе: По материалам Московского лингвистического кружка / Подгот. текста и коммент. Г.С. Баранковой // Литературное обозрение. 1997. № 3. С. 81–84.

[23] Ср.: *Jakobson R.* О художественном реализме. P. 724–726.

Чудакова М., Тоддес Е. Страницы научной биографии Б.М. Эйхенбаума // Вопросы литературы. 1987. № 1. С. 128–162.

Шапир М.И. М.М. Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18. № 1. P. 73–113.

Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...» / Предисл. А. Галушкина. Коммент. А. Галушкина, В. Нехотина. М.: Пропаганда, 2002. 464 с.

Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок // Philologica. 1996. Т. 3, № 5/7. С. 361–380.

Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle) // Jakobson R. Selected Writings. Vol. II: Word and Language. The Hague, 1971. P. 527–538.

Jakobson R. О художественном реализме // Jakobson R. Selected Writings. Vol. III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York, 1981. P. 723–731.

References

Chudakova M., Toddes E. Stranitsy nauchnoi biografii B.M. Eikhenbauma [Pages of B.M. Eichenbaum's curriculum vitae]. *Voprosy literatury*, 1987, no. 1, pp. 128–162. (In Russ.)

Iakobson R.O. Moskovskii lingvisticheskii kruzhok [Moscow Linguistic Circle]. *Philologica*, 1996, vol. 3, no. 5/7, pp. 361–380. (In Russ.)

Jakobson R. An Example of Migratory Terms and Institutional Models (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle). Jakobson R. *Selected Writings. Vol. II: Word and Language*. The Hague, 1971, pp. 527–538.

Jakobson R. О художественном реализме. Jakobson R. *Selected Writings. Vol. III: Poetry of Grammar and Grammar of Poetry*, ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague, Paris, New York, 1981, pp. 723–731.

Krusanov A.V. *Russkii avangard, 1907–1932 (Istoricheskii obzor): V 3 t. T. 2: Futuristicheskaia revoljutsiia (1917–1921). Kn. 1* [The Russian Avant-garde, 1907–1932 (A historical overview), in 3 vols. Vol. 2, The Futurist revolution (1917–1921). Pt. 1]. Moscow, Novow literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 808 p. (In Russ.)

Lavrov A.V. B.M. Eikhenbaum v literaturnoi gazete "Irida" [Boris Eikhenbaum in a literary journal "Irida"]. *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana* [Vademecum: To the 65th anniversary of Lazar Fleishman], ed. by A. Ustinov. Moscow, Vodolei Publ., 2010, pp. 201–213. (In Russ.)

Moskovskaia literaturnaia i filologicheskaia zhizn' 1920-kh godov: mashinopisnyi zhurnal "Germes". I. Memuarnye zametki B.V. Gornunga. II. Ukazatel' soderzhaniia zhurnala "Germes". III. K istorii mashinopisnykh izdanii 1920-kh godov [Moscow literary and philological life of the 1920s: The typewritten journal "Hermes". I. B.V. Gornung's memoir notes. II. Index of the journal "Hermes"], Publ. by M.O. Chudakova, G.A. Levinton, A.B. Ustinov. *Piatye Tynianovskie chteniia: Tezisy dokladov i materialy dlia obsuzhdeniia* [Tynianov proceedings 5: Abstracts and materials for discussion], ed. by E. Toddes. Riga, 1990, pp. 167–210. (In Russ.)

Pil'shchikov I., Ustinov A. Viktor Shklovskii v OPOIAZe i Moskovskom Lingvisticheskom Kruzhke (1919–1921 gg.) [Viktor Shklovsky in OPOIAZ and the

Moscow Linguistic Circle]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Neue Folge 6 (2018). (In Russ.) (in print)

Shapir M.I. M.M. Kenigsberg i ego fenomenologiia stikha [Maksim Kenigsberg and his phenomenology of verse]. *Russian Linguistics*, 1994, vol. 18, no. 1, pp. 73–113. (In Russ.)

Shklovskii V. *"Eshche nichego ne konchilos'..."* ["Nothing is over yet..."], intro. by A. Galushkin, comment. by A. Galushkin and V. Nekhotin. Moscow, Propaganda Publ., 2002. 464 p. (In Russ.)

Siuzhet v kinematografe: Po materialam Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka [A plot in cinema. From the archives of the Moscow Lingustic Circle], publ. by G.S. Barankova. *Literaturnoe obozrenie*, 1997, no. 3, pp. 81–84. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka. T. 1: Biograficheskie ocherki* [The Lethean library. Vol. 1, Biographical essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 488 p. (In Russ.)

Sorokina M.Ju. Emigrant № 1017: Roman Iakobson v moskovskikh arhivakh [Émigré No 1017: Roman Jakobson in Moscow archives]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna, 2016* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Diaspora Annual for 2016]. Moscow, 2016, pp. 86–91. (In Russ.)

Stainer P. "Which side are you on, boy?": Roman Iakobson v Prage mezhvoennogo perioda ["Which side are you on, boy?": Roman Jakobson in the interwar Prague]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 13–28. (In Russ.)

Viktor Shklovsky's début in the Moscow Linguistic Circle: From "history of the novel" to "unraveling of the literary plot"

© 2018, Igor Pilshchikov, Andrei Ustinov

Abstract: The article reconstructs the circumstances of Shklovsky's first talk in the Moscow Linguistic Circle (MLC) and outlines the history of his relationship with Moscow-based Formalists (1919–1921). The authors describe the evolution of Shklovsky's theoretical views and determine that the dominant theme of his work during this period was the theory of literary plot, in which the plot is interpreted as an artistic device. Shklovsky's involvement in the activities of the MLC had a dual purpose: establishing relations with the Petrograd community of literary scholars, as well as organizing collaborative publishing projects. These intentions were never realized, however, the aforementioned plan of collaboration between the Moscow and Petrograd scholars served as a decisive stimulus for the design and of the OPOIAZ (The Society for the Study of Poetic Language) in the Fall of 1919. Shklovsky's scholarly interests at that time were focused on the study and systematic description of the devices of plot-formation and the construction of a general theory of plot. His talks given at the MLC in 1920 and 1921 were devoted to the analysis of a literary plot in "Don Quixote", "Tristram Shandy", and the writings of Vasilii Rozanov. These talks echoed his publications in "The Life of Art". The story of Shklovsky's short-term cooperation with this newspaper is also reconstructed in the article. The construction of the theory of plot soon became one of the leitmotifs and, at the same time, one of the constructive principles of organization of his own memoirist prose of the 1920s. Shklovsky's first talk at the MLC was delivered on June 10, 1919. It was titled "The History of the Novel" and caused a heated discussion about the literary plot. The speaker's main opponent was his long-term friend and rival Roman Jakobson. The last section of this article includes a commented publication of the minutes from the meeting of the MLC on June 10, 1919 and Jakobson's notes made during the dispute that followed Shklovsky's début.

Keywords: Viktor Shklovsky, Roman Jakobson, Osip Brik, theory of prose, theory of literary plot, artistic device, Russian Formalism, OPOIAZ, Moscow Linguistic Circle, history of literary theory

Information about the authors: Igor Pilshchikov, Ph. D., Dr. Hab., Lead Researcher, Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: pilshch@mail.ru

Andrei Ustinov, Ph. D., Dr. Hab., philologist, Director of "Aquilon" Books & Publishing, San Francisco, USA.

E-mail: abooks@gmail.com

Citation: Pilshchikov Igor, Ustinov Andrei. Viktor Shklovsky's début in the Moscow Linguistic Circle: From "history of the novel" to "unraveling of the literary plot". *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 314–334.

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-335-383
УДК 821.161.1

Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге

© 2018, А.А. Бабиков

Аннотация: В работе рассматривается история создания и лексические особенности русского авторского перевода романа В. Набокова «Лолита» (1967), его последующих переизданий в России. Впервые на основе сопоставления опубликованного текста с рукописью перевода и другими архивными материалами, а также с английским оригиналом романа выявлены множественные искажения, пропуски, разного рода привнесенные машинисткой ошибки и сформулированы те эдиционные задачи, которые должны быть решены при подготовке первого критического издания «Лолиты».

Ключевые слова: Владимир Набоков, «Лолита», история публикации, архивные материалы, автоперевод.

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабиков, независимый исследователь, Москва.

E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Цитирование: *Бабиков А.А.* Большая реставрация. Русская версия «Лолиты»: от рукописи к книге // Литературный факт. 2018. № 9. С. 335–383.

1

В 1967 г. в нью-йоркском издательстве “Phaedra” вышел в свет русский перевод самого известного романа Владимира Набокова «Лолита». Вопреки предсказанию Нины Берберовой, сделанному в 1959 г., вскоре после американского издания романа, что «[п]о-русски, как можно легко угадать, в этом столетии выхода книги не предвидится»[1], уже в 1963–1965 гг. «Лолита» была переведена самим автором и два года спустя опубликована. Книге была предпослана длинная аннотация, начинавшаяся рядом риторических фигур:

> Говорят, что эта книга в Советском Союзе запрещена. Да так ли это? И если так, то почему? В чем состоит запрет? Внесена ли она в некий оффициальный [sic] список запрещенных книг? Существует ли такой список?
>
> «Лолита» это необычайное художественное произведение. Это книга о страстной любви взрослого мужчины, соблазненного двенадцатилетней девочкой. Книгу упрекали в эротизме и даже в порнографии. Нелепое обвинение. В ней речь идет о глубоких и трагических переживаниях.
>
> Если книга эта действительно запрещена в Советском Союзе, то теряет на этом только советский читатель. […]
>
> Но, конечно, возможно, что это совсем не так, и что разговоры о запрещении всего только ложный слух.
>
> Как сам Набоков неоднократно указывал […] его книги лишены политической подоплеки […] таким образом, оставалось бы предположить, что причина запрета «Лолиты» в любовной теме книги?[2]

Эти вопросы, обращенные к литературно-издательскому начальству за Железным занавесом, могли вызвать у читателей лишь недоумение. Старый эмигрант и видный юрист А.А. Гольденвейзер писал Вере Набоковой 11 января 1967 г.: «Получил я также проспект

[1] *Берберова Н.* Набоков и его «Лолита» // Новый Журнал. 1959. № 57. С. 93.

[2] *Набоков В.* Лолита. New York, 1967. Текст на суперобложке. Авторская орфография сохранена. Среди переписки Набоковых с издателем Оскаром де Лисо, хранящейся в нью-йоркском архиве писателя, отложился правленый и сокращенный Набоковым текст этой аннотации, в которой изначально были и такие курьезные слова: «Таким образом выходит, что если Советский Союз запретил “Лолиту”, то произошло это только потому, что книга касается любви. Но если мы не ошибаемся, Ленин в свое время никогда не запрещал любви. Он стремился к свободе от других вещей, но не к свободе от любви. Ибо в этом случае революция носила бы совсем другой характер. Но мы ведь знаем, что Ленин не запретил “Лолиты”, если она действительно запрещена. Это мог сделать только маленький темный чиновник, озлобленный тем, что оказался соблазнен молодой девушкой» (The New York Public Library. Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso).

русского перевода “Лолиты”, в котором — довольно наивно — выражается сомнение в том, что книга запрещена в России. Насколько я знаю, ни одно произведение живого русского эмигранта в Россию не допускается»[3].

Набоков, разумеется, понимал, что перевод его скандальной книги ни при каких обстоятельствах легальным путем в СССР проникнуть не сможет. В «Постскриптуме к русскому изданию» романа он заметил:

> Вопрос же — для кого, собственно, «Лолита» переводится, относится к области метафизики и юмора. Мне трудно представить себе режим, либеральный-ли [sic] или тоталитарный, в чопорной моей отчизне, при котором цензура пропустила бы «Лолиту». […] Как писатель, я слишком привык к тому, что вот уже скоро полвека чернеет слепое пятно на востоке моего сознания — какие уж тут советские издания «Лолиты»![4]

Едва ли случайно дата, указанная в подписи к «Постскриптуму», «7-го ноября 1965 г.», приурочена Набоковым к Октябрьской революции, грянувшей за полвека до этого (по новому стилю).

Для чего же он взялся за трудный перевод своего романа, зная, с одной стороны, что читательская аудитория старой русской эмиграции слишком разрозненна и малочисленна, а с другой, что книга у него на родине будет запрещена?

В интервью Алвину Тоффлеру (январь 1964 г.) Набоков рассказал англоязычной аудитории о цели своей работы:

> Я представил себе, как в отдаленном будущем кто-нибудь опубликует русский перевод «Лолиты». Я навел фокус моего мысленного телескопа на этот самый момент в отдаленном будущем и увидел, как каждый абзац, и без того изобилующий разного рода ловушками, приглаживается к чудовищному переложению книги. Скроенный каким-нибудь пакостным поденщиком, русский перевод «Лолиты» оказался бы испорчен с первой страницы до последней и состоял бы сплошь из вульгарного изложения оригинала или грубых ошибок. Посему я решил перевести роман собственноручно[5].

---

[3] А.А. Гольденвейзер и Набоковы / Публ., подгот. текста и коммент. Г. Глушанок // NOJ. Nabokov Online Journal. Vol. I. 2007.

[4] *Набоков В.* Лолита. New York, 1967. С. 298. Далее цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте.

[5] *Nabokov V.* Strong Opinions. New York, 1990. P. 38. Здесь и во всех других случаях, если не указано иное, перевод мой. — *А.Б.*

Позднее, в сентябре 1966 г., в интервью Герберту Гольду, на вопрос, как бы он отнесся к советским изданиям его книг, Набоков ответил:

> Милости просим. Собственно, издательство “Victor” печатает мое «Приглашение на казнь», репринт оригинального русского издания 1935 года, а нью-йоркское издательство “Phaedra” намерено выпустить мой русский перевод «Лолиты». Уверен, что советское правительство будет только радо официально допустить в свою страну роман, в котором, как можно подумать, предвосхищается наступление гитлеровского режима, и роман, в котором, как полагают, резко критикуется американская система мотелей[6].

Этот ироничный ответ Набокова, отвергающий саму возможность официального разрешения его произведений в СССР, вместе с тем не отвергал возможности их признания советской читательской аудиторией. Переписка Набокова и его жены с владельцем «Федры» Оскаром де Лисо и лексические особенности самого перевода показывают, что помимо художественных целей он питал вполне определенные надежды на скорое проникновение своих книг в СССР и рассчитывал на отклик советских читателей[7].

Набоков приступил к переводу «Лолиты» 27 января 1963 г. Ко 2-му февраля этого года (как указано им самим в рукописи перевода) он перевел десять первых глав, после чего отложил эту работу. Он вернулся к ней 1-го декабря 1964 г. и окончил перевод вчерне 28 мар-

[6] Там же. С. 97.

[7] Они вскоре появились, о чем сообщали Набоковым, к примеру, Карл и Эллендея Профферы, которые 5 мая 1969 г. писали: «Мы постоянно встречаем [в СССР] Ваших читателей — “Лолиты”, “Других берегов”, “Приглашения на казнь” и “Дара” (в такой последовательности)» (Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жутовской // Звезда. 2005. № 7. С. 137). Четыре года спустя после выхода русской «Лолиты» А. Вознесенскому удалось напечатать в советском журнале «Смена» стихотворение «Фиалки», в котором были такие строки: «[…] Молится Фишер Бобби. / Вертинские вяжут (обе). / У Джиоконды улыбка портнишки, / чтобы булавки во рту сжимать. […] Боги желают кесарева, / кесарю нужно богово. / Бунтарь в министерском кресле, / а Папа зубрит Набокова […]» (*Вознесенский А.* Фиалки // Смена. 1971. № 24. С. 1). Несомненно, что Вознесенский назвал Набокова именно в связи с «Лолитой», сперва запрещенной, но вскоре переведенной на все основные языки (в том числе на итальянский в 1959 г.), и, вполне возможно, отсылал к одной из самых коротких и важных ее глав, в которой Г.Г. рассказывал: «Года два тому назад, в минуту метафизического любопытства, я обратился к умному, говорящему по-французски, духовнику, в руки которого я передал серое безверие протестанта для старомодного папистского курса лечения, надеясь вывести из чувства греха существование Высшего Судии» (с. 262). S. Paperno и J.V. Hagopian указывают, что в 1969 г. в Ленинграде можно было «за пять рублей получить “Лолиту” на одну ночь, если читатель давал обещание не производить фотосъемку книги» (*Paperno S., Hagopian J.V.* Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union // The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories / Ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York, 1984. P. 113).

та 1965 г. В конце рукописи перевода Набоков сделал по-русски пометку: «Закончен черновой перевод *Лолиты* марта 28-го, 1965 г.». Осенью этого года Набоков вместе с женой перечитал и исправил рукопись, после чего на ней появилась карандашная приписка (по-английски): «Осень 1965, [перевод] выправлен с участием Веры»[8].

О начальном этапе работы над переводом «Лолиты» Набоков сообщил Роману Гринбергу, который еще в 1952 г. сделал по его предложению пробный перевод на русский язык нескольких глав из “Conclusive Evidence”. Набоков тогда отказался от его услуг и перевел всю книгу самостоятельно под названием «Другие берега»[9], теперь же он писал ему следующее (10 февраля 1963 г.):

> […] Ты послужил мне каталистом: перевожу на русский язык мою *Лолиту* и хочу тебе предложить первые десять главок (опустив предисловие) для твоего сборника. Возьми-ка ты пожалуйста английский текст и, освежив память, реши, хочешь ли навлечь на себя гнев нашей чопорной общественности и Аронсона.
>
> Если можешь, сообщи свое решение телеграфно, и если девочку хочешь, я очень поспешу, и материал будет в твоих руках этак числа двадцатого. Перевод чрезвычайно трудный, но первые десять главок уже сделаны, и мне нужно их теперь пересмотреть и продиктовать. […][10]

Гринберг отказался печатать набоковский перевод в альманахе «Воздушные пути», что следует из письма Набокова к нему от 14-го февраля 1963 г.:

> Ты говоришь в телеграмме, что считал бы несправедливым по отношению к читателям твоего альманаха напечатать всего лишь отрывок из «Лолиты». Но могу тебя утешить: она выйдет по-русски в большом издательстве (с распространением по всем вокзалам вдоль железного занавеса), как только кончу переводить, и всяк был бы рад закуске.
>
> За три недели интенсивной работы над переводом я так им увлекся и так далеко отошел от «Евгения Онегина» и его дяди Савы, что ни физически, ни духовно не могу и думать сейчас к ним вер-

[8] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Lolita (Russian translation).

[9] См. письмо Набокова к Гринбергу от 14 января 1952 г. («Дребезжание моих ржавых русских струн…» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967). Публ., предисл., коммент. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина. СПб., Париж, 2000. С. 375).

[10] Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967). Публ., коммент. Р. Янгирова // Диаспора. Новые материалы [Вып.] I / Ответ. ред. В. Аллой. СПб., Париж, 2001. С. 539.

нуться […] Очень жалею, что ты испугался и что мне нечем заменить отвергнутую тобой нимфетку[11].

25 декабря 1965 г. Вера Набокова извещала Гринберга: «Lolita по-русски закончена, и завтра нам должны вернуть последнюю ее часть в переписанном на машинке виде. Хотите печатать в *Путях*? Впрочем, нет, ведь вы уже отказались»[12].

Тот же Роман Гринберг незадолго перед тем писал Набокову, что его книгами заинтересовался Исаак Пэтч, ведающий «новыми проектами» на радио «Свобода». «Он также ведает русским издательством при станции, — продолжал Гринберг, — и аген[т]ствами переотправки книг и журналов в СССР. Пэтч мне помог отправить туда мои В[оздушные] П[ути]. Так вот вчера он мне сообщил, что он решил переиздать некоторые твои сочинения на русском языке для отправки их туда. И зная, что мы с тобой хорошо знакомы […] просил меня узнать у тебя, как ты к этому отнесешься»[13].

О реальной возможности передавать книги в СССР Набокову написал также Борис Филиппов 19 апреля 1966 г.:

Глубокоуважаемый
Владимир Владимирович!

Пишу Вам, как выдающемуся представителю мировой литературы, рожденному русской землей.

Группе нашего издательства “Inter-Language Literary Associates” хотелось бы, чтобы русские за Железным занавесом узнали Вас полнее, узнали, что такое свободная трактовка разнообразнейших тем в совершенной форме. Поэтому мы просим Вас предоставить нам право издания (на русском языке) Ваших произведений. В частности, мы имеем в виду «Лолиту», над русской версией которой Вы — так мы слышали — работаете.

Мы стараемся ознакомить интеллигентного читателя в СССР и странах коммунистического блока с теми авторами, произведения которых там недоступны или доступны только частично. Наши финансовые возможности невелики. Издательство поддерживается американскими культурными фондами и меценатами. Но отзывы о наших изданиях, получаемые из-за Железного занавеса, говорят о том, что наша работа достигает своей цели и получает высокую оценку. За последние годы мы издали Пастернака, Мандельштама,

[11] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Roman Grynberg.
[12] Друзья, бабочки и монстры. С. 545.
[13] Там же. С. 543. Этот проект осуществился в переиздании «Приглашения на казнь» и «Защиты Лужина» под маркой фиктивного парижского издательства “Editions Victor” в 1965 и 1966 гг. Книги подпольно переправлялись на территорию СССР.

Заболоцкого, Ахматову, антологию русской философской мысли. Часть нашего тиража остается на Западе: она поступает в университетские и академические библиотеки Запада, а т[а]кже раскупается учеными славистами и часто наезжающими в Европу и Америку представителями советской интеллигенции.

На днях мы послали Вам некоторые изданные нами книги. Будем рады и благодарны, если Вы напишите нам Ваше мнение о них.

Примите наши лучшие пожелания,

Ваш [подпись: *Борис Филиппов*][14]

23 апреля 1966 г., в день рождения Набокова, Вера Набокова ответила Филиппову из Флоренции (по-английски):

Многоуважаемый г-н Филиппов,

Мой муж просит меня поблагодарить Вас за Ваше письмо от 19 апреля, которое было переслано нам из Монтрё, и ответить на Ваши вопросы. Прошу извинить, что пишу Вам по-английски. У нас нет русской машинки.

Моего мужа очень увлекло Ваше предложение издать некоторые из его книг для распространения в свободном мире и за Железным занавесом. Он только что подписал соглашение с другим издательством об издании «Приглашения на казнь» (для распространения исключительно в России) и находится в процессе переговоров (с еще одним издательством) относительно русского перевода «Лолиты». Он не может принять окончательного решения до тех пор, пока не получит ответ от этого издательства, но в то же время он был бы рад, если бы Вы рассмотрели возможность совместной с этим издательством публикации романа. Я сегодня же напишу тому издателю и задам тот же вопрос. В случае, если Вы с ним захотите объединить ваши ресурсы для издания «Лолиты», я свяжу вас друг с другом.

[…]

С искренним почтением,

Вера Набокова[15]

Филиппов и де Лисо отказались от идеи совместного издания романа, но переписка Набокова с первым из двух относительно выпуска других его русских произведений продолжилась и только укрепила надежды Набокова на проникновение его книг в СССР [16].

[14] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters from various publishers.

[15] Там же.

[16] 23 января 1967 г. Вера Набокова сообщила де Лисо, что получила от мюнхенского отделения «Радио Свобода» подтверждение намерения приобрести 500 экземпляров «Лолиты» в качестве первой партии, предназначавшейся для распространения в СССР (Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letter to Oscar de Liso).

Возможности переправки романа в СССР, о которых писали ему Гринберг и Филиппов, по-видимому, значительно изменили начальный подход Набокова к переводу «Лолиты», основанный на тех же принципах, которые он применил в своем русском переводе “Conclusive Evidence”, выпущенном в 1954 г. в «Издательстве имени Чехова» (эти два перевода Набокова — «Другие берега» и «Лолита» — существенно различаются по целому ряду признаков). Стиль русских сочинений Набокова, написанных в 1920–1940 гг. под псевдонимом «Владимир Сирин», отличался едва ли не нарочитым отвержением нововведенных в Советской России понятий и выражений. Все эти годы Набоков, навсегда выехавший из России в апреле 1919 г., не уставал высмеивать и пародировать мещанский, газетный, угловатый, шаблонный язык советских авторов. Слог собственных произведений он стремился доводить до «зеркального блеска», до небывалой в русской литературе точности, выразительности и пластичности. Филолог и литературный критик Альфред Бем писал Р.В. Иванову-Разумнику, выехавшему в 1942 г. из СССР на Запад и незнакомому с книгами В. Сирина (письмо от 6 мая 1942 г.):

> Сирин умен и знает, что для писателя нет большей беды, как очутиться вне стихии родного языка. Поэтому он создал свой особый язык, «конденсированный» — правильный, но нарочито выхолощенный, если хотите «лабораторный», но в нем есть своя прелесть — с точки <зрения> правильности, я думаю, не к чему придраться, но это язык, если хотите, «мертвый», но такой высокой языковой культуры, что невольно им любуешься, ибо это всё же мастерство[17].

Редко когда в сочинениях Сирина можно было встретить «самолет» вместо «аэроплана», «кино» вместо «кинематографа», «такси» вместо «таксомотора» (эти примеры обнаруживаются в «Даре») или «машина» вместо «автомобиля». В переводе «Лолиты» Набоков совершенно отказался от языкового пуризма и постарался насытить книгу лексикой, привычной советскому читателю. Неудивительно, что некоторые старые эмигранты находили его перевод неудачным. К примеру, старинный друг и многолетний корреспондент Набокова Глеб Струве писал П.Ю. Гольдштейну (19 декабря 1977 г.): «А набоковский перевод “Лолиты” — что бы ни думать о самом романе — ужасный с литературной точки зрения, тоже, на мой взгляд,

[17] Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступ. ст. О. Раевской-Хьюз. М., 2001. С. 170.

недостойный Набокова»[18]. К тому же мнению пришла русскоязычная американская исследовательница Набокова Екатерина Юнг:

> Замечу, кстати, что с моей точки зрения, русский читатель (не знающий английского) до сего дня по-настоящему не имеет доступа к англоязычному наследию Набокова — да и вряд ли когда-нибудь будет иметь. Осмелюсь даже сказать, что русский перевод «Лолиты», осуществленный самим писателем, мне представляется явной неудачей. Читая этот перевод, дивишься: где сверкающий, великолепный русский язык автора таких книг, как «Дар» и «Приглашение на казнь», — и что стало с не менее блистательным английским оригиналом?[19].

Иную точку зрения высказал критик Владимир Вейдле, не раз писавший о Набокове в 20–30-е гг.:

> «Лолита», хоть и с легкими языковыми погрешностями, прекрасно — и для русской словесности плодотворно — переведена по-русски. О если б нынешние русские прозаики сумели внимательно ее прочесть, какую для себя извлекли бы они из этого чтения пользу! Я даже глубоко убежден, что русская «Лолита» гораздо более крупное явление русской литературы, чем английская английской (или американской)[20].

Проницательный Вейдле, простивший Набокову стремление модернизовать свой слог в угоду новому русскому читателю, верно указал на главное достоинство русского перевода — его плодотворность для русской словесности. Сам же Набоков, очевидно, вполне

---

[18] *Гольдштейн П.* Мир судится добром. Иерусалим, 1980. С. 193.

[19] *Юнг Е.* Независимый ад. Русское и советское в англоязычных романах Набокова // Страна и мир (Мюнхен). 1986. № 1–2. С. 162.

[20] *Вейдле В.* Первая Лолита // Русская мысль. 1977, 29 дек. С. 9. Схожую точку зрения предложил Г.А. Барабтарло: «На мой взгляд, русская “Лолита” это не просто единственный в своем роде триумф чрезвычайно сложной техники перевода, но также самостоятельный шедевр русской прозы, который надлежит изучать и смаковать […] все составляющие стиля, поддающиеся переводу, и все непереводимые элементы композиции и замысла сошлись в форме произведения искусства самого высокого разбора и качества, что позволяет поместить русскую “Лолиту” на самую верхнюю ступень замершего эскалатора русских шедевров» (*Barabtarlo G.* Aerial View. Essay’s on Nabokov’s Art and Metaphysics. New York, 1993. P. 115–116). Ср. также мнение А. Долинина, считающего, что русскую «Лолиту» следует рассматривать, ни много ни мало, как новую редакцию романа: «В русской прозе 20 века “Лолита” стала чудом восстановления, возрождения ее модернистской панэстетической традиции, которая была прервана трансформацией Сирина в Набокова и его советскими коллегами — Добычиным, Олешой, Платоновым, Замятиным, — которые или умерли или принуждены были умолкнуть» (*Dolinin A. Lolita* in Russian // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 324).

сознавал уязвимость своей попытки привнести в старый изощренный эмигрантский стиль новую советскую струю и не был вполне доволен результатом:

> Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн, — писал он в «Постскриптуме». — История этого перевода — история разочарования. Увы, тот дивный русский язык, который, сдавалось мне, всё ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку.
>
> Утешаюсь, во-первых, тем, что в неуклюжести предлагаемого перевода повинен не только отвыкнувший от родной речи переводчик, но и дух языка, на который перевод делается (с. 296).

Вполне сознавал он и то обстоятельство, что его перевод вызовет раздражение в кругу эмигрантов, «в общем предпочитающих Лескова» (как он писал в «Постскриптуме»), и новую волну обвинений в непристойности, излишней усложненности повествования и собственно слога («В напечатанном виде эта книга читается, думаю, только в начале двадцать первого века […]», — прозорливо замечает в романе Гумберт Г.).

Тот высокий тон, который задается выспренным началом романа: «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя» — вызывал у русского читателя ложное впечатление, что перед ним поэтичная любовная повесть (впечатление, поддержанное в первой же главе отсылками к «Аннабель Ли» Эдгара По), орнаментальное повествование, выдержанное в высоком романтическом стиле. Но тут же открывавшаяся ему лексическая и стилевая эклектичность романа склоняли скорее к мысли о пастише, в котором даже имя Тристана служит каламбурной игре слов: «Тристан и три женских стана в кино» (гл. 25, Ч. II)[21]. В отличие от оригинала с его более однород-

[21] Как превосходно пишет Борис Аверин в своем предисловии к роману: «Стиль первой фразы — высокий, патетический, отсылающий к Песни Песней. В ней задано и основное противопоставление: “Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел”. Вторая фраза усиливает контраст: “Грех мой, душа моя”. Третья фраза свидетельствует о том, что “Лолита” — это просто слово, которое можно произнести по слогам, и тогда язык будет двигаться сверху вниз, по нёбу к зубам. В этой фонетическо-физиологической сфере верх и низ снова фиксируются; фиксация тем более настойчива, что “небо” и “нёбо” — одного корня. И то же движение вниз — в развитии стилевого рисунка. Начавшись библеизмами, повествование уже в третьем абзаце переходит на разговорный тон: “А предшественницы-то у нее были? Как же — были…” — чтобы вскоре же обернуться сказочно-стилизованно-литературным: “В некотором царстве у моря (почти как у По)”» (*Аверин Б.В.* О некоторых законах чтения романа «Лолита» // *Набо*ков В. Лолита. СПб., 2005. С. 14–15).

ной и естественной лексикой (хотя бы в силу того, что американизмы, школьный сленг и технические термины в нем переданы с долей научного любопытства самого повествователя, филолога-иностранца Г.Г., внутри романной структуры и писателя-иностранца Набокова вне ее), перевод, в котором соседствовали «чресла» и «стартер», «обшлаг» и «брекфаст», «услада» и «шина» («“Шина капут, мистер”, весело сказала моя добрая девочка», причем в оригинале сказано лишь: «“You got a flat, mister”, said cheerful Lo», гл. 19, Ч. II[22]), «прикащик» [sic] (гл. 3, Ч. II) и «сифонщик», «снедь» и «кока-кола» (и «чипсы»), «днесь» и «оки-доки», «уранист» и «детектив», «ферт» (франт) и «ранчор», «дантист» и «супермен» («Супермен в голубой пелерине», гл. 25, Ч. I, причем в оригинале сказано так: «one of those blue-caped star-men», т.е. «один из тех звездных людей в синих плащах»), «околодок» [sic] и «район», «лавка» и «супермаркет», — требовал весьма чуткого и подготовленного читателя, хорошо разбирающегося в исторических стилях русского литературного языка, нормах стилистического употребления, приемлемости или неприемлемости тех или иных заимствований (в переводе, к примеру, не используются слова «джинсы» и «кеды», Набоков пишет: «Она была […] в синих ковбойских панталонах и полотняных тапочках», с. 31), знающего толк в различных повествовательных формах и приемах и умеющего ценить оригинальные авторские поиски новой поэтики и производимый этими поисками художественный эффект.

На что в первую очередь мог обратить внимание начитанный русский читатель, сравнивая набоковский перевод романа с оригиналом, с его русскими сочинениями и с «Другими берегами»? Прежде всего на обилие бытовавших в Советской России терминов, на неожиданное для старого эмигранта преобладающее написание «Бог» и «Господь» со строчной буквы (в «Других берегах» эти слова пишутся с прописной) и на стремление переводчика заменить французские и другие иностранные слова и выражения (понятные старой эмигрантской аудитории без пояснений) русскими эквивалентами, причем все эти особенности менее заметны в начальных и усиливаются в более поздних главах романа (и в его опубликованном тексте в сравнении с рукописью перевода). Так, в оригинале романа (и в рукописи перевода) в гл. 2, Ч. I название гостиницы дано по-французски: «Hôtel Mirana», а в опубликованном тексте: «гостиница Мирана Палас»; в первой стихотворной строке пародии

[22] Цитаты из английского оригинала «Лолиты» приводятся по изданию: *Nabokov V.* The Annotated Lolita / Ed., with Preface, Intr. and Notes by Alfred Appel, Jr. New York et al., 1991. Далее страницы настоящего издания приводятся в тексте.

Гумберта на Т.С. Элиота (гл. 5, Ч. I): «Пускай Fräulein von Kulp…», а в опубликованном тексте: «Пускай фрейляйн фон Кульп…» (с. 7); вместо «posé un lapin» в гл. 6, Ч. I — «никого не надула» (с. 13); вместо «français moyen» в следующей главе — «средний француз», и т.д. и т.п. Кроме того, Набоков составляет и прилагает к роману отдельным списком «Перевод иностранных терминов», без которого значение многих слов и выражений осталось бы для советского читателя тайной. В иных случаях Набоков упрощает текст на стадии машинописной копии или корректуры. К примеру, в рукописи перевода гл. 6, Ч. I, где Набоков точно следует оригиналу: «Помнится, брел я как-то подвечер [sic] в серую весеннюю погоду по оживленной улице где-то около Маделэн». Но в опубликованном тексте читаем: «Помнится, брел я как то [sic] подвечер [sic] по оживленной улице, весною, в центре Парижа» (с. 12). В отношении слов «Бог» и «Господь» в начале рукописи перевода преобладает написание с прописной буквы («Ей[-]Богу», гл. 5, «не дай мне Бог», гл. 6, «слава тебе [,] Боже», гл. 13), но затем, как положено советскими нормами, эти слова пишутся преимущественно со строчной («насчет моих отношений с господом богом», «в нашего христианского бога», гл. 18, «Ты бог знает что могла оттуда увидеть», гл. 20, «Чету Фарло, слава богу, она не знала», гл. 25 и т.д.). Сверх того в рукописи перевода имеется специальная пометка: «“господь” и “бог” всюду должны быть с маленькой буквы» (это указание исполняется на стадии правки рукописи, но не очень внимательно, отчего в опубликованном тексте встречается написание этих слов как с прописной, так и со строчной букв). То же следует сказать в отношении транслитерации английских терминов, названий и имен собственных. Имя Лесли Томсона сначала передавалось как Лезли (в начале гл. 20, Ч. I опубликованного текста — «Лезли», а в конце этой же главы — «Лесли», с. 70 и 77 соответственно); слово «Hollywood» сначала транслитерировалось как «Холливуд» (гл. 11, Ч. I, с. 38), затем как «Голливуд» (гл. 21, Ч. I, с. 78; гл. 7, Ч. II, с. 167; гл. 15, Ч. II, с. 189); «girl-scout» (гл. 8, Ч. I) передается как «гэрль-скаут» (с. 21), а затем смягчение буквы «л» исчезает, и Набоков пишет «гэрл-скаут» (гл. 18 и гл. 27, Ч. I), а в гл. 29, Ч. I написание окончательно устанавливается по советской традиции: «герл-скаутских костров» (с. 119, в рукописи перевода: «герлскаутских»). Выражение «wayward child» Набоков передает не как «вэйвард чайльд», а по советской традиции передачи «w» с гласными буквами как «у»: «уэйуард чайльд» («непутевое дитя», гл. 5, Ч. I), слово «waterproof» передано как «уотерпруф», а не «вотерпруф» (гл. 20, Ч. I), но наряду с этим он

пишет «Вальтер Дисней» (гл. 27, Ч. I). То же относится к фамилии Куильти (Quilty): в начале рукописи перевода его имя еще пишется как «Квильти» и «Квилти» (гл. 8, Ч. I), но затем всюду исправляется на «Куильти» (тогда же имя матери Лолиты транслитерируется, как «Хэз», «Хэйз» и «Хэйзиха», имя Мак-Ку как «Мэк Ку»). Вследствие перемены способа транслитерации имени антагониста в рукописи перевода возникли по меньшей мере две новых версии игры слов.

а) Новый вариант зашифрованного послания Моны (гл. 19, Ч. II). Сначала Набоков сочинил такие строки: «Задумался поэт[,] посланье намаракав[,]: чего тут больше: букв иль типографских знаков[?]» Из подчеркнутых (Набоковым) букв складывается имя «Квильти», однако позднее, когда это имя было исправлено на «Куильти», криптограмма была переписана так (ближе к французскому тексту в оригинале романа: «Ne manque pas de dire à ton amant, Chimène, comme le lac est beau car il faut qu'il t'y mène», p. 223)[23]:

Пусть скажет озеро любовнику Химены,
Что́ предпочесть: тоску иль тишь и гладь измены.

Вместо подчеркивания в опубликованном тексте романа буквы выделены жирным шрифтом, причем выделение ошибочно начато с буквы «с»: «то**ску иль ти**шь» (с. 204). Отставленного варианта с характерным просторечным глаголом «намаракав» тем более жаль, что он — умышленно или нет — отсылает к раннему варианту строки Пастернака в стихотворении «Нобелевская премия» (1959), которое Набоков спародировал в том же году в стихотворении «Какое сделал я дурное дело…»: «Что ж посмел я намаракать, / Пакостник я и злодей?»[24] О.В. Ивинская пишет, что Пастернак показал этот вариант стихотворения иностранному корреспонденту сразу после того, как сочинил его. Если вариант с «намаракав» стал известен Набокову ко времени перевода «Лолиты», то это означает, что он намерен был включить в него эту завуалированную ироничную отсылку к «Нобелевской премии» и противопоставить свою «Лолиту» «Доктору Живаго», тем более что он уничижительно высказался об этом романе в «Постскриптуме» к «Лолите»: «Зарубежные же русские запоем читают советские романы, увлекаясь картонными тихими донцами на картонных же хвостах-подставках или тем лирическим доктором

[23] В оригинале Мона повторяет ключевое место стиха: «Qu'il t'y».
[24] *Ивинская О.В.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М., 1992. С. 347.

с лубочно-мистическими позывами, мещанскими оборотами речи и чаровницей из Чарской, который принес советскому правительству столько добротной иностранной валюты» (с. 298).

b) Совершенно иное название упомянутой в «Предисловии» Джона Рэя биографии Куильти, написанной его соавторшей Вивиан Дамор-Блок (анаграмма «Владимир Набоков»). В английском оригинале романа биография драматурга Клэра Куильти носит название «My Cue» («Мой Кью» или «Моя реплика»), обыгрывающее английское значение слова «cue», реплика, — так сокращенно звали его друзья — Cue. В первом варианте «Предисловия», сделанном, по-видимому, Верой Набоковой в первой тетради рукописи перевода (во всяком случае, текст написан ее рукой, с ее правками), к названию книги предложены такие версии: «Каким я знала Квильти», «Кви — ты» (обыгрывающее французское «qui» — кто и подразумевающее вопрос: кто ты?), каламбурное «Квиты» (также с французским источником, если вспомнить этимологию слова «квит» — от *фр.* quitte — ничего не должен) и, наконец, менее загадочное: «Моя реплика». В последовавшем за черновиком «Предисловия» беловике этого перевода (на отдельных страницах) Набоковы отказываются от каламбурных вариантов с именем «Квильти» (которое к этому времени уже транслитерируется как «Куильти») и находят иное, французское, название: «Mon Cas», которому дается пояснение в скобках: «(Мой К. или Мой Казус)». Хотя «cas» и «казус» созвучны, они плохо вяжутся с именем «Куильти», а «Mon Cas» (т.е. мой случай, моя история) звучит слишком отвлеченно, поэтому Набоков отказывается от него, и в книге появляется окончательный, вновь каламбурный, вариант названия-портманто, внесенный уже, по-видимому, на стадии корректуры: «Кумир мой» (с. [ii]), который по замыслу Набокова прочитывается внимательным читателем не только как «Ку — мир мой», но и как «К. ум[е]р мой».

Некоторые транслитерации в переводе, однако, остаются или неустоявшимися, или не исправленными на более поздних стадиях подготовки книги. Например, в гл. 16, Ч. II: «сыне-бейсболисте» (с. 194), но в гл. 26 той же части: «бэзболисты» (с. 239); в гл. 25, Ч. I: «Озеро Клаймакс», а в гл. 32 той же части — «Озеро Климакс» (с. 93 и 122 соответственно), причем в рукописи имеется пометка: «озеро Климакс, а не Клаймакс!»; название университетского городка изначально было написано «Бирдзлей», но к этому месту позднее появилась приписка: «Как — художник? Бердслей? Check Russ[ian]» (т.е. «проверить русское написание»), и затем оно всюду было исправлено.

Выбор лексики зачастую также совершается в пользу советского словаря. В переводе возникают прямые советизмы или недавно усвоенные в СССР неологизмы и вошедшие в употребление слова и термины. К примеру, выражение «zoot-suiters with trumpets» Набоков переводит как «стиляг с саксофонами» (гл. 2, Ч. II, с. 138)[25]; встречаются такие советские изобретения: «гейзовским рыдваном с его беспомощными “дворниками”» (гл. 27, Ч. I, с. 103), причем в письме к Бертрану Томсону от 21 марта 1965 г. Набоков отметил, что технический термин «windshield wipers [стеклоочистители] можно либо передать фразой из сорока букв, либо выбирать между “лапками”, “дворниками” и “близнецами” — всё это вульгаризмы, используемые в СССР»[26]; «электрический холодильник» (хотя попадается и «рефрижератор», с. 39, и «*рефриджератор*», с. 65), «унитаз» — название европейского акционерного общества “Unitas” (*лат.* единство), выпускавшего ватерклозеты с начала XX в., переоформленное в СССР в повседневной речи в результате сближения с «таз» (это слово Набоков, кажется, нигде больше не использовал)[27], причем этот новый термин в переводе романа комично соседствует с коммуникативным архаизмом: «Не кладите никакого (подчеркнуто) ненужного материала в унитаз. Благодарствуйте» (с. 191–192); «наручные часики» (на страницах рукописи перевода прямо отмечено, что «наручные» — это советское словцо); «косметика» («проливала потоки слез, окрашенные радугой ее косметики», гл. 8, Ч. I), причем в рукописи перевода изначально было написано «ее грима» — обычное у Набокова слово для «make-up»; наряду с привычным для словаря Набокова «припадком» трижды появляется «приступ» («сердечного приступа», «с приступом тошной боли», «приступ отвратительной тошноты», причем в одном месте рукописи «припадок» вычеркнут и заменен на «приступ» с пометкой: «приступ — soviet»), «плавки» (гл. 2, Ч. II, с. 144, но есть и

[25] «Стиляга — разг., неодобр. Молодой человек, отличающийся склонностью к вызывающе модному стилю одежды, прически, а также манерами и вкусами, не соответствующими общепринятым» (*Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 586).

[26] Цит. по: *Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб., 2010. С. 584–585.

[27] Набоков обыкновенно писал «ватерклозет» или сокращенно «клозет» по принятому в России до революции значению. В «Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке» (1907) М. Попова: «отхожее место, устроенное так, что все нечистоты промываются водой, так что при этом исполняются предписания гигиены и сохраняется постоянная чистота»; в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1910) А. Чудинова: «Отхожее место с водоочищающим аппаратом». Примечательно, что в гл. 10 и в гл. 16, Ч. I он не использовал еще этого термина, а написал так: «мохнато-розовая попонка, жеманно покрывавшая доску клозета» (с. 28) и «разорвали это письмо, и его куски (неразборчиво) в водоворот клозета» (с. 56).

«купальные трусики», гл. 21, Ч. I; в «Других берегах» слово «плавки» не используется, ср.: «грязные от ила купальные трусики», гл. 14, подгл. 3), «лифчик» (советское уменьшительное от «лиф»), «рабочий комбинезон» (гл. 29, Ч. II), «стильный кафетерий» (в рукописи сперва было написано «стильную кофейню», но исправлено и помечено: «кафетерий — soviet word»: «хорошеньким уголком для первого завтрака, отделанным под стильный кафетерий», гл. 18, Ч. I, с. 65), «кино» и даже «кинопрограммы» (гл. 27, Ч. I), «кинокомедии» (гл. 22, Ч. II), хотя в начале перевода (гл. 2) находим «кинематографической актрисы» (позднее, в гл. 16, уже «киноактрисы»). Речь Лолиты порой окрашена в тона советского молодежного жаргона, например: «Предлагаю похерить игру в поцелуи и пойти жрать» (гл. 27, Ч. I), «А я считаю, что вы свинюги» (гл. 11, Ч. I), «Вот умора! Когда это вы в маму успели втюриться?» (гл. 27, Ч. I) и т.д. На страницах рукописи перевода можно найти такие пометки рукой Веры Набоковой: «свериться с советским словарем», вследствие этого в переводе возникает, например, «бензоколонка» (гл. 16, Ч. II, с. 193), хотя раньше находим «бензинный пункт» (гл. 32, Ч. I, с. 126), и «застежка-молния» (с. 196), хотя в набросках продолжения «Дара», написанных, по всей видимости, уже в Америке в начале 1940-х гг., Набоков вычеркивает слово «молнией» в предложении «с молнией рубашка» и пишет «с зыпом» (от *англ.* zip). Вера Набокова помечает на страницах рукописи перевода: «как по-русски произносится Бедеккер, Галсворти?», «“затяжных” — soviet» (в рукописи перевода: «начиная с первых ~~гимназических обнимок~~ затяжных поцелуев»; в опубликованном тексте оставлено «затяжных», с. 68) и т.д. Встречаются и такие выражения, которые Набоков впоследствии называл вульгарными, как, например, «трясемся над каждым заветным вершком их нимфетства» (гл. 18, Ч. II, с. 203), причем в английском оригинале «Лолиты» сказано лишь: “while we, old lovers, treasure every inch of their nymphancy” (т.е. «пока мы, старые любовники, боготворим каждый вершок их нимфетства»). В романе «Взгляни на арлекинов!» (1974) русский герой-эмигрант отмечает использование этого выражения советской «Ди-Пи» Нинель Ильиничной (нареченной в честь Ленина), которой был свойственен «“сдобный” советский говорок и провинциальный лексикон»: «Мучительная нежность, которую я всегда испытывал к Аннетте, приобрела новую остроту из-за моих чувств к нашей малютке (я над нею “трясся”, как Нинелла называла мое отношение к ней на своем вульгарном русском […])»[28].

[28] *Набоков В.* Взгляни на арлекинов! / Пер., примеч. А. Бабикова. СПб., 2016. С. 149. Не исключено, что Набоков в «Арлекинах» намекает на строчку «Над рукописями трястись» в стихотворении Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво…» (1956).

Всё это свидетельствует, конечно, не только о том, что Набоков пытался «привить-таки классическую розу» своего стиля к «советскому дичку» (если вспомнить стихи Ходасевича 1925 г.), но и о том, что многие бытующие в СССР слова и выражения он находил удачными или хотя бы допустимыми для русского перевода «Лолиты» в середине 1960-х гг.

2

Со всем тем, русская версия «Лолиты» не могла произвести того впечатления на советского читателя, на которое, очевидно, рассчитывал Набоков. Вернее сказать, его переводческая стратегия была намного более сложной и не ограничивалась стремлением потрафить далекому и почти эфемерному русскому интеллигенту конца 1960-х гг., читателю переводного Хемингуэя («современный заместитель Майн-Рида», как замечает ревнивый Набоков в «Постскриптуме») да «ничтожных» Фолкнера и Сартра, «этих баловней западной буржуазии» (там же). Основным словарем перевода оставался тот столичный изысканный русский язык, который Набоков вывез из России и продолжал изучать и совершенствовать не только все двадцать лет европейской эмиграции, но и последующие годы в Америке. Кроме того, за прошедшие после революции десятилетия более утонченный в сравнении с московским петербургский стиль конца XIX — начала XX вв., восприемником которого был Набоков, практически утратил влияние вместе с утратой Петроградом столичного статуса и европейского лоска. Парадоксальным образом перевод с английского делался Набоковым не на современный, а на утраченный к тому времени в России русский язык, и в самом холодноватом, рациональном, рафинированном слоге русской версии «Лолиты» сквозила та вполне «заграничная» русская культура, которая к середине 1960-х гг. была практически истреблена в СССР и к которой ничтожное число уцелевших ее носителей не могло уже приобщить советского читателя. В опубликованном тексте «Лолиты» сохранились следы не только богатого сиринского слога 1920–1940-х гг. с его излюбленными словечками: «дивный», «баснословный», «упоительный», «карминовый», «жовиальный», «зачарованный», «рубчатый», «прыщущий», «фасонистый», «ощеренный», «досужий», «пленительный», «долголягая», «снедь», «абрис», «отроковица», «оконница», «мурава», «дортуар», «улещивать», «сноситься», «залучить» и т.д., но и старого дореформенного правописания, следы которого встречаются несравнимо реже уже в первом книжном из-

дании «Дара» (1952): «безсовестно», «безпардонно», «безпокоиться», «соседняго», «бесстыдныя», «разсудок», «низьменный», «до тла», «оффициальный», «оффициант», «корридор», «шеколадный», «к чорту», «галстух», «кафэ», «турнэ», «аттаковал» и «аттака», «уехал-ли», «нет-ли», «видите-ли», «может-быть», «на-днях» и т.д. Готовя книгу для американской «Федры» и не имея ни русского редактора, ни корректора, Набоков мог полагаться лишь на себя и свою жену, и обилие опечаток и прямых ошибок в опубликованном тексте, а также исправлений описок в рукописи перевода только убеждает в том, что при более тщательной работе над ним сократилось бы и число старых форм и выражений.

Но русского читателя даже сильнее дореволюционного правописания мог бы озадачить переводческий выбор некоторых слов и оборотов, особенно в свете заявления Набокова, что его цель состояла в том, «чтобы моя лучшая английская книга — или скажем еще скромнее, одна из лучших моих английских книг — была правильно переведена *на мой родной язык*» (курсив мой. — *А.Б.*), и что он гордится тем, «что железной рукой сдерживал демонов, подбивавших на пропуски и дополнения» («Постскриптум к русскому изданию», с. 298–299).

Так, к примеру, в гл. 9, Ч. I читаем: «Подкупив сестру, я получил доступ к архивам лечебницы и там нашел, не без смеха, фишки, обзывавшие меня “потенциальным гомосексуалистом” […]» (с. 25). В оригинале используется слово «cards» (т.е. формуляр, регистрационная или, по-советски, учетная карточка), но Набоков избирает редкое словцо, давно вышедшее из употребления: «фиша» или «фишка» (*фр.* fiche) в значении «регистрационная или учетная карточка» (отмечено в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н.И. Епишкина, 2010), которого не найти ни в Словаре Ушакова (1935–1940), ни тем более в Словаре Ожегова (1949; 4-е доп. изд. — 1960).

В гл. 8 той же части о Валерии: «влажный рот […] обнаружил свое мизерное сходство». «Мизерный» здесь не в первом значении (маленький, незначительный), а во втором — бедный, жалкий (отмечено в Словаре Ушакова), причем в оригинале нет прилагательного: “disclosed ignominiously its resemblance” (т.е. постыдно / бесчестно обнаружил свое сходство).

Там же английское предложение “That solemn pool of alien urine […]” переведено как «Эта торжественная лужа захожей урины […]»: для нейтрального «alien» (чужой, пришлый) Набоков применяет областное слово — в данном случае скорее ради выразительности, чем с целью озадачить читателя.

В гл. 28, Ч. I: «кто-то сидел в одном из кресел между колоннами перрона», причем Набокову не было никакой нужды изыскивать специальный архитектурный термин для описания гостиницы, поскольку в оригинале сказано лишь: “sitting in a chair on the pillared porch” (т.е. сидел в кресле на террасе с колоннами); слово «перрон» в том значении, которое использовал Набоков, еще можно найти в Словаре Ушакова («низкая каменная терраса со ступеньками, примыкающая к зданию (архит.)»), но в Словаре Ожегова его уже нет (в рукописи перевода изначально было: «кто-то сидел в одном из плетеных [кресел] на открытом многоколонном крыльце»).

В той же главе: «ежели не считать отессы (увядшей женщины с характерной для отесс стеклянистой улыбкой […])» (с. 112). Едва ли русский читатель 1960-х гг. мог знать, что «отесса» — старый галлицизм, означающий хозяйку табльдота в отеле, и представить себе род ее занятий и наружность. Точно так же он мог неверно понять род научных занятий «д-ра философии» Джона Рэя, автора «Предисловия». Английское сокращение “Ph.D.” (от *лат.* Philosophiae doctor) — ученая степень, присуждаемая в западных странах без указания специальности и к философии имеющая лишь историческое отношение. На самом деле «д-р философии» Рэй, по всей вероятности, психолог или психиатр, автор труда «Можно ли сочувствовать чувствам». Сообщаемые им в «Предисловии» сведения совершенно ненадежны (премии «Полинга» не существует, «далекого северо-западного поселения Серая Звезда» не найти на карте) и наводят на мысль, что «Джон Рэй» (John Ray, Jr.) — еще одна маска Гумберта Гумберта (Humbert Humbert), который «думал стать психиатром, как многие неудачники» (гл. 5, Ч. I) и не случайно подписывается в книге постояльцев гостиницы «доктор Эдгар Г. Гумберт» (гл. 27, Ч. I). В романе к этому предположению имеется немало более и менее очевидных подсказок. Главная из них даже не скрывается автором: Рэй сообщает, что «каждый год не меньше 12% взрослых американцев мужского пола, по скромному подсчету, — ежели верить д-ру Бианке Шварцман (заимствую из частного сообщения) — проходит через тот особый опыт, который “Г.Г.” описывает с таким отчаянием» (с. [ii]). Удивительное совпадение: в гл. 11, Ч. I «Г.Г.» пишет: «Не сомневаюсь, что доктор Биянка [sic] Шварцман вознаградила бы меня целым мешком австрийских шиллингов, ежели бы я прибавил этот либидосон к ее либидосье» (с. 43). Причем оба замечания, Рэя и Г.Г., сближаются посредством тонкого штриха — употребления союза «если» в просторечной форме «ежели».

В гл. 18, Ч. I: «в ужасном предвкушении ванны из экрю» (*фр.* écru — неокрашенный), т.е. цвета неотбеленного шелка или льна (с. 66).

В гл. 2, Ч. II: «по выражению блазированной Ло» (от *фр.* blasé — пресыщенный).

Еще более замысловатый термин находим в гл. 30, Ч. I: «яркие пузырьки гонадального разгара» (с. 120). В оригинале «gonadal», но в русском языке принято «гонадный», от «гонад» — органы животных, продуцирующие репродуктивные клетки — гаметы.

В гл. 1, Ч. II: «тебя проанализируют и заинтернируют» (с. 134) — «интернированием» юристы изредка называли превентивное лишение свободы социально опасных личностей.

В гл. 3, Ч. II иронично употребляется термин западной психологии, неизвестный советскому читателю (в Словаре Чудинова, 1910, он приводится вне связи с психологией: «подарок, награда, удовлетворение»): «повез свою Лолиту на берег моря и там бы нашел по крайней мере “гратификацию” давнего позыва» (с. 150).

В той же сложной и насыщенной главе: «Я, правда, старался выбирать хижины подешевле; но то и дело бюджет наш трещал от стоянок в шумных отелях-люкс или претенциозных “дудках” (псевдоранчо для фатов)» (с. 157). «Дудки» ничего не скажут советскому читателю без пространных пояснений. Это слово должно указывать на реальный термин, применяемый в Америке к такому типу постоя, и в оригинале именно такой термин и употреблен: “pretentious dude ranch”. Однако выражение “dude ranch” (впервые отмеченное в 1921 г.), которое образовано от нью-йоркского разговорного “dude” (изначально «хлыщ», «франт», «пижон», позже «горожанин с восточного побережья, приезжающий на каникулы на Запад»), нельзя перевести как «дудка» (музыкальный инструмент, по-английски “fife”), скорее как «ранчо для бахвалов» — это и есть ранчо, приспособленное для приема состоятельных отдыхающих, или пансионат с обучением верховой езде и другими развлечениями на вольном воздухе. Набоков мастерски придумывает для слова “dude” русский разговорный эквивалент — «дудка», подразумевая значение слова «фат» — «самодовольный франт, нахал, пустой человек» (Словарь Чудинова, 1910), т.е. «пустой», как дудка, «пустышка». Затем он проецирует найденный им эквивалент на целое понятие (dude ranch), подчеркивая его неформальные коннотации. Но этим он не ограничивается. «Дудки», очевидно, призваны служить одним из нескольких пропущенных Гумбертом намеков в отношении его преследователя и будущего похитителя его нимфетки: это слово

напоминает название сгоревшего роскошного ранчо Куильти — «Дук-Дук» (в оригинале “Duk Duk Ranch”), которое возникает лишь в гл. 29, Ч. II: «А как называлось ранчо? — спрашивает Г.Г. Лолиту в ее коулмонтской лачуге. — Ах, очень глупое название: Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим…)»[29].

В гл. 20 той же части: «не считать за финту нимфетки веселое равнодушие к исходу игры» (с. 213). Советскому читателю было известно слово «финт» в мужском роде: «1. Хитрая уловка (прост.). 2. В спорте: обманное движение, ложный выпад» (Словарь Ожегова), но едва ли он знал его в женском роде: «финтá», от итальянского “finta” — притворство, выдумка. Еще менее доступно ему было значение слова «геркуланита» (в гл. 35 той же части: «избегайте употреблять геркуланиту с ромом»), которого не найти ни в одном словаре и которое, как указывает Альфред Аппель, означает «очень мощную разновидность южноамериканского героина» (p. 449).

В гл. 17 той же части: «[…] прислал мне, с одним из своих катамитиков, медный ларец: по всей крышке его шел сложный восточный узор, и он весьма надежно запирался на ключ. Мне было достаточно одного взгляда, чтобы узнать в нем дешевую шкатулку для денег, зовущуюся почему-то “луизетта”, которую мимоходом покупаешь где-нибудь в Малаге или Алжире […]» (с. 196). Если со словом «катамит» русский читатель, покопавшись в латинском словаре и вспомнив «Тень Филлиды» М. Кузмина, мог бы совладать, то «луизетта» осталась бы дразняще-неясной. Что это за медная шкатулка, у которой есть определенное название и тип которой можно определить «с одного взгляда»? В примечаниях к английскому тексту романа Альфред Аппель пишет, что это слово — неологизм Набокова, произведенный от louis d’or (p. 411). А. Долинин, развивая это соображение в своих комментариях к роману, сообщает, что «луизетта» — «контаминация “луидора” с “береттой” (маркой пистоле-

[29] «Дук-Дук» имеет вполне определенное значение — тайный мужской союз в Центральной Меланезии: «С чисто анимистическими […] верованиями связан особенно союз Дук-Дук (название это от слова “дука”, что значит дух умершего). Члены союза, появляясь в страшных нарядах и масках, изображают собой духов и запугивают непосвященных, вымогая у них “деньги” (снизки раковин) и прочие ценности. Выступления Дук-Дука происходят раз в год и длятся около месяца, после чего маски уничтожаются и считается, что “Дук-Дук умер”. Во главе союза стоит Тубуан. Его роль исполняет самый богатый и влиятельный человек в племени, и пользуется он ею деспотически и своекорыстно. Тубуан считается духом женского пола, который никогда не умирает и ежегодно порождает Дук-Дуков» (*Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. 4-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 80). В гл. 18, Ч. II Куильти приходит ночью к одурманенному Гумберту (снотворное ему подложила, очевидно, Лолита), «держа перед лицом маску».

та)»[30]. Однако, оставив франко-итальянские догадки и обратившись к словарям, можно установить, что этот термин имеет вполне определенное происхождение — от названия нового типа гильотины, изобретенной хирургом Антуаном Луи в 1792 г. (и прозванной по его имени “Louisette”), — так некоторое время называли саму машину для обезглавливания[31]. Следовательно, название медной шкатулки оказывается, по-видимому, не более чем исторической аллюзией и должно было напомнить Гумберту о неотвратимости наказания за его тяжкое преступление. Не понявший этого любитель маленьких девочек, тем не менее, невольно активирует зловещее значение «луизетты», поскольку использует ларец для хранения пистолета (кольта) — орудия своей казни.

Затруднение у русского читателя могли вызвать и другие многочисленные исторические аллюзии, не получившие разъяснения в русской версии романа. Так, в гл. 29, Ч. I Гумберт, усыпив нимфетку, стоит в номере гостиницы у края постели со спящей Лолитой и готовится совершить свое злодеяние: «Минуты две я стоял, напряженный, у края, как тот парижский портной, в начале века, который сшив себе парашют, стоял, готовясь прыгнуть с Эйфелевой башни» (с. 114). Комментарии к роману это место не поясняют, а между тем оно не только очерчивает широкий исторический фон «Лолиты» и показывает набоковский метод оперирования точными фактами, не только глубже раскрывает образ Г.Г., но и дает ответ на следующее его замечание в 29-й же главе второй части (едва ли случайная симметрия): «французские фразы, крупные костяшки дорсетского крестьянина, приплюснутые пальцы австрийского портного — вот вам Гумберт Гумберт» (с. 254). «Парижский портной» в первой части романа и «австрийский портной» во второй — одно лицо. В конце книги, вновь встретившись с Лолитой, теперь беременной и замужней, Г.Г. смутно вспоминает того самого несчастливого портного, с которым он себя ассоциировал в самом начале их долгого путешествия по Америке. Речь идет о действительном событии. Прыгал с башни и насмерть разбился австриец Франц Райхельт, переехавший в Париж из Вены в 1898 г., портной, сшивший костюм-парашют. Его трагиче-

[30] *Долинин А.* Комментарии // Набоков В. Лолита. М., 1991. С. 390. Без изменений повторено и в новом издании: *Долинин А.* Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 420. А. Люксембург в своих комментариях к роману столь же малоубедительно сообщает, что «луизетта — придуманное слово, образованное от “луидора” […] (впрочем, это слово может иметь и значение пистолет)» (*Люксембург А.* Комментарии // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 634).

[31] *Kishlansky M., Geary P., O’Brien P.* Civilization in the West. 7th Ed. New York et al., 2008. P. 604.

ский прыжок был запечатлен в документальной ленте 1912 г. (British Pathé), в которой показано, как он действительно долго, около минуты, медлит, стоя на перилах ограждения, перед тем как сделать шаг.

Список редких, устаревших или труднонаходимых слов, терминов и имен можно продолжить, но и приведенных примеров довольно для того, чтобы сделать вывод: Набоков, хотя и наполнил свой перевод советской лексикой, вовсе не стремился превратить роман в «легкое чтение» и точно так же, как английского, заставлял хорошего русского читателя трудиться и добывать верные значения. В рукописи перевода можно найти места, изначально изложенные еще более замысловато, чем в опубликованном тексте.

Так, в гл. 8, Ч. I в оригинале имеется сложное место: “Although I told myself I was looking merely for a soothing presence, a glorified *pot-au-feu*, an animated merkin, what really attracted me to Valeria was the imitation she gave of a little girl” (p. 25). Дословный перевод: «Хоть я говорил себе, что я ищу только успокоительного присутствия, превознесенного pot-au-feu, оживленного искусственного влагалища [лобковой накладки], то, что на самом деле прельщало меня в Валерии, — это ее имитация маленькой девочки».

Рукописный перевод Набокова (чернила, правка чернилами и карандашом): «Хотя я говорил себе что ~~я~~ мне всего лишь ~~ищу надобно~~ нужно сублимированное pot-au-feu, ~~искусственную живулю со скважинкой с отверстием с прорешкой~~, однако то, что мне нравилось в ~~Va~~ Валерии — это ее ~~подражание изображение имитация имитирование~~? маленькой девочки».

После правки: «Хоть я и говорил себе[,] что мне всего лишь нужно сублимированное pot-au-feu и живые ножны, однако то, что мне нравилось в Валерии — это была ее имперсонация маленькой девочки».

Опубликованный вариант: «Хоть я говорил себе, что мне всего лишь нужно сублимированное pot-au-feu и живые ножны, однако то, что мне нравилось в Валерии [–] это была ее имперсонация маленькой девочки» (с. 16). Машинистка пропустила союз «и» и тире после «Валерии». Одно это короткое предложение требует развернутого комментария. Набоков использует слово «сублимировать» в значении «возносить, возводить низшее к высшему, культивировать» (с обычной его издевкой над терминологией Фрейда) — в том же смысле и так же иронично оно употреблено в гл. 18, Ч. I в отношении Шарлотты: «С самозабвением пошлейшей “молодой хозяйки” она принялась “сублимировать домашний очаг”» (с. 66). Однако в оригинале использовано не “sublimated”, а совсем другое слово — “glorified”.

Набоков отбрасывает (или пропускает по недосмотру) «успокоительное присутствие» (“soothing presence”), а для редкого термина “merkin” (лобковая накладка из искусственных волос или — реже — искусственное влагалище) находит прозрачный и звучный эвфемизм с подходящей этимологией — живые ножны (*лат.* vagina — ножны), причем сначала он выбрал для перевода другую пару с аллитерацией (отсутствующей в оригинале) — «живуля с прорешкой» и «живуля со скважиной», но затем отверг устаревшее слово «живуля» (кукла). Об этом слове В. Даль писал следующее: «Живуля, в народе, нечто полуживое, или, по движеньям своим, подобное живому. Этого мало: слово это не только не выдумано мною, оно даже в самом значении своем, как автомат, взято из уст народа: мужик рассказывал, что видел живуль […] куклу, четверти в три, и бегает она сама, одна, на кругах»[32]. Наконец, для обычного “imitation” избирается редкое «имперсонация», в русской литературе практически не используемое и в указанных русских словарях не отмеченное.

Помимо редких слов, старых форм правописания и транслитерации, галлицизмов и специальных терминов переводу придавали стойкий антисоветский налет американизмы и обычные английские слова («резигнация», «окэй», «оки-доки», «инн», «мотель», «пушбол», «драйв», «пэпер-чэс», «комиксы», «ильмы», «шериф», «фунты» и «мили» и т.д.), а также нарочитые переводческие кальки: «я однажды имел в руках пистолет» (гл. 8, Ч. I, с. 19), «коковых напитков» (гл. 4, Ч. II, с. 159), «я делал постели и в этом стал большим экспертом» (гл. 5, Ч. II, с. 162), «Долли играла сингли» (гл. 9, Ч. II, с. 171), «Мисс Пратт, которую я однажды в воскресенье заметил завтракающей с какими-то дамами» (гл. 13, Ч. II, с. 182), «гейзовских компликаций» (гл. 27, Ч. II, с. 246), «до конторы Виндмюллера было всего два блока» (гл. 33, Ч. II, с. 269) и т.д. — прием, который Набоков (значительно реже) применял и в «Других берегах», ср.: «Как-то играя на пляже, я оказался действующим лопаткой рядом с французской девочкой Колетт» (гл. 7, подгл. 3), «выкупаться, одеться, побрекфастать» (гл. 9, подгл. 1)[33].

---

[32] *Даль В.И.* Ответ на приговор // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1. С. XCVI.

[33] Редактор первого издания «Других берегов» в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова» В.А. Александрова 5 мая 1954 г. написала Набокову по поводу этого слова следующее: «Вы пишете вместо завтракать “побрекфастать”. Я ни в коей мере не хочу врываться в Вашу творческую лабораторию. Может быть, это слово Вы привели, руководствуясь какими-нибудь своими соображениями художника […] но мне кажется, было бы лучше употребить глагол “завтракать”». В ответном письме от 10 мая того же года Набоков, приняв некоторые другие поправки, не согласился изменить это слово (Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Chekhov Publishing House papers).

3

Ценный материал для сопоставительного анализа русского стиля Набокова конца 1930-х и середины 1960-х гг. дает рассказ «Волшебник» (1939), с которым (как и с набросками второй части «Дара») русская версия «Лолиты» имеет сюжетные, тематические, мотивные, а иногда и текстуальные соответствия. Описание попытки маниакального героя «Волшебника» овладеть спящей девочкой в номере гостиницы, отличающееся безупречным ритмом, текучестью и переливчатостью образного и эвфонического рядов, картинной цельностью впечатления, щедрой россыпью психологических и художественных находок, изобретательным синтаксисом и богатой, изысканной, но однородной в своем составе лексикой, можно отнести к самым выразительным страницам лучшей сиринской прозы и вообще русской литературы:

> Она лежала на спине поверх нетронутого одеяла, заложив левую руку за голову, в разошедшемся книзу халатике — сорочки не доискалась, — и при свете красноватого абажура, сквозь муть, сквозь духоту в комнате он видел ее узкий впалый живот между невинных выступов бедренных косточек. Со звуком пушечной пальбы поднялся со дна ночи грузовик, стакан зазвенел на мраморе столика, и было странно смотреть, как мимо всего ровно тек ее заколдованный сон.
>
> Завтра, конечно, начнем с азов, с продуманной постепенности, но сейчас ты спишь, ты ни при чем, не мешай взрослым, так нужно, это моя ночь, мое дело — и, раздевшись, он лег слева от едва качнувшейся пленницы и застыл, сдержанно переводя дух. Так: час, которым он бредил вот уже четверть века, теперь наступил, но облаком блаженства он был скован, почти охлажден; наплывы и растекание ее светлого халатика, мешаясь с откровениями ее красоты, еще дрожали в глазах сложной зыбью, как сквозь хрусталь. Он все не мог найти оптический фокус счастья, не знал, с чего начать, к чему можно притронуться, как полнее всего в пределах ее покоя насытиться этим часом. Так. Пока что, с лабораторной бережностью, он снял с кисти бельмо времени и через ее голову положил на ночной столик между блестящей каплей воды и пустым стаканом.
>
> Так. Бесценный оригинал: спящая девочка, масло. Ее лицо в мягком гнезде тут рассыпанных, там сбившихся кудрей, с бороздками запекшихся губ, с особенной складочкой век над едва сдавленными ресницами, сквозило рыжеватой розовостью на ближней к свету щеке, флорентийский очерк которой был сам по себе улыбкой. Спи, моя радость, не слушай. Уже его взгляд (себя ощущающий взгляд

смотрящего на казнь или на точку в пропасти) пополз по ней вниз, левая рука тронулась в путь — но тут же вздрогнул, ибо шевельнулся кто-то другой в комнате — на границе зрения, — не сразу признал отражение в шкапном зеркале (его уходящие в тень пижамные полосы да смутный отблеск в лакированном дереве, да что-то черное под ее розовой щиколкой). Наконец решившись, он слегка погладил ее по длинным, чуть разжатым, чуть липким ногам, шершаво свежевшим книзу, ровно разгоравшимся к верховьям — с бешенным торжеством вспомнил ролики, солнце, каштаны, всё… — пока концами пальцев поглаживал, дрожа и косясь на толстый мысок, едва опушившийся, — по-своему, но родственно сгустивший в себе что-то от ее губ, щек, — а немного повыше, на прозрачном разветвлении вен, упивался комар, и, ревниво прогоняя его, он нечаянно помог спасть уже давно мешавшему отвороту, и вот они, вот, эти странные, слепые, как бы двумя нежными нарывами вспухшие грудки — и теперь обнажилась вдоль тонкой, еще детской мышцы натянутая, молочно-белая впадина подмышки в пяти-шести расходящихся, шелковисто-темных штрихах, — туда же стекала наискось золотая струйка цепочки — вероятно, крестик или медальон — и уже начинался опять ситец — рукав круто закинутой руки. В который раз нахлынул и взвыл грузовик, наполняя комнату дрожью, — и он остановился в своем обходе, неловко накренившись над ней, невольно вжимаясь в нее зрением и чувствуя, как отроческий, смешанный с русостью запах ее кожи зудом проникает в его кровь. Что мне делать с тобой, что мне с тобой — Девочка во сне вздохнула, разожмурив пупок, и медленно, с воркующим стоном, дыхание выпустила, и этого было достаточно ей, чтобы продолжать дальше плыть в прежнем оцепенении. Он тихонько вытащил из-под ее холодной пятки примятую черную шапочку — и снова замер с биением в виске, с толчками ноющего напряжения — не смел поцеловать эти угловатые сосцы, эти длинные пальчики ног с желтоватыми ногтями — отовсюду возвращаясь сходящимися глазами к той же замшевой скважинке, как бы оживавшей под его призматическим взглядом, — и все еще не зная, что предпринять, боясь упустить что-то, до конца не воспользоваться сказочной прочностью ее сна. Духота в комнате и его возбуждение делались невыносимы, он слегка распустил пижамный шнур, впивавшийся в живот, и, скрипнув сухожильем, почти бесплотно скользнул губами там, где виднелась родинка у нее под ребром… но было неудобно, жарко, напор крови требовал невозможного[34].

Та же сцена в «Лолите» (гл. 29, Ч. I):

[34] Цит. по: *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб., 2000. Т. 5. С. 77–78, с уточнениями по тексту машинописного оригинала (Berg Collection).

Одетая в одну из своих старых ночных сорочек, моя Лолита лежала на боку, спиной ко мне, посредине двуспальной постели. Ее сквозящее через легкую ткань тело и голые члены образовали короткий зигзаг. Она положила под голову обе подушки — и свою и мою; кудри были растрепаны; полоса бледного света пересекала ее верхние позвонки.

[…] Я остался лежать неподвижно на краю бездны, вглядываясь в ее спутанные волосы и в проблески нимфеточной наготы, там, где смутно виднелась половинка ляжки или плеча, и пытаясь определить глубину ее сна по темпу ее дыхания. Прошло некоторое время; ничего не изменилось, и набравшись смелости я решил слегка пододвинуться к этому прелестному, с ума сводящему мерцанию. Но едва я вступил в его теплую окрестность, как ровное дыхание приостановилось, и на меня нашло ужасное подозрение, что маленькая Долорес совершенно проснулась и готова разразиться криками, если к ней прикоснусь любой частью своего жалкого, ноющего тела.

[…] Когда же наконец все водопады остановились и зачарованные охотники уснули, бульвар под окном моей бессонницы, на запад от моего бдения — благоустроенный, величавый, подчеркнуто-неторговый, обсаженный развесистыми деревьями, — выродился в презренный прогон для гигантских грузовиков, грохотавших во мгле сырой и ветреной ночи.

А между тем, меньше чем в шести вершках от меня и моей пылающей жизни находилась дымчатая Лолита! После долгого периода неподвижного бодрствования я снова стал добираться до нее щупальцами, и на этот раз скрип матраца не разбудил ее. Мне удалось пододвинуть мою тяжкую, алчущую плоть так близко, что я почуял на щеке, словно теплое дыхание, ауру ее обнаженного плеча. Тут она приподнялась, охнула, затараторила с бредовой быстротой что-то о лодках, дернула простыню и впала обратно в свое темное, цветущее, молодое бесчувствие. Она заметалась в этом обильном потоке сна, и одна голая рука, недавно коричневая, теперь лунная, с размаху легла через мое лицо. Был миг, когда я держал пленницу, но она высвободилась из моих едва наметившихся объятий, причем сделала это не сознательно, не резко, не с какой-либо личной неприязнью, а просто — с безотносительно-жалобным бормотанием ребенка, требующего полагающегося ему покоя. И все вернулось в прежнее состояние: Лолита, повернутая изогнутым хребтом к Гумберту; Гумберт, подложивший под голову руку и терзающийся вожделением и изжогой. […] Я все подступал к ней, готовый к любому огорчению; знал, что лучше ждать, но ждать был не в силах. Моя подушка пахла ее волосами. Я пододвигался к моей мерцающей голубке, останавливаясь и втягиваясь всякий раз, что она, казалось, шевелилась или собиралась шевельнуться. Ветерок из [С]траны [Ч]удес уже стал влиять на мои мысли; они казались выделенными курсивом, как если

> бы поверхность, отражавшая их, зыблилась от этого призрачного дуновения. Временами мое сознание не в ту сторону загибалось, мое ползком перемещавшееся тело попадало в сферу сна и опять из него выползало; а раза два я ловил себя на том, что невольно начинаю издавать меланхоличный храп. Туман нежности обволакивал горы тоски. Иногда мне сдавалось, что зачарованная добыча готова на полпути встретить зачарованного ловца; что ее бедро добровольно подвигается ко мне сквозь сыпучий песок далекого, баснословного побережья; но эта дымка с ямочкой вдруг вздрагивала, и я понимал, что Лолита дальше от меня, чем когда-либо (с. 114–117).

В отношении первого приведенного отрывка затруднительно высказать какие-либо критические замечания (кроме, быть может, излишнего пристрастия автора к свистящей и жужжащей звукописи: «распустил пижамный шнур, впивавшийся в живот, и, скрипнув сухожильем»), в отрывке же из «Лолиты», тоже блестящем и мастерски выдержанном, заметно меньше находок и можно отметить некоторые досадные зыбкости слога. Неудачно и не по-русски сказано: «рука, недавно коричневая» (в оригинале: “recently auburn”); неудачно: «ползком перемещавшееся тело попадало в сферу сна» (в оригинале, правда, тоже не слишком выразительно: “my shuffling body entered the sphere of sleep”, p. 131); «но эта дымка с ямочкой *вдруг вздрагивала*» — во-первых, стечение согласных, во-вторых, не сразу можно понять, что ямочка относится к бедру (в оригинале много лучше: “her dimpled dimness would stir”).

«Легкие языковые погрешности» русской «Лолиты», отмеченные Вейдле, конечно, не дают оснований отнести перевод романа к небрежной, наспех сделанной работе (на что намекал Г. Струве, называя перевод «ужасным»), хотя и отвечают замечанию самого Набокова о том, что труд этот совершался «отвыкнувшим от родной речи переводчиком», принужденным констатировать «пропажу многих личных безделушек и невосстановимых языковых навыков и сокровищ» (с. 296). Насколько нам известно, до сих пор эти погрешности не выявлялись и не рассматривались исследователями. Приведем некоторые из них.

В гл. 12, Ч. I Набоков пишет: «Мне случалось в приглядку [sic] обладать испещренными светотенью нимфетками […] протискиваться с осмотрительностью гнусного сластолюбца […]» (в оригинале: «I […] had visually possessed dappled nymphets […] wedged my wary and bestial way», т.е. «я визуально обладал испещренными светотенью нимфетками […] осмотрительно и похотливо пробирался […]»). Шутливое наречие «вприглядку» пишется слитно и употребляется

(узуально) только в выражении «пить чай (кофе) вприглядку» (т.е. без сахара, а лишь глядя на него, ср. «вприкуску», «внакладку»). Что Набоков имел в виду именно это русское выражение, несомненно, поскольку его семантика поддерживается в том же предложении словом «сластолюбца» (в оригинале отсутствующим).

В той же главе упоминается скупая мисс Фален: «никем не любимая неказистая дочка находится под строгим присмотром мисс Фален, которая однажды, в 1944 году, уже имела Ло под своим канючим крылом (Ло вспоминала то лето с дрожью возмущения)». В оригинале: “buzzard wing”; “buzzard” в английском языке — канюк, сарыч (американское значение — гриф), а в третьем словарном значении — скряга. Однако в русском языке «канюк» несет совсем другие ассоциации, поскольку, помимо исходного значения «хищная птица из семейства ястребиных», означает вовсе не скрягу, а «безотвязного просителя, попрошайку, клянчу» (Словарь Даля) и, следовательно, совсем не вяжется с образом строгой старой девы. В. Виноградов по поводу этого слова писал: «Слова *канюк* и *канючить* были употребительны в русском литературном языке XVIII в. […] Слово *канюк* обозначало: род небольшого филина; хищную птицу, похожую на ястреба, крик которой напоминает плач […] На основе этого значения возникает экспрессивно-переносное — в применении к человеку […]»[35].

В гл. 27, Ч. I: «Позади был длинный день, утром она каталась на лодке с Варварой (сестра которой заведовала водяным спортом […])». Набоков ошибочно употребляет слово «водяной» вместо «водный». Лексические значения прилагательного «водяной» — состоящий из воды, образуемый водой, осуществляемый с помощью воды (например, водяные часы) и живущий в воде, обитающий у воды (водяная крыса, водяной орех и т.д.); «водный» же — относящийся к воде, связанный с водой (водная поверхность, водный раствор и т.д.). Эта ошибка встречается в переводе еще раз — в самом начале, в гл. 2, Ч. I: «скользить на водяных лыжах» (причем в рукописи изначально было: «морских лыжах»).

В гл. 2, Ч. II Набоков схожим образом путает причастия «падший» и «павший»: «струистая тень играла по памятной доске местного Списка Падших» (в оригинале: “local Honor Roll”, что и в смысле точности перевода неверно, так как “Honor Roll” относится не только к погибшим, но и к тем, кто совершил подвиг и остался в живых). Причастие «падший» в значении «погибший, убитый» используется

[35] *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999. С. 236.

лишь как традиционно-поэтическое, допустимое в стихах, и Набоков в данном случае, если намеренно избрал эту форму, нарушил существующее стилистическое ограничение.

В гл. 14, Ч. II: «у которой были точно такие же горящие маслаки» (в оригинале французское “pommettes” — скулы). «Маслаки» или «мослаки» (это слово Набоков использует в значении «скулы» также в «Подвиге» и «Отчаянии») вовсе не означают «скулы» и вообще неприменимы к лицевым костям — это «толстая, большая кость, костища, особенно одна из округлых костей; бедро с вертлюгом» (Словарь Даля). Также не вполне законно Набоков употребляет уменьшительную форму от этого слова в гл. 18, Ч. I, вновь имея в виду скулы: «черновик Лолитиного очерка, ее ног, маслачков, вздернутого носика» (с. 65).

К более мелким погрешностям можно отнести написание «аккомпанимент» (гл. 18, Ч. II) вместо «аккомпанемент», «явайские» (гл. 29, Ч. II) вместо «яванские», «След ноги английского писателя Р. С. Стивенсона» (гл. 2, Ч. II) — вместо «Р. Л. Стивенсона» (причем в английском оригинале правильно, p. 157, но в рукописи перевода ошибка); неправильное окончание в числительном: «рост которой теперь равнялся шестидесяти дюймам, а вес — девяносту английских фунтов» (гл. 15, Ч. II, с. 189–190) — вместо «девяноста английским фунтам»; неправильное образование множественного числа от слова «фара» в родительном падеже: «мотыльки плыли из черного мрака в пытливый свет моих фаров» (в гл. 34, Ч. II, с. 271).

Не во всех ошибках повинен автор перевода и его помощница Вера Набокова. Целый ряд грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок в издании 1967 г. проистекал из крайне небрежно подготовленной машинописи и верстки книги. В интервью Дитеру Циммеру (опубликовано 28 октября 1966 г.) на вопрос «Правда ли, что вы переводите на русский вашу “Лолиту”, хотя пока нет ни малейшей надежды на то, что роман опубликуют в России?» Набоков ответил: «Русский перевод “Лолиты” уже почти год как закончен. Непросто было найти русскую машинистку, а та, которую я, наконец, нашел, работала очень медленно. Скоро книга выйдет в нью-йоркском издательстве “Федра”, и тогда, я надеюсь, она тем или иным путем попадет в Россию. Мой русский, быть может, слегка заржавел, но лишь в сравнении с тем, каким он был лет тридцать тому назад»[36]. Машинистка работала не только очень медленно, но и очень небрежно. Кроме того, сколь бы ни был покладист книгоизда-

[36] Деспот в своем мире. Интервью Дитеру Циммеру. Пер. с немецкого Д. Андреевой // Иностранная литература. 2017. № 6. С. 147.

тель де Лисо (переводчик итальянской биографии францисканского священника “Padre Pio”, 1960, и сценария «Сладкой жизни» Феллини, 1961) и сколь бы ни были трудолюбивы Набоковы, посылавшие ему всё новые и новые списки исправлений в корректуру и гранки, печатный текст русской «Лолиты» поражает обилием нелепых ошибок, опечаток и разного рода неисправностей. Присланная чете Набоковых машинопись, отпечатанная, по-видимому, некоей Натальей Соловьевой (ее имя указано рукой Набокова на счетах оплаты услуг машинистки от сентября — декабря 1965 г.)[37] с хорошо читаемой рукописи в двенадцати тетрадях большого формата, содержала такое число коварных опечаток, что, вероятно, проще было не править присланный текст, а напечатать его сызнова. 5 мая 1967 г. Набоковы послали де Лисо список исправлений на нескольких страницах, среди которых, были, к примеру, следующие:

> […] употребляла (not употрбляла)
> указывая (not уакзывая)
> круглая (not кругаля) […]
> рассудка (not расусдка)
> детально (not детално) […]
> Вообрази (not Вообраиз)
> далеко (not адлеко) […]
> этот образ (not этот браз) […][38]

и т.д. и т.п. В другом месте находим всё новые и новые списки исправлений, сделанные Набоковым и его женой на листах писчей бумаги и каталожных карточках карандашом:

> […] Galley 3: экрана (instead of «эдрана»)
> внутри (instead of «нутри»)
> […]
> Galley 4: нимфетку (instead of «нимфетук»)
> Galley 5: какое (instead of каоке) […] взором (instead of «возром»), Mlle (instead of «Ulle»)
> Galley 9: пухлявые (instead of «пуклявые»)
> Galley 12 […] поэтом (instead of «потом») […]
> Galley 29: куда (not укда)

[37] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. [Lolita] Holograph notes. With typist’s bill.
[38] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

В другом списке исправлений (от 5 июня 1967 г.) отмечается пропажа нескольких слов: «Galley 100: Лолиты нет рядом со мной, а в том, что голоса ее нет в этом хоре. (not Лолиты нет в этом хоре.)»[39].

Неудивительно, что в книге (помимо целых строк, переставленных или съехавших при наборе) находим, к примеру: «с вящшей бдительностью» (с. [iii]); «Я только стремлюсь подчеркнуть, что откровение на американской веранде было только следствием того “княжества у моря” […]» (с. 30. Подчеркнуто мной. — *А.Б.*) — второе «только» напечатано ошибочно; «щуплый выпадыш из гнезда Феникса» (там же) вместо «феникса» (в рукописи правильно); «Ло-борохло» (с. 40, в рукописи перевода правильно: «Ло-барахло»), «не дооценивал» (с. 59); «перестат» (с. 60); «некиим» (с. 62); «но матроны познатнее из тех, которых» (с. 67) — пропущена запятая после «познатнее» (таких случаев множество); «я решил закрепит выигранное преимущество» (с. 79); «лекарство не совладело с моей бессонницей» (с. 82); «я был одержам» (с. 92); «Она нашла, что проект — первый сорт, и спросила, достигнем ли Лепингвиля до девяти вечера» (с. 98) — пропущено «мы» после «ли»; «исподную сторону голой ляжки» (с. 109); «чистомеханический половой акт» (с. 119); «У Варвары Бэрк, крепкого сложения, блондинки, на два года старше» (с. 122) — лишняя запятая после «сложения»; «Но что именно хочет сказать эта бодрая книжка, словом “общение”» (с. 133) — лишняя запятая после «книжка»; «как смотрело и павлиное солнце[,] лежавшее на гравии» (с. 147) — вместо «павлинье»; «так-называемого “бертольда”, один из типов итальянского балагана» (с. 195) — вместо «так называемого “Бертольда”, один из типов итальянского балагана»; «вечер в середние июня» (с. 201); «в розовом оцепении» (с. 202) — вместо «оцепенении»; «оставаясь спокойно-веслеой» (с. 212); «склонялась вепред» (с. 214); «полиомелите» (с. 221) вместо «полиомиелите»; «в книге касбимкого мотеля» (с. 232) вместо «касбимского»; «как девочки окрестиил пастора» (с. 233); «войти в сноешние» (там же); «в абрикосовую мглу влажного веера» (с. 244) вместо «вечера»; «давал ему начай» (с. 245); «теперь по кранйей мере» (с. 246); «Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим)… но это, вообще, теперь все равно» (с. 256) вместо: «Дук-Дук — ничего не значащее слово (ну это положим…), но это вообще теперь все равно»; «по-светски с ней роспил пол бутылки» (с. 268) вместо «по-светски с ней распил полбутылки»; «ничего не значит без ковычек» (с. 290); «Успех путманского издания» (с. 297) вместо «путнамского».

[39] Там же.

Много хуже опечаток и разного рода ошибок пропуски и неверные прочтения машинисткой самой рукописи перевода, не исправленные четой Набоковых на более поздних стадиях подготовки книги. Так, к примеру, невнимательная машинистка нередко пропускает исправления или замены, сделанные карандашом (рукою Веры Набоковой) над тем или иным местом написанной синими (преимущественно) чернилами рукописи.

В гл. 2, Ч. I: «всем вам, наверное, знакомы эти благоуханные остатки дня, которые повисают вместе с мошкарой над какой-нибудь цветущей изгородью, и в которые вдруг попадаешь на прогулке» (с. 2). В рукописи слово «попадаешь» перечеркнуто карандашом и сверху дан более выразительный вариант: «вступаешь».

В следующей главе: «и тогда Аннабелла представляется мне в общих терминах, как-то: “медового оттенка кожа” […] закрываешь глаза и мгновенно вызываешь на темной внутренней стороне век […]». В рукописи слово «терминах» исправлено на «выраженьях», а вместо «вызываешь» написано «заставляешь явиться».

В той же главе: «иногда случайный вал, сооруженный другими детьми» (с. 4), в рукописи: «иногда случайный вал, сооруженный из песку другими детьми».

В гл. 5 той же части: «Но с бесовской внезапностью нежный узор наготы, уже принявший от меня дар поклонения, превращался в озаренный лампой отвратительно голый локоть мужчины» (с. 12). Машинальное «принявший… дар» на самом деле ложное прочтение: в рукописи «дань» (в оригинале иначе: «tender pattern of nudity I had adored»).

Там же: «Ах, оставьте меня в моем зацветающем парке, в моем мшистом саду». В рукописи слово «зацветающем» перечеркнуто и над ним написано рукой самого Набокова «опушившемся» — ради созвучия со словом «мшистом».

В той же главе: «Вот ряд десятилетних невест, которых принуждают сесть на фасциний [sic] — кол из слоновой кости» (с. 10). В рукописи так: «Вот ряд десятилетних невест, которых принуждают сесть на fascinium [sic] — вирильный кол из слоновой кости». Вирильный — от *лат.* vir — муж. Поскольку написание «фасциний» не вполне верно (должно быть «фасцинус» или «фасцин» — древнеримские амулеты в форме фаллоса), можно предположить, что Набоков хотел оставить в книге латинское написание (правильно «fascinum», как в оригинале романа: “the fascinum, the virile ivory”, p. 19), с пояснительным прилагательным («вирильный»), которое машинистка или пропустила, или не смогла прочитать и которое по недосмотру в книгу так и не попало.

В гл. 10, Ч. I: «И как если бы я был сказочной нянькой маленькой принцессы (потерявшейся, украденной, найденной, одетой в цыганские лохмотья, сквозь которые ее нагота улыбается королю и его гончим) […]» (с. 29). В рукописи слово «улыбается» вычеркнуто и рукой Набокова над ним написано: «отвечает улыбкой».

Пропуск целого предложения в длинном диалоге Г.Г. с Лолитой по дороге из лагеря в отель «Привал Зачарованных Охотников» (гл. 28, Ч. I):

> «Но мы действительно любовники, правда?»
> «Никак нет. Погода что-то опять портится. Не желаешь-ли [sic] ты мне рассказать про эти твои маленькие проказы в лагере?»
> «Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша».
> «А тебя легко ошарашить?»
> «Нет. Говори».
> «Настойчиво прошу ответить».
> «Давай остановимся на боковой дорожке, и я тебе расскажу» (с. 100–101).

Удивительно, что за несколько десятков лет переизданий (с различными исправлениями и новыми искажениями, о чем мы скажем далее), чтения и изучения романа в России никто, кажется, до сих пор не обратил внимания, что в этом месте подряд идут две реплики Лолиты: «Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша» и «А тебя легко ошарашить?», а затем одна реплика Гумберта ошибочно разбита на две. В оригинале между репликами Лолиты имеется реплика Гумберта, которая имеется и в рукописи перевода, но которая выпала из машинописи и всех последующих многочисленных изданий русской «Лолиты» с более или менее подробными комментариями и предисловиями более или менее дотошных исследователей. В рукописи перевода это место написано верно:

> «Ты что-то очень книжно выражаешься, милый папаша».
> «Чего же ты все-таки там натворила? Настойчиво прошу ответить».
> «А тебя легко ошарашить?»
> «Нет. Говори».
> «Давай остановимся на боковой дорожке, и я тебе расскажу».

В гл. 1, Ч. II: «Простоватая моя девочка орала: “нет!” и в безумном страхе хватала мою рулевую руку всякий раз[,] что я поворачивал автомобиль посредине шоссе […]» (с. 132). В рукописи же

перевода (и в оригинале, p. 149) это место изложено иначе: «Простоватая моя девочка орала: “нет!” и в безумном страхе хватала мою рулевую руку, всякий раз[,] что я ставил предел ее бурным капризам тем, что поворачивал автомобиль посредине шоссе […]». Шесть слов из этого предложения выпало.

В гл. 16, Ч. II: «но даже несчастный этот насос мой работал казалось ровно, и я почувствовал себя adolori d’amoureuse langueur, когда наконец добрел до коттеджа, где я оставил мою Долорес» (с. 195). После французской строчки в оригинале романа следует указание ее авторства: «если процитировать дорогого старого Ронсара» (p. 214), пропущенное или выпавшее в русском переводе, вследствие чего приведенный Набоковым в приложении к русскому изданию перевод этой строки («разомлевший от любовной истомы», с. 302) ничего не объясняет и никуда не направляет. Что же касается самой французской фразы, то она была аттрибутирована исследователями неточно. В 1968 г. Карл Проффер предположил, что цитата представляет собой комбинацию двух разных стихов из “Les Amours” Ронсара и что слово “adolori” добавлено самим Набоковым ради созвучия с «Долорес»[40]. А. Аппель, не проверив догадку Проффера, в своих комментариях к роману утвердил мнимость цитаты с набоковским добавлением (p. 411); вслед за ним и А. Долинин в своих комментариях утверждает, что «два последних слова заимствованы Г.Г. из “Любовных стихов” (1552–53) Пьера де Ронсара […] первое [adolori] — игра с именем Долорес»[41]. Наконец, вслед за Долининым другой комментатор романа, А. Люксембург, пишет, что «Два последних слова Г.Г. заимствует из “Любовных стихов” […] первое же, каламбурно измененное Dolores, является его добавлением»[42]. На самом деле Набоков приводит стих Ронсара целиком и не из “Les Amours”, а из “Les Mascarades” (часть XIII): “En cependant la foire fut ouverte / De Saint-Germain, où ceux qui ont le cœur / Adoloré d’amoureuse langueur […]” («Однако, ярмарка была открыта в Сен-Жермен, где те, у кого есть сердце, разомлели от любовной истомы […]»)[43]. Набоков не придумывает “adolori”, но лишь пишет редкое слово “adoloré” с “i” на конце, как пишется “endolori” (наболевший, исстрадавшийся), и если бы он написал его так, как оно написано у Ронасара, то добился бы почти полного созвучия этого слова с именем Dolores.

---

[40] См.: *Проффер К.* Ключи к «Лолите». СПб., 2000. С. 247.

[41] *Долинин А.* Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб., 2015. С. 420.

[42] *Люксембург А.* Комментарии // Набоков В. Собр. соч. американского периода. С. 634.

[43] Choix de poésies de P. de Ronsard. Notes par A. Noël. Tome second. Paris, 1862. P. 172.

В «Послесловии к американскому изданию» после слов «где искусство (т.е. любознательность, нежность, доброта, стройность, восторг) есть норма» (с. 293) выпало предложение: «Таких романов не много», — которое есть и в английском оригинале «Лолиты», и в рукописи перевода.

Сцена экзекуции Куильти (гл. 35, Ч. II) пострадала сильнее других мест. Из нее выпали строки, имеющиеся в рукописи перевода (и в английском оригинале романа):

> Отдышавшись, он сложил руки на груди и сказал:
> «Ну вот, доигрались. Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux».
> Я наклонился. Он не двинулся. Я наклонился ниже (с. 277).

В рукописи перевода Набоков следует оригиналу:

> «Ну вот, доигрались. Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux».
> Он делал успехи по-французски. Я осмотрелся. Может быть, если опуститься на четвереньки… Рискнуть?
> «Alors, que fait-on?» спросил он, внимательно следя за мной.
> Я наклонился. Он не двинулся. Я наклонился ниже.

Оригинал:

> «Now, you've done it», he said. «Vous voilà dans de beaux draps, mon vieux».
> His French was improving.
> I looked around. Perhaps, if — Perhaps I could — On my hands and knees? Risk it?
> «Alors, que fait-on?» he asked watching me closely.
> I stooped. He did not move. I stooped lower (p. 298).

Что приведенные строки выпали из книги по недосмотру, а не в результате авторского сокращения текста, вновь следует из «Перевода иностранных терминов», в котором значится перевод последней французской фразы Куильти: «Что же предпринять?» (с. 304).

В этой же сцене выпал еще один фрагмент текста, также имеющийся в рукописи: «Вдруг я заметил, что он заметил, что я как будто не заметил, что Дружок [с заглавной, как в оригинале: "Chum"] торчит из-под радиатора […]». В опубликованном тексте эта зеркальность восприятия происходящего протагонистом и антагонистом отсутствует (машинистка сочла середину предложения за непреднамеренный повтор?): «Вдруг я заметил, что дружок [sic] торчит из-под радиатора […]» (с. 277).

В той же главе Куильти сообщает: «Сегодня заходят друзья, чтобы везти меня на большой матч» (с. 279). В оригинале романа сказано лишь “to take me to a game” (т.е. «везти меня на матч», p. 301), а в рукописи перевода уточняется, на какой именно матч собирается Куильти: «Сегодня заходят друзья, чтобы везти меня на ~~футбольный матч~~ ~~спортивный матч~~ ~~баскетбольный матч~~ бэзбольный ~~или футбольный~~ матч». Не сумев прочитать исправленное карандашом слово «бэзбольный», машинистка, вероятно, произвольно заменила его на слово «большой».

Схожим образом в «Предисловии» Джона Рэя одно слово произвольно заменяется другим: «[…] “Лолита” далеко выходит за пределы покаянной исповеди; но гораздо более важным, чем ее научное значение и художественная ценность, мы должны признать нравственное ее воздействие на серьезного читателя, ибо этот мучительный анализ *единичного* случая содержит в себе и общую мораль» (с. [iii]. Курсив мой — *А.Б.*). В рукописи перевода, как и в оригинале (“personal study”), написано не «единичного», а «личного случая», что точно соответствует смыслу предложения, поскольку случай Гумберта, конечно, не был единичным, как сказано в самом «Предисловии» и в романе, в котором упоминается похищенная пятидесятилетним американским механиком Фрэнком Ласаллем одиннадцатилетняя Салли Горнер.

Последовательное сравнение рукописи перевода с опубликованным текстом заняло бы слишком много места, но и приведенных примеров довольно для того, чтобы получить представление о характере и видах искажений набоковского текста на этапе его перепечатки на машинке и последующей верстки. Помимо явных пропусков или искажений, сделанных машинисткой, в опубликованном тексте обнаруживаются и произвольные замены[44].

Еще одно обстоятельство, помимо отсутствия в «Федре» компетентных редакторов и корректоров, могло послужить причиной неудовлетворительного состояния отданной в печать книги — переезды издательства в новые офисы на стадии правки машинописи

[44] К разряду текстуальных проблем романа, требующих дальнейших разысканий, следует отнести некоторые поздние замены, к примеру, весьма странную версию непристойного французского названия вымышленной книги в «Послесловии к американскому изданию»: «тот читатель, который приступит к моей книге думая, что это нечто вроде “Мемуаров Куртизанки” или “Любовных приключений Кулебякина”» (с. 295). В оригинале последнее название вымышленной книги — “Les Amours de Milord Grosvit” (p. 316. Аппель это место не комментирует), несущее обсценные коннотации: *фр.* gros — толстый и vit — пенис (сленг). В рукописи перевода это название передано, быть может, грубовато, но точно: «Любовных приключений лорда Толстоуда», и откуда в опубликованном тексте возник «Кулебякин», остается загадкой.

и последующих корректур: в письме к Набокову от 8 мая 1967 г. Оскар де Лисо сообщал, что «Все исправленные гранки получены нами в надлежащем виде; мы вновь поменяли офис, поскольку издатель, у которого мы арендовали комнаты, продал свое издательство»[45]. Несмотря на заверения де Лисо, в действительности обеспокоенного главным образом коммерческой стороной предприятия, сомнительно, что вся набоковская правка, славшаяся частями на протяжении апреля — мая 1967 г., была систематично и аккуратно внесена в верстку.

Порча набоковского текста, таким образом, происходила градуально, на этапе перепечатки рукописи перевода на машинке, затем на этапе правки машинописи и, наконец, на этапе внесения поправок в гранки. Вместе с тем, немало ошибок самой рукописи перевода было замечено и исправлено на этих этапах — немало, но далеко не все. Главной проблемой русской версии «Лолиты» является не последующее наслоение ошибок и опечаток, а изначальные пропуски в самой рукописи перевода. Только в 2007 г. было замечено, что в гл. 3, Ч. II русского перевода «Лолиты» «оказался случайно выпущен» фрагмент длиной в полстраницы, который был затем переведен Дмитрием Набоковым и с тех пор воспроизводится во всех стандартных изданиях романа в России[46]. К мнению о том, что этот фрагмент оказался выпущен по недосмотру (в рукописи перевода он отсутствует), т.е. не был намеренно исключен из русской версии романа, склоняет и замечание самого Набокова в «Постскриптуме» о том, что он «железной рукой сдерживал демонов, подбивавших на пропуски и дополнения», и наличие других, до сих пор не отмеченных, досадных пропусков в переводе. Приведем несколько примеров.

В гл. 3, Ч. II: «Подумать только, что выбирая между сосиской и Гумбертом — она неизменно и беспощадно брала в рот первое. Не помню, упомянул ли я название бара, где я завтракал, в предыдущей главке?» (с. 149). В оригинале после слов «беспощадно брала в рот первое» следует выпавшая в переводе сентенция, служащая для перехода к другой теме (и вследствие ее утраты в русской версии переход оказался слишком резким): “There is nothing more atrociously cruel than an adored child” (p. 166, т.е.: Нет ничего более жестокого, чем обожаемый ребенок).

[45] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

[46] См.: *Набоков Д.* Примечание к настоящему изданию // Набоков В. Лолита. СПб., 2007. С. [9].

В гл. 22, Ч. II: «одинокий Жозеф Лор мечтал о ночлегах в Олороне, Лагоре, Роласе — или совращал овцу» (с. 222). Выпала французская фраза после «Роласе»: “que sais-je!”, — ее перевод приводится в приложенном к роману «Переводе иностранных терминов»: «я уж не знаю [!]» (с. 303).

В диалоге Гумберта с миссис Чатфильд в гл. 33, Ч. II:

> «Ах, конечно», сказал я спокойно. «Конечно, помню Филлис и лагерь [“]Кувшинка[”]. […] Кстати, ваша дочурка никогда не рассказывала вам, как Чарли Хольмс развращал там маленьких пансионерок своей гнусной матери?»
>
> «Стыдно!», крикнула миссис Чатфильд, «как вам не стыдно, мистер Гумберт! Бедного мальчика только-что [sic] убили в Корее» (с. 269).

Здесь после слов «гнусной матери» пропущено следующее предложение, подготавливающее гневную реплику собеседницы Гумберта: “Mrs. Chatfield’s already broken smile now disintegrated completely” (p. 290), т.е.: «Уже потускневшая улыбка миссис Чатфильд теперь погасла окончательно». Продолжение этого диалога в русской версии романа, как было замечено еще Джейн Грейсон[47], совершенно отличается от оригинала, в котором говорится о различиях значений «только что» (“vient de” и “just”) во французском и английском языках:

> «В самом деле», сказал я (пользуясь дивной свободою[,] свойственной сновидениям). «Вот так судьба! Бедный мальчик пробивал нежнейшие, невосстановимейшие перепоночки, прыскал гадючьим ядом — и ничего, жил превесело, да еще получил посмертный орденок. Впрочем, извините меня, мне пора к адвокату».

В оригинале:

> “I said didn’t she think “*vient de*”, with the infinitive, expressed recent events so much more neatly than the English “just” with the past? But I had to be trotting off, I said”. [Я сказал, не кажется ли ей, что французское “vient de” с инфинитивом намного точнее выражает, что события произошли недавно, чем английское “just” с прошедшим временем? Впрочем, мне пора идти, сказал я.]

[47] *Grayson J.* Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov’s Russian and English Prose. Oxford University Press, 1977. P. 123.

4

2 октября 1967 г. Оскар де Лисо известил Набокова: «Поздравляю с публикацией “Лолиты”, которая вышла в свет на прошлой неделе»[48], и с этого момента автор и переводчик романа уже ничего не мог исправить или восстановить в своей книге[49]. Пройдет немногим больше двадцати лет, и для неисправного текста романа начнется совсем другая история — его многочисленных последующих переизданий в России. В 1989 г. он будет выпущен громадным тиражом в *государственном* издательстве «Известия»[50], в одночасье перейдя из разряда нелегальной литературы в разряд литературы массовой.

Стремление издателей поскорее выпустить еще так недавно запрещенную книгу не способствовало серьезной работе над ее текстом. К существующим ошибкам американского издания добавились новые, привнесенные советскими редакторами и публикаторами, часто не понимавшими текст Набокова и не утруждавшими себя проверкой редкой или старой формы слова и сверкой русского перевода с английским оригиналом. Вместо того чтобы ограничиться исправлением явных опечаток, не касаясь — до лучших времен — трудных или спорных мест, редакторы принялись по своему разумению менять текст Набокова, не оговаривая и не отмечая своих вторжений. Наслоение ошибок и искажений продолжилось. Причем вышел казус: большой и сложный роман требовал предисловий и комментариев, и такое издание очень скоро появилось[51] (далее Л-1991), создавая иллюзию научного подхода к нашумевшему роману Набокова, но сам комментируемый текст «Лолиты» при этом оказался испорчен еще сильнее, чем в некоторых других, непритязательных, но аккуратных перепечатках американского издания, выпущенных в то же время[52].

---

[48] Berg Collection. Vladimir Nabokov papers. Letters to Oscar de Liso.

[49] У Набокова была возможность еще раз сверить текст и внести исправления в «ардисовское» переиздание романа 1976 г. (*Набоков В.* Лолита / Перевел с английского автор. Анн Арбор: Ардис, 1976), но, к большому сожалению, он этого не сделал. В письме к К. и Э. Проффер от 1 апреля 1976 г. Вера Набокова по поводу этого проекта сообщила: «“Лолита” по-русски. В.Н. предлагает изменить титульный лист и обложку, опустить материал [упомянутую нами аннотацию к первому изданию] на переднем отвороте […] В.Н. говорит, что у него нет никаких исправлений, хотя ваш корректор может найти какие-нибудь опечатки» (Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Коммент. Г. Глушанок // Звезда. 2005. № 7. С. 162).

[50] Сдано в набор 29.12.88, подписано в печать 10.02.89. Цена 2 рубля.

[51] *Набоков В.* Лолита / Вступ. ст. и коммент. А. Долинина. Ред. Э. Шахова. Корректоры Л. Волкова, Н. Яковлева. М.: Художественная литература, 1991. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

[52] Из таких изданий можно назвать следующее: *Набоков В.* Лолита. Камера Обскура / Сост. А. Кошляк. Томск: Изд-во Томского университета, 1991.

Несмотря на участие в издании комментатора, редактора и двух корректоров, даже многие явные опечатки (не говорю о пунктуации, расхождениях в написании имен собственных, оформлении прямой речи) в нем не исправлены. Оставлено «вящшей» (с. 20), «досмерти» (с. 63), «съуживающийся» (с. 69), «во свояси» (с. 85), «ввиде миража» (с. 87), «некиим» (с. 90), «не дооцениваешь» (с. 90), «совладело» и «быть с ним на чеку» (с. 112), «небораспирающих» (с. 141, вместо «нёбораспирающих»), «исподную сторону» (с. 142), «в конец испорченным» (с. 187), «в более строго […] стиле» (с. 196, вместо «строгом»), «в розовом оцепении» (с. 245), «в абрикосовую мглу влажного веера» (с. 291, вместо «вечера»), «ниже следующее решение» (с. 338), «путманского издания» (с. 349) и т.д.

Некоторые ошибки исходного издания не только не исправлены, но и перенесены в комментарий. К примеру, уже упомянутое зашифрованное послание Моны, содержащее имя антагониста и неправильно (в отличие от рукописи) выделенное жирным шрифтом с буквы «с», в Л-1991 так и воспроизводится: «то**ску иль ти**шь» (с. 247), а в комментарии эта ошибка не отмечается: «Во второй строке этих стихов […] зашифрован совет Моны предпочесть Гумберту автора пьесы Куильти» (с. 391)[53]. Ошибочно напечатанное в книге со строчной буквы имя персонажа итальянской комедии так и воспроизводится в комментариях: «*напомнили мне так называемого “бертольда”...* — Имеется в виду главный герой трех итальянских новеллистических циклов […]» (с. 390). Искаженное в книге имя героя «Кармен» («Хозе Лизачовендоа, в известном романе Меримэ, собирался увезти свою Кармен в Etats Unis [sic!]», с. 220) так и приводится в комментариях Долинина, причем им не исправляется не только имя персонажа (Лиззарабенгоа, в английском оригинале «Лолиты» написано правильно[54]) и ошибочное указание, что «Кармен» — роман (на самом деле новелла), но и ошибка во французском названии Соединенных Штатов, правильно: “États-Unis”.

Основные искажения, привнесенные в Л-1991, следующие:

[53] На наш взгляд, многоопытная не по годам Мона здесь признается уехавшей две недели назад из Бердслея Лолите, что второй роман у нее был с Куильти («Об одном моем романе ты знаешь, о другом только думаешь, что знаешь», — говорит она Лолите в том же письме) — опасный роман, из-за которого отец и отправил ее в Париж. Предположение, что Мона вдруг советует Лолите «предпочесть Гумберту […] Куильти», тем более странно, что Лолита уже давно и не без ее участия сделала свой выбор, и ее внезапный отъезд из Бердслея («Маршрут выбираю я», — сказала она) как раз и был продиктован ее сговором с Куильти, с которым она задолго до этого договорилась морочить ненавистного Гумберта.

[54] Эта ошибка вызвана тем, что в рукописи перевода вторая часть имени персонажа была написана латиницей: «Лиззarrabengoa», которую машинистка приняла за кириллицу: «rr» за «ч», «b» за «в», «g» за «д».

В уже приводившемся предложении «И как если бы я был сказочной нянькой маленькой принцессы (потерявшейся, украденной, найденной, одетой в цыганские лохмотья, сквозь которые ее нагота улыбается королю и его гончим)…» (с. 29). В Л-1991 «его [т.е. короля] гончим» заменено на бессмысленное «ее [т.е. Лолиты] гончим» (с. 53).

В гл. 3, Ч. II: «Вот тогда-то мы едва-едва не попались» (с. 152). В Л-1991: «Вот тогда-то мы едва не попались» (с. 189).

В той же главе: «Больше всего она любила следующие сорта фильмов, в таком порядке: музыкально-комедийные, гангстерские, ковбойские. В первых, настоящим певцам и танцорам […]» (с. 153). Сбитый с толку запятой после «первых» публикатор в Л-1991 вновь делает искажающую смысл замену: «Во-первых, настоящим певцам» (с. 190).

В гл. 16, Ч. II: «Мы ехали не спеша, так как у нас была целая неделя, чтобы достичь Уэйс […]» (с. 191), в Л-1991 вновь бессмысленная замена: «Мы уехали не спеша» (с. 232).

В той же главе: «Все автомобили отбыли, кроме его шарабана; туда влезала его брюхатая молодая жена со своим младенцем и другим, более или менее отмененным ребенком» (с. 196, что точно воспроизводит оригинал: “more or less cancelled child”). В Л-1991, публикатор, не поняв смысла предложения, вновь делает диковинную замену: «отменным ребенком» (с. 238)! Как вообще ребенок может быть «более или менее отменным»?

В гл. 19, Ч. II Мона в своем письме сообщает: «После завтра [sic] меня увозят в Нью-Йорк» (с. 204). В Л-1991 нелепейшая замена: «После завтрака меня увозят в Нью-Йорк» (с. 246)!

В гл. 26, Ч. II: «мы с Ритой снимали квартирку с видом на глянцевитые тела мальчиков и девочек[,] игравших под душами[,] далеко внизу, в водометной дубраве Центрального Парка» (с. 241). В Л-1991 вновь замена: «тела мальчиков и девочек игравших под дубами» (с. 287)! Читая «Лолиту» в этом издании (выпущенном стотысячным тиражом), читатель должен был бы усомниться в мастерстве прославленного стилиста Набокова, ставящего рядом «дубы» и «дубраву».

Испорченное издание 1991 г. легло в основу нового комментированного издания «Лолиты», выпущенного в 1997 г. в собрании сочинений Набокова (далее — Л-1997)[55]. В преамбуле к своим

[55] *Набоков В.* Собр. соч. американского периода: В 5 т. / Сост. С. Ильина и А. Кононова. Коммент. А. Люксембурга. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 1997. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

комментариям А. Люксембург отметил: «Американские издания русскоязычной “Лолиты”, с которых до сих пор осуществлялись перепечатки романа в нашей стране, грешат опечатками, ненормативной орфографией и пунктуацией, причем обычному читателю далеко не всегда ясно, были ли эти неправильности внесены Набоковым сознательно. В настоящем издании впервые предпринята попытка приблизить текст к нормам современного русского языка и в то же время не нарушить авторского замысла» (с. 601).

Благое намерение потерпело полную неудачу, хотя в Л-1997 и был исправлен ряд опечаток. Собрав урожай новых, внесенных в Л-1991 ошибок, оставив и «ее гончим», и «уехали не спеша», и «отменного» ребенка, и «после завтрака», и «дубы» в дубраве, А. Люксембург дополнил текст новыми ошибками, новыми произвольными заменами, не оговоренными в его комментариях, по большей части переписанных у Долинина.

Одураченному преамбулой А. Люксембурга «обычному читателю» этого издания пришлось принять на веру, что Набоков, к примеру, в гл. 28, Ч. I написал так: «Я оставил Лолиту, все еще сидящую на краю бездонной постели, дремотно поднимающую ногу […] и при этом показывающую неполную сторону голой ляжки» (с. 153). Межу тем у Набокова Лолита показывает «исподную [sic] сторону голой ляжки» (с. 109).

Или что в гл. 14, Ч. II сказано: «Так как говорилось, что музыка связана с увлечением балетом и сценой, я позволил Лолите […]» (с. 249), в то время как у Набокова не абстрактное утверждение, а конкретное: «музыка связана с ее [т.е. Лолиты!] увлечением балетом и сценой» (с. 184).

В гл. 29, Ч. II в диалоге Г.Г. с Лолитой:

> «Ах, гадости… Ах я, нет, право же, я…» […] Нет — не могла, отказывалась подробнее объяснить в присутствии ребенка, которого несла.
>
> Что ж, дело (с. 257).

В Л-1997 публикатор считает нужным вставить «ее»: «Что ж, ее дело» (с. 339), не понимая, что у Набокова здесь использован речевой оборот, выражающий одобрение: дело говоришь, согласен (в оригинале: “That made sense”, p. 277).

В гл. 32, Ч. I Набоков транслитерирует название американского штата Maine как Мэйн (с. 124, такое написание еще встречалось

в СССР в конце 1950-х гг.[56]), но в тексте Л-1997 — «Мэн» (с. 173). Так же по-своему Набоков транслитерировал название штата Айдахо как «Идаго» (с. 141), но отчего-то в Л-1997 это написание не исправляется (с. 195). Или искажение другого рода: нечувствительный к набоковской иронии публикатор в предложении «в известной пьесе Сада на последях вызывают из сада садовника» (с. 292) заменяет просторечие «на последях» нейтральным «напоследок» (с. 300).

Но еще хуже приведенных бездумных вторжений оказалось другое. В преамбуле к комментариям А. Люксембург сообщает, что он поместил набоковское приложение «Перевод иностранных терминов» в «единый комментарий к тому» (с. 601), однако не сообщает, что при этом исключил из него часть текста. Читатель Л-1997 никогда не узнает, к примеру, набоковского суждения в отношении упомянутого в гл. 8, Ч. I произведения: «Jean-Christophe — посредственный роман Р. Роллана» (с. 300), поскольку в Л-1997 эта оценка не приводится (с. 610), или же набоковское примечание к переводу французской фразы в гл. 1, Ч. I: «ce qu'on appelle "Dixieland"» — «что называется Диксиланд (пошлое название южных штатов)» (с. 301). В Л-1997: «что называется "Диксиланд" (*фр.*). "Диксиланд" — собирательное название южных штатов» (с. 624).

В результате этого своеволия из книги оказались исключены фрагменты набоковского текста, нарушена авторская композиция книги, утрачена связь набоковского приложения (отмеченного теми же элементами его стиля и литературной игры, что и само повествование) с основным текстом романа.

Парадоксальным образом это издание, претендующее на исправленное, оказалось еще более неисправным, чем долининское издание 1991 г. Л-1997, в свою очередь, легло в основу всех последующих, так называемых «стереотипных» изданий романа в России, права на который последние годы принадлежат издательству «Азбука».

В свете такой несчастливой судьбы «Лолиты» в России неудивительно, что типовое «азбучное» издание романа, помимо подробно описанных нами изначальных проблем первого издания 1967 г., не только унаследовало пропуски и ошибки Л-1991 и Л-1997, десятилетиями караваном идущие из книги в книгу (мы находим в нем и «ее гончих» вместо «его гончих», и «неполную сторону голой ляжки», и «после завтрака» вместо «послезавтра», и «связана с увлечением» вместо «связана с ее увлечением», и «Во-первых» вместо «В пер-

[56] Ср.: «Мистер Майкл Шонджейнс, руководитель профсоюза рабочих текстильной промышленности в штате Мэйн» (*Боноски Ф.* Нищета в США // Огонек. 1959. № 28, июль. С. 7).

вых», и «Что ж, ее дело» вместо «Что ж, дело», и проч.), но пополнилось новыми искажениями.

В «азбучном» издании романа 2007 г. (далее Л-2007)[57], с уже восстановленным в гл. 3, Ч. II выпавшим фрагментом в переводе Д.В. Набокова, прежде всего обнаруживаются новые ошибки во французских словах и фразах. Не зная, к примеру, что во французском языке “Mlle” — это сокращение от “Mademoiselle” (у Набокова “Mlle Edith”, с. 14), публикаторы в Л-2007 превращают его (намеренно или нет) в имя: “Mile Edith” (с. 36). Или в гл. 29, Ч. II цитата из «Кармен»: “allons vivre quelque part où” (с. 258) в Л-2007 искажается в двух местах: «aliens [sic!] vivre quelque part oú [sic!]» (с. 413).

В гл. 11, Ч. I: «Держа лист и продолжая его изучать» (с. 38), в Л-2007: «Держа лист и продолжав [?] его изучать» (с. 73).

В гл. 1, Ч. II: “Nous connûmes разнородных мотельщиков” (с. 129), в Л-2007 «мотельщики» заменены на «метельщики» (с. 212), очевидно, от слово «метла». И далее вновь: «проникавшем из метельного двора сквозь жалюзи» (с. 423) — здесь уже читатель подумает о метели.

Таким образом, в результате поэтапной порчи текста романа в России в 1991–1997 гг. в двух его главных комментированных изданиях, наибольшее число всевозможных ошибок и разного рода искажений оказалось сосредоточено в типовом «азбучном» издании «Лолиты», тиражируемом уже свыше десяти лет, читаемом самой широкой аудиторией и цитируемом в многочисленных научных работах.

Дело, однако, как могло бы показаться, не безнадежно. Разумеется, не на все вопросы найдутся ответы в архивах и набоковской корреспонденции, однако изучение оригинала романа, трех редакций написанного по нему сценария и, наконец, его русской версии, а также работа по восстановлению авторского текста русского перевода «Лолиты» на основе рукописи и первого американского издания 1967 г., частью материалов и наблюдений которой мы поделились в настоящей статье, позволяют устранить множество разного рода искажений и дефектов и приступить к подготовке первого критического русского издания романа. Универсального метода исправления дефектных изданий не существует. Как указал Г.О. Винокур,

[57] *Набоков В.* Лолита. СПб.: Азбука-классика, 2007. Далее страницы этого издания приводятся в тексте.

> Какой бы единый критерий ни клали мы в основание критического анализа, он будет несомненной абстракцией […] Точно такой же абстракцией будет и всякая теория, заранее предуказывающая, что и как надлежит оценивать, или предлагающая твердые оценочные принципы. […] Только конкретное изучение всякий раз отдельно взятого факта, в широком и предельном его филологическом истолковании, может дать нам точный ответ на вопрос: дефектно ли данное изложение или же оно только кажется нам таким. В области практической, когда наши критические суждения принимают форму критики *текста*, это означает, что только конкретная интерпретация каждого отдельного варианта или списка, в предельном его освещении филологическим комментарием, может дать нам ответ на вопрос: что же следует печатать. […] Мы не можем закрывать глаза и на такие случаи, когда последняя авторизованная редакция не является авторитетной. Мы не можем забывать, что всякого рода лапсусы, опечатки, а то и более существенные отклонения от задания […] легко могут угнездиться и в последней, т.е. при механическом подходе к делу — наиболее авторитетной редакции[58].

Наш метод подготовки выверенного издания романа предусматривает восстановление выпавших при переводе и затем на стадии машинописи и верстки фрагментов текста, выявление и включение спорных мест и вариантов в текстологический комментарий (в том случае, если невозможно сказать, что отсутствующий в тексте фрагмент не был исключен автором на более поздних стадиях правки), унификацию написания топонимов и имен собственных (Поэ — По, Лезли — Лесли, Холливуд — Голливуд, Клаймакс — Климакс, Теллюрид — Теллурид и т.д.), уточнение транслитераций, исправление описок, грамматических и прочих ошибок первого издания, а также исправление, в согласии с авторским замыслом и пометками на страницах рукописи перевода, оставленных по недосмотру следов дореформенной орфографии и синтаксиса с сохранением при этом старых и разговорных форм слов и выражений, отражающих авторский словарь и манеру (например, «равнозначуще», «Джемса Первого», «усумнился», «чорт», «лезбиянка», «Мэйн», «ветряный день», «на последях» и т.д.). Такая работа подобна кропотливой, слой за слоем, реставрации поврежденной картины — к счастью, эскизы и даже весь обрамленный оригинал, с которого создавалась красочная копия, в нашем распоряжении.

58 *Винокур Г.* Критика поэтического текста. М.: ГАХН, 1927. С. 44–45.

Литература

Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.

Виноградов В.В. История слов. М.: РАН, 1999. 1138 с.

Долинин А. Комментарии // Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука, 2015. С. 385–444.

Набоков В. Лолита / Пер. с англ. автора. New York: Phaedra Publishers, 1967. 304 с.

Набоков В. Лолита / Вступ. ст. и коммент. А. Долинина. М.: Художественная литература, 1991. 415 с.

Набоков В. Лолита // Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 2 / Сост. С. Ильина и А. Кононова. Коммент. А. Люксембурга. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 11–391.

Набоков В. Лолита. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.

Переписка Набоковых с Профферами / Публ. Г. Глушанок и С. Швабрина. Пер. с англ. Н. Жутовской // Звезда. 2005. № 7. С. 123–170.

Проффер К. Ключи к «Лолите» / Пер. с англ. Н. Махлаюк и С. Слободянюк. Послесл. Д.Б. Джонсона. СПб.: Симпозиум, 2000. 302 с.

Barabtarlo G. Aerial View. Essays on Nabokov's Art and Metaphysics. New York: Peter Lang Publishing, 1993. 301 p.

Dolinin A. Lolita in Russian // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995. P. 321–329.

Grayson J. Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford University Press, 1977. 257 p.

Nabokov V. Strong Opinions. New York: Vintage, 1990. 335 p.

Nabokov V. The Annotated Lolita / Ed., with Preface, Intr. and Notes by Alfred Appel, Jr. New York et al.: Penguin Book, 1991. 457 p.

Paperno S., Hagopian J.V. Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union // The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories / Ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York: Center for International Studies, 1984. P. 99–118.

References

Barabtarlo G. *Aerial View. Essays on Nabokov's Art and Metaphysics*. New York, Peter Lang Publishing, 1993. 301 p.

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody. Biografia* [Vladimir Nabokov. The American Years. A Biography]. St. Petersburg, Symposium Publ., 2010. 950 p. (In Russ.)

Dolinin A. "Lolita" in Russian. *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, ed. by V.E. Alexandrov. New York & London, 1995, pp. 321–329.

Dolinin A. Kommentarii [Commentary]. Nabokov V. *Lolita*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015, pp. 385–444. (In Russ.)

Grayson J. *Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose*. Oxford University Press, 1977. 257 p.

Nabokov V. *Lolita*, transl. into Russian by the author. New York, Phaedra Publishers, 1967. 304 p. (In Russ.)

Nabokov V. *Strong Opinions*. New York, Vintage, 1990. 335 p.

Nabokov V. *The Annotated Lolita*, ed., with preface, intro. and notes by A. Appel, Jr. New York et al., Penguin Book, 1991. 457 p.

Nabokov V. *Lolita*, intro. and notes by A. Dolinin. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 415 p. (In Russ.)

Nabokov V. Lolita. *Sobraniie sochinenii amerikanskogo perioda: V 5 t. T. 2* [Collected works of american years in 5 vol. Vol. 2], ed. by S. Il'in and A. Kononov, comment by A. Luxemburg. St. Petersburg, Symposium Publ., 1997, pp. 11–391. (In Russ.)

Nabokov V. *Lolita*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 480 p. (In Russ.)

Paperno S., Hagopian J.V. Official and Unofficial Responses to Nabokov in the Soviet Union. *The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscence and Stories*, ed. by G. Gibian and S.J. Parker. Ithaca, New York, Center for International Studies, 1984, pp. 99–118.

Perepiska Nabokovykh s Profferami [Vladimir & Véra Nabokov correspondence with Carl & Ellendea Proffer], publ. by G. Glushanok and S. Shvabrin, transl. from English by N. Zhutovskaia. *Zvezda*, 2005, no. 7, pp. 123–170. (In Russ.)

Proffer K. *Kliuchi k "Lolite"* [Keys to "Lolita"], transl. from English by N. Mahlaiuk and S. Slobodianiuk, foreword by D.B. Johnson. St. Petersburg, Symposium Publ., 2000. 302 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istoriia slov* [The history of words]. Moscow: Russian Academy of Science Publ., 1999. 1138 p. (In Russ.)

Capital restoration. The Russian version of “Lolita”: From the manuscript to the book

© 2018, Andrei Babikov

Abstract: The article focuses on the history of creation and publication of the Russian translation of “Lolita” (1967). Based on Nabokov’s manuscript of the Russian translation of the novel and other archival materials from the New York Public Library (Berg Collection), on one hand, and on the comparison between the translation and the original text of the novel, on the other, the present analysis for the first time examines different types of numerous distortions, omissions, flaws and mistakes added by the typist in the Russian version of the novel and in its further reprints and editions in Russia. Certain approaches and principles, formulated in the article, allow starting the preparation of the first critical, textually correct edition of the novel.

Keywords: Vladimir Nabokov, “Lolita”, history of publication, archival materials, self-translation.

Information about the author: Andrei Babikov, an independent scholar, Moscow, Russia.

E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Citation: Babikov Andrei. Capital restoration. The Russian version of “Lolita”: From the manuscript to the book. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 335–383.

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-384-436
УДК. 821.161.1

«Накоплен огромный опыт, но не обобщен…»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана

© 2018, М.А. Фролов

Аннотация: Публикация включает в себя неизвестные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана, посвященные вопросам текстологии, впервые публикуемые по сохранившимся стенограммам (Архив РАН) и автографам (РГАЛИ). Вступительная статья, основанная на материалах личного архивного фонда ученого, его переписке с коллегами и иных печатных и архивных источниках, рассказывает об эволюции взглядов ученого на значение и задачи текстологии, о его собственной многолетней эдиционной практике, об участии в подготовке академических изданий наследия А.С. Пушкина, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, В.Г. Белинского, о его опыте решения конкретных эдиционно-текстологических задач.

Ключевые слова: Ю.Г. Оксман, А.С. Пушкин, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, В.Г. Белинский, текстология.

Информация об авторе: Максим Андреевич Фролов, к.ф.н., с.н.с., ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: m.a.frolov@gmail.com

Цитирование: *Фролов М.А.* «Накоплен огромный опыт, но не обобщен…»: Неопубликованные выступления и заметки Ю.Г. Оксмана // Литературный факт. 2018. № 9. С. 384–436.

Обстоятельства научной биографии историка литературы, пушкиниста, текстолога Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970) сложились таким образом, что начиная с середины 1920-х гг. он был вовлечен в интенсивную деятельность отечественной литературоведческой школы по разработке и применению на практике принципов текстологической подготовки как академических, так и неакадемических изданий литературного наследия писателей и литературных критиков XIX столетия — Пушкина, Тургенева, Герцена, Белинского, Добролюбова, Рылеева, принципов научного комментирования и редактирования. Одним из активнейших участников этого процесса Оксман продолжал оставаться вплоть до последних лет жизни.

Поскольку в систематизированном виде этот многолетний опыт не был осмыслен им теоретически, скажем, в виде монографии, учебного пособия или учебно-методических разработок (таких, например, как труды Б.В. Томашевского, С.А. Рейсера, С.М. Бонди, Д.С. Лихачева и других ученых), нам представляется актуальной и востребованной попытка хотя бы кратко рассказать о текстологических взглядах Оксмана и познакомить читателя с его заметками и выступлениями по вопросам текстологии, которые еще не введены в научный оборот. Часть из них сохранилась в фонде Оксмана в РГАЛИ в виде набросков и заметок, а другая — в Архиве РАН в виде стенограмм. Обращаем внимание на то, что стенограммы в данном случае являются единственным источником информации об этих выступлениях Оксмана, так как упоминания о них сохранились только в переписке, а в архиве ученого документальные свидетельства работы над ними практически отсутствуют. Все очевидные оговорки Оксмана, равно как аналогичные ошибки и описки в стенограммах, исправляются нами без дополнительных примечаний.

До настоящего времени в печати появились четыре публикации выступлений Оксмана по проблемам текстологии и эдиционной практики (разумеется, помимо прижизненных публикаций ученого на эту тему). В 1996 г. В.А. Викторович опубликовал стенограмму выступления Оксмана на конференции по обсуждению юбилейного издания собрания сочинений Л.Н. Толстого (ноябрь 1935 г.). Затем, в 2003 г. В.Д. Рак напечатал фрагменты из доклада Оксмана «О некоторых текстологических и композиционных особенностях академических изданий Пушкина» (сопроводив их публикацией наиболее интересных выступлений коллег ученого — Д.Д. Благого, Т.Г. Цявловской, С.М. Бонди, Н.В. Измайлова, О.С. Соловьевой — в процессе обсуждения доклада), прочитанного на Одиннадцатой

Всесоюзной Пушкинской конференции 4 июня 1959 г., а также фрагмент из выступления Оксмана и Цявловской на публичном обсуждении десятитомного собрания сочинений Пушкина (издание выходило в свет в 1959–1962 гг.), происходившем 6 февраля 1963 г. в Москве в Государственном музее А.С. Пушкина. В 2005 г. С.И. Пановым была введена в научный оборот стенограмма выступления Оксмана, состоявшегося в декабре 1935 г. на заседании Пушкинской комиссии, которая является одним из последних документальных свидетельств публичных выступлений ученого по вопросам текстологии в 1930-е гг. (далее в научной деятельности Оксмана наступил десятилетний перерыв, связанный с трагическими обстоятельствами его биографии). Наконец, в 2017 г. В.С. Парсамов опубликовал небольшой фрагмент из заметок Оксмана к специальному курсу лекций «Вопросы текстологии», которые мы публикуем полностью[1].

После возвращения из мест заключения (в конце 1946 г.) в течение нескольких последующих лет ученый, работая на кафедре истории русской литературы Саратовского университета, вплотную занимался преимущественно проблемами биографии и текстологии Пушкина и Белинского. В частности, в это время он систематизировал и готовил к печати свои замечания по академическому Пушкину, а когда в 1953 г. начался выпуск собрания сочинений Белинского, Оксман, занятый методологическими вопросами подготовки подобных изданий, стал внимательно следить за работой редакционного коллектива. Совершенно естественно, что в эти годы ученый время от времени делал попытки фиксировать на бумаге собственные размышления. В частности, до нас дошли отрывочные, но, безусловно, содержательные заметки «Вопросы композиции в изданиях классиков», датируемые нами предположительно первой половиной 1954 г. В них уже пунктирно намечаются как принципиальные положения, исходя из которых ученый будет в дальнейшем строить свою редакторскую и комментаторскую работу, так и предпочтения, которые отразятся в его печатных и устных выступлениях.

[1] См.: *Оксман Ю.Г.* Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого 11 ноября 1935 г. в Пушкинском Доме / Публ. В.А. Викторовича // Сюжет и время: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова. Коломна, 1991. С. 188–192; XI Всесоюзная Пушкинская конференция; Обсуждение в Московском гос. музее А.С. Пушкина Собрания сочинений А.С. Пушкина (М.: Гослитиздат, 1959-1962). 6 февраля 1963 // *Рак В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 229–245; *Оксман Ю.Г.* Николай Осипович Лернер / Вступ. статья и публ. С.И. Панова // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). СПб., 2005. С. 164–214; *Парсамов В.С.* Ю.Г. Оксман и революция 1917 г. // Вестник РГГУ (Серия «История. Культурология. Филология. Востоковедение»). 2017. № 5 (26). С. 92–108.

Так, например, Оксмана очень беспокоила намечавшаяся в текстологической практике тенденция: работа редактора зачастую сводилась к транскрибированной передаче в издании всех имеющихся в его распоряжении материалов. Опасность ее заключалась в том, что работа творческая, предполагающая ответственность текстолога за выбор основного текста, как и за выбор представленных в издании дополнительных материалов, разъясняющих читателю историю создания художественного произведения, уступала место механическому их воспроизведению. С этим Оксман связывал стремление редакторов переносить в основной раздел тома сопутствующие материалы, предназначенные для публикации в разделе «Другие редакции и варианты». Следует подчеркнуть, что взгляды самого Оксмана с течением времени претерпевали определенную эволюцию. В издании Рылеева, подготовленном им в 1934 г., тексты наиболее существенных редакций и вариантов приводились ученым, конечно, не в подстрочных примечаниях к основному тексту, а в рамках комментария. Впоследствии он пришел к более традиционному пути — к публикации этих материалов в специальном разделе «Другие редакции и варианты». В публикуемых нами заметках проявилось также и отрицательное отношение Оксмана к злоупотреблению единым хронологическим принципом при выстраивании композиции издания.

Весной 1954 г. ученому представилась возможность высказать в присутствии большого числа коллег свое мнение о состоянии академического книгоиздания. 12 мая в Москве Оксман выступил с докладом на Всесоюзном совещании по вопросам текстологии, организованном Институтом мировой литературы совместно с Пушкинским Домом. За четыре дня, с 10 по 13 мая, на совещании прозвучали доклады и сообщения (в том числе выступления в прениях) М.П. Алексеева, В.С. Нечаевой, Д.Д. Благого, Н.К. Гудзия, Б.В. Томашевского, Б.П. Козьмина, П.Н. Беркова и других авторитетных текстологов. Отталкиваясь от основных положений доклада Благого «Типы советских изданий писателей-классъиков»[2], Оксман в своем

[2] Благой говорил о необходимости полной договоренности о типах издания: *научных*, ставящих перед собой задачу установления канонического текста и создания научно-исследовательского комментария; *популярных*, которые должны опираться на научные издания; *академических*, ставящих, помимо задач научного издания, еще и задачу воспроизведения всех дошедших до нас печатных и рукописных вариантов, документирующих все стадии творческой работы писателя (см.: Совещание по вопросам текстологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392). В докладе Благого было высказано несколько замечаний, сближающих его точку зрения со взглядами Оксмана, в частности на опасность произвольности редакторского выбора и на жанровую специфику различных типов издания: «…выпуск полного собрания сочинений того или иного

выступлении затронул вопрос о процессе формирования нового типа советского академического издания, о его основе — эдиционном опыте предреволюционных и первых послереволюционных десятилетий, о проблемах и задачах, которые предстояло решить новым поколениям текстологов. Высказывая свою точку зрения на эту проблему, Оксман, по сути дела, сформулировал ряд критериев, по которым можно было бы, по его мнению, судить о том, является издание академическим или нет. Главным же объектом его критики стало полное собрание сочинений Белинского в 13 томах[3], поскольку оно, во-первых, было заявлено редакторами как академическое, а во-вторых, к моменту проведения совещания из печати вышла лишь четвертая часть издания — три первых тома, что было поводом внимательно познакомиться с достижениями и недостатками в работе редакторов и комментаторов. Первому и главному принципу, заявленному Оксманом в самом начале выступления, издание сочинений Белинского не отвечало, что позволило ученому сделать вывод об основном текстологическом его недостатке, изначально поведшем редакцию по неправильному пути: «Академическое издание Белинского, которым я буду пользоваться, как примером, основано не на критическом изучении первоисточников, а на критическом изучении предшествующих изданий. Это грубая ошибка редколлегии».

Высказать свою точку зрения на еще одну текстологическую проблему, которой, по его мнению, не уделялось достаточного внимания, — атрибуцию — Оксмана заставил доклад Нечаевой. Он был посвящен главным образом вопросам установления «основных» («канонических») текстов литературных произведений и выдвигал в качестве основного принципа текстологической работы принцип

писателя-классика Академией Наук отнюдь еще не делает данного издания изданием академическим <…> Есть довольно распространенное мнение, что даже в академических изданиях нет необходимости воспроизводить все варианты, а следует идти выборочным путем <…> Мне представляется, что такой выборочный способ воспроизведения вариантов, не говоря о том, что он содержит много субъективных моментов, прямо противоречит основной цели академического издания <…> издание научного типа, в особенности, академическое издание не должно ставить непосредственно перед собой задачу популяризации творчества данного писателя, хотя, в конечном счете, они этому могущественно способствуют, создавая твердую научную текстологическую базу для изданий популярного типа. Наоборот, перед изданием массового назначения не должна стоять и не стоит непосредственно задача научно-исследовательского порядка, хотя массовое издание должно выполняться на высоком научном уровне, достигнутом к данному времени литературной наукой, и в этом смысле мы можем называть эти издания научно-популярными изданиями» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 36, 31–32).

[3] *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Состав редколлегии издания был следующим: Н.Ф. Бельчиков (главный редактор), Д.Д. Благой, Б.И. Бурсов (зам. главного редактора), А.Г. Дементьев, В.А. Десницкий, В.С. Нечаева, Н.К. Пиксанов, В.С. Спиридонов, Б.В. Томашевский.

«ненарушимости авторской воли» (подчеркивая право текстолога, при наличии убедительной аргументации, восстанавливать ее там, где она нарушена)[4]. Главная мысль, объединявшая доклады Нечаевой и Оксмана, заключалась в том, что при выборе и подаче в академическом издании редакций и вариантов одинаково недопустимы как произвольность в их публикации, так и полный отказ от необходимости выбора или, во всяком случае, правильного и последовательного учета имеющихся материалов. В своем докладе Оксман привел примеры, подтверждающие, что неполноценное и неточное воспроизведение текстологических материалов приводит к затруднению и ошибкам в понимании и интерпретации художественного произведения. Наконец, в завершение критического разбора первых томов академического издания Белинского Оксман еще раз коснулся вопроса о последствиях, к которым приводит недостаточно внимательное отношение текстолога к проблемам датировки, более того — о ее связи с самой историей появления того или иного текста.

Доклад, публикуемый нами, интересен еще и тем, что в нем Оксман попытался определить для себя содержание понятия «текстология»: в его понимании всегда существовала неразрывная связь текстологии и источниковедения. Это один из редких примеров опыта подобных размышлений ученого, поэтому позволим себе процитировать соответствующий фрагмент стенограммы: «…я к текстологии пришел от истории, от источниковедческих семинаров. И мне кажется, что текстология — это часть литературного источниковедения, которое, конечно, есть научная дисциплина, имеющая многовековые традиции. Об этих традициях напоминали нам и академик

[4] Совещание по вопросам текстологии… С. 395. В выступлении Нечаевой мы также находим некоторые утверждения, которые содержательно пересекаются с основными положениями доклада Оксмана: «…основной текст становится каноническим текстом после того, как он критически рассмотрен текстологом и освобожден от всех вкравшихся в него, помимо воли автора, искажений. Если таких искажений нет, то основной текст является текстом каноническим <…> провозглашая своим главным принципом ненарушимость воли автора, беря за основной текст тот, в котором нашел отражение последний, окончательный этап работы писателя, текстолог не может механически руководствоваться этими положениями. Если в огромном большинстве случаев именно последнее прижизненное издание, в котором принимал участие автор и будет служить основным текстом для установления канонического, то всё же в отдельных случаях… текстолог имеет право отступать от указанных положений, соответственным образом мотивировав свое отступление <…> Текстолог обязан критически проанализировать основной текст, обязан изъять из него явные цензурные искажения, восстановить пропуски, исправить ошибки переписчика и описки автора, опечатки набора, но он должен к каждому случаю исправления относиться со всей серьезностью и осторожностью, привести доказательства, обосновать вносимые изменения, не гоняясь за новыми вариантами и не ставя себе задачу “улучшить” стиль писателя» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 73, 93, 123).

<В.В.> Виноградов, и <М.П.> Алексеев[5], и <Д.С.> Лихачев. Это традиции, в которых текстология никак не фигурирует, а методика изучения текстов всегда выходила на первый план, а методика изучения текстов всегда входила в литературное источниковедение»[6].

[5] Ср. с интереснейшими соображениями и оценками, высказанными в пленарном докладе М.П. Алексеева, который отмечал «настойчивое стремление считать текстологию наукой, а не комплексом вспомогательных навыков, применяемых для достижения определенных научных целей» и «самую терминологию, бытующую среди текстологов, в которой еще немало произвола, несогласованности, смешения понятий, случайностей, допускающих споры не по существу, а иногда и вовсе бесполезных». Надо сказать, что сходным было отношение Оксмана и Алексеева к самому понятию «воли писателя» и его определениям, носящим категорический, но в то же время не до конца проясненный характер, с чем, по мнению Алексеева, были связаны «непоследовательные попытки отстаивать так называемую “волю писателя”, понимаемую нередко в абстрактном, почти метафизическом смысле, и приводящие иногда к утрате объективно-исторического критерия публикуемого текста» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 19–20). Близкие процитированным выше определения прозвучали также в докладах Б.В. Томашевского («…никакой рецептуры, никаких фокусов для решения текстологических задач нет. Решение текстологических задач производится на основании науки и здравого разума <…> Есть два единых принципа: первый — будь честен, второй принцип — ищи истину <…> Практическая дисциплина все-таки текстология, научная, но не наука. Не надо путать систему знаний и практическую дисциплину, направленную к тому, чтобы построить собрание сочинений. Это, если хотите, текстология <…> Задача текстологии изучать текст. Это есть практическая дисциплина. А теоретической наукой является филология. Это есть применение филологических знаний к практической деятельности») и Т.Г. Цявловской («Можно ли составлять инструкции по такому тонкому, сложному, чреватому неисчислимым количеством неожиданностей предмету, как подготовка авторского текста? Это уже вопрос. Не только каждый писатель, но и каждое произведение таит в себе свои, ему одному принадлежащие трудности. А предлагается установить канонический текст. Это — заведомо ошибочное понятие, отзывающее невероятной в наш век схоластикой»). См.: Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 40, 48, 49; Ед. хр. 329. Л. 13.

[6] Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 82. Критике академического издания Белинского были посвящены еще три выступления Оксмана: 1) на Ученом совете ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР 6 мая 1954 г. с докладом «Об ошибках, допущенных в академическом издании полного собрания сочинений Белинского»; 2) с 21 по 22 декабря Оксман принимал участие, в качестве одного из докладчиков, в сессии редакционной коллегии Академического издания сочинений Белинского; 3) 25 мая 1960 г. (после завершения всего издания) на конференции по вопросам атрибуции анонимных литературных памятников, проходившей в ИРЛИ, ученый выступил с сообщением «Об ошибках в атрибуциях анонимных текстов Белинского в академическом издании его сочинений» (Отчеты о научно-исследовательской работе // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Л. 5, 22). Наиболее ранний отзыв об «академическом» Белинском, говорящий также о намерении и готовности Оксмана выступить с критикой на предстоящем текстологическом совещании, содержит его письмо к П.Н. Беркову от 31 декабря 1953 г.: «Я внимательно проштудировал новейшее издание Белинского (два первых тома) и пришел к заключению, что это издание не выдерживает никакой критики ни в текстовом отношении, ни в объяснительной части. Выбор основного текста никак не мотивирован, подлинные тексты Белинского исключены или изувечены, раздел “вариантов и других редакций” упразднен, атрибуции анонимных статей висят в воздухе, а в примечаниях объяснено всё то, что не требует объяснений, и обойдено молчанием всё, мало-мальски непонятное <…> Но главное — это непродуманность общих принципов издания, отсутствие предварительной источниковедческой работы, молчание об этих источниках (издание Кетчера, Галаховские списки, труды Венгерова и Спиридонова) <…> на что опирается новый Белинский? Видимо, только на Венгеровское издание, почему эта “тайна” скрыта от читателей? Так вот, мне хочется поднять на текстологическом совещании (которое

Через два года после того, как в Москве состоялось совещание по вопросам подготовки академических изданий, Оксман оказался непосредственным участником работы над одним из них — собранием сочинений Герцена в 30 томах. В августе 1956 г. Оксман был включен в состав редколлегии этого издания по представлению главного редактора В.П. Волгина[7]. Несколькими месяцами ранее, в марте 1956 г. в печати появилась написанная ученым еще в пору работы в Саратове обстоятельная рецензия, посвященная критическому разбору первых шести вышедших томов издания (всего к этому времени вышло из печати семь томов)[8]. Она ясно свидетельствует о том, насколько его волновал общий уровень научной подготовки очередного академического собрания сочинений, равно как и о том, насколько решительно он был настроен участвовать в его подготовке как редактор и комментатор. Рецензия интересна не только как отзыв внимательного критика, но и по форме: далеко выходя за пределы жанровой специфики, она представляет собой полновесную научную статью, содержательно дополненную историко-литературным критическим обзором, посвященным важнейшим дореволюционным и первым советским изданиям герценовского наследия, а также рассказом о печатной судьбе наследия Герцена на родине до 1917 г. и находках последних лет в крупнейших архивохранилищах страны (в частности о материалах коллекции Герцена-Огарева, переданных в СССР из Русского зарубежного исторического архива в Праге).

когда-нибудь все-таки состоится) вопрос о злоупотреблении в самой терминологии “академическое издание”» («Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 4. С. 205).

[7] РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 8; выписка из протокола заседания Бюро ОЛЯ АН СССР от 6 августа 1956 г. В архиве Оксмана сохранились материалы 1954–1960 гг., связанные с этим изданием: текстологические паспорта и проспекты томов, протоколы заседаний редакционной коллегии (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1092–1096).

[8] См.: *Оксман Ю.Г.* Новое издание Герцена // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 166–171. Текст рецензии был практически завершен и подготовлен к печати в самом начале 1956 г., об этом говорит, в частности, письмо Оксмана Б.П. Козьмину от 8 января: «На днях доделал свой разбор академического Герцена — присоединил еще два тома — V и VI. Впечатление общее у меня не изменилось — Герцен остается единственным подлинно академическим изданием» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 25об.). Спустя два месяца после выхода рецензии из печати в письме тому же корреспонденту Оксман, подводя итоги высказанным в опубликованном тексте замечаниям и соображениям, подчеркнул основной мотив, двигавший им во время написания и влиявший на отношение ученого к проблемам академического книгоиздания в целом: «Мне хотелось отметить в издании его отличия от того, что стало в последние годы стандартом академических полн<ых> соб<раний> соч<инений> классиков — потерю специфики (варианты или вовсе не печатаются или даются в произвольно сокращенных пропорциях, комментарий ничем не отличается от массовых изданий) <…> Не то Герцен! Это сделано всерьез, любовно, с соблюдением всех правил внешней и внутренней структуры акад<емического> издания и т.п.» (Там же. Л. 34–34об.).

Весной 1958 г., накануне выхода томов, содержащих статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1863 гг., перед редакцией издания встала серьезная проблема, обсуждению которой было посвящено специальное заседание Ученого совета Института мировой литературы «по вопросу о композиции XIII и последующих томов полного собрания сочинений А.И. Герцена», состоявшееся 28 апреля. Проблема заключалась в том, что единый хронологический принцип, принятый в качестве основного при выстраивании композиции томов издания, приводил, по мнению Оксмана и в особенности главного редактора Волгина, к смешиванию центральных, чрезвычайно значимых в литературном наследии писателя произведений с менее значимыми, второстепенными, а также к некоторому разнобою в отношении тематики и жанров публикуемых текстов. Этот вопрос многократно становился темой выступлений ученого.

На сей раз Оксманом был предложен принцип, который он назвал «жанрово-хронологическим». Причем Волгин трактовал этот принцип достаточно радикально, а Оксман старался найти решение если не универсальное, то, по крайне мере, дающее возможность при рассмотрении каждого конкретного случая в целом сохранять последовательность в выборе. На заседании ученый напомнил собравшимся, что в свое время им была подготовлена специальная записка, которая «родилась в результате сложных поисков выхода из тупика, в который мы попали после того, как большая часть членов редколлегии и Института была вынуждена пойти на уступки издательству Академии наук, отказаться от тех принципов, которыми руководствовались с самого начала». И далее в своем выступлении Оксман сказал следующее: «Это важно, когда мы будем оценивать причину и природу это отказа. Но этот отказ вынуждал искать других выходов. Тот выход, который намечается акад<емиком> Волгиным, вовсе не так смешон и наивен, как пытаются представить противники этих поисков другого выхода. Другое дело — это тот порядок, в котором осуществляется отделение одних статей от других. Здесь нужно очень тщательное взвешивание и обдумывание вопроса расположения материала, за что должна отвечать редколлегия в целом. Я думаю, что главный редактор не может решать этого вопроса единолично. Это — тактическая сторона дела. Второе принципиальное отличие моей позиции от позиции В.П. Волгина при отделении одного материала от другого. Вячеслав Петрович выдвигает принцип значимости в первую очередь. Мне кажется, что этот принцип и дает основа-

ние для тех нападок, которые были — о конкретном размещении материала в томах, которые привели к той неразберихе, за которую ухватились враги жанрового принципа расположения материала»[9]. Т.е. Оксман понимал под жанрово-хронологическим принципом учет не только тех особенностей, которые подразумевает само его название, но и той индивидуальной специфики, которая выявляется при публикации каждого отдельного произведения, от программной статьи до редакционного примечания в две-три строки или текста корреспонденции, обработанной Герценом для «Колокола»[10].

Решение, вынесенное по результатам обсуждения предложения Оксмана и Волгина, гласило: «Ученый совет поддерживает мнение большинства членов редколлегии и считает, что отход от хронологического распределения публицистического материала, помещенного Герценом в “Колоколе”, и разделение этого материала на более и менее значительные статьи, — открывает возможности для субъективного произвола и не отвечает научным задачам академического издания»[11].

Несмотря на столь категоричный отказ от смены принципа построения издания, редколлегия всё же приняла во внимание некоторые другие предложения, внесенные Оксманом еще два года назад, в самом начале его сотрудничества с Герценовской группой. Об этом свидетельствует отзыв ученого о рукописи тома 13, датированный 2 сентября 1956 г. Одно из предложений, высказанных в нем, касалось композиционного построения всего тома — Оксман предлагал ввести раздел, который бы включил различные тексты, носящие редакционно-прикладной характер, но не теряющие от этого своей

[9] НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 40. Ед. хр. 42. Л. 8.

[10] Позицию Оксмана проясняет его письмо к Козьмину, написанное за два дня до Ученого Совета, 26 апреля 1958 г.: «…на Уч<еном> Совете я постараюсь всё же обосновать теоретическую допустимость не только хронологического принципа композиции в чистом виде, но и сочетание принципа хронологического с жанрово-тематическим. Субъективистский дух появляется только в результате внесения в эту схему композиции принципов большей или меньшей значимости той или иной публикации. На мой взгляд оба раздела первой части должны быть равнозначны в общест<венно>-полит<ическом> и лит<ературном> отношении, техника их подачи (“спуски” или “в подверстку”) навязывается нам со стороны, в целях экономии бумаги — и только!» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 48об.–49).

[11] НИОР РГБ. Ф. 520. Карт 40. Ед. хр. 42. Л. 33. Единственной попыткой обосновать свой отказ от данного предложения и привести какие-либо аргументы в пользу мнения большинства членов редколлегии стало выступление С.А. Макашина, который считал, что «Ю.Г. Оксман совершает одну ошибку, которая заключается в том, что в отношении политической литературы и публицистики применяется критерий, который пригоден для художественной литературы и для другой литературы» (Там же. Л. 17). Остальные участники заседания вообще не сочли нужным вступать в серьезную полемику.

значимости: «В результате очищения основной части XIII тома от всего того, что не является литературным произведением в строгом смысле этого слова, мы не только удовлетворим естественные требования широкой читательской аудитории, но, что гораздо более важно, обеспечим необходимую стройность всей конструкции XIII тома в целом. В связи же с расширением последнего раздела тома можно было бы рекомендовать изменение и названия его — вместо “Заметки и редакторские примечания” определить эту часть XIII тома как: “Редакторские примечания, извещения и справки в “Колоколе”, “Полярной звезде”, “Голосах из России” и в других изданиях 1857–1858 гг.”. Весь этот раздел следовало бы печатать не в “Приложениях”, а в конце основной части XIII тома, с особым шмуцтитулом. Таким образом, последним разделом тома станет “Dubia”»[12]. Если мы обратимся к тексту вышедшего в 1958 г. тома 13, то увидим, что предложение Оксмана было принято практически без каких-либо изменений: после основного раздела «Статьи из “Колокола” и другие произведения 1857–1858 гг.» следуют разделы «Редакционные заметки, примечания, объявления», «Dubia», «Другие редакции» и в качестве «Приложения» — «Корреспонденции, обработанные в редакции “Колокола”»[13].

В том же отзыве можно найти интересные замечания Оксмана, касающиеся решения конкретных текстологических задач при публикации текстов Герцена. Так, например, текст «Предисловия», открывавшего первый выпуск «Колокола» и том 13 академического собрания, было решено печатать не по первоисточнику, а по его перепечатке в сборнике 1863 г. «Десятилетие Вольной Русской Типографии в Лондоне». Оксман обратил на это внимание редакции и предложил собственное решение: «Правомерно ли это? Ведь в сборнике 1863 г. это “Предисловие” воспроизведено не полностью, а с сокращениями характернейших цитат и с устранением весьма

[12] НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 40. Ед. хр. 37. Л. 3.

[13] К слову сказать, и включение последнего из перечисленных разделов в том состоялось благодаря инициативе Оксмана. Это подтверждает его письмо к Козьмину от 4 октября 1957 г.: «…Принадлежит мне инициатива введения только одного раздела в “Приложениях” — это “Статьи и документальные материалы, редакционно обработанные Герценом”. В этот раздел входят статьи и материалы, представляющие существенный общест<венно>-полит<ический> интерес (напр<имер>, “Освобождение крестьян”, “Проф. <П.В.> Павлов и Тимашевка”), в тексте кот<орых>, однако, доля участия Герцена, как автора, очень невелика и обычно чисто “химически” соединена с чужим материалом <…> Я и сейчас настаиваю на том, чтобы эта рубрика оставалась в наших томах <…> Что же касается первой части раздела “Приложения”, куда входят “Редак<ционно>-издат<ельские> заметки, вставки, информация, подстр<очные> примечания к чужим статьям” и т.п., то мое мнение таково, чтобы этот раздел шел после основного перед “Dubia”» (НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 37, 37об.).

существенного примечания Герцена. Принцип последней авторской воли — это очень правильный принцип, но им нельзя пользоваться механистически. Так, например, едва ли следует опираться на эту "последнюю волю", если она получила выражение не в нормальных условиях переиздания того или иного произведения, а при включении его в какую-нибудь хрестоматию, в сокращенные издания массовой литературы, в сборники для детского чтения и т.п. Сборник "Десятилетие Вольной Русской Типографии" — это юбилейная памятка, своеобразный информационный бюллетень хрестоматийного типа, очень ограниченный в своем листаже, а потому и требующий сокращения вводимого в него материала. Такие сокращения и были сделаны, может быть, даже не самим Герценом, а кем-либо из его технических сотрудников, каким-нибудь корректором или метранпажем. Если бы правка текста в юбилейном сборнике имела характер улучшения или уточнения тех или иных слов и строк, мы имели бы основание эту правку учесть (именно "учесть", а не принять безоговорочно)»[14]. В томе это предложение Оксмана было полностью принято — «Предисловие» было опубликовано по первопечатному тексту[15].

Второй пример редакторского и текстологического мастерства Оксмана — его решение вопроса о публикации в том же томе текста статьи Герцена «Über dem Roman aus dem volksleben in Russland (Brief an die Übersetzerin der "Fischer")». Впервые она была опубликована в качестве предисловия к немецкому изданию романа Д.В. Григоровича «Рыбаки» (перевод статьи, выполненный М. Мейзенбург, был авторизован Герценом), а ее автограф долгое время считавшийся утраченным, был обнаружен в 1940-е гг. в составе «Пражской коллекции». Л.Р. Ланский, редактировавший том, выбрал для публикации текст французского автографа, но в силу того, что в нем не хватало двух последних страниц, решил восстановить их по тексту немецкого издания. Этому решению Оксман посвятил отдельный абзац в своем отзыве: «Мне кажется, что вопрос о замене немецкого авторизованного печатного текста рукописным французским автографом, с присоединением к последнему двух страниц немецкого издания, разрешен слишком поспешно. Контаминация в основном тексте двух *редакций* статьи, к тому же разновременных и разноязычных, сама по себе не очень правомерна и сразу же настораживает как слишком уж необычный текстологический эксперимент. Оправдывается

[14] НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 40. Ед. хр. 37. Л. 5.

[15] См.: Комментарии // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 гг. М., 1958. С. 485.

ли, однако, этот сложный эксперимент необходимостью? В самом деле, какие преимущества у неоконченного французского автографа перед законченным немецким текстом, авторизованным Герценом? <…> Между тем большая литературно-техническая правка французского автографа, особенно последних его страниц, свидетельствует о том, что перед нами вовсе не беловой текст, а, видимо, начальная редакция статьи. На каком же основании эта начальная редакция статьи, хотя бы и автограф, предпочитается редакции окончательной, к тому же и более полной, совершенно законченной? Итак, вместо компилятивного французско-немецкого текста в XIII томе академического издания Герцена надлежит печатать законченную немецкую редакцию статьи “Über dem Roman aus dem volksleben in Russland”, а текст французского автографа должен быть воспроизведен в разделе “Иные редакции и варианты”»[16]. Это предложение также было принято в томе 13 без всяких корректировок, а в комментарии к статье сообщалось: «Печатается по тексту немецкого авторизованного перевода М. Мейзенбуг, который опубликован впервые в качестве предисловия к книге “Die Fischer. Ein Roman von D. Gregorowitsch”, Hamburg, 1859. Статья написана на французском языке, на котором, однако, никогда не издавалась. Французская редакция текста дошла до нас в неполном виде и поэтому публикуется в разделе “Других редакций”»[17].

В июле 1958 г., в связи с кончиной Козьмина, на Оксмана были возложены обязанности заместителя главного редактора издания[18]. Впоследствии, в 1958–1964 гг. он был ответственным редактором — как персонально, так и совместно с Л.М. Долотовой, И.Г. Птушкиной, В.А. Путинцевым и И.Ю. Твердохлебовым — восьми томов издания (14, 15, 18, 19, 24, 26, 28, 30). Как комментатор он принял участие в подготовке двух томов — седьмого (комментарий к двум разделам книги «О развитии революционных идей в России») и уже упомянутого тринадцатого (Оксману принадлежит композиция всего тома, значительная часть редакционной преамбулы, редакция примечаний и установление структуры заметки «Правда ли?» в первом номере «Колокола»).

[16] НИОР РГБ. Ф. 520. Карт. 40. Ед. хр. 37. Л. 6-7.

[17] Комментарии // *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. С. 534.

[18] РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 13. Выписка из распоряжения Президиума АН СССР № 49–1145 от 23 июля 1958 г. См. очень интересный и содержательный мемуарный очерк И.Г. Птушкиной, работавшей с Оксманом в эти годы: *Ptouchkina I.* Julian Grigor’evič Oksman et son rôle dans l’édition académique des Oeuvres d’Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // Revue des études slaves. 2012. Vol. 83, numéro 1. P. 41–64.

Многолетняя редакционная и комментаторская работа естественным образом впоследствии потребовала некоторой систематизации и анализа в рамках печатной работы или публичного выступления. Именно так и произошло, о чем сохранилось единственное документальное свидетельство. 5 июня 1962 г., когда из печати вышел уже 26-й том собрания, на выездном заседании Бюро ОЛЯ АН СССР в Ленинграде Оксман выступил с докладом «О типах академических изданий собраний сочинений русских классиков (Опыт издания сочинений и писем Герцена)», где подвел итоги работы редакционного коллектива. Отметим главные положения этого выступления. Удачным обстоятельством, по мнению ученого, явилась организация работы над изданием как редакционного и авторского сотрудничества исследователей разных специальностей. Как и в рецензии 1956 г., в докладе Оксман отметил важнейшие публикации, предшествующие подготовке собрания (в первую очередь издание Лемке) и ставшие важным подспорьем в поисковой и текстологической работе. В своем выступлении Оксман вернулся к вопросу о композиции издания, и в данном случае мы имеем возможность увидеть, что принципы построения томов, которые он ранее отстаивал в своих критических выступлениях, как устных, так и печатных, в значительной степени были применены на практике. Как следует из стенограммы доклада, принципы публикации сопутствующих текстологических материалов (редакций, вариантов, разночтений и т.д.), в разработке и корректировке которых ученый принимал ближайшее участие, также получили практическое воплощение, что было специально отмечено Оксманом. Издание Герцена было практически первым серьезным опытом научной публикации общественно-политических и агитационных литературных памятников. И если в рецензии 1956 г. Оксман, как мы помним, посвятил проблемам их публикации одно из замечаний, так сказать, методологического характера, в данном случае речь шла уже о характеристике конкретного эдиционного опыта.

Теперь необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах появления на свет тех заметок (непосредственно связанных с потребностью составления некоего плана, программы разговора с аудиторией), которые печатаются нами в заключение настоящей публикации. В Саратовском университете Оксман вел два специальных курса, или, иначе говоря, семинара, стремясь поделиться со своими учениками текстологическим опытом, накопленным за несколько десятилетий эдиционной практики, — «Историография и

источниковедение русской литературы» и «Вопросы текстологии»[19]. Сохранившиеся в архиве ученого черновые наброски тезисов для курса лекций (датируемые нами второй половиной 1950-х гг.) позволяют судить о его взглядах, зачастую весьма дискуссионных, на тогдашнее положение текстологии и на важнейшие задачи, стоящие перед ней. Кроме того, это одна из первых в наследии Оксмана попыток осмыслить само понятие «текстология» и определить ее место в ряду других филологических и источниковедческих дисциплин. В этих же заметках Оксман писал об отсутствии изданий, в которых был бы обобщен практический текстологический опыт нескольких десятилетий, а также об опасности механического, формального подхода в решении текстологических проблем. Важнейшим правилом текстологической работы Оксман считал недопустимость окончательных формулировок и универсальных решений, в особенности — в отношении проблемы канонического текста, ставшей на долгие годы одним из основных предметов спора текстологов, что также нашло отражение в публикуемых заметках.

В процессе формирования современного типа академических и неакадемических многотомных изданий Оксман не играл второстепенную роль стороннего наблюдателя и критика. Многие из принципов, разработанных и испытанных на практике им и его коллегами-текстологами еще в начале 1930-х гг., впоследствии, по мере развития источниковедения и текстологии, накапливания эдиционного опыта, претерпевали серьезные изменения, но были их отправной точкой, что нельзя не принимать во внимание. Нельзя забывать и о том, что для самого Оксмана такой отправной точкой служил опыт дореволюционных изданий, к которому он относился неизменно критически, но одновременно с четким осознанием значения сделанного его предшественниками. С течением времени, вместе с развитием текстологии в целом, менялись и подходы Оксмана к решению тех или иных проблем, касающихся композиции изданий, выбора основного текста, проблем датировки и атрибуции, а также интерпретации и публикации сохранившихся редакций и вариантов. Путь, пройденный отечественной текстологией в области подготовки академических и неакадемических собраний сочинений русских писателей в 1930–1960-е гг., отразился в наследии ученого во всей полноте.

[19] Одно из ранних упоминаний о тех специальных курсах, которые ученый вел в университете, содержит письмо Оксмана к Козьмину от 15 октября 1952 г.: «В этом году у меня новые курсы — “Советский историч<еский> роман” и “Текстология”, а кроме того “Белинский и его время”» (НИОР РГБ Ф. 520. Карт. 46. Ед. хр. 62. Л. 15об.).

I.

Стенограмма совещания ИМЛИ и ИРЛИ АН СССР по вопросам текстологии. Москва, 10–13 мая 1954 года. Выступление Ю.Г. Оксмана, 12 мая 1954 года

Товарищи, я в основном свое сообщение хотел бы посвятить докладу Д.Д. Благого «Типы советских изданий писателей-классиков». Этот доклад, который был сделан первым, но напечатан вторым — не знаю почему, — с него надо было начинать обсуждение, — особенно ценен потому, что он характеризует положение с советскими изданиями писателей-классиков на сегодняшний день. Этот доклад обобщает огромный опыт, обобщает всё то, что появилось в печати за последние годы на эту тему, и вносит ряд конструктивных предложений.

Мне хочется отметить, что эти конструктивные предложения, которые отличают оба доклада[1], все-таки являются принципиально очень важным и ценным отличием этих докладов от обычных докладов, тезисы которых мы читаем. Другой вопрос — как решены многие вопросы. Я считаю совершенно неизбежным, что в предложениях, которые вносятся отдельными лицами, имеются ошибки, недочеты, субъективизмы, но самая попытка внести в систематическом виде эти конструктивные предложения, а не ограничиться описанием положения на том или ином участке научного фронта — это уже достижение.

Д.Д. Благой, характеризуя положение на сегодняшний день и пытаясь определить точнее типы советских изданий писателей-классиков, больше всего (это совершенно естественно и необходимо) останавливается на вопросе об академических изданиях. К сожалению, слова академические издания фигурируют в его докладе, как так называемые, в кавычках, он не знает академических изданий, а говорит о так называемых академических изданиях. Даже Пушкин, наша гордость советской текстологии, не удовлетворяет Дмитрия Дмитриевича. Не удовлетворяет с точки зрения изменившихся требований к академическому изданию. В этом отношении он прав. Изменяются требования, изменяется отношение. В 1954 году нас не удовлетворяет большой академический Пушкин[2]. Мне хотелось бы,

чтобы это более ясно было подчеркнуто, что не удовлетворяют нас эти издания сегодня. Меняется адрес, меняется аудитория, которая употребляет академические издания. Совершенствуется наша техника, совершенствуются наши знания и т.д. А минусом этого прекрасного доклада и замечательно точно формулированных тезисов является нечеткость некоторых положений, которые дают повод заподозрить Дмитрия Дмитриевича в недооценке, даже в нигилистическом отношении к созданию академических изданий классиков. Это гордость нашей науки, это гордость советской текстологии, это гордость русской науки, поскольку <это> академические издания русских классиков, несмотря на недочеты, которые нам ясны, и с изучения которых мы начинали свою работу, и мимо них пройти нельзя.

50–60 лет тому назад эти издания были огромным достижением, были гордостью русской науки. Мы — советские текстологи пришли к работе по изданию классиков в результате опыта прошлых изданий. Некоторой ошибкой Дмитрия Дмитриевича (я объясню, почему это произошло) является невольное зачеркивание того, что было сделано на этом участке нашими текстологами. (*Д.Д. Благой*: Дореволюционными?) Дореволюционными и советскими.

Дмитрий Дмитриевич исходит из идеального представления об академическом издании нового типа, того типа, который мы должны создать и которого еще нет. И в этом отношении опыт всех наших изданий очень поучительный и очень интересный. Но этот опыт, который значителен и интересен, он не позволяет зачеркивать полностью то, что сделано. У нас есть не так называемые академические издания, а академические издания, которые были в свое время, в свой определенный период, жили полноценной жизнью, на которых мы учились, на недостатках и достижениях которых строится сегодняшняя наука.

Чем я объясняю эту ошибку, может быть, фразеологического порядка, Дмитрия Дмитриевича? Я ее объясняю потрясающим отступлением от норм и достижений советской текстологии, которое наблюдается в изданиях последних лет, особенно послевоенного периода. Это снижение уровня академических изданий, отказ от больших достижений советской текстологии — характерны для этих изданий, и это может внушить мрачные мысли, даже пессимистические настроения и признать, что неблагополучно не только настоящее, но и всё, что делалось. Учитывая большие требования, нужно создавать новые типы изданий, поскольку плохо обстоит дело на этом участке.

Академические издания в советскую пору издаются не только Академией Наук. Много издает Гослитиздат, Библиотека поэта, это издания, не уступающие ни в чем изданиям, выпускающимся Академией Наук.

Чем отличаются академические издания от всяких других изданий, критических изданий классиков? Не только полнотой и точностью, не только комментариями. Эти издания отличаются от всех других методом своего построения. Подлинно академическим изданием является издание, основанное на критическом изучении всех первоисточников, связанных с творчеством того или иного писателя (первоисточников печатных и рукописных).

Это основное, чем отличается академическое издание от других. Неважно, кто будет издавать издание того или иного классика. Важно, чтобы принцип был — критическое изучение первоисточников.

Отвечают ли этому принципу наши издания? Я остановлюсь на последнем издании для примера — на академическом издании Белинского, поскольку это издание нарушает все правила и нормы, снижает все достижения, зачеркивает опыт советских текстологов, и это будет мне служить примером ошибок и недочетов, которые привели Дмитрия Дмитриевича в мрачное настроение, что существует так называемое академическое издание. (*Д.Д. Благой*: Так называемое — никакого пренебрежения в этом не было).

Даже о том, что сейчас утрачено представление об академическом издании и так называемом академическом издании, что утрачено представление о различии изданий, свидетельствуют авторитетные рецензии на эти издания. Белинский не является исключением из правила. На нем резко отразились все недочеты. Академическое издание Ломоносова[3] — это академическое издание или так называемое? Берков — специалист по Ломоносову, специалист по XVIII веку, неплохой текстолог, он говорит, что в строгом смысле академическим это издание нельзя назвать <…> Мне кажется, что академическое издание может быть одно, удовлетворяющее принципам, которые сложились, установились в русской филологической науке, закрепленные советской текстологией, которые представлены теми изданиями, которые нам известны. Пушкин — 16-томник — это академическое издание, которое может быть полным. Принципиально это издание отвечает высоким требованиям текстологии. Несмотря на ряд недочетов, на ряд грубых ошибок в некоторых томах, академическим изданием является Гл<еб> Успенский, несмотря на то, что оно выпущено Гослитиздатом[4]. Академическими изданиями являются некоторые издания «Библиотеки поэта», я имею в виду издания, которые редактировались Томашевским[5].

Издательство Академии выпускало издания, которые не были построены на критическом изучении первоисточников. Академическое издание Белинского, которым я буду пользоваться, как примером, основано не на критическом изучении первоисточников, а на критическом изучении предшествующих изданий. Это грубая ошибка редколлегии. Редколлегия может говорить, что это не так, что отдельные редактор<ы> изучали первоисточники и на основе тщательного изучения этого материала выбирали заново тексты Белинского, одновременно справляясь с тем, каково было мнение по поводу того или иного текста издателей Белинского.

Но я думаю, что это издание всё же не основано на изучении первоисточников, так как если бы было так, оно не изобиловало бы такими грубыми ошибками, что уже можно сказать на основе вышедших трех томов.

Основные трудности, которые встают при издании русских классиков, они вытекают из специфики литературного процесса, что он связан с революционным движением, с освободительной борьбой писателей. Это служение русских писателей делу революции и получило свое отражение в их литературной практике. Огромное количество их произведений печаталось анонимно, подпольно, иногда с достаточным затемнением имени автора. Это имело место и в отношении рукописей, и в отношении произведений, печатавшихся в журналах, — немалая часть их печаталась анонимно.

Вот почему проблема атрибуции является основной проблемой, особенно, когда речь идет об издании революционно-демократических классиков, кончая Пушкиным и Горьким.

Поэтому, хотя в основном я согласен с тезисами основного доклада В.С. Нечаевой, но я считаю большой ошибкой, что она мало уделила внимания проблеме атрибуции в своей основной работе.

Этим отказом от учета и понимания важности проблемы атрибуции страдало и издание Белинского. В полное собрание сочинений не вошли тексты Белинского, которые есть все основания считать принадлежащими Белинскому, и вошли многие тексты, в отношении которых нет никаких оснований считать их принадлежащими ему. Между тем, если есть тексты, которые нельзя ответственно и полностью считать принадлежащими Белинскому, то нет никаких оснований засорять ими академическое издание Белинского.

Вторым признаком, отличающим академическое издание, является внимательный учет так называемых иных редакций и вариантов. В массовых изданиях и изданиях школьного типа это не нужно,

но академические издания всегда гордились этим, — этим вторым разделом полного собрания сочинений.

Между тем в академическом издании Белинского этот раздел отсутствует вовсе. Самочинная ликвидация этого раздела привела к тому, что даже те особые случаи, когда мы располагаем автографами Белинского, — а надо сказать, что автографов этих почти не сохранилось, и процентное отношение их к печатному тексту составляет 0,5–0,6 % — и даже эти редкие автографы не учтены полностью, как это подобает.

Как же они учтены? Они разбиты на страницы, страницы разбиты на отдельные слова, и эти отдельные словечки по подбору редактора присутствуют, перемешанные с отдельными комментариями.

Но я, как текстолог, не могу верить ничему и ничьему отбору произвольному, и не верю, что отбор этот произведен рационально, что он обеспечивает самое главное, но ведь сегодня самым главным может являться одно, а если мы захотим в другом аспекте подойти к произведениям Белинского, самым главным будет другое, — именно то, что сегодняшнему редактору казалось неважным.

Эта выборочная система, ликвидировав второй раздел, превращает всё это дело в затуманивание мозгов. Все эти варианты приведены очень случайно и не отражают ценных особенностей автографа[6].

В издании допущен ряд ошибок в основном тексте издания. В.С. Нечаева предупредила аудиторию, что не отвечает за то, что получилось со 2-м томом издания Белинского[7] после того, как ее статьи были заменены другими. Между тем, эти статьи как раз такие, которые сохранились в автографе. Я полностью согласен с В.С. Нечаевой, что их надо было печатать по автографу, как печатал Венгеров, так как эти статьи сокращены «Московским наблюдателем» не по согласию Белинского.

Но где-то должен быть беловой текст, а мы его не найдем, он разбит по отдельным словам, которые ничего не дают[8].

Остановлюсь на 3-м томе издания. Здесь печатается текст пьесы Белинского «50-летний дядюшка» по тексту «Московского наблюдателя», но в 1923 году в архиве драматической цензуры был найден автограф Белинского, отличающийся от печатного текста не только размерами, но и наличием ряда персонажей. Среди этих персонажей, например, есть друг этого 50-летнего дядюшки — некто Думский, который является по персонажной характеристике каторжанином, возвратившимся из 12-летней ссылки. Действие пьесы происходит в 38-м году, если вычесть 12 лет, то мы узнаем, что в 26-м году он был отправлен на каторгу. Кто же это такой?

Это первый декабрист в нашей художественной литературе, первый образ декабриста, который является одним из действующих лиц пьесы Белинского.

Ничего этого мы не найдем в академическом издании Белинского, здесь нет ни слова о том, что в рукописной редакции, в автографе Белинского присутствует этот Думский.

Самое ценное, что есть в автографе, — это детальная характеристика действующих лиц пьесы, однако редактор академического издания признал это неважным и изъял эти характеристики действующих лиц. (С места: кто редактор?) Не знаю, не помню…[9]

Далее, в прошлом году, — я думаю, вы обратили внимание, — в «Литературной газете» появилась заметка о находках в архиве Забелина многих автографов Белинского и, в частности, насчет автографа «50-летнего дядюшки» сообщается, что это не представляет интереса и не имеет особого значения, что эти автографы очень близки к подлинному тексту Белинского… они очень близки к известному тексту Белинского. Спрашивается, к какому? Он представляет собой беловой текст с купюрами.

Ну, что же, — мы обязаны верить, — Академия Наук, коллегия, главный редактор, составитель тома, контрольный редактор. И я бы поверил, если бы, к счастью, не оказалось одного листка автографа приложенного. Из этого снимка я вижу, что это не беловой текст, а черновая рукопись, черновая, с существенными поправками, вставками. Значит, не видел этого редактор, поверил на слово, потому что, если бы он видел, он не посмел бы сказать того, что он сказал.

А почему возможны такие ошибки? Потому что раздел ликвидирован вообще, а взято из него наиболее существенное. Эта ошибка связана с тем, что самочинно и самовольно снижены требования, предъявляемые к академическому изданию. Я не знаю, что это, академическое издание в строгом смысле слова или это издание научное или издание массовое. Я считаю, что ошибка, которая присутствует в этом издании, недопустима ни в каком из этих видов. И я понимаю, что Дмитрий Дмитриевич Благой в своем докладе усомнился, что на сегодняшний день существуют такие издания, какие можно взять за норму.

Ну, а с основными текстами как обстоит дело в этом издании, которое так небрежно и недобросовестно отнеслось к первым своим томам, к вопросу о решении некоторых текстологических проблем, отступило от основного принципа критического отношения к первоисточникам?

Остановлюсь на одном примере — «Литературные мечтания».

Это текст, которому особенно повезло — он много раз в советское время издавался, издавался очень тщательно. Но редакторы академического издания ухитрились и этот текст испортить. К этому тексту оказалась заметка: «Чембар, <1834> год».

Давно установлено, что Белинский в 18<34> г. никуда не уезжал, был в Москве, и редакция поставила это для того, чтобы подчеркнуть нецеховой характер «Литературных мечтаний», что «Литературные мечтания» лежат на ответственности этого нецехового критика. Это обычный прием, применяемый с XVIII <века> в литературе, подчеркнута ссылка на провинциальное происхождение того или иного литературного документа.

Академическое издание выбрасывает это замечание, решив, что это — точная дата статьи. По инструкции дата написания статьи относится в примечания.

Можно ли верить? Мы все даже в средней школе знали эти «Литературные мечтания». Разве я могу поверить, что какая-нибудь ответственная коллегия филологов могла санкционировать такое безобразие? Не могу этого объяснить, не знаю, как это происходит.

Такие дефекты, такие пробелы, ошибки в академическом издании Белинского довольно многочисленны.

Одно я должен сказать, — что молодой коллектив участников этого издания, выросший на наших глазах, работающий последние месяцы (я наблюдал, беседовал), — этот коллектив вытянет издание на настоящую, большую академическую дорогу. И некоторые члены редколлегии издания Белинского, полностью возражая против того безобразия, которое делалось с «большим Белинским» (о том, что они возражали, свидетельствуют тезисы Д.Д. Благого и В.С. Нечаевой), указывали, что для них неприемлемы те приемы, с помощью которых делалось это издание.

Будем надеяться, что Д.Д. Благой и В.С. Нечаева помогут этому замечательному молодому коллективу поднять издание Белинского до подлинного академического издания.

Остановлюсь еще только на одном маленьком вопросе.

Тут говорят: текстология не наука, а вспомогательная дисциплина. Я не знаю, что такое текстология, хотя занимаюсь ею со студенческих лет. Но я к текстологии пришел от истории, от источниковедческих семинаров. И мне кажется, что текстология — это часть литературного источниковедения, которое, конечно, есть научная дисциплина, имеющая многовековые традиции. Об этих традициях напоминали нам и академик <В.В.> Виноградов, и <М.П.> Алексеев, и <Д.С.> Лихачев. Это традиции, в которых тек-

стология никак не фигурирует, а методика изучения текстов всегда выходила на первый план, а методика изучения текстов всегда входила в литературное источниковедение. И для меня текстология это часть литературного источниковедения.

Я говорю об этом потому, что при этом рассмотрении текстологии и ее значении не мог бы выпасть из работы В.С. Нечаевой вопрос об атрибуции и вопрос о датировке произведений. Вопросы хронологии в изучении текстов при издании полного собрания сочинений, избранных сочинений классиков — это чрезвычайно важные вопросы. Я не могу придумать другого примера, возьму пример из своей практики.

Я сейчас заканчиваю работу по хронологии нелегальных произведений Пушкина[10]. И результаты моего изучения хронологии нелегальных произведений Пушкина позволили установить, что те вещи, которые мы считали ранними в политической лирике и сатире Пушкина, являются поздними, а поздние — являются ранними. И не думайте, что это нечто парадоксальное и неожиданное. Все, наоборот, становится на свои места.

Мы все знаем, что Пушкин является лучшим, сильнейшим выразителем в литературе, в художественном слове настроений, идей дворянских революционеров, певцом, бардом декабризма. Мы знаем закономерности, по которым совершалась эволюция декабристских тайных обществ, взглядов, тактики и т.д. Идеология декабризма движется в определенном направлении: от либерализма к революции, от конституционной монархии к республике, от медленных действий на мнение к вооруженному восстанию. А если вы возьмете сочинения Пушкина, то оказывается, что они написаны в обратном порядке. Пушкин идет от революции к либерализму и т.д., причем все исследователи этого периода творчества Пушкина рассуждают очень правильно, а о хронологии они в таких случаях или забывают или делают вид, что забыли, потому что общепринятая хронология противоречит этому построению. И работая в области политической лирики и сатиры Пушкина, я установил, что никакого противоречия тут нет, что Пушкин двигался вместе с декабристами, и это точно отражается в его лирике и сатире. А самый важный момент в лирике Пушкина — это январь-март 1820 года. Что это за время? Это — месяцы пребывания Пестеля в Петербурге, месяцы, когда Пестель перевернул всю организацию вверх ногами, заставил принять и республику, и вооруженное восстание, и цареубийство. И тогда ясно, почему появилось «Послание к Чаадаеву» и другие революционные стихотворения Пушкина. А если принять 1818 год датой послания

«К Чаадаеву», то совершенно неизвестно, почему его имя будет написано «на обломках самовластья».

Вспомните, какой политический багаж был у Пушкина, чтобы так претенциозно быть в этом уверенным.

Хронология — необычайно важная вещь, и вопросы датировки неотъемлемы от текста, от анализа словесного оформления той или иной редакции.

К сожалению, у Веры Степановны это отсутствует, потому что она текстологию рассматривает в узко прикладном значении этого слова и слишком много внимания уделяет рецептуре и недостаточно широко ставит те вопросы, которые нас всех волнуют.

Я хочу сказать, товарищи, что все-таки, несмотря на дефекты этих тезисов, мне кажется, что наше совещание, не только в результате речей, которые здесь раздавались, не только в результате хорошей здоровой критики, которая здесь раздавалась (несмотря на некоторые личные моменты), всё же было хорошим итогом в изучении нашей текстологии, нашей литературной науки, и мы должны быть благодарны Дмитрию Дмитриевичу и Вере Степановне, которые взяли на себя тяжелейший, неблагодарный труд выступить с этими предложениями, которые заведомо поставили себя в тяжелое положение, потому что не смогли все вопросы разрешить на достаточном уровне.

Мне кажется, что даже самый факт этих не всегда удачных тезисов является положительным, потому что он будит мысль, он концентрирует внимание на слабых местах нашей текстологии, и хотелось бы, чтобы труды этого совещания (не стенограмма, а основные труды) были бы отражены в печати.

Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 70–85.

[1] Т.е. доклады Д.Д. Благого и В.С. Нечаевой.

[2] В самом конце 1935 г. из печати вышел седьмой, «экспериментальный» и единственный в своем роде том академического собрания сочинений в том виде, в котором было первоначально задумано всё издание (образцово подготовленные тексты драматических произведений Пушкина с подробнейшими комментариями статейного типа): *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т. VII: Драматические произведения. Л., <1935>. Все тома академического издания, вышедшие в 1937–1949 гг., были почти полностью лишены справочного аппарата (*Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л., 1937–1959). Именно об этом скажет Оксман в своем докладе 1962 г. (см. далее), когда назовет издание, вышедшее взамен загубленного произволом безвкусия партийного и правительственного руководства начального замысла, «замечательным источником очень тонкого препарирования, но лишенным ключей».

[3] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983. Фактическим, а затем (после кончины в 1951 г.) только титульным главным редактором издания в 1950–1959 гг. был С.И. Вавилов. Впоследствии основную организационно-редакционную работу выполнял заместитель главного редактора Т.П. Кравец. П.Н. Берков входил в состав главной редакции издания в 1950–1951 гг.

[4] См.: *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений: В 14 т. (15 кн.). М.; Л., 1940–1954. Это академическое издание выходило под редакцией Н.Ф. Бельчикова, В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина. Девятитомное собрание сочинений писателя в издании Гослитиздата начало выходить только в 1955 г.

[5] Литературовед, пушкинист, текстолог Борис Викторович Томашевский (1890–1957) подготовил для малой и большой серий «Библиотеки поэта» следующие издания: «Ирои-комическая поэма» (1933), «Полное собрание стихотворений» А.А. Дельвига (1934, 1936), «Стихотворения» К.Н. Батюшкова (1936, 1948), трехтомное издание «Стихотворений» А.С. Пушкина (1955).

[6] Эти слова полностью согласуются с основными положениями заметок Оксмана «Вопросы композиции в изданиях классиков». Проблема выбора, объема и содержания при публикации вариантов, равно как и справочного аппарата, в разных типах академических изданий продолжала занимать Оксмана и позднее. Так, выступая 23 мая 1961 г. на заседании редколлегии серии «Литературные памятники» (ее членом он стал в сентябре 1959 г., см. выписку из распоряжения РИСО АН СССР № 4 от 1 сентября 1959 г.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 15), посвященном изданию шедевров русской литературы, он высказал ряд весьма важных предложений принципиального, методологического порядка, по счастью, зафиксированных в протоколе: «Впервые серия “Литературные памятники” приступает к изданию шедевров русской литературы. Это ставит перед Редколлегией ряд новых и сложных вопросов, и, прежде всего, вопрос о типе издания, о его структуре и составе. Здесь важно выработать свой специфический тип издания и не повторять, с одной стороны, ни академических изданий, и, с другой стороны, изданий Гослитиздата. Редколлегия считала, что в процессе подготовки первого памятника уже будет материал для решения этих основных вопросов, но, тем не менее, нам необходимо заранее наметить основные контуры этих изданий. Все тексты должны быть подготовлены по всем правилам текстологии. Самый сложный вопрос — это вопрос о вариантах. Я полагаю, что, может быть, в тех случаях, когда уже имеется полное академическое издание, включающее в себя все варианты текста, не следует повторять этих вариантов, а можно ограничиться ссылками на это издание и давать только отдельные, наиболее крупные и существенные с точки зрения содержания варианты. Примечания, даваемые в наших изданиях, тоже должны быть рассчитаны, прежде всего, на более широкого читателя. Следует создать новый, более облегченный тип примечаний. Кроме того, необходима небольшая статья, которую условно можно назвать “Судьба памятника в мировой литературе”. В процессе подготовки первых изданий (Лермонтов “Герой нашего времени”, Толстой Л.Н. “Казаки”, Гоголь “Тарас Бульба”) выяснилось, что не нужно давать тяжелой аппаратур<ы> вариантов и разночтений, если они уже были напечатаны. Однако, здесь мы должны принять во внимание и то, кем подготовлена данная работа. В частности, “Герой нашего времени” — посмертная работа Б.М. Эйхенбаума, крупнейшего лермонтоведа. Поэтому мне казалось, что данное издание нетипично для серии, т.к. в нем по возможности следует сохранить всё в таком виде, как было сделано покойным ученым. “Тарас Бульба” — другой вариант. Мы даем полностью две редакции. Я вообще полагаю, что вопрос о комментировании также следует пересмотреть. Если в одних случаях (подписное издание) следует давать более облегченный тип комментариев, то в других случаях (античные памятники, “Шахнаме” и др.) следует комментировать шире и больше» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1098. Л. 38). См. отзывы и рецензии Оксмана на тома серии «Литературные памятники» за десятилетний период (1959–1969 гг.): РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 174.

[7] Во второй том собрания вошли тексты сочинений Белинского в разных жанрах, написанные в 1836–1838 гг. В.С. Нечаева в своем докладе охарактеризовала две публикации, вошедшие в этот том, следующим образом: «В защиту николаевской цензуры довольно неожиданно выступила редколлегия собрания сочинений Белинского — издание

Академии Наук СССР, вернув тексты его статей о переводе “Гамлета” Полевого и об “Уголино” к подцензурному тексту “Московского Наблюдателя” и отказавшись восстановить по наборной рукописи отмеченные на ней красным карандашом купюры, уже введенные в текст Венгеровым. Запрятав интереснейшие высказывания Белинского в отдел примечаний, редакционная коллегия, конечно, значительно снизила научную ценность издания. Этот факт очень близко касается и меня, так как на этом томе стоит моя фамилия, что я это сделала. Я пользуюсь случаем сообщить, что это сделано помимо моей воли, надеюсь, что все аргументы приведу в очередном томе моей монографии о Белинском» (Архив РАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 108–109).

[8] Расхождения текстов автографа и журнальной редакции указывались достаточно выборочно прямо в примечаниях.

[9] Тексты и комментарии к публикации «Пятидесятилетнего дядюшки» были подготовлены В.С. Спиридоновым. Редактор третьего тома — Б.И. Бурсов, главный редактор издания — Н.Ф. Бельчиков. Справедливости ради заметим: в комментариях к пьесе все-таки сообщается, что для второго спектакля Белинский с помощью М.С. Щепкина внес в рукопись некоторые исправления и сокращения, в частности исключил из списка действующих лиц «отца Катеньки и Лизаньки Думского, горничную Машу» и сократил текст пьесы почти на треть, но в целом критика Оксмана имеет достаточно серьезные основания. См.: *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 3. М., 1953. С. 659.

[10] Результаты этой многолетней работы Оксмана были отражены, в частности, в следующих его работах, опубликованных посмертно: Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России: Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана: Межвуз. науч. сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88; Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Вып. 5, ч. 2. Саратов, 1989. С. 3–33; Политическая лирика и сатира Пушкина // «Тамиздат». От осуждения — к диалогу: Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. Саратов, 1990. С. 63–89.

II.

Стенограмма выездного заседания Бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Ленинград, 5–6 июня 1962 года. Повестка дня: О типах академических изданий собраний сочинений русских классиков (опыт издания собрания сочинений А.И. Герцена и И.С. Тургенева)[1]. Выступление Ю.Г. Оксмана, 5 июня 1962 года

Я свой доклад сделаю, как краткий отчет о работе над академическим изданием Герцена, поскольку вводная часть доклада Михаила Павловича, посвященного Тургеневу, касалась общих вопросов, и исторически, и теоретически связанных с самим понятием академического издания, и была сделана с совершенно исчерпывающей полнотой. Мы получили очень ценные, как всегда у Михаила Павловича, совершенно неожиданные по сентенциям факты, и мы этот материал получим для широкого обсуждения.

Таким образом, я буду говорить только о ходе, организации и, наконец, итогах работы над изданием Герцена, академическим изданием сочинений и писем Герцена, нигде не названных, никогда полностью не выходивших. Конечно, и задуманное, и осуществляемое, как полное, это издание было организовано в результате специального постановления Президиума Академии Наук от 7/IX–1951 года, 11 лет тому назад. Первый том этого издания вышел в конце 1954 года. Издание было рассчитано в размере 30 томов, в среднем по 25 листов в каждом томе. В процессе работы выяснилось, что средний размер тома на круг не менее 35 листов. Несмотря на то, что мы пытались удержаться в рамках 30 томов, хотя 25 томов Герцена вышло в 21 книге, мы даем 300 печатных листов сверх плана, когда издание будет закончено, т.е. мы дали около 12 томов сверх того, что мы запланировали. Издание сочинений Герцена, осуществляемое по плану 1951 года, значительным образом превысило свои масштабы. Мы бесконечно обращались в издательство Академии Наук, чтобы оно позволило нам осуществлять это издание в этих огромных масштабах, с таким значительным превышением против намеченного. Наши взаимоотношения с издательством были сложными и напря-

женными, на разных этапах доходившими до разрыва, и издание приостанавливалось на некоторое время, на месяц. Но все-таки не нужно забывать важного обстоятельства, что издательство не мешало нашей работе и соглашалось, в конце концов, с нашим разворотом.

За время с 1954 по 1960 год вышло 20 томов — 21 книга, т.е. за 7 лет в среднем мы давали по 3 тома в год. В 1961 г. мы приступили к изданию писем Герцена, закончена подготовка еще 4 томов, за 2 года мы сделали 9 томов и обязались окончить издание в этом году. Я не уверен в том, что оно будет закончено, но не по нашей вине.

Издание сочинений Герцена было опубликовано с самого начала не как обычные академические издания, руководимые коллегией узких специалистов. Пушкин издавался пушкинистами, Гоголь знатоками творчества этого писателя и т.д. Издание сочинений Герцена строилось, как издание трех институтов. В процессе работы два института отпали, но постановлением Президиума Академии Наук, придавшего большое значение изданию Герцена, <оно> было поручено Институту мировой литературы, Институту истории и Институту философии. Все эти институты выделили специалистов в редколлегию, и значительная их часть оставалась до конца, хотя институты, как таковые, отошли от работы.

Работа осуществлялась Институтом мировой литературы, который не ограничился своими специалистами — текстологами, комментаторами, редакторами и т.д. Сначала работала редколлегия, а затем институт широко привлекал специалистов, работающих в Ленинграде и в Москве, работающих в академических и не академических изданиях писателей, интересующихся проблемой Герцена. С самого начала редколлегия института привлекла широкие кадры специалистов. Нам нужны были историки Запада, СССР, специалисты по Новому времени, философы, нам нужны были разные историки общественной мысли, революционного движения и нужны были зарубежные специалисты. В этом отношении мы были поставлены в необычные условия возможности привлечения широкого круга специалистов, работающих как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Этот момент внес новую ноту организационного опыта, огромный научный авторитет, огромные научные знания, связи значительно облегчили издание Герцена, и в этом отношении издание Герцена с самого начала было поставлено в особые условия.

Издание Герцена, осуществляемое в таких исключительных условиях, как оно осуществлялось с организационной стороны, должно было с самого начала своей работы учесть и сделать то, что

не удалось сделать его предшествующему изданию Лемке — это памятник огромной исключительной работоспособности историка-дилетанта, работающего в условиях, когда жили наследники Герцена, знакомые, располагавшего огромными личными связями.

Мы опирались на работу Лемке[2] не как на источник, а как на библиографическое пособие, позволявшее нам проверить данные, заново комментировать то, что сделано Лемке. Ни одна строка Лемке не была принята нами без критики и проверки, особенно письма Герцена, которые копировал Лемке за границей. Они вышли из сферы ведения литературоведов, и в таких условиях со всеми оговорками, с анализом мы проводили эту работу.

Редакция издания Герцена опиралась на работы коллектива «Литературного Наследства», организаторов этих замечательных четырех томов, посвященных Герцену и Огареву. Мы опирались на работы <Ланского>, Б. Козьмина, Макашина, на многочисленные работы сотрудников, и благодаря этим работам наша работа была значительно облегчена, и никогда нельзя этого забывать, без этой помощи мы не могли бы сейчас в юбилейную дату вчерне закончить это издание[3].

Но, несмотря на то, что эта работа руководилась крупными специалистами, нашими ближайшими товарищами, мы ничего не принимали на веру. Мы проверили все источники, опубликованные в «Литературном Наследстве», мы нашли много ценного, нового и нам легче было идти дальше, проверяя всё. Цифровые результаты нашей работы уже отмечались нами в печати. Мы ввели в академическое издание Герцена 90 новых произведений, никогда ранее не печатавшихся, 203 редакционные заметки, примечания, объявления и прочие журнальные и газетные материалы, 42 заметки и корреспонденции, принадлежавшие другим авторам, но выправленные Герценом. 114 статей и заметок было помещено отдельно.

Сейчас мы подошли к самой трудной части работы в области атрибуции. Это специальная тема работы. Хорошая кандидатская работа получилась бы на основе проверки, анализа нашей работы по отредактированным заметкам и статьям, помещенным в «Колоколе». Мы в своей работе по атрибу<ции> опирались на всю источниковедческую работу, и в этой области нам помогали члены нашей редколлегии. В последний год стал помогать В.В. Виноградов. Его новейшие работы по интерпретированию текстов Карамзина и других послужили большой опорой в нашей сложнейшей работе[4].

Когда мы приступали к работе над Герценом, перед нами были два пути, два примера — два только что законченных хотя бы вчер-

не больших академических издания — издание Пушкина и издание Белинского. Издание Герцена осуществлялось под свежим впечатлением тех боев и дискуссий, которые были организованы Академией Наук и которые явились важной вехой в нашей текстологии. Несмотря на загибы, которые были сделаны в критической оценке и пересмотре работ нашими первыми текстологами, они сказали первое слово в области мировой текстологии. Несмотря на это мы проявили большое критическое чутье, взяв под сомнение даже эти огромные результаты работы, делавшейся в течение десятилетия, и, обнажая субъективистские ошибки классиков советской текстологии, мы пошли дальше как текстологи, и работу над Герценом мы проводили под впечатлением этой дискуссии. Как всякая большая дискуссия, она была необычайно плодотворна. После издания Пушкина, после издания большого академического плана, которым мы все так гордились, но которое так мало читали и к которому почти никто не обращался, потому что оно является не в точном смысле изданием классика, а замечательным источником очень тонкого препарирования, но лишенным ключей, и этим изданием трудно пользоваться даже специалистам. Это материал, но материал такого значения, который полвека сохранит свое значение, но это не издание классика.

Основные вопросы, которые нас волнуют, как строить академическое издание, после того как оно перестает быть экспериментальным, после того как оно вышло за пределы 5000-ного тиража. Самое большое издание Пушкина было в 1899 году и в 1906 году[5], больше 5000 академическое издание не печаталось, а мы дошли до 30–40 тыс<яч>, издание Тургенева имеет тираж 250 тыс<яч>. Я принадлежу к тем филологам, которые не увлечены цифрой этого тиража, несмотря на талантливую статью А.С. Бушмина[6], но не ценную в этом отношении. Он говорит о тех текстологах, которые смущены таким огромным тиражом, и приглашает нас наоборот радоваться этому. Конечно, этот факт очень утешительный, но когда за счет огромного тиража академического издания Тургенева академические институты вынуждены отказываться от печатания работ своих специалистов из-за бумажного кризиса, пусть временного, который через 2 года будет изжит полностью, то это уже плохо. Сейчас из-за издания Тургенева в 4–5 раз сокращается издание продукции академических институтов в области гуманитарных наук, и с этим нужно считаться, нужно учитывать противоречивость этих цифр, которые с одной стороны радуют, а с другой стороны не могут не вызывать тревоги. Двухсоттысячный тираж сразу ставит под вопрос, как должен строиться научный аппарат издания. Конечно, для 200 тыс<яч>

читателей мы не можем документировать свои основные тексты с той тщательностью, с которой связывается представление об академическом издании. Двухсоттысячный читатель не может выдержать потока документальных приложений, они ему не нужны, и мы должны изобретать средства для перенесения этих документаций в сборники и журналы, освобождения наших томов, на которые так много требуется бумаги, мы должны продумать новые способы облегчения академического издания.

Сам вопрос облегчения академического издания возникает естественно. Он возник потому, что сама техника варианта, сама транскрипция гробила издание Пушкина, возник сразу вопрос о новой подаче материала. Эта мысль возникла у С.М. Бонди и других. Когда мы приступали к Герцену, естественно, возник вопрос, воспользоваться ли нам опытом издания Пушкина или воспользоваться опытом издания Белинского.

Михаил Павлович в очень сдержанных выражениях, но отрицательно оценил издание как академическое. Как тип, академическое издание Белинского с таким однобоким аппаратом вариантов, другими редакциями, с таким снижением требований к комментариям, которые представлялись просто, как мычание, с таким оформлением, как было у Даля, оно представлялось всем сотрудниками недопустимым. И, несмотря на то, что издание Белинского закончилось, мы решительно отвергли этот опыт.

Что нового сделано в издании Герцена сравнительно с тем, что делалось в лучших изданиях наших классиков — Пушкина, Гоголя, Успенского? Мы много занимались композицией. Мы впервые поставили вопрос о композиции издания, считая, что правильное решение вопроса композиции издания в целом и расположение произведений в томе, это и будет наибольшим приближением текстов великого классика к широким кругам читателей. Мы отказались от хронологического расположения произведений, которое было у Пушкина, когда всё вытягивалось в стройную хронологическую нитку. Черновые замыслы, планы, наброски, печатались вместе с шедеврами Пушкина. Эта единая хронологическая нитка, когда наши редакторы рады крупнейшие произведения рассматривать, как материал для хронологической канвы — это не метод решения вопроса о композиции, а это отказ от всех рассуждений и мыслей в этой области.

В издании Герцена мы пытались с первого тома, это было не так просто, потому что встречались возражения со стороны редколлегии, внутри аппарата обратить внимание на значительную дифференци-

ацию тома. Кроме дифференциации тома основных произведений, в наших томах появились иные редакции. Этот вопрос об иных редакциях, который недавно болезненно решался при обсуждении в РИСО первых томов Тургенева[7], был благополучно обсужден в отношении издания Герцена, потому что редколлегии удалось добиться дифференциации и раздельной публикации, потому что чернови<ков> автографов Герцена сохранил<о>сь весьма немного, и мы печатали <их> в таком порядке, подводя под них варианты.

Обычно в академических изданиях последних лет для того, чтобы экономить бумагу и освободить читателя от того, что ему ненужно, от многих ненужных ему материалов, многие материалы, как законченные произведения, на том или ином этапе решающие крупные художественные проблемы, а поскольку Тургенев прожил большую жизнь, и произведения 60–80 годов уже не удовлетворяли, а произведения Герцена не удовлетворяли через 20–30 лет, то мы решили, что облегчим читателю знакомство с Герценом и его произведениями, давая тексты хронологической давности 20–30 годов. Эту задачу нам удалось решить полностью. В издании Тургенева она была решена во втором томе, почти полностью в третьем томе[8], а в 4-м томе мы должны были отказаться от этой методики. А к чему приводит этот отказ — это будет предметом обсуждения на сегодняшнем заседании.

Мне представляется, что мы композиционно решили вопрос правильно, это был ход в советской текстологии. В издании Герцена мы впервые сталкиваемся с вопросом публикации произведений в большом количестве нелегальных, произведений, которые не перепечатывались, которые имели, прежде всего, а<гитационную> функцию — памфлеты, прокламации, адресованные широким кругам интеллигенции, армии, и вопрос издания агитационных памятников нелегальной литературы впервые решался на протяжении ряда лет, охватывая большой круг первоисточников.

В процессе этой работы мы пришли к единому правильному решению, как быть с памятниками, которые выпускались, распространялись в рукописном виде или напечатанными на станке, а затем входили перед концом жизни Герцена в некоторые сборники хрестоматийного типа. В 1860 году был перепечатан памфлет, один из русских замечательных памфлетов, оказавший огромное влияние на все последующее поколение русских революционеров до Ленина включительно. Герцен распространил в 1842 г. свой памфлет «Петербург-Москва», а потом он копией[9] и дописал, не восстанавливая старого текста, а читатели думали, что это перепечатка. Словом,

Герцен в 60-х годах дал новое сочинение, имевшее только историческое, а не практическое значение. Конечно, все редакторы печатали по последней перепечатке, якобы блюдя его последнюю волю. Мы тоже допустили ошибку, но быстро ее исправили, мы предпочли текст 40-х годов искаженному даже самим автором более поздн<ему> текст<у>.

Комментируя материал, мы обратили внимание на разъяснение исторических имен — Робеспьер — деятель французской революции, родился тогда-то, умер тогда-то. Мы старались меньше обращаться к Брокгаузу, правда, в известной мере это приходилось делать. Но главной задачей комментаторов Герцена являлось установление текстов произведений, всех вариантов произведения, определение его хронологии и увязка комментируемого текста с общественно-политической обстановкой того момента, в которой оно делалось, и без чего оно было бы непонятно.

Я говорю не о художественных произведениях Герцена, а говорю о том, что мы впервые в таком большом масштабе печатали политическую публицистику Герцена при расшифровке политических документов Герцена, для чего нужно было хорошо знать не только русскую политическую литературу, но и мировую, поскольку Герцен писал и по-русски и по-французски, являясь высшим авторитетом для итальянских, английских, немецких деятелей демократического и социалистического движения. Нам необходимо было с особой тщательностью отнестись к этой стороне комментария.

Герцен был первым классиком, издавая которого, мы должны <были> всё время учитывать его место и значение в истории не только русского революционного движения, но и мирового. И мы видим, что не ошиблись, об этом говорят те многочисленные письма, которые мы получали от ученых стран народной демократии, от передовых буржуазных ученых — бельгийских, датских, голландских, австралийских, новозеландских и т.д. Мы видели, как внимательно они отнеслись к этой стороне издания.

Наше издание Герцена оказалось фактором издания советской исторической науки, советского историоведения на филологической комиссии стран народной демократии и буржуазного Запада. В этом отношении нам предстоит сделать много, доводя наше издание до конца на той высоте, на какой оно было задумано, расшифровав до конца письма Герцена о мировой журналистике, о мировой политической мысли. Герцен называл десятки журналов и газет, которых никто не видел, мы даже не знаем, на каком языке они выходили. Например, он пишет французское письмо и по-французски цитирует

название журнала. Но в 60-х годах не выходили демократические французские журналы, это было немецкое или английское издание, которое выходило в США.

Вы представляете себе, какие исключительные трудности стоят перед нами в отношении поисков этих журналов. Полные комплекты были лет 50 тому назад в библиотеках того города, где они выходили. В то время не было обязательной сдачи материалов в хранилища, и сейчас уже ничего нельзя установить. Огромные трудности возникают в отношении десятка произведений Герцена, писем, редакций, в отношении газет, потому что их нет в библиотеках Европы, и это усложняет нашу работу. Сейчас особенно нужна помощь в Америке. Американская славистика переживает большой подъем, и мы даем задание — ищите комплекты этих изданий. Мы пытаемся зажечь энтузиазм для того, чтобы хотя бы в последнем томе поместить лучшие тексты и письма Герцена. В этом отношении мы, как говорил Михаил Павлович в отношении издания Тургенева, что оно обогащено благодаря помощи читателей, получили помощь, и герценовское издание обязано помощи читателей, которые нам помогают.

Для того, чтобы сделать издание Герцена достойным того высокого значения, чтобы закончить его на той высоте, которая намечена, необходимы заграничные командировки, необходимо месяцами сидеть в библиотеках Рима, Парижа и т.д., чтобы использовать материалы. Но в этом отношении дело обстоит невыносимо трудно. Даже на письма, которые идут через Институт, западноевропейские буржуазные ученые не отвечают, у них нет для этого стимула, приходится просить по несколько раз, и иногда это увенчивается успехом, а иногда и нет.

Эту работу конечно должны делать наши специалисты, тогда она не будет носить характера дилетантства, но мы не можем поощрять наших специалистов за границей. Когда говоришь с нашими членами Академии, то они просто отказываются понимать, как для такой высокой цели, какой является окончание работы над изданием Герцена, институт не может послать специалистов за границу. А ведь это так. Последний том, который должен дать поправки ко всем томам, я должен сказать, что это издание, на которое государство потратило миллионы средств, не может быть не закончено на должной высоте.

Я должен сказать, что мы получаем огромное количество материалов от ученых, из библиотек, архивов, музеев. Эти материалы не третьесортные, а имеющие огромное значение <…> Письма приходят каждый месяц, главным образом, с Запада, потому что то, что было в СССР, видимо, уже известно.

В издании Лемке были напечатаны 2082 письма, у нас есть уже 3 тыс<ячи> с лишним, из них 500 печатаются впервые. Это очень большая цифра. Но это далеко не всё, что есть в западноевропейских архивах. Ведь все английские знакомые Герцена сохранили его письма у себя в частных архивах, там не принято хранить в общественных библиотеках или архивах, а затем они переходят к потомкам. Если бы нам удалось побывать в Лондоне, мы обнаружили бы еще 7 английских семейств, предки которых были связаны с Герценом, и могли бы получить там материалы.

Заканчивая свой отчет, так я рассматриваю настоящее сообщение, я не хотел бы касаться того, что относилось к полемике по нашему изданию. Там была дана хорошая оценка нашей работы, но все-таки со многим согласиться нельзя как в текстологическом отношении, так и <в отношении> типа издания. Мы сделали очень много и все-таки наше издание Герцена несколько новое. В Тургеневе приходится решать многие вопросы революционным путем, но мы этого сделать не можем. Я не хочу сказать, что являюсь противником этого, но мне кажется, что в данном случае вопросы должны быть более тщательно продуманы и решены. В отношении издания Герцена мы не шли революционными методами изменения, установленными советской текстологией, но все-таки то, что мы сделали, это выше, бесконечно выше того, что есть в буржуазной литературе Запада. Но мы, — это свойство каждого советского человека, — хотим, чтобы материал был еще более доходчивым, чтобы еще точнее были методы его подачи, чтобы еще шире и строже были к нему комментарии.

Я думаю, что это настолько важная задача, что, как вы видите, Бюро Отделения устроило выездную сессию и мы вместе — ленинградские и московские специалисты — должны найти тот новый тип издания, который нам нужен и о котором мы мечтаем.

Архив РАН. Ф. 456. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 23–36.

[1] Доклады: М.П. Алексеева и Ю.Г. Оксмана. Содоклады: С.А. Макашина, Л.Д. Опульской, Н.В. Измайлова.

[2] *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем: В XXII т. Под редакцией М.К. Лемке. Пг., 1918–1925.

[3] Оксман упоминает трехтомное издание «Герцен и Огарев» (Литературное Наследство. Т. 61–63. М., 1953-1956) и вышедший следом за ним том «Герцен в заграничных коллекциях» (Литературное Наследство. Т. 64. М., 1958). Также упомянуты историки литературы — Леонид Рафаилович Ланский (1913–2000; в редакции «Литературного Наследства» в 1946–1999 гг.), Сергей Александрович Макашин (1906–1989; один из бессменных редакторов «Литературного Наследства» в 1931–1989 гг., член редколлегии серии в 1946–1989 гг.) и историк, специалист по истории русской журналистики и общественному движению XIX в. Борис Павлович Козьмин (1883–1958).

[4] Упомянутую работу В.В. Виноградова «Проблема Карамзина в истории стилей русской литературы», как и ряд других его работ, см. в издании: *Виноградов В.В.* Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990. См. также разделы «Проблема авторства и принципы атрибуции текстов неизвестного происхождения» и «Неизвестные сочинения Н.М. Карамзина» в кн.: *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

[5] Имеются в виду следующие издания собраний сочинений: Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук / Под ред. Л.Н. Майкова, Е.И. Якушкина, П.О. Морозова. Т. 1–4. СПб.; Пг., 1899–1916 (первый том 1-м изданием вышел тиражом 1312 экз., 2-м изданием — 1915 экз.; второй том — 3114 экз. и т.д.). Годом позже было выпущено 6-е издание «Полного собрания сочинений» Пушкина под ред. П.А. Ефремова в 7 томах тиражом 2000 экз. В 1907 г. началось печатанием шеститомное собрание сочинений поэта под редакцией С.А. Венгерова тиражом 15000 экз. С каким именно изданием Оксман связывает 1906 г., неясно.

[6] См.: *Бушмин А.С.* О научном и общественном авторитете литературоведения // Русская литература. 1962. № 1. С. 3–14. В этой статье, в частности, говорилось: «Приступив к подготовке академического издания собрания сочинений и писем И.С. Тургенева, институт, основываясь на опыте предшествующих академических изданий классиков, предполагал, что количество подписчиков не превысит нескольких десятков тысяч. Так полагало и Издательство Академии наук. Предположение казалось тем более основательным, что в Гослитиздате собрания сочинений Тургенева не переставали выходить в свет. Фактически же количество подписчиков на академическое издание Тургенева достигло 200 тысяч. Приятная эта неожиданность или неприятная? Казалось бы, странный вопрос! Конечно, приятная! Она, эта неожиданность, свидетельствует о высокой культуре нашего народа и о том, что народ с большим уважением и доверием относится к академическим трудам. И это должно было бы действовать вдохновляющим образом на людей, занятых подготовкой издания. И вот, как ни странно это, отдельные сотрудники издания восприняли массовость подписки как печальный факт. Почему же? Да просто потому, что для 200 тысяч подписчиков академическое издание должно иметь другой тип, нежели тот, который практиковался прежде».

[7] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. (30 кн.). М.; Л., 1960–1968.

[8] В июне 1959 г. Оксман стал членом редакционной коллегии этого собрания сочинений Тургенева (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1078. Л. 14. Выписка из протокола № 14 заседания Бюро ОЛЯ АН СССР от 16 июня), писателя, творчеством которого Оксман начал вплотную заниматься в самом начале 1920-х гг., и сразу принял непосредственное участие в этом крупном издательском проекте 1960-х гг., осуществлявшемся практически параллельно с герценовским собранием сочинений, но начавшемся изданием несколько позднее. Второй и третий тома собрания вышли под редакцией и с комментариями Оксмана и включили в себя «Сцены и комедии», таким образом, подводя итог многолетнему изучению драматического наследия Тургенева, поскольку появились спустя три десятилетия после опубликования аналогичных томов в составе «Сочинений» (в 1929–1930 гг.). Отдел «Другие редакции и варианты» занимал в анализируемых томах 2/3 первой книги и 1/6 второй книги, включая в себя варианты первопечатного текста, первые и последующие рукописные редакции как пьес целиком, так и отдельных сюжетных эпизодов (с учетом вариантов и передачей в подстрочных примечаниях всех особенностей автографа), данные журнальных редакций, варианты цензурных и типографских гранок журнального текста, наконец, варианты прижизненных изданий. В качестве приложения во втором томе были опубликованы сохранившиеся в бумагах Тургенева перечни написанных, начатых и задуманных пьес с соответствующей интерпретацией и комментированием их содержания и обоснованием датировок. В редактуре четвертого и восьмого томов ученый участвовал вместе с С.А. Макашиным и Н.В. Измайловым. Отзывы и рецензии Оксмана на отдельные тома (1961–1965 гг.), а также проспекты томов, протоколы заседаний редколлегии и связанная с этим переписка (1959–1967 гг.) сохранились в его архиве: Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 175, 1103.

[9] В стенограмме пропущено слово. По-видимому, следует читать: «<воспользовался> копией и дописал».

III.

Вопросы композиции в изданиях классиков[1]

В практике наших академических изданий в последние годы стала давать себя знать определенная тенденция, сводящаяся, по сути дела, к подмен<е> полного собрания сочинений того или иного автора полным собранием печатных и рукописных первоисточников их текста.

В связи с этим и материал, подлежащий учету лишь в разделе «других редакций и вариантов», а также «черновых набросков и отрывков», стал перекочевывать в основной раздел тома. Редактор стал перекладывать на читателя решение очень сложных текстологических проблем, отказавшись от выбора основного текста. Так, напр<имер>, в основном тексте некоторых глав «Капит<анской> дочки» под строкою даются варианты черновых редакций. Так, напр<имер>, в акад<емическом> изд<ании> Лермонтова, в основном тексте, на равных правах, печатаются две редакции стихот<ворения> «Прощай, немытая Россия» (т. II, 1954, стр. 191).

Старые академические издания наших классиков рассчитаны были не на широкий круг читателей, а на небольшую группу специалистов. Поэтому, в этих изд<ани>ях всё, начиная от их композиции и кончая аппаратом, строилось вне учета специфики худож<ественного> текста, как произведения искусства.

Хронологич<еская> цепь, самая строгая, вне учета жанров (мировой шедевр тонул в случайных экспромтах), степени законченности текста, бесспорного и дубиального отношения самого автора к размещению тех или иных текстов в прижизненных изданиях. Задача — только одна, лучше обеспечить работу биографа, дав ему единую цепь, без разбора и выбора, материал для «трудов и дней». Поэтому и предпочтение транскрипций всем другим видам подачи вариантов.

Никто не задумывался над тем, что во всех акад<емических> изданиях грубо попиралась воля художника, создававшего и печатавшего свои произведения в учете[2] на определенное их звучание, придававшего большое значение той или иной последовательности произв<еден>ий в томе (Значение контекста!).

Педантически борясь за орфографию и пунктуацию подлинника, мы грубо топчем ногами гораздо более значимые проявления воли художника, воли мастера.

Вопросы жанра статьи и рецензии обычно вовсе не привлекают внимания. А едва ли правильно печатать в искусственной хронол<огической> цепи и ответ<ственные>, подлинные статьи, и маленькие анонимные рецензии, и заметки в хронике (см., напр<имер>, тексты Добролюбова)[3].

Автограф: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 1–2об.

[1] Датируется нами первой половиной 1954 г. (предположительно — март-апрель) по содержанию: упоминание в тексте академического издания (*Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. М.; Л., 1954; том подписан к печати 30 января 1954 г.). Вполне вероятно, что появление этих заметок было связано с подготовкой доклада, прочитанного Ю.Г. Оксманом на совещании ИМЛИ и ИРЛИ АН СССР по вопросам текстологии 12 мая 1954 г.

[2] Возможно, следует читать: «в <расчете> на».

[3] Оксман имел многолетний опыт в области изучения биографии и наследия Добролюбова, а в особенности — текстологии его сочинений, поскольку в 1931–1936 гг., до ареста, был заместителем главного редактора и руководителем всей архивной, текстологической и комментаторской работой над первым советским шеститомным собранием сочинений Добролюбова; в качестве редактора и комментатора он подготовил первые три тома собрания сочинений, включившие статьи и рецензии Добролюбова за 1856–1862 гг. 8 октября 1930 г. Оксман в письме к главному редактору издания, П.И. Лебедеву-Полянскому, рассказал о некоторых эпизодах этой работы и высказал соображения относительно ее дальнейшего осуществления: «При розысках дневников я успел перерыть весь рукописный отдел Пушк<инского> Дома (в том числе и неразобранные фонды). Добролюбовских материалов оказалось очень много (гл<авным> обр<азом>, письма, рукописи беллетристич<еских> произвед<ений>, журнальные расчетные книги и ведомости, масса стихотворений; критич<еских> статей и рецензий, однако, маловато). Думается, что следовало бы сделать краткую научную опись всего Добролюбовского рукописного наследия (как это мы сделали в прошлом году для Пушкина), где бы оно ни находилось (Ленинград, Москва, Саратов, Нижний Новгород и пр.). Такая опись очень облегчила бы работу всех исследователей и редакторов Добролюбова, и опубликовать ее можно было бы в приложениях к первому или последнему тому» (Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 2). Более поздние по времени письма Оксмана Лебедеву-Полянскому в значительной степени отражают текстологические взгляды ученого применительно к работе над первым научным изданием литературного наследия Добролюбова (установление и подача текста тех или иных произведений, принципы их публикации и т.д.; в отношении композиции предпочтения Оксмана отражали ранний этап его текстологических поисков, когда он еще был склонен к использованию тех принципов композиционного построения, которые в 1950–1960-е гг. претерпели в его практике значительные изменения): «Вы якобы настаиваете на том, чтобы каноническим текстом считать текст первого отдельного издания, если нет рукописи или корректуры. Против этого пункта я решительно возражаю и вот почему. Каноническим текстом никак нельзя признать текст не авторизованный. Не говоря уже о том, что Н.Г. Чернышевский мог, как каждый редактор, делать частные промахи корректорского порядка, он, как живой политический боец, как революционер-практик, сознательно мог использовать свою редакторскую работу для пропаганды одинаково вдохновлявших его и Добролюбова идей, мог договаривать за Добролюбова то, что тот, конечно, и сам хотел сказать, но по цензурным соображениям все-таки не сказал <…> Вывод: за основной текст в новом издании Добролюбова принимается текст рукописи или авторизованной корректуры с учетом поправок стилист<ического> порядка, сделанных в “Современнике”. Статьи, автографы кот<орых> не сохранились, даются по их журнальным редакциям, с учетом, по изданию Чернышевского, тех мест, кот<орые> извращены или вовсе изъяты цензурой <…> М.К. Лемке, а за ним и Аничков, очень разумно и осторожно

применили квадр<атные> скобки для обозначения того, что изъято было из журн<альной> редакции. Они дали, т<аким> обр<азом>, сразу два текста (не прибегая к контаминации), — и этим выгодно отличались от всех предыдущих ненаучных изданий. Ошибка Лемке и Аничкова заключалась, однако, в том, что и они недооценили журнальных редакций, т.е. отнесли в примечания стилистич<еские> особенности изменения текста “Соврем<енника>”. М<ежду> тем — следовало поступить иначе: все стилист<ические> особенности издания Чернышевского оговорить в примечаниях, как варианты гипотетической ранней редакции, а в основ<ном> тексте дать текст “Современ<ника>”, дополненный, в квадр<атных> скобках, цензур<ными> изъятиями, по тексту издания Чернышевского <…> я считаю крайне нежелательным устройство второго этажа при тексте Добролюбова, что получится, если мы будем давать под строкою наши редакторские разъяснения, дополнения и справки библиограф<ического> типа. — Всё это я предлагаю перенести в примечания в конце каждого тома, а под строкою оставить только примечания самого Добролюбова, да переводы иностр<анных> слов и речений <…> затронув вопрос о композиции томов, не могу не поделиться своими соображениями по поводу материала своих томов. Вообще, конечно, я стоял бы не за тематическое, а за хронологич<еское> распределение по томам критико-публицистического текста Добролюбова (Беллетристика и стихи — дело, конечно, другое; как и письма, худож<ественная> работа подлежит выделению в особые тома). Мне кажется, что сам Добролюбов был бы глубоко возмущен, увидя свои статьи разделенными на литерат<урно>-крит<ические>, на педагогическ<ие>, на публицистич<еские> (Почему бы уж не выделить историч<еских> статей, географических и т.д.?). Но другое дело — жанровые отличия статей в отделе “Критика” и заметок в отделе “Новые книги”. Учесть при распред<елении> материала по томам и в пределах тома эти группы статей очень следовало бы» (письмо от 13 июня 1931 г. // Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 9–9об., 10, 10об., 11–11об.); «Если Вы хотите придать настоящему изданию академический характер, то можно ли игнорировать ранние писания Добролюбова по истор<ико>-литературным и филологическим вопросам, можно ли исключать из первого тома наброски неоконченных статей, компилятивные заметки из “Слухов” (вроде “Полежаева”) и пр. Место этим опытам, конечно, в приложениях, а не в основном тексте, но в акад<емическом> изд<ании> напечатано должно быть всё, писанное Добролюбовым» (письмо от 7 июня 1933 г. // Архив РАН. Ф. 597. Оп. 4. Ед. хр. 55. Л. 31–31об.). Ср. с положениями редакционного предисловия к первому тому собрания, написанного Оксманом: «При перепечатке публикаций Добролюбова в “Современнике” мы сочли необходимым отделить статьи, появившиеся в отделе “Критика”, от рецензий, группировавшихся в отделе “Новые книги”. Эти журнальные рубрики, спорные во всех изданиях “Сочинений” Добролюбова, были далеко не безразличны и для редакции “Современника”, и для самого Добролюбова и даже для его читателей. Статья, рассчитанная на отдел “Критика”, строилась и воспринималась как журнальная передовица, всегда должна была иметь определенную декларативно-установочную или проблемную значимость, давать не эпизодические разборы, а уже как бы итоги критической проработки того или иного автора <…> Несравненно менее ответственны, всегда анонимны и нередко даже случайны беглые отклики Добролюбова на текущую печатную продукцию в рубрике “Новые книги”. Не всегда рассчитанные на широкий общественно-литературный резонанс, рецензии Добролюбова и по своему материалу и по методам его оформления резко отличаются от его же статей» (От редакции // Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Литературная критика. Статьи и рецензии 1856–1858 гг. [М.;] Л., 1934. С. XII). Выход в свет нового собрания сочинений Добролюбова в 1961–1964 гг. естественным образом заставил Оксмана самым внимательным образом изучить его и даже вступить в небольшую полемику с редакцией издания. Об этом многие годы спустя писал историк литературы и текстолог Б.Ф. Егоров: «Большинство членов редколлегии и составителей томов без колебаний сошлось во мнении, что, помимо художественных произведений, дневников и писем, все публицистические и литературно-критические материалы нужно публиковать в едином хронологическом порядке без разделения на статьи и рецензии. Если в 1840-х годах, во времена Белинского, разделение еще имело смысл, то редакция “Современника”, понимая условность жанровой специфики, с 1858 года отказалась от дробных разделов, и в каждом номере журнала имели место только два отдела “Словесность, наука и художества” и “Критика и библиография”». Далее

мемуарист привел весьма любопытный фрагмент письма Оксмана к нему от 4 сентября 1959 г., в котором ученый отстаивал свою позицию по этому вопросу, расходящуюся с мнением всей редколлегии: «Хронологический принцип устраивает не читателя, а исследователя <…> Но как можно в интересах нескольких десятков специалистов отпугивать от наших классиков миллионы читателей, как можно глумиться над волей автора, вытягивая в струнку и его шедевры, и его халтуру, механически объединять перлы мировой лирики с детскими виршами и случайными экспромтами <…> А ведь этот самый хронологический принцип часто является совершенной условностью, ибо даже произведения Пушкина, печатавшиеся как лицейские, оказывались потом предсмертными (и наоборот!). Но ведь и Добролюбов должен печататься даже по вашему плану не по законам Лемковского издания Герцена, а с учетом жанра произведений, ведь не даете вы “Свисток” вперемежку с рецензиями и статьями! Так почему же не задуматься об отделении статей от рецензий, подписанного от анонимного. Знаю, что в отделе “Библиографическая хроника” печатались иногда и статьи (например, рецензия на Розенгейма). Но ведь данных случаев 5–6, и мы перенесем эти мнимые рецензии в первый раздел, объяснив свое решение в примечаниях» (*Егоров Б.Ф.* Воспоминания. СПб., 2004. С. 313, 314).

IV.

Вопросы текстологии.

<Заметки к специальному курсу лекций>[1]

Текстологией называется филологическая дисциплина, изучающая приемы критического изучения текста всех видов художественных и научных произведений, государственных и частных актов, отдельных документов, писем и т.п., — как рукописных, так и печатных. <…>

Текстология, как научная дисциплина, находится еще в стадии оформления. Ее представляют в нашем литературоведении кустари-одиночки, люди большого опыта, достигшие в своей личной практике иногда предельного мастерства, ювелирной техники работы, но еще теоретически не осмыслившие своего опыта, не успевшие даже подытожить его результатов. Мы не располагаем не только учебником текстологии, но даже сводом основных ее правил, инструкций, сборниками статей по конкретным вопросам текстологич<еской> работы. Ценная книга Б.В. Томашевского, обобщившая опыт его практич<еской> работы, как редактора классиков, методологически несостоятельна и фактически отражает лишь период, т<ак> с<казать>, «первоначального накопления» материала — давно пройденную стадию советской текстологии[2].

Пушкинисты — как текстологи. Я.К. Грот и его воспр<ятие> текста «19 октября»[3]. В.Е. Якушкин[4]. М.Л. Гофман[5]. Фетишизм документа — «транскрипция» вм<есто> критического изучения. «Здравый смысл», а не методология филологич<еской> работы <…>

Классификация рукописей:

1. Автографы; 2. Списки или копии (но копию может снять и сам автор, — напр<имер> письмо Бел<инского> к Гоголю, «Вольность»[6]). Копии авторитетные, авторизованные и случайные. Иногда список ценнее автографа. Напр<имер>, в тех случаях, когда автограф ранний, а список копирует недошедшую до нас беловую редакцию. Напр<имер>, списки «Кинжала»[7], «Царь наш — немец русский»[8], «Горе от ума»[9]. Беловики и черновики. Авторская «сводка».

Регистрация рукописей и их описание

Регистрация — нумерация, шифр. «Дипломатика» — указ<ание> материальных особенностей рукописи: ее формат, качество бумаги, водян<ые> знаки, цвет чернил или карандаша, обрез (это важно для установления подлинности документа, существенно для датировки). Примеры: «К кастрату раз пришел скрипач» (дата по вод<яному> знаку!), крит<ические> наброски Пушкина, бумаги Раевского. <…>

Полнота издания не означает права на равноправное соседство шедевров поэта с его черновиками или с начальными набросками больших произведений, из кот<оры>х потом выделяются новые произв<еден>ия. Ср. так называемые послания Раевскому[10].

Более сложен такой случай, как черновое послание к брату, Л.С. Пушкину (1824 г.) <…>

Этот черновик исключительно ценен для биографов Пушкина, как документальное подтверждение планов бегства Пушкина из Одессы за границу. Но можно ли считать этот текст необход<имой> принадлежностью массовых изданий Пушкина?

Ведь Пушкин не просто забраковал или утаил эти стихи от читателя. Он их широко использовал в своей послед<ней> работе. Так, например, строфа вторая перекочевала в «Цыганы», в т<ак> н<азываемый> монолог Алеко — сыну («Прими привет сердечный мой, Дитя любви, дитя природы И с даром жизни дорогой Неоцененный дар свободы» и пр.).

А строфа 3-я оживает почти дословно в 6-ой главе «Онегина»[11] <…>

Пушкин не допускал печатных самоповторений, словесных и ритмических дубликатов. Иногда из-за одной строчки оставались ненапечат<анными> замеч<ательные> произв<еден>ия <…>

Однотомники

Наиболее демократ<ичная> форма издания (компактность, дешевизна). «Полн<ое> соб<рание> соч<инений> рус<ских> авторов» Смирдина[12].

Однотомники поэтов. Однотомники романистов и драматургов. Трудности дать полное собрание сочинений в одном томе (Писемский, Тургенев, Островский).

Вопрос о вариантах и о комментариях в однотомнике. История издания однотомника Лермонтова (работа Б.М. Эйхенбаума)[13].

Хронология. Размещение материала или хронологическое или жанровое. Размещение материала по циклам прижизненных изданий. Напр<имер>, изд<ание> Баратынского в «Биб<лиотеке> поэта» в 1936 г.

М.Л. Гофман отказался от сборника 1835 г. и более поздних исправлений старых текстов, предпочтя им первые публикации в изд<ании> 1827 г. и в журналах и альманахах (Мотив — Барат<ынский> завоевал признание в нач<але> 20-х годов, а потом только портил свои стихи) [14].

Буржуазно-формалистическая текстология, в основе которой лежит методология субъективного идеализма, оставила след и в текстологии советской. Функцию передаточной инстанции осуществлял М.Л. Гофман, автор «Первой главы науки о Пушкине»[15]. Рецидив этих взглядов мы находим и в первых работах Б.В. Томашевского, К.И. Халабаева, Б.М. Эйхенбаума[16]. «Категорич<еский> императив»: «последняя воля автора»[17] (Гофман) или обратный принцип — только рукопись (Б.В. Томаш<евский> в первых издан<иях> однотомника Пушкина) — одинаково неприемлемы (ср. вопрос о «канонич<еском>» тексте Успенского, когда одинаково неприемлемы опоры и на рукопись и на послед<нее> издание)[18].

Нет и не может быть никаких априорных абсолютов при реш<ении> вопроса о канонич<еском> тексте. В каждом конкретном случае вопрос решается филологической критикой конкретного текста конкретного произведения конкретного автора. Без предварит<ельного> детального изучения рукопис<ного> и печат<ного> наследства того или иного автора нельзя давать рецептуры издания.

Академическое издание должно предшествовать массовому. Во многих отношениях редактор акад<емического> издания легче разрешает проклятые вопросы, ибо в его распоряжении больше возможностей (аппарат издания: варианты и примечания). В академ<ическом> издании мы имеем возможность давать две и даже три редакции произведения. («Портрет» Гоголя, «Тарас Бульба» — текст «Миргорода» 1834 г. и текст четырехтомн<ого> собр<ания> соч<инений> 1842 г.).

«Русские Ночи» В.Ф. Одоевского (1844 г.). В 1913 г. С.А. Цветков выпустил нов<ое> издание этого цикла повестей, при чем не ограничился перепечаткой последних, а обратился к архиву Одоев<ского>, в кот<оро>м оказался экз<емпля>р «Р<усских> Ноч<ей>» с поправками и дополнениями Одоевск<ого>. Поправки очень интересные, напр<имер>: «сила молитвы» заменяется «силой любви»; «то са-

мое выражение» — «то же глупое выражение»; «в полупотухших остолбенелых глазах мешалась горькая зависть с бешеным воспоминанием прошедшего, — и всё вертелось, прыгало, бесновалось в сладострастном безумии». Эта сентенция заменена была короткой: «горькая зависть с горьким воспоминанием прошедшего».

Что это за поправки? Если бы это были поправки 40-х годов, мы могли бы поставить вопрос об их учете, но это переделка 60-х годов!

15 лицейских стихотворений, переделанных для издания 1826 г[19].

Рабочая транскрипция

Печатные транскрипции, подменяющие работу текстолога работой копировальщика, бесполезны. Исследователям и читателям нужны, да и то в очень редких случаях, конкретные варианты и общие выводы (по творч<еской> истории произведения). Даже фотография рукописи имеет очень огранич<енное> значение, если эта фотография не сопровождается научным описанием рукописи, кот<ор>ая была сфотографирована. Иногда фотографии не помогали, а лишь запутывали исследователя (Пример — редакционная работа Козьмина над критической прозой Пушкина)[20].

Но для себя, для черновой лабораторной работы над изуч<ением> черновой рукописи, полезна рабочая транскрипция.

Чем ближе эта транскрипция будет к фотографии — тем лучше. Поменьше услов<ных> обозначений, а побольше точности в передаче оригинала (зачеркнутое — и самим перечеркивать, надписанное и самим надписывать). Но всё делать в бóльших масштабах, чем в оригинале. Именно увеличенные масштабы облегчают изучение. Сочетать транскрипцию с описанием (цвет чернил, последовательность нанесенных поправок, карандаш и чернила, особенности бумаги). Знаки вопроса (чем сомнительнее ваша расшифровка того или иного слова, тем больше «? ? ?») <...>

Анонимные тексты как раздел текстологии. 1) Тексты печатные (статьи без подписей в журналах и альманахах); 2) Тексты рукописные <…>

Основной задачей текстологии, в наиб<олее> общей формулировке, является правильное прочтение авторского текста* (А.Б. Шапиро). Против этого ничего нельзя возразить, к этому нечего прибавить, но раскрытие приведенной формулировки приводит к постановке целого ряда серьезнейших вопросов, касающихся как

содержания работы текстолога, так и методов ее («Текстологич<еские> заметки»).

* Но «телеология» этого чтения? — Издание текста. И не текста, а текстов. Отдель<ное> произведение и совокупность произ<ведени>й, собрание сочинений и полн<ое> собр<ание> сочинений.

Советский текстолог — это вовсе не квалифицирован<ный> корректор — это литературовед высшего класса.

Накоплен огромный опыт, но не обобщен. Теория отстает от практики.

Наука ли текстология? Нет, она не отвечает основному критерию, определяющему сущность той или иной самост<оятельной> научной дисциплины, не вскрывает объективные законы развития природы или общества, не изучает объективно-истор<ических> закономерностей.

Вспомогат<ельная> филологич<еская> дисциплина, как палеография, археография, или часть источниковедения[21].

Автограф: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 1, 1об.–2, 2об., 3об., 4, 9–11об., 13а, 14–15. Опущен ряд выписанных Ю.Г. Оксманом цитат из текстологических работ и поэтических текстов, а также рабочие библиографические выписки и конспективные наброски планов лекций.

[1] Датируется второй половиной 1950-х гг. (предположительно 1956–1958), в частности по содержанию — цитирование в тексте «Текстологических заметок» А.Б. Шапиро (см.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956. С. 285–298) и расположение нескольких последних абзацев заметок на обороте машинописного черновика рецензии Оксмана «Новый библиографический путеводитель по “Колоколу” Герцена» (Вопросы литературы. 1958. № 11. С. 214–220).

[2] Этот весьма спорный отзыв относится к изданию: *Томашевский Б.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1928 (2-е изд., испр. и доп.: М., 1959).

[3] В собрании трудов историка литературы, лингвиста, текстолога Якова Карловича Грота (1812–1893) значительную часть третьего тома занимает раздел «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», включающий главу «Автограф “19 октября”». Она представляет собой очерк истории автографа стихотворения Пушкина (с воспроизведением текста и сопутствующими комментариями), приобретенного М.Л. Яковлевым по просьбе Н.И. Миллера и хранившегося тогда в Александровском лицее. Автограф отличался от текста, появившегося в печати при жизни Пушкина, тем, что заключал в себе восемь строф, опущенных при публикации. При этом различия были переданы в работе Грота с помощью типографского зачеркивания строк, а иногда и целых строф, а также помещения вариантов печатного текста над зачеркнутыми фрагментами текста автографа, что представляло собой очень несовершенный прообраз использовавшейся следующими поколениями текстологов транскрипции (см.: Труды Я.К. Грота. III. Очерки из истории русской литературы (1848–1893): Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки / Изд. под ред. проф. К.Я. Грота. СПб., 1901. С. 142–154).

[4] В данном случае имеются в виду не утратившие своего научного значения работы историка русской литературы, публициста Вячеслава Евгеньевича Якушкина (1856–1912),

уже с 1880-х гг. весьма плодотворно разрабатывавшего источниковедческую базу пушкинистики, в частности: *Якушкин В.Е.* Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 2–12, февр.–дек.; *Якушкин В.Е.* О Пушкине: Статьи и заметки. М., 1899. Обстоятельствам публикации первой из них Оксман посвятил специальную работу: *Оксман Ю.Г.* Эпизод из истории пушкинского печатного текста // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXI–XXXII. Л., 1927. С. 61–66. Кроме того, в 1883 г. в газете «Русские ведомости», в 1887 г. в журнале «Русская старина», а также в 1903 г. в журнале «Литературный вестник» появлялись отзывы Якушкина об изданиях собраний сочинений Пушкина, содержащие их критику именно с источниковедческой и текстологической сторон.

[5] Речь идет, главным образом, о книге «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (1922; 2-е изд., исправленное и дополненное автором, вышло в том же году), написанной пушкинистом, литературоведом, поэтом Модестом Людвиговичем Гофманом (1887–1959). В ней весьма тенденциозно оценивалось положение отечественного пушкиноведения, например: «Что мы знаем о процессе поэтического творчества Пушкина, о его композиции и поэтических приемах? — На этот вопрос легко и просто ответить одним словом — ничего. В изданиях сочинений Пушкина печатаются варианты, почерпнутые из печатных изданий и захваченные во время случайных набегов на рукописи Пушкина, но эти варианты только загромождают издания и не служат материалом для исследования вопроса о том, как работал Пушкин, как добивался он поэтического совершенства, и в чем он видел поэтическое совершенство». Первая глава, после предисловия, занимавшего четвертую часть всего объема книги, открывалась утверждением автора о том, что «до сих пор у нас нет ни канонического текста, ни полного собрания сочинений Пушкина. Более того: при современном состоянии пушкиноведения и не предвидится появление такого издания сочинений Пушкина, и даже самая возможность его ставится под вопрос». Основное содержание книги составляла критика редакторской работы в области пушкинской текстологии с начала 1880-х г. вплоть до современных автору изданий сочинений Пушкина с привлечением многочисленных примеров. Приводя образцы редакторского своеволия, контаминаций, Гофман вместе с тем не предлагал критикуемому им пушкиноведению ничего нового, ограничиваясь лишь общими замечаниями в таком роде: «недопустимы никакие исправления и дополнения из черновых рукописей или из творческого воображения редактора, недопустимы никакие вставки “на свои места” пропущенных строф и отрывков, кроме тех случаев, когда такие вставки и изменения произошли от вторжения в текст поэта цензурного произвола <…> В основу датировки должна лечь датировка самого поэта (в его изданиях, рукописях, перечнях и письмах); может и должна быть исправлена датировка и самого Пушкина, но это исправление может производиться только на основании совершенно точных и бесспорных данных» (*Гофман М.Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Изд. 2-е, доп. Пб., 1922. С. 44, 49–50, 151–152, 158).

[6] См.: *Оксман Ю.Г.* Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Ученые Записки Саратовского государственного университета. Вып. филолог. Т. XXXI. Саратов, 1952. С. 111–204. В начале 1955 г. Оксман намеревался осуществить свой многолетний замысел — подготовить и выпустить в свет отдельное академическое издание этого литературного памятника, о чем свидетельствует его заявление в редакцию академического собрания сочинений Белинского, датированное 5 февраля 1955 г., с просьбой включить в план изданий ИРЛИ АН СССР его работу «Письмо Белинского к Гоголю. Текст. Варианты. Исследование»: «В настоящем издании будет существенно уточнен текст письма Белинского к Гоголю, установленный мною еще в 1948 г. и опубликованный в “Литературном Наследстве” (т. 57). В 1948 г. в моем распоряжении было 20 списков письма — в настоящее время мною выявлено в государственных архивах и частных собраниях еще <1>4 списков, позволяющих внести значительные исправления в текст общеизвестный. Существенные дополнения и уточнения внесены мною и в историю распространения письма, установленную в моем исследовании “Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ” (“Ученые Записки СГУ”, т. XXXI, 1952). Заново написаны мною главы: Белинский и традиции “Путешествия из Петербурга в Москву” Радищева; Письмо Белинского к Гоголю в восприятии ссыльных декабристов; Письмо Белинского к Гоголю и его политическая функция в годы Крымской войны; Письмо Белинского к Гоголю и записка Л.Н.Толстого о положении русской армии в 1854–1855 гг.; Письмо Белинского к Гоголю и нелегальная литература 60-70-х годов; Письмо Белинского к Гоголю и большевистская печать 1905–1917 гг. Размер издания 10 печатных листов»

(РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1070. Л. 20). Издание осуществлено не было. В архиве Оксмана сохранились: машинопись упомянутого исследования 1952 г. с правкой автора, примечания к неосуществленному изданию, о котором Оксман пишет в процитированном заявлении, а также целый ряд черновых заметок и рабочих выписок к исследованию (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 44, 60, 127). См. также исследование Оксмана, посвященное «Вольности» (см. примеч. 10 к стенограмме выступления 12 мая 1954 г.).

[7] Сохранились лишь два автографа этого стихотворения — черновой в записной книжке, находящейся в собрании РНБ, и еще один, с целым рядом неточностей — в тетради из библиотеки С.Д. Полторацкого, хранящейся в НИОР РГБ (Пушкин, дописывая окончание «Кинжала» в текст, с ошибками переписанный Полторацким, намеренно сделал еще одну ошибку). При публикации стихотворения в Академическом Полном собрании сочинений Пушкина в 1949 г. в основу были положены данные списков из тетрадей В.Ф. Щербакова, А.В. Шереметева, а пятая строфа публиковалась на основании учета данных автографа и целого ряда списков, по мнению публикаторов, восходящих к утраченному беловому автографу.

[8] Оксман посвятил истории возникновения и распространения этой агитационной песни подробную, богато документированную источниковедческими и текстологическими данными статью: *Оксман Ю.Г.* Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. Т. I. М., 1954. С. 69–84.

[9] См.: *Пиксанов Н.К.* История текста «Горя от ума» и принципы настоящего издания // Грибоедов А.С. Горе от ума / Изд. подгот. Н.К. Пиксанов при участии А.Л. Гришунина. 2-е изд., доп. М., 1987. (Литературные памятники). С. 388–443.

[10] Отсылаем читателя к статье на эту тему: *Цявловский М.А.* Стихотворения, обращенные к декабристу В.Ф. Раевскому // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 15–27.

[11] Речь идет о стихотворном «Послании к Л. Пушкину» («[Что же? будет] ли вино?»), фрагмент которого сам Пушкин опубликовал еще в 1833 г., как примечание к XLV строфе четвертой главы «Евгения Онегина».

[12] Издатель Александр Филиппович Смирдин (1795–1857) в издававшейся им в 1846–1856 гг. серии «Полное собрание сочинений русских авторов» выпустил тома сочинений Батюшкова, Веневитинова, Гнедича, Грибоедова, Даля, Дельвига, Державина, Карамзина, Лермонтова, Ломоносова, Тредиаковского и многих других авторов.

[13] Упомянуто издание: *Лермонтов М.Ю.* Сочинения / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. 6-е изд. М., 1934. А.В. Блюм писал, что в начале 1930-х гг., по причине весьма сомнительного «пуританизма» советской цензуры, «Главлит предписал “изъять из общественных и школьных библиотек собрания сочинений Лермонтова (4-е и 5-е издание ГИЗа за 1931 г.)”, а в дальнейшем новое издание разрешил “при условии изъятия порнографических стихотворений и пересмотра его писем”. В результате такой вивисекции 6-е издание “Сочинений” <…> Лермонтова было сильно сокращено сравнительно с предшествующими (удален ряд юношеских стихотворений, писем и т.д.)…» (*Блюм А.В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003. С. 443).

[14] *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. В 2 т. / Ред., коммент. и биогр. статьи Е. Купреяновой, И. Медведевой; вступ. статья Д. Мирского. Л., 1936. (Б-ка поэта. Большая серия). Во второй том этого издания вошли поэмы Баратынского, а первый том включал следующие разделы: сборник стихотворений 1827 г.; избранные тексты из собрания «Стихотворения Евгения Баратынского» 1835 г., дополняющие издание 1827 г.; сборник «Сумерки»; стихотворения последних трех лет жизни Баратынского, а также в качестве приложения — стихотворения, не включенные в сборники, написанные совместно с другими поэтами, а также приписываемые Баратынскому. Оксман упоминает также подготовленное М.Л. Гофманом издание: Полное собрание сочинений Е.А. Боратынского / Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана. В 2 т. СПб., 1914–1915.

[15] См. примеч. 5 и 17.

[16] Надо полагать, что имеются в виду уже упомянутые работы Томашевского по изданию наследия писателей-классиков (участие в собраниях сочинений, подготовка к печати однотомных изданий сочинений Пушкина, Достоевского, Островского, Гаршина, Гончарова, Кольцова в 1920-е гг.), по составлению и редактуре томов серии «Библиотека

поэта», а также работа историка литературы Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959) и литературоведа, издательского работника Константина Ивановича Халабаева над изданием наследия Лермонтова, их опыт подготовки собраний сочинений Тургенева, Гоголя, Салтыкова-Щедрина в 1920–1930-е гг.

[17] Процитируем соответствующий фрагмент книги Гофмана: «Редактор сочинений Пушкина должен стремиться к тому, чтобы наиболее полно и совершенно выразилась и осуществилась воля художника <…> и чтобы тщательно собран был весь его поэтический материал, но вполне и безусловно должен отказаться от всякого переделывания и искажения созданий Пушкина, от всякого совместного с Пушкиным авторства. Автором — должен быть только Пушкин, редактор же должен наблюдать, чтобы самодержавно-художественная воля Пушкина не была нарушаема посторонними вторжениями; редактор должен отказаться от всякого сочинительства и должен помнить, что без приглашения автора никакое авторское сотрудничество недопустимо. Побольше такта и уважения к воле художника — Пушкина, поменьше посягательств на переиначивание, переделывание его созданий и на его художественную волю!» (*Гофман М.Л.* Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. С. 57–58).

[18] Это замечание Оксмана относится к тому известному обстоятельству, что Глеб Успенский, готовя к отдельному изданию, к примеру, свои очерки или рассказы, напечатанные ранее в журналах, нередко подвергал их весьма значительной правке и неоднократным сокращениям, которые, в свою очередь, не всегда были последовательными и доведенными до конца, отчего в текстах при последующих изданиях возникали некоторые текстовые неясности. Переработка в ряде случаев доходила до того, что из прежнего текста, путем развития сюжетной линии, намеченного образа и т.д., возникало новое самостоятельное произведение. Также некоторые из рассказов писателя, собранные им в единый цикл, впоследствии изымались и публиковались им как отдельные произведения, имели место также и обратные примеры его обращения с собственными текстами. В девятитомном собрании сочинений писателя, выходившем в середине 1950-х гг., т.е. наиболее близком ко времени написания публикуемых заметок Оксмана, значительная часть текстов публиковалась по последнему прижизненному изданию: Сочинения Глеба Успенского в двух томах. Т. 2. 3-е изд. Ф. Павленкова. СПб., 1889.

[19] См.: *Кн. В.Ф. Одоевский*. Русские ночи / Под ред. [и с предисл.] С.А. Цветкова. М., 1913. Не решаясь комментировать указание Оксманом на изменения в текстах лицейских стихотворений Пушкина, произведенные для издания 1826 г., отсылаем читателя к наиболее авторитетным статьям на эту тему — «Источники текстов лицейских стихотворений» М.А. Цявловского и «Лицейское творчество Пушкина» В.Э. Вацуро, а также к разделам «Другие редакции и варианты» и «Комментарии» в новейшем академическом издании: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817 / Текст проверили и примечания составили: В.Э. Вацуро, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова; ред. тома В.Э. Вацуро. СПб., 1999.

[20] Литературовед и пушкинист Николай Кирович Козьмин (1873–1942) подготовил две книги IX тома академического издания Полного собрания сочинений Пушкина (начатого еще в 1899 г.). «Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и заметки» под редакцией Козьмина, сданные в набор еще в 1912 г., вышли из печати лишь в 1928–1929 гг. Н.В. Измайлов писал в 1974 г. о текстологических принципах издания в 1900–1910-е гг.: «Единственным способом “подачи” черновых текстов были признаны транскрипции, а “первым образцом” транскрипций — “известная” книга И.А. Шляпкина “Из неизданных бумаг А.С. Пушкина” (1903), т.е. книга, ставшая для текстологов нашего времени образцом того, как не следует читать и передавать печатно черновые рукописи. Но тогда это было действительно “последнее слово” текстологии» (*Измайлов Н.В.* Академическое издание сочинений Пушкина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33, № 3. С. 255).

[21] В июне 1960 г. во внутреннем отзыве на рукопись подготовленного сотрудниками ИМЛИ коллективного труда «Основы текстологии» Оксман высказывал сходные соображения относительно определения самого понятия «текстология»: «В самом определении текстологии как “филологической, литературной науки” меня смущает некоторая шаткость и недостаточная мотивированность словосочетания “филологическая, литературная наука”. Не лучше было бы уточнить эту формулу следующим образом:

“Текстология — это специальная филологическая дисциплина, предметом которой является изучение приемов анализа текстов литературных произведений в целях их правильного понимания, критической проверки, исправления и публикации”». Здесь же, говоря о специфике текстологии, он подчеркивал взаимную связь ее теории и методологии с практической работой текстологов: «…вольный или невольный отрыв теории от практики несовместим с установлением каких бы то ни было закономерностей и достижений в любой научной дисциплине» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 171. Л. 4, 5).

Литература

XI Всесоюзная Пушкинская конференция; Обсуждение в Московском гос. музее А.С. Пушкина Собрания сочинений А.С. Пушкина (М.: Гослитиздат, 1959–1962). 6 февраля 1963 // *Рак В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб.: Академический Проект, 2003. С. 229–245.

Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 403 с.

Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: ГИХЛ, 1961. 616 с.

Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 390 с.

Егоров Б.Ф. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2004. 472 с.

Измайлов Н.В. Академическое издание сочинений Пушкина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 33, № 3. С. 254–256.

«Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // Русская литература. 2003. № 4. С. 182–220.

Оксман Ю.Г. Агитационная песня «Царь наш — немец русский» // Литературное Наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. I. М.: АН СССР, 1954. С. 69–84.

Оксман Ю.Г. Николай Осипович Лернер / Вступ. ст. и публ. С.И. Панова // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). СПб.: Нестор-История; СПбИИ РАН, 2005. С. 164–214.

Оксман Ю.Г. Новое издание Герцена // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 166–171.

Оксман Ю.Г. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Ученые Записки Саратовского государственного университета. Вып. филолог. Т. XXXI. Саратов, 1952. С. 111–204.

Оксман Ю.Г. Политическая лирика и сатира Пушкина // «Тамиздат». От осуждения — к диалогу: Памяти Антонины Петровны Оксман посвящается. Саратов. 1990. С. 63–89.

Оксман Ю.Г. Пушкин и декабристы // Освободительное движение в России: Посвящается памяти Юлиана Григорьевича Оксмана: Межвуз. науч. сб. I. Саратов, 1971. С. 70–88.

Оксман Ю.Г. Пушкинская ода «Вольность» (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы и социально-экономической мысли: Межвузовский науч. сб. Вып. 5, ч. 2. Саратов, 1989. С. 3–33.

Оксман Ю.Г. Стенограмма выступления на конференции по обсуждению юбилейного издания сочинений Л.Н. Толстого 11 ноября 1935 г. в Пушкинском Доме / Публ. В.А. Викторовича // Сюжет и время: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.В. Краснова. Коломна, 1991. С. 188–192.

Оксман Ю.Г. Эпизод из истории пушкинского печатного текста // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXI–XXXII. Л., 1927. С. 61–66.

Парсамов В.С. Ю.Г. Оксман и революция 1917 г. // Вестник РГГУ (Серия «История. Культурология. Филология. Востоковедение»). 2017. № 5 (26). С. 92–108.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 1: Лицейские стихотворения. 1813–1817 / Текст проверили и примечания составили: В.Э. Вацуро, М.Н. Виролайнен, Е.О. Ларионова, Ю.Д. Левин, О.С. Муравьева, Н.Н. Петрунина, С.Б. Федотова, И.С. Чистова; ред. тома В.Э. Вацуро. СПб.: Наука, 1999. 839 с.

Совещание по вопросам текстологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 4. С. 392–396.

Цявловский М.А. Стихотворения, обращенные к декабристу В.Ф. Раевскому // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М.: АН СССР, 1962. С. 15–27.

Шапиро А.Б. Текстологические заметки // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М.: АН СССР, 1956. С. 285–298.

Ptouchkina I. Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Oeuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires // Revue des études slaves. 2012. Vol. 83, numéro 1. P. 41–64.

References

XI Vsesoiuznaia Pushkinskaia konferentsiia.; Obsuzhdenie v Moskovskom gos. muzee A.S. Pushkina Sobraniia sochinenii A.S. Pushkina (M.: Goslitizdat, 1959–1962). 6 fevralia 1963 [XI all-Union Pushkin conference; Discussion of Pushkin's Collected Works in the Moscow Pushkin State Museum (Moscow, Goslitizdat Publ, 1959–1962). February 6, 1963]. Rak V.D. *Pushkin, Dostoevskii i drugie (Voprosy tekstologii, materialy k kommentariiam)* [Pushkin, Dostoevsky and others (Questions of textual criticism, background material for the commentary)]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2003, pp. 229–245. (In Russ.).

Blium A.V. *Zapreshchennye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov. 1917–1991. Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariiami* [Forbidden books by Russian writers and literary critics. 1917–1991. Soviet censorship index with comments]. St. Petersburg, State University of Culture and Arts Publ., 2003. 403 p. (In Russ.).

Egorov B.F. *Vospominaniia* [Memoirs]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004. 472 p. (In Russ.).

"Iskrenne Vash Iul. Oksman" (pis'ma 1914–1970-go godov) ["Sincerely yours Yul. Oksman (letters of 1914–1970)], publ. by M.D. Elzon, intro. by V.D. Rak, comment. by V.D. Rak and M.D. Elzon. *Russkaia literatura*, 2003, no 4, p. 182–220. (In Russ.).

Izmailov N.V. Akademicheskoe izdanie sochinenii Pushkina [Scholarly edition of Pushkin's works]. *Izvestiia AN SSSR. Seriia literatury i iazyka*, 1974, vol. 33, no. 3, pp. 254–256. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Agitatsionnaia pesnia "Tsar' nash — nemets russkii" [Propaganda song "Our Tsar is Russian German"]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 59: Dekabristy-literatory. I* [Literary heritage. Vol. 59: Decembrists — men of letters. I]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1954, pp. 69–84. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Epizod iz istorii pushkinskogo pechatnogo teksta [An episode from the history of Pushkin's printed text]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniia. Vyp. XXXI–XXXII* [Pushkin and his contemporaries. Materials and studies. Issue. XXXI–XXXII]. Leningrad, 1927, pp. 61–66. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Nikolai Osipovich Lerner, intro. and ed. by S.I. Panov. *Pushkin i ego sovremenniki. Vyp. 4 (43)* [Pushkin and his contemporaries. Iss. 4 (43)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., St. Petersburg Institute for History of the RAS Publ., 2005, pp. 164–214. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Novoe izdanie Gertsena [New edition of Herzen]. *Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 1956, vol. XV, no. 2, pp. 166–171. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pis'mo Belinskogo k Gogoliu kak istoricheskii dokument [Belinsky's letter to Gogol as a historical document]. *Uchenye Zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. filolog. T. XXXI* [Saratov State University proceedings. Philol. issue. Vol. XXXI]. Saratov, 1952, pp. 111–204. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Politicheskaya lirika i satira Pushkina [Pushkin's political lyrics and satire]. *"Tamizdat". Ot osuzhdeniia — k dialogu: Pamiati Antoniny Petrovny Oksman posvyashchaetsia* ["Tamizdat". From condemnation to dialogue. In memory of Antonina Petrovna Oksman]. Saratov, 1990, pp. 63–89. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pushkin i dekabristy [Pushkin and the Decembrists]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Posviashchaetsia pamiati Iuliana Grigor'evicha Oksmana: Mezhvuz. nauch. sb. I* [Liberation movement in Russia: In memory of Yulian Grigorievich Oksman. Interuniversity collection of scholarly articles. I]. Saratov, 1971, pp. 70–88. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Pushkinskaia oda "Vol'nost'" (K voprosu o datirovke) [Pushkin's ode "Liberty" (Revisiting the dating)]. *Problemy istorii kul'tury, literatury i social'no-ehkonomicheskoi mysli: Mezhvuzovskii nauch. sb. Vyp. 5, ch. 2* [Problems of the history of culture, literature and socio-economic thought: Interuniversity collection of scholarly articles. Vol. 5, pt. 2]. Saratov, 1989, pp. 3–33. (In Russ.).

Oksman Iu.G. Stenogramma vystupleniia na konferentsii po obsuzhdeniiu iubileinogo izdaniia sochinenii L.N. Tolstogo 11 noiabria 1935 g. v Pushkinskom Dome [Transcript of a speech at the conference discussing the anniversary edition of works by L.N. Tolstoy on November 11, 1935 at the Pushkin House], publ. by V.A. Viktorovich. *Siuzhet i vremia: Sb. nauch. trudov k 70-letiiu G.V. Krasnova* [Plot and time:

A collection of scholarly articles to the 70th anniversary of G.V. Krasnov]. Kolomna, 1991, pp. 188–192. (In Russ.).

Parsamov V.S. Iu.G. Oksman i revolyutsiia 1917 g. [Yu.G. Oksman and the revolution of 1917]. *Vestnik RGGU (Seriia "Istoriia. Kul'turologiia. Filologiia. Vostokovedenie")*, 2017, no. 5 (26), pp. 92–108. (In Russ.).

Ptouchkina I. Julian Grigor'evič Oksman et son rôle dans l'édition académique des Oeuvres d'Alexandre Herzen: ébauche de Mémoires. *Revue des études slaves*, 2012, vol. 83, no. 1, pp. 41–64.

Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: V 20 t. T. 1: Litseiskie stikhotvoreniia. 1813–1817* [Complete works. In 20 vols. Vol. 1: Lyceum poems. 1813–1817], ed. and comment. by V.E. Vatsuro, M.N. Virolainen, E.O. Larionova, Y.D. Levin, O.S. Murav'eva, N.N. Petrunina, S.B. Fedotova, I.S. Chistova. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 839 p. (In Russ.)

Shapiro A.B. Tekstologicheskie zametki [Textual notes]. *Akademiku Viktoru Vladimirovichu Vinogradovu k ego shestidesiatiletiiu. Sb. statei* [To academician Viktor Vladimirovich Vinogradov to his 60th anniversary. A collection of essays]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1956. pp. 285–298. (In Russ.).

Soveshchanie po voprosam tekstologii [Meeting on issues of textual criticism]. *Izvestiia AN SSSR, Seriia literatury i iazyka*, 1954, vol. XIII, no. 4, pp. 392–396. (In Russ.).

Tsiavlovskii M.A. Stihotvoreniia, obrashchennye k dekabristu V.F. Raevskomu [Poems addressed to the Decembrist Rayevsky]. Tsiavlovskii M.A. *Stat'i o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1962. pp. 15–27. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Iazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolia* [Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 390 p. (In Russ.).

Vinogradov V.V. *Problema avtorstva i teoriia stilei* [Problem of authorship and style theory]. Moscow, GIHL Publ., 1961. 616 p. (In Russ.).

“The great experience is accumulated, but not generalized…”: Unpublished reports and notes by J.G. Oksman

©, 2018, Maxim Frolov

Abstract: The publication includes J.G. Oksman's reports and notes on questions of textual criticism, first published on transcripts (Archive of the Russian Academy of Sciences) and author's autographs (RGALI). The introductory article, based on the materials of the scientist's personal archival found, his correspondence with colleagues and other sources, tells about the evolution of the scientist's views on the value and tasks of textology, about his own parennial practice, about his participation in the preparation of academic editions of the A.S.Pushkin's, A.I. Herzen's, V.G. Belinsky's, I.S. Turgenev's heritage, about his experience of solution of textual tasks.

Keywords: J.G. Oksman, A.S. Pushkin, A.I. Herzen, V.G. Belinsky, I.S. Turgenev, textual criticism.

Information about the author: Maxim Frolov, PhD, senior research associate, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: m.a.frolov@gmail.com

Citation: Frolov Maxim. “The great experience is accumulated, but not generalized…”: Unpublished reports and notes by J.G. Oksman. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 384–436.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-437-447
УДК 821.161.1

Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Е.Е. Яшнов)

© 2018, О.К. Переверзев, С.И. Субботин

Аннотация: Биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» (с 1989 г. вышло пять томов: «Абаза К.К. — Солоницын В.Ап.») стал одним из наиболее масштабных проектов отечественного литературоведения. Значение словаря не только в итоговом корпусе (максимально точные и полные данные по биографиям около 2000 русских литераторов, включая библиографические и архивные указания), но и в том мощном импульсе, который получила историко-литературная наука в результате многолетней и скрупулезной работы над этим изданием. Словарь стал научной школой не для одного поколения исследователей, школой необычайно плодотворной и строгой. Создатели, авторы словаря и редакция «Литературного факта» надеются, что в следующем году — в год 30-летия первого тома, выйдет в свет 6-й том словаря, завершающий основной словник издания. К сожалению, строго ограниченный объем финального тома требует максимальной сжатости статей. Тут будет недопустима та свобода в подаче материала, которую обрели тома 3–5 (заинтересованные читатели видят разницу, сравнивая с первым томом, когда редакция и авторы еще «робели» и оглядывались на пропорции БСЭ). Публикация расширенных (авторских) версий статей шестого тома «РП» приобретает особое значение: возможно, эта работа, проведенная последовательно, станет особым академическим проектом. «ЛФ» постарается предоставить свои страницы для препринтов этого проекта, его обсуждения, с возможной последующей реализацией томов «С — Я» в полном объеме.

Ключевые слова: биографии писателей, энциклопедии и словари, Е. Яшнов, русская литература конца XIX — начала XX вв.

Информация об авторах: Олег Константинович Переверзев, историк литературы, краевед, Москва, Россия.

Сергей Иванович Субботин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия.

E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Цитирование: *Переверзев О.К., Субботин С.И.* Из словаря «Русские писатели. 1800–1917» (Е.Е. Яшнов) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 437–447.

ЯШНОВ Евгений Евгеньевич [16(28).11.1881, Норская мануфактура под Ярославлем — 25.6.1943, Шанхай; прах перезахоронен в Свердловске, кладб. не сохр.], поэт, автор рассказов и очерков; экономист-статистик. Из старообрядч. семьи. Отец, Евг. Григ. (1851–85), из крестьян Нижегород. губ., служил на Норской мануфактуре; мать — из яросла в. мещан. В 14 лет Я. «убежал из родного дома, не выдержав тяжелого режима, установленного матерью» (В.А. Смирнов — РГАЛИ, ф. 469, оп. 1, № 25); прошел от Ярославля до Астрахани, где «прожил некоторое время в рыбачьем стане» (предисл. в кн. Я. «Стихи», [Шанхай], 1947, с. VIII); впечатления этого времени — в рассказе «Бездомные (Из записных книжек)» («Сев. край», 1904, 1 апр.; др. ред. — «Самар. курьер», 1905, 11 сент.), стих. «В Астраханской губернии» (1914; опубл. 1947). Вернувшись в Ярославль, окончил гор. уч-ще (1898). Позже вспоминал, как в те годы, не имея «ни знаний, ни опыта, ни руководителей, тыкался… туда и сюда, словно щенок, потерявший свою конуру», думал о самоубийстве (см. автобиогр. рассказы «Пережитое» — «Сев. край», 1902, 11 янв.; «Сейчас…» — там же, 1904, 4 апр.), «но уже с 21–22 лет… понемногу черепашьим шагом стал находить себя» (цит. по: Х и с а м у т д и н о в, 1999, с. 219).

После лит. дебюта Я. — рассказа «В поезде» («Сев. край», 1899, 25 дек.; «цикл» путевых зарисовок продолжают рассказы «В вагоне» — там же, 1903, 17 июля; «В дороге» — там же, 1904, 14 марта) — издатель «Сев. края» Э.Г. Фальк, в типографии к-рого Я. работал наборщиком, устраивает его в своей газете корректором.

Я. печатался в «Сев. крае» и в дальнейшем — до приостановки изд. в июне 1904: рассказы «В тумане…» (1900, 15 мая), «В тихом пристанище» (1901, 31 янв., 1 февр.), «В конторе провинциальной газеты (Набросок)» (1902, 11 авг.), «Отрывки из записок моего знакомого» (1903, 23 апр., с посв. А. Е. Антонову), «Впечатления» (1903, 6 мая), «Ночью» (1903, 26 июня), «Осенью» (1903, 10 июля), «Под крыльями черной птицы» (1904, 7 февр.; др. ред. — «Самар. курьер», 1905, 28 сент.), «В темных коридорах (с итал.)» (1904, 13 мая) и др.

В 1899 арестован на две недели за принадлежность «к партии, распространявшей преступные идеи» (ГАРФ, ф. 102, 6-е д-во, 1914 г., д. 11,

л. 91; см. также: там же, 3-е д-во, 1900 г., д. 1, ч. 85, литера А, л. 8об.–9). В февр.-апр. 1902 в заключении «по делу о преступном кружке, образовавшемся среди рабочих Ярослав. Большой мануфактуры» (там же, 6-е д-во, 1914 г., д. 11, л. 91). Освобождён за недостатком улик, но выслан в Самару под надзор полиции. В «Самар. газ.» поместил в 1902 рассказы «Привет» (14 апр.), «Вечером» (11 мая), «Тени» (23 мая; перепечатано: «Сев. край», 28 мая), «Ночью» (31 мая; перепечатано: «Сев. край», 5 июня). Познакомился со Скитальцем (см. восп. В.Ф. Петровой — «Наш современник», 2011, № 12, с. 235) и с А.А. Смирновым (Треплевым), ставшим его ближайшим другом (ему посв. стих. «Перед отъездом» — «Рус. обозр.», Харбин, 1921, № 3/4). В июне переведён в Вологду, где служил счётчиком в оценочном бюро губ. земства. В марте 1903 вернулся в Ярославль, вновь был принят в «Сев. край» корректором и возобновил общение с кружком лит. рев. молодежи, в т. ч. с В.А. Смирновым, Н. Каржанским и И.П. Каляевым. А.В. Тыркова вспоминала «самодельного интеллигента» Я., к-рый был «самолюбив и застенчив… до резкости» и «потрясал своими марксистскими лозунгами, как шашкой» (Тыркова-Вильямс А., На путях к свободе, М., 2007, с. 109–10; здесь же ошибочное упоминание о якобы печатавшихся в «Сев. крае» стих. Я.).

Памяти Каляева Я. посвятил стих. в прозе «Сказка» («Самар. газ.», 1905, 9 июня, с посв. И. К.; сообщено М.А. Перепёлкиным), стих. «С лицом ребенка, с душой мятежной…» («Зеркало», 1906, № 1; текст предварен портретом Каляева) и стихотв. воспоминание об их последней встрече «Прощание» («Голос», 1906, 7 июня, с посв. «Памяти И.П. Каляева»).

Благодаря Каляеву Я. выучил польск. яз.: перевел кн. В. Гомулицкого «Польская революция 1830–1831 гг.» (СПб, 1906, с предисл. и прим. Я. под псевд. Е. Чернский), стих. в прозе С. Жеромского «Мне отмщение» («Мысль», 1906, 30 июня). Возможно, Я. принадлежат и пер. с польск. за подписью А. Червленый: стих. в прозе «Бесконечность» К. Тетмайера («Сев. край», 1904, 12 марта) и фрагменты «Из книги Эдмунда Бедера “Жизнь”» (там же, 13, 25 марта, 2 апр.).

По-видимому, влиянием совр. польск. писателей объясняется интерес Я. к жанру стих. в прозе: «Утро» («Сев. край», 1904, 28 февр.), «Ярмарка» (там же, 13 марта), «Река» (там же, 16 апр.), «По морю» (там же, 17 апр.), «В часы раздумья» («Самар. курьер», 1905, 1 мая) и др.

В окт. 1903 вновь арестован за хранение нелег. лит-ры. По янв. 1904 находился в яросла в. тюрьме (там изучил нем. яз.), затем выслан в Вологду (вместе с другом-литератором М.И. Немоловским). Посылает в «Сев. край» заметки (печатались в осн. под рубриками «Вологда» и «Вологод. письма»), гл. обр. за подписью Vox (в газ. трижды опечатка — Yox).

По словам мемуариста, это общий псевд. Я. и Немоловского (В. Смирнов, указ. соч.). Однако корреспонденции Немоловского шли под др. подписями (Новый, Н., N.), а псевд. Vox принадлежал только Я., к-рый пользовался им и позднее, в газ. «Самар. курьер» (публиц. этюд «Зрелищ!» — 1905, 4 февр.) и в ж. «Зеркало» (вышел единств. номер — 1906, № 1, где Я., будучи издателем-редактором и ведущим автором, поместил проникнутые рев. пафосом стих. в прозе «Ночная фантазия», стих. «Смотрите, вьются во мраке птицы…», «Целую жизнь его гнали…»).

В сер. 1904 переехал в Самару, где возобновил сотрудничество с «Самар. газ.» и стал печататься в газ. «Самар. курьер» [первая из его статей здесь — «По городам и весям» (14 июля) — подписана «Семуа» (от франц. «C'est moi» — «это я»)]; заведовал там «областным отделом, вёл земскую и городскую хронику… писал срочные областные фельетоны» (письмо В.А. Смирнову от 2 февр. 1906 — РГАЛИ, ф. 469, оп. 1, № 60, л. 9об.). Большинство его мат-лов в «Самар. курьере» печаталось под псевдонимами или без подписи, в т.ч. ок. 70 заметок под рубрикой «Маленькая хроника» (1904, 16 июля … 1905, 16 июля), обзоры «Областная жизнь» (1904, 4 дек. … 1905, 10 февр.), цикл очерков «По уезду» (1904, 28 июля … 1905, 11 июня), рассказы «Омут (Набросок)» (1904, 15 авг.), «Урожай» (1904, 12 сент.). Выступал в газ. и под собств. фам.: этюд «Катя Реймер (Картинка)» (1905, 6 янв.) и др.

Как автор малой прозы Я. примыкал к чеховской традиции [см. размышления одной из героинь рассказа «Шура» («Сев. край», 1902, 19 сент.; др. ред. — «Самар. курьер», 1905, 20 сент.) о пов. А.П. Чехова «Степь»]. Он описывал судьбы женщин, стесненных обстоятельствами жизни в семье [«„Двужильная“ (Эскиз)» — «Самар. курьер», 1905, 24 марта; «Недотрога» — там же, 17 апр., пасхальное прил.], людей, лишившихся прочного жизненного уклада («Под изломом» — там же, 1, 4 янв.). В этюде «Ночной порой» (там же, 4 февр.) дан убедит. психол. портрет ребенка, потерявшего мать и внезапно ощутившего ужас одиночества.

Первая выявл. публ. стихов Я. — «Новогоднее. (Отрывок)» («Самар. курьер», 1905, 1 янв.). Насыщенное рев. риторикой стих. тяготеет к сложившейся в XIX в. традиции рус. переводов из Г. Гейне (с их т. н. холостыми строками); «гейневский» тип строфики и рифмовки и в стих. «Люди

ждут… На небе тучи…» («Самар. газ.», 1905, 29 марта), «В дворянской усадьбе» (там же, 9 июня). Во втором стих. из цикла «Осенние мотивы (I. „Поднимает утро над рекою…“; II. „Осенний вечер сквозь сеть сквозную…“)» («Самар. курьер», 1905, 25 сент.) и в нек-рых позднейших стихах использовал 4-стопный ямб с цезурным наращением, получивший распространение в рус. поэзии после опытов К.Д. Бальмонта и М.А. Лохвицкой.

В сент. 1905, после снятия полиц. надзора и ограничений в выборе места жительства, переехал в Петербург, где стал сотрудничать как в большевистских [рассказы «По этапу (Из недавнего прошлого)» («Новая жизнь», 1905, 1 дек.), «Передовой пост» («Наша мысль», 1906, № 1/2; вошел в сб. «В борьбе», в. 3, СПб, 1906); стих. «Рабочая песня» («Б-ка наших читателей», 1906, № 2), «Перед походом» («Волна», 1906, 1 мая)], так и в эсеровских изд.: стих. «Из песен карбонариев (с итал.)» («Голос», 1906, 2 июня), «Песни» (там же, 4 июня), «Из песен труда» («Мысль», 1906, 21 июня). В ж. «Вест. жизни» (1907) вышли рассказ «Иуда» (№ 1) и стих. «Прибой» (№ 2).

Общался с Ф. Сологубом, Вяч.И. Ивановым, встречался с А.А. Блоком, «стихи которого очень высоко ценил» (предисл. в кн. Я. «Стихи», [Шанхай], 1947, с. VIII) и характеристику поэзии и творч. личности к-рого дал в ст. «Попутные мысли» («Рус. жизнь», Харбин, 1922, в. 3).

В 1906 выпустил две книги (обе СПб.): «Голоса молодости», куда вошли три «исключительно тенденциозных» (письмо В.А. Смирнову от 2 февр. 1906 — РГАЛИ, ф. 469, оп. 1, № 60, л. 10) рассказа, и брошюру «В каменном городе» (кроме одноим. рассказа, вкл. стих. «Из книги новых пророчеств»), к-рая была арестована, как и ее переиздание под загл. «В столице» (СПб, 1907).

После возвращения из Европы, где он находился в нач. 1907 «в качестве корреспондента какой-то газеты» (предисл. в кн. Я. «Стихи», [Шанхай], 1947, с. VIII; см. также: Переверзев, Субботин, с. 229–30), отстранился как от полит., так и от публичной лит. деятельности.

«Я доволен, что избавился от „товарищей“, от мелких и назойливых партийных интересов, от всей бестолочи среднеинтеллигентского бытия» (письмо В.А. и Е.В. Смирновым от 16 окт. 1908 — РГАЛИ, ф. 469, оп. 1, № 68, л. 30об.; ср.: Бонч-Бруевич, с. 73–74).

Летом 1907 выехал в Москву, а потом в Ташкент, где, став статистиком Сыр-Дарьинской статистич. партии Туркестан. переселенч. управления, вел «полуфантастическую скитальческую жизнь» (В. Смирнов, цит. соч.).

В марте 1912 А. Смирнов предложил стихи Я. в сб-к «Знание», однако М. Горький отклонил их, укорив автора в вычурности, кокетстве и подражательности: «„Лазоревка, тинькая, бога на ветку зовет“ — а я не верю этому, и мне кажется, что лазоревка-то — Зинаида Гиппиус» (Смирнов

(Треплев) А., с. 412–13; см. также: «Наш современник», 2011, № 12, с. 232; письмо Смирнова — ИМЛИ, Архив А.М. Горького, КГ-П 73-1-2).

К этому времени Я. опять поселился в Самаре, поступив на службу статистиком в губ. земство. Впечатления от поездок по губернии — в стих. «Брошенная изба» (РМ, 1922, №1/2), «В деревне» («Рус. обозр.», Харбин, 1921, № 3/4), «Пропала во мраке тропинка...» («Рус. обозр.», Пекин, 1921, № 5) и в цикле очерков «У истоков революции. Из восп. земского статистика» (там же). В Самаре познакомился с Н.С. Ашукиным [Я. посвящены стих. Ашукина «Забытая кошка» («Путь», 1914, № 1), «В пути, на кочевом привале…» (в кн. Ашукина «Скитания», М., 1916); посвящение-ответ Я. на первое из них — стих. «Осеннее утро» (опубл. 1947; 1-я ред. — РГАЛИ, ф. 1890, оп. 3, № 502, л. 4об.)], а через него — с Л.Н. Зиловым (фрагмент из письма Я. к нему от 27 февр. 1914 — «Рус. усадьба», 2006, в. 12, с. 430, публ. Л. Фатуевой), П.С. Сухотиным, Ю.В. Соболевым (ему посв. стих. 1914 «Жизнь дорога своими острыми…» — «Наш современник», 2011, № 12) и др. Публ. стих. Я. до 1917 — «Весна» («Путь», 1913, № 5/6); цикл «Нищие (I. „Герасим на чужом крыльце…“; II. „Видит плохо, жизнь слабее…“)» [ЕЖЛ, 1914, № 4; в ст. Ю. Зубовского «Среди книг и журналов» («Провинц. голос», Умань, 1914, 2 июля) первое стих. цит. целиком как пример сочинений «несомненной даровитости», к-рые «по своей художественной ценности совершенно не уступают произведениям уже общепризнанных авторов»].

Стих. Я. «В Красноярском бору», поступление к-рого в ЕЖЛ зарегистрировано в мае 1914 (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, №. 1345, л. 28об.; справка Т.В. Мисникевич), к печати принято не было; опубл. позднее: «Рус. обозр.», Пекин, 1921, № 5.

Весной 1914 вернулся в Туркестан, летом оказался по делам службы в Сев. Персии; лит. итогом этой поездки стал стихотв. цикл «На пути в Афганистан» (опубл. 1947), к к-рому примыкают стих. «Бездомный пёс» («Рус. обозр.», 1921, № 5; посв. Л. А. Зандеру), «Степь, озаренная луной…» (там же, № 8/10) и др. В сент. 1915 переведен в Петроград на должность статистика-экономиста при управлении делами Особого совещания по продовольствию (после Февр. революции — Мин-во продовольствия),

где прослужил до осени 1917. Среди его работ этого времени — ст. «Колонизация Туркестана за последние годы» (сб. «Вопросы колонизации», в. 18, П., 1915), «Продовольственный вопрос в Сибири в 1915–1916 гг.» (там же, в. 19, 1916), кн. «Достаточно ли хлеба в России?» (М., 1917). Одно из стих. Я. этого периода посв. философу С.А. Алексееву (Аскольдову): «Заворожил нас Петроград…» (опубл. 1947).

После окт. 1917 переехал в Омск, где продолжил свою проф. деятельность как статистик «Центросибири» (Союза кооперативных объединений Зап. Сибири): статьи в ж. «Промышленность Зап. Сибири», брошюра «Постановка и объединение кооперативной статистики в Сибири» (Томск, 1918). Как уполномоченный Сиб. правительства по связям с Комучем в авг. 1918 находился в Самаре [см. его интервью: «Вест. К-та членов Всерос. Учредит. собрания», 1918, 17 авг., сообщено М.А. Перепёлкиным; Шевелев Д., Сиб.-Рос.-Рус. телеграфное агентство и его роль в информац. обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражд. войны. — «Вест. Томского гос. ун-та», 2011, № 2(14), с. 114–15]. Участник Уфимского гос. совещания (сент. 1918). В нояб. 1918 направлен П.В. Вологодским на Д. Восток для оценки обстановки в регионе (см. интервью Я. — «Заря», Омск, 1919, 3 янв.). С кон. 1919 — во Владивостоке (консультант и секр. совета Ведомства финансов при большевистском правительстве В.Г. Антонова). Общался с А. Несмеловым и др. местными поэтами [см. его рец. на сб. Несмелова «Стихи» (Владивосток, 1921) с выпадом против «истерического полуфутуризма г.г. Третьяковых, Асеевых и т. п.» («Рус. обозр.», 1921, № 8/10, с. 269)]. В 1921 переселился в Харбин, служил в экономич. бюро КВЖД. В 1921–24 выступал в кит. русскоязычной прессе как экономист, поэт, публицист, лит. и худож. критик. В ж. «Рус. обозр.» (1921) вышли циклы стих., написанных в 1-й пол. 1910-х гг.: «Стихи о России» (№ 3/4; отклик: Арнольдов Л., Нечаянная радость. — «Новь», Харбин, 1921, № 30), «Муза странствий» (№ 5), «Степные ночи» (№ 8/10); в альм. «Рус. жизнь» (Харбин, 1922) — ст. «Мысли о революции» (в. 1; отклик: «Красная новь», 1922, № 4, подпись В.Ч.), «Нищета рационализма» (в. 2; отклик: Д. Баров — «Сиб. огни», 1922, № 3), «Попутные мысли» (в. 3; отклики: Устрялов Н., Ignis sanat — там же; А. Изгоев — РМ, 1923, № 1/2). Еще одна публ. стихов Я. («Взвевает ветер космы мятежа...»; «Ветер [I. “О, вольный ветер, как люблю...”; II. “С какой тоской порой ночной...”]»; «После грозы», «На исходе ночи», «На рыбалке») состоялась в Праге (РМ, 1922, № 1/2).

В 1923 побывал в Москве, в 1926 — в Хабаровске. Впечатления о моск. встречах суммированы в ст. «После поездки в Россию (Выводы и размышления)» («Рус. жизнь», 1923, в. 4), где Я. признавал большевиков «наиболее полным выражением торжествующей революции, натянутыми

парусами истории», чей путь «определялся не женевскими брошюрками, а историческим ветром» — «в отличие от нас, пытавшихся грести наперекор стихиям», а потому «замена большевиков какой-либо другой властью ничего, кроме ухудшения, не обещает» (с. 28).

Активно сотрудничал в выпускавшемся Управлением КВЖД ж. «Вест. Маньчжурии» (1925–34), опубл. капитальный труд «Кит. крест. хозяйство в Сев. Маньчжурии» (Харбин, 1926; малая серебр. медаль РГО, 1928; пер. на кит. и япон. яз.), а также кн. «Особенности истории и хозяйства Китая» (Харбин, 1933), в к-рой впервые (см., напр.: Азроянц Э., Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Совр. тенденции мирового развития и полит. амбиции, М., 2002, с. 238–41; Нефедов С., Концепция демографич. циклов, Екатеринбург, 2007, с. 10–12) описал т.н. демографич. циклы и, определив их хронологич. рамки на примере Китая, показал, что окончание цикла неизбежно сопровождается катастрофой (см. стих. «Математически исчислишь / Что гибель близится...», 1938, опубл.: «Д. Восток», 1991, № 11).

Отражение бесед этого времени с друзьями — в стих. «Отрывок» (1933, посв. Н. В. Устрялову; публ.: «Наш современник», 2011, № 12): «Порой Устрялов женственно-поспешно / На сущее клал розовые краски. / В сердца угасшие хотел Сетницкий /Вдохнуть живую веру в воскресенье. / Их вразумить пытался тщетно Яшнов /Невразумительною пьяной речью…».

В 1934 оставил работу на КВЖД; в 1935 уехал в Тяньцзин. Затем жил в Пекине и (с 1938) в Шанхае.

Др. произв.: статьи: «К вопросу о продовольств. плане» («Изв. Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольств. делу», 1916, № 28), «Евгенизм» (альм. «Сунгарийские вечера», тетр. 1, Харбин, 1923); монографии (все Харбин): «Население и крест. хозяйство Китая» (1926), «Кит. колонизация Сев. Маньчжурии и ее перспективы» (1928), «Сел. хозяйство Китая в цифрах» (1933), «Очерки кит. крест. хозяйства» (1935).

Изд.: Стихи, [Шанхай], 1947 (предисл. Л.Г. Яшновой; рец. — «Новая заря», Сан-Франциско, 1947, 11 окт., подпись Ю.Ш. [см.: Хисамутдинов, 2007, с. 268)]); «Заблудились мы, Россия...»: [Стихи] — «Д. Восток», Хабаровск, 1991, № 11 (предисл. и публ. Л. Князева); Рус. поэзия Китая, М., 2001; Стихи разных лет. — «Наш современник», 2011, № 12 (публ. и подг. текстов О. Переверзева и С. Субботина).

Лит.: Горький, XXIX; Горький. Письма, X (оба — ук.); Гинс Г., Сибирь, союзники и Колчак, Пекин, 1921, т. 1, с. 205; т. 2, с. 156 (рец. Я. на т. 1 — «Рус. обозр.», 1921, № 3/4); Колосов Е., Сибирь при Колчаке. Восп., мат-лы, докты, П., 1923 (ук.); Бонч-Бруевич В., Большевист. издат. дела в 1905–07 гг.

Мои восп., Л., 1933, с. 72–74; Перелешин В., Поэт Евг. Яшнов. — «Нов. рус. слово», 1972, 11 июня; его же, Два полустанка. Восп. свидетеля и участника лит. жизни Харбина и Шанхая, Амстердам, 1987 (ук.); Курбатов Ю., Польск. восстание 1830–1831 гг. в освещении рус. дорев. марксистской лит-ры. — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории, М., 1983, с. 136–41; Мугрузин А., Я. об особенностях экономики и истории Китая. — «Народы Азии и Африки», 1984, № 3; Таскина Е., Дороги жизни Я. — «Проблемы Д. Востока», 1993, № 4; Белоглазов Г., Теория эволюции аграрного строя Китая и Маньчжурии в трудах Я. — «Россия и АТР», 1998, № 4; Воробьёв О., «Полит. эмиграция — не наш путь»: письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому 1930–1935 гг. — «Ист. архив», 1999, № 1, с. 208; № 2, с. 99…119; № 3, с. 110…159 (Я. как «Е.Е.» или «дядя Женя»); Хисамутдинов А., Поэт и ученый Евг. Евг. Яшнов. — «Россияне в Азии», Торонто, 1999, № 6; его же, Я. — ученый и поэт. — «Проблемы Д. Востока», 2002, № 4; Rusnak S., Н.В. Устрялов и евразийцы. — «Revue des Études slaves», 2001, t. 73, f. 2/3, p. 320–22; Говердовская Л., Обществ.-полит. и культурная деятельность рус. эмиграции в Китае в 1917–1931 гг., М., 2004, с. 125, 129–30; Слободчиков В., О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай, М., 2005 (ук.); Квакин А., Между белыми и красными: рус. интеллигенция 1920—1930-х гг. в поисках Третьего Пути, М., 2006, с. 89–92, 229–30; Смирнов (Треплев) А., Театр душ: стихи, критич. этюды, восп., письма, Самара, 2006 (ук.); Врем. Сиб. правительство (26 мая — 3 нояб. 1918 г.). Сб-к док-тов и мат-лов, Новосиб., 2007 (ук.); Устрялов Н., Письма к П.П. Сувчинскому: 1926–1930, М., 2010, с. 19, 67; его же, Избр. труды, М., 2010 (ук.); Переверзев О., Субботин С., На голой грани бытия: К 130-летию со дня рождения Я. — «Наш современник», 2011, № 12; Кириллова Е., Ориентальные темы, образы, мотивы в лит-ре рус. зарубежья Д. Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов), Владивосток, 2015, с. 234–51 (гл. 4); Субботин С. «... раскрывает внутреннюю биографию романтиков революции...»: Евгений Яшнов об Александре Блоке. — В кн.: Александр Блок: Исследования и мат-лы, <т. 5>, СПб, 2016, с. 398–412. ♦ Некролог: «Шанхайская заря», 1943, 26 июня (Л. Ар[нольд]ов; см.: Хисамутдинов, 1999, с. 230); Алфавитный ук. книгам и брошюрам, арест на к-рые утвержден судебными установлениями … по 1 янв. 1908, СПб., 1908; … по 1 янв. 1909, СПб., 1909; Скачков П., Библ. Китая, М., 1960 (ук.); История Маньчжурии XVII–XX вв. Библ. ук., кн. 1, Владивосток, 1981; Кузнецова Т., Деятели рус. книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. Биогр. словарь, Хабаровск, 1998; Хисамутдинов А., Рос. эмиграция в Азиатско-Тихоокеан. регионе и Юж. Америке. Биобибл. словарь, Владивосток, 2000; его же, Рос. толмачи и востоковеды на Д. Востоке: мат-лы к биобибл. словарю, Владивосток, 2007; Лит-ра рус. зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае). Библ., Харбин, 2001; Россия и

рос. эмиграция в восп. и дневниках. Аннотиров. ук. …, М., 2005–06 (ук.); Альм. и сб. (1); Фостер; ЛЭ рус. зарубежья, т. 2 (ук.); Масанов (не указаны псевд.: Богема; Имярек; Е. Чернский; Е. Я.; Е. Яш.; -инъ; О.Х.; С.; Семуа; С-инъ; Слобожанинъ; С-нъ; С-нинъ; Странникъ; Х.; Х-ъ; -ъ; Я.; Vox).

А р х и в ы : РГАЛИ, ф. 469, оп. 1, № 60 и 68 (стихи, письма В.А. Смирнову, Е.В. Приваловой-Смирновой и их дочерям); ф. 1151, оп. 1, № 1 (протоколы заседаний ред. газ. «Сев. край» с участием Я.); ф. 1890, оп. 3, № 502 (стихи, письма Н.С. Ашукину); ф. 2871, оп. 3, № 534 (письма Г.Н. Дикому); ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 1306 (письма В.С. Миролюбову; справка Т.В. Мисникевич); собр. А.А. Хисамутдинова, Владивосток (стихи, статьи, автобиогр. мат-лы, переписка); ГАРФ, ф. 102, 3-е ДП, 1900 г., д. 1673; 7-е ДП, 1903 г., д. 2648 (ч. 3), д. 18208 (об арестах Я.); ГА Ярослав. обл., ф. 906, оп. 4, д. 349 (по обвинению Я. и др. в хранении и распространении нелег. лит-ры); The Hoover Institution on War, Revolution and Peace (Stanford, USA), N. Ustrjalov's coll. (письма Н.В. Устрялову).

Литература

Кириллова Е.О. «Всё в мире суета и тлен, / Недвижим лишь Китай»: Азия в творчестве статистика и поэта русского зарубежья Дальнего Востока Евгения Евгеньевича Яшнова // Кириллова Е.О. Ориентальные темы, образы, мотивы в литературе русского зарубежья Дальнего Востока (Б.М. Юльский, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Владивосток: Дальневосточный гос. университет, 2015. С. 234–251.

Переверзев О.К., Субботин С.И. На голой грани бытия: К 130-летию со дня рождения Евгения Яшнова — поэта, путешественника, ученого // Наш современник. 2011. № 12. С. 227–235.

Субботин С.И. «...раскрывает внутреннюю биографию романтиков революции...»: Евгений Яшнов об Александре Блоке // Александр Блок: Исследования и материалы. Т. 5. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 398–412.

Хисамутдинов А.А. Е.Е. Яшнов — ученый и поэт // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 169–177.

Хисамутдинов А.А. Поэт и ученый Евгений Евгеньевич Яшнов // Россияне в Азии (Торонто). 1999. № 6. С. 219–234.

References

Khisamutdinov A.A. E.E. Iashnov — uchenyi i poet [Ye.Ye. Yashnov — a scientist and a poet]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2002, no. 4, pp. 169–177. (In Russ.)

Khisamutdinov A.A. Poet i uchenyi Evgenii Evgen'evich Iashnov [A poet and a scientist Yevgeny Yevgenievich Yashnov]. *Rossiiane v Azii*, 1999, no. 6, pp. 219–234. (In Russ.)

Kirillova E.O. "Vse v mire sueta i tlen, / Nedvizhim lish' Kitai": Aziia v tvorchestve statistika i poeta russkogo zarubezh'ia Dal'nego Vostoka Evgeniia Evgen'evicha Iashnova ["Everything in the world is vanity and ashes, / Only China is immovable": Asia in the works by Yevgeny Yevgenievich Yashnov, a statistician and a poet of the Far East Russian Diaspora]. Kirillova E.O. *Oriental'nye temy, obrazy,*

motivy v literature russkogo zarubezh'ia Dal'nego Vostoka (B.M. Iul'skii, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, E.E. Iashnov) [Oriental themes, images, motifs in literature of the Far East Russian Diaspora (B.M. Yulsky, N.A. Baikov, M.V. Shcherbakov, Ye.Ye. Yashnov)]. Vladivostok, Far Eastern State University Publ., 2015, pp. 234–251. (In Russ.)

Pereverzev O.K., Subbotin S.I. Na goloi grani bytiia: K 130-letiiu so dnia rozhdeniia Evgeniia Iashnova — poeta, puteshestvennika, uchenogo [On the bare edge of being: To the 130th anniversary of Yevgeny Yashnov — poet, traveler, scientist]. *Nash sovremennik*, 2011, no. 12, pp. 227–235. (In Russ.)

Subbotin S.I. "...raskryvaet vnutrenniuiu biografiiu romantikov revoliutsii...": Evgenii Iashnov ob Aleksandre Bloke ["...reveals the inner biography of revolutionary romantics...": Yevgeny Yashnov on Alexander Blok]. *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy. T. 5* [Alexander Blok: Studies and materials. Vol. 5]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016, pp. 398–412. (In Russ.)

From the dictionary "Russian Writers. 1800–1917" (Ye.Ye. Yashnov)

© 2018, Oleg Pereverzev, Sergei Subbotin

Abstract: The dictionary "Russian Writers. 1800–1917" (5 volumes appeared since 1989 — "Abaza K.K. — Solonitsyn V. Ap.") is among the most ambitious projects in Russian literary studies. The dictionary containing about 2000 articles about Russian men of letters and having provided a huge corpus of the most exact and comprehensive data including bibliographical and archival indexes, gave a powerful impetus to the literary history in the course of long-term meticulous work on the edition. The dictionary was a stimulating and strict professional school for a generation of scholars. Founders, authors and the editorial board of "Literary fact" expect the 6th volume, the last one of the dictionary, to be published in the coming anniversary year (30 years ago the first volume appeared). Unfortunately strictly limited wordage of the last volume requires conciseness and laconism; creative freedom typical for volumes 3–5 (attentive readers can see the difference between volumes 3–5 and 1–2, when the editorial board and authors were still trying to follow the patterns of the Great Soviet Encyclopedia) is impossible. Hence publication of the enlarged versions of the articles from volume 6 is very important: it is quite possible that this consistent work will become a full-fledged academic project in itself. "Literary fact" plans to publish the preprints and discussions to present the last volume of the dictionary in full.

Keywords: literary biography, encyclopedia, dictionary, Ye. Yashnov, Russian literature of the 19th — early 20th century.

Information about the authors: Oleg Pereverzev, literary historian, local historian, Moscow, Russia.

Sergei Subbotin, PhD, leading research associate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: serg_subbotin@mail.ru

Citation: Pereverzev Oleg, Subbotin Sergei. From the dictionary "Russian Writers. 1800–1917" (Ye.Ye. Yashnov). *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 437–447.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2018 № 9

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 08.11.2018
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 28,0
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №